THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Годъ IX-й. № 3-й

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАРТЪ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ IX-й. **№ 3-й.**

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАРТЪ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1900.

Дозволено цензурою 26-го февраля 1900 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

БИРЖИ ТРУДА ВО ФРАНЦІИ.

(Экономическій очеркъ).

Еще въ средніе вѣка, на зарѣ буржуазно-капиталистической эры, все усиливающаяся мобилизація капитала потребовала удобныхъ средствъ и методовъ его передвиженія. Нужно было найти средство искусственно предупреждать чрезмѣрное скопленіе капиталовъ въ мѣстахъ, гдѣ они переставали быть продуктивными, направляя ихъ въ центры большаго на нихъ спроса. Такъ возникъ вексель, а вслѣдъ за нимъ биржа, сдѣлавшаяся, въ концѣ концовъ, сердцемъ капиталистическаго хозяйства, отражающимъ на себѣ съ необычайной чувствительностью всѣ его боли и нужды, тревоги и радости.

Въ новое время, съ уничтоженіемъ крѣпостничества, т.-е. съ болѣе или менѣе полнымъ освобожденіемъ труда отъ прикрѣплявшихъ его къ опредѣленному мѣсту путъ, съ быстрымъ прогрессомъ путей и средствъ сообщенія, дающимъ рабочимъ классамъ уже фактическую возможность передвиженія, возникла сильная потребность въ центрально-регулирующемъ учрежденіи, способномъ распредѣлять рабочія руки по всей странѣ съ возможно-большей пользой для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ. Такъ возникли на западѣ рабочія биржи, или биржи труда, переживающія пока лишь юношескую эпоху своего развитія, полную надеждъ и идеаловъ, но въ то же время обнаруживающія всѣ симптомы наступающей здоровой возмужалости съ ея разносторонней дѣятельностью и разумной дѣловитостью.

Въ первый разъ счастливая идея биржи труда была провозглашена во Франціи въ началѣ сороковыхъ годовъ. Ея апостоломъ и застрѣльщикомъ явился вѣрный и безупречный рыцарь манчестерской школы Молинари. Въ іюльскихъ номерахъ «Gazette de France» за 1843 годъ былъ напечатанъ цѣлый рядъ его статей, подъ общимъ заглавіемъ «Будущее желѣзныхъ дорогъ», гдѣ онъ, упоенный медовымъ мѣсяцемъ появившихся тогда желѣзныхъ дорогъ, сталъ мечтать о великой преобразовательной миссіи, которую онѣ должны будутъ осуществить по отношенію къ все обостряющемуся соціальному вопросу. На этихъ статьяхъ отпечатлѣлся тотъ духъ энтузіазма, не знавшаго границъ, который проникъ собою всѣ сердца и умы при видѣ новой и великой

культурной силы пара, примѣненнаго къ средствамъ человѣческаго передвиженія. «Открытіе желѣзныхъ дорогъ,—писалъ Молинари,—произвело невыразимое впечатлѣніе на современниковъ. Даже не подозрѣвая всей высокой степени дальнѣйшаго развитія этихъ новыхъ путей сообщенія, многіе пытаются отгадать, какъ отразятся они на будущемъ европейскихъ народовъ, на взаимныхъ отношеніяхъ государствъ и т. п. *)...» Что касается самого автора, то его больше всего интересовалъ вопросъ о вліяніи новаго изобрѣтенія на взаимныя отношенія различныхъ общественныхъ классовъ, на измѣненіе положенія рабочихъ, ихъ заработную плату и другія условія труда. Вліяніе это, по его мнѣнію, должно быть громадное. «Вѣдь, главная причина низкой заработной платы,—аргументируетъ авторъ,—заключается въ нецѣлесообразномъ распредѣленіи въ странѣ рабочихъ рухъ, въ диспропорціи между наличнымъ спросомъ и числомъ рабочихъ въ данной мѣстности, а также въ чрезмѣрномъ скопленіи ихъ въ нѣсколькихъ продуктивныхъ центрахъ. Дайте рабочему классу средства быстраго и дешеваго передвиженія на большія разстоянія, укажите каждому отдѣльному рабочему, гдѣ въ данной моментъ онъ можетъ найти работу на болѣе выгодныхъ условіяхъ, и свободная конкуренція, поставленная въ нормальныя условія, не замедлить довершить остальное. Свободная и правильная циркуляція рабочихъ силъ въ великомъ соціальномъ организмѣ, какъ естественное слѣдствіе такого новаго порядка, необходимо приведетъ къ благу какъ самихъ рабочихъ, такъ и всей страны». Однако, для осуществленія такой цѣлесообразной мобилизаціи труда, кромѣ желѣзныхъ дорогъ и кромѣ свободной конкуренціи, необходимо еще какое-либо *центрально-регулирующее* мѣсто, подобное биржамъ капиталистическаго класса, которое Molinari и предложилъ наименовать «*биржей труда*».

Вслѣдъ, затѣмъ, появилось нѣсколько брошюръ того же автора, задача которыхъ была распространять идею биржи труда въ средѣ французскихъ рабочихъ. Такъ, въ одной изъ нихъ: «*Des moyens d'améliorer le sort des classes laborieuses*» («средства улучшить положеніе рабочаго класса») авторъ проводитъ полную параллель между проектируемыми имъ биржами и существующими. «Биржи труда были бы для сдѣлокъ рабочаго класса тѣмъ же, что существующія—для денежныхъ и другихъ операцій капиталистовъ. Въ каждомъ изъ болѣе важныхъ центровъ земледѣлія и индустріи могло бы быть учреждено опредѣленное мѣсто, куда стали бы обращаться какъ рабочіе, ищущіе труда, такъ и предприниматели, имѣющіе нужду въ рабочихъ. Каж-

*) См. «*Les Bourses du Travail*» par G. de Molinari. Данныя, относящіяся къ современному положенію биржъ во Франціи, взяты нами изъ центральнаго органа ихъ: «L'Ouvrier des Deux Mondes», изъ «Ежегодника парижской биржи труда «(L'Annuaire de la Bourse du Travail) и статьи Fern. Pellutier о биржахъ труда въ «Revue Politique et Parlementaire» за 1899 годъ, т. XXI.

дый день въ этомъ мѣстѣ объявлялась бы высота заработной платы въ различныхъ областяхъ промышленности, и такой «курсъ» биржи труда опубликовывался бы въ газетахъ, какъ это и дѣлается теперь съ курсами биржи капиталистовъ. Такимъ образомъ, рабочіе не только всей страны, но даже и цѣлаго континента могли бы быть освѣдомлены относительно колоссальнаго рабочаго рынка и знали бы, гдѣ въ данный моментъ работа предлагается на болѣе выгодныхъ условіяхъ».

Отъ печатной пропаганды своей идеи Molinari перешелъ къ дѣлу. Въ газетѣ «*Courier Français*», отъ 20 іюля 1846 года, появилась его воззваніе *къ рабочимъ*, въ которомъ онъ предлагаетъ парижскимъ рабочимъ, впредь до устройства биржи, воспользоваться безвозмездными услугами газеты, къ изданію которой онъ намѣренъ приступить исключительно въ видахъ содѣйствія рабочимъ въ пріисканіи труда. «Въ числѣ упрековъ, выраженныхъ по адресу той экономической школы, къ числу адептовъ которой я имѣю честь принадлежать,—читаемъ мы въ этомъ воззваніи,—находится и тотъ, что школа эта совершенно равнодушна къ судьбѣ рабочихъ классовъ. Утверждаютъ даже, что практическое осуществленіе доктринъ этой школы отразилось бы на этихъ классахъ самымъ вреднымъ образомъ и что абсолютное господство нашей свободы не замедлило бы привести къ самому тяжкому гнету или къ страшной анархіи»... Подобныя заявленія авторъ называетъ «жалкими софизмами»: «не въ свободѣ конкуренціи лежитъ зло,—говоритъ онъ,—а въ тѣхъ многочисленныхъ путахъ, которые мѣшаютъ полному расцвѣту этой свободы». Въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ, Molinari разъясняетъ рабочимъ всѣ блага, ожидаемыя имъ отъ проектируемыхъ биржъ труда, способныхъ вѣрнѣе, чѣмъ какія-либо другія покровительственныя мѣры, улучшить матеріальное положеніе трудящихся. Въ концѣ своего воззванія авторъ, предлагая парижскимъ рабочимъ свои безвозмездныя услуги, проситъ ихъ оказать поддержку его полезному предпріятію.

Доброжелательныя затѣи Molinari не встрѣтили, однако, сочувственнаго отклика въ средѣ рабочихъ. Одни отнеслись къ нимъ съ равнодушіемъ, другіе даже враждебно. Такъ, въ газетѣ «Работникъ» воззванію Molinari была посвящена статья, въ которой весьма любезно отдавалось должное его добрымъ намѣреніямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ само предпріятіе отвергалось, какъ непрактичное. «Конечно,—замѣчаетъ газета,—правительству слѣдовало бы отмѣчать тѣ пункты территоріи, гдѣ нужда въ рабочихъ силахъ чувствуется наиболѣе интенсивно; ему слѣдовало бы также установить особенный тарифъ желѣзныхъ дорогъ, соотвѣтственно денежнымъ рессурсамъ рабочаго населенія. Но если Molinari полагаетъ, что его биржи труда способны повысить заработную плату, то здѣсь онъ безусловно ошибается: высота ея опредѣляется конкуренціей, и чтобы достигнуть измѣненія положенія трудящихся, надо, прежде всего, измѣнить послѣднюю». Еще

*

болѣе отрицательно къ данному предпріятію отнеслись парижскіе каменотесы. Изданіе проектируемаго «Бюллетеня труда» они прямо-таки нашли вреднымъ для своихъ интересовъ, ибо,—аргументировали они,—публикація болѣе высокихъ парижскихъ «курсовъ» заработной платы привлечетъ лишь въ столицу изъ провинціи новыя рабочія силы, что не замедлитъ, въ свою очередь, отразиться на усиленіи конкуренціи и пониженія существующей платы.

Вскорѣ, затѣмъ, наступили бурные февральскіе дни 1848 года. Послѣ кратковременнаго фарисейскаго заигрыванія временнаго правительства съ рабочимъ вопросомъ послѣдовалъ полный разгромъ парижскаго пролетаріата. Юная республика осталась безъ защитниковъ, среди враговъ и равнодушныхъ, что не замедлило привести къ новой катастрофѣ, 2-му декабря. Въ числѣ эмигрантовъ, бѣжавшихъ отъ бонапартистскаго режима, оказался и нашъ добросердечный манчестерецъ, Molinari, переселившійся въ Бельгію. Идея биржи труда и здѣсь не давала ему покоя. При содѣйствіи своего брата, Евгенія Молинари, онъ основываетъ въ 1857 году въ Брюсселѣ газету «Биржа Труда», первый номеръ которой выпущенъ былъ 17 января. Во вступительной, програмной, статьѣ редакторъ касается, между прочимъ, вопроса объ условіяхъ процвѣтанія народной прессы и о причинахъ постигавшихъ ее до сихъ поръ неудачъ. Откуда эти неудачи?—спрашиваетъ авторъ.

«Прежде всего,—отвѣчаетъ онъ,—неуспѣхъ народной прессы необходимо вытекаетъ изъ недостаточной образованности и невоспитанности нашихъ рабочихъ классовъ, большая часть которыхъ не получила даже элементарныхъ знаній народныхъ школъ. Однако, въ средѣ рабочаго населенія нашихъ городовъ есть не мало лицъ, способныхъ читать газету и интересоваться ею. Наличность такихъ читателей дѣлаетъ, такимъ образомъ, вполнѣ возможнымъ изданіе соотвѣтственнаго печатнаго органа. Если, поэтому, всѣ газеты, адресовавшіяся до сихъ поръ спеціально къ рабочему классу, не пользовались успѣхомъ, то виною этому является не только необразованность рабочихъ, но также неумѣлое веденіе самого газетнаго дѣла. Газета должна быть, прежде всего, собраніемъ новостей и свѣдѣній, полезныхъ для тѣхъ, которые ее читаютъ. Такъ, напримѣръ, что, прежде всего, ищетъ купецъ, банкиръ, фабрикантъ и т. д., развертывая свою газету? Разумѣется, прежде всего, ихъ интересуетъ цѣна тѣхъ или иныхъ товаровъ, положеніе денежнаго рынка и т. п. На какіе столбцы газеты бросается съ самаго начала взглядъ капиталиста, вложившаго свой капиталъ въ бумаги государственнаго займа или въ какое-либо крупное промышленное предпріятіе? На столбцы, гдѣ печатаются обыкновенно биржевые курсы... Итакъ, полезныя свѣдѣнія—вотъ, что должно, главымъ образомъ, заполнить ежедневный органъ и что до сихъ поръ всегда отсутствовало въ газетахъ, предназначавшихся для народа»...

Согласно такой программѣ, братья Молинари и стали выпускать

свою «Биржу Труда». Они обращались за содѣйствіемъ не только къ рабочимъ, но и къ предпринимателямъ, стараясь и послѣднимъ разъяснить ихъ собственныя выгоды отъ успѣха задуманнаго ими дѣла. Несмотря, однако, на все самоотверженіе издателей, газета просуществовала лишь съ 17 января по 20 іюня 1857 года. Съ тѣхъ поръ, никакихъ попытокъ съ ихъ стороны осуществить задуманный планъ «Биржи Труда» не предпринималось, и самая идея такой биржи, казалось, канула въ Лету исторіи «благихъ намѣреній».

Прошло тридцать лѣтъ. Періодъ, самъ по себѣ, незначительный, но въ исторіи народныхъ массъ на западѣ онъ сыгралъ изумительную педагогическую роль. Въ теченіе всей тысячелѣтней исторіи человѣчества ни одинъ, даже болѣе продолжительный, ея періодъ не внесъ въ темные углы народной жизни столько знанія, столько истиннаго воспитывающаго просвѣщенія, какъ эти шестидесятые — восьмидесятые годы. Цѣль всякаго воспитанія—существо воспитуемое изъ опекаемаго сдѣлать «кующимъ самостоятельно свое счастье»—въ эти тридцать лѣтъ была въ значительной степени достигнута. Народныя массы Запада въ эти годы привыкли думать и жить самостоятельно. Не удовлетворяясь образованіемъ, получаемымъ ими въ школахъ, онѣ стали посвящать свое свободное время дальнѣйшему ученію, чтенію, саморазвитію. Въ эти годы возникли народная литература, народная пресса, народныя читальни, чтенія, концерты и т. д.

Первый разъ за всю исторію человѣчества народная масса обнаружила признаки зрѣлости и возмужалости. То, чего прежде не могли достигнуть даже наиболѣе самоотверженныя стремленія интеллигентныхъ идеологовъ, осуществляется теперь съ сравнительной легкостью, съ принесеніемъ значительно меньшихъ матеріальныхъ и нравственныхъ жертвъ, а также съ наибольшей цѣлесообразностью и практичностью. Самоотверженіе и безкорыстіе первый разъ въ исторіи почувствовали подъ собой твердую почву дѣйствительности, первый разъ получили давно искомый и давно желанный рычагъ могущественной коллективности, и неудивительно, если при помощи этого поистину Архимедова рычага съ поражающей быстротой переворачивается весь міръ вѣковыхъ народныхъ привычекъ, инстинктовъ и воззрѣній.

Къ концу тридцатилѣтняго періода, считая съ момента прекращенія выпуска газеты «Биржа Труда», именно 3-го февраля 1887 года, въ Парижѣ совершалось скромное торжество: муниципальный совѣтъ вводилъ представителей мѣстныхъ рабочихъ синдикатовъ во владѣніе предоставленнымъ имъ отъ города помѣщеніемъ для устройства... «Биржи Труда». Идея Молинари, такимъ образомъ, осуществилась и притомъ, какъ читатель увидитъ ниже, въ объемѣ, о какомъ и не смѣлъ мечтать этотъ безкорыстный рыцарь свободной конкуренціи.

На сей разъ парижскіе рабочіе не только не противились устройству своей «биржи», но, наоборотъ, послѣдняя казалась имъ необходи-

мымъ звеномъ ихъ синдикальной организаціи. Самый отводъ подъ биржу городской недвижимости совершился лишь благодаря долголѣтнимъ и настойчивымъ просьбамъ рабочихъ синдикатовъ. Уже въ 1875 году муниципальный совѣтъ Парижа долженъ былъ обсуждать вопросъ о ходатайствѣ рабочихъ, желавшихъ имѣть, «по крайней мѣрѣ, какое-либо крытое помѣщеніе для многочисленныхъ группъ, собирающихся каждое утро въ ожиданіи спроса на ихъ трудъ». Ходатайство это было до такой степени ново для парижскаго муниципальнаго совѣта, что онъ счелъ необходимымъ передать его на «детальное» обсужденіе особенной комиссіи. Вопросъ былъ, такимъ путемъ, снятъ съ очереди, а само ходатайство было навсегда погребено въ комиссіонныхъ актахъ. Такой же судьбѣ подверглись и другія подобныя же ходатайства, вносившіяся въ совѣтъ въ теченіе слѣдующихъ годовъ, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока парижское рабочее населеніе не стало избирать своихъ собственныхъ представителей въ городское самоуправленіе, и городскимъ представителямъ пришлось тогда болѣе серьезно считаться съ его нуждами и запросами. Вмѣсто скромнаго «крытаго помѣщенія», о какомъ парижскіе рабочіе мечтали въ семидесятыхъ годахъ, они имѣютъ теперь цѣлый дворецъ на улицѣ Château-d'Eau, вблизи Place de la République, съ обширными залами для собраній, библіотекой, особымъ періодическимъ органомъ и т. д. Утопія Молинари получила плоть и кровь, и при видѣ красивой биржи улицы Château-d'Eau ему приходилось, вѣроятно, не разъ переживать радостное настроеніе гордаго родительскаго счастія.

Примѣру Парижа послѣдовали рабочіе синдикаты и другихъ городовъ. Биржи труда стали рости, какъ грибы послѣ дождя, и уже въ февралѣ 1892 года могъ состояться въ Сентъ-Этьенѣ первый конгрессъ представителей *четырнадцати* биржъ, организовавшихъ на этомъ конгрессѣ «*Національную федерацію биржъ труда*». Въ іюнѣ 1895 года число биржъ достигло 34, группировавшихъ вокругъ себя 606 синдикатовъ; въ 1896 году къ этимъ тридцати четыремъ прибавилось еще двѣнадцать съ 256 синдикатами. Конгрессъ «Національной федераціи», состоявшійся въ сентябрѣ 1898 года въ Реннѣ, констатировалъ во Франціи наличность пятидесяти одной биржи труда, объединившихъ 947 синдикатовъ, т.-е. 43°/о всего числа профессіональныхъ организацій французскихъ рабочихъ.

Съ тѣхъ поръ спеціальные періодическіе органы биржъ труда не переставали сообщать о дальнѣйшемъ ростѣ этого оригинальнаго теченія въ средѣ французскаго пролетаріата. Все растущая популярность рабочихъ биржъ указываетъ на ихъ практичность и полезность для рабочихъ, и потому является весьма своевременнымъ подвергнуть ближайшему разсмотрѣнію этотъ новый народный институтъ Запада, его задачи, его организацію, сферы дѣятельности и т. д. Такое разсмотрѣніе должно быть тѣмъ болѣе интереснымъ, что, представляя собою

какъ бы нервные центры синдикально-рабочаго организма Франціи, биржи труда съ замѣчательною чуткостью отражаютъ въ себѣ всякія новѣйшія теченія и вѣянія, возникающія въ самыхъ глубокихъ тайникахъ этого организма, равно какъ съ безпримѣрной отзывчивостью относятся ко всѣмъ его новымъ запросамъ и потребностямъ.

Приступивъ къ изученію функцій, исполняемыхъ въ настоящее время биржами труда во Франціи, мы на первыхъ же порахъ были поражены ихъ многосложностью и разносторонностью. Чего только не дѣлаютъ биржи труда для рабочаго класса, какихъ только услугъ ему не оказываютъ! Конечно, не всѣ образовавшіяся биржи проявляютъ одинаковую силу и широту дѣятельности; большая часть изъ нихъ—лишь вешніе всходы и первые побѣги плодотворной идеи; но и теперь уже, по кое-какимъ ея внѣшнимъ признакамъ и силуэтамъ, мы можемъ судить о предстоящей ей въ ближайшемъ будущемъ великой роли.

Пока что, всѣ разнообразныя функціи рабочихъ биржъ мы можемъ распредѣлить на четыре разряда. Къ первому относятся функціи *взаимопомощи* въ дѣлѣ прінсканія работы, поддержки во время безработицы; далѣе, такъ наз. viaticum, т.-е. «дорожная» помощь всѣмъ, отправляющимся искать заработка въ другія мѣста; матеріальная поддержка потерпѣвшимъ отъ несчастныхъ случаевъ и т. п. Ко второй категоріи слѣдуетъ отнести функціи *педагогическія*, состоящія въ устройствѣ библіотекъ, музеевъ, въ организаціи профессіональныхъ курсовъ, чтеній и такъ наз. «генеральнаго» обученія (les cours d'enseignement général). Къ третьей категоріи относятся всѣ мѣры *экономической самозащиты* рабочаго класса противъ стѣснительныхъ условій труда, противъ всего, что такъ или иначе можетъ отразиться неблагопріятно на интересахъ рабочихъ и т. п. Наконецъ, въ—четвертыхъ, биржи труда содѣйствуютъ всѣми мѣрами дальнѣйшей синдикальной организаціи рабочихъ, *устройству кооперативныхъ ассоціацій*, т.-е. производительныхъ и потребительныхъ обществъ; для большей успѣшности такой организаціонной работы, биржи стремятся стать центрами всякаго рода статистическихъ и экономическихъ изслѣдованій и справокъ. Соотвѣтственно такой сложной дѣятельности составляется внутренняя организація рабочихъ биржъ. Такъ, напримѣръ, Сентъ-Этьенская биржа управляется делегаціей, образуемой представителями каждаго синдиката даннаго округа. Каждый синдикатъ отряжаетъ для этого двухъ своихъ членовъ, и общее собраніе всѣхъ такихъ представителей называется «*l'Administration générale*» (главное правленіе). Всѣ они раздѣляются, затѣмъ, на отдѣльныя подкоммиссіи, число которыхъ всегда соотвѣтствуетъ количеству основныхъ функцій, исполняемыхъ биржей. Въ Сентъ-Этьенѣ такихъ субъ-коммиссій пять. Первая—*административная*; ей принадлежатъ исполнительныя функціи. Вторая—*финансово-статистическая*, завѣдующая всѣми формами матеріальной взаимопомощи, статистическими изслѣдованіями и финансовымъ контролемъ. Третья—*учебно-наблюдательная*, слѣдящая

за правильнымъ ходомъ профессіональнаго обученія. Четвертая—*организаторская*, готовая всегда помочь словомъ и дѣломъ всѣмъ, стремящимся къ кооперации, къ устройству потребительныхъ обществъ, производительныхъ товариществъ и т. п. Наконецъ, *пятая* субъкоммиссія завѣдуетъ библіотечнымъ дѣломъ и издаетъ спеціальный биржевой органъ: ей принадлежитъ редактированіе его, организація корреспонденцій, сношенія съ абонентами, закупка новыхъ книгъ для библіотеки...

Кромѣ этихъ постоянныхъ коммиссій, организуются, по мѣрѣ надобности, и временныя; послѣднія распускаются тотчасъ по исполненіи ими возложенной на нихъ задачи.

Послѣ такого общаго перечисленія различныхъ функцій, исполняемыхъ биржами труда во Франціи, перейдемъ теперь къ болѣе детальному ихъ разсмотрѣнію, причемъ, прежде, всего займемся коренной задачей этихъ биржъ, состоящей въ облегченіи рабочимъ поисковъ труда и въ помощи имъ во время безработицы. Въ этой задачѣ заключается самый жизненный нервъ биржъ труда; въ правильномъ и успѣшномъ ея исполненіи кроется залогъ ихъ популярности среди рабочихъ, а слѣдовательно, и ихъ прочности и будущаго процвѣтанія. Въ услугахъ пріисканія труда, приносимыхъ биржей каждому отдѣльному рабочему, заключается могущественное средство вербовки новыхъ членовъ, организаціи новыхъ синдикатовъ. Существующія частныя бюро для ищущихъ труда предлагаютъ свои услуги лишь за извѣстное вознагражденіе, уплачиваемое въ большинствѣ случаевъ впередъ, на рискъ потерять послѣдніе гроши, не получивъ за то никакого мѣста. Неудобство это принимаетъ особенно острый характеръ для всѣхъ тѣхъ, которые получаютъ, обыкновенно, лишь временную работу, такъ какъ тѣмъ чаще приходится дѣлать имъ свои взносы въ частныя посредническія конторы. Въ виду этого, услугами ихъ могутъ пользоваться лишь весьма немногіе, а большинству приходится разсчитывать на собственную энергію, на собственную выдержку и сноровку. Цѣлый рядъ униженій и лишеній, которыя приходится выносить при такихъ условіяхъ, дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ то радостное настроеніе, въ какомъ каждый рабочій обращается къ *своей* биржѣ за содѣйствіемъ въ пріисканіи ему работы, зная впередъ, что за такое содѣйствіе ему не придется платиться послѣдними деньгами. Въ биржѣ труда ему стоитъ лишь заявить свою профессію и свой адресъ; въ случаѣ оказавшагося спроса на его трудъ, ему сообщаютъ объ этомъ немедленно по почтѣ, не взимая даже почтовыхъ расходовъ. Благодаря такимъ услугамъ, авторитетъ биржи труда растетъ даже въ глазахъ наиболѣе равнодушныхъ рабочихъ; этими же услугами объясняется и быстро усиливающаяся популярность ея въ средѣ трудящихся. Но посреднической функціи рабочихъ биржъ оказываютъ покамѣстъ сильную конкуренцію подобныя же муниципальныя бюро. Предлагая рабочимъ самыхъ различныхъ категорій свои даровыя услуги, муниципальныя посредническія конторы пользуются тѣмъ важнымъ преимуществомъ, что

къ нимъ съ большей охотой, чѣмъ къ рабочимъ биржамъ обращаются всѣ работодатели, въ силу чего *спросъ* на трудъ всегда болѣе силенъ въ городскихъ бюро. Отсюда враждебное отношеніе биржъ труда къ муниципальному посредничеству и стремленіе ихъ всѣми силами монополизировать посредническое дѣло исключительно въ своихъ рукахъ. Съ этой цѣлью намѣченъ уже цѣлый рядъ мѣръ, какъ-то: предупрежденіе образованія новыхъ муниципальныхъ посредничествъ въ городахъ, гдѣ его еще нѣтъ, путемъ собственной энергичной дѣятельности; организація посреднической корреспонденціи между ищущими труда и биржами; солидарное содѣйствіе рабочихъ биржъ другъ другу и даже централизація посредническаго дѣла въ одномъ важнѣйшемъ пунктѣ, а также и другія мѣры, дѣлающія ихъ посредничество болѣе цѣннымъ въ глазахъ рабочихъ, чѣмъ услуги, предлагаемыя имъ со стороны муниципалитетовъ. Къ числу послѣднихъ мѣръ, осуществленныхъ уже на практикѣ, относится упомянутый нами выше «віатикъ»—одна изъ значительнѣйшихъ услугъ, оказываемыхъ рабочему существующими биржами. Такъ называемый «віатикъ» состоитъ въ предоставленіи рабочимъ, являющимся въ какой-либо городъ, въ видахъ полученія работы, извѣстнаго даровало помѣщенія, въ самой ли биржѣ или въ снятой для этой цѣли частной гостинницѣ, на все то время, какое необходимо рабочему для посѣщенія всѣхъ мастерскихъ данной профессіи. Если въ результатѣ такого посѣщенія работы не окажется, рабочему предоставляется возможность отправиться въ другой, сосѣдній городъ. Значеніе этой помощи для каждаго отдѣльнаго рабочаго неоцѣнимо. Кромѣ непосредственной пользы, приносимой ему этимъ институтомъ, есть еще не менѣе важная польза косвенная, состоящая въ пробужденіи и укрѣпленіи товарищескихъ чувствъ въ каждомъ рабочемъ, въ поднятіи его духа, въ уменьшеніи бродяжничества и т. д. Благодаря віатику, рабочіе менѣе склонны теперь принимать работу на самыхъ невыгодныхъ для себя условіяхъ, что благопріятно отражается на высотѣ заработной платы и способствуетъ болѣе равномѣрному распредѣленію рабочихъ силъ по отдѣльнымъ городамъ. Въ послѣднее время увеличивается число биржъ, дающихъ странствующимъ рабочимъ пріютъ въ собственныхъ помѣщеніяхъ; съ этою цѣлью залы, предназначенные для собраній рабочихъ синдикатовъ, обращаются на ночь, благодаря системѣ гамаковъ, въ обширные дортуары. Биржа труда въ Béziers отдѣлила для спаленъ два спеціальныхъ зала, для женщинъ и мужчинъ, и даже устроила кухню для тѣхъ изъ женщинъ, которыя почему-либо не желали бы столоваться въ народныхъ кухмистерскихъ. Вечера въ такихъ биржахъ не проходятъ напрасно; собравшихся стараются развлечь чтеніями, общеполезными бесѣдами и т. п., что способствуетъ умственному и нравственному развитію рабочаго класса.

Подобная помощь рабочимъ, къ сожалѣнію, еще недостаточно организована,—нѣтъ, напримѣръ, надлежащаго контроля за приходя-

щими и уходящими, за добросовѣстностью лицъ, пользующихся этой помощью, нѣтъ однообразія и постоянства послѣдней. Зло это, однако, сознано уже биржами, поручившими своему федеральному комитету составить проектъ новой организаціи «віатика». Въ центральномъ ихъ органѣ «*L'Ouvrier des Deux Mondes*» мы находимъ основныя черты даннаго проекта, окончательная судьба котораго должна рѣшиться на международномъ конгрессѣ биржъ труда лѣтомъ 1900 года въ Парижѣ. По новому порядку, «віатикъ» можетъ практиковаться только по отношенію къ рабочимъ, состоящимъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ членами какого-либо профессіональнаго синдиката. Кромѣ того, въ условіе включается также аккуратный платежъ причитающихся съ нихъ членскихъ взносовъ, за исключеніемъ, конечно, безработицы или болѣзни, а также оставленіе прежняго мѣстожительства лишь въ силу потери труда или требованія солидарности. По прибытіи въ новый городъ, рабочій получаетъ отъ секретаря мѣстной биржи адреса всѣхъ существующихъ въ этомъ городѣ мастерскихъ соотвѣтственной профессіи, которыя онъ обязанъ обойти, причемъ эти визиты свидѣтельствуются работающими въ мастерскихъ мѣстными членами синдикатовъ. Найдя работу, пришедшій не въ правѣ принять ее за плату, которая была бы ниже обычной въ данномъ мѣстѣ. Для образованія необходимаго капитала и покрытія текущихъ расходовъ взимается съ каждаго рабочаго *десять* сантимовъ въ мѣсяцъ. Каждые четыре мѣсяца составленная такимъ образомъ сумма распредѣляется по биржамъ, соотвѣтственно ихъ нуждамъ. Въ основу финансовой части проекта было положено статистическое изслѣдованіе слѣдующаго рода. Каждая изъ биржъ труда сообщила федеральному комитету о числѣ членовъ каждаго пріуроченнаго къ ней синдиката, о годичномъ процентѣ лицъ, остающихся безъ работы, о средней продолжительности безработицы и т. д. Въ результатѣ такой анкеты оказалось, что въ годъ на каждые сто рабочихъ 15 остаются безработными, а число прогульныхъ дней простирается до 90 или трехъ мѣсяцевъ, и что на вытекающіе отсюда расходы пойдетъ ежегодно не болѣе 90% всѣхъ членскихъ взносовъ.

Организаціей контроля и финансовой части проектъ федеративнаго комитета не ограничился. Съ момента введенія новаго порядка, этотъ комитетъ станетъ издавать еженедѣльный вѣстникъ, въ которомъ будутъ регистрироваться условія труда въ округѣ каждой отдѣльной биржи, что дастъ возможность каждому рабочему точно знать, въ какомъ направленіи ему слѣдуетъ отправиться за поисками труда и заработка. Если принять во вниманіе, что число всѣхъ рабочихъ, группирующихся около существующихъ биржъ труда, простирается до трехсотъ тысячъ, то важное соціальное значеніе уже одной этой функціи биржъ станетъ особенно яснымъ. Но, какъ мы отмѣтили уже выше, дѣятельность этихъ учрежденій съ каждымъ днемъ растетъ и въ глубину, и въ ширину; кромѣ «віатика», биржи труда даютъ матеріальную

поддержку безработнымъ, больнымъ, потерпѣвшимъ отъ несчастныхъ случаевъ и т. д. Для каждаго такого вида помощи существуютъ особыя кассы и особые взносы. Для покрытія всѣхъ расходовъ предпринимаются экстраординарные сборы во время корпоративныхъ собраній и празднествъ. Кромѣ того, нѣкоторыя биржи имѣютъ кассы безвозмездныхъ ссудъ, подъ одно лишь ручательство синдиката, а также особыя кассы для женщинъ во время родовъ: каждая изъ такихъ женщинъ имѣетъ право на тридцатидневную помощь въ размѣрѣ 3 франковъ 50 сантимовъ ежедневно...

Таковы въ краткихъ чертахъ функціи взаимопомощи, исполняемыя въ настоящее время биржами труда во Франціи. Переходимъ ко второй категоріи дѣятельности этихъ биржъ *къ функціи педагогической.* Тутъ мы встрѣчаемся съ замѣчательной попыткой французскаго рабочаго класса организовать, на свой страхъ и рискъ и по собственной лишь иниціативѣ, воспитательно-образовательное дѣло на совершенно новыхъ началахъ. Въ то время какъ французское правительство вмѣстѣ съ представителями буржуазной интеллигенціи трудятся надъ оживленіемъ застывшей системы средняго и высшаго образованія, французскій пролетаріатъ, опираясь исключительно на собственныя силы, уже фактически реформируетъ народное образованіе соотвѣтственно новымъ запросамъ современной общественной жизни. Удастся ли оффиціальнымъ педагогамъ Франціи обновить среднюю и высшую школу, мы не беремся судить; мы склонны лишь думать, что существенныхъ реформъ отъ этихъ педагоговъ врядъ ли можно дождаться. Разлагающаяся система традиціоннаго образованія будетъ лишь немножко «модернизирована», прикрашена и нѣсколько оживлена. Процессъ разложенія будетъ идти своимъ чередомъ, пока новые ростки, показывающіеся уже и теперь, благодаря частной иниціативѣ, не окрѣпнутъ настолько, чтобы стать рѣшающимъ факторомъ въ тѣхъ или иныхъ судьбахъ просвѣтительнаго дѣла страны. Такіе новые ростки и показываются теперь въ тѣхъ попыткахъ, какія предпринимаются биржами труда въ цѣляхъ *реальнаго* образованія и *общественнаго* воспитанія рабочихъ массъ. Еще въ 1889 году въ зданіи парижской биржи труда засѣдалъ «свободный конгрессъ воспитанія», разрѣшавшій вопросъ объ организаціи просвѣтительнаго дѣла на новыхъ началахъ. Резолюція, принятая этимъ конгрессомъ, гласитъ, между прочимъ, что «общественное воспитаніе должно имѣть цѣлью интегральную культуру человѣческихъ силъ и способностей въ видахъ соціальнаго процесса,—другими словами, оно должно быть подготовленіемъ человѣка въ нравственномъ и промышленномъ отношеніи къ лучшему будущему, несущему съ собой исчезновеніе неравенства и несправедливости, эксплоатаціи и привилегій, невѣжества и суевѣрій». Согласно той же резолюціи, образовательное дѣло «должно носить характеръ исключительно *научный* и опираться на методы наблюденія и экспери-

мента»; воспитательное дѣло должно быть поручено ассоціаціямъ педагоговъ и вестись подъ *контролемъ* всѣхъ классовъ и группъ, являющихся представителями особыхъ соціальныхъ интересовъ, пропорціонально ихъ важности; общественное воспитаніе должно быть не только *обязательно*, но и *доступно* всѣмъ вплоть до шестнадцатилѣтняго возраста; каждое дитя, начиная съ рожденія и до шестнадцати лѣтъ, должно находиться подъ общественнымъ покровительствомъ, защищающимъ его отъ семейнаго, педагогическаго и патрональнаго произвола». На томъ же конгрессѣ была учреждена «международная ассоціація воспитателей» въ цѣляхъ «собиранія документовъ и фактовъ, относящихся къ экспериментальной педагогической наукѣ, а также распространенія идей свободы, справедливости и экономической солидарности между народами» *).

Попытка организаціи международной и свободной ассоціаціи воспитателей, правда, такъ и осталась попыткой; ея рожденіе было преждевременнымъ. Тяжкая экономическая борьба, непосредственныя задачи рабочаго движенія черезчуръ ревниво поглощаютъ пока всѣ свободныя силы современнаго пролетаріата, чтобы воспитательное дѣло могло быть имъ организовано соотвѣтственно идеалу, оповѣщенному впервые парижскимъ конгрессомъ. Но не, смотря на это, желанія, выраженныя на немъ, не остались платоническими; наоборотъ, онъ далъ толчекъ цѣлому ряду мѣръ, предпринятыхъ и осуществленныхъ уже биржами труда для надлежащаго просвѣщенія и воспитанія рабочихъ массъ. То, что еще остается сдѣлать въ данномъ направленіи, превышаетъ, конечно, сдѣланное, но и теперь уже содѣйствіе биржъ труда народному просвѣщенію настолько велико, что Edouard Petit въ своемъ оффиціальномъ рапортѣ министру народнаго просвѣщенія, отъ 27 іюля 1898 года, замѣтилъ по ихъ адресу, что «биржи труда становятся университетомъ рабочихъ» **). И дѣйствительно, внутренняя тенденція этихъ учрежденій отмѣчена имъ вѣрно. Современная биржа труда это еще не развившійся организмъ, это скорѣе соціальный эмбріонъ будущаго, скрывающій въ себѣ здоровыя силы и самыя разностороннія способности.

Биржи труда во Франціи организуютъ профессіональные курсы, распространяютъ общее образованіе, устраиваютъ библіотеки и читальни, основываютъ народную прессу,—словомъ, стремятся всюду распространить свѣтъ реальнаго знанія, чтобы такимъ путемъ возмѣстить тотъ ущербъ, какой терпитъ рабочій въ силу однообразія и чрезмѣрной продолжительности своего труда. Распространяя среди рабочихъ профессіональное образованіе, биржи труда доказали не только

---

*), «*Annuaire de la Bourse du Travail*», 1889: Congrés libre international de l'éducation, tenu á la Bourse du Travail 21—25 Sept. 1889.

**) Rapport au ministre de l'instruction publique, «Journal officiel», 27 juillet 1898.

свою чуткость къ насущнымъ запросамъ рабочаго, но и глубокое пониманіе интересовъ страны. Дѣло въ томъ, что еще въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія былъ констатированъ во Франціи упадокъ ея обрабатывающей промышленности. Первый забилъ тревогу въ 1853 г. де-Лабордъ въ оффиціальномъ докладѣ министру торговли, гдѣ, между прочимъ, указывалось на отсутствіе у рабочихъ профессіональнаго образованія, какъ на главную причину промышленнаго упадка. Практическихъ послѣдствій этотъ докладъ не имѣлъ: вопросъ долженъ былъ вначалѣ «созрѣть», и этотъ процессъ созрѣванія продолжался до 1881 года, когда сочли, наконецъ, нужнымъ созвать внѣпарламентскую коммиссію, состоявшую изъ 150 предпринимателей и директоровъ разныхъ школъ, для обсужденія вопроса о средствахъ подъема французской индустріи. Коммиссія единогласно высказалась, что такимъ средствомъ можетъ быть лишь организація промышленнаго и художественнаго образованія. Спустя три года созывается новая комиссія, на сей разъ парламентская, пришедшая къ тѣмъ же результатамъ: кризисъ, по ея заявленію, принялъ уже характеръ національной опасности. Лишь теперь правительство призадумалось и рѣшило командировать своего представителя Вашона въ Англію, Германію и Австрію для непосредственнаго изученія ихъ профессіональныхъ школъ, музеевъ, художественныхъ ассоціацій, имѣющихъ близкое прикосновеніе къ индустріи. Такая подготовительная работа продолжалась до 1896 года, когда тому же Вашону было поручено изслѣдованіе главныхъ центровъ индустріи раціональной. Итоги получились самые печальные. Вашонъ констатировалъ не только общій упадокъ промышленнаго дѣла, но даже исчезновеніе нѣкоторыхъ художественныхъ ремеслъ, находившихся раньше въ состояніи процвѣтанія, какъ, напр., гончарнаго и стекольнаго искусствъ, ювелирнаго дѣла, выдѣлки кружевъ и т. д. Въ его докладѣ приводятся такіе, напримѣръ, факты, какъ упадокъ мебельной мануфактуры въ Тулузѣ, ювелирнаго искусства въ Марсели, фарфоровыхъ издѣлій въ Лиможѣ и цѣлый рядъ другихъ, какъ нельзя лучше объясняющихъ сокращеніе вывоза всѣхъ этихъ издѣлій за границу и, параллельно этому, усиливающійся ввозъ иностранныхъ продуктовъ.

Въ то время, когда французское правительство дѣлаетъ свои изслѣдованія и созываетъ коммиссіи, биржи труда, по мѣрѣ силъ и возможности, устраиваютъ профессіональные курсы, организуютъ практическія упражненія въ ремеслахъ, стремятся поднять общій духовный уровень рабочихъ, составляютъ спеціальныя библіотеки по той или иной отрасли промышленности. Такъ, биржа труда въ Марсели организовала курсы столярнаго дѣла, металлургіи, плотничества, типо-литографскаго искусства, сапожнаго и портняжнаго кроя. Въ Сентъ-Этьенѣ рабочіе имѣютъ возможность учиться чертежному искусству, строительной геометріи, межеванію и т. п. Тулузская биржа, благо-

даря пособію отъ города въ размѣрѣ одиннадцати тысячъ франковъ ежегодно, устроила курсы по 16 самостоятельнымъ ремесламъ и открыла образцовую типографскую мастерскую. Въ Парижѣ и Нимѣ, кромѣ профессіональныхъ курсовъ, организованы лекціи и по общимъ предметамъ. Такъ, Парижская биржа труда вошла въ соглашеніе съ политехнической ассоціацiей, отряжающей на ея курсы своихъ профессоровъ, читающихъ лекціи по индустріальному электричеству, коммерческой бухгалтеріи, стенографіи, рисованію, механикѣ, прикладной химіи, практической геометріи, коммерческому и промышленному праву, нѣмецксму и англійскому языку. Особенно образцово и широко организованы курсы въ Нимѣ. Техническое обученіе, даваемое этой биржей, простирается на ариѳметику, геометрію, механику, счетоводство, коммерческую географію, товаровѣдѣніе. Въ программу общаго или «дополнительнаго» обученія входятъ испанскій языкъ, медицина, законодательство и практическая хирургія. На очереди, какъ и въ Парижѣ, стоятъ курсы по политической экономіи, гигіенѣ, соціологіи и философіи. Биржа труда въ Клермонъ-Ферранѣ, за отсутствіемъ необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, не имѣетъ профессіональныхъ курсовъ, но зато, благодаря сочувственному содѣйствію профессоровъ мѣстнаго университета, устраиваетъ каждую зиму публичныя лекціи для рабочихъ по вопросамъ общественно-экономическимъ и научнымъ.

Кромѣ перечисленныхъ видовъ просвѣтительной дѣятельности биржъ труда во Франціи, каждая изъ нихъ имѣетъ свою библіотеку съ читальней, отличающіяся отъ обыкновенныхъ частныхъ библіотекъ своимъ, сравнительно, небольшимъ размѣромъ, но зато и строгимъ подборомъ заключающихся въ нихъ журналовъ и книгъ. Рабочія биржевыя библіотеки отличаются, въ этомъ отношеніи, чисто пуританскимъ характеромъ. Просматривая ихъ каталоги, нельзя не замѣтить, что при выборѣ этихъ нѣсколькихъ сотенъ книгъ руководящимъ критеріемъ служили не только экономическія соображенія, весьма, впрочемъ, умѣстныя, если принять во вниманіе, что эти библіотеки составляются на скудныя рабочія деньги, но также опредѣленный идеалъ, долженствующій, при посредствѣ данныхъ книгъ, озарить своимъ свѣтомъ всѣхъ, питающихся изъ этого источника. Наиболѣе богатой библіотекой можно считать теперь парижскую, имѣющую около трехъ тысячъ томовъ по самымъ различнымъ отраслямъ науки: политической экономіи, физикѣ, химіи, беллетристикѣ, антропологіи, соціологіи и т. д. Тутъ вы встрѣтите и Дарвина, и Сенъ-Симона, и Геккеля, и Адама Смита, Эмиля Золя и Гюйо, Шатобріана, Реклю, Карла Маркса, Гюго, Анатоля Франса... Изъ сферы беллетристики особенно строго изъято все, что способно лишь, отнявъ у рабочаго его свободные часы, деморализовать его чувство и умъ.

Такова, въ краткихъ чертахъ, просвѣтительная дѣятельность биржъ труда. Понятное дѣло, что результаты такой дѣятельности благо-

творно отразятся не только на умственномъ и нравственномъ развитіи рабочихъ, но и на положеніи всей промышленности въ странѣ, получающей новые кадры рабочихъ съ надлежащей профессіональной подготовкой.

Находясь еще въ періодѣ развитія, французскія биржи труда не могутъ, конечно, удовлетвориться уже сдѣланнымъ; живыя силы, таящіяся въ этихъ учрежденіяхъ, побуждаютъ ихъ къ новымъ затѣямъ, къ болѣе широкимъ планамъ. На очереди стоитъ теперь вопросъ объ устройствѣ въ помѣщеніяхъ этихъ биржъ особыхъ «музеевъ труда», задача которыхъ заключалась бы въ наглядномъ обученіи рабочихъ всѣмъ важнѣйшимъ общественнымъ явленіямъ современной жизни. «Трактаты политической экономіи, цѣлый рядъ брошюръ и книгъ по общественнымъ вопросамъ,—читаемъ мы въ «L'Ouvrier des Deux Mondes»,—дѣлаютъ лишь половину дѣла. Для полнаго пониманія этихъ вопросовъ необходимо, чтобы передъ глазами рабочаго была представлена наглядная картина современнаго производства, обмѣна и распредѣленія продуктовъ! Вотъ, напримѣръ, образцы нитей и волоконъ, употребляемыхъ въ ткацко-прядильныхъ заведеніяхъ Аміена. Мы знаемъ, вѣроятно, сколько получаютъ рабочіе въ этихъ заведеніяхъ, равно какъ и въ прядильняхъ другихъ мѣстностей. Но что даютъ намъ эти цифры? Почти ничего, такъ какъ мы не знакомы со всѣми сопровождающими эти данныя условіями, именно: съ цѣною сырыхъ продуктовъ въ мѣстахъ ихъ первоначальнаго добыванія и по прибытіи въ мануфактуры, другими словами, съ долею, взимаемой транзитомъ, таможнями, коммиссіонерами; далѣе съ мѣстными цѣнами на первые предметы потребленія, квартиры и т. п., т. е. съ минимумомъ необходимѣйшихъ расходовъ рабочаго данной мѣстности; въ какомъ количествѣ и по какой цѣнѣ фабрикантъ сбываетъ свой продуктъ, и въ какую цѣну обходится онъ розничнымъ покупателямъ. Кромѣ того, каждый образчикъ фабриката, выставленнаго въ музеѣ, можетъ быть сопровождаемъ объясненіями по вопросу о продолжительности рабочаго дня въ данномъ производствѣ, объ общественномъ положеніи и условіяхъ жизни производителя даннаго продукта и его потребителя и т. п.

Въ подобномъ музеѣ рабочіе получали бы «нѣмые» уроки по политической экономіи и смежнымъ общественнымъ вопросамъ, благодаря чему они научились бы глубже понимать, современныя соціальныя явленія, ихъ взаимозависимость и законосообразность.

Такова одна изъ ближайшихъ задачъ рабочихъ биржъ во Франціи. Осуществима ли она? Мы думаемъ, что, познакомившись съ ихъ современной дѣятельностью на основаніи уже всего вышесказаннаго, нельзя найти въ этомъ превосходномъ проектѣ музеевъ труда ничего утопическаго. Кто могъ организовать профессіональные курсы, устроить образцовыя библіотеки, привлечь лучшія силы къ публичнымъ лекціямъ по общенаучнымъ вопросамъ, тому не въ диковину сдѣлать еще

и этотъ шагъ впередъ. Мы готовы согласиться, что при ближайшемъ знакомствѣ со всей этой соціально-педагогической дѣятельностью, съ широтой ея плановъ, раціональностью осуществленія, новизной руководящихъ идей, наконецъ, съ замѣчательной цѣлесообразностью учреждаемыхъ ею институтовъ, въ душѣ всякаго посторонняго человѣка можетъ возникнуть въ первый моментъ не только глубокое изумленіе, но и недовѣріе: возможно ли, чтобы эти крупныя начинанія въ области народнаго просвѣщенія были проведены не государствомъ, не муниципальными управленіями, наконецъ, не такъ наз. «обществомъ», т. е. всевозможными доброжелателями, а самими же рабочими, на ихъ собственный счетъ. Между тѣмъ это такъ: биржи труда—дѣтище чисто народное, это продуктъ и выраженіе народной мысли, народной воли и народныхъ чувствъ. По нимъ можно судить о благотворности того новаго идеализма, нетронутыя и неисчерпаемыя сокровища котораго лежали до сихъ поръ безъ приложенія въ «запасныхъ магазинахъ» человѣческой исторіи, и который оказался въ состояніи даже столь скомпрометированному слову — «биржа» придать новое, благородное значеніе.

Каково отношеніе биржъ труда къ новѣйшимъ *экономическимъ* запросамъ и теченіямъ жизни, а равно къ тѣмъ спорнымъ пунктамъ, которые возбудили въ послѣднее время столько толковъ и дебатовъ въ заграничной прессѣ и прежде всего къ аграрному вопросу?

Эти вопросы были поставлены, въ 1896 году, на разрѣшеніе конгресса федеральнаго комитета биржъ труда, и затѣмъ, разъ поставленные на очередь, они служатъ предметомъ обсужденія и послѣдующихъ съѣздовъ. Какъ распространить воспитательное вліяніе рабочихъ биржъ и на аграрное населеніе? Какими мѣрами содѣйствовать образованію и дальнѣйшему развитію синдикатовъ, производительныхъ ассоціацій и потребительныхъ обществъ?

Аграрнымъ вопросомъ, еще раньше биржъ труда, занялся марсельскій рабочій конгрессъ 1892 года и выработалъ свою первую аграрную программу. Для безземельныхъ рабочихъ она требуетъ установленія минимальной заработной платы, отдачи обществамъ рабочихъ для коллективной обработки въ аренду государственныхъ земель и т. п. Въ интересахъ малоземельныхъ крестьянъ выставлены были слѣдующія требованія: покупка общинами сельскохозяйственныхъ машинъ для отдачи крестьянамъ на прокатъ, образованія крестьянскихъ товариществъ для покупки удобренія и для продажи продуктовъ, отмѣна налога на недвижимую собственность. На нантскомъ конгрессѣ 1894 года была выработана новая программа, гдѣ, между прочимъ, указывалось на предстоящую фатальную гибель мелкаго земледѣльческаго хозяйства и рѣшено «не ускорять» этой гибели, а, наоборотъ стремиться «удержать въ рукахъ самостоятельно работающихъ крестьянъ ихъ клочки земли отъ фиска, ростовщиковъ и посягательства крупныхъ землевладѣль-

цевъ». Какъ извѣстно, Фр. Энгельсъ нашелъ эти программы неудачными и не свободными отъ внутреннихъ противорѣчій. Аграрная проблема и до сихъ поръ еще ждетъ своего полнаго разрѣшенія. Тѣмъ болѣе становится интереснымъ, какъ отнеслись къ ней представители биржъ труда, рѣшившіе распространить свою дѣятельность и на жителей французскихъ селъ и деревень.

На тулузскомъ конгрессѣ биржъ труда былъ доложенъ по данному вопросу интересный докладъ одного изъ депутатовъ, нѣкоего Arcés-Sacré, близко знакомаго съ условіями деревенской жизни Франціи, и въ виду того, что изложенные въ этомъ докладѣ взгляды легли уже въ основу аграрной дѣятельности нѣкоторыхъ биржъ, мы передаемъ ниже его болѣе существенныя мѣста.

Докладъ дѣлитъ все деревенское населеніе на три разряда: 1) сельскохозяйственныхъ рабочихъ, 2) самостоятельныхъ мелкихъ земледѣльцевъ и 3) рабочихъ въ разнаго рода сопредѣльныхъ съ земледѣліемъ, главнымъ образомъ, кустарныхъ промыслахъ. Изъ всѣхъ этихъ категорій первая наименѣе доступна какимъ бы то ни было внѣшнимъ на нее воздѣйствіямъ, и виною этому—существующія условія жизни и трудъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Всѣ эти жнецы, молотильщики, плужники, кучера, пастухи и т. д. получаютъ свои харчи и живутъ на частныхъ фермахъ тѣхъ землевладѣльцевъ, на которыхъ они работаютъ. Въ 8 часовъ вечера ворота фермы затворяются, и никому нельзя ни войти, ни выйти. Лишь въ воскресенье, и то только въ послѣобѣденное время, они пользуются свободой или, вѣрнѣе, полусвободой, такъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ все требуетъ неустаннаго къ себѣ вниманія и ухода. При такихъ условіяхъ нѣтъ никакой возможности поддерживать съ этими людьми непосредственныя связи, и является потребность въ посторонней помощи лицъ, ближе соприкасающихся съ частновладѣльческими фермами. Въ качествѣ такого посредника является населеніе двухъ послѣднихъ категорій—мелкіе земледѣльцы и кустарные рабочіе, представляющіе, кромѣ того, сами по себѣ среду, удобную для просвѣтительныхъ воздѣйствій биржъ труда. Докладъ, вообще, далекъ отъ обычнаго пессимизма; виною крайней отсталости этого населенія служитъ не столько его врожденная консервативность, сколько непрактичность тѣхъ мѣръ, какія предпринимались до сихъ поръ для его развитія. «Чувство товарищества присуще крестьянину, быть можетъ, болѣе, чѣмъ рабочему населенію городовъ», замѣчаетъ докладъ, указывая на удачныя кооперативныя попытки въ средѣ земледѣльцевъ Бельгіи и Даніи. Необходимо лишь, для большей успѣшности дѣла, чтобы въ составъ одного и того же аграрнаго синдиката входили не только одно земледѣльческое населеніе, но и рабочіе мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ—мельники, телѣжника, столяры, сапожники, представляющіе наиболѣе интеллигентную часть сельскихъ обывателей. Это—люди, способные все разъяснить, дать совѣтъ, распутать какое-либо сложное

дѣло и т. п. Изъ всѣхъ этихъ лицъ и слѣдуетъ составлять аграрные синдикаты подъ общимъ именемъ «синдикатовъ земледѣльческихъ рабочихъ и мелкой промышленности». Съ лицами первой категоріи они бы сносились посредствомъ особыхъ секретарей-делегатовъ, избираемыхъ сельскохозяйственными рабочими изъ посторонней независимой среды: задача такихъ секретарей состояла бы въ поддержаніи постоянныхъ связей между этими рабочими и синдикатами, въ веденіи корреспонденціи, передачѣ книгъ и газетъ. Главное усиліе должно быть, конечно, направлено къ тому, чтобы заинтересовать данные слои населенія вступленіемъ ихъ въ синдикатъ и присоединеніемъ къ одной изъ ближайшихъ биржъ. И вотъ тутъ возникаетъ вопросъ: съ чѣмъ представители этихъ биржъ явятся къ сельскому населенію, какіе непосредственныя выгоды они ему предложатъ и какія перспективы будущаго они ему откроютъ. Марсельскія и нантскія программы, какъ выше упомянуто, предсказываютъ крестьянству въ ближайшемъ будущемъ полное разореніе, при чемъ, наперекоръ собственнымъ же пророчествамъ, предлагаютъ ему свое содѣйствіе въ дѣлѣ удержанія ихъ клочковъ земли отъ поглощенія фискомъ, ростовщиками и крупными землевладѣльцами. Докладчикъ тулузскаго конгресса отнесся къ дѣлу болѣе послѣдовательно: онъ признаетъ, что современное положеніе мелкаго земледѣлія очень плохо и что будущее его еще хуже; онъ вполнѣ присоединяется къ гипотезѣ о существованіи экспропріирующаго процесса въ сферѣ добывающей, какъ и обработывающей промышленности. Мало того, онъ полагаетъ даже, что и образованіемъ земледѣльческихъ товариществъ не спасти крестьянъ отъ усиливающагося раззоренія: не успѣемъ мы, говоритъ докладчикъ, доставить мелкому земледѣлію, при посредствѣ ассоціацій, всѣ выгоды крупнаго, какъ и въ сферѣ послѣдняго возникнутъ союзы, подобно тому, какъ это уже имѣетъ мѣсто въ Бельгіи и Германіи. При борьбѣ же крестьянскихъ и землевладѣльческихъ союзовъ между собою выйдетъ побѣдителемъ, конечно, сторона, располагающая большими капиталами. Всѣ эти соображенія нисколько, однако, неспособны подорвать значеніе аграрныхъ синдикатовъ и, вообще, крестьянскихъ товариществъ; благодаря имъ, мы пріучимъ земледѣльцевъ и прочихъ сельскихъ жителей къ совмѣстной солидарной работѣ, мы покажемъ имъ всѣ выгоды, какія можетъ принести трудъ сообща и, въ то же время, изъ всѣхъ пораженій и бѣдствій, какія, вопреки кооперативнымъ усиліямъ, будутъ постигать мелкое земледѣліе, мы извлечемъ для нихъ поучительные уроки, въ смыслѣ характеристики современнаго индивидуалистическаго хозяйства.

Соотвѣтственно такой программѣ, биржи труда во Франціи и приступили въ послѣдніе годы къ просвѣщенію и корпоративному воспитанію крестьянъ. Биржи въ Нарбоннѣ, Монпелье, Каркасонѣ, Нантѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ успѣли уже сгруппировать вокругъ

себя нѣсколько аграрныхъ синдикатовъ. Практическая программа, выработанная этими биржами, вполнѣ доступна пониманію сельскихъ учителей. Корпоративное воспитаніе сводится къ такимъ мѣрамъ, какъ организація общей доставки на сосѣдніе рынки сельскихъ продуктовъ, при посредствѣ небольшого количества телѣгъ, животныхъ и личнаго персонала; устройство общихъ пастбищъ, корпоративныхъ маслобоенъ и сыроваренъ; коллективная закупка сѣмянъ, удобренія, сельскохозяйственныхъ орудій и инструментовъ. Кромѣ того, биржи труда входятъ въ непосредственныя сношенія съ покупателями сельскихъ продуктовъ для посредничества съ производителями; защищаютъ ихъ интересы передъ судомъ и предлагаютъ свое третейское посредничество спорящимъ сторонамъ; доставляютъ мѣста ищущимъ заработка и стремятся къ улучшенію условій труда для сельскохозяйственныхъ рабочихъ. При всемъ этомъ, онѣ не упускаютъ изъ виду и умственнаго просвѣщенія массъ, устраивая библіотеки, литературные вечера, распространяя книги, газеты и т. д.

Биржи труда возлагаютъ большія надежды на устраиваемые ими аграрные синдикаты и на принятые методы ихъ умственнаго и нравственнаго воспитанія. Такія же надежды онѣ возлагаютъ и на другія формы экономической дѣятельности, поставленныя ими на очередь: на устройство крестьянскихъ производительныхъ ассоціацій, потребительныхъ обществъ, на федерацію этихъ послѣднихъ съ производительными товариществами. Парижскія потребительныя общества, воодушевленныя этимъ новымъ кооперативнымъ движеніемъ, образовали между собой союзъ подъ названіемъ «*Биржи рабочихъ потребительныхъ товариществъ*», преслѣдующій задачи, подобныя поставленнымъ биржами труда. Вообще, выражаясь словами Пеллютье, секретаря федераціи этихъ биржъ, въ современномъ кооперативномъ движеніи Франціи замѣчается «*нравственный переворотъ*», причемъ руководящая роль въ этомъ здоровомъ кризисѣ все болѣе концентрируется вокругъ биржъ труда, и не пройдетъ десяти лѣтъ, говоритъ Пеллютье, какъ французская кооперація будетъ совершенно преобразована.

Ев. Лозинскій.

---

*

ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

Люблю я первый снѣгъ,—когда въ морозный день
На небо набѣжитъ серебряная тѣнь,
И, словно сдутыя, посыплются снѣжинки.
Сначала рѣдкія дрожащія пылинки
Мелькаютъ призрачно, чуть видныя глазамъ;
Потомъ—пушинка, двѣ... еще... то здѣсь, то тамъ...
Все чаще, все крупнѣй... И вотъ ихъ рой сгустился,
Живѣй завихрился, смѣлѣе закружился...
И въ платье, и въ лицо впиваются онѣ,
И внизъ, и вверхъ летятъ, и гинутъ въ сторонѣ.
Не видно ничего за сѣткою волнистой,
А на землѣ лежитъ уже коверъ пушистый...
Какъ весело глядѣть! Какъ дышется легко!
И въ прошлое мечта уноситъ далеко...
И хочется бродить, и бѣгать, и смѣяться,
Иль вихремъ по полю на рѣзвой тройкѣ мчаться...

А. Колтоновскій.

ПИСЬМА НЕНОРМАЛЬНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Андрея Немоевскаго.

Переводъ съ польскаго М. Траповской.

(*Окончаніе* *).

ПИСЬМО XXXV.

Хорошо, Людвигъ, хорошо—такъ мнѣ и надо!

Вы ловко цѣлились... каждое слово попало въ цѣль... Но я не думаю брать щита, не стану загораживаться и софизмами...

Давайте лучше толковать объ искусствѣ!

У меня ужъ на эту тему составленъ въ головѣ цѣлый планъ. Это будетъ цѣлая книга.

Что это будетъ за книга! Ей-Богу, наши читатели и художники расхватаютъ ее!

Мнѣ кажется, я уже вижу ее, эту книгу, т.-е. не книгу собственно, а только ея остовъ. Въ ней, точно въ строющемся зданіи, есть и фундаментъ, и стропила, и балки, есть и башенка, на которой будетъ развѣваться знамя.

Фундаментъ ея—это четыреста страницъ въ восьмушку. Ея стропила—это главы, раздѣленныя на массу параграфовъ. Если бы меня теперь спросили, что я изъ этой книги вижу въ данную минуту, я изобразилъ бы въ воздухѣ рядъ такихъ знаковъ: § § § § § § §

Изъ такихъ же знаковъ составлены и балки, и перекладины башенки. А на знамени, въ видѣ девиза, тотъ же самый знакъ...

А дальше что??

Возьмемъ какую-нибудь чудовищныхъ размѣровъ мельницу, вложимъ въ нее буквы, взятыя со всѣхъ печатныхъ станковъ со всего міра, и станемъ вертѣть рукоятку, выпуская наудачу по нѣсколько буквъ — вѣдь составятся же, чортъ возьми, какія-нибудь слова. Слова эти мы налѣпимъ на остовъ нашей книжки — и, право, получиться у насъ такая прелестная книжка, что наше эстетическое чувство ничуть не пострадаетъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль 1900.

Были нѣкогда у людей сивиллины книги, изъ которыхъ люди могли черпать мудрые совѣты. Но книги эти были запечатаны семью печатями, и непосредственный доступъ къ нимъ имѣли только жрецы, которые и объявляли безтолковому народу то, что находили нужнымъ. Случилось однажды, что нѣкій юноша, не довѣряя мудрости жрецовъ, пробрался ночью въ храмъ. Усталая весталка дремала подлѣ свѣтильника съ вѣчнымъ огнемъ, который совсѣмъ погасъ за это время. Юноша былъ пораженъ, и у него явилось подозрѣніе, не есть ли только символъ этотъ такъ называемый вѣчный огонь, который весталки зажигаютъ, когда онѣ не спятъ. Покачалъ онъ въ недоумѣніи головой и пошелъ дальше. Тихонько, на цыпочкахъ, ощупью пробираясь въ потемкахъ, подкрался онъ туда, гдѣ за таинственной завѣсой былъ сокрытъ священный алтарь. Упреки, одинъ за другимъ, стали мучить его душу, но юноша стиснулъ зубы и—протянулъ руку. Да... вотъ они... Онъ пугливо оглянулся вокругъ. Въ храмѣ царила невозмутимая тишина. Не разверзлась земля, чтобы поглотить его, не грянулъ въ него громъ. Изумился юноша еще болѣе. Осторожно крадучись, точно воръ, держа подъ мышкою книги, онъ пробирался къ выходу: благополучно миновалъ онъ спящую весталку, которая только немного всхрапнула, миновалъ склонившихся на ступени храма стражей, погруженныхъ въ глубокій сонъ, вышелъ въ кипарисовую рощу, облитую луннымъ сіяньемъ, и, присѣвъ у подножія статуи Гермеса, прижалъ эти книги къ сильно бьющемуся сердцу.

Оправившись немного, онъ началъ внимательно оглядывать ихъ со всѣхъ сторонъ. И тутъ, къ великому своему изумленію, онѣ замѣтилъ, что книги вовсе не были запечатаны, а только какіе то шарики восковые на шнуркахъ висѣли на нихъ. Покачалъ онъ опять головою, а затѣмъ раскрылъ первую книгу и при свѣтѣ кроткой Селены взглянулъ на пергаментовую страницу; буквы какъ будто знакомы, но смысла словъ никакъ нельзя доискаться. Что за диво! Между рядами буквъ есть промежутки, значитъ, слова тутъ какія-то есть. Читаетъ онъ первую страницу — ничего не поймешь. Перевертываетъ другую—та же исторія, третью—та же! Поднялъ юноша голову вверхъ, поглядѣлъ на небо, подумалъ и опять взялся за первую страницу. Вздумалось ему попробовать сравнить первое слово этой страницы съ первымъ же словомъ слѣдующей... Что такое? Буквально одно и то же! На цѣлой какъ есть страницѣ все тѣ же самыя буквы! Глядитъ онъ на третью страницу, на четвертую... Открываетъ вторую книгу, третью. И вотъ онъ приходитъ къ заключенію, что, въ сущности, достаточно прочесть одну страницу, совершенно безразлично которую, чтобы узнать содержаніе всѣхъ книгъ. И онъ снова берется за первую страницу.

Онъ замѣчаетъ, что среди цѣлаго ряда буквъ нѣкоторыя какъ будто побольше и какъ будто составляютъ нѣчто цѣлое съ извѣстнымъ смысломъ. Крупныя капли пота выступаютъ у него на лбу, дыханіе

замираетъ въ груди. Вотъ ужъ онъ прочиталъ одно слово — вотъ уловилъ и другое. На мгновеніе страхъ за свою смѣлость охватываетъ его. Онъ кидаетъ взоръ на небо. Ни одна звѣздочка не упала, ничуть не потускнѣлъ серебристый свѣтъ луны, и статуя Гермеса неподвижно стоитъ на своемъ мѣстѣ, не выказывая ни малѣйшаго намѣренія обрушиться на него. И онъ опять опускаетъ глаза на пожелтѣвшій пергаментъ и водитъ пальцемъ дальше. Красныя пятна горятъ на его лицѣ... О Зевесъ громовержецъ! Что-жъ это такое? О, совоокая! Какъ же это?! Онъ отираетъ рукою потъ съ лица и ниже наклоняетъ голову къ священному пергаменту. Какъ безумный, вскакиваетъ онъ съ мѣста, подниметъ книгу выше къ свѣту луны, чтобы яснѣй освѣтить страницу. Волосы дыбомъ встаютъ у него на головѣ, ноги подкашиваются, зубъ не попадаетъ на зубъ. Вотъ дочиталъ! Передъ остолбенѣлыми, непосвященными очами юноши, освѣщенная луннымъ сіяніемъ, желтѣла страница сивиллиной книги, на которой удивительно какъ отчетливо и ясно выступали вотъ какія буквы:

вк.* — ...ЭмвцТ.мн мнО.к.* — вцча
сде.К.НкгдфеИ. лйгГпоиИ.сдавер
млсдвЧ...кЕ.кгЛсдвОімуВѢ. : ксЧвЕсдСвКтцОмнвЙ
липеГ..ЛвкУраПнбаОвксСзцТсдИ.?кв

ПИСЬМО XXXVI.

Ага, другъ мой, совѣсть заговорила!.. Да, это—роковая сила тяжести, заваленная и задерживаемая только камнемъ нашего эгоизма. Но порой чья-нибудь рука отвалитъ этотъ камень—и тогда берегись! Совѣсть гуляетъ...

Нѣтъ, ничего не пишите Рымковскому. Это было бы, пожалуй, довольно сентиментально, но все-таки не пишите. Что-то подсказываетъ мнѣ, что это было бы не къ добру. Кто жилъ, какъ онъ, у кого столько прямолинейнаго простодушія, какъ у него, кто, наконецъ, тогда на мосту могъ поблѣднѣть, какъ этотъ человѣкъ, тотъ, по прозрѣніи, могъ бы еще устроить намъ такой прямолинейный сюрпризъ.

Нѣтъ, ничего не пишите Рымковскому.

Отчего вы меня такъ ругаете за мою легенду о сивиллиныхъ книгахъ? Такъ вы полагаете, что наши сивиллины книги объ эстетикѣ не заслуживаютъ такихъ... нападокъ???

Нападки??? Къ чему тутъ видѣть сейчасъ нападки???

Мнѣ кажется только, что эстетика у насъ поддѣлывается къ искусству. Искусство, видите ли, можно сравнить съ королевой, которая совершаетъ много знаменательныхъ дѣяній, но, какъ женщина, тоже рождаетъ иногда дѣтей. Эти дѣти, недовольные нѣсколько пренебрежительнымъ къ нимъ отношеніемъ со стороны королевы-матери, сидя у себя въ комнатѣ, бранятъ ее. Затѣмъ они начинаютъ даже явно бун-

товаться противъ нея и устанавливаютъ кодексъ законовъ, согласно которому королева-мать должна поступать, если не желаетъ заслужить ихъ порицанія. Королева мать жалуется иногда передъ другими королями, что у нея такія вышли неудачныя дѣти, но продолжаетъ себѣ править по своему, не обращая никакого вниманія на предписанія дѣтей.

Да, искусство—это мать, а критика—дочь искусства. Между тѣмъ, критикѣ часто кажется, что это она мать-то, а искусство—дочь ея. Но, Боже мой, слыханное ли это дѣло, чтобы дочь родила свою собственную мать?!

Я, по крайней мѣрѣ, никогда еще о подобномъ феноменѣ не слыхивалъ...

А вы еще говорите нападки!!!

Въ такомъ случаѣ мнѣ болѣе ничего не остается, какъ досказать вамъ легенду о томъ юношѣ, что дерзнулъ заглянуть въ сивиллины книги.

Открывъ такую характерную тайну, бѣдняга уронилъ священныя книги на святую землю и долго почесывалъ у себя затылокъ. Кроткій свѣтъ Селены все блѣднѣлъ и блѣднѣлъ, а на восточной сторонѣ неба на постели, устланной серебристыми облачками, зашевелилась розовоперстая Эосъ. Священная роща торжественно зашумѣла; юноша схватилъ книги и тихонько вошелъ въ храмъ. Шорохъ шаговъ его разбудилъ весталку. Священная дѣва потянулась, зѣвнула, разгребла священную золу, но, не найдя ни одной искорки, принялась съ трескомъ разламывать на колѣняхъ полѣнья священнаго кедра и высѣкать огонь. Юноша двинулся дальше, отдернулъ завѣсу и—трепетъ объялъ его.

Четыре священныхъ жреца съ отчаяннымъ видомъ стояли передъ алтаремъ и рвали на себѣ волосы.

Но когда они увидѣли на порогѣ оцѣпенѣвшаго отъ ужаса юношу, съ книгами подъ мышкой, крикъ священнаго негодованія вырвался изъ ихъ груди. Разбуженные этимъ крикомъ стражи сбѣжались, связали юношу и въ тотъ же самый день преступникъ предсталъ передъ высшимъ трибуналомъ.

Въ виду огромнаго стеченія народа, рѣшено было судить юношу въ амфитеатрѣ.

Вскорѣ весь театръ заполнился народомъ. Въ глубинѣ сцены, откуда актеры потрясали трагедіями сердца людей или въ легкихъ комедіяхъ подсмѣивались надъ ничтожествомъ міра, теперь засѣдали судьи. Тамъ же размѣстились явившіеся въ качествѣ обвинителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтелей жрецы, туда же ввели и юношу, какъ обвиняемаго въ святотатствѣ и оскверненіи того, что было для народа дорогимъ и священнымъ.

Золотой Геліосъ, откинувъ свои свѣтлые кудри, заглянулъ въ глубь амфитеатра и глядѣлъ въ недоумѣніи на это зрѣлище, словно вопрошая, что это за трагедія будетъ разыгрываться сегодня?

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?—раздался среди глубокой таинственной тишины голосъ старѣйшаго изъ судей.

Зрители навострили уши.

— Я сдѣлалъ это потому, что не довѣрялъ мудрости жрецовъ,— послышался отвѣтъ.

Нечеловѣческій ревъ огласилъ все священное пространство.

— Безбожникъ! Богохулецъ!—кричали со всѣхъ сторонъ.

Старѣйшій изъ судей всталъ, обвелъ своимъ взоромъ ревѣвшую толпу—и вновь водворилась священная, давящая тишина.

— Что ты прочелъ въ этихъ книгахъ?—обратился онъ съ вопросомъ къ юному преступнику.

Жрецы запротестовали противъ такого вопроса, они окружили судей и, горячо жестикулируя, спорили съ ними. Народъ зашумѣлъ.

Но старѣйшій изъ судей, извѣстный въ народѣ своей справедливостью, настоялъ на своемъ и, приказавъ отвести жрецовъ на назначенныя для нихъ мѣста, сдѣлалъ жестъ рукою народу. Глубокая, святая тишина водворилась снова.

— Что ты прочелъ въ этихъ книгахъ? Отвѣчай!—повторился вопросъ.

— Я въ нихъ прочелъ одно единственное предложеніе: это **книги человѣческой глупости**...—громко и отчетливо раздалось среди тишины.

Поднялся дикій гамъ, свистъ, ревъ, плачъ и скрежетъ зубовный. Казалось, вотъ-вотъ вспыхнетъ революція. Жрецы обступили старѣйшаго изъ судей и, кивая головами, жестикулируя, точно желая сказать: «Ага, видишь? видишь? видишь?» срывали съ головъ своихъ священные вѣнцы и простирали руки къ свѣтлому Геліосу, у котораго былъ-таки довольно смущенный видъ.

Черезъ нѣсколько времени, когда уже устали работать легкія и руки, охрипли горла, взрывъ священнаго негодованія улегся и возобновилась святая тишина, старѣйшій изъ судей, обращаясь къ толпѣ, произнесъ:

— Право... я не предполагалъ, чтобы дерзость непосвященныхъ устъ была такъ неслыханно велика...

Онъ принужденъ былъ прервать свою рѣчь, такъ какъ пришлось выносить лежавшихъ въ обморокѣ жрецовъ. Громкій плачъ женщинъ вторилъ этой печальной церемоніи.

Наконецъ, народъ снова стихъ въ священномъ ожиданіи.

— Ты ошибаешься, нехорошій юноша, — продолжалъ дрожащимъ голосомъ старѣйшій изъ судей,—ты ошибаешься, если думаешь, что ты своимъ поступкомъ оскорбилъ безсмертныхъ боговъ, осквернилъ храмъ и подорвалъ вѣру въ священныхъ жрецовъ. Нѣтъ! Ты оскорбилъ народъ! Ты посягнулъ на честь человѣчества! Не миновать тебѣ суроваго наказанія. Но если ты хочешь, несчастный, чтобы долженствующее постигнуть тебя наказаніе было, по возможности, смягчено, чтобы не потрясло оно жестокостью своею нашихъ печалью объятыхъ душъ, то отрекись отъ своихъ словъ, отреченіемъ очисть

уста свои! Это будетъ удовлетвореніемъ правосудія и предостереженіемъ для всѣхъ юношей, дерзающихъ усомниться въ мудрости толкователей сивиллиныхъ книгъ. Итакъ, призываю тебя: отрекись!

Толпа опять заревѣла, требуя отреченія. И какъ громъ, прокатившись по небу, стихаетъ гдѣ-то въ дали и вновь раздается, такъ ревъ толпы то усиливался, то смолкалъ, покуда старѣйшій изъ судей не поднялъ надъ нею своей дрожащей руки.

Внизу, среди торжественной тишины, прозвучалъ голосъ юноши. Толпа разинула рты, чтобы лучше услышать.

— Какъ же могу я отречься,—свободнымъ и чуть ли не веселымъ тономъ заговорилъ обвиняемый,—если всякій ребенокъ, который только умѣетъ различать буквы и знаетъ, что такое книга, что значитъ слово глупость и что значитъ слово человѣчество, прочтетъ въ этихъ книгахъ то же самое, что и я.

Чаша наглости переполнилась.

Народъ послѣ того около полугода страдалъ хрипотою, глухотой и ломотою въ рукахъ.

Пришлось созвать Эскулаповъ со всего края. Спустя нѣкоторое время, всѣ богатѣйшія и красивѣйшія зданія перешли въ собственность врачей.

Что же сталось съ юношей?

Объ этомъ спросите деревья, съ которыхъ оборвали всѣ вѣтви! Спросите дороги, на которыхъ не оставили ни одного камня!

А когда начались осеннія законодательныя совѣщанія, жрецы потребовали закона, по которому, подъ страхомъ строжайшаго наказанія воспрещалось даже вспоминать объ этомъ.

Потому-то разсказъ объ этомъ событіи можно найти лишь въ одномъ единственномъ произведеніи, недавно лишь разысканномъ при раскопкахъ. Названіе этого источника: «Ho Fantazyon» (см. гл. XXI, стр. 129)'

Чтобы вамъ, дорой мой Людвигъ, насолить еще пуще, я послалъ сію легенду въ «Ежедневную Газету». Черезъ полчаса у меня, вѣроятно, въ рукахъ будетъ номеръ этой газеты.

ПИСЬМО XXXVII.

Вотъ такъ пріятный сюрпризъ! Сейчасъ получаю отъ редактора «Ежедневной Газеты» письмо вотъ какого содержанія (привожу вамъ его цѣликомъ):

Милостивый Государь!

Къ великому сожалѣнію, я принужденъ возвратить Вамъ присланную Вами легенду о сивиллиныхъ книгахъ, въ виду того, что вещь эта могла-бы, пожалуй, оскорбить добрыя чувства нашихъ читателей.

Съ искреннимъ уваженіемъ
Антоній Струмиловскій.
Ред. «Ежедн. Газ.»

Повѣрите ли, я былъ такъ изумленъ, что сначала долго не могъ придти въ себя и никоимъ образомъ не могъ понять, какое отношеніе могутъ имѣть сивиллины книги языческихъ временъ къ доброму чувству читателей римско-католическаго вѣроисповѣданія. Взялъ я, наконецъ, да отправился съ этимъ письмомъ къ одному старому, достопочтенному патеру, другу отца моего Когда я прочиталъ ему мою легенду, старичекъ захихикалъ и, потрепывая меня по спинѣ, сказалъ: «шутникъ вы, сударь, а редакторъ вашъ просто дуракъ». Онъ попросилъ меня оставить у него рукопись и терпѣливо выжидать.

Спустя нѣкоторое время, попадается мнѣ въ руки номеръ «Ежедневной Газеты», и предъ моими изумленными глазами предстаетъ вотъ какая статья.

Изъ нашей прессы.

«Въ послѣднемъ номерѣ «Лона», органа, посвященнаго традиціямъ христіанъ, мы находимъ чрезвычайно интересный этюдъ извѣстнаго нашего эстетика X. X. Онъ передаетъ намъ, на основаніи единственнаго источника, «Ho Fantasyon», недавно найденнаго археологами въ области классической литературы, о томъ, какъ однажды изъ одного изъ древнихъ языческихъ храмовъ были украдены священныя сивиллины книги. Этюдъ этотъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что классическій міръ тогда уже начиналъ сознавать безсиліе боговъ и плутни авгуровъ и что вѣра въ сивиллины книги была уже тогда подорвана. Мы увѣрены, что читатели наши, которые, навѣрное, интересуются тѣмъ духовнымъ разладомъ и сомнѣніями, которые царили тогда въ народѣ, наканунѣ новой эпохи, охотно прочитаютъ эту вещицу и потому мы позволяемъ себѣ ниже привести ее цѣликомъ».

Тутъ слѣдуетъ дословная перепечатка моей легенды.

Въ первую минуту я было струсилъ: мнѣ пришло въ голову, что наши филологи еще, пожалуй, вздумаютъ меня страшнѣйшимъ образомъ отхлестать за болтовню Струмиловскаго. Но я вскорѣ успокоился, вспомнивъ, что наши ежедневныя и даже еженедѣльныя изданія не помѣщаютъ у себя полемическихъ статей, касающихсь древняго періода. Ну, и ладно! Пускай себѣ наши классики бѣсятся втихомолку!

ПИСЬМО XXXVIII.

Вы себѣ и представить не можете, дорогой Людвигъ, какой фуроръ произвела моя легенда о сивиллиныхъ книгахъ!

Первымъ дѣломъ прискакалъ ко мнѣ Шанявскій, по порученію Стася, и спросилъ меня, намѣренъ ли я издать это отдѣльнымъ изданіемъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ очень желалъ бы нарисовать къ нему иллюстраціи. Я отвѣтилъ ему, что не придаю этой работѣ ровно никакого значенія. Тогда онъ сказалъ мнѣ, что я неправъ, такъ какъ

это вещица очень хорошая и притомъ написанная толково и добросовѣстно. На это я ему возразилъ, что это пустая бездѣлка, написанная чортъ знаетъ какъ и безъ всякаго толку. На это Шанявскій мнѣ замѣтилъ, что какъ бы тамъ ни было, но объ этомъ всѣ заговорили, въ особенности же художники, у которыхъ уже давно являлась мысль выступить въ печати противъ произвола непосвященной критики. Въ моей работѣ художники видятъ яркій протестъ противъ старой, безтолковой шаблонности, и вотъ они очень желали бы завязать со мною сношенія и поставить меня во главѣ своей партіи.

Едва только онъ ушелъ, пришли ко мнѣ Юлій съ Медвеемъ.

Подавая мнѣ руку, Юлій сложилъ свои малиновыя губы въ самую мягкую и сладкую улыбочку и сказалъ, что искренне сожалѣетъ о томъ, что «обстоятельства» разлучили насъ на нѣкоторое время, что онъ всегда глубоко скорбѣлъ объ этомъ, ибо чувствовалъ въ душѣ, что мы съ нимъ художники одного «тона». Разсказъ мой о сивиллиныхъ книгахъ—это нѣчто замѣчательное и, по словамъ графини Жиглинской (которую, между прочимъ, рисуетъ теперь Медвей и довольно хорошо ее чувствуетъ), трудъ этотъ должны особенно оцѣнить живописцы. И вотъ, значитъ, оба они, т.-е. онъ и Медвей, предлагаютъ мнѣ устроить кружокъ, который принялъ бы на себя обязанность защищать интересы палитры, той бѣдной палитры, которую у насъ не умѣютъ надлежащимъ образомъ цѣнить. Онъ замѣтилъ также, что они надѣются, что я еще многое напишу въ томъ же родѣ и что я не откажусь работать вмѣстѣ съ ними для такого дѣла, какъ поднятіе эстетическаго уровня въ обществѣ. Я отвѣтилъ ему, что постараюсь обо всемъ этомъ хорошенько подумать, такъ какъ, въ виду моихъ слабыхъ мыслительныхъ способностей, мнѣ нѣсколько трудновато сейчасъ оріентироваться въ этомъ. Юлій сладенько улыбнулся и, чуть-чуть прикасаясь рукой къ моему колѣну, проговорилъ: «позвольте мнѣ сказать вамъ, что я этого рѣшительно не нахожу». Затѣмъ онъ распрощался и ушелъ. Медвей остался: у него было ко мнѣ еще какое-то личное дѣло.

Это субъектъ огромнаго роста, сложенія атлетическаго, съ широкимъ, немного расплывшимся лицомъ, обросшимъ свѣтлыми волосами, и съ голубыми, добрыми глазами. Прежде чѣмъ онъ принялся излагать мнѣ свое дѣло, мнѣ вздумалось поразспросить его немного о графинѣ Жиглинской, такъ какъ изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ Юліемъ, я заключилъ, что тамъ у нихъ вѣрно что-то измѣнилось.

— Итакъ, вы, значитъ, теперь срисовываете графиню Жиглинскую?—сказалъ я, угощая его папиросой.

— Да, я ее дѣлаю до колѣнъ... Она недурна...

— Какъ это недурна? Это значитъ, что вы ее хорошо «чувствуете», не такъ ли?

— Извините, сударь, объ этомъ вы спросите Юлія, я въ этомъ смыслю мало.

— Я ужъ его спрашивалъ. Онъ говоритъ, что чувствуетъ ее, какъ символъ...

— Э, онъ, простите за выраженіе, просто идіотъ, вотъ и несетъ ерунду.

— Но это обстоятельство не нарушило той гармоніи, которая между вами... я хочу сказать...

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Вы хотите знать, не разссорились ли мы съ Юліемъ изъ-за этого?

— Да, да, я думалъ что-то вродѣ.

— Да, дулся онъ на меня, да только не долго; я церемоній не люблю—взялъ да швырнулъ его объ стѣну и все тутъ...

— Какъ это: швырнулъ?

— Да такъ. Больно онъ много болтать любитъ. Не нравилось мнѣ, что онъ съ вами стрѣлялся, да что было дѣлать! Ну, слава Богу, что хоть хорошо кончилось. Теперь онъ со мной ссориться не смѣетъ, потому что я графиню рисую. Морочилъ онъ мнѣ что-то тамъ голову какими-то «совсѣмъ новыми» картинами, да не удалось ему меня на эту удочку поймать, я какъ умѣю, такъ и катаю...

— Однако, я предполагалъ, что вы раздѣляете его взгляды на искусство, тѣмъ болѣе, что вотъ и теперь вы вмѣстѣ съ нимъ явились ко мнѣ по дѣлу основанія кружка...

— Э, это совсѣмъ другое дѣло. Критики насъ ругаютъ, вотъ мы и хотимъ отъ нихъ защищаться—и только. Мнѣ все равно, лишь бы я только смогъ нарисовать то, что вижу.

— Знаете ли, вѣдь я васъ совсѣмъ до сихъ поръ не зналъ.

— Такъ вотъ будьте столь любезны выслушать меня: у меня къ вамъ такого рода дѣльце...

— Съ удовольствіемъ... готовъ служить...

Онъ наклонился ко мнѣ поближе.

— Кажется—только вы, пожалуйста, не разсердитесь—мы вѣдь мужчины, намъ нечего стѣсняться—кажется, у васъ одно время жила эта дѣвушка съ каштановыми волосами. .

— Какая дѣвушка? Нѣтъ, вы ошибаетесь...

— Вы вѣрно позабыли. Ее, кажется, зовутъ Бронкой.

— А, Бронка!.. Да... правда... Но, позвольте, что вы понимаете подъ словами: жила у васъ...

— Вы съ нею были... въ связи...

— Кто вамъ сказалъ?

— Я не знаю... у насъ говорили...

— Глупыя сплетни...

— Да, вѣроятно, сплетни, а то чего бы вамъ такъ отпираться...

Досада меня брала. Какъ это можно выдумать про человѣка такую нелѣпость, когда всѣ знали, что я лежу раненый, больной, въ бреду—и стану я въ такомъ состояніи глупостями заниматься... И чего они

хотятъ отъ этой бѣдной дѣвушки? За что они наклеили ей мой ярлыкъ? За то, что она за мною, больнымъ, ухаживала, за то, что она замѣнила мнѣ мать, сестру?

Медвей опять наклонился ко мнѣ и, добродушно улыбаясь, посмотрѣлъ на меня своими голубыми глазами и произнесъ:

— Такъ ужъ я, значитъ, теперь могу навѣрно безъ церемоній говорить съ вами объ этомъ. А то я боялся, что тутъ будетъ загвоздка. Я, видите ли, хотѣлъ бы знать, гдѣ она.

— А на что она вамъ? Вамъ нужна натурщица?

— Э, нѣтъ; я теперь занятъ Жиглинской, притомъ я вообще женщинъ рѣдко рисую.

— Такъ чего же вамъ надо??

— Я, видите ли, хотѣлъ бы, чтобъ она одно время пожила у меня...

Я вскочилъ, какъ ужаленный, и быстрыми шагами заходилъ по комнатѣ. Наконецъ, я остановился передъ нимъ и сдержаннымъ голосомъ проговорилъ:

— Я васъ очень прошу не искать этой дѣвушки.

— Почему такъ, скажите?—спросилъ онъ, глядя на меня съ изумленіемъ.—Да когда она мнѣ нравится?

— Бронка замужъ выходитъ...—наскоро совралъ я.

Медвей вытаращилъ на меня глаза, перекрестился и захихикалъ быстрымъ тоненькимъ смѣшкомъ: хи, хи, хи, хи, хи, хи!

— О, знаю,—заговорилъ онъ, успокоившись и отирая слезы,—вы серьезный человѣкъ, вамъ можно вѣрить. А нельзя ли полюбопытствовать, за кого же она выходитъ? Да вѣдь мы ей такую свадебку устроимъ, какой еще свѣтъ не видалъ!

— Господинъ Медвей,—рѣзко произнесъ я,—будетъ объ этомъ. Бронка выходитъ замужъ, знайте это, и я васъ прошу никому объ этомъ ни слова.

— Да отлично, отлично, я противъ это ничего не имѣю,—сказалъ Медвей, подымаясь и подавая мнѣ руку.

— Вы на меня не сердитесь, что я такъ откровенно...

— Я не сержусь ничуть.

— Мое почтеніе...

— Прощайте.

Онъ ушелъ.

Я долго ходилъ по комнатѣ, потирая лобъ и силясь собрать свои мысли. Сумерки надвигались.

Кто-то тихо постучался въ дверь.

— Здравствуйте, дорогой коллега.

Кого тамъ еще чортъ принесъ? Подымаю голову—и вся кровь мнѣ бросилась въ лицо.

Передо мною стоялъ Рымковскій.

ПИСЬМО XXXIX.

Я былъ такъ пораженъ его внезапнымъ приходомъ, что не зналъ, что ему сказать. Но онъ совсѣмъ не замѣтилъ моего смущенія; у самого у него былъ веселый, радостный видъ.

— Знаете ли, коллега, вотъ у меня бѣда маленькая...—ни съ того, ни съ сего произнесъ онъ.

— Что за бѣда?

— А вотъ съ метрикой...

Я опять быстро заходилъ по комнатѣ. Чортъ возьми! Точно они всѣ сговорились нынче... Рымковскій, между тѣмъ, присѣлъ у окна и преспокойно продолжалъ:

— Вы вѣдь знаете, я отчасти какъ подкидышъ, такъ сказать... Я полагаю, однако, что окрестить меня матушка все-таки окрестила, вѣдь это у насъ, крестьянъ, первое дѣло. Да вотъ поди, отыщи приходъ-то!

— Послушайте, коллега—проговорилъ я, вдругъ останавливаясь передъ нимъ,—не пройтись ли бы намъ съ вами теперь далеко куданибудь, хоть за городъ...

— Да съ удовольствіемъ!—воскликнулъ онъ, вставая.—Я и самъ было хотѣлъ предложить вамъ; погода чудная, не зналъ только, согласитесь ли вы.

Черезъ минуту мы уже были на улицѣ.

Теперь или никогда! подумалъ я.

ПИСЬМО XL.

Весна, преждевременно собравшись въ путь, медленно подвигалась впередъ, вздрагивая отъ холода и то и дѣло останавливаясь. Кое-гдѣ торопливая почка, выглянувъ на свѣтъ зеленымъ краешкомъ, мерзла подъ утреннимъ инеемъ. А тамъ блѣдный цвѣтокъ, коварно заманенный солнышкомъ, уныло поникъ подкошенной вѣтромъ головкой и клонился къ землѣ, которую такъ рано покинулъ. Тамъ и сямъ валялись грязныя комья снѣга. Ясное небо точно поблекло отъ постоянныхъ дождей.

Но къ вечеру все измѣнилось. Въ воздухѣ послышалось веселое щебетаніе птичекъ, кружившихся цѣлыми стаями надъ землей. Солнце, утративъ свою дневную яркость, уходило краснымъ дискомъ далеко на небосклонъ и, остановившись на мгновеніе, словно желая въ послѣдній разъ взглянуть на свѣтъ, стало медленно погружаться въ темное лоно далекаго горизонта. Повѣяло свѣжестью. Въ воздухѣ чувствовалась настоящая весна!

На небѣ замелькали бѣлыя звѣздочки и черезъ минуту цѣлымъ роемъ разсыпались по немъ, однѣ загораясь золотымъ блескомъ, другія переливаясь разными цвѣтами, словно перебираемыя чьей-то невидимой рукой драгоцѣнные каменья.

Синеватый сумракъ сталъ окутывать окрестность; въ дали причудливо выдѣлялись черныя очертанія деревъ. Повѣяло теплымъ вѣтеркомъ— и воцарилась глубокая тишина.

А вверху горѣли безчисленные миріады звѣздъ, небо гордо сверкало всѣми своими сокровищами, которыя ревнивый день скрываетъ отъ взоровъ за яркой бѣлой пеленой. Небесный куполъ уходилъ все глубже и глубже, становился все синѣй и синѣй—и вотъ онъ разсѣкся на двое туманной полосою млечнаго пути.

По чистому синему небу промелькнуло нѣсколько метеоровъ и вмигъ угасло, нѣсколько звѣздочекъ покатилось, оставляя за собой золотистые слѣды, и опять величественно и тихо сверкало таинственное дивное небо...

Внизу послышался глухой шумъ, словно лѣсъ зашумѣлъ. Это Висла катила свои черныя воды. Изрѣдка брызнетъ кой-гдѣ вверхъ нѣсколько капелекъ, обольется сіяніемъ и гаснетъ. Воды бѣгутъ и бѣгутъ, шумятъ и кружатся, вздымаются кверху и катятся дальше все впередъ и впередъ. Необъятная водная ширь тонетъ во мракѣ, шумитъ и вьется безъ конца, вьется, словно змѣй исполинскій, что хвоста еще не вытянулъ изъ горъ, а огромною пастью ужъ кидается въ море. Этотъ черный змѣй своимъ огромнымъ тѣломъ врылся глубоко въ землю и врывается все глубже и глубже, огражденный съ обѣихъ сторонъ обрывистыми берегами. Порою при мерцающемъ сіяніи звѣздъ онъ блистаетъ кой-гдѣ своей чешуею—блеснетъ и съ глухимъ рокотомъ, брызгая пѣной, уходитъ все въ даль, въ безконечную даль...

Блуждая позднимъ вечеромъ или ночью по берегу рѣки, невольно вслушиваешься въ этотъ говоръ водъ, въ этотъ рокотъ пѣнистыхъ волнъ, въ этотъ неясный лепетъ, остановишься и глядишь, глядишь и, глядя, забываешься, что нужно тебѣ жить и работать, весь уходишь въ свои заботы и думы и невольно задаешь себѣ вопросъ, долго ли будутъ онѣ еще мыкать тебя по свѣту. Пѣснь льющихся водъ затрагиваетъ въ душѣ безчисленныя струны. Рѣка поетъ:

... Всѣ горести, всѣ слезы, всѣ невзгоды укатитесь съ водами моими...

... Всѣ печальные годы, всѣ безсонныя ночи, всѣ тщетные вздохи идите къ моимъ берегамъ...

... Вы, съ окропленными холоднымъ потомъ лицами, съ красными отъ работы глазами, вы, обезсиленные тоской и отчаяніемъ, склонитесь на мою водяную грудь...

... Вы, съ безпомощно поникшими головами, съ помертвѣлыми устами, придите въ лоно мое, во мнѣ — утѣшеніе, покой, забытье, я убаюкаю васъ, унесу ваше горе...

Безмолвно стояли мы съ Рымковскимъ на берегу, заслушавшись этой дивной, манящей пѣсни рѣки. Я взглянулъ на Рымковскаго; онъ былъ блѣденъ, задумчивъ и глубокой невыразимой грустью дышали его глаза.

ПИСЬМО XL.

Преждевременно выбравшись въ путь, весна неровнымъ, медленнымъ шагомъ шла впередъ, то и дѣло останавливаясь на дорогѣ и вздрагивая отъ холоднаго дыханія еще не уступившей свои права зимы. Кой-гдѣ торопливыя почки, выглянувшія на свѣтъ Божій зелеными краешками, мерзли подъ покровомъ утренняго инея. А тамъ блѣдный цвѣтокъ, коварно взманенный солнышкомъ, уныло поникъ подкошенной вѣтромъ головкой и клонился къ землѣ, которую такъ рано покинулъ. Тамъ и сямъ лежали комья грязнаго снѣга. Чистое небо выглядѣло словно поблекшимъ отъ неустанныхъ дождей.

Къ вечеру, однако, природа вдругъ измѣнилась. Птички, весело щебеча, закружились въ воздухѣ цѣлыми стаями. Солнце, утративъ свою дневную яркость, краснымъ дискомъ уходило далеко на край небосклона и, на минуту пріостановившись, словно желая въ послѣдній разъ взглянуть на Божій свѣтъ, стало медленно погружаться въ темное лоно далекаго горизонта. Откуда-то понесло свѣжестью. Въ воздухѣ повѣяло настоящей весною!

На небѣ замелькали бѣлыя звѣздочки и черезъ минуту разсыпались цѣлымъ роемъ, то загораясь золотымъ блескомъ, то переливаясь разными цвѣтами, словно перебираемыя чьей-то невидимой рукою алмазы.

Синеватый сумракъ окутывалъ окрестность, въ дали выдѣлялись причудливые черные силуэты деревъ. Подулъ теплый вѣтеръ и воцарилась глубокая тишина.

А тамъ вверху небо величественно сверкало безчисленными миріадами яркихъ звѣздъ, гордо красуясь своими сокровищами, которыя свѣтлый день ревниво скрываетъ отъ взоровъ за бѣлой пеленой. Небесный куполъ уходилъ все глубже и глубже, становился все синѣй и синѣй и вдругъ разсѣкся на двое туманной, усѣянной звѣздами полосой млечнаго пути.

Блеснуло, вмигъ угасая, нѣсколько метеоровъ, нѣсколько звѣздочекъ покатилось, оставляя за собою на мгновеніе золотистый слѣдъ, и вновь спокойно величественно сверкало дивное таинственное небо.

Внизу послышался шумъ, словно лѣсъ зашумѣлъ. Это Висла катила свои черныя воды. Порой кое-гдѣ брызнетъ вверхъ нѣсколько капелекъ, обольется сіяніемъ и гаснетъ. Воды бѣгутъ и бѣгутъ, шумя и крутясь, вздымаются кверху и катятся впередъ и впередъ. Необъятная водная ширь тонетъ во мракѣ, кажется будто змѣй исполинскій, хвостомъ еще прячась въ горахъ, а огромною пастью ужъ ринувшись въ море, растянулся во всю свою длину и огромнымъ тѣломъ своимъ тысячелѣтіями углубляется въ землю все глубже и глубже, оградивъ себя съ обѣихъ сторонъ обрывистыи берегами. Порою, при мерцающемъ сіяніи звѣздъ, блеснетъ онъ кой-гдѣ своей чешуею—и вновь,

крутясь и вздымаясь, съ глухимъ рокотомъ катятся пѣнистыя волны въ даль, въ безконечную даль.

Блуждая позднимъ вечеромъ или ночью по берегу рѣки, невольно вслушиваешься въ этотъ говоръ водъ, въ этотъ рокотъ волнъ, въ этотъ неясный лепетъ, остановишься и глядишь, глядишь и, глядя, забываешь, что тебѣ еще нужно жить и работать, весь уходишь въ свои заботы и думы, словно вопрошая ихъ, долго ли будутъ онѣ еще мыкать тебя по свѣту. И въ душѣ колеблются и звенятъ безчисленныя струны, вторя пѣснѣ рѣки. Она поетъ:

...Всѣ горести, всѣ слезы, всѣ невзгоды—укатитесь съ водами моими...

...Всѣ тоскливые годы, всѣ безсонныя ночи, всѣ тщетные вздохи—неситесь къ моимъ берегамъ...

...Всѣ вы, съ потускнѣвшими отъ страданій глазами, съ окропленными холоднымъ потомъ лицами, сь помертвѣлыми устами,—склонитесь ко мнѣ на грудь...

...Всѣ вы, что въ безнадежномъ отчаяніи поникли головой, что безсильно ломаете руки,—придите въ лоно мое... во мнѣ—утѣшеніе, покой, забытье, я убаюкаю васъ, унесу ваше горе...

Безмолвно стояли мы съ Рымковскимъ на берегу, заслушавшись дивной, манящей пѣсни рѣки. Я взглянулъ на него; лицо его было блѣдно, задумчиво и глубокой, невыразимою грустью дышали его глаза.

Но этого лица еще не коснулась жизнь своимъ рѣзцомъ и еще не исказила его чертами горечи, разочарованій, угаснувшихъ надеждъ. И мнѣ подумалось, что этотъ юноша—это пестрый мотылекъ нашихъ луговъ: какой-то теплый вѣтерокъ случайно занесъ его въ нашъ городской омутъ, но на крылышки его еще не сѣла сѣрая пыль, еще дожди не смыли его на мостовую, еще никто изъ прохожихъ не успѣлъ наступить на него ногой.

Кто-жъ будетъ первымъ?

И я уже хотѣлъ было взять его за руку и высказать ему все то, что такъ давно хотѣлъ ему сказать...

— Знаете ли, что?—глядя на звѣзды, вдругъ заговорилъ онъ самъ удивительно мягкимъ, душу ласкающимъ голосомъ.—Вотъ говорятъ, надо, чтобы всѣ люди были умными... Говорятъ, надо, чтобы люди были добрыми... А я, знаете-ли, я сталъ бы ходить по всѣмъ улицамъ, по всѣмъ городамъ и деревнямъ и говорилъ бы одно: надо, чтобы люди были счастливыми!

Я переждалъ минутку и прошепталъ:

— Слушай, Рымковскій, скажи мнѣ, ты любишь... Бронку?

Онъ опустилъ голову. Я взялъ его за обѣ руки и смотрѣлъ ему прямо въ лицо. Онъ покраснѣлъ, замялся, поднялъ на меня испуганный взглядъ...

— Вѣдь вы объ этомъ...—что-то несвязно бормоталъ онъ.

— Ступай въ деревню, къ своимъ!—воскликнулъ я, задыхаясь отъ волненія.

Мы молча шли обратно въ городъ.

ПИСЬМО XLI.

Я только, что успѣлъ вернуться домой и сталъ зажигать лампу, какъ вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась, и въ комнату вбѣжала Бронка.

Я остановился, какъ вкопанный.

Она бросила въ уголъ зонтикъ, сдернула съ головы шляпу и, швырнула ее на земь и, прижавшись лицомъ къ стѣнѣ, начала всхлипывать.

Я не рѣшался тронуться съ мѣста.

Рыданія Бронки становились все сильнѣй, все громче и, наконецъ, вдругъ перешли въ какіе-то нечеловѣческіе крики. Все тѣло дѣвушки передергивалось, какъ въ лихорадкѣ.

Я не подходилъ къ ней, чтобы разспросить, утѣшить; во мнѣ словно все окаменѣло, замерло.

Вдругъ она отвернулась отъ стѣны, заломила надъ головой руки и повалилась на полъ.

Я оперся руками на столъ и опустилъ голову. Холодная дрожь стала пробѣгать по моему тѣлу. Черезъ минуту я пересилилъ себя, сжалъ кулаки, потеръ рукою лобъ. Я искоса поглядѣлъ на нее.

Изъ горла ея вырывались какіе-то хриплые звуки. Я сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ.

— Бронка!..

Я нагнулся надъ нею. Какая-то зловѣщая судорога искривила ея лицо. Мнѣ стало страшно. Я бросился за водой, сталъ поливать ей голову, лицо, разстегнулъ воротникъ. Она открыла глаза, посмотрѣла на меня блуждающимъ взглядомъ, но потомъ, узнавъ меня, опять положила голову на руки и заплакала, какъ дитя.

— Ну, Броня, Броня, — шепталъ я, наклоняясь къ ней,—не будь размазней... ну, тише, тише, Бронка, тише...

Мало-по-малу она стала успокоиваться, положила лицо мнѣ на колѣни и крупныя, теплыя слезы, одна за другой, закапали мнѣ на руки, на костюмъ.

Я поднялъ ее съ земли и усадилъ на постель. Она прижалась ко мнѣ, вся дрожа, какъ въ лихорадкѣ, зубы у ней стучали. Я подалъ ей стаканъ воды, она жадно выпила его и потомъ опять прижалась ко мнѣ и заплакала.

Наконецъ, она притихла и, прошептавъ нѣсколько разъ: «ужасно, ужасно, ужасно!» положила голову мнѣ на грудь и молчала.

Я погладилъ ее по волосамъ. Она еще сильнѣе прижалась ко мнѣ и вдругъ, осторожно приподнявъ голову и смотря мнѣ въ лицо, залепетала:

*

— Знаете... знаете... этого, вѣрно, еще ни съ кѣмъ въ жизни не бывало и не будетъ...

— Тише, тише,—успокаивалъ я ее.

— Иду я по улицѣ... знаете... по Маршалковской... Вдругъ... сердце у меня такъ и замерло... Господи! крикнула я... Какая-то дикая, безумная радость меня охватила... Бѣгу я, протягиваю руки... А онъ... онъ отворачивается... не смотритъ... притворяется, что не узнаетъ меня... Знаете... такъ... такъ... Знаете... Папенька!.. Папенька мой!.. Мой старый, сѣдой мой папенька!

Слезы сдавили мнѣ горло.

— Знаете... я еще своимъ глазамъ... не вѣрила... иду я за нимъ, руки протянувши... Смотрю... Да, таже бурка... и шапка таже... Это онъ! онъ!.. Папашенька мой!.. Хватаю его за локоть... А онъ даже не повернулся... даже одного словечка не сказалъ... только... и не глядя на меня... взялъ такъ рукою... и тихонько меня оттолкнулъ.

Голосъ у ней оборвался... Ледяной ужасъ сковалъ меня, только внутри, я чувствовалъ, что-то горѣло.

— И знаете... Остановилась я... Стою, какъ окаменѣлая... въ себя придти не могу... Гляжу... А онъ идетъ дальше, голову опустилъ... пропадаетъ въ толпѣ... вотъ еще виденъ... а тутъ набѣжала толпа гимназистокъ... и я ужъ больше не видала его... И не оглянулся на меня даже... Даже голоса его я не услышала... ничего... ничего... какъ чужая... хуже чѣмъ чужая... Папенька мой стыдился меня... меня... меня стыдился... сѣдой мой, старенькій папенька!..

Я больше не въ силахъ былъ выдержать; я всталъ, прошелся по комнатѣ и безсильно упалъ въ кресло, закрывая лицо руками.

И думалось мнѣ: за что мучается такъ на свѣтѣ эта бѣдная дѣвушка, отчего это жизнь такъ ожесточилась противъ нея, отчего такъ спугиваетъ ее отовсюду, какъ истомленную птицу... Отчего, гдѣ бы она ни остановилась на порогѣ, крыша зажигается надъ ея головой, и она все должна идти дальше и дальше... Всѣ зовутъ ее, всѣ протягиваютъ къ ней свои объятія, и, обнявъ, отталкиваютъ ее отъ себя и велятъ идти дальше... Куда? Одинъ Богъ вѣдаетъ...

И думалъ я о Стефкѣ, первомъ виновникѣ ея гибели, который ее совратилъ, обезчестилъ и такъ нагло оттолкнулъ потомъ... И думалъ я о той ужасной покровительницѣ покинутыхъ дѣвушекъ, что «лечитъ» ихъ отъ непрошенныхъ послѣдствій, съ тѣмъ, чтобы потомъ заманить въ свою ночную армію... И еще думалъ я о Густавѣ, о Юліи, о Стасѣ, обо всѣхъ этихъ художникахъ, эстетикахъ, сверхъ-людяхъ, призванныхъ служить одному прекрасному и пробуждать въ варварской толпѣ тонкія, возвышающія душу чувства... Я думалъ объ этихъ жрецахъ искусства, объ ихъ картинахъ, изображающихъ чувствительныя сцены—и вдругъ вся эта ихъ красота, всѣ ихъ тонкія чувства, все ихъ служеніе искусству представилось мнѣ такою ложью, такою чудовищной,

отвратительной ложью. Нѣтъ! думалъ я, тутъ нѣтъ божества, тутъ какое-то апокалипсическое чудовище, которому человѣчество должно каждый годъ отдавать въ жертву сотни едва успѣвшихъ расцвѣсти дѣвушекъ, погружая въ отчаяніе ихъ отцовъ, что никогда потомъ забыть этого не могутъ...

И думалъ я о попыткахъ этихъ дѣвушекъ взяться за работу, объ ихъ тщетныхъ усиліяхъ вырваться какъ-нибудь изъ этихъ дьявольскихъ сѣтей... Я думалъ о Краковѣ... я думалъ о Медвеѣ:..

Вдругъ передъ моими глазами предсталъ образъ Рымковскаго.

Я содрогнулся.

Нѣтъ, мнѣ не разрѣшить этой задачи... Рымковскій!.. Нѣтъ, тутъ нужны другія силы, нужны общія, соединенныя, колоссальныя силы, тутъ ничего не поможетъ голова какого-то ненормальнаго человѣка.

Я невольно оглянулся.

Бронка лежала на постели, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Въ комнатѣ было тихо. Я взялъ лампу, тихонько подошелъ къ постели и посвѣтилъ...

Бронка спала. Только отъ времени до времени она вся вздрагивала и, всхлипывая, глубоко вздыхала. Такъ засыпаютъ маленькія дѣти, наплакавшись, когда мать уйдетъ и оставитъ ихъ дома.

ПИСЬМО XLII.

Геніи нерѣдко тяжело грѣшатъ противъ человѣчества, но ихъ великія заслуги горой подымаются надъ могилой, въ которой грѣхи ихъ предаются забвенію. У талантовъ же мы видимъ почти совсѣмъ обратное явленіе. На огромной кучѣ ихъ грѣховъ сидитъ, важно нахохлившись, птенчикъ—ихъ духовная лепта обществу. Время сталкиваетъ этого птенчика въ бездну вѣчнаго забвенія, но куча грѣховъ остается на мѣстѣ.

Развѣ кто-либо при жизни можетъ сказать о себѣ: я—тотъ, кого ждали вѣка!

При жизни... Скажемъ лучше: при жизни въ первой ея половинѣ, когда вдохновеніе еще не успѣло и не могло широко развернуть свои крылья, а грѣхи такъ и влекутъ къ себѣ...

Художники, которые не желаютъ признавать частичной силы, не видятъ того, что человѣчество, частицами котораго они состоятъ, раздавитъ ихъ въ пухъ и въ прахъ. Поэты, что уносятъ свои чувства въ какое-то четвертое измѣреніе, сами обрекаютъ себя на гибель. Пѣвцы, что хотятъ быть красивой игрушкой въ рукахъ женщинъ, современемъ будутъ выброшены, какъ негодные плевелы, въ мусорную яму забвенія. Художники безъ чести и вѣры, что не отличаютъ добродѣтели отъ порока, что достигаютъ славы своей цѣною чужого позора, получатъ когда-нибудь возмездіе: рабочія пчелы въ ульѣ человѣче-

ства поймутъ, что они только трутни, и скоро обрѣжутъ имъ мишурныя крылышки.

Настанутъ же, я думаю, такія времена!

Вѣдь человѣчество, что водная стихія. Дѣлай что угодно съ ея берегами, не касаясь только уровня водъ—она себѣ спокойно будетъ катиться дальше. Но пусть только толпа смѣльчаковъ попробуетъ подорвать ея стѣны—и она вмигъ круто измѣнитъ теченіе и всей своей массой ринется на нихъ...

Сѣренькое утро заглянуло въ окно и ослабило свѣтъ горѣвшей на столѣ лампы. Я повернулъ голову къ кровати.

Бронка приподнялась, протерла глаза, безсознательно посмотрѣла на меня и испуганно заговорила:

— Что это? Что это такое? Гдѣ я?...

Я поднялся со стула, надѣлъ пальто и шляпу и подойдя къ ней, сказалъ:

— Слушай, Бронка, раздѣнься, какъ слѣдуетъ, и ложись. Я ухожу. Запри дверь на ключъ и никого не впускай. Можешь спать хоть цѣлый день.

Она поднялась и сѣла на постели.

— Знаете, что...—заговорила она, глядя куда-то впередъ и потирая рукой лобъ.—Мнѣ снилось... все время мнѣ снилось, будто я была духомъ... такимъ блѣднымъ духомъ.

— Ну, ладно, ладно... Я ухожу... запри дверь на ключъ...

— Сейчасъ, сейчасъ... Погодите... И вотъ знаете... вѣтеръ ночью занесъ меня къ какому-то дому... въ окнахъ свѣтло было... И такой мнѣ этотъ домъ какъ-будто знакомый... гдѣ-то среди полей, среди деревьевъ... Подхожу я къ одному окну... руки у меня такъ на груди сложены, а оттуда высовываются люди и отгоняютъ меня крестнымъ знаменіемъ... иду къ другому окну... и тамъ тоже... Брожу я такъ вокругъ этого дома, а тутъ на крыльцо выбѣгаетъ даже собака... и такъ мнѣ что-то эта собака знакома... выбѣгаетъ и начинаетъ выть на меня. . . . .

. . . .

ПИСЬМО XLIII.

Я до самаго полудня безцѣльно бродилъ по улицамъ. Эка огромная мельница—эта наша Варшава!

Тысячи извощичьихъ колесъ неутомимо вертятся день и ночь, сотни тысячъ ногъ топчутъ тротуары. Длинные ряды домовъ воздвигаются по улицамъ, а люди копошатся, копашатся словно огромный муравейникъ, и каждый тащитъ на своихъ плечахъ свой мѣшокъ дѣлъ, занятій, проектовъ! Ежегодно на лошадяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ доставляются все новыя и новыя партіи людей, и всѣ они разсыпаются

во всѣ стороны, теряясь въ общемъ роѣ. Всякій новый пришелецъ за что-нибудь ухватывается въ этой мельницѣ, цѣпляется за какое-нибудь колесо, беретъ какой-нибудь мѣшокъ и тащитъ его дальше. А мельничныя жернова вертятся и вертятся безъ конца—и не дай Богъ кому-нибудь зацѣпиться въ нихъ—вмигъ измелютъ въ муку! А вѣялка, приводимая въ движеніе какой-то невидимой силой, все выбрасываетъ, одинъ за другимъ, людскіе плевелы, все дальше и дальше, съ первоклассныхъ улицъ на второстепенныя, на предмѣстья, за заставы, а порою и въ Вислу-матушку, либо подъ колеса обѣгающихъ Варшаву поѣздовъ.

Побывалъ я, между прочимъ, на выставкахъ. На одной изъ нихъ я встрѣтилъ Стася.

Хотѣлъ бы я очень знать, гдѣ это онъ себѣ раздобылъ свою физіономію... Представьте вы себѣ, милый Людвигъ, пышку съ пенснэ на носу; коротко подстриженные волосы выглядятъ, точно посыпанный на этой пышкѣ песочный сахаръ. Глазъ изъ-за пенснэ вовсе почти не видать, губы у него развѣ внутри, ибо снаружи ихъ не видать, а только вотъ какъ будто бы кто-то взялъ да сдѣлалъ на этой пышкѣ сверху маленькій надрѣзъ ножемъ—и вышелъ ротъ. Вы знаете, теперь въ кондитерскихъ подаютъ пышки въ бѣлыхъ бумажкахъ, ну, а тутъ вмѣсто бѣлой бумажки—бѣлый воротничекъ, на этомъ-то воротничкѣ красуется пышка въ пенснэ. И все это помѣщается на какомъ-то черномъ столбѣ съ двумя едва раздвинутыми ногами.

Стась почти никогда ничего не говоритъ, онъ только слушаетъ, что говорятъ ему, и дѣлаетъ при этомъ иронически-презрительную гримасу.

Картины его тоже представляются какъ бы презрительной гримасой, пущенной по адресу суеты житейской. На выставкѣ онѣ всегда производятъ сенсацію.

У насъ съ нимъ произошелъ вотъ какой казусъ.

— Поглядите-ка,—говорю я ему,—что это вашъ братъ выдѣлываетъ! Вы видите вонъ тамъ этотъ квадратикъ? Что это, какое-то матовое стекло, что-ли? А за стекломъ лежитъ какъ будто какая-то грязная тряпка, свернутая въ комокъ.

Стась молчитъ. Смотрю на него—на лицѣ у него иронически-презрительная гримаса.

Я протираю глаза, приближаюсь къ тому, что мнѣ показалось матовымъ стекломъ—и, право, я остолбенѣлъ.

Матовое стекло обращается въ туманъ, а грязная тряпка—въ развѣсистую вербу, которая какъ будто качаетъ обнаженными вѣтвями отъ ноябрьскаго вѣтра.

Поворачиваюсь къ Стасю. А онъ все молчитъ и на лицѣ его все та же иронически-презрительная гримаса.

Я опять перевожу взглядъ на картину и что же я вижу? Разсы-

павшіеся по землѣ листья складываются въ гіероглифическую подпись: Станиславъ Ратай...

— Ну, знаете ли, ужъ этого я, право, никакъ не ожидалъ, глядя на матовое стекло,—говорю я, въ недоумѣніи покачивая головой передъ картиной.

Стась все продолжаетъ молчать и гримаса на лицѣ его, на которомъ блеститъ пенснэ, становится все презрительнѣе.

Предъ картиной останавливаются двѣ дамы.

— Посмотри, Соня, что это такое?—говоритъ одна изъ нихъ, прикладывая лорнетъ къ глазамъ.

Та подходитъ къ картинѣ, нагибается и начинаетъ читать по складамъ:

— Ста-ни-славъ Ра...

— Ратай! Знаю, знаю! А что тамъ еще написано?

— Цѣна: четыреста рублей...

— Да нѣтъ же! Я спрашиваю, названіе какое?

— Названія нѣтъ.

— Ахъ да, правда, вѣдь теперь въ модѣ безъ названія... Главное въ впечатлѣніи, а не въ названіи... Видишь ли, Ратай, Ратай...

Она покачиваетъ головой и, продолжая стоять передъ качающейся вербой, отъ времени до времени посматриваетъ на другія картины.

Стась стоитъ неподвижно, съ презрительной гримасой на лицѣ.

Подходитъ какой-то дядюшка съ нѣсколькими барышнями, которыя, не стѣсняясь, шумятъ и смѣются.

— Дядюшка, дядюшка, пойдемте къ ратаевскому стеклу съ тряпкой!—кричатъ онѣ всѣ заразъ.

— Тише, глупыя...

— Манька, не кричи такъ!.. Тише, Юзя!.. Соня, перестань такъ ногами шаркать, а то дядя съ нами больше не пойдетъ!

Они подходятъ, наконецъ, къ картинѣ Ратая.

— Фу, ты чортъ, полѣзетъ же бестіи въ голову этакая ерундистика!—бормочетъ дядюшка.

— Дяденька, дяденька, что это такое ерундистика? Что это такое?—налетѣли на него дѣвчонки со всѣхъ сторонъ.

Дядюшка со всею кучей надоѣдливыхъ подростковъ удаляется, объясняя имъ:

— Видите ли, дурочки, ерундистика—это...

Больше нельзя разслышать.

Стась молчитъ, дѣлая презрительно-снисходительную гримасу.

Въ это время откуда-то выростаетъ передъ нами Юлій. Мы здороваемся другъ съ другомъ. Стась съ глубоко-презрительнымъ видомъ подаетъ ему свою руку. Юлій задерживаетъ мою руку и отводитъ меня въ сторону.

— У меня къ вамъ имѣется маленькое дѣльце...—И, обращаясь къ Стасю со сладенькой улыбочкой, онъ произноситъ:

— Вы, надѣюсь, ничего противъ этого не имѣете?

Стась презрительно молчитъ.

— Терпѣть не могу этого шута...—шепчетъ Юлій, нагибаясь ко мнѣ.

— Но онъ художникъ съ душой,—говорю я.

— Да съ несовременной душой. Мутитъ только народъ...

— Чѣмъ могу служить?

— Вотъ я васъ прошу... завтра... но навѣрно?.. Завтра вечеромъ я устраиваю маленькій ужинъ...

— Но, вы знаете, вѣдь я еще не совсѣмъ здоровъ...

— Вы можете ничего не пить и не ѣсть. У насъ полная свобода. Я умѣю уважить права индивидуальности... Такъ, значитъ, я могу на васъ навѣрно разсчитывать?

— Я бы лучше...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, вы меня обидите... Притомъ это не простой ужинъ. Мы будемъ обсуждать устройство нашего кружка...

— Да я вѣдь собственно къ вашему кружку не принадлежу...

— Это ничего! Вы написали замѣчательную вещь—вотъ эту легенду о сивиллиныхъ книгахъ, и мы васъ считаемъ своимъ.

— Эту глупость...

— Ну, ну, ну, знаемъ мы вашу скромность... Слушайте! Не слѣдуетъ быть скромнымъ, особенно въ Варшавѣ—это прямо несчастье... Вѣрьте мнѣ! Нужно быть крайне самоувѣреннымъ, не то васъ будутъ ставить ни во что...

— Ну, и пускай себѣ ставятъ меня ни во что...

— О, позвольте! Мы, художники, этого ни за что не допустимъ! Вы намъ необходимы.

— На что? На то развѣ, чтобы выслушивать ваши теоріи и разглядывать ваши картины...

— Итакъ, вы значитъ обѣщаете?

— Обѣщать не могу...

— Ну, тогда мы къ вамъ пришлемъ депутацію...

— Помилуйте, ради Бога!

— Такъ вы будете навѣрное. Будетъ Густавъ, будетъ Медвей... Будетъ нѣсколько натурщицъ...—прибавляетъ онъ шепотомъ, наклоняясь къ самому моему уху.

Я быстро подымаю голову, а онъ, дѣлая незамѣтный жестъ въ сторону Стася, шепчетъ: «А этого шута не будетъ!» и заливается тоненькимъ смѣшкомъ. Потомъ, слегка прикасаясь рукою къ краю цилиндра, онъ дѣлаетъ изящный пируэтъ и исчезаетъ за колонной. Въ воздухѣ еще носится тоненькій смѣшокъ.

ПИСЬМО XLIV.

Едва только успѣлъ отойти Юлій, какъ предо мною очутился Шанявскій. Онъ взялъ меня подъ руку и повелъ въ смежную залу посмотрѣть его одалиску.

Я съ перваго взгляда узналъ въ ней Бронку.

Долго, долго глядѣлъ я на эту картину. Шанявскій стоялъ подлѣ и слѣдилъ за каждымъ моимъ движеніемъ.

Наконецъ, изъ груди у меня вырвался вздохъ.

— Ну, что, производитъ впечатлѣніе не правда ли? — шепнулъ онъ мнѣ.

— Да-съ, сударь, производитъ,—отвѣтилъ я,—и даже гораздо болѣе сильное, чѣмъ вы предполагаете...

Мнѣ показалось, что я сказалъ ему этимъ черезчуръ много, такъ какъ я собственно подразумѣвалъ впечатлѣніе совершенно иной категоріи. Но Шанявскій самодовольно улыбнулся и произнесъ:

— Я очень радъ, что вамъ, наконецъ, хоть одна изъ моихъ картинъ нравится.

Я опустилъ голову и молчалъ. Шанявскій въ самомъ пріятномъ настроеніи сталъ водить меня отъ одной картины къ другой, давая мнѣ всѣ возможныя и невозможныя объясненія. Сначала я еще слушалъ его однимъ ухомъ, но, наконецъ, пересталъ совершенно слушать и углубился въ свои думы. Мы съ нимъ прохаживались по залѣ взадъ и впередъ. Онъ говорилъ сначала, кажется, что-то о своей одалискѣ, потомъ о какой-то новой, задуманной имъ картинѣ, но, наконецъ, замѣтивъ, что я о чемъ-то задумался, проговорилъ въ полголоса:

— У васъ, должно быть, какая нибудь непріятность?

— Скажите вы мнѣ, — отвѣтилъ я, — отчего это во всемъ этомъ (я обвелъ рукою вокругъ) такъ мало фантазіи, такъ мало размаху? Отчего все это такъ сѣро, такъ однообразно?.. Вѣдь говорятъ, что у насъ живопись торжествуетъ теперь эпоху расцвѣта. Скажите же мнѣ, гдѣ въ этой залѣ знаменія этой эпохи?

Онъ чуть-чуть покраснѣлъ и прошепталъ:

— Будьте, пожалуйста, откровенны... Вамъ моя картина не понравилась?

— О вашей картинѣ мы уже говорили. Ужъ не стану я говорить и о картинахъ Стася Ратая...

— Э, Ратай...

— Ладно, оставимъ мы Радая. Но въ такомъ случаѣ вопросы, которые я вамъ сейчасъ поставилъ, пріобрѣтаютъ еще болѣе важное значеніе.

— Да, ваши жалобы отчасти справедливы, — грустнымъ тономъ заговорилъ Шанявскій.—Я тоже иногда объ этомъ думаю. Видите ли, въ этомъ виновата варшавская жизнь. Здѣсь эта жизнь такъ кипитъ, что нельзя сосредоточиться. Намъ не достаетъ какого нибудь художественнаго центра. У художниковъ въ мастерскихъ пусто, сѣро, нѣтъ сюжетовъ. Мы всѣ словно ждемъ какого нибудь Мессію, который вдохнулъ бы въ насъ новую жизнь, новый жаръ...

— Мнѣ казалось, что у васъ всего недавно было еще такъ на-

зываемое «совсѣмъ новое направленіе». Чего же вы хотите? Неужели же вамъ нужно еще чего нибудь «самоновѣйшаго», что ли?

— Шутки въ сторону. Эти «совсѣмъ новыя» вещи ужъ намъ пріѣлись. Во-первыхъ, въ нихъ не было ничего особенно новаго, а во-вторыхъ, отъ нихъ вѣяло какимъ-то холодомъ, такъ что они не могли дѣйствовать на публику.

Нѣсколько минутъ ходили мы по залѣ молча. Публика постепенно рѣдѣла. Въ самомъ дѣлѣ, удивительно пусто и сѣро было кругомъ.

— Если бы наши заграничные художники,—началъ опять Шанявскій,—отъ времени до времени кой-чего не присылали сюда, тогда, право, рѣшительно не за чѣмъ было бы сюда приходить!

— Однако, вы здѣсь, кажется, бываете довольно часто.

— Надо же какъ бы тамъ ни было послушать, что говоритъ публика...

— А мнѣ казалось, что вы относитесь съ презрѣніемъ къ этой толпѣ... По крайней мѣрѣ, не такъ давно вы, кажется, придерживались такой теоріи.

— Разумѣется, такъ; мы и продолжаемъ презирать ее и теорій нашихъ мы не мѣняемъ, какъ перчатки. Однако, ходить сюда намъ нужно и въ доказательство этого я назову вамъ тѣхъ, кого вы здѣсь всегда можете встрѣтить: назову вамъ Юлія, назову вамъ Медвея, назову вамъ десятки другихъ. Даже вотъ и Ратай приходитъ, хоть только всего и дѣлаетъ, что презрительно улыбается. Ничего не подѣлаешь! Жить надо!

— Такъ чего же ради, въ такомъ случаѣ, вы вертитесь въ этомъ заколдованномъ колесѣ, почему не стараетесь освѣжить свою душу, набраться новыхъ впечатлѣній, чтобы сердце надъ чѣмъ нибудь забилось сильнѣе? Вѣдь у васъ бы кисть дрогнула въ рукѣ съ иною силой!

— Вотъ то-то же, что стараемся! Вотъ я теперь собираю деньги на новую поѣздку въ Парижъ...

— За сюжетами?

— Зачѣмъ за сюжетами? Просто для того, чтобы освѣжиться немного...

— Удивительное дѣло! Мнѣ кажется, французскіе художники удираютъ изъ Парижа, чтобы освѣжиться...

— Ну, это вы ошибаетесь! Парижъ — это центръ міра, сюжетовъ, всего на свѣтѣ!

— А знаете ли вы, что наши великіе художники тоже удирали изъ Парижа на родину за фантазіей, за вольнымъ размахомъ, за матеріаломъ и вдохновеніемъ!

Шанявскій начиналъ хмуриться и раздражаться. А я продолжалъ:

— Да только эти великіе наши художники жили, какъ истые ху-

дожники, вы же... Послушайте, что вы дѣлаете сегодня вечеромъ? — вдругъ спросилъ я, какъ будто бы переходя на другую тему разговора.

— Сегодня? Иду на раутъ.

— А завтра?

— Завтра вечеринка у Юлія.

— А послѣзавтра?

— Послѣзавтра пріемный день у графини Жиглинской.

— А послѣ послѣзавтра?

— Мы идемъ всей нашей компаніей на концертъ. Да зачѣмъ вамъ это?

— Въ которомъ часу вы встаете?

— Около одиннадцати.

— Неправда ли, у васъ голова болитъ послѣ вчерашняго, когда вы встаете?

— Да, немного...

— Потомъ вы идете на выставку?

— Какъ видите.

— Потомъ завтракать?

— Не угодно ли вамъ пойти со мной вмѣстѣ? Хорошо?

— Потомъ вы идете погулять на Краковское Предмѣстье или въ Аллеи?

— Нѣтъ, я послѣ завтрака возвращаюсь въ мастерскую.

— А въ пять уже темно и нужно собираться туда, гдѣ пріемные дни? Вѣдь вамъ нужно показываться въ обществѣ, я понимаю...

— Само собою разумѣется.

— Безспорно... Но только скажите вы мнѣ, пожалуйста, когда же вы, собственно говоря, рисуете?

Шанявскій высвободилъ свою руку и, сердито глядя на меня, произвесъ:

— Что это вы меня постоянно такъ раздражаете? Вы развѣ не понимаете, что вы меня этимъ на цѣлую недѣлю выводите изъ равновѣсія??

— Я васъ покорнѣйше прошу простить меня, но, мнѣ кажется, я—не «five o'clock» и не раутъ, не вечеринка и не графиня Жиглинская, чтобы выводить васъ изъ равновѣсія...

— Вы не понимаете жизни...

— Нѣтъ, я не понимаю васъ!

Разговоръ оборвался.

Шанявскій стиснулъ зубы, лицо у него пожелтѣло, а черные глазки ушли глубоко въ орбиты.

— Придумайте что-нибудь...—произнесъ онъ черезъ минуту, потрепывая себя перчаткой по ногѣ.

— Не можете ли вы мнѣ сказать,—спросилъ я,—что побуждаетъ васъ заняться работой?

— Отчего же? Я могу вамъ сказать: любовь къ искусству, любовь къ славѣ...

— А не можете ли вы мнѣ сказать, что такое, напримѣръ, любовь къ искусству?

— Вы задаете странные вопросы.

— Они вовсе не такъ странны. Ну, вотъ, напримѣръ, вы натягиваете полотно, берете кисть и палитру, подходите къ мольберту—такъ за вашей спиною стоитъ любовь къ искусству и водитъ вашей рукой?

— Вы все такъ превратно понимаете.

— А съ другой стороны стоитъ любовь къ славѣ и показываетъ вамъ на палитрѣ, какъ подбирать краски?

— Именно, именно!—вскричалъ Шянявскій, задыхаясь отъ бѣшенства.—Именно! Знайте же, что именно такъ!

— А скажите, какая изъ этихъ дѣвушекъ красивѣе: любовь къ искусству или любовь къ славѣ?

Сверхъ-человѣкъ не выдержалъ. Губы его исказились, ноздри расширились, глаза заблистали. Казалось, онъ такъ на меня сейчасъ и кинется. Но вдругъ онъ громко расхохотался и закашлялся.

— Ну, что тамъ!—воскликнулъ онъ.—Идемте завтракать. Я приглашаю васъ, вы будете сегодня моимъ гостемъ! Вѣдь вы написали такую чудную вещицу о сивиллиныхъ книгахъ...

— А теперь вотъ какъ разъ собираюсь написать еще чуднѣе, о васъ, Густавъ.

— Потѣшный вы человѣкъ!

— Я васъ изображу передъ мольбертомъ съ палитрою въ рукѣ. Съ одной стороны будетъ стоять любовь къ искусству безъ бурки отъ Герзе и безъ многихъ вещей, а съ другой стороны—любовь къ славѣ въ точно такомъ же костюмѣ. Обѣ эти любви будутъ вамъ глаза платкомъ завязывать и бѣгать около васъ, крича: «ловите насъ, ловите!» а вы будете гнаться за ними...

— Откуда вамъ въ голову приходятъ подобныя мысли?

— Откуда? Да при одной мысли, что я ѣду въ Парижъ...

— Вы ѣдете въ Парижъ?—встрепенулся Шанявскій.—И вы мнѣ ничего не говорите! Поздравляю васъ, отъ души поздравляю! О, по этому случаю надо выпить...

Но тутъ же онъ опустилъ голову и грустнымъ тономъ произнесъ:

— Здѣсь, дѣйствительно, нечего дѣлать.

— Эхъ, знаете,—отвѣтилъ я,—здѣсь собственно *некогда* дѣлать... Что же касается остального...

Я остановился въ нерѣшительности. Я пытливо посмотрѣлъ ему въ глаза и думалъ: сказать ли ему откровенно, или нѣтъ...

Но нѣтъ! Не скажу... Онъ никогда не повѣритъ!

Знаете ли вы, дорогой Людвигъ, что я хотѣлъ ему сказать?

Я хотѣлъ ему сказать: Гутекъ, милый мой мальчикъ, къ чему тебѣ

рисовать Бронокъ безъ бурокъ отъ Герзе и безъ многихъ другихъ принадлежностей туалета?

Выйди ты лучше изъ дому на улицу, кинь ты свою палитру, бери въ руки простую малярскую кисть, намочи ее въ ведрѣ и крась дома.

Правда, не будетъ уже тогда трагедій наболѣвшихъ душъ, не будетъ вниканія въ себя, не будутъ жаловаться Бронки на то, что отцы отворачиваются отъ нихъ на улицѣ, но зато нашъ городъ будетъ красоваться отлично выкрашенными домами . . . .

Разумѣется, я этого не могъ сказать Шанявскому: во-первыхъ, онъ никогда бы этому не повѣрилъ, а во-вторыхъ, довольно съ меня этихъ поѣздокъ на разсвѣтѣ въ первую рощицу за гроховской заставой...

ПИСЬМО XLV.

Дорогой Людвигъ! Въ чемъ вы меня обвиняете? Въ томъ, что я преувеличиваю? Вы говорите, что я всѣ факты обольщенія молодыхъ дѣвушекъ и нравственной разнузданности отношу несправедливо исключительно на счетъ сверхъ-людей и что этому противорѣчатъ всѣ уголовныя преступленія, всѣ полицейскія записи и протоколы?

Быть можетъ. Во всякомъ случаѣ, я долженъ вамъ сказать, что я полагалъ, что, выступая въ защиту сверхъ-людей, вы сошлетесь на другого рода факты.

Я полагалъ также, что, согласно съ законами всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, люди, отдавшіе себя на служеніе «прекрасному», должны быть въ большей степени отвѣтственны за «некрасивые поступки», чѣмъ, напримѣръ, личности, не занимающіяся никакой профессіей изъ области прекраснаго.

Наконецъ, я думалъ еще и то, что если, по закону всемірнаго тяготѣнія, къ землѣ притягиваются одинаково всѣ люди безъ исключенія, внѣ всякой зависимости отъ ихъ сословія, происхожденія и наклонности къ вниканію въ себя, то и законы нравственнаго тяготѣнія должны быть для всѣхъ, безъ исключенія, обязательны въ одинаковой степени.

Правда, сверхъ-человѣкъ этого не признаетъ. Но въ такомъ случаѣ не было ли бы, пожалуй, лучше, ради избѣжанія возникающихъ по этому поводу недоразумѣній, не было ли бы лучше, говорю я, чтобы эти сверхъ-люди основали себѣ гдѣ-нибудь подальше отъ людей отдѣльное государство.

А то, право, настоящія недоразумѣнія нарушаютъ нѣсколько взаимную гармонію. Посудите сами.

Люди обязаны доставлять сверхъ-человѣку всевозможные съѣстные припасы, подчасъ довольно-таки дорогіе, что они, впрочемъ, выполняютъ не всегда одинаково добросовѣстно и аккуратно. Сверхъ-человѣкъ же отплачиваетъ имъ за это своими картинами, которые, надо

сказать, не всегда бываютъ первостепенной цѣнности, а вдобавокъ послѣ разсчета въ большинствѣ случаевъ отзывается о нихъ не совсѣмъ благопристойнымъ образомъ. Среди порядочныхъ людей такіе факты не пользуются особымъ уваженіемъ.

Люди даютъ художникамъ всевозможные предметы мужского туалета, чистятъ имъ сапоги, возятъ ихъ, а они взамѣнъ совращаютъ ихъ дочерей, такъ что, право, за дѣвушками, особенно за красивыми, никакъ не услѣдишь. Если сверхъ-человѣкъ считаетъ себя, въ сущности, только гостемъ въ этой юдоли общественныхъ порядковъ, постояннымъ же мѣстомъ жительства служитъ имъ какой-то Парнасъ, то подобное безцеремонное ихъ поведеніе у насъ, на землѣ, является по меньшей мѣрѣ нарушеніемъ законовъ гостепріимства.

Люди чествуютъ сверхъ-человѣка, осыпаютъ его цвѣтами, на расхватъ раскупаютъ ихъ портреты, значитъ, обращаются съ ними довольно любезно—и что же? Взамѣнъ за это сверхъ-человѣкъ называетъ ихъ подлой толпою.

Нельзя же сказать, чтобы людямъ все это было пріятно—они волей-неволей должны жаловаться и выискивать средства надъ упорядоченіемъ подобныхъ отношеній.

И, значитъ, если сверхъ-люди не довольны контрактомъ, который, между прочимъ, признаетъ только одна сторона, то нельзя ли его разорвать? Тѣмъ болѣе, что, въ сущности, даже не всѣ люди пользуются дарами художниковъ, а всего только какая-то ничтожная кучка избранниковъ?

Такъ пускай себѣ сверхъ-люди оснуютъ свое собственное государство, пускай себѣ они тамъ сами шьютъ себѣ костюмы и чистятъ сапоги, гладятъ рубахи, маринуютъ селедки, ловятъ кильки и устрицы, варятъ медъ, строятъ дома, изготовляютъ мебель, карандаши, краски, палитры, мольберты, пускай они себѣ сами дѣлаютъ все, что имъ нужно, а въ свободныя отъ этихъ занятій минуты пускай себѣ отдаются служенію «чистому искусству».

Тогда, пожалуй, внизу, на грѣшной землѣ, люди, собравшись толпою, упадутъ ницъ и, ударяя себя въ грудь, съ благоговѣніемъ будутъ внимать раздающемуся свыше голосу, начинающему свою рѣчь слѣдующими знаменательными словами:

— Подлая чернь, темная толпа, филистеры.

Ибо въ противномъ случаѣ они могутъ дождаться того, что выведенные изъ терпѣнія люди совсѣмъ взбунтуются противъ нихъ...

ПИСЬМО XLVI.

Былъ на вечеринкѣ у Юлія. Опишу ее вамъ.

Въ комнатѣ шумъ и гамъ невообразимый, такъ сказать «сверхъчеловѣческій». Юлій подбѣгаетъ ко мнѣ съ бутылочкой «очищенной».

У стѣны, гдѣ висѣла прежде «Меланхолія тополя», стоитъ Шанявскій и, пошатываясь изъ стороны въ сторону, напѣваетъ:« гордо въ жизнь она вошла».

Изъ-за клубовъ дыма, носящихся въ воздухѣ, я различаю длинный столъ, а за нимъ рядъ спинъ. Напротивъ сіяетъ добродушное, нѣсколько расплывшееся лицо Медвея. Протянувъ впередъ руку, онъ что-то говоритъ. Къ нему съ обѣихъ сторонъ наклоняются головы.

— Возьмите маленькую рюмочку,—сладко улыбаясь, говоритъ мнѣ Юлій. — Или не угодно ли вамъ коньячку! Великолѣпный коньякъ. У Жиглинской даже подаютъ не лучше. А вотъ грибки... Вы, кажется, любите грибки? Простите, если я, быть можетъ, слишкомъ свободно выражаюсь, но, признаюсь... всѣ мы сегодня въ особенно веселомъ настроеніи.

За столомъ водворяется молчаніе. Мы оглядываемся.

— Что вы говорите о критикахъ?—громовымъ голосомъ вопрошаетъ Медвей. —То-есть, извините,—поправляется онъ,—что вы говорите объ этой дряни?

Взрывъ хохота встрѣчаетъ эти слова, и вновь наступаетъ тишина.

— Господинъ Медвей, знаете пословицу: каковъ приходъ, таковъ и попъ,—произноситъ маленькая фигурка, сидящая по другую сторону стола, напротивъ Медвея (это—Альфредъ Инкаустъ, публицистъ).

Подымается опять невообразимый шумъ. Медвей перегибается назадъ и, подымая руку, кричитъ:

— Что тутъ за попъ? Кто попъ? Критикъ у васъ попъ? Сапожникъ онъ, а не попъ!

И затѣмъ, поддаваясь впередъ, онъ опирается на обѣ руки и говоритъ:

— Знаете ли, что я вамъ скажу, господинъ Инкаустъ... Сейчасъ... Впрочемъ, можетъ быть, ваша фамилія уже Инкаустовскій? Въ такомъ случаѣ извините...

Взрывъ хохота.

— А, что весело?—наклоняется ко мнѣ Юлій.—Неправда ли? Вотъ увидите, сейчасъ и вы развеселитесь...

Кто-то стучитъ ложечкой о стаканъ. Водворяется молчаніе.

Изъ-за стола подымается Игнась Буковскій (сочинитель комедій и репортеръ) и, щуря глаза, окидываетъ свысока взоромъ своимъ присутствующихъ.

— Господа, одно суовечко...—начинаетъ онъ, запинаясь.—Пишемъ и мы дья сцены, изображаемъ и жизнь на поотнѣ уучшей, чѣмъ она есть—мы никогда не доужны забывать, господа, что честь дорога каждому... Она дорога, какъ жиду...

— При чемъ тутъ жидъ!—перебиваетъ его Медвей.

— Дайте мнѣ, пожауйста, кончить...

— Нѣтъ, я вамъ не дамъ кончить, чего вы намъ толкуете о жидѣ, когда я говорилъ о господинѣ Инкаустовскомъ...

— О господинѣ Инкаустѣ, прошу васъ не забываться...

— Ну, простите... я людей обижать не люблю, только не морочьте вы намъ головы, потому что у насъ имѣются болѣе важные предметы для обсужденія. Юлій, выпей съ Игнасемъ, а то онъ намъ мѣшаетъ.

Юлій подбѣгаетъ къ Буковскому.

— За ваше здоровье, уважаемый господинъ Буковскій!

— Буагодарствую. Я ужъ достаточно пиу,—патетически произноситъ Буковскій.

— Такъ я говорю,—продолжаетъ Медвей,—только вы вотъ не слушаете меня,—говорю я, что больше такъ продолжаться не можетъ. Живопись наша обратится ни во что, если надъ нею будутъ такъ глумиться въ газетахъ.

— Да кто глумится, никто не глумится,—небрежно замѣчаетъ Альфредъ Инкаустъ.

— Да вы же первый!—кричитъ Медвей, указывая на него пальцемъ.—Ну, что это вы написали о Ратаѣ?

— Медвей, не увлекайся!—перебиваетъ его съ иронической улыбочкой Юлій.—Какъ разъ о Ратаѣ онъ написалъ очень хорошо.

— Хорошо? Какъ это хорошо? Онъ говоритъ, что у него нѣтъ таланта,—восклицаетъ Медвей.

— И онъ совершенно правъ,—внушительнымъ голосомъ произноситъ Юлій.

Медвей упирается руками въ бока.

— Что ты толкуешь, Юлій? Стась, можетъ, и шутъ, да какое мнѣ до этого дѣла! Онъ замѣчательный художникъ!

— Медвей, повторяю тебѣ, не увлекайся, ты приходишь уже въ экстазъ...

— Экстазъ—не экстазъ, ты сиди да молчи! Господинъ Инкаустовскій!..

— Инкаустъ,—поправляетъ его Буковскій.

— Пускай... Господинъ Инкаустъ, что вы написали о Шанявскомъ, а?

Опять слышенъ звонъ стакана—и опять подымается съ мѣста Буковскій.

— Я прошу суова.

— Ну, ужъ я вижу, что вамъ необходимо выболтаться,—говоритъ Медвей.—Болтайте себѣ, болтайте, а я тѣмъ временемъ отдохну себѣ маленько.

— Многократно суышау я,—начинаетъ медленно и патетически Буковскій,—что въ настоящемъ нашемъ засѣданіи публичные голоса привлекались къ личной отвѣтственности... Господа, такая постановка вопроса...

— Господинъ Инкаустовскій, слышите вы публичный голосъ,—перебиваетъ его Медвей.

— Инкаустъ, — проскрежеталъ Буковскій, обводя все собраніе взглядомъ недовольнаго льва.

— Вы можете продолжать, — обращается Медвей къ Буковскому.

Буковскій вздыхаетъ, какъ истый Демосоенъ, и щуритъ глаза.

— Господа...—продолжаетъ онъ.—Хотя я—тойко драматургъ и посему могъ бы пропагандировать партійность, тѣмъ не менѣе врожденное чувство справедливости заставляетъ меня относится съ уваженіемъ къ правамъ критики... Будемте снисходитейны, будемте буагородны...

— А propos благородства...—подымается Медвей.—Мсье Буковскій, правдали, что вы играете на скрипкѣ?

— Къ чему вамъ это знать?

— А потому, что говорятъ, будто вы всѣмъ рекомендуете играть на скрипкѣ?

— Такъ что-же изъ этого, позвольте спросить?

— А то, что вы будтобы для того играете на скрипкѣ, чтобы развить въ себѣ благородныя чувства или даже, такъ сказать, пробудить благородныя чувства.

— Милостивый государь!

— Можетъ быть, я и ошибаюсь... Такъ, пожалуйста, будьте столь любезны объяснить мнѣ...

Всѣ засмѣялись. Буковскій поблѣднѣлъ. Но черезъ мгновеніе на его суровыхъ устахъ заиграла сардоническая усмѣшка.

— Господинъ Медвей,—промолвилъ онъ,—я глубоко цѣню ваше остроуміе!

— Очень пріятно, очень пріятно,—кланялся ему Медвей,—значитъ, вы уже кончили? Слѣдовательно, господинъ Инкаустовскій, мы можемъ съ вами продолжать нашъ разговоръ.

— Онъ этимъ Инкаустовскимъ доведетъ меня до отчаянія,—произнесъ, обращаясь ко мнѣ, Буковскій.

— Господа, давайте устроимте пуншъ!—громко закричалъ Юлій.

— Пуншъ! Пуншъ! Пуншъ!—раздались крики.

— Господинъ Инкаустовскій, мы съ вами будемъ послѣ продолжать,—сказалъ Медвей.

Всѣ кинулись къ пуншу. Послышался шумъ отъ передвигаемыхъ стульевъ, звонъ стекла, нѣсколько бутылокъ упало на полъ и разбилось. Буковскій положилъ мнѣ на плечо свою руку, прищурилъ затуманенные глаза и задекламировалъ патетическимъ тономъ:

«Друзья, давайте обниматься,
Тѣснѣе къ груди прижиматься!
Пускай сердца забьютъ живѣе
И время промелькнетъ скорѣе...»

Въ эту минуту чьи-то руки схватили его сзади и увлекли куда-то, и мнѣ не пришлось услышать конца оды. А передо мною мелькнуло

слегка раскраснѣвшееся лицо Шанявскаго, который задавалъ мнѣ вопросъ:

— Ну, что весело вамъ?

Не успѣлъ я ему отвѣтить, какъ меня, въ свою очередь, подхватили чьи-то руки и подняли вверхъ; подо мною заколыхалось съ полдюжины головъ—и я, качаясь, повисъ въ воздухѣ.

— Да здравствуетъ авторъ исторіи о сивиллиныхъ книгахъ! Ура! Ура! Ура!—слышались возгласы.

Штукъ двадцать бокаловъ зазвенѣло подлѣ моихъ колѣнъ, проливаясь на головы и костюмы. Мнѣ волей неволей пришлось осушить залпомъ огромный бокалъ пуншу, послѣ чего опять прогремѣли возгласы «ура!» и меня, наконецъ, осторожно опустили на полъ «орлинаго гнѣзда».

— Рѣжь ихъ здорово, этихъ скотовъ!—кричалъ Медвей.—Они разбойники. Недавно они меня отхлестали за портретъ, который я, между нами говоря, крошечку попортилъ...

— Это я, не будь я Инкаустовскій,—послышалось гдѣ-то въ сторонкѣ.

— Господинъ Буковскій, господинъ Буковскій!..—закричалъ Медвей.—Гдѣ Буковскій?

— Я здѣсь,—произнесъ, подходя, Буковскій.

— Вы слышали?

— Что?

— Альфредъ, повторите, пожалуйста...

— Я васъ отдѣлалъ за этотъ портретъ, не будь я Инкаустовскій...

Медвей положилъ обѣ свои руки на плечи Буковскаго и убѣдительнымъ тономъ произнесъ:

— Вы, господинъ Буковскій, всегда любите спорить. Вотъ Альфредъ самъ называетъ себя Инкаустовскимъ, а вы меня за это браните!..

— Господинъ Инкаустъ,—угрюмо произнесъ Буковскій, —я въ васъ разочаровался...

Началась какая-то толкотня, меня приперли къ стѣнѣ. Я очутился подлѣ Юлія; онъ вдругъ сталъ обнимать меня и извиняться передо мною въ томъ, что произошло между нами за гроховской заставой на разсвѣтѣ въ рощицѣ. Онъ увѣрялъ меня, что попасть въ цилиндръ противнику, будучи раненымъ, свидѣтельствуетъ объ умѣніи стрѣлять артистически и для этого необходимо обладать баснословной ловкостью. Затѣмъ онъ заявилъ мнѣ, что Рымковскій ему чрезвычайно нравится. Онъ даже былъ у него, не безъ труда отыскавъ его квартиру, и пригласилъ на вечеринку. Рымковскій сначала было отказывался, но, наконецъ, обѣщалъ, только съ условіемъ, что ему можно будетъ придти попозже.

— Мы должны сблизиться, мы всѣ должны сблизиться—говорилъ

Юлій, не совсѣмъ твердо держась на ногахъ и, дѣйствительно, черезчуръ ужъ приближая свое лицо къ моему.—Если бы вы чаще проводили съ нами время, увѣряю васъ, вы бы начали совершенно иначе творить. Все это удивительно вдохновляетъ. Ну, вотъ, напримѣръ, что вы скажете на такую картинку, а?—сказалъ онъ, протягивая впередъ руку.

Подлѣ стола окруженный тѣсной группой слушателей стоялъ Икаръ (поэтъ, недавно выпустившій въ свѣтъ томикъ сонетовъ подъ заглавіемъ «Сонеты въ свѣтѣ солнца»). Удивительно характерная это была личность, ну, прямо воплощеніе символизма. Онъ одинъ пришелъ во фракѣ. Каждая черта его лица была словно какимъ-то символическимъ украшеніемъ. Волосы мягкими кольцами обрамляли его меланхолическое лицо; взглядъ немного безсмысленныхъ очей былъ устремленъ куда-то въ четвертое или пятое измѣреніе. Онъ стоялъ, опершись о столъ и безсильно опустивъ руки, и декламировалъ стихотвореніе собственнаго пера, и голосъ его, то повышаясь, то понижаясь, былъ такъ нѣженъ, какъ таинственное дуновеніе вѣтерка въ кипарисовой рощѣ. Передъ нимъ стоялъ Жегота Ковальскій (тоже поэтъ, только не изъ сверхъ-людей) и, выпучивъ немного свои маленькіе черные глазки, похожіе на двѣ шевелящіяся пуговицы, поправляя на нихъ очки и нервно передергивая нѣсколько полнощекимъ лицомъ, внимательно слушалъ. На меланхолическомъ лицѣ Икара отъ времени до времени появлялось съ трудомъ скрываемое выраженіе самодовольства и, словно не декламируя, а замирая отъ любви, онъ полураскрывалъ губы, заканчивая послѣдній стихъ «leitmotiv'омъ»:

«И говори, что любишь, хоть бы не любила»...

Ковальскій еще больше выпучилъ глаза и уже хотѣлъ было что-то сказать, но въ это время выступилъ изъ группы слушателей Аріэль (поэтъ, который тоже недавно выпустилъ въ свѣтъ томикъ сонетовъ, подъ общимъ заглавіемъ «Мрачные сонеты») и, взглянувъ на Икара, сталъ импровизировать ему отвѣтъ:

«Не говори, что любишь, если ты не любишь»...

Икаръ опустилъ глаза и наклонилъ голову, причемъ свѣтлая борода его красиво и мягко легла на бѣлую грудь рубахи. Аріэль глядѣлъ на него, точно переодѣтый въ сюртукъ миннезенгеръ, и отъ времени до времени движеніемъ головы подчеркивалъ значеніе произносимыхъ словъ.

Когда онъ кончилъ, раздались громкіе аплодисменты. Жегота же схватилъ за одну пуговицу Икара, за другую Аріэля, поглядѣлъ изъ-за очковъ своими черными глазками на того и на другого и сказалъ:

— Послушайте, идіоты, знаете ли вы сами, чего хотите?

Аріэль подмигнулъ Икару и, незамѣтно указывая на Жеготу, провелъ рукою по лбу. Икаръ отвѣтилъ ему сострадательной улыбкой.

— Вы не понимаете поэзіи «Молодой Польши»,—сказалъ онъ Ковальскому.

А Аріэль, потрепывая Ковальскаго по груди, заговорилъ:

— Ты, Ковалька, чурбанъ, ты, видишь ли, человѣкъ нормальный, и посему ты этого понять не можешь. Я на тебя сердитъ за то, что ты не признаешь «новыхъ направленій», вѣдь это, согласись, даже не по-товарищески...

Ковальскій вытаращилъ свои черные глазки и, плюнувъ, произнесъ:

— Эхъ, чтобъ вамъ пусто было. Напишетъ кто-нибудь вздоръ, чушь какую-нибудь—вотъ тебѣ и готово «новое направленіе»! Мальчишка всякій, еще не выйдя изъ пеленокъ, надѣлавъ что-то... уже кричитъ матери: «плосу тебя, мама, не селдиться, это наплявленіе Молодой Польси»!

Мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось дослушать конца спора, такъ какъ въ это время почти все общество окружило Медвея, который, сидя на столѣ и размахивая своей огромной рукой, пѣлъ съ хоромъ: «гордо въ жизнь она вошла»...

Юлій куда-то пропалъ съ моихъ глазъ. Я хотѣлъ съ нимъ попрощаться и сталъ пробираться черезъ толпу въ другую комнату.

Я остановился на порогѣ и—вздрогнулъ. Вотъ что я увидѣлъ.

На маленькомъ столикѣ, передъ диваномъ, разставлены чашки съ чернымъ кофе, рюмки съ ликеромъ, лежатъ папиросы и свѣча стоитъ зажженная.

Сбоку, на низкомъ креслѣ, сидитъ Шанявскій и держитъ въ рукахъ рюмку. Съ другой стороны подымается съ кресла блѣдный, почти позеленѣвшій Юлій съ своей вѣчно сладенькой улыбочкой на устахъ и, чокаясь съ нимъ, восклицаетъ:

— Ты сверхъ-человѣкъ!.. я сверхъ-человѣкъ!. А они всѣ тамъ—толпа, чернь... Выпьемъ съ тобой брудершафтъ!..

Раздается звонъ рюмокъ, вино проливается на столикъ. Изъ-за зажженной свѣчи вдругъ раздается женскій смѣхъ. Кто-то подымается, съ рюмкой въ рукѣ—что я вижу? Это Бронка!

Она была еще въ буркѣ и въ шляпѣ; повидимому, она недавно пришла и не имѣла намѣренія раздѣваться. На лицѣ ея горятъ два небольшія красныя пятнышка, глаза блестятъ и, держа въ рукѣ рюмку, она смѣется и кричитъ:

— Пью за здоровье сверхъ-людей!..

— Все ерунда!—кричитъ Шанявскій, чокаясь съ нею.

— Все ерунда! — повторяетъ Бронка, залпомъ выпивая рюмку, и ставитъ ее на столъ съ такою силой, что она разбивается пополамъ. А Бронка кричитъ:

— Нечего стариковъ слушать!.. Жизнь не повторяется... Нужно жить, пока живется!.. Наливай, Юлій... Слышите вы, сверхъ-люди!... Все на свѣтѣ—ерунда!

Я протираю глаза.

— Что, капитальная дѣвушка?—шепчетъ мнѣ на ухо Юлій, подавая мнѣ рюмку.—Сама не думала, что придетъ!

— Какъ же это случилось?

— А ужъ это дѣло моего умишки—смѣется Юлій, складывая свои губы, точно для поцѣлуя.

— А, Бронка! Ты здѣсь? Вотъ такъ штука!—раздается вдругъ въ дверяхъ громовой голосъ.

Я оглядываюсь: на порогѣ, едва держась на ногахъ, стоитъ Медвей.

— Что-жъ это, Бронка, говорили,—продолжаетъ онъ, поддаваясь впередъ и всплескивая руками,—говорили, будто ты замужъ выходишь, я ужъ, право, съ отчаянія трауръ хотѣлъ надѣть...

У ней брови сдвинулись, глаза засверкали и, поднявъ голову, она крикнула:

— Такъ знай же, болванъ, что я выхожу замужъ...

Въ отвѣтъ на эти слова послышался сперва тоненькій, какъ звуки флейты, смѣшокъ Юлія; за нимъ, словно glissando октавой на альтъ-віолѣ, раздался смѣхъ Шанявскаго, прерываемый хриплымъ кашлемъ и, наконецъ, словно генералъ-басъ, загремѣлъ смѣхъ Медвея, который, прижавшись къ стѣнѣ, отиралъ платкомъ потъ съ лица и трясся всей своей огромной фигурой.

Бронка схватила чашку кофе и швырнула ее въ голову Медвею, но ему удалось уклониться, и чашка разлетѣлась въ дребезги, оставляя на стѣнѣ мокрое коричневое пятно.

Я оглянулся. Во второй комнатѣ было уже пусто, и только голубоватый дымъ густымъ слоемъ висѣлъ въ воздухѣ.

— Бронка разошлась! — раздался голосъ Юлія. — Господа, нужно привести ее въ себя!—и онъ бросился наливать рюмку.

Въ то же мгновеніе Бронка схватила его за голову и хохоча драла его за волосы. Юлій рванулся отъ нея, столикъ перевернулся и все, что на немъ было, со звономъ и трескомъ полетѣло на полъ. Медвей схватилъ Бронку за руки, Шанявскій снялъ съ нея бурку и шляпку, а Юлій, котораго она все продолжала держать за волосы, обнялъ ее за талію.

— Вы мнѣ платье разорвете, убирайтесь вонъ!—кричала Бронка.

Мгновеніе — и сверкнули ея обнаженныя руки. На лицѣ дѣвушки выступили какія-то мѣдно-красныя пятна, глаза дико блестѣли, губы раскрылись...

— Все ерунда!—кричала она.—Нужно жить, пока живется!.. Ура! Да здравствуютъ художники!.. Нечего слушать стариковъ!

Но вдругъ голосъ ея круто оборвался и лицо словно окаменѣло. Краска мгновенно сбѣжала съ ея лица, щеки покрылись мертвенной блѣдностью, губы посинѣли, а въ глазахъ застыло выраженіе безумнаго ужаса...

Шумъ не прекращался; ее держали, рвали во всѣ стороны. Волосы у ней распустились и длинными волнистыми прядями разсыпались по сверкающимъ наготою плечамъ.

Но она словно ничего не видѣла, не чувствовала, не сознавала. Взглядъ ея затуманившихся глазъ былъ неподвижно устремленъ въ одну точку. Синіе круги выступили у ней подъ глазами, глаза закрылись, голова безсильно упала на обнаженную грудь...

Я быстро оглянулся назадъ. На порогѣ другой комнаты предо мною мелькнула чья-то спина. Я кинулся туда, выбѣжалъ въ сѣни, слышу— кто-то быстро сбѣгаетъ внизъ по лѣстницѣ. Я нагибаюсь, смотрю въ пролетъ: шумъ шаговъ все слабѣй и слабѣй, вотъ на поворотѣ мелькнула чья-то фигура, держась одной рукой за перила, а другою впившись въ волосы на головѣ... Кто это?. Удивительно похожъ на... Рымковскаго!.

ПИСЬМО XLVII.

Дорогой другъ мой Людвигъ!

Сижу я у Рымковскаго. Чтобы сократить минуты ожиданія, я взялъ листочекъ бумаги и задумалъ писать вамъ покуда письмо. Послѣ вчерашней пирушки у меня еще немного болитъ голова. Но не стану я философствовать на эту тему, ибо трудно вѣдь основываться на аргументаціи, начинающейся со словъ: «ego autem censeo», разъ, какъ-бы тамъ ни было, хотя бы даже только пассивно, самъ принималъ въ этомъ участіе.

Рымковскаго нѣтъ дома. Но мнѣ необходимо его дождаться: во-первыхъ, потому что «Ежедневная Газета» хочетъ помѣстить въ новогоднемъ номерѣ что нибудь изъ произведеній его пера, а во-вторыхъ, для того, чтобъ убѣдиться, онъ ли это мелькнулъ тогда передо мною на лѣстницѣ, или не онъ, а если онъ, то, въ виду того, что онъ навѣрное видѣлъ ту сцену, я хотѣлъ бы знать, кикъ онъ намѣренъ теперь поступить.

Холодновато у этого Рымушки. Изъ окна виднѣется вся Огородная улица.

Но что у него за библіотека! Четыре огромныя полки, доходящія до самаго потолка, сплошь заставлены книжками. Въ углу цѣлая груда журналовъ, а вотъ и еще книжки! Подумаешь, право, что этотъ парень не пилъ, не ѣлъ, а все только книги покупалъ. А между тѣмъ я не знаю болѣе здороваго человѣка, чѣмъ онъ. На стѣнахъ развѣшено нѣсколько фотографій съ картинъ Хелмонскаго. Какая прелесть эти его болота! Мужицкой душѣ Рымушки не трудно было понять всю великую поэзію, какою дышутъ эти болота. Свой своего узналъ! Даже «Марія» Мальчевскаго не въ состояніи вызвать такой глубокой грусти въ душѣ человѣка, какая пробуждается въ ней при взглядѣ на эти унылыя болота. Кажется, такъ и стоялъ бы передъ ними и плакалъ, плакалъ безъ конца...

Я его, кажется, не дождусь сегодня, этого Рымушку. Экая досада!

Въ комнату входитъ его хозяйка, довольно толстая баба, съ засученными по локоть рукавами. У ней за поясомъ бренчитъ связка ключей.

— Господинъ Рымковскій не говорилъ вамъ, когда приблизительно онъ вернется?—спрашиваю я.

— Да они говорили, что сію минуточку вернутся. Ужъ давно пора имъ быть!

— А онъ давно ушелъ?

— Ранехонько. Восьми еще не было.

А теперь уже двѣнадцать. Хороша «минуточка»!

Я начинаю барабанить пальцами по столу. Черезъ минуту я опять обращаюсь къ хозяйкѣ и спрашиваю:

— Не сказалъ ли вамъ какъ нибудь господинъ Рымковскій, куда онъ идетъ?

— Говорю-жъ вамъ, что должны были сію минуточку вернуться, такъ же, значитъ, никуда далеко пойти не могли.

Совершенно вѣрно. Я оставляю ему на столѣ записочку и благодарю хозяйку. Она улыбается, поправляя на себѣ кофту, кланяется и уходитъ.

Право, я порою завидую Рымковскому!

Хотите ли знать, въ чемъ я ему завидую?

Первымъ дѣломъ, я завидую его здоровой простой натурѣ, его непосредственности и кротости, его умѣнію такъ прямолинейно разсуждать при выборѣ между добромъ и зломъ. Я завидую его философіи, его удивительной снисходительности—но больше всего, да, больше всего я завидую его добротѣ...

Мнѣ порой кажется, что такая доброта—это болѣе могучій рычагъ для культуры человѣчества, чѣмъ всѣ эти вмѣстѣ взятыя паровыя, электрическія, бензиновыя и т. п. машины, что онъ сильнѣе, чѣмъ всѣ эти вмѣстѣ взятыя теоріи, статьи и трактаты, толкующіе о томъ, «какъ сдѣлать человѣка лучшимъ, чѣмъ онъ есть»...

Вѣдь этотъ человѣкъ обладаетъ всѣмъ тѣмъ, къ чему я самъ такъ стремился всегда и въ погонѣ за чѣмъ я пришелъ въ какое-то особое состояніе...

Ну, вы знаете...

ПИСЬМО XLVIII.

Я страшно встревоженъ. Вотъ ужъ три дня, какъ Рымковскій пропалъ куда-то безъ слѣда. Какъ вышелъ онъ тогда изъ дому, такъ больше и не приходилъ.

Я обошелъ всѣ редакціи, съ которыми онъ имѣлъ сношенія, былъ въ библіотекѣ, повидался со всѣми общими знакомыми. Никто не знаетъ, куда онъ дѣлся.

Я понять не могу, что это такое?

Теперь только я чувствую, что я не только уважалъ его, я и любилъ его искренно. Я не знаю, какъ успокоиться.

Я ужъ побывалъ нынче два раза на Огородной. Хозяйка такъ и расплакалась, увидѣвъ меня. Какая это славная женщина! Вѣдь простая баба, а какое у ней доброе сердце!

— Боже мой, Боже мой, — говорила она сквозь слезы, — что это такое съ нимъ статься могло? Вѣдь человѣкъ—не ключи, чтобы этакъ куда запропаститься... Вѣдь здоровый былъ, веселый, пилъ, ѣлъ, никогда не скучалъ... Ахъ, Боже ты мой, Боже мой!...

Я постоялъ тамъ съ четверть часа молча, безсмысленно уткнувшись глазами въ полъ, и поплелся обратно.

Простите меня, дорогой Людвигъ, но я долженъ кончить, я больше не могу писать. Грудь моя ноетъ отъ тоски и невыносимой грусти.

Что это съ Рымушкой могло статься!?

ПИСЬМО XLIX.

Руки у меня трясутся, перо выскользаетъ...

Сегодня въ полдень является ко мнѣ Шанявскій, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ входитъ и, не раздѣваясь, садится на стулъ.

— Вы уже слышали? — говоритъ онъ, помолчавъ немного.

Я быстро вскидываю на него глаза.

— Что такое??

Онъ не отвѣчаетъ сразу, колеблется какъ будто и, наконецъ, грустнымъ тономъ произноситъ.

— Бронка утопилась...

Въ первое мгновеніе мнѣ показалось, что онъ сошелъ съ ума или бредитъ. Я поднялъ голову, потеръ лобъ и спрашиваю:

— Что вы говорите, Густавъ? Кто утопился? Бронка?

Онъ покачалъ головой и съ какимъ-то особенно серьезнымъ видомъ произнесъ:

— Да, да, она... Еще третьяго дня. Нѣсколько рыбаковъ кинулись было ее спасать, но было уже поздно. Ее вытащили безъ признаковъ жизни.

Я вскочилъ.

— Слушайте, Густавъ, что вы говорите — это правда??

— Увы, правда истинная! Сегодня утромъ встрѣчаю я знакомаго околоточнаго, онъ мнѣ вдругъ и говоритъ: «вотъ Бронка-то ваша что сдѣлала»! Что такое? спрашиваю. «Идите, говоритъ, со мной, сейчасъ ее вывозить будутъ». Ведетъ онъ меня подъ руку, потому что я, признаться, ошеломленъ былъ страшно. Входимъ въ прозекторію. Пахнуло карболкой. Проходимъ сѣни, входимъ въ какую-то залу. Какіе-то люди несутъ носилки, прикрытыя простыней. Околоточный попросилъ ихъ остановиться, отдернулъ простыню... Я такъ и остолбенѣлъ...

— Послушайте, ведите меня туда сію минуту! — крикнулъ я, хватая Шанявскаго за руку.

Онъ не трогался съ мѣста. Отвернувшись отъ меня лицомъ, онъ продолжалъ разсказывать:

— Я отошелъ къ окну. Я больше ничего не слышалъ. Въ вискахъ у меня стучало, какъ молотомъ. На дворѣ стояла телѣга, люди съ носилками подошли и вложили въ какой-то деревянный ящикъ что то, завернутое въ бѣлую простыню. Лошади тронулись...

Онъ помолчалъ съ минуту, а потомъ, проводя рукою по шляпѣ и глядя на полъ, прибавилъ:

— Да, да... увезли нашу Броню на кладбище...

Я долго ходилъ въ волненіи по комнатѣ взадъ и впередъ и только иногда останавливался перевести духъ, но я не въ состояніи былъ вымолвить ни слова; Шанявскій тоже молчалъ.

Наконецъ, онъ поднялся и подошелъ ко мнѣ.

— Я вижу, — произнесъ онъ, — на васъ это извѣстіе тоже сильно подѣйствовало. Мы сейчасъ идемъ къ Вислѣ разспросить рыбаковъ. Не хотите ли пойти съ нами!

Я машинально надѣлъ пальто, шляпу и, безсмысленно озирался кругомъ, какъ будто ища чего-то. Шанявскій взялъ меня подъ руку и вывелъ изъ комнаты.

Я все еще никакъ не могъ придти въ себя.

По дорогѣ мы зашли въ ворота дома, гдѣ жилъ Юлій. Шанявскій нажалъ пуговку электрическаго звонка и приложилъ ухо къ слуховой трубѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ сбѣжали Юлій съ Медвеемъ.

Мы двинулись по направленію къ Вислѣ.

По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ ней, Варшава мѣняла свой видъ. Пошли грязныя, кривыя, идущія подъ гору улички. Вмѣсто высокихъ роскошныхъ домовъ стали попадаться старыя, низенькія, полуразвалившіяся домишки. Даже лица прохожихъ и костюмы были тутъ какіе-то иные и даже звукъ человѣческаго голоса обратился въ какой-то хриплый, рѣзкій, пронзительный.

Зато вверху было видно все больше и больше неба, солнце свѣтило ярче и воздухъ широко и свободно врывался въ грудь.

Впереди зашумѣла Висла. Ея еще не видно было изъ-за насыпи, но уже слышался говоръ ея водъ, рокотъ ея пѣнистыхъ волнъ, журчаніе переливающихся струй.

Юлій съ Медвеемъ пошли впередъ и взобрались на насыпь; на чистомъ фонѣ неба завиднѣлись ихъ черные силуэты.

Мы съ Шанявскимъ медленно пошли за ними. Мы молчали. Да и о чемъ говорить въ такія минуты? Все словно замираетъ въ тебѣ, не интересуешься и не думаешь ни о чемъ, движешься, какъ автоматъ: мысли, какъ спуганныя птицы, улетаютъ совсѣмъ изъ головы.

Мы остановились на верху насыпи.

Передъ нами катилась Висла, словно огромная, широкая полоса движущагося золотистаго песку, кой-гдѣ покрытаго сѣдыми клубами пѣны. Позади насъ ярко сіяло солнце, отбрасывая отъ насъ косыя тѣни на берегъ.

Вдали плыло нѣсколько лодокъ; онѣ выглядѣли, точно длинныя спички, только, вмѣсто головокъ, виднѣлись у руля какія-то сгорбленныя фигуры. Съ другой стороны, надъ трубою медленно разсѣкающаго воды парохода длинною черною лентой вился густой дымъ.

Слышится плескъ волнъ, бьющихся о берегъ. Снизу донеслись голоса. Это Юлій и Медвей о чемъ-то говорили съ какимъ-то рыбакомъ, который то и дѣло качалъ головой и сильно жестикулировалъ правой рукой. Юлій кивнулъ намъ.

— Вотъ этотъ человѣкъ видѣлъ всю эту сцену,—сказалъ онъ намъ, когда мы подошли.—Ну-съ, бываютъ въ жизни болѣе пріятныя минуты,—прибавилъ онъ съ грустной улыбкой.

Рыбакъ снялъ шапку и провелъ рукой по волосамъ. Юлій кинулъ ему въ шапку полтинникъ и пошелъ съ Медвеемъ на насыпь.

Шанявскій попросилъ рыбака разсказать намъ нà ново всю эту исторію.

Рыбакъ надѣлъ шапку и, протянувъ руку по направленію къ отвѣсно подымавшемуся надъ рѣкой берегу, началъ:

— Самая эта барышня раза ужъ два прежде сюда приходила. Изъ себя-то такая красивая, ловкая была, да только, видно, внутри ее что-то больно грызло, потому, то и знай, бѣжитъ по бережку туда и назадъ и громко плачетъ. Поглядѣлъ я это на нее, какъ извѣстно, всегда на человѣка поглядишь, да и отвернулъ голову, потому не впервой это мнѣ видѣть, какъ сюда люди плакать приходятъ. Какъ-то этакъ къ полудню приходитъ она опять, опять туда и назадъ по берегу бѣгаетъ, опять плачетъ—заливается. И былъ у ней платочекъ бѣлый такой, такъ вотъ она его все при глазахъ держала. Поглядѣлъ я опять, да за сѣтью мнѣ смотрѣть надо было, такъ и не думалъ я о ней. Вотъ подъ вечеръ, довольно ужъ таки поздненько, прибѣгаетъ, вижу, моя барышня опять на берегъ и опять туда и назадъ съ платочкомъ бѣгаетъ. Ну, думаю себѣ, замышляетъ, видно, что! Да только чего бы это ей столько разъ бѣгать сюда!? Я какъ разъ въ ту пору отдыхалъ послѣ работы, потому больше она мнѣ въ глаза и бросилась. Подойти, думаю, да спросить, что это съ ней? А она, знай, бѣгаетъ да плачетъ, бѣгаетъ да плачетъ. Всталъ я это съ камня, трубку въ карманъ сунулъ, подхожу это къ ней и говорю: «ой, барышня ты моя милая, что-жъ это ты такъ кручинишься»? Какъ я это сказалъ, она тутъ какъ вздрогнетъ, руки на голову забросила, побѣжала прямо къ рѣчкѣ — хлюсть!... Только ее и видали. Господи помилуй! Оторопѣлъ я, стою да крещусь. Тутъ ее на верхъ выки-

нуло. Опомнился я, кидаюсь къ лодкѣ, кличу на помощь. А они ужъ всѣ сбѣжались—сами видѣли. Бухъ весломъ въ воду, разъ, бухъ другой, а вода ее, ровно въ мельницѣ, крутитъ: то выброситъ, то накроетъ, то вверхъ, то внизъ. Подъѣзжаемъ, одинъ, нагнулся, багромъ за платье зацѣпилъ—тащимъ ее. Есть! Такъ мы ее и вытащили, взяли къ себѣ на лодку, качали, качали, да только ужъ изъ ней, горемычной, духъ вышелъ. Слабенькая такая была, что-жъ? Водой разъ только зальетъ, захлебнется и готово. Тутъ мы, не долго думая, взяли къ берегу. Сбѣжались отовсюду. Кто-то далъ знать, пріѣхалъ дохтуръ, взяли ее и увезли, а что тамъ съ нею дальше было, такъ ужъ этого не знаю.

Онъ развелъ руками, снялъ шапку, провелъ рукой по волосамъ и переводилъ взглядъ съ меня на Шанявскаго и обратно. Шанявскій кинулъ ему что-то въ шапку, взялъ меня подъ руку и мы пошли по насыпи. Разсказъ рыбака не выходилъ у меня изъ головы. Куда бы я ни кинулъ взляда—на небо ли, на растилавшійся ли вдали городъ, на водную ли ширь Вислы, которая становилась все свѣтлѣй, все прозрачнѣй—всюду стоялъ передо мной образъ бѣгающей по берегу дѣвушки, закрывающей платочкомъ глаза.

Не легко, видно, было ей, бѣдной, покончить съ собой. Все ходила къ рѣкѣ, плакала и—не рѣшалась кинуться въ воду. И только слова рыбака...

Мы шли по насыпи, которая становилась все уже и уже. Передъ нами, взявшись подъ руки, медленно шагали Медвей съ Юліемъ и о чемъ-то толковали, указывая руками то на Варшаву, то на Саксонскій полуостровъ, то на желѣзный мостъ. Вдругъ они остановились. Насыпь была узкая, такъ что и намъ съ Шанявскимъ поневолѣ пришлось остановиться. Лицо мое разгорѣлось отъ волненія, я неподвижно глядѣлъ на рѣку и мнѣ чудилось, что берегъ уплываетъ вмѣстѣ со мною. Среди тишины раздавался голосъ Юлія, который все говорилъ да говорилъ. Сначала я не обращалъ никакого вниманія на то, что онъ говорилъ, но вотъ вдругъ мало-по-малу слова его стали проникать въ мое сознаніе. Я невольно прислушался. И вотъ что я услышалъ:

— Посмотрика-ка, Медвей! Очертанія Варшавы не совсѣмъ ровны, но это бы еще ничего, это могло бы вызывать кой-какія неясныя впечатлѣнія... Но эта линія моста совершенно лишена какой бы то ни было художественности... Тамъ вонъ небо нехорошо отражается на горизонтѣ. Это совсѣмъ не то, что на югѣ, гдѣ все сливается одно съ другимъ, а если иногда и отдѣляется, то въ этомъ имѣется нѣкоторая цѣлесообразность... Посмотри, Медвей, на Вислу... Помнишь Сену? Какъ послѣ нея рисовать Вислу!.. У ней совершенно фальшивые тона! Она годится, пожалуй, для того, чтобы въ нее кидались сентиментальныя дѣвушки, но...

Передо мною все стоялъ образъ бѣдной Бронки, съ платочкомъ въ рукѣ.

ПИСЬМО L.

А Рымушки нѣтъ, какъ нѣтъ...

Уже три мѣсяца прошло, какъ онъ, точно сквозь землю провалился! Мы подали заявленіе властямъ, разослали повсюду телеграммы, бѣгали смотрѣть всѣ трупы, о которыхъ узнавали изъ газетъ.

И все же мнѣ кажется, что онъ еще живъ, что онъ только ушелъ отъ насъ...

Его кроткій, голубиный характеръ не могъ довести его до отчаянія, до самоубійства. Его доброта такъ нужна, такъ необходима людямъ нашего времени, что если ея ужъ нѣтъ на землѣ, такъ остается только волосы рвать...

Нѣтъ! Онъ живъ, онъ долженъ жить!

Я часто чувствую его около себя.

Прохаживаясь въ сумерки по своей комнатѣ съ заложенными за спину руками и думая Богъ знаетъ о чемъ, я вдругъ останавливаюсь: мнѣ чудится, что я слышалъ за собою его шаги, что вотъ онъ тоже остановился. Если бы я въ это мгновеніе обернулся, я, быть можетъ, его бы увидѣлъ... Но я боюсь нарушить иллюзію...

Этотъ человѣкъ внесъ въ нашу жизнь здоровое тѣло и здоровую душу. Онъ внесъ въ нашу жизнь бодрость, свѣжесть, чистоту и ясность мысли, твердость убѣжденій, гранитную этику и много, много поэзіи, простой, дорогой сердцу, родной поэзіи...

А съ чѣмъ онъ ушелъ отъ насъ?

О, я знаю, съ чѣмъ онъ ушелъ или, лучше сказать, какимъ онъ ушелъ отъ насъ!

Онъ ушелъ такимъ же твердымъ, такимъ же непоколебимымъ, такимъ же простымъ и добрымъ, какимъ былъ...

А ушелъ онъ отъ насъ оттого, что... что.

Приходится поломать немного голову надъ отвѣтомъ... Нѣтъ, отвѣтъ есть, его только нужно сформулировать...

Да, только сформулировать: я начинаю чувствовать и понимать, отчего такъ часто уходятъ отъ насъ такіе люди...

Отчего? Оттого, что вѣдь это такъ нормально, что люди лгутъ, что они обманываютъ другъ друга, что они губятъ красивыхъ, плохо убереженныхъ матерьми дѣвушекъ... Что любишь немного повеселиться, пожить нервами и только нервами... Что порою на крыльяхъ искусства уносишься съ грѣшной земли куда нибудь въ пятое или шестое измѣреніе, презирая темную, филистерскую толпу, что не умѣетъ ни вникать въ себя, ни тонко чувствовать... Что дѣвушки порой кидаются въ воду...

Нормально... О, да, это нормально... Только эта нормальность доводитъ иныхъ до какого-то страннаго состоянія, до какихъ-то безумныхъ мыслей и разсужденій, которыя вызываютъ улыбку соболѣзно-

ванія на нормальныя уста... которыя заставляютъ нормальную руку подняться и провести нормальнымъ пальцемъ по нормальному лбу. . .

. . . .

. . . .

Вы мнѣ говорите, дорогой Людвигъ, что я вамъ не писалъ объ искусствѣ? Что я писалъ вамъ о разныхъ глупостяхъ, о Юліяхъ, Стефкахъ, о Бронкахъ, Рымковскихъ, о теткахъ и Стасяхъ??. Странно!.. А мнѣ казалось, что я писалъ именно объ искусствѣ. . . . .

. . . .

. . . .

Впрочемъ, если это даже и такъ, такъ вѣдь я васъ заранѣе предупредилъ, что вы будете читать письма ненормальнаго человѣка . .

. . . .

. . . .

Знаете ли, о чемъ мнѣ нынче ночью шумѣла Висла?

Луна обливала изумруднымъ сіяніемъ предмѣстья Варшавы, берега неумолчной Вислы, ея необъятную водную ширь. Воды катились, шумя, не смолкая—и въ плескѣ волнъ, въ шипѣніи пѣны, въ журчаніи струй мнѣ слышался одинъ голосъ, звучавшій, словно голосъ какого-то добраго, безсмертнаго, вѣчно съ нами живущаго духа, звучавшій такъ мягко, но сильно, какъ голосъ Рымковскаго. Этотъ голосъ шепталъ:

— Надо, чтобъ люди были счастливы... надо, чтобы, прежде всего, они были счастливы...

Тихій ночной вѣтерокъ обвѣвалъ мнѣ лицо. Воспоминанія о томъ, что я видѣлъ въ жизни, что я самъ пережилъ и что пережили другіе, нахлынули на меня. Я всею душой, всѣмъ существомъ своимъ ушелъ въ окружавшій меня таинственный міръ, жадно ловя его говоръ. Отъ залитой изумруднымъ сіяніемъ рѣки медленно понеслись въ пространство звучные, стройные аккорды и торжественнымъ, дивнымъ хоромъ гремѣли волны:

«Пойте, воды, пойте, струи, потоки, пучины...

«Пойте всѣ, пойте...

«Выходите тѣни утопленниковъ, выходите изъ мрака водъ на лунный свѣтъ...

«Соберитесь толпой и внимайте хоровой пѣснѣ рѣки...

«Пойте же, воды, пойте, пучины, пойте, потоки и струи...

«Пойте погибшимъ въ волнахъ, пойте живымъ, что по берегу блуждаютъ ночью...

«Пойте безъ устали, пойте одно...

«Пойте: надо, чтобъ люди счастливыми были... надо больше всего, чтобы люди счастливыми были!..»

Конецъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ НѢМЕЦКАГО КРЕСТЬЯНСТВА.

(АКАДЕМИЧЕСКАЯ ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ)

Профессора Фрейбургскаго университета, д-ра Карла Іоганна Фукса.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО Ю. Р.

Ни въ одной области политической экономіи и въ особенности экономической исторіи втеченіе послѣднихъ 10—12 лѣтъ не сдѣлано такъ много, какъ въ области нѣмецкой аграрной исторіи и исторіи древнѣйшей нѣмецкой аграрной политики. За основными работами Георга Гансена послѣдовали работы Мейтцена, Инама-Штернегга, Лампрехта, Готгейна, Кнаппа и его учениковъ. Одна область германскаго отечества за другой, одна эпоха за другою были изслѣдованы съ точки зрѣнія аграрно-историческаго и аграрно-политическаго развитія, и, такимъ образомъ, въ настоящее время аграрная исторія германскаго народа, по крайней мѣрѣ, въ теченіе послѣдняго тысячелѣтія, слѣдовательно приблизительно съ эпохи Каролинговъ, представляется ясно нашему взору. Мы знаемъ теперь, какъ возникъ тотъ «дуализмъ», который проникаетъ и заражаетъ народное хозяйство нынѣшней германской имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю германскую народнохозяйственную политику, дуализмъ, который теперь принято обозначать терминомъ «Германія на востокъ отъ Эльбы» и «Германія на западъ отъ Эльбы». Но мы знаемъ также, что только самое поверхностное изслѣдованіе можетъ удовлетвориться этимъ «дуализмомъ», что, напротивъ, нужно различать *три* формы аграрнаго строя, которыя послѣдовательно другъ за другомъ развивались въ теченіе германской исторіи и которыя еще и до сихъ поръ встрѣчаются рядомъ другъ съ другомъ въ различныхъ областяхъ, причемъ одна изъ этихъ формъ встрѣчается даже въ двухъ отдѣленныхъ другъ отъ друга территоріяхъ. Мы можемъ и должны, такимъ образомъ, говорить теперь уже о *тройномъ* или *четверномъ* дѣленіи Германіи въ аграрномъ отношеніи. Шагъ за шагомъ открывался тотъ путь, который втеченіе этого тысячелѣтія велъ отъ прошлаго къ настоящему; мы знаемъ теперь, почему въ настоящее время въ различныхъ частяхъ Германіи картина сложилась такъ, а не иначе.

Такимъ образомъ, на основаніи всей новѣйшей литературы мы имѣемъ теперь полную возможность окинуть взглядомъ пройденный путь и указать тѣ выдающіяся черты, которыми характеризуются важнѣйшія эпохи въ исторіи нѣмецкаго земледѣлія и землевладѣнія.

I.

Аграрная исторія есть исторія земли и землевладѣльца, исторія «земельнаго строя». Этотъ послѣдній имѣетъ, такимъ образомъ, всегда двѣ стороны, во-первыхъ, *агрономическую,* т. е. техническіе способы обработки земли, во-вторыхъ, *соціальную,* т. е. земельный строй въ тѣсномъ смыслѣ слова, правовыя отношенія земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ по отношенію другъ къ другу и къ землѣ. Если эти оба лица, землевладѣлецъ и земледѣлецъ, не совпадаютъ, то между ними существуетъ вплоть до самаго новѣйшаго времени (которое и здѣсь создало свободныя договорныя отношенія) связь господства и подчиненія. Такимъ образомъ, главныя задачи аграрной исторіи слѣдующія: заселеніе и возникающая при этомъ зависимость самой земли, возникновеніе личной зависимости земледѣльцевъ, крестьянъ и, наконецъ, уничтоженіе этой двойной зависимости. Смотря по тому, согласимся мы или нѣтъ, что личная зависимость въ формѣ «феодальнаго владѣнія» (Grundherrschaft) возникла *уже одновременно* съ самымъ заселеніемъ страны, намъ придется дѣлить аграрную исторію или на двѣ, или на три главныя эпохи: заселеніе, образованіе феодальнаго владѣнія (Grundherrschaft) и освобожденіе землевладѣнія. Въ нѣмецкой аграрной исторіи, однако, мы должны различать двѣ формы личной зависимости, старѣйшую и новѣйшую: феодальное владѣніе (Grundherrschaft) и вотчинное (Gutsherrschaft), существующія притомъ не только одна послѣ другой, но и рядомъ другъ съ другомъ; только въ одной части Германіи первая превратилась въ послѣднюю.

Этотъ дуализмъ «феодальнаго» (Grundherrschaft) и «вотчиннаго» владѣнія (Gutsherrschaft) тожественъ съ упомянутымъ въ началѣ дуализмомъ въ нынѣшнемъ аграрномъ строѣ нѣмецкаго государства. Послѣднее, какъ извѣстно, раздѣляется линіей, образуемой приблизительно Эльбой и Зааломъ, на двѣ части съ очень различнымъ земельнымъ строемъ: въ западной мы находимъ по преимуществу среднія и мелкія, т. е. крестьянскія хозяйства и только небольшое количество крупныхъ имѣній; въ восточной господствуютъ большія владѣнія, крестьянскихъ же меньше или даже почти совсѣмъ нѣтъ, и притомъ эти послѣднія крупнѣе, чѣмъ на юго-западѣ. Въ XVIII вѣкѣ, при началѣ освободительнаго законодательства, на западъ отъ этой границы мы находимъ только феодальное владѣніе, восточнѣе же ея — возникшее изъ нея вотчинное. Но этотъ дуализмъ восходитъ гораздо глубже: упо-

мянутая граница, какъ оказывается, почти соотвѣтствуетъ старой границѣ славянъ IX столѣтія. Нѣмецкія земли, лежащія на востокъ отъ Эльбы, въ которыхъ въ 18 вѣкѣ мы находимъ крупныя вотчины, представляютъ обширную колонизованную область, которая только съ XI вѣка политически и культурно завоевана Германіей и потому имѣетъ свою особенную аграрную исторію, почти на 1000 лѣтъ болѣе юную.

Я началъ смѣлымъ заявленіемъ, что изслѣдованіе нѣмецкой аграрной исторіи и политики въ теченіе послѣдней тысячи лѣтъ въ настоящее время можно считать до извѣстной степени законченнымъ. Однако, общій опытъ всякаго историческаго изслѣдованія показываетъ, что чѣмъ яснѣе мы постигаемъ ближайшіе къ намъ по времени процессы, тѣмъ неопредѣленнѣе становятся болѣе отдаленныя времена. Это происходитъ оттого, что прежнія построенія перестаютъ удовлетворять и древнему времени предъявляется все большее количество отдѣльныхъ вопросовъ, на которые не можетъ отвѣтить скудный матеріалъ. Такъ именно и въ настоящій моментъ—отчасти даже благодаря значительнымъ изслѣдованіямъ послѣдняго времени—первая эпоха нѣмецкой аграрной исторіи отъ первобытнаго времени и почти до времени Каролинговъ, отъ перваго заселенія почти до возникновенія крупной земельной собственности стала болѣе сомнительной и менѣе ясной, чѣмъ когда-либо.

Прежде всего выплылъ снова старый вопросъ о происхожденіи феодальнаго владѣнія (Grundherrschaft), вопросъ, который уже прежде, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія такъ много обсуждался. Этотъ вопросъ заключается въ томъ, была ли огромная масса древнихъ германцевъ, послѣ первыхъ прочныхъ поселеній и перехода къ земледѣлію, какъ главному средству существованія,—свободными и равноправными членами марки, или же крѣпостными, подчиненными одному владѣльцу крестьянами. Тогда этотъ вопросъ рѣшался такъ или иначе въ зависимости отъ политическихъ тенденцій, съ цѣлью—исторически обосновать или опровергнуть предполагавшееся, а отчасти уже и осуществленное освобожденіе крестьянъ и надѣленіе ихъ собственностью. Либеральное пониманіе побѣдило и осталось господствующимъ почти до настоящаго времени. Но теперь, когда мы не нуждаемся болѣе въ подобной защитѣ крестьянскаго освобожденія, это господствующее мнѣніе, положенное даже въ основу новаго большаго сочиненія Мейтцена, сильно поколеблено одновременно съ двухъ сторонъ, независимо одна отъ другой: въ Германіи — работами Виттиха и Гильдебранда и еще ранѣе иностранными аграрными историками, какъ Сибомъ, Фюстель де-Куланжъ и др.

Въ то время какъ Виттихъ, исходя изъ изслѣдованія позднѣйшаго развитія въ нижней Саксоніи, приходитъ къ заключенію, что феодальное устройство было господствующей формой еще во времена Тацита, Гильдебрандъ, наоборотъ, на основаніи сравнительныхъ этнологическихъ изслѣдованій оспариваетъ для древнѣйшаго времени какъ

существованіе свободнаго товарищества въ маркѣ и сельской общинѣ, такъ и феодальнаго владѣнія и даже поземельной собственности вообще, но допускаетъ, что переходъ къ земледѣлію уже съ самаго начала вызываетъ извѣстную зависимость занимающихся имъ,—согласно словамъ пророка: «вездѣ, гдѣ появилось это орудіе (плугъ), всегда оно приносило съ собою рабство и позоръ». Такимъ образомъ, снова возгорѣлся старый споръ о Цезарѣ и Тацитѣ.

Но съ этимъ спорнымъ вопросомъ тѣсно связанъ другой—о причинахъ существующаго и до сихъ поръ въ Германіи различія между формами поселенія *отдѣльными дворами* и *деревнями*. По теоріи Мейтцена, не всѣми, однако, раздѣляемой, поселенія отдѣльными дворами— кельтическаго происхожденія, деревнями же — германскаго. Другая теорія (Кнаппа), наоборотъ, выводитъ различныя формы поселенія изъ характера самой земли; наконецъ, третья теорія (Виттиха и Гильдебранда) видитъ въ отдѣльномъ дворѣ всеобщую первоначальную форму поселенія. Затѣмъ, и еще одинъ вопросъ о возникновеніи «чрезполосности» (Gemengelage), т.-е. такого характернаго для древней нѣмецкой деревни полеваго устройства, при которомъ поля отдѣльныхъ хозяевъ находятся не въ одномъ кускѣ, какъ при поселеніи отдѣльными дворами, но въ различныхъ, въ зависимости отъ качества почвы, отрѣзкахъ поля,—«полосахъ», лежащихъ рядомъ другъ подлѣ друга, какъ крестьянскіе дворы въ деревнѣ. Вотъ здѣсь и является вопросъ, возникло-ли это своеобразное полевое устройство «раціонально» и преднамѣренно, для осуществленія равныхъ правъ жителей, т.-е. членовъ марки или деревни, на дѣйствительно равноцѣнныя части въ полѣ; или оно произошло исторически, вслѣдствіе постепеннаго образованія поля изъ разныхъ кусковъ, неодновременно разработанныхъ, или же путемъ цѣлаго ряда раздѣловъ, или, наконецъ оно было создано преднамѣренно, но не свободной сельской общиной, а помѣщикомъ для осуществленія не равныхъ правъ крестьянъ на землю, а равныхъ обязанностей ихъ къ помѣщику. Такимъ образомъ, Ганссенъ, Мейтценъ, Кнаппъ и Гильдебрандъ защищаютъ въ этомъ вопросѣ каждый свое особое мнѣніе.

Наконецъ, изъ того воззрѣнія, которое относитъ возникновеніе феодальнаго владѣнія къ эпохѣ перваго заселенія, неизбѣжно вытекаетъ несогласное съ господствующимъ мнѣніемъ пониманіе того, какъ слѣдуетъ смотрѣть на крупную феодальную собственность временъ Каролинговъ. Именно, въ такомъ случаѣ рѣчь уже можетъ идти не о возникновеніи при Каролингахъ феодальнаго владѣнія вообще, а только о происхожденіи *крупныхъ* феодальныхъ помѣстій. И съ точки зрѣнія послѣдней теоріи—лицами, передающими и «коммендирующими» себя и свои участки крупнымъ владѣльцамъ посредствомъ соотвѣтствующихъ актовъ, должны являться не прежніе свободные крестьяне, желающіе подчиниться феодалу, а мелкіе помѣщики. Эти послѣдніе передаютъ крупнымъ владѣльцамъ принадлежащіе имъ небольшіе крестьянскіе

дворы съ находящимися на нихъ подчиненными крестьянами, чтобы потомъ снова получить ихъ въ ленъ.

Сдѣлать окончательный выборъ между всѣми этими гипотезами невозможно безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Особенно намъ нужны новыя изслѣдованія, помимо юго-востока Германіи, т.-е. Баваріи на югъ отъ Дуная, также и относительно юго-запада, особенно Бадена, гдѣ поселеніе деревнями и отдѣльными дворами встрѣчаются рядомъ другъ съ другомъ и гдѣ римскія, галльскія и германскія аграрныя отношенія соприкасались и оказывали взаимное вліяніе. Поэтому съ большимъ нетерпѣніемъ будетъ встрѣченъ второй томъ соч. Готгейна, «Промышленная исторія Шварцвальда», который, вѣроятно, скоро появится.

II.

Оставимъ теперь сомнительную почву древняго времени и начнемъ нашъ очеркъ нѣмецкой аграрной исторіи со второй большой эпохи, со времени Каролинговъ, когда въ болѣе древней западной части Германі и уже существовало феодальное (grundherrliche) устройство, во вновь заселяемой же, сѣверо-восточной, образовывалось вотчинное. Въ эту эпоху мы находимъ во всей древнѣйшей Германіи однообразное сельское устройство, состоящее изъ крупныхъ феодальныхъ имѣній и вилликацій (villikationen), «вилликаціонное» или барщинное устройство. Оно представляло не что иное, какъ примѣненіе организаціи дворцовыхъ земель, установленной въ 812 г. (въ уставѣ de villis Карла Великаго), къ владѣніямъ епископовъ, монастырей, князей и крупныхъ господъ.

Эти владѣнія состояли изъ многочисленныхъ, подчиненныхъ одному господину, крестьянскихъ дворовъ и изъ барскаго или прикащичьяго двора съ принадлежавшимъ къ нему участкомъ пахотной земли (Herren—или Salland). Этотъ послѣдній участокъ обрабатывался крестьянской барщиной (полевыя и другія работы, особенно подводныя). Но эти барщинныя работы были незначительны сравнительно съ тѣми денежными и натуральными поборами, которыя доставлялись на барскій дворъ для хозяйскаго обихода, какъ плата за пользованіе крестьянскими дворами. Такихъ «обязанныхъ» крестьянъ было въ небольшихъ помѣстьяхъ около 12—20, въ крупныхъ же, въ особенности въ монастырскихъ, цѣлыя тысячи. Крестьяне этого разряда, т. наз. «латы» (die Laten), хотя были лично несвободными, «обязанными» прикрѣпленными къ землѣ, но при всемъ томъ вполнѣ сохранили всѣ гражданскія права. По вотчинному праву (Hofrecht) они составляли товарищество и имѣли наслѣдственное право пользованія своими недѣлимыми дворами; кромѣ того, размѣры ихъ оброковъ и повинностей, установленные изстари, не подлежали повышенію.

Такъ какъ эти феодальныя владѣнія не представляли географиче-

ски замкнутыхъ округовъ, а состояли изъ разбросанныхъ кусковъ, такъ что крестьяне одной деревни могли принадлежать къ различнымъ феодальнымъ помѣстьямъ, то управлять сколько-нибудь значительными изъ нихъ было невозможно изъ одного какого-нибудь центральнаго пункта. Поэтому, эти владѣнія дѣлились на нѣсколько отдѣльныхъ хуторовъ (Fronhöfe), и каждый изъ послѣднихъ съ принадлежавшими къ нему крестьянами составлялъ особую единицу, «вилликацію», которая управлялась слугой помѣщика, «villicus» или прикащикомъ, вначалѣ изъ крестьянъ, позднѣе изъ его свиты. Онъ обрабатывалъ господскій участокъ земли (Salland) собственными несвободными людьми этого хутора съ помощью крестьянской барщины и собиралъ съ крестьянъ оброкъ для господина.

Значеніе всего этого феодальнаго устройства изобразилъ Кнаппъ въ слѣдующихъ словахъ: «На одной сторонѣ стоитъ только сельско-хозяйственный трудъ, и притомъ только мелкое производство, домашнее хозяйство. На другой сторонѣ стоятъ: король, герцоги, графы, дворяне, которыхъ надо прокормить; кромѣ того, и монастырямъ также надо создать хозяйственный фундаментъ. Всему этому удовлетворяетъ феодальное хозяйство. Оно является экономической основой для всѣхъ высшихъ и свободныхъ профессій».

Если въ это время, т. е. около X—XII столѣтія, поземельное устройство во всей коренной Германіи было одинаково, то съ этихъ поръ пути развитія въ сѣверной и южной половинахъ значительно расходятся, такъ что въ дальнѣйшемъ изложеніи мы должны различать сѣверо-западъ и юго-западъ.

На сѣверо-западѣ, и прежде всего въ Нижней Саксоніи, позднѣйшемъ Ганноверѣ, съ XII и XIII столѣтія дальнѣйшее развитіе феодальнаго землевладѣнія идетъ уничтоженія путемъ прикащичьихъ дворовъ. Возникшая у феодаловъ вмѣстѣ съ вторженіемъ денежнаго хозяйства (вслѣдствіе крестовыхъ походовъ) потребность въ повышеніи доходовъ, а также злоупотребленія и нерадѣніе управляющихъ привели сначала къ сдачѣ въ аренду «вилликацій» за опредѣленный денежный или натуральный оброкъ самимъ управляющимъ, а потомъ, когда и это перестало удовлетворять, къ полному уничтоженіе прикащичьихъ хуторовъ.

Господинъ оставилъ «латамъ» личную свободу, но вмѣстѣ съ тѣмъ они потеряли наслѣдственное право на свои участки. Онъ отнялъ у нихъ землю, соединилъ 4 прежнія крестьянскія хозяйства по 30 моргеновъ въ одно новое, соотвѣтственно требованіямъ ушедшей впередъ земледѣльческой техники. Затѣмъ, онъ снова отдалъ эти новые участки одному изъ отпущенныхъ на волю латовъ. Но только теперь они получали землю на тѣхъ же правахъ, на какихъ до сихъ поръ отдавалась вся вилликація управляющему, т. е. въ аренду на 3—12 лѣтъ за высокій натуральный оброкъ, который по истеченіи этого срока могъ

быть возвышенъ. Такъ возникли нижне-саксонскіе арендаторы изъ крестьянъ и крупныя нижне-саксонскія крестьянскія хозяйства въ 4 участка, или «гуфы». Вмѣстѣ съ тѣмъ образовалось новое чисто-земледѣльческое устройство безъ владѣнія личностью крестьянъ т. е. безъ крѣпостного элемента, «новѣйшій земельный феодализмъ».

Но является вопросъ: что же сталось съ прочими тремя четвертями прежнихъ крестьянъ? Одна часть, повидимому, превратилась въ особый классъ сельскаго населенія, Kossät'овъ или Köter'овъ. владѣвшихъ незначительнымъ количествомъ земли и притомъ не полевой. Другая часть направилась въ только-что основавшіеся тогда города. Наконецъ, третья, гонимая нуждой, а не жаждой приключеній, потянулась со всѣмъ своимъ движимымъ добромъ въ славянскіе земли, на востокъ отъ Эльбы, куда ее привлекала и личная свобода, за которую она только что такъ дорого заплатила, и наслѣдственное право владѣнія, потерянное ею на родинѣ.

Описанное выше превращеніе феодальнаго владѣнія, только недавно открытое намъ Виттихомъ, произошло только что указаннымъ образомъ лишь въ одной части сѣверо-западной Германіи, въ Нижней Саксоніи. Однако и въ Вестфаліи сельское устройство постепенно видоизмѣнялось подобнымъ же образомъ. Здѣсь сохранилось только «крѣпостное состояніе», которое въ концѣ-концовъ тоже превратилось въ простой источникъ ренты.

Въ Нижней Саксоніи, однако, вскорѣ послѣ описаннаго процесса началась борьба между государствомъ и землевладѣльцами изъ-за крестьянъ, — борьба, въ которой государство было сильно заинтересовано съ податной стороны; борьба эта окончилась полной побѣдой государства. Землевладѣльцу было запрещено повышать арендную плату и уже въ XVI-мъ вѣкѣ управляющимъ было предоставлено наслѣдственное право на ихъ «прикащичьи имѣнія». Таковъ былъ первый примѣръ аграрной политики въ Германіи, не превзойденный по своей энергіи ни однимъ изъ послѣдующихъ мѣропріятій третьей эпохи.

Но государство пошло еще далѣе въ ограниченіи свободы распоряженія «прикащичьимъ хуторомъ» какъ для господина, такъ и для самого крестьянина. Въ концѣ XVII-го вѣка оно признало за замкнутымъ недѣлимымъ крестьянскимъ хозяйствомъ юридическое значеніе и присвоило себѣ надъ нимъ извѣстную публично-правовую господскую власть. Такимъ образомъ, къ концу XVIII-го вѣка феодалъ превратился здѣсь въ простого получателя ренты.

Въ то время, какъ въ сѣверо-западной Германіи вилликаціонное устройство въ XII-мъ и XIII-мъ столѣтіяхъ было уничтожено, и его мѣсто заняло «новое феодальное владѣніе» и «прикащичье» право (Meierrecht),—въ большей части областей южной, юго-западной, рейнской Германіи оно сохранилось въ древнѣйшей формѣ и съ XIII-го

столѣтія совершенно окаменѣло въ ней. Латы сдѣлались тутъ «оброчными собственниками» (Zinspflichtige Eigenthümer). Такимъ образомъ феодалу не удалось здѣсь усилить хозяйственную эксплуатацію настолько, какъ при нижне-саксонскомъ уничтоженіи вилликацій; наоборотъ, феодальное владѣніе постепенно исчезало и пало само собою. Зато судебная власть помѣщика была въ этихъ мѣстностяхъ принципіально отдѣлена отъ феодальной, пріобрѣла болѣе важное значеніе и разрослась отчасти въ верховную власть надъ маленькими территоріальными государствами. Вотчинный судъ и сословное господство являются для этихъ мѣстностей характеристическими формами государственнаго строя. Съ этой судебной властью землевладѣльца часто, но отнюдь не всегда, соединялось крѣпостное или наслѣдственное господство, которое здѣсь является впослѣдствіи отдѣленнымъ отъ феодальнаго владѣнія. Крестьяне были здѣсь «крѣпостными» (leibeigen) до XVIII-го столѣтія, но это крѣпостное состояніе здѣсь, какъ въ Вестфаліи, мало-по-малу теряетъ всякое значеніе; крѣпостные были обязаны только уплачивать различныя подати,—правда, иногда очень тяжелыя, какъ, напр., уплата помѣщику части наслѣдства крѣпостного (Mortuarium). Но, во всякомъ случаѣ, на личное и соціальное положеніе человѣка крѣпостное право подъ конецъ не имѣло уже рѣшительно никакого вліянія.

Но въ XV-мъ и XVI-мъ столѣтіяхъ дѣло обстояло еще иначе: у крестьянъ было много личныхъ обязанностей по отношенію къ различнымъ господамъ, не столько отяготительныхъ въ матеріальномъ смыслѣ для крестьянства, сколько унизительныхъ въ нравственномъ и общественномъ смыслѣ. Безпощадная эксплуатація этихъ помѣщичьихъ правъ и попытки ихъ еще расширить, рядомъ съ захватомъ общинныхъ земель, были главными причинами, вызвавшими крестьянскую войну. Въ извѣстныхъ «12-ти статьяхъ», гдѣ формулировались желанія возставшихъ, требовалось отнюдь не уничтоженіе всѣхъ повинностей, а только возстановленіе древняго обычая и возвращеніе общинныхъ земель.

На сѣверѣ, а также позднѣе и на сѣверѣ-востокѣ, поземельное устройство измѣнялось съ теченіемъ времени соотвѣтственно экономическимъ отношеніямъ, и эти измѣненія служили промышленному прогрессу; именно поэтому они были настолько послѣдовательны и разумны, что лишь изрѣдка встрѣчали противодѣйствіе со стороны задѣтаго ими и терпѣвшаго отъ нихъ крестьянскаго сословія. На сѣверо-западѣ, кромѣ того, какъ мы уже видѣли, скоро началось вмѣшательство государственной власти въ интересахъ крестьянъ, которое имѣло въ виду и достигло если не освобожденія крестьянъ, то во всякомъ случаѣ ихъ правовой защиты. Наоборотъ, на югѣ и особенно на юго-западѣ дѣло не дошло до полнаго разрыва со стариной, и личнаго освобожденія крестьянъ не произошло; поэтому-то крестьянство не принимало тамъ никакого участія въ томъ культурномъ прогрессѣ конца среднихъ вѣ-

ковъ и начала эпохи возрожденія, который начался всего ранѣе именно въ этихъ мѣстностяхъ. Крестьянство слишкомъ отстало здѣсь въ хозяйственномъ отношеніи и занимало слишкомъ низкое положеніе въ соціальномъ отношеніи, такъ какъ никакое радикальное преобразованіе экономическаго устройства его еще не коснулось, не вызвало такого напряженія силъ, какъ у крестьянъ сѣверо-запада, и не внушило ему сознанія внутренней свободы. Такимъ образомъ, этотъ устарѣлый, безсмысленный для обѣихъ сторонъ и крайне придирчивый для слабѣйшей стороны порядокъ вещей, приводившій къ постояннымъ притѣсненіямъ презираемыхъ крестьянъ ненавистнымъ для нихъ духовенствомъ и чиновниками,—представителями мелкой территоріальной власти, и вызвалъ ту вспышку долго сдерживаемыхъ страстей, которую представляютъ крестьянскія войны. Безполезное притѣсненіе всегда сильнѣе всего озлобляетъ. Къ этому присоединилось образованіе сельскаго пролетаріата, уже тогда начавшееся въ этихъ странахъ съ древнѣйшей культурой, съ наиболѣе плотнымъ населеніемъ и съ полной свободой крестьянскихъ раздѣловъ.

Но такъ какъ крестьянскія войны не выставляли широкихъ экономическихъ задачъ и не ставили подъ вопросъ самаго экономическаго существованія помѣщиковъ, то и послѣ этихъ войнъ, не смотря на пораженіе крестьянъ, обстоятельства въ общемъ не ухудшились; скорѣе даже было наоборотъ. Теперь стали хоть, по крайней мѣрѣ, остерегаться чрезмѣрныхъ требованій и возвышенія повинностей, особенно личныхъ. Вообще, положеніе крестьянъ на юго-западѣ съ XVI-го столѣтія ни въ чемъ существенномъ болѣе не ухудшалось.

Совершенно иначе шло развитіе на сѣверо-востокѣ, въ земляхъ на востокъ отъ Эльбы, заселенныхъ германцами только съ XII в. Здѣсь начинается именно въ это время настоящій упадокъ крестьянства, постепенное ухудшеніе его положенія, сложившагося во время колонизаціи. Это произошло вслѣдствіе развитія вотчиннаго поземельнаго строя и возникновенія крупныхъ вотчинныхъ хозяйствъ.

Эти области, пріобрѣтенныя отчасти оружіемъ, отчасти мирнымъ путемъ, вслѣдствіе онѣмеченія туземныхъ князей, были открыты нѣмецкой культурѣ, благодаря широкой колонизаціи XII—XIV вѣковъ. Повсемѣстно за нѣмецкимъ монахомъ и рыцаремъ слѣдовалъ нѣмецкій крестьянинъ съ тяжелымъ нѣмецкимъ плугомъ, который распахивалъ лѣса и строилъ новыя деревни или осѣдалъ въ существующихъ славянскихъ деревняхъ и вытѣснялъ славянина съ его легкою сохою и примитивнымъ земледѣліемъ, или же становился его учителемъ.

Сельское устройство, которое создано было здѣсь нѣмецкой колонизаціей, характеризуется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что феодальные господа явились повсюду прежде крестьянина, по крайней мѣрѣ нѣмецкаго. Владѣтельные князья и нѣмецкіе монастыри, получали здѣсь въ даръ большія пространства земли для заселенія нѣмецкими крестья-

нами; къ нимъ присоединился еще третій элементъ—крупные вассалы—высшее нѣмецкое и туземное дворянство. Всѣ эти три рода феодальныхъ владѣльцевъ систематически заселяли свои земли нѣмецкими крестьянами, приходившими, большею частью, изъ Нижней Саксоніи вслѣдствіе происходившей тамъ мобилизаціи сельскаго населенія. Эти колонисты, какъ было уже сказано, на первыхъ порахъ получили здѣсь наилучшія личныя и имущественныя права: личную свободу и наслѣдственное право владѣнія на свои новые дворы; они пользовались, обыкновенно, правомъ наслѣдственной аренды, отчасти также правами «наслѣдственнаго ласситнаго владѣнія». (Lassbesitz). Въ тѣхъ восточныхъ областяхъ, гдѣ германизація была мирнымъ процессомъ и славянское населеніе не было истреблено, и это послѣднее получало также, если переходило къ нѣмецкимъ способамъ веденія хозяйства, «лучшее нѣмецкое право». Не болѣе, какъ въ два столѣтія совершилось полное сліяніе славянскаго населенія съ нѣмецкими поселенцами, какъ показываетъ намъ особенно характерный примѣръ Помераніи и Рюгена.

Такимъ образомъ, здѣсь на сѣверо-востокѣ нѣмецкая аграрная исторія начинается прямо со второй формы поземельнаго устройства древнѣйшей Германіи, т. е. съ «чистаго феодальнаго владѣнія». Однако существуетъ и важное различіе. Крупныя владѣнія на востокѣ съ самаго начала представляли округленныя географическія территоріи, и этотъ территоріальный характеръ землевладѣнія въ колонизованной странѣ послужилъ основаніемъ позднѣйшихъ вотчинныхъ хозяйствъ. Другая форма, т. е. многочисленныя и обширныя рыцарскія владѣнія въ деревняхъ появляются уже приблизительно столѣтіе спустя послѣ окончанія колонизаціоннаго процесса. Мы находимъ обыкновенно въ деревняхъ между крестьянами—одного или нѣсколькихъ дворянъ, владѣющихъ мелкими хозяйствами, данными имъ за ихъ услуги въ ленъ. Эти хозяйства образовались изъ очистившихся крестьянскихъ дворовъ, или изъ «поссессорскихъ участковъ», полученныхъ когда-то предпринимателями и руководителями колонизаціи въ вознагражденіе за устройство новой нѣмецкой деревни. Первоначально владѣльцы такихъ дворовъ являются простыми сосѣдями крестьянъ, безъ всякихъ правъ надъ ними. Но въ слѣдующій же періодъ, благодаря государственному безсилію и финансовой нуждѣ, то тотъ, то другой такой дворянинъ пріобрѣталъ всѣ принадлежавшія владѣтельному князю или какому-нибудь другому землевладѣльцу права на крестьянъ той деревни, въ которой находилось его имѣніе, а иной разъ также и въ одной или нѣсколькихъ сосѣднихъ деревняхъ. Отъ владѣтельнаго князя онъ получалъ полную, даже самую высшую юрисдикцію и право на общественныя повинности крестьянъ, а отъ помѣщика — право верховной собственности и право на оброки и платежи.

Такимъ образомъ дворянское имѣніе становилось центромъ небольшого, но опять-таки территоріально округленнаго феодальнаго вла-

дѣнія; дворянскія землевладѣльческія, судебныя и феодальныя права сливались въ однѣхъ рукахъ и такимъ образомъ возникало «вотчинное владѣніе» (Gutsherrschaft). Большія феодальныя имѣнія разложились, такимъ образомъ, на многочисленныя вотчинныя владѣнія. Какъ видимъ, вотчинное владѣніе не есть идеальный комплексъ различныхъ правъ: правъ на ренту и т. д., но вполнѣ реальная территоріальная область господства, въ которой вотчинникъ есть въ то же время и высшая власть, а жители — его частные подданные, обязанные своимъ личнымъ трудомъ обработывать его имѣніе.

Съ окончаніемъ этого процесса, завершившагося въ «средней маркѣ» уже во второй половинѣ XV-го столѣтія, начинается въ этихъ странахъ паденіе крестьянства; послѣднее мало-по-малу совершенно устраняется изъ сферы публичнаго права и предоставляется въ полное распоряженіе господина. Государство не имѣетъ болѣе никакого непосредственнаго интереса по отношенію къ нему; даже подати оно теперь получаетъ черезъ посредство помѣщика. Такимъ образомъ, прежде всего, въ области личнаго права отношеніе крестьянина становится хуже: онъ оказывается привязаннымъ къ той землѣ, на которой владѣлъ дворомъ, оказывается «вещно-подчиненнымъ». Эпоха реформаціи ухудшаетъ также и его имущественныя права и его экономическое положеніе. Вслѣдствіе происшедшаго въ это время измѣненія въ военной организаціи и появленія наемнаго войска, дворянинъ, который не могъ здѣсь сдѣлаться владѣтельнымъ княземъ и лишь въ неполной степени могъ стать городскимъ патриціемъ, становился сельскимъ хозяиномъ и тотчасъ же начиналъ увеличивать собственную, принадлежавшую къ дворянскому имѣнію, землю путемъ захватовъ бывшей крестьянской. Начиналось выдвореніе крестьянства и образованіе крупныхъ вотчинныхъ владѣній. Но такъ какъ увеличившаяся въ размѣрахъ помѣщичья земля теперь, какъ и прежде, продолжала обрабатываться барщинными работами крестьянъ, а число послѣднихъ стало меньше, то и работы эти въ той же мѣрѣ пришлось усилить; крестьяне превращены были теперь—чтобы отрѣзать имъ возможность ухода—въ «наслѣдственно-подданныхъ», т. е. были прикрѣплены лично.

Государственная власть, здѣсь гораздо болѣе слабая, чѣмъ на сѣверо-западѣ, тщетно пыталась остановить, этотъ процессъ въ XVI-мъ столѣтіи. Послѣ секуляризаціи монастырскихъ имуществъ она и сама стала дѣлать то же самое въ своихъ новыхъ владѣніяхъ. Наконецъ, внесеніе римскаго права также способствовало ухудшенію личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ, хотя и не въ такомъ размѣрѣ, какъ обыкновенно принимаютъ.

Но главнымъ образомъ повліяла въ этомъ направленіи тридцатилѣтняя война, которая здѣсь подѣйствовала особенно разрушительно и отъ послѣдствій которой такой юной культурѣ, какъ здѣшняя, было гораздо труднѣе оправиться, чѣмъ областямъ съ болѣе древней куль-

турой. Большинство крестьянскихъ дворовъ было разорено и могло быть возстановлено только при помощи помѣщиковъ. Но произошло это въ дѣйствительности только по отношенію къ такому количеству дворовъ, какое было необходимо для обработки помѣщичьей земли при самомъ крайнемъ напряженіи ихъ рабочей силы; остальные же дворы помѣщикъ оставлялъ вначалѣ незанятыми, а потомъ постепенно ихъ захватилъ. «Возстановленные» такимъ образомъ крестьяне вообще не представляютъ болѣе ничего самостоятельнаго, а только рабочую силу для помѣщика. При этомъ они получили другое, худшее право владѣнія; вообще говоря, простое «ласситное владѣніе», или наслѣдственное, или только пожизненное, или же наконецъ по произволу могущее быть отнятымъ; слѣдовательно, во всякомъ случаѣ они уже не имѣютъ вещнаго права и не пользуются болѣе правомъ наслѣдственной аренды. Гдѣ раньше господствовала наслѣдственная аренда, тамъ теперь установилось лишь наслѣдственное ласситное владѣніе; гдѣ же было наслѣдственное ласситное владѣніе, тамъ оно превратилось въ ненаслѣдственное. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась личная зависимость крестьянъ, были установлены тяжелые штрафы за побѣгъ.

Въ слѣдующемъ XVIII столѣтіи этотъ процессъ паденія крестьянства на сѣверо-востокѣ идетъ еще дальше. Сѣверная и семилѣтняя войны повліяли такъ же, какъ и тридцатилѣтняя. Со средины столѣтія успѣхи въ области сельскохозяйственной техники, недоступные для эксплуатируемыхъ, разоренныхъ и порабощенныхъ крестьянъ, дали помѣщикамъ могущественный толчекъ къ обширному увеличенію ихъ помѣстій путемъ заселенія цѣлыхъ новыхъ деревень. Такимъ образомъ, наступаетъ самый худшій періодъ — эксплуатаціи крестьянъ въ широкомъ стилѣ, *капиталистическими* пріемами. Въ дворянскихъ республикахъ Мекленбургѣ и шведской Помераніи такъ называемое «крѣпостное состояніе», наслѣдственная зависимость превращается въ дѣйствительное рабство, подданный продается безъ земли, какъ товаръ.

Впрочемъ, этотъ послѣдній процессъ могъ совершиться безпрепятственно лишь въ меньшей части восточно-эльбскихъ земель, въ большей же части, въ «старыхъ прусскихъ провинціяхъ», ему было своевременно поставлено препятствіе въ видѣ закона Фридриха-Великаго 1749 года объ «охранѣ крестьянъ». Государственная власть наконецъ достаточно окрѣпла и сознала свой интересъ въ сохраненіи крестьянскаго сословія, не столько изъ финансовыхъ, сколько изъ военныхъ соображеній. И эта ея первая удачная аграрно-политическая мѣра имѣетъ большое значеніе для дальнѣйшаго освобожденія крестьянъ; безъ нея, пожалуй, некого было бы освобождать. Вмѣстѣ съ этимъ мы пришли къ началу третьей эпохи.

III.

Если мы, прежде чѣмъ обратиться къ третьей большой эпохѣ, освободительному законодательству, попытаемся дать общую картину поземельнаго устройства въ XVIII вѣкѣ, разрушеніе котораго это законодательство имѣло въ виду, то мы встрѣтимся съ тѣми самыми тремя историческими формами, возникновеніе которыхъ мы только что прослѣдили. Каждая изъ трехъ формъ господствуетъ въ одной изъ трехъ большихъ, опредѣленно ограниченныхъ областей. Мы находимъ, во-первыхъ, область древнѣйшаго, постепенно приходящаго въ упадокъ, или же превращающагося въ мелкія княжескія владѣнія феодализма, съ личной несвободой на *югѣ* (точнѣе, на юго-западѣ); во-вторыхъ, область новѣйшаго феодализма съ личной свободой на *сѣверо-западѣ* и въ третьихъ, область вотчиннаго владѣнія съ новой несвободой на *сѣверо-востокѣ*. Между ними, конечно, находятся переходныя области со смѣшанными формами. Совершенно свободныя отъ феодальныхъ отношеній крестьянскія хозяйства, «свободные крестьяне», встрѣчаются лишь спорадически во всѣхъ этихъ областяхъ, но преобладаетъ этотъ элементъ только въ Дитмарсенѣ, у бременскихъ крестьянъ и въ восточномъ Фрисландѣ.

Эта группировка по областямъ очень ясно показываетъ намъ, на то взаимодѣйствіе, которое существуетъ между развитіемъ феодализма и собственностью, а слѣдовательно, и вообще крестьянскими правами владѣнія.

Гдѣ феодализмъ утратилъ всякое значеніе, тамъ существуетъ наилучшее право владѣнія: настоящая *собственность* или *право наслѣдственной аренды*.

Гдѣ феодализмъ возродился вновь, тамъ право владѣнія хуже, хотя все-таки оно въ концѣ концовъ сдѣлалось наслѣдственнымъ и вещнымъ: это, именно, *прикащичье право* (Meierrecht).

Тамъ же, гдѣ феодальное владѣніе пошло въ своемъ развитіи дальше и превратилось въ вотчинное владѣніе, мы находимъ самыя худшія права, большею частью даже наслѣдственное пользованіе; таково *ласситное владѣніе* (Lassbesitz).

Сообразно съ этимъ и интересъ землевладѣльца по отношенію къ землѣ и къ своему владѣнію является далеко неодинаковымъ.

Но въ тѣсной связи со всѣмъ этимъ находится еще и другой уже затронутый моментъ, который также послужилъ источникомъ очень важной дифференціаціи въ сельскомъ строѣ XVIII вѣка, приведя къ раздѣленію всей массы крестьянскаго населенія на двѣ большія группы. Мы разумѣемъ разницу «подворнаго устройства» и рѣзкое разграниченіе «крестьянскихъ классовъ».

То и другое опять-таки связаны между собою. Точно опредѣленные крестьянскіе классы,—крестьяне полнодворные, половинные, четвертные

и вовсе безземельные (Kossät'ы) имѣются лишь тамъ, гдѣ есть «замкнутое крестьянское имѣніе», «дворъ» въ узко техническомъ смыслѣ. Подъ этимъ терминомъ разумѣютъ «крестьянское имѣніе, которое прочно сохраняетъ свой земельный и иной хозяйственный составъ и въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній остается неизмѣннымъ въ рукахъ своихъ владѣльцевъ». Противоположностью являются такія крестьянскія имѣнія, которыя путемъ выдѣленія земельныхъ участковъ могутъ уменьшиться или даже совершенно раздробиться: это такъ называемое «свободно-подвижное землевладѣніе». Вслѣдствіе обычныхъ въ этомъ случаѣ раздѣловъ и происходящаго отсюда раздробленія хозяйствъ, никакой прочной классификаціи по разрядамъ «двора» здѣсь нѣтъ, а есть лишь различіе между «бюргерами» и «бобылями» («захребетниками», Hintersassen), смотря по различному юридическому положенію ихъ въ общинѣ.

Такимъ образомъ существуетъ громадная разница между «замкнутымъ крестьянскимъ владѣніемъ», которое въ силу закона или обычая переходитъ всегда къ *одному* наслѣднику, и «свободой раздѣловъ» — разница, которая и теперь еще проникаетъ и дифференцируетъ аграрное устройство нѣмецкаго государства хотя уже и не въ тѣхъ пропорціяхъ, какъ до освободительнаго законодательства.

Въ зависимости отъ того, какая изъ этихъ двухъ системъ преобладала, вся Германія въ XVIII вѣкѣ распадалась на *четыре* области: 1) область исключительно подворнаго строя,—восточно-эльбскія земли; 2) область преобладающаго подворнаго владѣнія — сѣверозападъ, а также на юго-востокѣ баварскіе округа южнѣе Дуная, югъ Вюртемберга и Бадена; 3) область съ преобладаніемъ свободныхъ раздѣловъ -- средняя Германія и сѣверная Баварія, и наконецъ, 4) область исключительной свободы раздѣловъ,—страны по Рейну, сѣверный Вюртембергъ и равнинныя мѣстности Бадена.

Какъ видно изъ этого сравнительнаго распространенія обѣихъ указанныхъ формъ, различіе между замкнутыми и не замкнутыми крестьянскими хозяйствами связано также съ различіемъ между заселеніемъ *отдѣльными дворами* и *деревнями*, хотя и не вполнѣ совпадаетъ съ послѣднимъ. Въ общемъ отдѣльные дворы являются въ то же время и замкнутыми дворами, какъ, напримѣръ, въ Вестфаліи, но не наоборотъ; замкнутые дворы встрѣчаются и при заселеніи деревнями, какъ напримѣръ, въ Ганноверѣ и на сѣверо-востокѣ.

Но прежде всего и больше всего — подворный строй тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ феодальнымъ землевладѣніемъ и его различными формами: строй этотъ встрѣчается вообще на сѣверозападѣ, сѣверовостокѣ и юго-востокѣ, слѣдовательно, какъ разъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ феодальное землевладѣніе осталось жизнеспособнымъ или преобразовалось въ вотчинное; напротивъ, подворный строй не встрѣчается въ юго-западной и средней Германіи, гдѣ феодальное владѣніе пало. И это совершенно естественно такъ какъ только здѣсь существуетъ до-

статочно прочное право владѣнія, при которомъ становится возможна свобода раздѣловъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны *собственность и свобода раздѣловъ*, съ другой стороны—*феодальное владѣніе* и *наслѣдованіе одного* являются внутренне связанными другъ съ другомъ. Нераздѣльное наслѣдованіе одного (Anerbenrecht) вѣдь и существуетъ главнымъ образомъ въ интересахъ господина и по своему происхожденію является продуктомъ феодальнаго или вотчиннаго господства, какъ чисто частнаго, такъ въ особенности публично-правоваго, государственнаго.

Но теперь возникаетъ вопросъ: каковы конечныя причины указанной нами разницы юридическаго и экономическаго развитія сельскаго строя въ различныхъ частяхъ Германіи? Почему разнообразные признаки этихъ областныхъ различій оказываются всегда связанными и совпадающими другъ съ другомъ? Почему не вездѣ развитіе достигло такой новѣйшей формы вотчиннаго владѣнія, какъ на сѣверо-востокѣ, почему на юго-западѣ старое феодальное владѣніе разрушилось, не перейдя въ новую форму, почему оно на сѣверо-западѣ остановилось въ своемъ развитіи, не дойдя до превращенія въ вотчинное владѣніе? Въ послѣднемъ случаѣ, какъ мы видѣли, препятствіемъ явилось раннее вмѣшательство государственной власти въ пользу крестьянъ. Вмѣшательство же это было возможно потому, что государственная власть никогда не поступалась здѣсь всѣми своими правами на крестьянъ въ пользу частныхъ владѣльцевъ, какъ это было въ колонизаціонной области въ періодъ полнаго финансоваго безсилія ея. Этотъ процессъ, который въ старой Германіи привелъ уже цѣлымъ тысячелѣтіемъ раньше къ образованію старыхъ большихъ феодальныхъ владѣній,—на востокѣ происходилъ въ XVI столѣтіи.

Точно такъ же какъ на сѣверо-западѣ, было и на юговостокѣ въ Старой Баваріи (Altbayern), гдѣ особенно долго сохранявшееся крупное владѣніе духовенства уничтожило значеніе дворянства. На юго-западѣ, наоборотъ, дворянинъ совсѣмъ не думалъ объ увеличеніи своей собственной запашки, его честолюбіемъ было сдѣлаться не земледѣльцемъ, а владѣтельнымъ княземъ. «Всякій имперскій дворянинъ, подражая князю, а всякій помѣстный дворянинъ—дворянину имперскому, хотѣлъ быть законодателемъ и правителемъ. Эти жалкія политическія претензіи лучше всего охраняли отъ дворянъ крестьянское сословіе».

Такимъ образомъ, ближайшей причиной различій въ земельномъ строѣ является *политическій* моментъ,—развитіе даннаго государства, т. е., главнымъ образомъ, его финансовъ, ставившихъ государство въ большую или меньшую зависимость отъ сословій и отъ дворянства и принуждавшихъ его въ болѣе или менѣе значительной степени уступать дворянству свои публичныя права на крестьянъ. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовала также и разница въ характерѣ и положеніи самаго дворянства.

Къ этому присоединяется *національный* моментъ, который, безъ сомнѣнія, способствовалъ подавленію крестьянъ на сѣверо-востокѣ; это подавленіе было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе данная область была колонизована настоящими нѣмцами, чѣмъ знчительнѣе было въ ней славянское населеніе, пощаженное или мало по-малу онѣмеченное пришельцами.

Наконецъ, очень большое значеніе имѣла также разница въ степени сопротивленія, какое могли разныя мѣстности оказать опустошительному дѣйствію тридцатилѣтней войны, смотря по степени богатства, густоты населенности, древности заселенія и т. д.

Но помимо всѣхъ этихъ причинъ, различно дѣйствовавшихъ въ различныхъ нѣмецкихъ государствахъ, на послѣднемъ или даже собственно на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить одну общую причину, которую теперь такъ же сильно склонны забывать, какъ раньше, въ 50-хъ—60-хъ годахъ этого столѣтія, преувеличивали ее: вліяніе почвы и устройства поверхности, какъ перваго условія всякой промышленной дѣятельности. Это вліяніе обнаружится тотчасъ, какъ только мы сравнимъ области трехъ формъ поземельнаго устройства съ физической картой нѣмецкаго государства. Тогда именно передъ нами выступитъ очевидное и совершенно естественное соотношеніе этихъ трехъ формъ съ *физическимъ* дѣленіемъ на три части. Значеніе этого физическаго дѣленія для процесса дифференцированія нѣмецкаго народа очень хорошо выяснилъ недавно умершій тонкій знатокъ Германіи В. Г. Риль. Это именно: сѣверо-нѣмецкая низменность, средняя гористая Германія, верхне-нѣмецкая возвышенность—другими словами, Нижняя, Средняя и Верхняя Германія. Эти три области имѣютъ совершенно различныя естественныя условія промышленнаго развитія.

Первая есть преимущественно приморская страна, особенно удобная для судоходства и торговли, благодаря впадающимъ въ море судоходнымъ рѣкамъ. Но эти рѣки имѣютъ лишь небольшой наклонъ, поэтому здѣсь незначительно развита промышленность, поскольку она зависитъ отъ пользованія силой воды. Вторая часть на западѣ доходитъ до Боденскаго озера и сѣверной Швейцаріи съ одной стороны и до Кёльна—съ другой, на востокѣ же до Рудныхъ горъ, и имѣетъ такимъ образомъ форму трехугольника. Она представляетъ сѣть рѣкъ и ручьевъ, массу мелкихъ, пригодныхъ для пользованія водяныхъ силъ, благодаря которымъ здѣсь рано развились безпримѣрно разнообразные роды промышленности. Третья часть представляетъ такую-же равномѣрность въ направленіи рѣчныхъ линій, какъ и первая, но только альпійскія рѣки негодны ни для судоходства, ни для промышленности, «онѣ раздѣляютъ, а не соединяютъ».

Во второй области, въ «средней гористой Германіи», которая гораздо больше другихъ подверглась вліянію римской культуры, мы и благодаря ея естественнымъ условіямъ встрѣчаемъ первое по времени,

сколько-нибудь высокое промышленное развитіе, сложную городскую жизнь, движимую собственность и денежное хозяйство; промышленность развивается здѣсь также и въ деревняхъ, внѣ города. По той-же причинѣ здѣсь раньше начался и упадокъ древняго феодальнаго владѣнія, барщины и вилликацій, вообще всего натурально-хозяйственнаго аграрнаго строя. Въ то же время, вслѣдствіе большой плотности населенія и очень значительнаго мѣстнаго сбыта, мелкое сельское производство не преобразовалось въ крупное, которое работаетъ обыкновенно для отдаленнаго сбыта,—будь то крупныя крестьянскія хозяйства, какъ на сѣверо-западѣ, или-же вотчинныя, какъ на сѣверо-востокѣ. Наоборотъ, здѣсь очень рано возникла свобода раздѣловъ и также мобилизація земли.

Обѣ-же другія области еще долгое время оставались земледѣльческими съ ограниченнымъ промышленнымъ развитіемъ, которое сосредоточивалось только въ городахъ, и со строгимъ раздѣленіемъ между городомъ и деревней. Но въ первой области, по крайней мѣрѣ, сильно развилась торговля, поэтому феодальное владѣніе пошло далѣе въ своемъ развитіи, тогда какъ въ третьей области, юго-восточной возвышенности мы встрѣчаемъ только начатки такого развитія. Въ обѣихъ же крестьянскія хозяйства остаются замкнутыми и недѣлимыми. Первая область, нижне-нѣмецкая низменность нынѣшней Германіи, представляетъ, наконецъ, вслѣдствіе своего историческаго развитія большое различіе между сѣверо-западомъ и сѣверо-востокомъ,—различіе на тысячу лѣтъ, а также, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ обыкновенно думаютъ,—разницу въ почвѣ и климатѣ. Сѣверо-востокъ, какъ болѣе молодая страна, остается дольше всего земледѣльческимъ и переживаетъ поэтому весьма цѣлесообразное (въ чисто аграрномъ смыслѣ) преобразованіе новаго феодальнаго владѣнія въ вотчинное (съ замкнутымъ дворомъ),—преобразованіе, съ котораго и начинается его нѣмецкая исторія.

Изъ этого различія, этого дѣленія на три (или даже четыре) типа поземельнаго устройства въ XVIII вѣкѣ вытекаютъ и соотвѣтственно различныя задачи и формы освободительнаго законодательства въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

IV.

Было три обстоятельства, благодаря которымъ уже вътеченіе XVIII и еще болѣе XIX вѣка большая или меньшая зависимость и подчиненность, въ какой находилась громадная масса крестьянскаго населенія въ Германіи, оказывалась все болѣе и болѣе невыносимой, что и привело къ первымъ попыткамъ уничтожить эту зависимость. Это, во-первыхъ, техническіе успѣхи въ области земледѣлія вмѣстѣ съ преувеличенной оцѣнкой послѣдняго физіократами; во-вторыхъ, выросшія изъ того-же самаго философскаго корня естественнаго права просвѣ-

тительныя идеи «правъ человѣка» и наконецъ опять-таки связанное съ этимъ развитіе новѣйшей государственной идеи съ требованіемъ равныхъ политическихъ правъ для всѣхъ гражданъ государства. Техническія реформы были невыполнимы при болѣе или менѣе плохомъ положеніи крестьянъ и связанности ихъ хозяйствъ вслѣдствіе чрезполосности съ принудительнымъ чередованіемъ сельскихъ работъ (Flurzwang) и барщиной. Но «просвѣщеніе» прежде всего обратило вниманіе на личную несвободу, на крѣпостное состояніе, да и съ современнымъ государствомъ крѣпостное состояніе стало точно такъ же несовмѣстимо, какъ и патримоніальная полиція и патримоніальный судъ.

Такимъ образомъ потребности времени вызывали необходимость освобожденія крестьянъ, какъ экономическаго, такъ и личнаго и политическаго. Крестьянинъ долженъ былъ сдѣлаться вездѣ совершенно неограниченнымъ и лично свободнымъ собственникомъ своего двора и поля со всѣми правами гражданина. Это было цѣлью освободительнаго законодательства, въ этомъ заключался великій соціальной вопросъ Германіи въ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтія.

Все освободительное законодательство состоитъ изъ двухъ частей: уничтоженіе стараго землевладѣльческаго и рабочаго строя путемъ «освобожденія крестьянъ», и уничтоженіе старой системы полеводства путемъ «раздѣла» всего, что было «общиннаго» у крестьянъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Освобожденіе крестьянъ избавило крестьянина отъ какого-бы то ни было господина—будь это владѣлецъ политическихъ, судебныхъ или вотчинныхъ правъ; раздѣлъ всего «общаго»—освобождалъ его отъ равныхъ ему, отъ его сосѣдей и отъ господина также, поскольку послѣдній являлся его сосѣдомъ въ полѣ. Въ соціальномъ отношеніи гораздо больше значенія имѣетъ освобожденіе крестьянъ, о которомъ здѣсь вообще только и можетъ идти рѣчь. Оно состоитъ, согласно вышеизложенному, въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, оно уничтожаетъ экономическую зависимость крестьянъ отъ господина посредствомъ отмѣны барщинныхъ работъ, превращенія всѣхъ неполныхъ правъ владѣнія въ собственность и выкупа всѣхъ, лежащихъ на крестьянскомъ хозяйствѣ, повинностей; во-вторыхъ, оно возстановляетъ личную свободу крестьянина путемъ уничтоженія стараго крѣпостного права и болѣе новой наслѣдственной зависимости, которую XVIII вѣкъ смѣшалъ съ первымъ. Въ-3-хъ, оно уничтожаетъ судебную и полицейскую власть господина, принадлежавшую ему, какъ члену правящаго сословія, и предоставляетъ крестьянскому сословію политическія права. Эта послѣдняя задача для всей Германіи была почти одинаковой. Напротивъ, разрѣшеніе двухъ первыхъ задачъ было очень различно для каждой изъ тѣхъ трехъ или четырехъ группъ, которыя мы различили въ поземельномъ устройствѣ XVIII вѣка.

Въ области «новѣйшаго феодализма», на сѣверо-западѣ, вторая задача, именно личное освобожденіе, почти совершенно отпадала. Здѣсь

дѣло шло главнымъ образомъ о возстановленіи полной собственности вмѣсто наслѣдственно-вещнаго прикащичьего права и объ уничтоженіи не очень значительныхъ барщинныхъ работъ на господина. Большую часть крестьянскихъ повинностей составляли здѣсь не личныя, а «вещныя обязательства», лежавшія на крестьянской землѣ, слѣдовательно, освобожденіе крестьянъ сводилось къ «выкупу вещныхъ обязательствъ», т.-е. къ превращенію ихъ, если они еще таковыми не были, въ опредѣленныя денежныя ренты, и къ погашенію этихъ послѣднихъ посредствомъ единовременной уплаты суммы, капитализированной изъ опредѣленнаго процента.

Въ области древнѣйшаго феодализма, на югѣ, на первомъ планѣ стояло уничтоженіе крѣпостного состоянія, уцѣлѣвшаго еще со времени среднихъ вѣковъ, но превратившагося уже въ простой источникъ дохода; затѣмъ отмѣна—тоже не особенно тяжелыхъ—барщинныхъ работъ, которыми крестьяне здѣсь были обязаны относительно вотчиннаго судьи; наконецъ, погашеніе «реальныхъ обязательствъ». Право собственности на землю здѣсь во многихъ мѣстахъ уже существовало ранѣе. Только на юго-востокѣ нужно было превратить неполныя, отчасти даже не наслѣдственныя права владѣнія въ собственность.

На югѣ, также какъ и на сѣверо-западѣ, уничтоженію подлежали одни обломки устарѣлаго строя, притомъ на югѣ въ еще большей степени, чѣмъ на сѣверо-западѣ. Здѣсь, какъ и тамъ; дѣло шло о денежныхъ повинностяхъ или о такихъ, которыя легко было перевести на деньги, а слѣдовательно, и выкупить безъ существеннаго измѣненія въ хозяйственномъ положеніи господина, владѣвшаго до тѣхъ поръ правами на эти повинности. Трудность поэтому была здѣсь не столько экономическая, сколько политическая, но и въ этомъ отношеніи на сѣверѣ она была не такъ велика, какъ на югѣ, такъ какъ здѣсь медіатизированные въ началѣ XIX столѣтія владѣтельные князья создавали особыя препятствія, на сѣверѣ же государственная власть уже со времени среднихъ вѣковъ была очень сильна сравнительно съ дворянами. На западѣ, а именно на юго-западѣ, довольно часто многіе господа имѣли права на одного крестьянина, такимъ образомъ послѣдній долженъ былъ здѣсь быть освобожденъ отъ многихъ господъ и вслѣдствіе этого дѣло освобожденія усложнялось, но зато здѣшній крестьянинъ никогда не попадалъ въ такую неограниченную зависимость отъ *одного* господина, какъ это было въ области «вотчиннаго владѣнія».

Здѣсь, на сѣверо-востокѣ, наоборотъ, главную задачу составляетъ уничтоженіе обременительныхъ барщинныхъ работъ и превращеніе большею частью ненаслѣдственныхъ правъ владѣнія въ собственность. Кромѣ того и личная несвобода,—вновь возникшее наслѣдственное подданство,—состоитъ здѣсь не только въ обязанности исполнять самыя разнообразныя повинности и платить подати, но и въ настоящемъ личномъ порабощеніи, послѣдовательно созданномъ въ тѣхъ видахъ, чтобы обезпечить

владѣльцу всю имѣвшуюся на лицо рабочую силу подданнаго и всей его семьи. Крѣпостной являлся здѣсь дѣйствительно частью имущества господина. Такимъ образомъ, въ противоположность всему западу, здѣсь дѣло шло объ уничтоженіи совершенно *новыхъ* отношеній: несвободнаго рабочаго строя, характеризующаго современное капиталистическое крупное предпріятіе,—перенесенное въ область сельскаго хозяйства.

Чтобы освободить крестьянина, здѣсь было необходимо такимъ образомъ прежде всего создать вознагражденіе за его *рабочую силу*. Эта рабочая сила, а не деньги важны были здѣшнему господину, все экономическое существованіе котораго подрывалось въ случаѣ уничтоженія этого строя: господинъ вѣдь былъ здѣсь не рантье, а производитель, сельскохозяйственный предприниматель, который вовсе не желалъ внезапно ликвидировать свое предпріятіе. Такимъ образомъ здѣсь представлялась трудная *хозяйственная* и *соціальная* проблема: или уничтожить крупныя предпріятія, или-же снабдить ихъ свободной рабочей силой на мѣсто несвободной. Но и политическое значеніе этой проблемы было не менѣе важно въ виду той роли, которую—по крайней мѣрѣ въ молодомъ прусскомъ государствѣ—играло дворянство, въ арміи и чиновничествѣ.

Такимъ образомъ, на сѣверо-востокѣ дѣло освобожденія было безъ сомнѣнія дѣломъ самымъ труднымъ, на сѣверо-западѣ—самымъ легкимъ. Однако, оно началось не тамъ, гдѣ оно было легче всего, какъ этого можно было бы ожидать, а тамъ, гдѣ оно было наиболѣе настоятельно, т.-е. какъ разъ именно на сѣверовостокѣ, гдѣ вплоть до XVIII столѣтія положеніе становилось постоянно все хуже и хуже. Притомъ здѣсь освобожденіе имѣло болѣе самостоятельный характеръ, будучи только косвенно вызвано заграничнымъ вліяніемъ. Между тѣмъ, западъ а особенно юго-западъ, воспринялъ и осуществилъ новыя идеи благодаря Франціи; три французскія революціи оказали здѣсь самое сильное и непосредственное вліяніе.

Несмотря на эти разницы, мы можемъ все-таки повсюду въ исторіи освобожденія нѣмецкихъ крестьянъ различить одни и тѣ же два періода: до-наполеоновскій и послѣ-наполеоновскій, XVIII и XIX столѣтіе, раздѣляемыя другъ отъ друга великой революціей и наполеоновскими войнами.

Въ первый, до-наполеоновскій, періодъ просвѣщеннымъ абсолютнымъ государямъ, несмотря на ихъ широкіе планы, реформы удавались только по отношенію къ ихъ собственнымъ крестьянамъ,—на ихъ собственныхъ земляхъ (доменахъ), гдѣ эти государи являлись одновременно государями и вотчинниками,—судьями и землевладѣльцами. Въ сколько-нибудь значительномъ размѣрѣ освобожденіе было произведено и тогда лишь на сѣверо-востокѣ, въ старыхъ провинціяхъ прусскаго государства. Здѣсь государственные крестьяне постепенно

были превращены въ свободныхъ собственниковъ безъ всякихъ обязательствъ; и это было достигнуто не путемъ уничтоженія крупнаго землевладѣнія, какъ въ Австріи при Маріи-Терезіи, а путемъ выдачи непосредственно изъ казначейства денежныхъ субсидій арендаторамъ крупныхъ хозяйствъ для пріобрѣтенія необходимаго скота и свободныхъ рабочихъ рукъ. Старое прусское государство совершило это великое дѣло еще передъ своимъ глубокимъ паденіемъ въ 1806 г.

Но и въ періодъ послѣ-наполеоновскій старая Пруссія оставалась первымъ государствомъ, гдѣ, какъ средство для внутренняго возрожденія, предпринято было трудное дѣло не только личнаго, но и экономическаго освобожденія крестьянъ. Первые рѣшительные шаги въ этомъ смыслѣ сдѣланы были извѣстнымъ «законодательствомъ Штейна и Гарденберга». Какъ заявляется въ запискѣ Гарденберга 1807 г., королевское правительство желало, «сохраняя нравственность и религію, воспринять цѣли революціи, осуществить въ монархическомъ режимѣ демократическіе принципы». Уничтоженіе наслѣдственной зависимости эдиктомъ 1807 г. и «регулированіе вотчинныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами», т.-е. уничтоженіе барщинныхъ повинностей и превращеніе ласситнаго владѣнія въ собственность эдиктомъ 1811 г., а также декларація 1816 г. сдѣлали, по крайней мѣрѣ, болѣе крупныхъ— «владѣвшихъ полной упряжкой» ласситовъ свободными собственниками, правда, лишь половины или двухъ третей обрабатывавшейся ими до тѣхъ поръ земли. Другая половина или треть перешли къ владѣльцамъ въ видѣ вознагражденія, также въ полную собственность. Задача же—создать на мѣсто несвободной барщинной работы свободную рабочую силу для остающихся крупныхъ хозяйствъ была разрѣшена декларацией 1816 г. совершенно односторонне—въ интересахъ помѣщиковъ. Это сдѣлано было путемъ изъятія мелкихъ, безлошадныхъ крестьянъ, Kossät'овъ и т. д. изъ упомянутаго регулированія отношеній и путемъ отмѣны правилъ объ «охранѣ крестьянъ» по отношенію къ нимъ, вслѣдствіе чего всѣ эти крестьяне могли быть превращены помѣщиками въ поденныхъ рабочихъ. Все это, особенно со времени капитальной работы Кнаппа, слишкомъ извѣстно, чтобы стоило здѣсь распространяться объ этомъ подробнѣе. Такимъ образомъ, 1848 году предстояло здѣсь только закончить освободительное законодательство, усовершенствовать, насколько тэо было возможно, регулированіе отношеній и провести выкупъ реальныхъ обязательствъ по отношенію къ существовавшимъ и здѣсь, хотя въ меньшинствѣ, крестьянамъ съ полными правами владѣнія и къ крестьянамъ государственнымъ.

Въ противоположность этому, въ наиболѣе важной части сѣверозапада, въ Ганноверѣ, ранѣе всего было закончено освобожденіе *частновладѣльческихъ* крестьянъ, закончившееся уже въ 30-хъ годахъ. Сначала это было лишь освобожденіе отъ частновладѣльческой зависимости; публично-правовая зависимость и особенности гражданскаго права

крестьянъ, какъ, напр., передача одному наслѣднику, продолжали существовать и послѣ этого. Только прусское законодательство 70 годовъ покончило съ государственными правами, и тогда же были измѣнены правила относительно Anerbenrecht.

На югѣ (и въ средней Германіи) первоначально проведено было одно только личное освобожденіе, благодаря введенію новыхъ государственныхъ учрежденій, «конституцій», т. е. какъ прямое слѣдствіе общаго политическаго развитія. Напротивъ, экономическое освобожденіе было поставлено на очередь только іюльской революціей и только въ 1848 г. положено начало осуществленію его. Зато чѣмъ позднѣе, тѣмъ оно обставлялось серьезнѣе и выгоднѣе для крестьянъ: реальныя обязательства были здѣсь капитализированы по болѣе низкой оцѣнкѣ, чѣмъ на сѣверо-западѣ и сѣверо-востокѣ; государство давало ссуду для выкупа, и никакая часть земли не была взята у крестьянъ для вознагражденія помѣщиковъ.

Наконецъ, освобожденіе отъ патримоніальной власти въ большинствѣ странъ, хотя все-таки не вездѣ, было осуществлено только въ 1848 г.

Съ освобожденіемъ крестьянъ связаны различныя техническія мѣропріятія для устраненія средневѣковыхъ стѣснительныхъ условій полеваго хозяйства: разверстаніе всего «общиннаго» въ самомъ обширномъ смыслѣ, т. е. раздѣлъ общинныхъ полей, уничтоженіе сервитутовъ, округленіе участковъ. Но описывать здѣсь всѣ эти мѣропріятія и различія между ними въ отдѣльныхъ областяхъ, въ зависимости отъ общей организаціи землевладѣнія и отъ физическаго дѣленія на три поля, мы не имѣемъ возможности.

V.

Результатъ освободительной работы получился ко второй половинѣ текущаго столѣтія въ главнѣйшихъ чертахъ вездѣ одинъ и тотъ же. Послѣдствіемъ ея повсюду, особенно тамъ, гдѣ правовыя и экономическія реформы сопровождались обширными техническими мѣропріятіями, былъ необычайный подъемъ германскаго земледѣльческаго хозяйства. Тѣмъ не менѣе, основной характеръ германскаго земледѣльческаго строя, какимъ онъ былъ въ концѣ XVIII в., и послѣ освободительнаго законодательства остался неизмѣннымъ: «аграрный дуализмъ», контрастъ между восточно-эльбскою и западно-эльбскою Германіей не только не ослабѣлъ, но отчасти даже еще болѣе усилился. На сѣверо-западѣ изъ немногихъ, находившихся тамъ крупныхъ хозяйствъ, извѣстная часть была уничтожена. На сѣверо-востокѣ же этого нигдѣ не случилось, за исключеніемъ относящихся сюда частей Шлезвигъ-Гольштейна. Здѣсь, напротивъ, именно вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, количество крестьянскихъ дворовъ, а еще болѣе количество

крестьянской земли значительно уменьшилось. Особенно освобожденіе крестьянъ, въ старыхъ провинціяхъ Пруссіи, т. е. въ главной части сѣверо-востока, вслѣдствіе отмѣны правилъ объ «охранѣ крестьянъ» по отношенію къ категоріи крестьянъ, изъятой изъ закона о регулированіи 1816 г., а также вслѣдствіе вознагражденія помѣщиковъ частью земли,—сильно способствовало образованію характерныхъ для сѣверовостока крупныхъ хозяйствъ изъ крестьянской земли—процессъ, который на время былъ задержанъ закономъ о «крестьянской охранѣ» Фридриха Великаго. Освобожденіе крестьянъ, такимъ образомъ, разрѣшило крестьянскій вопросъ того времени, но создало одновременно для сѣверо-востока сельскій рабочій вопросъ.

Сверхъ того, и многіе изъ регулированныхъ (по положенію 1816 г.) дворовъ, не будучи въ состояніи сохранить свое самостоятельное существованіе, были скуплены крупными помѣщиками. При этомъ нужно еще имѣть въ виду, что «свободное обращеніе земли» въ Пруссіи тогда далеко еще не было полнымъ; оно было сильно стѣснено фидеикоммиссами и правами гипотечныхъ кредиторовъ на заложенныя имѣнія. Вслѣдствіе этого дѣлалось невозможнымъ естественное—при общемъ процессѣ хозяйственнаго развитія и возрастаніи населенія—раздробленіе крупныхъ хозяйствъ; свобода раздѣловъ, въ дѣйствительности, была создана лишь для крестьянскаго землевладѣнія, и это послѣднее, поэтому, вплоть до нашего времени (до закона о «рентныхъ имѣніяхъ») постепенно сокращалось не только путемъ распродажи, но и путемъ раздробленія между мелкими хозяевами.

Съ другой стороны, введеніе свободы раздѣловъ и общаго римскаго права наслѣдованія съ одинаковыми правами всѣхъ дѣтей, а также свободы залога привело въ большинствѣ мѣстностей съ подворнымъ строемъ хотя и не къ дѣйствительнымъ раздѣламъ, но зато къ постоянно растущему отягощенію крестьянскаго сословія долгами, связанными съ раздѣлами. Правда, эта задолженность крестьянъ все же не такъ велика, какъ задолженность крупнаго землевладѣнія, тѣмъ не менѣе—по крайней мѣрѣ на сѣверо-востокѣ, она достигла уже размѣровъ, внущающихъ серьезныя опасенія.

Въ настоящее время, однако, все болѣе и болѣе крѣпнетъ убѣжденіе въ необходимости для государства и народной экономіи значительнаго по количеству и цвѣтущаго крестьянскаго класса не только въ интересахъ фискальныхъ, военныхъ и соціальныхъ, но и въ интересахъ народнаго здоровья, для возобновленія городскаго населенія. И современный аграрный кризисъ показалъ, что крестьянское хозяйство устойчивѣе крупнаго или что, по крайней мѣрѣ, оно вполнѣ способно къ конкуренціи съ послѣднимъ. Въ то же время ростъ населенія и общій хозяйственный прогрессъ требуютъ сокращенія размѣровъ и увеличенія количества сельскохозяйственныхъ предпріятій.

Вслѣдствіе этого съ недавняго времени возникла реакція противъ

исключительно освободительнаго характера аграрнаго законодательства третьей эпохи, старавшагося только снимать всѣ путы съ земельной собственности. Мы стоимъ на порогѣ новаго періода въ аграрной политикѣ. Наслѣдіе освободительнаго законодательства, дѣлавшаго заразъ и слишкомъ мало въ однихъ отношеніяхъ, и слишкомъ много въ другихъ, ставитъ этому новому періоду двоякую задачу: *сохраненіе* освобожденнаго крестьянскаго сословія въ его нынѣшнемъ составѣ и *увеличеніе* его тамъ, гдѣ описанный историческій процессъ и самый ходъ освобожденія такъ сильно уменьшилъ это сословіе,—именно въ восточно-эльбскихъ частяхъ имперіи. А такъ какъ сохранять вообще гораздо легче, чѣмъ возсоздавать вновь, то первую задачу современной аграрной политики составляетъ поддержаніе крестьянскаго сословія тамъ, гдѣ оно находится въ опасности, т. е., прежде всего, (хотя и не только) на сѣверо-востокѣ. Важнѣйшимъ средствомъ для этого, т. е. для того, чтобы помѣшать возрастанію задолженности при наслѣдственныхъ переходахъ, является возвращеніе къ нѣкоторымъ публично-правовымъ ограниченіямъ, введеніе законнаго порядка наслѣдованія безъ завѣщанія во всѣхъ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ еще въ силу обычая удержалась цѣльность дворовъ; такъ какъ свобода раздѣловъ, принятая на юго-западѣ, не имѣетъ для себя на сѣверо-востокѣ самаго необходимаго условія—интенсивнаго развитія сельскихъ ремеслъ.

Вторую не менѣе важную задачу современной нѣмецкой, въ особенности прусской аграрной и вообще экономической политики составляетъ увеличеніе крестьянскаго сословія на сѣверо-востокѣ путемъ широко проведенной при помощи самого государства внутренней колонизаціи—«Verwestlichung des Nordostens», какъ говоритъ Кнаппъ.

Значеніе этой внутренней колонизаціи для всего народнаго хозяйства германской имперіи весьма велико. Она представляетъ, съ одной стороны, единственное возможное разрѣшеніе современнаго аграрнаго кризиса путемъ принудительной ликвидаціи наиболѣе задолженныхъ крупныхъ хозяйствъ; съ другой стороны, она является разрѣшеніемъ сельскаго рабочаго вопроса посредствомъ удержанія въ самой странѣ рабочихъ силъ, уходящихъ теперь на сторону, наконецъ, она служила бы вентиляторомъ для излишка населенія на юго-западѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ предохранительнымъ средствомъ противъ чрезмѣрнаго въ этой мѣстности раздробленія поземельной собственности.

МИЛОСЕРДІЕ.

Романъ Уилльяма Д. Гоуэллса.

Переводъ съ англійскаго **С. А. Гулишамбаровой.**

(*Продолженіе* *).

XIII.

Блѣдный свѣтъ, въ которомъ исчезли сани Сю, сгустился въ раннія зимнія сумерки, прежде чѣмъ пришелъ поѣздъ и умчалъ Матта въ Бостонъ. Въ то же время электрическіе фонари засвѣтились, словно рядъ лунъ, внезапно выступившихъ изъ тьмы, и озарили серебристыми лучами все пространство кругомъ вокзала, откуда молодой человѣкъ, подписывавшійся подъ своими газетными статьями «одинъ изъ молодыхъ людей» «Бостонскаго Вѣстника», пришелъ въ ресторанъ неподалеку отъ желѣзной дороги.

Внутренняя обстановка этого ресторана носила въ себѣ отпечатокъ домовитости безъ затѣй, и молодой человѣкъ вздохнулъ съ чувствомъ довольства въ этомъ уютномъ уголкѣ, гдѣ было тепло и свѣтло. Въ ресторанѣ находилась женщина съ очень словоохотливымъ видомъ, въ ней чувствовалась несомнѣнная общительность, и молодой человѣкъ тотчасъ же это замѣтилъ, когда она взглянула на него.

Она подошла къ тому столу, гдѣ былъ молодой человѣкъ. Онъ положилъ шляпу и пальто на одинъ стулъ и собирался взять другой для себя.

— Ну,—началъ онъ,—посмотримъ, что у васъ тутъ есть. Нечего, кажется, спрашивать насчетъ кофе?— Онъ потянулъ носомъ, глубоко вдохнувъ ароматъ этого напитка, выходившій изъ открытой двери въ другую комнату.

— Есть у васъ запеченые бобы?

— Есть.

— Ладно. По мнѣ, нѣтъ ничего вкуснѣе запеченыхъ бобовъ. А вы какъ думаете объ этомъ?

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

— Конечно, коли они хорошо приготовлены,— согласилась женщина,—то-есть, въ настоящемъ видѣ.

— А что можетъ быть лучше куска пирога съ мясною начинкою?

— Ужъ, вправду, не знаю лучшаго кушанія. Горячаго пирога прикажете?

— Всенепремѣнно.

— Я такъ и думала,—отвѣчала женщина. — У насъ есть горячій и холодный пирогъ, но я не очень-то охоча до холоднаго пирога.

— У насъ дома постоянно пекутъ пирогъ съ мясомъ, — сообщалъ молодой человѣкъ,—но если бы я вздумалъ поѣсть холоднаго пирога, женѣ моей пришлось бы сейчасъ же послать за докторомъ.

Женщина засмѣялась, словно обрадованная этой симпатіей, установившейся между нею и молодымъ человѣкомъ въ силу ихъ пристрастія къ горячему пирогу съ мясомъ.

— Да, безъ доктора ей бы никакъ нельзя. А больше вамъ ничего не потребуется?

Она принесла кофе съ нагрѣтой тарелкой и салфеткой изъ японской бумаги. Ставя все это передъ молодымъ человѣкомъ, она сказала:

— Пирогъ вашъ разогрѣвается. Вотъ вамъ нѣсколько булочекъ, только-что вышли изъ печи. А вотъ и масло, могу сказать, лучше никогда не бывало. Вкуснѣе и слаще масла не сыскать; оно прямехонько изъ имѣнія Нортвика, по одному доллару за фунтъ.

— Ладно! Мнѣ бы слѣдовало догадаться, что у васъ подается къ столу масло Нортвика, — сказалъ молодой человѣкъ съ дружеской ироніей.

— А вы знаете масло Нортвика?—спросила женщина, восхищенная, что открыла новую связь между ними.

— Да, жена моя употребляетъ это масло для кухни, — отвѣчалъ молодой человѣкъ,—а для стола у насъ масло новомодной фермы.

Женщина расхохоталась отъ удовольствія, такъ ей понравилась его шутка.

— Господи! Голову готова прозакладать, что вы также ворчите за это!—вскричала она, стремительно пускаясь въ откровенныя изліянія, которыя онъ выслушивалъ снисходительно.

— Ну да, мнѣ довольно трудно угодить,—признался молодой человѣкъ.—Но къ женѣ моей не легко придраться, такой хозяйки днемъ съ огнемъ другой не сыскать. Только теперь мнѣ, вѣроятно, прійдется распроститься съ масломъ Нортвика.

— Почему же?

— Да если онъ погибъ во время этого несчастія...

— Охъ, я увѣрена, ничего подобнаго не случилось,—отвѣчала женщина. — Должно, это какой-то другой Нортвикъ. Кучеръ ихъ — Элбриджъ Ньютонъ—сказывалъ моему мужу, что мистеръ Нортвикъ оста-

новился въ Спрингфильдѣ поискать тамъ лошадей. Онъ то и дѣло покупаетъ новыхъ лошадей. У него теперь, кажись, на конюшняхъ стоитъ восемьдесятъ либо девяносто лошадей. Я ни одному слову не вѣрю изъ того, что тамъ о немъ напечатано.

— Вотъ оно что!—сказалъ молодой человѣкъ. — Ну, а зачѣмъ же тотъ малый въ москательной лавкѣ говорилъ, будто онъ улизнулъ въ Канаду?

— Какой такой малый?

— Маленькій, худенькій человѣчекъ, съ большими черными усиками и голубыми глазами, которые можно назвать «голубыми, искрометными» очами.

— Охъ!.. мистеръ Путнэй! Это онъ просто пошутилъ. Онъ вѣчно прохаживается насчетъ мистера Нортвика.

— Значитъ, онъ, вѣроятно, проѣхалъ въ Понкуассэтъ по поводу тамошнихъ безпорядковъ.

— Съ рабочими?

— Должно быть, что такъ.

Женщина крикнула черезъ открытую дверь:

— Уилльямъ!

Показался мужчина въ крахмальной рубашкѣ и жилетѣ безъ сюртука.

— Ты слыхалъ насчета рабочихъ безпорядковъ на фабрикахъ мистера Нортвика?

— Нѣтъ, все это одни глупости,—сказалъ мужчина.

Онъ съ любопытствомъ подошелъ къ столу, у котораго жена его разговаривала съ молодымъ сотрудникомъ «Бостонскаго Вѣстника».

— Ну, что-жъ, очень жаль, — замѣтилъ молодой человѣкъ. — Значитъ, такъ или иначе, я не особенно потерялъ, не заставъ здѣсь мистера Нортвика. Я пріѣхалъ сюда изъ Бостона, чтобы поразспросить его насчетъ рабочихъ безпорядковъ для нашей газеты.

— А я-то, дура, и не догадалась!—вскричала трактирщица.—Вы издатель?

— То-есть, я репортеръ... одно и то же...— отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Можетъ, у васъ тутъ въ вашихъ заведеніяхъ то же не все благополучно?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ трактирщикъ,—у насъ, кажется, всѣ довольны въ Гатборо.

Его сильно подмывало пооткрвенничать съ молодымъ сотрудникомъ «Бостонскаго Вѣстника», внушавшимъ ему довѣріе своимъ видомъ, но врожденная осторожность истаго янки одержала верхъ и онъ не принялъ предложеннаго ему вызова развязать языкъ.

— Да, — сказалъ молодой человѣкъ, — я замѣтилъ одного изъ вашихъ согражданъ, тамъ, въ москотельной лавкѣ, который показался мнѣ предовольнымъ своею судьбою.

— О, да; мистеръ Путнэй! Я слыхалъ, вы говорили про него съ женою.

— А кстати, кто таковъ этотъ мистеръ Путнэй? — спросилъ сотрудникъ «Бостонскаго Вѣстника».

— Мистеръ Путнэй?—повторилъ трактирщикъ, бѣгло взглянувъ на жену, словно прося ее «научить» его или поправить, коли онъ, чего добраго, скажетъ какую-нибудь глупость. — Путнэй люди стариннаго рода въ Гатборо.

— Всѣ они представляютъ изъ себя консервы въ спирту, такъ, что ли?

— Н...нѣтъ, этого я не могу сказать.

Трактирщикъ засмѣялся, повидимому, неохотно смакуя остроту своего собесѣдника. А жена его даже не улыбнулась, и молодой человѣкъ понялъ, что взялъ фальшивую ноту.

— Жаль,— сказалъ онъ,— когда видишь такого человѣка въ подобномъ состояніи. Въ теченіе пяти минутъ онъ наговорилъ столько остроумныхъ вещей, несмотря на то, что былъ на седьмомъ взводѣ, сколько мнѣ не сказать въ цѣлый мѣсяцъ, не бравши въ ротъ ни капельки хмѣльнаго.

Благодаря этой готовности самоуничиженія, доброе согласіе было возстановлено.

— Ну, конечно, не мнѣ судить, правы вы, либо нѣтъ, — сказала трактирщица,—только онъ-то умный-преумный, это вамъ всѣ скажутъ. И не всегда же онъ бываетъ во хмѣлю, какъ вы его видѣли. Теперь у него какъ разъ такая линія вышла. Съ нимъ это бываетъ разъ черезъ каждые четыре-пять мѣсяцевъ, а во все остальное время онъ не хуже другихъ. У него это словно хворь какая, мужу я тоже говорила.

— Если бы онъ могъ устоять противъ этого, ни одному бы адвокату съ нимъ не помѣряться, т.-е. въ нашемъ городѣ, конечно,—сказалъ мужъ ея.

— Пріятно, мнѣ кажется, пользоваться такой популярностью, — замѣтилъ молодой человѣкъ. — А за что онъ такъ разноситъ мистера Нортвика?

— Ну, ужъ этого я не знаю,—отвѣчалъ трактирщикъ.—Онъ всегда былъ такой. Сдается мнѣ, это онъ больше насчетъ того, какого сорта человѣкъ мистеръ Нортвикъ, а не насчетъ всего прочаго.

— Ну, а какого же сорта миссеръ Нортвикъ, какъ вы полагаете?— спросилъ молодой человѣкъ, начавъ уписывать пирогъ, который трактирщица подала ему въ ту минуту.—Его, кажется, здѣсь не особенно любятъ. Отчего это?

— Да ужъ, право, не могу сказать навѣрно. Одно, кажется, что онъ живалъ здѣсь только лѣтомъ до этого года, съ тѣхъ поръ какъ померла его жена, а прежде совсѣмъ мало занимался нашими краями.

— Зачѣмъ живетъ онъ здѣсь зимою? Экономіи ради, что ли?

— Нѣтъ. У него денегъ куры не клюютъ, — отвѣчалъ трактирщикъ.

Жена его посмотрѣла значительно и сказала смѣясь:

— Ужо про то вамъ бы слѣдовало спросить миссъ Сю Нортвикъ.

— Ого, понимаю,—отвѣчалъ репортеръ небрежнымъ тономъ, спѣша перейти къ болѣе интересному предмету.—Тутъ замѣшанъ молодой человѣкъ. Представитель, не имѣющій друзей, который того и гляди потеряетъ свое значеніе?

— Ну нельзя сказать, чтобы у него не было друзей,—отвѣчала трактирщица,—насколько мнѣ извѣстно до сихъ поръ, онъ самый любимый изъ всѣхъ представителей компаніи, особенно среди рабочихъ, со времени мистера Пэка.

— Кто былъ этотъ мистеръ Пэкъ?

— Его переѣхали вагоны на станціи два или три года тому назадъ. Вотъ эта гостинница устроена по его почину. Сначала она была вродѣ, такъ сказать, коопераціи; мы держимъ ее теперь для желѣзной дороги общественнаго союза.

— Кооперація лопнула,—сказалъ репортеръ, дѣлая замѣтку въ своей записной книжкѣ.—Вѣчно одна и та же исторія; а тогда вы сняли эту гостинницу и стали наживать денежки. Общеизвѣстный финалъ кооперативнаго предпріятія.

— Мнѣ кажется, намъ до богатства еще очень далеко,—сухо замѣтила трактирщица.

— Ну, авось разбогатѣете, коли будете употреблять масло Нортвика. А почему его тутъ не любятъ, а здѣсь любятъ? Должно быть, эму порядочныхъ денегъ стоитъ содержаніе такого громаднаго имѣнія. И рабочимъ здѣсь не мало дѣла.

— Мистеръ Путнэй говоритъ, что сосѣдство такого богача портитъ народъ; что своими деньгами онъ дѣлаетъ больше зла, чѣмъ добра.

Трактирщица высказала это сужденіе словно нѣчто такое, съ чѣмъ она никогда не была въ состояніи сама согласиться и какъ бы желая увидать, какое дѣйствіе оно окажетъ на человѣка съ широкимъ репортерскимъ кругозоромъ.

Онъ считаетъ, что дѣла Гатборо шли лучше, когда здѣсь была только одна шляпная или башмачная лавка.

— А адвокатскія конторы благоденствовали при этомъ,—сказалъ засмѣявшись, молодой человѣкъ.—Словомъ, то было счастливое времячко. А каковъ мистеръ Нортвикъ самъ по себѣ?

Трактирщица обратилась съ тѣмъ же вопросомъ къ своему мужу. Тотъ на минуту былъ въ раздумьи.

— Ну изъ него слова не выжмешь. Съ здѣшнимъ народомъ въ Гатборо онъ мало водился. Но на него никогда не слыхалъ я никакихъ жалобъ. Мнѣ кажется, онъ очень хорошій человѣкъ.

— Объ атомъ нельзя будетъ слишкомъ распространяться, если онъ удралъ въ Канаду. Э? Ну, какъ бы то ни было, мнѣ жаль, что я не могъ повидаться съ мистеромъ Нортвикомъ. Теперь повсюду стачки рабочихъ на фабрикахъ и онъ могъ бы дать нѣкоторыя цѣнныя указанія на рабочій вопросъ вообще. Кажется, самъ онъ былъ бѣднякомъ въ юности?

— Не думаю, чтобы дочки его помнили про то время,—насмѣшливо замѣтила трактирщица.

— Вотъ оно какъ! Что-жъ, мы способны позабыть про дни невзгоды, когда намъ повезло въ свѣтѣ, особенно женщины. Понкуассэтъ не на линіи прямаго сообщенія, неправда ли?

Онъ задалъ этотъ вопросъ хозяину, словно оно такъ и слѣдовало.

— Нѣтъ, въ Спрингфильдѣ поѣздъ мѣняется; надо пересѣсть на Союзную и Главную дорогу. А въ Понкуассэтъ проведена вѣтвь.

— Ну, кажется, мнѣ придется отправиться туда, чтобы повидать мистера Нортвика. Какъ вы назвали того молодого человѣка, благодаря которому семейство Нортвика оставалось тутъ зимою?

Съ этимъ вопросомъ онъ обратился неожиданно къ хозяйкѣ, открывъ свою записную книжку и бросивъ на столъ для размѣна серебряный долларъ.

— Вы знаете, вѣдь я самъ женатый человѣкъ.

— Я не поминала никакихъ именъ,—сказала женщина съ чрезвычайно веселымъ видомъ.

Мужъ ея вернулся на кухню, а она убрала долларъ въ конторку, стоявшую въ углу комнаты, и принесла сдачу.

— Съ кѣмъ бы здѣсь можно поговорить о положеніи рабочихъ?— спросилъ молодой человѣкъ, кладя деньги въ карманъ.

— Ужъ и не знаю, кого бы вамъ назвать,—раздумчиво отвѣчала трактирщица.—Полковникъ Марвинъ; у него самая большая башмачная лавка. Также хозяева шляпныхъ заведеній, они кое-что могутъ вамъ сообщить объ этомъ. Вотъ и мистеръ Уилмингтонъ, которому принадлежитъ чулочная фабрика. Онъ, а не то мистеръ Джэкъ Уилмингтонъ. Оба могутъ пригодиться. По мнѣ, мистеръ Джэкъ лучше всѣхъ. А насчетъ разговора никого не найти здѣсь рѣчистѣе миссисъ Уилминттонъ. Съ ней потягается развѣ миссисъ Моррэлъ, жена доктора.

— Мистеръ Джэкъ ихъ сынъ?

— Что вы, Господь съ вами! Да она не старше его будетъ, совсѣмъ какъ есть молодая. Онъ ихъ племянникъ.

— О, понимаю: вторая жена. Значитъ, онъ-то и есть тотъ молодой человѣкъ, э?

Трактирщица посмотрѣла на молодого человѣка съ восхищеніемъ.

— Ловко же вы меня поддѣли! Если не онъ, не знаю, кто другой.

Репортеръ объявилъ, что охотно съѣстъ другой кусокъ ея вкуснаго пирога съ мясной начинкой и выпьетъ еще чашку кофе, если у нея

найдется и то, и другое. Прежде чѣмъ онъ съ ними покончилъ, ему дано было понять, что не будь мистеръ Джэкъ племянникомъ миссисъ Уилмингтонъ, онъ уже давнымъ давно былъ бы мужемъ миссъ Нортвикъ и что объ этой любви, потраченной на двухъ женщинъ, не стоило жалѣть.

Нашъ репортеръ попалъ въ свое настоящее званіе путемъ цѣлаго ряда случайностей, изъ которыхъ многія не имѣли вовсе прямого, непосредственнаго отношенія къ его ремеслу и въ послѣднемъ онъ употреблялъ не столько хитрости, сколько врожденные инстинкты. Онъ съ удовольствіемъ заводилъ рѣчь о самомъ себѣ и о своей домашней обстановкѣ и замѣчалъ, что притягательной силѣ его добродушныхъ изліяній противились немногіе мужчины. Женщины же всѣ шли на одну приманку. Въ настоящую минуту онъ вызвалъ одобрительное сочувствіе трактирщицы своимъ размышленіемъ по поводу всеобщей молвы, что миссисъ Уилмингтонъ удерживала своего племянника отъ женитьбы, имѣя въ виду сама выйти за него замужъ послѣ смерти своего стараго мужа. Онъ сказалъ, что этого всегда слѣдуетъ ожидать, когда старикъ женится на молодой женщинѣ. Это послужило ему предлогомъ распространиться о счастьѣ, которое можно найти только въ брачной жизни, если человѣкъ съумѣлъ найти себѣ подходящую пару, и о своей личной исключительно удачной женитьбѣ.

Онъ находился въ полномъ разгарѣ оживленныхъ признаній, какъ вдругъ отворилась дверь и блѣдный юноша, обратившій на себя вниманіе Луизы Гилари на вокзалѣ, вошелъ въ комнату.

Репортеръ прервалъ свое повѣствованіе, привѣтствуя новоприбывшаго со смѣхомъ.

— Здравствуйте, Максуэллъ! Вы также разслѣдуете это?

— Разслѣдую что? — спросилъ другой безъ малѣйшаго репортерскаго пыла.

— Да эти рабочіе безпорядки, — сказалъ репортеръ, незамѣтно подмигнувъ ему.

— Полноте, Пиннэй! У васъ страсть всегда говорить обиняками.

Максуэллъ повѣсилъ шляпу на вѣшалку, но усѣлся противъ Пиннэя, не снимая пальто; оно было порядкомъ поношено и петли его обтрепались до послѣдней возможности.

— Я попрошу чаю, — обратился онъ къ трактирщицѣ, — чаю съ закуской на англійскій манеръ, коли у васъ найдется такая; и небольшой ломоть поджареннаго хлѣба.

Онъ положилъ локти на столъ, обхватилъ голову руками и прижалъ пальцы къ вискамъ.

— Голова болитъ? — спросилъ Пиннэй съ тѣмъ комическимъ сочувствіемъ, которое люди выказываютъ къ чужимъ страданіямъ, словно послѣдніе можно прогнать шуткой. — Лучше поѣсть чего-нибудь болѣе существеннаго. Отъ головной боли первое средство яичница съ ветчиной?

Другой развернулъ свою бумажную салфетку.

— Узнали что-нибудь интересное?

— Пропасть толковъ съ мѣстной окраской,—отвѣчалъ Пинней.— А вы?

— Я совсѣмъ одурѣлъ отъ этой головной боли. Мнѣ кажется, мы привезли большую часть новостей съ собою,—заявилъ онъ.

— Ну, я этого не знаю,—сказалъ Пиннэй.

— А я знаю. Вы добыли ваши указанія прямо изъ главнаго источника. Мнѣ все извѣстно относительно этого, Пиннэй, поэтому вамъ нечего тратить попусту времени, если только время для васъ имѣетъ какое-нибудь значеніе. Тутъ, кажется, никто ничего не знаетъ; но общее мнѣніе въ Гатборо таково, что онъ удралъ. Не хотите ли помѣняться свѣдѣніями?—спросилъ Максуэллъ послѣ того, какъ ему былъ поданъ чай. Нѣсколько глотковъ этого напитка привели его въ болѣе оживленное настроеніе духа.

— А у васъ имѣются какія-нибудь особенныя данныя?—освѣдомился осторожно Пиннэй.—Что-нибудь исключительно интересное?

— Эхъ, куда хватили!—сказалъ Максуэллъ.—Нѣтъ, ничего такого у меня нѣтъ. Да и у васъ нѣтъ. Къ чему вы играете въ прятки? Я обслѣдовалъ все это дѣло самымъ тщательнымъ образомъ, вы—тоже. Тутъ все ясно и просто. Никакихъ скрытыхъ цѣлей или мотивовъ.

— Я думаю, если поработать, найдутся и скрытыя цѣли,—таинственно замѣтилъ Пиннэй.

Максуэллъ насмѣшливо улыбнулся.

— Вамъ бы слѣдовало быть сыщикомъ... въ романѣ.

Онъ намазалъ масломъ хлѣбъ и слегка дотронулся до него, какъ человѣкъ съ плохимъ аппетитовъ и дурнымъ пищевареніемъ.

— Полагаю, вы интервьюировали его домашнихъ?—спросилъ Пинней.

— Нѣтъ,—мрачно отвѣталъ Максуэллъ,—есть вещи, которыхъ не долженъ дѣлать даже репортеръ.

— Вамъ слѣдовало бы отказаться отъ жалованья,—сказалъ Пиннэй съ состраданіемъ превосходства.—Этакъ, пожалуй, рискуете опростоволоситься, коли будете церемониться со всякимъ вздоромъ.

— Какъ, напримѣръ, пойти и разспрашивать семью, думаетъ ли она, что близкій ей человѣкъ сгорѣлъ во время несчастнаго случая на желѣзной дорогѣ, а затѣмъ описать въ газетѣ чувства этой семьи? Спасибо, я предпочитаю опростоволоситься. Если въ этомъ заключается ваша цѣль, сдѣлайте милость, займитесь ею.

— Да вѣдь семья не обязана лично видѣться съ вами,—убѣждалъ Пиннэй.—Вы посылаете свою карточку и...

— Люди эти захлопываютъ дверь передъ вашимъ носомъ, если у нихъ есть нѣкоторая доля мужества.

— Ну такъ что же? Вамъ что до этого? Вѣдь тутъ все сводится къ дѣловымъ отношеніямъ. Личность тутъ не при чемъ.

— Нравственная пощечина всегда задѣваетъ личность, Пинней. Репортеру до нея нѣтъ дѣла, но отъ нея горитъ лицо человѣка.

— Отлично! Если вы намѣрены предаваться такимъ сквернымъ сомнѣніямъ, то вамъ слѣдуетъ удалиться въ поэтическій уголокъ и оставаться тамъ. Разумѣется, вы можете написать статью объ этомъ, только вы не созданы репортеромъ. Когда уѣзжаете вы въ Бостонъ?

— Въ четверть седьмаго. У меня есть свои виды.

— Что такое?—недовѣрчиво спросилъ Пиннэй.

— Приходите утромъ, я вамъ скажу.

— Можетъ, я съ вами поѣду въ Бостонъ. Мнѣ хочется выйти на свѣжій воздухъ и посмотрѣть, въ состояніи ли я закалить себя для этого интервьюированія. Ваши сомнѣнія заразительны, Максуэллъ.

XIV.

Въ самомъ дѣлѣ, Пиннэй былъ нѣсколько озадаченъ и смущенъ видомъ Максуэлла; одновременно въ немъ были затронуты наиболѣе чуткія и великодушныя стороны его внутренняго *я*, которыми онъ часто былъ вынужденъ поступаться ради своихъ репортерскихъ цѣлей, и у него явилось подозрѣніе, что Максуэллъ уже интервьюировалъ дочерей Нортвика. Въ такомъ случаѣ онѣ уже предупреждены и, разумѣется, откажутся принять его. Но въ качествѣ газетнаго репортера, имѣвшаго право заполнить исторіей этой растраты чужихъ капиталовъ столько столбцовъ газеты, сколько пожелаетъ, онъ считалъ своей обязанностью ради своей семьи употребить всѣ средства для составленія длинной статьи.

Онъ старался подбодрить себя мыслями о своей женѣ и о томъ, что она, вѣроятно, дѣлала въ эту минуту въ ихъ бостонскомъ домѣ; поэтому онъ преспокойно попросилъ доложить о себѣ миссъ Нортвикъ у дверей величественнаго дворца. Онъ успѣлъ занести въ свою записную книжку бѣглое описаніе его, прежде чѣмъ лакей Джемсъ отворилъ дрери и на одно мгновеніе окинулъ его внимательнымъ взглядомъ, нѣсколько сбитый съ толку его важностью. Несмотря на свою опытность, лакей не могъ угадать, былъ ли этотъ господинъ приказчикъ, переодѣтый разносчикъ, или попрошайка «благороднаго» званія.

— Не знаю, сэръ, сейчасъ схожу доложить о васъ.

Онъ вѣрнѣе впустилъ, чѣмъ пригласилъ Пиннэя войти. А въ его отстутствіе представитель «Извѣстій» сдѣлалъ замѣтку о внутреннемъ убранствѣ передней, куда его впустили, и библіотеки, гдѣ онъ очутился самъ за своею личной отвѣтственностью. Лакей нашелъ его здѣсь грѣющимъ спину у камина, когда вернулся съ карточкой въ рукѣ.

— Миссъ Нортвикъ думаетъ, что вы желаете видѣть ея отца. Его нѣтъ дома.

— Да, я это знаю. Я очень хотѣлъ повидать мистера Нортвика и просилъ повидать миссъ Нортвикъ, потому что узналъ, что его нѣтъ дома.

Лакей исчезъ, и послѣ небольшого промежутка въ библіотеку вошла Аделина. Она не могла скрыть трепета ужаса, очутившись въ присутствіи интервьюира.

— Не угодно, вамъ присѣсть?—робко обратилась она къ нему и взглянула на карточку, которую вернула ему обратно.

На карточкѣ значилось имя «Лоренцо А. Пиннэй», а слѣва въ уголкѣ стояли слова: *представитель «Бостонскихъ Извѣстій»*.

Мистеръ Пиннэй поспѣшилъ успокоить ее весьма почтительною и дѣловою прямотою обращенія, которому онъ придалъ слабый оттѣнокъ авторитетности.

— Мнѣ очень прискорбно безпокоить васъ, миссъ Нортвикъ. Я надѣялся побесѣдовать съ вами насчетъ этого... этого слуха... несчастія.. Не будете ли столь добры сказать мнѣ, когда именно мистеръ Нортвикъ уѣхалъ изъ дому?

— Онъ отправился на заводъ вчера утромъ на разсвѣтѣ,—отвѣчала Аделина.

У нея явилась надежда, какъ у Сюзэтты, что Маттъ Гилари сумѣетъ прекратить эти ужасные слухи въ самомъ ихъ источникѣ. Ей хотѣлось бы сказать свои мысли этому репортеру, у котораго былъ такой дружественный видъ, но безъ дозволенія Сюзэтты не посмѣла сдѣлать этого. Сюзэтта разбранила ее за то, что она не показала ей тотчасъ же газеты, которую прочитала въ то утро. Обѣ онѣ въ настоящую минуту настолько освободились отъ своего страха, что даже колебались, слѣдовало ли имъ вообще принять этого репортера. Аделина держала себя съ нимъ поэтому на сторожѣ.

— Вы ожидали, что онъ вернется тотчасъ же?—почтительно освѣдомился Пиннэй.

— О, нѣтъ. Онъ сказалъ, что вернется только черезъ нѣсколько дней.

— Кажется, до Понкуассэта всего нѣсколько часовъ по желѣзной дорогѣ?—замѣтилъ Пиннэй.

— Да, три—четыре часа. Тотъ поѣздъ, который отходитъ отсюда въ половинѣ перваго, кажется,—сказала миссъ Нортвикъ, взглянувъ на часы,—приходитъ туда черезъ три часа.

— Слѣдовательно, утренній поѣздъ не идетъ туда прямо?

— Нѣтъ. Отцу моему приходилось пережидать въ Спрингфильдѣ. Онъ рѣдко отправляется туда съ утреннимъ поѣздомъ. Когда мы узнали, что его нѣтъ на заводѣ, мы подумали, что онъ остановился въ Спрингфильдѣ на одинъ день купить тамъ лошадей. Но мы только что узнали, что его тамъ не было. Вѣроятно, онъ уѣхалъ въ Нью-Іоркъ; у него часто бываютъ дѣла въ Нью-Іоркѣ. Мы совсѣмъ не вѣримъ этой исторіи...—она произнесла послѣднія слова чуть слышно,—насчетъ... этого несчастнаго случая.

— Разумѣется, нѣтъ,—молвилъ съ искреннимъ сочувствіемъ Пиннэй.—Это одинъ изъ тѣхъ летучихъ, неосновательныхъ слуховъ, въ которыхъ всѣ имена спутаны провинціальными телеграфистками.

— Въ разныхъ газетахъ имя это написано двумя способами,— сказала Аделина.—Такъ рѣшительно не для чего было туда ѣхать. Да притомъ онъ бы непремѣнно, телеграфировалъ намъ.

— Кажется, заводъ этотъ находится на линіи Союзной и Главной желѣзной дороги, не правда ли?—перешелъ Пиннэй къ формальному стилю своихъ вопросныхъ пунктовъ.

— Да, именно такъ. Отецъ могъ пересѣсть въ Спрингфильдѣ на курьерскій и отъѣхать за Понкуассэтскую соединительную станцію; курьерскій поѣздъ не останавливается у водопада.

— Понимаю. Ну-съ, я не стану васъ долѣе безпокоить, миссъ Нортвикъ. Надѣюсь, вы скоро узнаете, что все это было ошибкой насчетъ...

— О, я убѣждена, что тутъ ошибка!—сказала Аделина.—Одинъ господинъ... нашъ хорошій знакомый... только что уѣхалъ въ Уэлуотэръ, собрать всѣ нужныя справки по этому дѣлу.

— Ахъ, вотъ и чудесно,—согласился Пиннэй.—Значитъ, у васъ скоро будутъ хорошія извѣстія. Полагаю, вы уже телеграфировали?

— Мы не могли ничего добиться по телеграфу. Вотъ почему онъ и поѣхалъ туда.

Пиннею показалось, что она хотѣла сказать ему, кто туда поѣхалъ; но она такъ и не сказала. Переждавъ напрасно минуту, онъ всталъ со словами:

— Ну я долженъ теперь поторопиться въ Бостонъ. Мнѣ бы слѣдовало пріѣхать сюда третьяго дня вечеромъ поговорить съ вашимъ отцомъ объ этихъ рабочихъ безпорядкахъ, послушайся я совѣта моей жены. Мнѣ всегда неудача, когда я ее не слушаюсь,—прибавилъ онъ улыбнувшись.

Неизвѣстно, отчего мужчина выигрываетъ во мнѣніи другихъ женщинъ, дѣлая видъ, что онъ подчиняется своей женѣ или дорожитъ ею Но безспорно это такъ. Женщины принимаютъ это за извѣстнаго рода дань самимъ себѣ или женщинѣ въ идейномъ смыслѣ. Уваженіе ихъ къ такому мужчинѣ становится выше; онѣ начинаютъ относиться къ нему съ почтеніемъ и сердца ихъ преисполняются къ нему горячимъ сочувствіемъ. Уже во многихъ случаяхъ преданная любовь къ женѣ сослужила ему хорошую службу, внушивъ къ нему довѣріе. Онъ не могъ поговорить пяти минутъ безъ того, чтобы не упомянуть ея имени; всѣ предметы бесѣды рано или поздно сводились къ разговору о его женѣ.

— Мнѣ жаль, что отца моего нѣтъ дома, и жаль, что я не могу сообщить вамъ объ этихъ безпорядкахъ...

— О, я поѣду завтра на заводъ, — весело прервалъ онъ ея рѣчь. Ея мягкое обращеніе дало ему смѣлость прибавить:

— У васъ, здѣсь должно быть, великолѣпно лѣтомъ, миссъ Нортвикъ.

— Мнѣ нравится здѣсь во всѣ времена года, — отвѣчала она. — Намъ живется здѣсь такъ хорошо зимою.

Она испытывала странное удовольствіе говорить это. Ей казалось, что, упоминая о ихъ общей семейной жизни, она какъ бы обезпечиваетъ ея непрерывность и отстаиваетъ безопасность своего отца.

— Да,—согласился Пиннэй.—Мнѣ было извѣстно, что вы покинули вашу городскую обитель. Мнѣ кажется, жена моя вполнѣ сошлась бы въ этомъ съ вами; она страстно любитъ деревню и не будь я прикованъ къ городу условіями моей работы, я увѣренъ, она съ радостью поселилась бы здѣсь.

Миссъ Нортвикъ взяла огромный пучекъ пышныхъ ярко-розовыхъ розъ Жакмино изъ вазы, стоявшей на каминѣ, и, завернувъ ихъ въ бумагу, которая лежала тутъ же на столѣ, церемонно презентовала ихъ Пиннэю.

— Не соблаговолите ли отвезти эти розы вашей женѣ?—сказала она.

Это было не только признаніемъ «порядочности» Пиннэя, нѣжнаго, любящаго мужа своей жены, но смутной попыткою умилостивить Пиннэя-репортера. Она подумала, что эти розы, быть можетъ, смягчатъ въ немъ сердце интервьюира и помѣшаютъ ему написать въ газетѣ что-нибудь о ней. Ей было страшно попросить его не дѣлать этого.

— Ахъ, благодарю васъ!—сказалъ Пиннэй.—Я, право, не думалъ... Это очень мило съ вашей стороны... увѣряю васъ.

Ему было очень чудно отнестись къ этимъ людямъ съ чисто-человѣчной точки зрѣнія и онъ поторопился закончить интервью. Онъ не сдѣлалъ ничего достойнаго порицанія, а между тѣмъ его внезапно охватило ощущеніе какой-то укоризны. При свѣтѣ семейной жизни человѣка, растратившаго чужія деньги, Нортвикъ являлся его жертвой. Пиннэй не намѣревался казнить его, онъ намѣревался только дать огласку его преступнымъ дѣяніямъ; но все равно, въ эту минуту ему показалось, что онъ гонитель Нортвика, что онъ преслѣдуетъ его по пятамъ, чтобы принизить и растоптать его. Ахъ, если бы эта несчастная старая дѣвушка не дарила ему этихъ цвѣтовъ! Ему казалось, что онъ онъ не смѣетъ передать ихъ своей женѣ, они жгли ему руки.

По дорогѣ на станцію онъ отошелъ всторону и бросилъ розы въ глубокій снѣгъ.

Жена встрѣтила его у дверей дома, сгорая отъ нетерпѣнія узнать, удались ли ему розыски. При видѣ ея, уныніе его какъ рукой сняло, онъ нарисовалъ передъ нею живую картину того, что сдѣлалъ.

Онъ сѣлъ, а она вскочила къ нему на колѣни и обняла его.

— Рэнъ, какъ ты великолѣпно сдѣлалъ это! Я увѣрена, ты совсѣмъ затмишь «Краткій Обзоръ». О, Рэнъ, Рэнъ!

Она обняла руками его шею и счастливыя слезы наполнили глаза ея.

— Послѣ этой статьи ты можешь разсчитывать на какое угодно мѣсто въ любой газетѣ! О, я самая счастливая женщина въ свѣтѣ!

Пиннэй радостно прижалъ ее къ своей груди.

— Да, дѣло мое чудесно налажено. Изъ ста вѣроятностей девя-

носто девять за то, что онъ удралъ въ Канаду. Оказалась громадная растрата, въ нѣсколько сотъ тысячъ, а ему дали возможность свести счеты... старая исторія! Факты расположены такъ, какъ мнѣ того хотѣлось, и какъ только Мантонъ дастъ намъ сигналъ: «Впередъ»!

— Ждать сигнала Мантона! — воскликнула миссисъ Пиннэй. — Ну, Рэнъ, ты не сдѣлаешь такой глупости. Мы не будемъ ждать ни одной минуты.

Пиннэй расхохотался и вторично заключилъ ее въ свои объятія, восхищенный ея энтузіазмомъ; смѣясь и цѣлуя ее, онъ объяснилъ ей, почему надо было подождать. Вѣдь если онъ воспользуется своимъ матеріаломъ прежде, чѣмъ получитъ разрѣшеніе отъ сыщика, то послѣдній никогда больше не дастъ ему ни малѣйшаго указанія.

— Мы ничего не потеряемъ, переждавъ немного. Я сейчасъ же примусь за составленіе статьи. Мнѣ хочется отдѣлать ее по всѣмъ правиламъ искусства. А ты пойди, приготовь мнѣ кофейку, Гатъ. Во всякомъ случаѣ, можешь быть увѣрена, я разработаю свой матеріалъ такъ, что другимъ не останется сказать ничего новаго.

Онъ снялъ съ себя верхнее платье и усѣлся за свой письменный столъ. Жена остановила его.

— Не лучше ли тебѣ пойти въ кухню? Тамъ удобнѣе работать, потому что кухонный столъ больше этого.

— Мнѣ кажется самому, что тамъ будетъ лучше, — согласился Пиннэй.

Онъ собралъ всѣ свои рабочія принадлежности и послѣдовалъ за женою въ чистенькую маленькую кухню, гдѣ она стряпала незатѣйливые обѣды; кухня служила имъ одновременно и столовою.

— Питалась только чаемъ безъ меня?

Онъ открылъ холодильникъ, продѣланный въ стѣнѣ, и заглянулъ въ него.

— Вчерашній обѣдъ такъ и остался нетронутымъ!

— Ты знаешь, я не въ состояніи ѣсть, когда тебя нѣтъ со мною, Рэнъ, — отвѣтила она съ трогательной гримаской.

Пиннэй поцѣловалъ ее и снова усѣлся за работу; а когда усталъ писать, онъ передалъ перо женѣ, которая стала писать подъ его диктовку. Во время этой работы у нихъ совершенно исчезло представленіе о человѣческомъ существѣ—если такое представленіе существовало когда-нибудь въ ихъ умѣ. Правда, проникнувъ въ семейную обстановку Нортвика и повидавъ лицомъ къ лицу его старшую больную дочь, Пиннэй почувствовалъ въ душѣ поползновеніе отнестись къ нему съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ. Онъ считалъ такую умѣренность съ своей стороны достоинствомъ и къ концу статьи, во время небольшой передышки, высказалъ по поводу этого слѣдующія мысли:

— Репортеровъ обыкновенно страшно ругаютъ; но если бы публикѣ было извѣстно, о чемъ мы умалчиваемъ, быть можетъ, она бы

*

перемѣнила свои сужденія о насъ. Разумѣется, мнѣ ужасно хотѣлось бы описать его дочь, эту бѣдную старую дѣвушку, и представить полный отчетъ о моемъ разговорѣ съ нею, но я нахожу это совершенно неудобнымъ. Я порѣшилъ исключить все это вплоть до того факта, что она, очевидно, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о его растратахъ или о томъ, зачѣмъ ему понадобилось махнуть въ Канаду. Это бы внесло немного трогательнаго элемента въ мою статью, но, мнѣ кажется, я не долженъ этого знать!

Жена его оттолкнула отъ себя рукопись и бросила перо.

— Ну, Рэнъ, если ты будешь говорить въ этомъ тонѣ, ты отнимешь у меня всякое удовольствіе,—ты знаешь это не хуже меня. Если мнѣ надобно будетъ думать о его семействѣ, я тебѣ не помощница больше.

— Пустое!—воскликнулъ Пиннэй.—Вѣдь факты должны такъ или иначе выйти наружу; я убѣжденъ, что другіе не обойдутся съ ними и въ половину такъ бережно, какъ я.

Онъ обнялъ жену и крѣпко прижалъ ее къ себѣ.

— Твое мягкосердечіе, однако, можетъ быть гибельно для меня, Гатъ. Не знай я, какъ ты къ этому отнесешься, я бы отправился прямо въ Уэлуотэръ и тамъ же на мѣстѣ обслѣдовалъ лично это происшествіе. Но я отлично зналъ, что ты съ ума сойдешь отъ горя, если я не вернусь въ назначенное время, а потому не поѣхалъ туда.

— Ахъ, какой вздоръ!—нѣжно сказала его молодая жена, смотря на него влюбленными глазами.—Мнѣ было бы все равно, если бы ты никогда не вернулся!

— Въ самомъ дѣлѣ? Насколько долженъ я вѣрить этому заявленію?—спросилъ онъ и снова притянулъ ее къ себѣ въ упоеніи отъ ея прелестныхъ влюбленныхъ глазъ. Самъ Пиннэй былъ красивый малый, веселый и, какъ говорится, не промахъ; онъ пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ, и жена его часто ему говорила, что порѣшила завладѣть имъ съ перваго же раза, какъ его увидала.

Случилось это лѣтомъ во время открытія одной роскошной загородной гостинницы, два года назадъ, когда «Бостонскія Извѣстія» поручили Пиннэю описать ее. Молодая дѣвушка поступилъ въ новую гостинницу телеграфисткой, — это было ея первое мѣсто. А онъ принесъ туда свою депешу и подалъ ей для отравки въ Бостонъ, какъ разъ въ ту минуту, когда она собиралась закрыть контору вечеромъ и пойти посмотрѣть на танцующихъ въ главной столовой, быть можетъ, разсчитывая и самой потанцовать съ молодыми клерками.

Услышавъ стукъ карандаша о выступъ крошечнаго окошка въ чугунной рѣшеткѣ ея каморки, она быстро обернулась, готовая заплакать отъ досады. Но при видѣ Пиннэя съ голубыми глазами и темными пушистыми усиками, вьющимися надъ его верхней губой, подъ его короткимъ прямымъ носомъ, и съ презабавной ямочкой

на подбородкѣ, ей почему-то стало смѣшно, а досады какъ не бывало,—вотъ чтò она ему разсказывала въ сотый разъ. Онъ написалъ ей изъ Бостона, придумавъ какое-то «дѣло», и между ними завязалась переписка; а прежде окончанія лѣта они уже стали женихомъ и невѣстой. Имъ и по сю пору не надоѣло говорить объ этой первой ихъ встрѣчѣ, какъ не наскучило говорить о самихъ себѣ и другъ о другѣ порознь во всѣхъ смыслахъ. Какъ только они «поженились» и у нихъ миновало то особое ослѣпительное состояніе, которое молодые люди принимаютъ въ глазахъ другъ друга, они увидали, что представляютъ оба очень простыхъ, безобидныхъ людей и начали считать себя хорошими людьми. При болѣе тѣсномъ брачномъ сожительствѣ ихъ влеченіе другъ къ другу только усилилось. Они считали себя хорошими, главнымъ образомъ, потому, что такъ крѣпко любили другъ друга; она знала, что онъ былъ хорошъ, потому что онъ любилъ ее; а онъ былъ убѣжденъ, что въ немъ должна быть масса добродѣтелей, разъ такая дѣвушка такъ горячо его полюбила. Они считали доблестью жить только одинъ для другого, какъ они жили; ихъ взаимная безусловная преданность казалась имъ проявленіемъ безкорыстія. Они считали великимъ подвигомъ свою умѣренность и свое трудолюбіе ради взаимнаго преуспѣянія; они заботились о своемъ благосостояніи только ради собственныхъ удобствъ, но пріобрѣтеніе удобствъ путемъ бережливости и трудолюбія казалось имъ своего рода альтруизмомъ; благодаря этому сознанію, они были постоянно довольны сами собою и удовлетворены другъ другомъ. Они порядкомъ рисковали, когда повѣнчались, разсчитывая жить на маленькое жалованье Пиннэя, но ихъ мужество, повидимому, получило вознагражденіе и въ концѣ концовъ въ нихъ жило сознаніе, что, пріобрѣтая свое благосостояніе, они участвовали нѣкоторымъ образомъ въ интересахъ общественной жизни.

XV.

Головная боль Максуэлла совершенно прошла послѣ чашки чая. Но очутившись въ домѣ на Клеверной улицѣ, гдѣ онъ занималъ комнату, онъ почувствовалъ себя утомленнымъ и пожелалъ немедленно лечь спать. Онъ жилъ у своей матери, которая сдавала жильцамъ комнаты со столомъ. Онъ сказалъ ей, что не усталъ, а только недоволенъ результатами своей работы.

— Я не могъ узнать почти ничего. Ну, конечно, если бы порыться въ помойныхъ ямахъ, матеріала нашлось бы достаточно, да только больно претитъ мнѣ такая работа. Ты узнаешь все изъ отчета Пиннэя, а я пока еще не рѣшилъ, писать мнѣ или нѣтъ объ этомъ дѣлѣ. По мнѣнію Пиннэя все это цѣнный матеріалъ. Я предоставилъ ему интервьюированіе семейства Нортвика, пусть себѣ пользуется ихъ несчастіемъ для своей статьи. Я же не могъ сдѣлать этого.

— Да и мнѣ бы не хотѣлось, чтобы ты этимъ занимался, Брайсъ,— сказала мать.—Мнѣ это было бы крайне непріятно.

— Ну мы оба неправы съ одной стороны,—возразилъ юноша.— Пиннэй говоритъ, что въ нашемъ дѣлѣ нельзя безъ этого, а дѣловыя побужденія очищаютъ и облагораживаютъ всѣ поступки. Пиннэй мѣтитъ въ первоклассные репортеры; онъ сдѣлается главнымъ редакторомъ и собственникомъ газеты; не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ я сдѣлаюсь заштатнымъ репортеромъ.

— Я надѣюсь, что ты гораздо раньше отдѣлаешься отъ такой работы,—сказала мать.

— Весьма вѣроятно, я «отдѣлаюсь» отъ всякой работы, коли буду держаться такой дорожки. У Пиннэя нѣтъ ни малѣйшаго литературнаго дарованія. По природѣ ему бы колоть дрова, либо ходить за лошадьми. Но онъ умѣетъ написать репортерскій отчетъ и навѣрно будетъ имѣть успѣхъ.

— Да вѣдь ты же не желаешь имѣть успѣхъ на его поприщѣ,— съ нѣжной лаской замѣтила мать.

— Да. Но мнѣ слѣдуетъ заручиться успѣхомъ на его поприщѣ, стараясь успѣть на томъ, которое отвѣчаетъ моему призванію. Мнѣ приходится работать восемь часовъ въ должности репортера за право заниматься два часа литературой. Такъ ужъ устроенъ нашъ міръ. Прежде всего, надобно зарабатывать свой насущный хлѣбъ.

— Ужъ ты ли не зарабатываешь своего хлѣба насущнаго, сынокъ... никому не достается хлѣбъ такъ тяжело, какъ тебѣ.

— Ахъ, но онъ чертовски грязенъ, этотъ заработанный мною насущный хлѣбъ!

— О, дитя мое, зачѣмъ ты такъ говоришь!

— Ну ладно. Не стану ругаться. Притомъ это глупо; глупо, какъ и все остальное.

Онъ всталъ со стула, на который опустился, и подошелъ къ двери слѣдующей комнаты.

— Мнѣ надобно пріукрасить свою особу чистымъ воротничкомъ и чистыми манжетками. Я долженъ сдѣлать визитъ и хочу оставить хорошее впечатлѣніе у человѣка, который укажетъ мнѣ на дверь, узнавъ, кто я и что мнѣ надо. Я намѣренъ интервьюировать мистера Гилари насчетъ чувствъ и мыслей компаньоновъ товарищества относительно ихъ сбѣжавшаго казначея. Что за тошнотворная обязанность! Никогда ему не узнать, что мнѣ въ десять разъ противнѣе, чѣмъ ему. Но у меня нѣтъ иного способа извлечь что-нибудь изъ этого дѣла.

— Я убѣждена, что ты будешь хорошо принятъ, Брайсъ. Онъ увидитъ, что ты джентльмэнъ...

— Нѣтъ, мама, я не джентльмэнъ,—рѣзко перебилъ ее сынъ изъ комнаты, гдѣ онъ перемѣнялъ бѣлье.—Не джентльмэнское мое занятіе. Но подобно многимъ другимъ, я намѣренъ стать джентльмэномъ,

какъ только мнѣ станетъ доступна эта роскошь. Я долженъ по обыкновенію убрать подальше свое *я*, когда буду интервьюировать мистера Гилари. А быть можетъ и онъ не джентльмэнъ. Въ этой мысли есть нѣчто утѣшительное. Мнѣ бы хотѣлось когда-нибудь написать статью о способахъ, которые употребляются въ коммерческихъ дѣлахъ, и о томъ, насколько способы эти совмѣстимы съ чувствомъ самоуваженія. Бѣда въ томъ, что мистеръ Риккеръ ни за какія коврижки не напечатаетъ моей статьи.

— Онъ очень хорошо относится къ тебѣ, Брайсъ.

— Да, насколько у него хватаетъ на это смѣлости. Онъ представляетъ оазисъ въ пустынѣ моей жизни. Но зачастую дуетъ конторскій самумъ и высушиваетъ этотъ оазисъ. Что же выйдетъ, если я начну свою статью съ обзора конторскихъ книгъ, какъ независимый журналистъ?

Миссисъ Максуэллъ не нашлось, что ему отвѣтить на этотъ вопросъ. Зато она очень краснорѣчиво доказывала ему необходимость окутать шею теплымъ шарфомъ, чего, какъ она увидала, онъ не дѣлалъ въ теченіе цѣлаго дня. Теперь она сама надѣла его ему на шею и взяла обѣщаніе, что онъ не забудетъ сдѣлать это самъ, выходя изъ дома Гилари.

Лакей, отворившій ему дверь, объявилъ, что мистера Гилари нѣтъ дома, но что онъ скоро вернется, и милостиво согласился впустить его подождать. Онъ пытался опредѣлить рангъ Максуэлла, чтобы согласно этому рѣшить, гдѣ ему ждать: платье и шляпа Максуэлла указывали на стулъ въ передней; а его блѣдное изящное, нѣсколько надменное лицо годилось для гостинной. Лакей пошелъ на компромисъ и провелъ незнакомаго гостя въ библіотеку.

Луиза быстро приподнялась съ кушетки, на которой расположилась для послѣобѣденнаго отдыха, въ полусвѣтѣ сумерокъ, думая о странныхъ событіяхъ этого дня. Она уставилась на него смущенными, безпомощными глазами. Для бо̀льшаго удобства и покоя она сбросила съ ногъ башмаки и они упали за кушетку. Она очутилась лицомъ къ лицу передъ этимъ рабочимъ, который привлекъ ея вниманіе на станціи въ Гатборо своимъ упорнымъ взглядомъ, этими тонкими, насмѣшливыми губами и огромными мечтательными глазами, врѣзавшимися въ ея памяти.

— Охъ, барышня, я не зналъ, что вы тутъ—извинился лакей, остановясь въ нерѣшительности.—Баринъ желаетъ повидать вашего папу.

— Не угодно ли вамъ присѣсть?—обратилась молодая дѣвушка къ Максуэллу.—Отецъ мой скоро вернется, я думаю.

Она начала подумывать, не удастся ли ей придвинуться какъ-нибудь незамѣтно бокомъ къ тому мѣсту, гдѣ лежали ея башмаки и потихонько всунуть въ нихъ свои ноги. Но въ ту же минуту она вспомнила, гдѣ находится, и не потому только, что башмаки ея лежали далеко въ сторонѣ, а также потому, что по своему характеру она любила видѣть вокругъ себя всѣхъ счастливыми и довольными. Она отнюдь

не была кокеткой, но не могла видѣть ни одного мужчины, не стараясь ему понравиться.

— Мнѣ жаль, что его нѣтъ,—сказала она. А затѣмъ, такъ какъ ему нечего было на это отвѣтить, рѣшилась заявить.—На дворѣ очень холодно, не правда ли?

— Подъ вечеръ стало холоднѣе,—отвѣтилъ Максуэллъ.

Онъ помнилъ ея лицо, она видѣла это, и это обстоятельство вызвало въ ея душѣ какое-то неподдающееся разсужденію чувство знакомства съ нимъ.

— Такая погода кажется необычайной въ началѣ февраля,—продолжала она въ томъ же тонѣ.

—Ну, я этого не скажу,—возразилъ Максуэллъ съ гораздо большей самоувѣренностью, чѣмъ ей бы хотѣлось видѣть въ немъ за такое короткое время.—Мнѣ кажется, у насъ часто бываютъ очень сильные холода послѣ январьской оттепели.

— Правда,—согласилась Луиза, внутренно удивляясь, какъ она не подумала объ этомъ.

Его самоувѣренность не вязалось съ его поношеннымъ платьемъ, какъ не вязались его чистое произношеніе и спокойный тонъ съ его обликомъ трудящагося пролетарія, который она за нимъ признала. Она рѣшила про себя, что онъ странствующій делегатъ и пришелъ, вѣроятно, по поводу какого-нибудь неудовольствія со стороны рабочихъ ея отца. Она никогда еще не видала странствующихъ делегатовъ, но часто слышала споръ своего отца и брата относительно полезности ихъ дѣятельности для общества, потому ея рѣшеніе придало Максуэллу новый интересъ въ ея глазахъ. Еще не зная, кто была Луиза, онъ вообразилъ ее себѣ гордячкой, кичащейся своими милліонами, такъ какъ встрѣтилъ ее въ домѣ Гилари и потому что возненавидилъ ее за щегольство,—насколько молодой человѣкъ можетъ возненавидѣть хорошенькую женщину,—когда она прохаживалась передъ его глазами на платформѣ въ Гатборо. Онъ разглядѣлъ библіотеку богача съ презрительнымъ отношеніемъ къ ея роскоши. Его пренебреженіе было чисто драматическаго свойства и не касалось личностей; тѣмъ не менѣе Луизу оно испугало. Ей хотѣлось уйти отсюда; но если бы даже ей удалось незамѣтно надѣть башмаки, она непремѣнно заскрипѣла бы ими по твердому деревянному паркету. Она не знала, чтобы такое сказать еще, и сердце ея загорѣлось благодарностью къ Максуэллу, когда онъ сказалъ ей, безъ всякаго отношенія къ предыдущему ихъ разговору, то, что было у него на умѣ.

— Не думаю, чтобы можно было имѣть вѣрное представленіе о зимѣ помимо деревни.

— Ваша правда,—отвѣтила она.—Мы забываемъ, какъ хорошо зимою за городомъ.

— И какъ ужасно,—прибавилъ онъ.

— О, неужели вы такъ думаете? — спросила она, а самой себѣ сказала: — теперь у насъ начнутся разсужденія, когда пріятнѣе, зимою или лѣтомъ, если будемъ продолжать нашу бесѣду въ этомъ стилѣ.

— Да, таково мое мнѣніе, — отвѣчалъ Максуэллъ.

Онъ нечаянно посмотрѣлъ на картину, висѣвшую надъ каминомъ, желая «подбодрить» себя, и принялся говорить о ней вкривь и вкось, разбирая ея живопись и характеръ. Молодая дѣвушка увидала, что онъ совсѣмъ не смыслитъ въ художествѣ, а картину оцѣниваетъ лишь съ литературной точки зрѣнія. Она изъ состраданія къ его невѣжеству пробовала перевести бесѣду на другую тему, когда услыхала внизу шаги своего отца.

Войдя въ библіотеку, Гилари бросилъ удивленно—вопросительный взглядъ на молодого человѣка. Максуэллъ всталъ.

— Мистеръ Галари, я сотрудничаю въ «Ежедневномъ Обозрѣніи» и пришелъ узнать, не угодно ли вамъ будетъ поговорить со мною объ этомъ пресловутомъ казусѣ съ мистеромъ Нортвикомъ.

— Нѣтъ, милостивый государь! Нѣтъ, милостивый государь! — бурно разразился Гилари. — Я знаю объ этомъ событіи не больше вашего! Мнѣ нечего сказать вамъ. Ни единаго словечка! Ни единаго звука! Надѣюсь этого достаточно?

— Вполнѣ, — отвѣчалъ Максуэллъ и, слегка кивнувъ въ сторону Луизы, вышелъ вонъ.

— Ахъ, папа, — жалобно простонала Луиза, — какъ могъ ты такъ обойтись съ нимъ?

— Обойтись съ нимъ такъ? А почему бы мнѣ не обойтись съ нимъ такъ, позволь узнать? Этакій наглецъ, подумаешь! Какъ это его угораздило залѣзть сюда и разсѣсться у меня въ библіотекѣ? Почему не остался онъ ждать въ передней?

— Патрикъ проводилъ его сюда. Онъ призналъ въ немъ джентльмэна!

— Призналъ въ немъ джентльмэна?

— Ну да, разумѣется. Онъ очень образованный человѣкъ. Онъ не... онъ совсѣмъ не похожъ на зауряднаго репортера!

Голосъ Луизы дрожалъ отъ огорченія за своего отца и отъ жалости за Максуэлла, когда она такъ рѣшительно выступила на его защиту. Ей было ужасно обидно сознавать, что отецъ ея въ данномъ случаѣ погрѣшилъ противъ правилъ джентльмэнства,

— Тебѣ... тебѣ слѣдовало быть крошечку добрѣе, папа. Вѣдь онъ совсѣмъ не навязывался къ тебѣ. Онъ только спросилъ, можешь ли ты что-нибудь сказать ему. Онъ не приставалъ къ тебѣ.

— Я вовсе не думалъ, что онъ станетъ приставать, — сказалъ Гилари.

Его вспышка быстро прошла. Ему было непріятна эта размолвка съ дочерью, которая обыкновенно была его любящей союзницей, восхищавшейся имъ. Но онъ не могъ признать себя неправымъ сразу.

— Если тебѣ не понравилось мое обращеніе съ нимъ, зачѣмъ оставалась ты здѣсь?—спросилъ онъ.—Къ чему тебѣ понадобилось занимать его разговорами до моего прихода? Разспрашивалъ онъ тебя о семействѣ Нортвика? Что значитъ вся эта исторія?

Глаза молодой дѣвушки блеснули слезами обиды и она отвѣтила съ негодованіемъ:

— Патрикъ не зналъ, что я здѣсь, когда провелъ его сюда. Увѣряю тебя, я была бы рада уйти, когда ты раскричался на него, если бы я могла это сдѣлать. Не очень пріятно было слушать тебя. Я больше не стану приходить сюда, если ты не хочешь. Я думала, тебѣ, нравилось, когда я здѣсь. Ты самъ говорилъ это.

— Перестань болтать вздоръ! — расходился ея отецъ.—Приходи, какъ всегда приходила, никто тебѣ не запрещаетъ. Мнѣ кажется,—прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія, во время котораго Луиза подняла съ полу свои башмаки и, держа ихъ въ рукѣ у себя за спиною, стояла передъ нимъ, стройная и высокая, настоящее олицетвореніе обиженной любви и оскорбленной гордости,—мнѣ кажется, мнѣ слѣдовало быть немного мягче съ этимъ малымъ, но сегодня за мною по пятамъ бѣгало до двадцати репортеровъ.—Съ ними, да съ тобою, да съ Маттомъ, да со всей этой возней я совсѣмъ потерялъ голову. Неужели Маттъ не понимаетъ, что его поѣздка въ Уэлуотэръ ради семейства Нортвика налагаетъ на меня всеобщую и большую отвѣтственность?

— А по моему, ему ничего другого не оставалось, какъ поѣхать туда. Вѣдь Сюзэтта хотѣла отправиться туда одна. Онъ не могъ не оказать ей этой маленькой услуги.

— О, хороша маленькая услуга!—произнесъ Гилари съ худосдерживаемымъ гнѣвомъ.

Онъ отвернулся, чтобы не глядѣть на Луизу, и глаза его упали на записную книжку страннаго вида; она лежала на столѣ у того мѣста, гдѣ сидѣлъ Максуэллъ.

— Что это такое?

Онъ взялъ ее въ руки, а Луиза сказала:

— Онъ, должно быть, оставилъ ее здѣсь.

А про себя она подумала: — конечно, онъ вернется за нею.

— Хорошо. Я долженъ отослать ее ему. И я... я напишу ему записку,—проворчалъ Гилари.

Луиза улыбнулась, сгорая желаніемъ простить.

— Онъ показался мнѣ очень умнымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, тотъ бѣдный юноша. Развѣ ты не замѣтилъ, папа, какой у него изящный выговоръ? Меня возмущаетъ, когда думаю, что ему приходится интервьюировать и натыкаться на всякаго рода грубости.

— Мнѣ кажется, ты бы лучше сдѣлала, не тративъ черезчуръ много симпатіи на него,—замѣтилъ Гилари, съ нѣкоторою досадою въ голосѣ.

— О, папа, вѣдь я говорю не о тебѣ,—кротко сказала Луиза.

Зазвенѣлъ колокольчикъ у подъѣзда и послѣ недолгихъ переговоровъ внизу, Патрикъ поднялся наверхъ объявить, что тотъ баринъ, что былъ здѣсь, кажется, оставилъ здѣсь свою записную книжку. Онъ...

Гилари не далъ ему договорить.

— О, да! Попросите его наверхъ. Она здѣсь.

Онъ самъ бросился на встрѣчу Максуэллу.

XVI.

Луиза взглянула на себя украдкой въ маленькое трехстороннее зеркало, висѣвшее на другомъ концѣ комнаты. Прическа ея была въ порядкѣ и она завершила свой туалетъ, опустивъ башмаки на полъ и прикрывъ ихъ подоломъ своей юбки.

Отецъ ея провелъ Максуэлла до дверей, а она снова поклонилась ему улыбаясь.

— Мы... я только что нашелъ вашу книжку. Я... я очень радъ, что вы вернулись, я... былъ немного рѣзокъ съ вами минуту назадъ. Я... я... Могу ли предложить вамъ сигару?

— Спасибо. Я не курю.

— Ну такъ стаканъ... На дворѣ порядкомъ холодно!

— Благодарю васъ. Я никогда не пью.

— Ну, это хорошо! Это... садитесь, садитесь!.. Это чудесная привычка. Увѣряю васъ, я не считаю, чтобы это приносило малѣйшую пользу, хотя и курю, и пью. Сынъ мой не куритъ и не пьетъ, подаетъ примѣръ воздержанія своему отцу.

Несмотря на приглашеніе Гилари, Максуэллъ продолжалъ стоять имѣя въ виду лишь выслушать его.

— Я... мнѣ жаль, что мнѣ нечего сказать вамъ объ этомъ несчастномъ происшествіи... Я цѣлый день протелеграфировалъ безо всякаго толку, не узнавъ ничего кромѣ того, что̀ уже было напечатано въ газетахъ. А теперь мой сынъ отправился въ Уэлуотэръ, можетъ ему и посчастливится добыть какія-нибудь свѣдѣнія на самомъ мѣстѣ происшествія. Можетъ быть это нашъ, а можетъ другой Нортвикъ. Могу я спросить у васъ, что̀ извѣстно вамъ?

— Не знаю, имѣю ли я право говорить,—отвѣчалъ Максуэллъ.

— А!

— И я не ожидалъ услышать отъ васъ что-нибудь кромѣ того, что вы заходѣли бы предать огласкѣ. Это дѣло коммерческое.

— Именно,—сказалъ Гилари.—Но мнѣ кажется, я могъ сказать вамъ это въ болѣе вѣжливой формѣ. Слухи эти доставили мнѣ много непріятностей, а я люблю дѣлиться своими непріятностями съ другими. Вѣроятно, ваши занятія нерѣдко заставляютъ васъ сталкиваться съ людьми такихъ дружественныхъ наклонностей? Э?

Гилари взялъ сигару въ зубы, приготовляясь закурить ее.

— Намъ приходится имѣть дѣло съ людьми средней руки,—возразилъ Максуэллъ; извиненія Гиллари не поколебали его душевнаго равновѣсія.—Скучно, когда васъ интервьюируютъ. Я это понимаю, потому что интервьюировать тоже скука.

— Я думаю, нерѣдко послѣднее несравненно непріятнѣе перваго,—сказалъ Гилари, раскуривая сигару и выпуская первые клубы дыма.—Ну, значитъ, я отъ души радуюсь, что могу васъ избавить отъ этой непріятной обязанности. Не зналъ я, что мы такъ славно поладимъ.

Эта тема, повидимому, была исчерпана, а Максуэллъ не пытался завязывать разговоръ. Гилари протянулъ ему руку. Желая сгладить шероховатость этого прощанія, онъ обратился къ молодому человѣку со слѣдующими словами:

— Если вамъ угодно будетъ зайти ко мнѣ снова, спустя нѣкоторое время, быть можетъ...

— Благодарю васъ,—сказалъ Максуэллъ и повернулся, чтобы выйти. Затѣмъ, онъ обернулся и послѣ минутнаго колебанія поклонился Луизѣ, сказавъ очень церемонно,—добрый вечеръ.

Когда онъ ушелъ, Луиза глубоко вздохнула.

— Отчего, папа, ты не удержалъ его подольше и не узналъ все, что его касается?

— Мнѣ кажется, мы знаемъ все, что необходимо,—сухо отвѣчалъ ея отецъ.—По крайней мѣрѣ, на моей совѣсти не тяготѣетъ болѣе грѣха относительно его. Надѣюсь, и ты теперь удовлетворена.

— Да... да,—нерѣшительно произнесла она.—Какъ ты думаешь у тебя не былъ черезчуръ покровительственный тонъ, когда ты извинялся, папа?

— Покровительственный?

Гилари начиналъ снова пѣтушиться.

— Ахъ, я не то хотѣла сказать! Но мнѣ хотѣлось бы, что бы ты не показывалъ ему, что ожидалъ, какъ онъ вспрыгнетъ отъ радости, когда ты начнешь разсыпаться передъ нимъ въ извиненіяхъ.

— Въ слѣдующій разъ, если мое обращеніе съ людьми тебѣ не по вкусу, прошу не оставаться, Луиза.

— Я знаю, тебѣ хотѣлось, чтобы я осталась, папа, и увидѣла, какъ прекрасно ты извинишься передъ нимъ. И ты прекрасно это сдѣлалъ. Это было великолѣпно... быть можетъ, черезчуръ великолѣпно.

Она разсмѣялась и принялась цѣловать отца, чтобы прогнать досаду съ его лица. При этомъ она продолжала держать за спиною руки, въ которыхъ у нея были башмаки.

— А развѣ я хотѣлъ, чтобы ты сидѣла здѣсь и занимала его разговорами до моего прихода?—спросилъ онъ, не желая слишкомъ скоро поддаться ея ласкамъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала она запинаясь.—Это было дѣломъ необходимости. У него было такой больной, грустный видъ, что мнѣ стало жаль его, да притомъ... Какъ ты, думаешь, могу я довѣрить тебѣ тайну, папа?

— Что ты такое говоришь?

— Ну, понимаешь, я приняла его сначала за странствующаго делегата.

— И потому осталась?

— Нѣтъ... Это меня испугало, а затѣмъ заинтересовало. Мнѣ захотѣлось узнать, что это за люди. Только это не тайна.

— Она, вѣроятно, имѣетъ совершенно такое же значеніе,—проворчалъ Гилари.

— Ну, понимаешь, это отличный урокъ мнѣ на будущее время! Я сбросила башмаки съ ногъ, когда прилегла здѣсь, и не могла выйти отсюда. Онъ появился такъ неожиданно.

— И ты хочешь мнѣ сказать, Луиза, что ты все время болтала съ этимъ репортеромъ въ...

— Да развѣ онъ зналъ объ этомъ? Ты, папа, и самъ не зналъ· Вѣдь не могла же я надѣть башмаки послѣ того, какъ онъ уже очутился здѣсь!

Она показала ихъ ему въ доказательство своихъ словъ.

— Послушай, Луиза, это скандалъ, сущій скандалъ! Всякій разъ прійдя сюда послѣ того, какъ ты здѣсь побываешь, я нахожу разныя принадлежности твоего туалета... шпильки, перчатки, ленты, пояса, носовые платки или что-нибудь другое... а я не хочу этого. Я хочу, чтобы ты поняла, что я считаю это позорнымъ. Мнѣ стыдно за тебя!

— Не говори такъ! Тебѣ не стыдно, папа!

— Да, мнѣ стыдно,—сказалъ отецъ, но не могъ устоять передъ ея кротко умоляющимъ взглядомъ и продолжалъ,—т.-е. мнѣ слѣдовало бы стыдиться. Не понимаю, какъ могла ты подымать свою голову.

— И еще какъ высоко, папа! Если у тебя на ногахъ нѣтъ башмаковъ... въ обществѣ... это придаетъ тебѣ нѣчто въ родѣ... внутренняго величія. И я держала себя очень величаво. Но это послужило мнѣ страшнымъ урокомъ, папа!

Она заставила отца засмѣяться, затѣмъ порывисто бросилась къ нему и расцѣловала его за его любезность.

Свои ласки она закончила слѣдующими словами:

— А вѣдь его не слишкомъ тронули твои извиненія, какъ ты думаешь, папа?

— Нѣтъ, нисколько,—проворчалъ Гилари.—Онъ преупрямый.

— Да,—задумчиво сказала Луиза.—Онъ, должно быть, гордый. Какіе забавные гордые люди, папа! Я не могу ихъ взять въ толкъ. Меня всегда очаровывала этимъ Сюзетта.

Лицо Гилари смягчилось выраженіемъ печали.

— Ахъ, бѣдняжка! Теперь-то ей понадобится вся ея гордость.

— Ты думаешь объ отцѣ ея,—сказала Луиза. Она такъ же притихла.—А ты развѣ не надѣешься, что ему удалось выпутаться изъ бѣды?

— Что ты хочешь сказать, дитя? Такое желаніе было бы большою подлостью съ моей стороны.

— Но послушай, тебѣ пріятнѣе было бы знать, что онъ уѣхалъ, а не убитъ?

— Ну, разумѣется, разумѣется,—печально согласился Гилари.— Но если Маттъ узнаетъ, что онъ не погибъ... во время этого ужаснаго происшествія, то я обязанъ употребить всѣ средства для преданія его въ руки правосудія. Человѣкъ этотъ воръ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, дай Богъ, чтобы онъ уѣхалъ подальше.

— Ты не должна говорить такія вещи, Луиза.

— О, нѣтъ, папа. Я буду только думать ихъ про себя.

XVII.

Гилари пришлось уступить настойчивымъ требованіямъ своихъ компаньоновъ и послать на мѣсто несчастія сыщиковъ для разслѣдованія судьбы Нортвика. Такое дѣйствіе было формальнымъ нарушеніемъ обѣщанія, даннаго имъ Нортвику, что его не потревожатъ въ теченіе трехъ дней. Но, быть можетъ, обстоятельства оправдаютъ Гилари съ коммерческой точки зрѣнія и, въ сущности, не будетъ имѣть никакого значенія для растратчика—умеръ онъ или живъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ былъ внѣ опасности. Матту также казалось ужаснымъ находиться здѣсь для того же, что и эти полицейскіе агенты его отца. Иногда ему казалось, что онъ по молчаливому съ ними соглашенію работаетъ въ одномъ направленіи и для одной и той же цѣли, что они. Но онъ не дозволялъ этому страшному призраку овладѣвать своимъ воображеніемъ и до послѣдней возможности хранилъ вѣрность Сюзеттѣ. Онъ сдѣлалъ рѣшительно все, что бы она могла попросить его сдѣлать. Онъ придумалъ даже массу совершенно безполезныхъ вещей и сдѣлалъ ихъ, чтобы впослѣдствіи совѣсть не упрекнула его въ какомъ-либо упущеніи. На пожарищѣ остались лишь обугленные слѣды крушенія. Прекратить пожаръ не было никакой возможности и вагоны, охваченные имъ, сгорѣли почти до тла. Не сгорѣло только нѣсколько вагоновъ съ навѣтренной стороны; они лежали, опрокинутые, у рельсовъ, согнутые и скорченные, лопнувшіе въ поперечномъ направленіи, напоминая своимъ причудливымъ видомъ изображенія вагоновъ, сошедшихъ съ рельсовъ, какія Маттъ видывалъ въ иллюстрированныхъ газетахъ. Локомотивъ, занесенный въ тяжелый сугробъ снѣгу, походилъ на какое-то мертвое чудовище, выдержавшее отчаянную борьбу

со смертью. На мѣстѣ пожара виднѣлись огромныя черныя пятна посреди сверкающей бѣлизны снѣжнаго покрова: зола, исковерканные куски желѣзныхъ частей, обугленные кусочки дерева. Но ничто не говорило, кто здѣсь умеръ или сколько человѣкъ здѣсь погибло. Несомнѣнно носильщикъ и кондукторъ погибли вмѣстѣ съ пассажирами вагонъ-салона, сгорѣлъ также списокъ пассажировъ. У телеграфистки находился только оригиналъ телеграммы, въ которой просили объ удержаніи кресла въ Пуллманскомъ вагонѣ отъ Уэлуотэрской станціи; телеграмма была подписана фамиліей Нортвика, кромѣ начальныхъ буквъ его имени, которыя были не тѣ. Она-то и вызвала извѣстіе о его смерти.

Вотъ, что узналъ, въ концѣ концовъ, Маттъ; фактъ этотъ въ его точно-выясненной формѣ онъ могъ передать дочерямъ Нортвика, а онѣ уже знали его сущность. Но Маттъ бился надъ нимъ, словно фактъ этотъ былъ нѣчто совершенно новое, и мучился, придумывая, какъ представить его имъ. Въ душѣ онъ сильно сомнѣвался относительно гибели Нортвика, и телеграмма могла быть уловкой, хитростью, для прикрытія настоящаго слѣда своего бѣгства. Но вѣдь его попытка скрыть свой слѣдъ являлась безсмысленной, такъ какъ ему было хорошо извѣстно, что за нимъ еще никто не гнался. Если телеграмма была хитростью, то послѣдняя имѣла цѣлью скрыть фактъ пребыванія Нортвика въ странѣ, а слѣдовательно онъ и не думалъ уѣзжать въ Канаду. Но Маттъ не могъ придумать никакой причины для подобной хитрости; она являлась въ данномъ случаѣ однимъ изъ тѣхъ непослѣдовательныхъ импульсовъ, которые зачастую управляютъ поступками преступниковъ. Во всякомъ случаѣ, Маттъ не могъ сообщить свои догадки несчастнымъ женщинамъ, ожидавшимъ его возвращенія съ такой мучительной тоскою. Если человѣкъ этотъ дѣйствительно умеръ, дѣло упрощается до послѣдней возможности; Маттъ понималъ, насколько отъ этого смягчится участь семейства Нортвика; онъ понималъ, что на самоубійство привыкли смотрѣть какъ на единственный исходъ, приличный для человѣка въ стѣсненномъ положеніи Нортвика. Онъ осуждалъ самого себя за то, что на мгновеніе пришелъ къ этому сужденію. Но тѣмъ не менѣе, онъ почувствовалъ невольное облегченіе, когда Сюзэтта Нортвикъ приняла его сообщеніе за окончательное доказательство смерти своего отца.

Она сказала, что все время говорила объ этомъ съ сестрой и онѣ убѣдилися въ этомъ; онѣ были приготовлены къ этому; онѣ ожидали услышать отъ него именно это.

Маттъ старался дать ей понять, что разсказъ его не имѣлъ этого значенія. Онъ приводилъ, насколько ему было возможно, основанія, внушавшія надежду, что отецъ ея не погибъ во время этого пожара.

Она отвергла всѣ его доводы. Различіе въ начальныхъ буквахъ имени, въ сущности, ничего не доказывало. Да притомъ, будь ея отецъ

живъ, онъ уже къ этому времени долженъ былъ прочитать извѣстіе о своей смерти и прислать имъ письмо или какое-нибудь увѣдомленіе, чтобы успокоить ихъ. Она была увѣрена въ этомъ, тѣмъ болѣе, что онъ всегда такъ тревожно заботился о нихъ, когда бывалъ съ ними въ разлукѣ. Онѣ, уѣзжая, постоянно извѣщали его о малѣйшихъ измѣненіяхъ въ своихъ намѣреніяхъ, а онъ всегда телеграфировалъ имъ о своихъ. Единственною тайною для нихъ была его поѣздка въ Канаду; объ этомъ онъ ни раньше, ни послѣ ихъ не увѣдомилъ. По всей вѣроятности, у него неожиданно явилось какое-нибудь безотлагательное дѣло, которое заставило его на минуту позабыть обо всемъ другомъ.

Маттъ безмолвно опустилъ голову, страшась, какъ бы она не спросила, что онъ думаетъ объ этомъ, и придумывая, что ему отвѣчать. Онъ сознавалъ, что ему не оставалось иного выбора, какъ солгать, если она спроситъ его. Но она не спросила его ни о чемъ.

Наступило лишь второе утро съ того времени, какъ онъ разстался съ нею. Но онъ увидѣлъ, что она пережила страшно много за эти сутки. «Такою она будетъ, когда состарится», подумалъ онъ. Нѣжныя очертанія ея щекъ слегка вытянулись, ихъ округлость опала; губы ея были плотно сжаты; орлиный выгибъ ея носа заострился. Глаза ея не носили слѣдовъ отъ пролитыхъ слезъ. Но Аделина плакала и безпрестанно вытирала слезы платкомъ. Она переносила свое горе кротко, а Сюзэтта переносила его гордо. Казалось, она предоставила всѣ предположенія и заключенія своей сестрѣ.

Сюзэтта находилась въ томъ возбужденномъ состояніи, которое смерть вызываетъ въ душѣ человѣка, потерявшаго любимое существо. О такомъ состояніи принято говорить, что человѣкъ не сознаетъ своей потери и только позднѣе почувствуетъ ее. Женщины преимущественно склонны къ такой истерической силѣ равнодушія... Маттъ не зналъ, оставаться ему или уходить. Ему казалось навязчивостью затягивать ихъ свиданіе и жестокостью уйти послѣ такихъ незначительныхъ словъ. Сюзэтта приняла его такъ спокойно, такъ холодно, что онъ несказанно удивился ея страстной порывистости, когда онъ всталъ, чтобы проститься съ нею.

— Никогда не забуду я, что вы для насъ сдѣлали, мистеръ Гилари; никогда! Не умаляйте вашего поступка, не старайтесь заставлять насъ думать, что вы ничего не сдѣлали! Вы сдѣлали все! Я удивляюсь, какъ вы могли это сдѣлать!

— Да!—вставила Аделина, словно онѣ уже переговорили о его добротѣ, какъ и о своей утратѣ, и были совершенно одинаковаго мнѣнія по этому вопросу.

— Вы такъ думаете? — началъ онъ. — Всякій сдѣлалъ бы то же самое...

Не говорите этого!—вскричала Сюзэтта. — Вамъ это кажется,

потому что *вы* сдѣлали бы это для *всякаго*! Но вѣдь вы сдѣлали это для насъ и я не забуду этого во всю свою жизнь! Охъ...

Голосъ ея оборвался; она закрыла руками лицо съ выраженіемъ трогательной, дѣтской безпомощности. Теперь менѣе чѣмъ когда либо онъ былъ въ состояніи оставить ее. Они снова усѣлись всѣ трое послѣ того, какъ встали, чтобы проститься. Маттъ чувствовалъ настоятельную потребность ободрить бѣдныхъ дѣвушекъ, спасти Сюзэтту отъ отчаянія.

Онъ принадлежалъ къ тѣмъ мужчинамъ, у которыхъ страстная любовь развивается только вслѣдствіе безкорыстной доброты. Только такіе мужчины могутъ дать женщинамъ счастіе. Если въ его сердцѣ и поднялась теперь любовь, это произошло такъ необычайно, что онъ не узналъ, что то была любовь; онъ думалъ, что то была жалость, которую онъ чувствовалъ къ безмѣрному несчастію, постигшему молодую дѣвушку. Онъ зналъ, что ему не уберечь ее отъ всѣхъ фазисовъ этого несчастія, но онъ старался уберечь ее отъ того, который теперь предстоялъ передъ нею и причинялъ ей страданіе. Снова онъ сталъ обсуждать съ злополучными сестрами всѣ факты и вселилъ въ нихъ надежду, что отецъ ихъ живъ еще. Когда, наконецъ, онъ ушелъ отъ нихъ, сердца ихъ просіяли этой надеждой, которая въ результатѣ—будь то смерть или позоръ—должна была потонуть въ болѣе мрачномъ отчаяніи.

Сознаніе этой истины хлынуло въ его душу въ тотъ самый моментъ, когда онъ вышелъ, шатаясь, изъ этого рокового дома, отбросившаго яркій свѣтъ на снѣгъ; оно послѣдовало за нимъ во мракѣ ночи вмѣстѣ съ упорнымъ ощущеніемъ его тепла и роскоши. Но къ волненію души его примѣшивалась какая-то странная, непонятная радость. И въ теченіе всей этой безсонной ночи столкновеніе этихъ чувствъ, казалось, бросало его то въ одну, то въ другую сторону, словно самъ онъ былъ чуждъ имъ и его отклоненіе къ нимъ было чисто внѣшнее. То Нортвикъ былъ мертвъ и смерть его отвратила позоръ, грозившій его имени; то онъ былъ еще живъ и бѣгство его загладило все зло, сдѣланное имъ. Затѣмъ, бѣгство его только увеличило безчестіе, отъ котораго онъ хотѣлъ укрыться; смерть его легла несмываемымъ кровавымъ пятномъ виновности на его проступки: то былъ не капризъ судьбы, а приговоръ вѣчнаго правосудія. Противъ такого дикаго умозаключенія Маттъ возмутился и на этомъ прекратилъ свои построенія.

XVIII.

Еще двое сутокъ замалчивался фактъ растраты, но затѣмъ, въ силу вмѣшательства закона, къ которому обратились тѣ, кто не признавалъ предполагаемой смерти Нортвика, фактъ этотъ вышелъ на свѣтъ Божій и прорвалъ всѣ границы непреодолимымъ потокамъ гласности.

День за день газеты наполнялись фактами и въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль передовыя статьи не прекращали своихъ поученій. Отъ времени до времени новыя подробности и неожиданныя разоблаченія, остроумныя догадки и безстыдныя шутки придавали новый интересъ совершившимуся факту. Въ иные дни о немъ не упоминалось ни словомъ въ газетной хроникѣ, а затѣмъ въ другіе дни онъ выступалъ въ бойкихъ статьяхъ и замѣткахъ и снова занималъ всѣ столбцы въ газетахъ. Происходило это не оттого, чтобы мошенническая продѣлка Нортвика представляла нѣчто особое по своему характеру; она ничѣмъ не отличалась отъ большинства растратъ, великихъ и малыхъ, составлявшихъ предметъ повседневныхъ газетныхъ толковъ. Но сомнѣнія относительно участи Нортвика и продолжительная тайна его мѣстопребыванія,—если только онъ былъ живъ,—придавали настоящему дѣлу своеобразную пикантность. Сверхъ ожиданія, въ результатѣ пострадало много людей, непосредственно не принимавшихъ участія въ мошенническихъ операціяхъ Нортвика; и сумма его расхищенія компанейскаго капитала возрастала по мѣрѣ разслѣдованія. Вся эта исторія оказалась, въ дѣйствительности, гораздо хуже того, что можно было вообразить, и во многихъ передовицахъ, разглагольствовавшихъ на эту тему, нравственная важность преступныхъ дѣяній Нортвика измѣрялась итогами украденныхъ или косвенно потерянныхъ суммъ. По обыкновенію, газеты удивлялись, что преступникомъ оказался человѣкъ, стоявшій выше всякихъ подозрѣній, и выражали довольно комическій ужасъ передъ такимъ упадкомъ нравственныхъ принциповъ въ самомъ сердцѣ бостонскаго торговаго міра.

Въ «Бостонскихъ Извѣстіяхъ» появился отчетъ Пиннэя; недаромъ онъ хвастался, что напишетъ его на славу: это было дѣйствительно образцовое произведеніе репортерскаго искусства, оно держало въ напряженіи каждый нервъ въ читателѣ путемъ впечатлѣній, повторявшихся на многихъ столбцахъ и продолжавшихся безпрерывно на нѣсколькихъ страницахъ подрядъ, съ періодическимъ изверженіемъ сенсаціонныхъ заглавныхъ строкъ. Въ пылу сочинительства всѣ колебанія и сомнѣнія испарились въ стремленіи угодить интересамъ «Бостонскихъ Извѣстій» и ихъ читателямъ. Съ каждымъ часомъ тяжелое впечатлѣніе, вынесенное Пиннэемъ изъ его интервью съ миссъ Нортвикъ ослабѣвало все болѣе и болѣе, а желаніе утилизировать добытый матеріалъ крѣпло. Онъ кончилъ тѣмъ, что описалъ это интервью, не щадя красокъ. Но онъ выразилъ свое сочувствіе къ бѣдной дѣвушкѣ, сгустивъ тѣни въ поведеніи человѣка, который подвергнулъ всему этому горю самыя дорогія для него существа. Онъ пространно остановился на полнѣйшемъ невѣдѣніи, въ которомъ легко и плавно протекала жизнь его семейства и домочадцевъ, между тѣмъ какъ глава ихъ бѣжалъ отъ правосудія, если не сдѣлался жертвою скораго возмездія. Онъ разработалъ фактическую сторону со всей горячностью и силою чувства,

какую только могъ извлечь, и до извѣстной степени приправилъ факты авторской «отсебятиной». Онъ далъ живописное изображеніе чертоговъ Нортвика. Подъ его перомъ передняя расширилась, лѣстница растянулась, извиваясь, ковры уплотнились, число слугъ увеличилось; библіотеку, въ которую» представителя «Бостонскихъ Извѣстій» вѣжливо «пригласили войти», онъ снабдилъ «всѣми затѣями высокоразвитого вкуса». Произведенія классическихъ авторовъ въ роскошныхъ переплетахъ красовались на ея полкахъ; великолѣпныя картины и чудныя статуи украшали ея стѣны и ниши. Одежду лэди, которая благосклонно приняла репортера «Бостонскихъ Извѣстій» онъ порядкомъ пріукрасилъ; онъ сдѣлалъ значительную скидку ея лѣтамъ, а красоту ея уподобилъ красотѣ патриціанокъ. У Пиннэя самыя мелочи получили грондіозную окраску, а дому Нортвика онъ щедро придалъ характеръ барскаго великолѣпія какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутренной обстановкѣ. Даже самое мѣстечко Гатборо получило у него романтическое значеніе: «Процвѣтающій городокъ Новой Англіи, гордый своимъ историческимъ прошлымъ, наслаждающійся своимъ современнымъ благоденствіемъ, съ пяти или шеститысячнымъ населеніемъ; изъ среды его вышли рабочіе обоего пола, осуществившіе новѣйшія теоріи самаго прогрессивнаго закала въ хорошо извѣстномъ общественномъ союзѣ Пэка, съ его столовой на кооперативныхъ началахъ и ея завсегдатаями—интеллигентными членами и хозяевами».

Люди всевозможнаго званія превратились въ передовыхъ обывателей города, благодаря оказанному ими довѣрію репортеру, а въ статьѣ подъ претенціознымъ заглавіемъ «Выдающійся пролетарій» онъ даровымъ образомъ навязалъ рабочему классу мнѣніе о характерѣ Дж. М. Нортвика. «Единство общественнаго мнѣнія» явилось предметомъ нѣсколькихъ замѣтокъ, полныхъ драматизма. Въ цѣломъ же отчетъ этотъ представилъ яркую и удобную рамку для главнѣйшихъ обстоятельствъ несомнѣнно мошенническаго поведенія и бѣгства Нортвика и для предположеній Пиннэя насчетъ его дальнѣйшей судьбы.

Однимъ словомъ, мастерской отчетъ Пиннея былъ написанъ такъ, какъ только онъ могъ написать въ моментъ своего полнаго развитія и въ томъ видѣ, въ какомъ только могли его напечатать «Бостонскія Извѣстія» въ этомъ періодѣ ихъ газетной славы. Отчетъ билъ на дешевый эфектъ, изобиловалъ общими мѣстами и ради «краснаго словца» грѣшилъ противъ правды. Но авторъ его не былъ жестокъ, развѣ, какъ говорится, ненарокомъ, онъ не былъ безжалостенъ, развѣ по необходимости, въ силу самаго казуса, и отчетъ его былъ отъ доски до доски чисто личнаго характера, онъ повѣствовалъ, не будя мысли, ничуть не отличаясь въ этомъ отношеніи отъ какой-нибудь средневѣковой монастырской хроники.

«Бостонское Обозрѣніе» обращалось къ читателямъ совершенно иного сорта и преслѣдовало совершенно иныя цѣли при разборѣ обще-

*

ственныхъ дѣлъ. Мы думаемъ, что газеты представляютъ въ нѣкоторомъ родѣ сложный темпераментъ, составленный изъ темпераментовъ всѣхъ различныхъ участвующихъ въ нихъ сотрудниковъ; однако, въ сущности, каждый изъ нихъ выражаетъ мнѣніе и является отраженіемъ темперамента одного управляющаго ума, которому подчиняются всѣ другія мнѣнія и темпераменты. По большей части это такъ вѣрно, что бываетъ трудно «выкурить» вліяніе сильнаго ума изъ созданной имъ газеты даже тогда, когда онъ болѣе не состоитъ ея дѣятельнымъ представителемъ. Много лѣтъ до того, какъ обнаружились растраты Нортвика, «Бостонскія Извѣстія» редактировалъ журналистъ, когда-то пользовавшійся большой популярностью въ Бостонѣ, нѣкій Бартлэй-Гюббардъ; онъ выбился въ газетные редакторы изъ репортеровъ и обратилъ свой органъ въ репортерскіе толки въ худшемъ смыслѣ. Послѣ того, какъ онъ оставилъ эту газету, ея владѣлецъ пробовалъ поднять и преобразовать ея духъ различными способами, но потерпѣлъ полную неудачу, во-первыхъ, частью оттого, что самъ былъ человѣкомъ узкихъ идей, а главнымъ образомъ оттого, что газета не могла освободиться отъ своего направленія, не убивъ самоё себя. Итакъ, «Бостонскія Извѣстія» продолжали быть тѣмъ, чѣмъ ихъ сдѣлалъ Бартлэй-Гюббардъ и чѣмъ желалъ ихъ видѣть тотъ кругъ читателей, который имѣлъ ихъ въ виду: газетою безъ всякихъ принциповъ и безъ убѣжденій, преслѣдовавшей лишь наживу. Всѣ событія повседневной жизни получали въ ней окраску, бьющую въ глаза, съ грубыми усиліями на картинность при полнѣйшемъ отсутствіи жизненной правды и глубины. Во времена Гюббарда «Бостонское Обозрѣніе» редактировалъ закадычный пріятель его Риккеръ. Въ концѣ концовъ, однако, друзья поссорились по поводу какого-то вопроса, который, по мнѣнію пріятеля, позорилъ Гюббарда. Риккеръ съ тѣхъ поръ не оставлялъ газеты и хотя многіе изъ наиболѣе передовыхъ и смѣлыхъ юношей обзывали его взбалмошнымъ упрямцемъ, онъ крѣпко держался своего идеала—установить сознательные принципы въ журналистикѣ. Онъ придалъ «Бостонскому Обозрѣнію» опредѣленное направленіе и, подобно «Бостонскимъ Извѣстіямъ», оно не могло бы измѣниться, не уничтоживъ самого органа. Сотрудниковъ у него насчитывалось немного и, быть можетъ, по этой причинѣ онъ зналъ не только ихъ имена, но и ихъ способности.

Когда Максуэллъ явился съ голымъ фактомъ растраты, переданнымъ ему сыщиками для репортерскаго отчета, и попросилъ редактора позволить ему заняться разработкою этого факта, Риккеръ согласился, но неохотно. По его мнѣнію, Максуэллъ годился на что-нибудь лучшее, чѣмъ репортерскій отчетъ. Онъ зналъ, что Максуэллъ поглощалъ книги по философіи и соціологіи и скоро узналъ его тайну—Максуэллъ былъ поэтъ. Съ того времени тайна эта стала извѣстна его товарищамъ репортерамъ и ему пришлось изъ-за нея выносить и славу, и позоръ.

— Я не думалъ, что вы захотите взять на себя эту работу, Мак-

суэллъ,—ласково сказалъ Риккеръ.—Вѣдь это не ваша спеціальность, не правда-ли? Отдадимъ это лучше кому-нибудь изъ другихъ сотрудниковъ.

— Это касается моей спеціальности болѣе, чѣмъ вы думаете, мистеръ Риккеръ,—возразилъ молодой человѣкъ.—Этимъ предметомъ я много занимался въ послѣднее время. Я задумалъ какъ-то,—онъ застѣнчиво потупилъ глаза,—попробовать написать драму на сюжетъ о растратѣ и собралъ довольно много фактовъ, касающихся растраты чужихъ денегъ. Вы и представить себя не можете, до чего это явленіе заурядно; это одно изъ зауряднѣйшихъ явленій въ нашемъ цивилизованномъ мірѣ.

— А! Неужели? — спросилъ Риккеръ съ ироническимъ снисхожденіемъ къ дерзкому обобщителю.—Кто еще «отдѣлываетъ» этотъ вопросъ?

— Пиннэй въ «Извѣстіяхъ».

— Ну, онъ опасный соперникъ въ нѣкоторомъ отношеніи,—замѣтилъ Риккеръ.—Когда дѣло идетъ о малярной работѣ, вамъ за нимъ не угоняться. Но, можетъ быть, вы намѣрены выбрать другое оружіе.

Риккеръ опустилъ зеленый картонный козырекъ, который надѣвалъ на лобъ при газовомъ освѣщеніи и повернулъ свое кресло обратно къ письменному столу. Максуэллъ понялъ, что ему дано позволеніе исполнить эту работу.

Однако, онъ принялся за нее только на слѣдующее утро, потому что былъ слишкомъ утомленъ, прійдя изъ дома Гилари. Онъ всталъ рано, приготовилъ себѣ самъ чашку чаю на газовой лампочкѣ и написалъ значительную часть отчета, пока еще въ домѣ всѣ спали. Онъ окончилъ его къ вечеру и тотчасъ же отнесъ къ Риккеру. Редакторъ еще не обѣдалъ и отнесся къ работѣ Мексуэлла съ придирчивостью голоднаго человѣка. Работа эта состояла изъ двухъ отдѣльныхъ частей: первая часть, — тщательное и ясное изложеніе всѣхъ фактовъ, которые успѣлъ собрать Максуэллъ въ качествѣ репортера, безъ сенсаціонныхъ замашекъ на эфектъ, въ благопристойно — сдержанномъ тонѣ, котораго держалось «Обозрѣніе»; другая часть — пояснительная передовая статья. Риккеръ пробѣжалъ первую, не сказавъ ни слова; при видѣ другой, онъ приподнялъ свой зеленый козырекъ и вскричалъ:

— Что это значитъ, молодой человѣкъ? Кто просилъ васъ вступать не въ свою область?

— Никто. Я нашелъ, что не могу втиснуть свои общія познанія о хищеніяхъ въ отчетъ, такъ какъ это показалось бы, пожалуй, некстати. А такъ какъ мнѣ надобно было, тѣмъ или инымъ способомъ, сбыть свою опытность по этому вопросу, то я изложилъ ее въ формѣ передовой статьи. Я не разсчитываю, что вы ее примете. Можетъ быть, мнѣ удастся продать ее въ какую-нибудь другую газету.

Риккеръ, повидимому, не обратилъ никакого вниманія на его объясненіе. Онъ продолжалъ читать рукопись, а по окончаніи чтенія взялъ снова отчетъ и сравнилъ его длину съ длиною передовой статьи.

— Если мы напечатаемъ эти двѣ вещи, какъ они есть, это будетъ похоже на исторію хвоста, покинувшаго собаку.

— О, я не ожидалъ...—началъ было Максуэллъ.

— О, да, вы ожидали,—сказалъ Риккэръ.—Разумѣется, вы видѣли, что этотъ отчетъ, по крайней мѣрѣ, физически несовмѣстимъ.

— Я написалъ его, насколько умѣлъ добросовѣстно. Я зналъ, что вы не любите пустозвонной, безцѣльной болтовни, да и самъ я не терплю ея.

Риккеръ продолжалъ разсматривать обѣ рукописи. Онъ передалъ ихъ черезъ плечо Максуэллу, стоявшему тутъ же.

— Можете ли соединить эти двѣ статьи въ одну?

— Не знаю.

— Хотите попробовать?

— Въ передовую или...

— Все равно. Я рѣшу послѣ того, какъ она будетъ готова. Сдѣлайте это здѣсь же.

Онъ подвинулъ нѣсколько листовъ бумаги, лежавшей на длинномъ столѣ, къ Максуэллу и тотъ сѣлъ за работу. Она была нетруднымъ дѣломъ. Матеріалъ былъ однородный и ему пришлось только написать нѣсколько вступительныхъ фразъ къ своему отчету, въ формѣ передовой статьи, а затѣмъ сдѣлавъ небольшія измѣненія, дополнить передовую статью.

Въ какіе-нибудь полчаса статья была готова и подана Риккеру.

— Хорошо,—сказалъ Риккеръ и принялся перечитывать, дѣлая поправки синимъ карандашомъ.

Максуэллъ мужественно приготовлялся вынести отказъ редактора принять его статью цѣликомъ, но ему было невыносимо тяжело зачеркиваніе всѣхъ его завѣтныхъ выраженій и любимыхъ мнѣній, причемъ иногда подъ редикторскимъ карандашомъ изчезали цѣлые періоды.

Когда Риккеръ возвратилъ ему, наконецъ, статью со словами:

— Ну что вы скажете теперь объ этомъ?

Максуэллъ отважился отвѣтить редактору:

— Что-жъ, мистеръ Риккеръ, если я долженъ сказать прямо, то, по моему мнѣнію, вы лишили ее плоти и крови.

Риккеръ расхохотался.

— О, нѣтъ! Я отнялъ у нея только излишнюю язвительность и ядовитость. Выслушайте меня, молодой человѣкъ! Думали ли вы всѣ тѣ циническія вещи, которыя здѣсь высказываете?

— Не знаю...

— Я знаю. Я знаю, вы ихъ не думали. Каждое слово въ нихъ звучало фальшиво. Это говорилось ради краснаго слова и на утѣху низкопробной публики. Но понемногу, если вы будете продолжать говорить такія вещи, вы станете думать ихъ, а человѣкъ думаетъ то,

что онъ самъ есть. У васъ тутъ такія мнѣнія, которыхъ вы должны стыдиться, если бы вы въ самомъ дѣлѣ ихъ имѣли, но я знаю, вы ихъ не имѣли, а потому и позволилъ себѣ вычеркнуть ихъ всѣ огуломъ.

Максуэллъ смотрѣлъ растерянно; ему хотѣлось сказать что-нибудь въ свою защиту, но онъ не зналъ, какъ это сдѣлать. А Риккеръ продолжалъ:

— Эти прелестные маленькіе сарказмы и ѣдкіе намеки вашего остроумія погубили бы вашу статью въ глазахъ дѣйствительно интеллигентныхъ читателей. Они заподозрѣли бы въ авторѣ статьи легкомысленнаго молодого кутилу или стараго безумца съ пустой, черствой душою. А въ настоящемъ видѣ мы сдѣлали изъ нея нѣчто единственное въ своемъ родѣ и, откровенно говоря, я очень радъ имѣть ее для своей газеты. Я никогда не скрывалъ отъ васъ увѣренности, что у васъ есть литературное дарованіе.

— Вы были очень добры,—сказалъ Максуэллъ все еще нѣсколько огорченный: ножъ хирурга, врачуя, тѣмъ не менѣе, причиняетъ боль.

Придя домой, Максуэллъ увидалъ свою мать.

— Знаешь мама,—сказалъ юноша,—старый Риккеръ намѣчаетъ мой отчетъ, какъ передовую статью.

— Я говорила тебѣ, что она хорошо написана!

Максуэллъ чувствовалъ себя обязаннымъ передъ самимъ собою немного пороптать.

— Такъ-то такъ,—сказалъ онъ,—но онъ лишилъ ее огня своимъ проклятымъ синимъ карандашомъ. Она совершенно потеряла всю свою соль.

Но онъ перемѣнилъ мнѣніе, когда позднѣе прочиталъ ее въ корректурѣ, а въ особенности, когда увидалъ ее въ газетѣ. Онъ плохо спалъ, потому что его волновала масса ощущеній: употребленіе, сдѣланное Риккеромъ изъ его работы, и надежды на успѣхъ, вызванныя въ немъ этимъ. Онъ не стыдился своей статьи; онъ очень гордился ею; и его поражала ея соразмѣрность и сила, когда онъ снова и снова перечитывалъ свое произведеніе.

Онъ сталъ въ немъ на очень высокую точку философскаго мышленія и обвинилъ общественный строй. «Что-нибудь испорчено,—писалъ онъ,—въ нѣдрахъ нашей цивилизаціи, если каждое утро приноситъ намъ повѣствованіе о расхищеніяхъ, великихъ или малыхъ, происходящихъ въ той или другой части нашего государства; рѣчь идетъ не о мелкихъ кражахъ ничтожныхъ клерковъ и разсыльныхъ, противъ недобросовѣстности которыхъ ихъ хозяева могутъ обезпечить себя, а о лицахъ, занимающихъ общественныя должности, и представителяхъ корпоративныхъ учрежденій, отъ которыхъ мы гарантированы только принципами средней нравственности нашей торговой дѣятельности. О низкомъ уровнѣ этихъ принциповъ можно судить изъ того факта, что такія расхищенія, въ которыхъ обвиняется Дж. М. Нортвика, создали панику

и уныніе въ торговыхъ и общественныхъ кружкахъ, хотя нельзя сказать, чтобы они удивили кого бы то ни было. Къ несчастію, этого можно было ожидать во всякую данную минуту, въ доказательство чего достаточно привести то, чего пришлось быть очевидцемъ репортеру «Обозрѣнія» въ деревнѣ, гдѣ растратчикъ жилъ и гдѣ, несмотря на его незапятнанную репутацію честнаго человѣка, всѣ были убѣждены, что онъ убѣжалъ, захвативъ чужія деньги, только потому, что онъ былъ въ отсутствіи въ теченіе двадцати-четырехъ часовъ, не извѣстивъ о своемъ мѣстопребываніи».

Максуэллъ развилъ матеріалъ, собранный имъ во время своего посѣщенія Гатборо, съ этой точки зрѣнія; не называя ни именъ, ни личностей, онъ сумѣлъ дать яркое впечатлѣніе о положеніи дѣла и о мѣстномъ настроеніи. Онъ стремился стать на почву исторіи и выполнилъ свою задачу, слегка подражая методу и способу изложенія Тэна. Весь его отчетъ о расхищеніи отличался тѣсною связью отдѣльныхъ частей, обнимавшихъ собою всѣ важныя подробности, начиная отъ простого случайнаго подозрѣнія, коснувшагося честности растратчика, вплоть до рѣшительныхъ мнѣній и заключеній относительно постигшей его участи.

Въ то же время были соблюдены правдивая передача и соразмѣрность главныхъ фактовъ; изложеніе поражало благородствомъ и безпристрастноювыдержанностью и носило изящный отпечатокъ чего-то далекаго во времени и мѣстѣ. Но тамъ, гдѣ заканчивалось повѣствованіе и начиналась критика, ярко выступали художественныя достоинства статьи. Риккеръ открыто призналъ превосходство работы Максуэлла и сразу оцѣнилъ ея значеніе для газеты. Онъ высказалъ молодому сотруднику нѣсколько комплиментовъ съ глазу на глазъ, но были въ этой статьѣ достоинства, которыхъ онъ не замѣтилъ сразу. Разумѣется, появленіе этой статьи обусловливалось въ значительной степени случайнымъ накопленіемъ у Максуэлла богатаго матеріала о расхищеніяхъ для задуманной имъ драмы. Но Риккеръ видалъ людей, которые зачастую не умѣли справляться съ обиліемъ своего матеріала, поэтому его удивляло и восхищало, какъ легко и увѣренно Максуэллъ распорядился своимъ богатствомъ. Этотъ больной юноша вынесъ его на своихъ плечахъ съ видомъ сильнаго и зрѣлаго ума, что забавляло и удивляло Риккера. Онъ увидалъ, гдѣ юноша воспользовался—сознательно или безсознательно—стилемъ и методомъ своихъ любимыхъ авторовъ, и онъ восхищался философскому безпристрастію, которому научился у нихъ молодой авторъ. Но Максуэллъ одинъ зналъ тайну своего снисхожденія и гуманной сдержанности по отношенію къ Нортвику. То была черта, заимствованная имъ изъ драмы, которую онъ разорвалъ въ клочки. Онъ просто на просто примѣнилъ идеальное представленіе о типическомъ расхитителѣ чужаго имущества, какое онъ вывелъ изъ сотни примѣровъ, къ данному случаю и это удалось ему въ совершенствѣ. Его воображаемый расхититель вызывалъ къ себѣ въ зрителяхъ скорѣе состраданіе, чѣмъ осужденіе,

и онъ представилъ читателю почти роковую неизбѣжность преступленія. Онъ остановился на томъ, что случай этотъ, далеко не единичный или исключительный, не представлялъ никакихъ особенностей, былъ совершенно нормальнымъ явленіемъ. Въ подтвержденіе своей мысли онъ привелъ кучу фактовъ и бѣглый перечень неисправныхъ казначеевъ, кассировъ, управляющихъ, президентовъ и придалъ ихъ зловредной дѣятельности однообразный характеръ, что такъ очевидно для человѣка, изучившаго этотъ вопросъ. Всѣ эти люди имѣли хорошія мѣста и стояли на пути къ преуспѣянію, если не къ богатству; всѣхъ ихъ искушало обладаніе средствами къ немедленному обогащенію; всѣ они поддавались искушенію настолько, чтобы спекулировать деньгами, которыя имъ не принадлежали; всѣмъ имъ удавалось вернуть первые займы, сдѣланные ими по собственному почину; всѣ они дѣлали новые займы, а затѣмъ не могли уже ихъ вернуть. Всѣ они попадали въ ловушку и всѣмъ имъ давался извѣстный срокъ для уплаты. Послѣ этого появлялось нѣкоторое разнообразіе: иные пускали себѣ пулю въ лобъ, другіе кончали съ собою веревкою, третьи рѣшались предстать на судъ; громадное большинство убѣгало въ Канаду.

Освѣщая такимъ образомъ это дѣло, Максуэллъ смѣло переписалъ слова одного изъ лицъ своей пьесы: обязанность этихъ циничныхъ личностей, часто встрѣчающихся въ драматическихъ произведеніяхъ, заключается въ наблюденіи за ходомъ дѣйствія и въ высказываніи веселыхъ сарказмовъ относительно поступковъ и побужденій другихъ дѣйствующихъ лицъ. Вотъ тутъ-то Риккеръ и прибѣгнулъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, къ своему синему карандашу, зачеркнувъ выраженіе сатанинскаго зубоскальства и освѣтивъ мрачныя бездны пессимизма нѣсколькими лучами надежды. Конецъ статьи былъ также заимствованъ изъ драмы, отвергнутой поставщиками грубо-комическаго вздора за ея якобы безнравственность. Въ монологѣ, который долженъ былъ исторгнуть у слушателя слезы, герой пьесы Максуэллъ, разставшись съ молодой женою и дѣтьми, прежде чѣмъ принять ядъ, высказалъ нѣсколько вѣрныхъ размышленій; онъ считалъ себя жертвой условій и въ будущемъ пророчески видѣлъ безконечный рядъ новыхъ расхитителей, которые встрѣтятся съ тѣми же искушеніями и совершатъ тѣ же преступленія при тѣхъ же обстоятельствахъ. Максэуллъ просто на просто передѣлалъ этотъ монологъ для передовой статьи и доказывалъ, что дѣло Нортвика не только не было исключительнымъ явленіемъ, но что слѣдовало ожидать его безконечнаго повторенія. «Съ одной стороны, передъ вами люди, воспитанные на принципахъ торговой системы, дозволяющей одну форму безчестности и осуждающей другую ея форму; эта борьба за деньги, происходящая повсюду вокругъ нихъ, притупила, если не ослабила, ихъ нравственное чувство. Съ другой стороны, передъ нами благопріятный случай, приманка того, что лежитъ плохо, надежда на «авось», сойдетъ съ рукъ. Если тѣ же причины будутъ продолжаться, вызываемыя ими

дѣйствія будутъ тѣ же». Максуэллъ заявлялъ, что ни одинъ добропорядочный гражданинъ не можетъ желать, чтобы расхититель избѣгнулъ отвѣтственности за свое преступное дѣяніе противъ общества; но общество обязано разсмотрѣть, насколько оно само было отвѣтственно, что оно въ состояніи сдѣлать, не игнорируя отвѣтственности преступника. Онъ заканчивалъ очеркомъ будущаго общественнаго строя, гдѣ не будетъ подобныхъ дѣйствій. Но Риккеръ не пропустилъ этихъ строкъ, хотя Максуэллъ придалъ своимъ мыслямъ полунасмѣшливую форму. Риккеръ вычеркнулъ ихъ въ корректурѣ, давъ заключительнымъ словамъ статьи вопросительную, а не утвердительную форму.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВЪ ЗИМНЮЮ НОЧЬ.

Мы вышли и мѣсяцъ взглянулъ намъ въ лицо,
Печальный, холодный, далекій,
Вокругъ него смутно бѣлѣетъ кольцо,
Свершая съ нимъ путь одинокій.

Мы вышли изъ тяжкихъ и гулкихъ дверей,
Минуя угрюмыя сѣни,
Отъ вѣтра колеблется свѣтъ фонарей,
Дрожатъ и шатаются тѣни.

Вдоль улицы блѣдной вся жизнь умерла,
Лишь окна чуть рдѣютъ огнями,
Вездѣ голубая хрустальная мгла,
Вблизи, и вдали, и надъ нами.

Привѣтъ нашъ прощальный такъ робко звучитъ,
Пугаетъ насъ путь одинокій,
А мѣсяцъ намъ въ блѣдныя лица глядитъ
Холодный, печальный, далекій.

Allegro.

Исторія животнаго населенія Европы въ его постепенномъ развитіи.

(*Окончаніе* *).

III.

Переселенія животныхъ.—Европейская Россія ледниковаго періода.—Измѣненіе фауны въ теченіе мезозойной эры.—Третичная фауна Европы, ея особенности и измѣненіе.—Первобытные обитатели Европы.—Палеолитическій и неолитическій вѣкъ.

Мы подошли теперь къ рѣшенію нашей ближайшей задачи—тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣло животное населеніе Европы въ теченіе огромнаго періода времени, начинающагося ранѣе ледниковаго періода и оканчивающагося послѣ его окончанія. Ключомъ къ пониманію этихъ явленій должно служить слѣдующее: тогда какъ въ арктическихъ странахъ суша постепенно опускалась и огромная, вновь развивающаяся площадь моря давала необходимый запасъ влаги для обильныхъ водяныхъ осадковъ, южная Европа была въ непосредственномъ соединеніи и съ Африкой, и съ Малой Азіей. Благодаря послѣднему обстоятельству, животныя южной и центральной Азіи имѣли свободный доступъ въ южную Европу и это объясняетъ распространеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., лани, благороднаго оленя и пр., которыя въ крайне близкихъ и отчасти даже тожественныхъ формахъ принадлежатъ этой области. Однако, это соединеніе двухъ материковъ тамъ, гдѣ теперь они разъединены, относится, повидимому, и къ гораздо болѣе отдаленному времени, ко всей третичной эрѣ, а это, въ свою очередь, даетъ объясненіе многому. Отъ Альпійской страны центральной Европы, Пиринейскаго полуострова и Алжира на западѣ, черезъ Малую Азію, Сирію, Персію и т. д. до Гималая, Тянь-Шаня и Алтая на сѣверо-востокѣ, распространена очень сходная фауна, которую можно назвать «горной». Горные козлы и бараны, сурки и другіе грызуны среди млекопитающихъ, альпійскія галки или клушицы, завирушки, стѣнолазъ, горныя индѣйки и пр. среди птицъ одинаково бросаются въ глаза, будемъ ли мы на горахъ Кавказа, на Гималаѣ или

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

на Алтаѣ. Кое-какія изъ нихъ идутъ даже по горамъ Сибири и Сѣверной Америки, но если даже пока остановиться только на ранѣе указанной области, для насъ станетъ очевидно, что происхожденіе этой фауны относится къ очень отдаленному времени. Его во всякомъ случаѣ было достаточно, чтобы коренная, прародительская форма нѣкоторыхъ изъ названныхъ животныхъ, со сплошнымъ распространеніемъ, разбилась на нѣсколько близкихъ видовъ, съ прочно установившимися признаками (что мы, напр., видимъ у горныхъ барановъ), тогда какъ между другими видами разница возрасла настолько, что ихъ ставятъ даже въ разные рода (напр., желтоносая и красноносая клушица). Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго, что эта горная фауна развилась постепенно въ теченіе третичной эры, когда на указанной площади, сначала во многихъ мѣстахъ даже покрытой моремъ, выростала холмистая, а потомъ и горная страна. Формы низменности, въ непрестанной борьбѣ за существованіе, должны были занимать каждый новый холмъ, каждый горный кряжъ и, постепенно приспособляясь къ новымъ условіямъ существованія, все болѣе и болѣе уклоняться отъ своихъ прародичей, населявшихъ низины. Это совершенно согласуется съ тѣмъ, что горная фауна на огромной площади несетъ весьма однообразный характеръ, тогда какъ съ другой стороны объясняетъ и то, что формы съ болѣе общими признаками организаціи принадлежатъ низменностямъ. Само собою разумѣется, что даже эта частичная исторія нашей фауны не происходила въ столь простой формѣ, какъ указана. Особенно въ центральной Азіи съ ея громадными плоскогоріями и горными кряжами. На болѣе обширной площади и борьба горныхъ животныхъ осложнялась: дѣло сводилось уже не къ тому только, чтобы приспособиться къ новымъ условіямъ сравнительно съ обитателями низменностей, а къ тому, чтобы въ горной странѣ занять разныя станціи. Борьба шла такимъ образомъ уже между горными формами и всѣ измѣненія въ рельефѣ страны, въ ея подъемахъ и опусканіяхъ, въ ея покрытіи снѣгами или развитіи на плоскогорьяхъ тучныхъ пастбищъ,—все это и многое другое должно было отразиться на измѣненіи животнаго міра.

Итакъ, на горную фауну внѣтропическихъ частей Стараго Свѣта мы смотримъ, какъ на фауну очень древнюю. Однако, внѣ всякаго сомнѣнія къ этой фаунѣ позднѣе примѣшивались разныя примѣси. Такъ, на Альпахъ, Пиринеяхъ, Карпатахъ и даже на Кавказѣ, въ альпійской области, живетъ полярный заяцъ; на Тарбагатаѣ—песецъ; на Альпахъ же и Тарбагатаѣ—альпійская куропатка, и т. д. Внѣ всякаго сомнѣнія, эти формы не имѣютъ ничего общаго съ перечисленными ранѣе горными животными и въ нихъ легко узнать обитателей арктическихъ странъ. Когда и какъ они попали въ альпійскую область названныхъ горныхъ системъ? Для этого достаточно припомнить то, что было сказано о ледниковомъ періодѣ. Когда ледники надвинулись на центральную Европу, они, конечно, выдвинули передъ

собою, какъ аванпостъ, все животное населеніе полярныхъ странъ съ ихъ мускуснымъ быкомъ, сѣвернымъ оленемъ, песцомъ, леммингами, полярнымъ зайцемъ, чистиками, гагарами, бѣлыми куропатками и пр. Все это животное населеніе должно было занять низменности центральной Европы и даже проникнуть еще далѣе къ югу. Задаваться вопросомъ о томъ, насколько пребываніе полярныхъ животныхъ въ низменностяхъ средней и южной Европы обусловливалось климатическими данными, совершенно безполезно: имъ не было выбора и они должны были идти къ югу передъ наступавшими ледниками, чѣмъ бы имъ это ни грозило; а кромѣ того, какъ мы видѣли, климатаческія условія ледниковаго періода были таковы, что къ нимъ могли приспособиться разныя формы, тѣмъ болѣе, что животныя, вообще говоря, довольно безразлично относятся къ прямому вліянію температуры, если, конечно, не брать ея крайностей. Это выселеніе полярныхъ животныхъ въ среднюю Европу прошло мимо Россіи: развитіе скандинавскаго ледника и частичное затопленіе сѣверной и средней Европы устранило совершенно Россію отъ этого движенія. Оно совершилось по той полосѣ суши, которая тянулась при началѣ ледниковаго періода отъ Гренландіи черезъ Шпипбергенъ и западную часть Скандинавіи къ Британскимъ островамъ и связывала послѣдніе съ сѣверо-западной Франціей. Въ среднюю и южную Россію сѣверныя формы также проникли, но, вѣроятно, этотъ потокъ сѣверныхъ формъ былъ отдѣленъ отъ западнаго и бралъ свое начало въ области, охватывающей Новую Землю и Уральскій хребетъ. Крайнимъ этапомъ этого движенія является Кавказъ, однако, едва ли даже какія-нибудь полярныя животныя попали туда, такъ сказать, подъ прямымъ давленіемъ ледниковаго покрова. На Кавказѣ полярныя животныя—исключеніе и совершенно тонутъ въ массѣ сѣверныхъ лѣсныхъ формъ. Поэтому можно думать, что проникновеніе тѣхъ и другихъ на Кавказъ совершилось при нѣсколько различныхъ условіяхъ: въ до-ледниковую эпоху Кавказъ не былъ отдѣленъ отъ остальной площади Россіи, и широкій морской рукавъ, который соединялъ Черное море съ Арало-Каспійскимъ, образовался лишь позднѣе, уже въ ледниковый періодъ. Естественно, что полярные колонисты встрѣтили въ этомъ рукавѣ весьма серьезную, хотя и не непереходимую преграду къ своему распространенію, и не могли населить Кавказъ въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ. Сѣверные же виды, спустившіеся далеко къ югу еще въ до-ледниковую эпоху, можетъ быть, отчасти подъ вліяніемъ измѣнившагося климата, отчасти вслѣдствіе общаго животнымъ стремленія къ разселенію, могли проникнуть на Кавказъ еще до развитія протока между Чернымъ и Арало-Каспійскимъ моремъ. Къ этому времени, вѣроятно, относится также и распространеніе на Кавказѣ зубра, хотя не исключена возможность что онъ проникъ туда только въ послѣ-ледниковый періодъ. Въ центральной Европѣ дѣло происходило иначе: полярныя животныя, насе-

лявшія въ ледниковый періодъ ея низменности, позднѣе должны были двинуться, слѣдомъ за отступавшими ледниками, въ разныхъ направленіяхъ, между прочимъ и въ горы, гдѣ нашли себѣ около нижней границы ледниковъ всѣ необходимыя условія для своего существованія. Тутъ только они и смѣшались съ болѣе древнимъ животнымъ населеніемъ горъ, которое, въ свою очередь, пережило ледниковый періодъ, вѣроятно, въ нижнемъ поясѣ горъ, если только не на самыхъ ледникахъ и торчавшихъ между ними скалахъ.

Что же касается нахожденія полярныхъ животныхъ на Тарбагатаѣ, это, вѣроятно, находитъ себѣ объясненіе въ ихъ періодическихъ странствованіяхъ въ суровыя континентальныя зимы, постепенно привившіяся къ Сибири, такъ какъ объясненіе ледниковыми явленіями въ данномъ случаѣ не приложимо. Такимъ образомъ, вовсе не однѣ и тѣ же причины обусловили собою распространеніе полярныхъ животныхъ въ альпійскомъ поясѣ горъ умѣренныхъ странъ, образовавъ ясно выраженное наслоеніе фаунъ. Чтобы разобрать теперь другія составныя части европейской фауны, надо внимательнѣе отнестись къ орогидрографіи нашего материка въ теченіе ледниковаго періода. Прежде всего надо обратить вниманіе на то, что еще въ до-ледниковый, пліоценовый періодъ морской рукавъ соединялъ нынѣшнее Бѣлое море съ Каспійскимъ, препятствуя прямому широкому распространенію сибирскихъ млекопитающихъ въ Европу. При однообразіи пліоценовой фауны, особенно рѣзкаго различія между сибирской и европейской, конечно, не могло быть, но вліяніе этого рукава ни въ какомъ случаѣ не оставалось безслѣдно. Затѣмъ, въ великій ледниковый періодъ суша на мѣстѣ нынѣшней Европейской. Россіи реставрируется въ видѣ нѣсколькихъ участковъ, острововъ, сообщеніе между которыми тоже не могло быть вполнѣ свободнымъ. Трудно сказать, продолжалась ли въ это время Сибирь непосредственно въ восточную Россію, или же въ Западной Сибири былъ морской рукавъ, соединявшій Арало-Каспійское море съ сѣвернымъ бассейномъ и отдѣлявшій Сибирь отъ Уральской области. Скорѣе, послѣдняго не было. Но, такъ или иначе, вся область нынѣшняго Уральскаго хребта съ прилежащими низменностями, Общимъ Сыртомъ и Усть-Уртомъ составляла одно цѣлое. Ледники едва ли были развиты здѣсь гдѣ-нибудь, кромѣ сѣвернаго Урала, и животное населеніе имѣло въ своемъ владѣніи обширную площадь, гдѣ переселенія разныхъ формъ, вызванныя мѣстными погруженіями страны и надвиганіемъ ледниковаго покрова, должны были вести къ замѣчательнымъ группировкамъ представителей болѣе сѣверныхъ и болѣе южныхъ странъ. Вотъ чѣмъ объясняется, на нашъ взглядъ, вышеупомянутое своеобразное сочетаніе сѣвернаго и южнаго животнаго населенія въ южныхъ предгоріяхъ Урала и Киргизскихъ степяхъ. Это—живой памятникъ той отдаленной эпохи, сохранившійся до нашего времени, благодаря годовымъ климатическимъ контрастамъ названной страны и періодическимъ странствованіямъ животныхъ.

Арало-каспійскій бассейнъ заливалъ собою въ ледниковую эпоху всю область нижней Волги и рѣки Урала и шелъ по лѣвому берегу Волги до нижняго теченія Камы. На западъ отъ него суша шла узкой подковообразно изогнутой полосой вокругъ ледника, отъ нынѣшней Вятки по правому берегу Волги до Сарепты и отсюда къ Днѣпру, замѣтно расширяясь на мѣстѣ нынѣшней Харьковской и отчасти Курской и Орловской губ., между двумя выступами ледника, изъ которыхъ одинъ охватывалъ верхнее теченіе Дона и его притоки Воронежъ, Хоперъ и Медвѣдицу, другой спускался по Днѣпру. Вѣроятно, здѣсь было скучено богатое животное населеніе, которое позднѣе преимущественно вымерло, отчасти дало отъ себя колонистовъ на Кавказъ. Третій обширный участокъ суши принадлежалъ Карпатамъ и прилегающему къ нимъ галиційско-подольскому плато и, подобно Уральскому, игралъ, безъ сомнѣнія, важную роль въ позднѣйшемъ заселеніи страны: когда ледники, наконецъ, отступили окончательно съ площади Европейской Россіи и послѣдняя стала заселяться, заселеніе шло изъ двухъ центровъ—съ востока, черезъ Уралъ, и съ запада, черезъ Карпаты. И поскольку фаунистическая разница между западной Европой и Сибирью была выражена въ то время, это отразилось и на современной фаунѣ Европейской Россіи: здѣсь мы видимъ, какъ постепенно рѣдѣютъ западныя формы, по мѣрѣ удаленія отъ Карпатъ къ востоку, и восточныя, по мѣрѣ удаленія отъ Уральскаго хребта къ западу. Что же касается своеобразной фауны пустынь въ юго-восточномъ углу страны, она всецѣло позднѣйшаго происхожденія (для Россіи): это центрально-азіатская фауна, занявшая лишь сравнительно недавно осушившееся дно постпліоценоваго бассейна.

Въ современной фаунѣ и флорѣ Европейской Россіи существуютъ несомнѣнныя указанія на вліяніе на ихъ составъ ледниковаго покрова. Такъ, въ центральной Россіи найдено много молюсковъ и цвѣтковыхъ растеній весьма опредѣленно альпійскаго типа; съ другой стороны, тундряные и таежные звѣри и птицы нигдѣ не спускаются такъ далеко къ югу, какъ въ Европейской Россіи. И эти факты совершенно необъяснимы только современными данными, тогда какъ по отношенію къ ледниковому періоду они не только понятны, но даже, въ свою очередь, разъясняютъ многое.

Попытаемся теперь представить себѣ идеальный ландшафтъ западной части южной Россіи того времени съ одной стороны и восточной — съ другой. Начнемъ съ перваго. На заднемъ планѣ, если смотрѣть съ юга, должна лежать южная окраина ледника, уходящаго въ даль огромнымъ ледянымъ массивомъ. Около этой окраины мѣстами болота, мѣстами озера и отсюда къ югу направляется неисчислимое множество разныхъ размѣровъ рѣчекъ, отчасти текущихъ въ песчаномъ ложѣ, отчасти заросшихъ по берегамъ камышами. На грядахъ между ними лѣсные колки отчасти изъ лиственныхъ (дубъ, береза, липа, кленъ,

ольха и пр.), отчасти изъ хвойныхъ деревьевъ (ель, сосна и др.), на болѣе ровныхъ площадяхъ степные участки. Мягкость приморскаго климата дѣлаетъ невозможнымъ допущеніе существованія на этихъ островахъ сѣверной (лѣсной) и южной (степной) полосы. Распредѣленіе растительности, безъ сомнѣнія, зависѣло отъ условій влажности, рельефа страны и почвы, а вмѣстѣ съ растительностью группировалось извѣстнымъ образомъ и животное населеніе. Изъ характерныхъ млекопитающихъ этого времени мы должны отмѣтить мамонта, покрытаго шерстью носорога, зубра, ирландскаго оленя, сѣвернаго оленя, кабана, дикихъ лошадей и куланевъ, сайгаковъ, бобра, сурковъ и пищухъ-сѣноставцовъ. Изъ птицъ, какъ и изъ млекопитающихъ, однѣ являются чисто лѣсными, таковъ глухарь, другія—чисто степными, таковы: дрофы, стрепета и журавли. Но особаго обилія, безъ сомнѣнія, достигала фауна болотъ, озеръ и текучихъ водъ. Между первыми гагары и турпаны, между голенастыми цапли и кулпики должны были точно также оживлять воды суши ледниковаго періода, какъ теперь однѣ изъ нихъ оживляютъ сѣверныя озера и другія—устья нашихъ большихъ южныхъ рѣкъ.

Иной видъ представлялъ собою Урало-устьуртскій участокъ, по крайней мѣрѣ въ его южной части. О сѣверной пока можно сказать, что къ общей массѣ животнаго населенія, приведеннаго сейчасъ для карпатскаго и южно-русскаго, здѣсь присоединялись такія формы, какъ колоссальный, близкій къ носорогамъ, но съ рогомъ на лбу, эласмотерій, несомнѣнно были настоящіе быки, быть можетъ, мускусные и т. д. Въ этой части пока произведено еще слишкомъ мало палеонтологическихъ изысканій, чтобы отмѣтить всѣ особенности ледниковой фауны; современный же составъ ея, очевидно, слишкомъ измѣнился уже въ послѣ-ледниковый періодъ, чтобы можно было опереться на него. Не то степи, охватывающія собою Мугоджары и теряющіяся въ пескахъ и глинахъ Усть-Урта: если палеонтологическія данныя скудны и для этой страны, зато ея современная фауна, какъ уже было упомянуто, полна историческаго значенія. Отъ отроговъ Уральскаго хребта на сѣверѣ и до такъ называемаго Чинка Усть-Урта, т. е. крутыхъ и обрывистыхъ южныхъ уступовъ Усть-Урта, на югѣ, мы встрѣчаемъ разнообразіе характерныхъ мѣстонахожденій и не менѣе разнообразную фауну и флору. Степи съ разбросанными среди нихъ лѣсными колками, степи, поросшія различными видами полынокъ, наконецъ обширныя песчаныя пространства,—вотъ главнѣйшія мѣстонахожденія страны. Въ результатѣ этого получается, что на идеальномъ ландшафтѣ, воспроизводящемъ интересующую насъ страну въ ледниковый періодъ, мы встрѣчаемъ вблизи другъ друга сѣвернаго оленя, сайгу, джейрана, бобра, дикихъ лошадей, куланевъ, кабана, тигра, барсука, корсака, степныхъ зайцевъ, тушканчиковъ и пр. Въ то же самое время дрофа, стрепетъ и тетеревъ-косачъ населяли однѣ и тѣ же степи. Около озеръ,

берега которыхъ мѣстами были покрыты низкорослымъ кустарникомъ, гнѣздились бѣлыя куропатки, далѣе въ степи—стерхи или бѣлые журавли, на озерѣ гагары, а въ небольшомъ разстояніи отсюда, по берегу озера или морского залива съ песчаными берегами стояли длинные ряды фламинго, тогда какъ въ песчаной степи держались ея коренные обитатели—джекъ или дрофа-красотка, рябки и копытки. Наконецъ, настоящая степь—родина многочисленныхъ видовъ жаворонковъ.

Послѣ всего сказаннаго не трудно представить себѣ, какимъ способомъ ледниковая фауна превратилась въ современную: вымираніемъ однѣхъ формъ, разселеніемъ другихъ и наконецъ, измѣненіемъ третьихъ. Примемъ еще во вниманіе, что къ постпліоценовому періоду относится полное отдѣленіе Европы отъ Африки, чѣмъ окончательно было отрѣзано возвращеніе въ Европу ея пліоценовымъ обитателямъ. Затѣмъ, когда площадь Сибири и Европы составила одно цѣлое, изъ Сибири двинулись на западъ послѣдніе колонисты, можетъ быть, не столько новые для Европы, сколько болѣе многочисленные. Изъ вымершихъ ледниковыхъ млекопитающихъ наибольшею извѣстностью пользуются мамонтъ и покрытый шерстью носорогъ. Спорный вопросъ, были ли они въ Европѣ въ до-ледниковую эпоху; но во всякомъ случаѣ они во множествѣ встрѣчались здѣсь въ теченіе ледниковыхъ и межледниковыхъ періодовъ и вымерли лишь позднѣе. Обиліе остатковъ этихъ животныхъ не оставляетъ никакого сомнѣнія какъ въ ихъ широкомъ распространеніи, такъ и въ большомъ количествѣ ихъ особей. Что привело ихъ къ полному вымиранію? Вѣроятно, сильно измѣнившіяся климатическія условія.

Теперь намъ остается только связать Европу ледниковаго періода съ тѣмъ до-историческимъ, когда она представляла въ низменностяхъ нынѣшней Германіи обширныя травянистыя степи. Этотъ промежуточный періодъ я предположилъ въ свое время назвать «озернымъ», такъ какъ едва ли можетъ быть сомнѣніе, что на почвѣ, освободившейся ото льда, мѣстами образовались болота, мѣстами озера, въ зависимости отъ рельефа мѣстности и характера подпочвы. Послѣ-ледниковыя болота должны были напоминать собою по виду настоящую тундру, безъ кустика, съ множествомъ разбросанныхъ по нимъ озеръ, съ тысячами голенастыхъ и водяныхъ птицъ, стадами сѣверныхъ оленей и т. д. Когда запасъ влаги, пополнявшейся отъ таянія ледниковъ, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ послѣднихъ, сталъ уменьшаться, почва стала постепенно осушаться, озера начали соединяться системою протоковъ въ характерныя цѣпи—зачатки будущихъ рѣчныхъ системъ, между ними появились сухія гряды, а рука-объ-руку съ этимъ пошло и измѣненіе растительности: по сухимъ грядамъ появились тѣ травянистыя площади, которыя, на мой взглядъ, удачнѣе всего воспроизводятся теперешними датскими «маршами» и которыя должны были отмѣтить собою начало періода развитія травянистой растительности. Что было далѣе—мы знаемъ уже изъ первой главы.

Такимъ образомъ, для пониманія современнаго состава европейской фауны намъ надо было дойти до ледниковаго періода — этого рубежа между третичной и четвертичной эры. Но фауна, населявшая Европу непосредственно передъ ледниковымъ періодомъ, произошла, въ свою очередь, отъ болѣе древней и потому намъ остается еще, хотя вкратцѣ, ознакомиться съ исторіей европейской фауны въ теченіе третичной и предшествующихъ ей эръ.

Палеонтологи сходятся между собою въ томъ, что, начиная съ палеозойной эры, суша постепенно выростала изъ водъ моря, долгое время сохраняя видъ сравнительно небольшихъ острововъ. Какіе это были острова, гдѣ лежали, въ какомъ отношеніи стояли другъ къ другу — этого мы не можемъ сказать съ достовѣрностью. Признавая господствующее нынѣ ученіе о постоянствѣ материковъ и океановъ, надо признать, что эти острова появлялись и постепенно увеличивались въ размѣрахъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь лежатъ материки, но во всякомъ случаѣ не исключена возможность и того, что нѣкоторые архипелаги лежали внѣ предѣловъ площадей современныхъ материковъ и исчезли, оставивъ намъ въ наслѣдіе нѣсколько загадочныхъ фактовъ географическаго распространенія животныхъ.

Исторія этихъ острововъ очень интересна: въ водахъ, ихъ омывавшихъ, жили простѣйшія изъ нынѣ извѣстныхъ рыбъ; на ихъ сушѣ прошла исторія голыхъ и чешуйчатыхъ гадовъ; здѣсь же начали свое существованіе птицы и млекопитающія. Благодаря недавно умершему американскому палеонтологу Маршу, мы познакомились съ поразительнымъ разнообразіемъ представителей группы вторичныхъ (мезозойныхъ) гадовъ, т. наз. динозавровъ, которые въ названную эпоху біологически замѣняли собою и наземныхъ млекопитающихъ, и летающихъ птицъ. На этихъ же островахъ, въ юрскомъ періодѣ, жила древнѣйшая изъ извѣстныхъ птицъ — археоптериксъ, съ недоразвитыми крыльями, примитивнымъ строеніемъ черепа и совершенно ящеричнымъ хвостомъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ данныхъ для того, чтобы съ достаточной полнотой возстановить природу суши вторичной эры и потому мы прямо начинаемъ съ третичной.

Къ этому времени суша уже успѣла сплотиться мѣстами въ обширныя площади, съ характеромъ материковыхъ острововъ. Обширная площадь лежала въ области сѣвернаго полярнаго круга, объединяя собою Гренландію, Землю Франца-Іосифа, Шпицбергенъ и сѣверную Европу. Британскіе острова и западная часть средней Европы образовали второй островъ. На мѣстѣ средиземноморской области лежало также нѣсколько острововъ, изъ которыхъ одинъ шелъ отъ нынѣшней Швейцаріи черезъ Балканскій полуостровъ въ Малую Азію. Африка была представлена также нѣсколькими островами. На мѣстѣ настоящей Азіи суша разстилалась преимущественно тамъ, гдѣ теперь на-

ходится Небесная Имперія и, что особенно важно, въ области нынѣшняго Берингова пролива непосредственно продолжалась въ Сѣверную Америку. Послѣдній материкъ былъ уже настолько развитъ, что существовалъ почти въ его современныхъ предѣлахъ, и весьма возможно, что это имѣло большое значеніе для развитія здѣсь млекопитающихъ.

Можно думать, что климатъ начала третичной эры отличался какъ высокой температурой, такъ и своей равномѣрностью; но внѣ всякаго сомнѣнія разница по широтамъ начала сказываться еще при концѣ вторичной эры и все развивалась въ теченіе третичной. Соотвѣтственно этому, растительный міръ достигалъ наибольшаго развитія въ началѣ третичной эры—въ періодъ эоценовыхъ отношеній, когда наземная флора болѣе всего походила на современную намъ индійско-австралійскую. Къ этому времени уже значительно сократились папоротники и саговыя, процвѣтавшія во вторичную эру, но все же эоценовый лѣсъ представлялъ собою настоящій тропическій лѣсъ съ его смоковницами, эвкалиптами, сандальными деревьями, цезальпиніями, араліями, пальмами и пр. Животныя также отличались большимъ разнообразіемъ, не представляя никакого сходства съ современными европейскими. Не говоря уже о тропическихъ змѣяхъ и ящерицахъ, морскихъ черепахахъ и крокодилахъ, здѣсь были крайне своеобразныя млекопитающія. Таковы: похожіе на тапировъ палеотеріи, средніе между лошадьми и тапирами анхитеріи, стройные, похожіе на газелей ксифодоны, тяжеловѣсные аноплотеріи и много другихъ, болѣе сходныхъ съ современными формами.

Въ періодъ міоценовыхъ отложеній климатическая разница по широтамъ сказалась съ еще большей силой, и это въ значительной мѣрѣ облегчаетъ сравненіе міоценовой флоры съ современной. Можно сказать, что центрально-европейская міоценовая флора характеризовалась особенностями подтропической. Около двухъ третей всего числа міоценовыхъ деревьевъ составляли вѣчно зеленые виды, что, очевидно, устраняетъ всякую возможность допущенія холодныхъ снѣжныхъ зимъ. Затѣмъ, даже такія деревья, которыя на зиму сбрасывали листья, начинали цвѣсти на мѣсяцъ - полтора раньше, нежели теперь, и продолжался періодъ цвѣтенія очень долго. Благодаря этому, одновременно стояли въ цвѣту камфорныя деревья, платаны, тополи, вязы, ивы, амбровыя деревья и др., какъ это теперь наблюдается на Мадейрѣ, но совершенно невозможно въ центральной Европѣ. Подтропическій характеръ лѣса усиливался еще присутствіемъ папоротниковъ, пальмъ, бразильскихъ деревьевъ и пр. Міоценовая фауна, будучи очень близкою къ эоценовой, носила на себѣ также подтропическій характеръ. Особенное вниманіе останавливаютъ въ ней на себѣ многочисленныя твердокожія млекопитающія, каковы близкій къ тапиру листріодонъ, похожіе на слоновъ мастодонты, динотеріи съ своими огромными нижнечелюстными бивнями, нѣсколько видовъ носороговъ. Со-

временныя лошади представлены были трехпалымъ гиппаріономъ, ясно выдѣлились жвачныя, только намѣченныя въ эоценовую эпоху (напр. олени) и т. д. Южнѣе, на нынѣшнемъ Балканскомъ полуостровѣ, фауна носила совершенно африканскій характеръ, благодаря присутствію здѣсь жираффъ, газелей и мартышекъ. Наконецъ, въ морѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Піемонта, жили такіе типичные представители морей жаркаго пояса, какъ полипы. Рука-объ-руку съ развитіемъ міоценовыхъ типовъ шло вымираніе эоценовыхъ, изъ которыхъ одни исчезли совсѣмъ, другіе сохранились лишь въ небольшомъ числѣ.

Послѣдній періодъ третичной эры—пліоценъ характеризуется еще большимъ развитіемъ площади европейскаго материка, который изъ разбросанныхъ острововъ сплотился теперь уже въ одно цѣлое, и вмѣстѣ съ уменьшеніемъ площади моря климатическія разницы по широтамъ продолжаютъ, въ свою очередь, выступать все съ большей силой. Значительная разница въ флорѣ наблюдается для пліоценоваго періода даже между такими близко лежащими странами, какъ Норфолькъ и окрестности Ліона: въ первой лѣсъ состоитъ изъ пихтъ, соснъ, тиса, орѣшника и дуба, во второй расли олеандры, гранаты, тюльпанныя деревья, лавры, магноліи, дубы, клены, серебристыя тополи и др. Изъ міоценовыхъ животныхъ мастодонты едва дошли до пліоцена, но зато появились настоящіе слоны, носороги, бегемоты, лошади, дикіе быки, олени и т. д.

Особенно важно для насъ прослѣдить то, какимъ образомъ пліоценовая фауна приблизилась къ фаунѣ ледниковаго періода и, съ этой цѣлью, мы сошлемся на графа Сапорта, который даетъ такое описаніе этого періода.

Итакъ, «мы стоимъ у конца пліоценоваго періода; температура продолжаетъ понижаться; ледники съ вершинъ высочайшихъ горъ, которыя они покрывали до тѣхъ поръ, сползаютъ постепенно въ долины и занимаютъ ихъ, чему, безъ сомнѣніи, благопріятствуетъ влажный климатъ; чрезмѣрное количество водяныхъ осадковъ объясняетъ собою обиліе рѣкъ и источниковъ, которые, все возрастая, въ началѣ четверичной эпохи достигаютъ поистинѣ поражающаго развитія.

«Въ теченіе второй половины пліоценоваго періода внѣшнія условія все еще продолжали благопріятствовать развитію въ Европѣ растительнаго царства вообще, хотя непрерывно продолжающееся пониженіе температуры постепенно ограничивало число и разнообразіе составныхъ элементовъ флоры. Звѣри, въ свою очередь, не только возрастали въ числѣ, но шли дальше въ своемъ развитіи, хотя среди нихъ уже исчезла часть родовъ, существовавшихъ въ нижнемъ пліоценѣ. Къ этому періоду мастодонты и тапиры уже оставили Европу; обезьяны эмигрировали въ Африку; но слоны, носороги и гиппопотамы никогда еще не достигали такого развитія и ихъ процвѣтаніе вмѣстѣ съ обиліемъ оленей и быковъ служитъ очевиднымъ доказательствомъ неисчер-

паемаго богатства пищевого матеріала, доставляемаго растительнымъ царствомъ. Южный слонъ, наибольшее изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ наземныхъ млекопитающихъ, служитъ характернымъ представителемъ этой эпохи.

«Весьма поучительны, несмотря на ихъ небольшое число, найденныя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, растенія, несомнѣнно міоценоваго періода. Слѣдовательно, нѣкоторыя изъ міоценовыхъ растеній еще продолжали существовать на почвѣ этой страны, но, какъ послѣднія развалины по большей части уже сошедшей со сцены флоры, и они, въ свою очередь, были предназначены къ скорому исчезновенію. Наиболѣе распространенные изъ дубовъ Дюрфорта, вѣтви которыхъ, вѣроятно, служили пищею для южнаго слона, мы нашли тождественными съ дубами изъ южной Италіи, изъ средней Испаніи и Португаліи. Такимъ образомъ, формы, преобладавшія въ описываемый періодъ въ южной Франціи, съ тѣхъ поръ выселились оттуда: онѣ росли тамъ вмѣстѣ съ близкими къ исчезновенію міоценовыми формами и наши зимніе дубы тогда еще не существовали; ихъ, сравнительно, новое первоначальное появленіе доказано только для четверичной эры, хотя группа, къ которой принадлежатъ эти видоизмѣненія, сама по себѣ гораздо болѣе древняя: въ сѣверной и средней Франціи она могла быть уже въ концѣ пліоценоваго періода.

«Климатическое различіе между сѣверной и южной Европой въ извѣстномъ отношеніи было выражено къ концу пліоценоваго періода гораздо рѣзче, чѣмъ въ какое либо другое время. Тогда какъ приземистая пальма росла еще въ Липари, лузитанскій и фарнетскій дубы, лавръ и пр. еще существовали въ долинѣ Роны и нижнемъ Лангедокѣ, норфолькское «лѣсное ложе», причисляемое Годри къ новѣйшему пліоцену, даетъ весьма отличную отъ предъидущей флору, и этого контраста достаточно, чтобы видѣть разницу между двумя областями. Хвойныя деревья, тождественныя съ хвойными деревьями нашего материка, образовали тогда большіе лѣса на англійскомъ берегу, который въ то время, вѣроятно, еще соединялся съ противолежащимъ французскимъ берегомъ. Проф. Гееръ упоминаетъ еще горную сосну, обыкновенный тисъ, орѣшникъ, дубъ и многія водяныя растенія, въ томъ числѣ желтыя и бѣлыя водяныя лиліи. Горная сосна и ель съ тѣхъ поръ оставили англійскую почву, точно такъ же, какъ тутовое дерево. лавръ и іудино дерево, которыя всѣ можно найти въ четверичныхъ моретскихъ туфахъ подъ Парижемъ, выселились на югъ со времени мамонта. Такимъ образомъ, мы стоимъ совершенно въ періодѣ выселяющихся растеній», и если бы мы сопоставили факты, относящіеся до фауны, то и они, въ свою очередь, оправдали бы обозначеніе періода, который слѣдовалъ за періодомъ выселяющихся или вымирающихъ растеній, тогда какъ еще болѣе ранняя эпоха могла бы назваться «періодомъ вымершихъ типовъ».

Этимъ мы заканчиваемъ историческій очеркъ фауны Европы и переходимъ теперь къ вопросу о первобытныхъ обитателяхъ нашего материка.

Когда мы ставимъ себѣ задачею опредѣлить древность человѣка, мы опять-таки не ищемъ цифровыхъ данныхъ: для насъ важно знать лишь его относительную древность, т. е. ту геологическую эпоху, которой онъ первоначально принадлежалъ, тѣхъ животныхъ и тѣ растенія, которыя были ему современниками. Мы совершенно удовлетворимся, узнавъ, напр., появился ли человѣкъ въ до-ледниковую эпоху, или позднѣе, каково его было отношеніе къ ледниковому и межледниковому періоду. При этомъ, опредѣляя время появленія человѣка въ Европѣ, мы, само собою разумѣется, не касаемся вопроса о появленіи человѣка вообще. Въ такихъ изысканіяхъ приходится опираться на остатки человѣка и на остатки его издѣлій. Съ первымъ имѣетъ дѣло собственно геологія, со вторымъ—археологія. До-историческая эпоха дѣлится археологами на вѣкъ каменный, бронзовый и желѣзный. Въ каменный вѣкъ матеріаломъ для своихъ издѣлій человѣкъ бралъ камень, дерево, рогъ и кости. Въ бронзовый—мечи, ножи и топоры дѣлались изъ мѣди и сплава мѣди съ оловомъ—бронзы. Наконецъ, въ желѣзный вѣкъ въ употребленіе вошло желѣзо. Это археологическое дѣленіе поддерживается и геологическими данными. Естественно, что, выбирая матеріалъ для подѣлокъ, сначала остановились на камнѣ; открытіе металловъ и сплавовъ могло быть случайнымъ и возможно даже, что знаніе бронзы было занесено въ Европу изъ другихъ странъ. Отчасти три названные вѣка, какъ выраженіе послѣдовательныхъ стадій развитія культуры, могли быть современны между собою, но продолжительность каждаго изъ нихъ въ общемъ должна быть такъ велика, что частичное совпаденіе ихъ во времени не можетъ мѣшать признанію ихъ послѣдовательной смѣны.

Съ бронзовымъ и желѣзнымъ вѣкомъ геологамъ нечего дѣлать. Европа въ это время была почти тѣмъ же, что она представляетъ собою теперь, и исторія ея обитателей интересна постольку, поскольку мы интересуемся исторіей культуры. Совсѣмъ не то каменный вѣкъ, когда нашъ материкъ претерпѣлъ огромныя климатическія и географическія измѣненія. Этотъ вѣкъ совершенно естественно распадается на палеолитическій и неолитическій, на основаніи принадлежащихъ ему издѣлій человѣка. Палеолитическій характеризуется однообразною формою издѣлій и ихъ грубостью, неолитическій—разнообразіемъ и большею тонкостью отдѣлки. Первыя—почти исключительно изъ кремня, вторыя—изъ разнаго твердаго камня. Палеолитическія издѣлія изъ рога и кости, вѣроятно, служившія украшеніями, носятъ изображенія разныхъ животныхъ: медвѣдя, быка, ирландскаго оленя, сѣвернаго оленя и т. д. Весьма возможно, что въ теченіе палеолитиче-

скаго вѣка былъ достигнутъ нѣкоторый прогрессъ и попытка де-Мортилье классифицировать въ этомъ направленіи произведенія палеолитическаго человѣка не можетъ считаться неудачной. Но вѣроятнѣе, что разныя орудія употреблялись одновременно, подобно тому, какъ разныя орудія, одни менѣе, другія болѣе совершенныя, употребляются теперь эскимосами. Несмотря на отрывочность относящихся сюда данныхъ, мы все-таки можемъ вывести заключеніе объ образѣ жизни палеолитическаго человѣка. Тѣ его представители, которые гравировали простыя кости и слоновую кость, были, вѣроятно, охотники и рыболовы. Добычей имъ служили сѣверный олень, мускусный быкъ, мамонтъ и др.; шкуры этихъ же животныхъ, вѣроятно, шли на защиту ихъ тѣла. Одежды собственно никакой не сохранилось, но зато сохранились инструменты, которые не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ иглою, откуда мы и заключаемъ, что нѣкоторое знаніе портняжнаго ремесла не было чуждо палеолитическому человѣку. Съ другой стороны, ничто не указываетъ, чтобы онъ обрабатывалъ почву или имѣлъ прирученныхъ животныхъ. Не знакомъ онъ былъ и съ гончарнымъ искусствомъ, и такимъ образомъ всецѣло пребывалъ въ варварскомъ состояніи, едва ли обладая въ какой бы то ни было формѣ общественнымъ устройствомъ. Но, судя по нахожденію скелетовъ вмѣстѣ съ кремневымъ оружіемъ и чѣмъ-то, напоминающимъ урны, пожалуй, можно думать, что палеолитическій человѣкъ выработалъ въ себѣ нѣкоторое представленіе о загробной жизни и, быть можетъ, приготовлялъ своихъ покойниковъ къ счастливой охотѣ въ будущей жизни. Несомнѣнно, люди палеолитическаго вѣка жили въ пещерахъ, питались мясомъ убитыхъ животныхъ и особенно любили костный мозгъ. Во время охоты, вѣроятно, разбивали лагерь и въ открытомъ полѣ, у трупа добычи; если не было пещеръ, быть можетъ, сооружали шалаши лѣтомъ и снѣговыя жилища, какъ это дѣлаютъ эскимосы, зимою. Тамъ же, гдѣ были пещеры, палеолитическій человѣкъ, конечно, прятался въ нихъ въ дурную погоду и, кто знаетъ, не употреблялъ ли свой досугъ на гравировку костей, скульптуру и т. под. попытки въ артистическомъ направленіи. Судя по тому, что на палеолитическихъ орудіяхъ имѣются изображенія китообразныхъ, нѣтъ сомнѣнія, что владѣльцы этихъ орудій доходили до моря и даже, быть можетъ, пускались на лодкахъ въ море, но у насъ нѣтъ данныхъ, чтобы судить о размѣрахъ ихъ кочевокъ.

Въ виду отдаленности отъ насъ палеолитическаго вѣка, нечему удивляться, что до насъ дошло такъ мало череповъ и скелетовъ. Самый знаменитый черепъ—неандертальскій, найденный въ пещерномъ глиняномъ наносѣ между Дюссельдорфомъ и Эльберфельдомъ. Затѣмъ слѣдуетъ энгисскій изъ пещеръ подъ Люттихомъ и остатки, найденные въ долинѣ Везера, близъ Кро-Маньонъ. Еще найдены остатки палеолитическаго человѣка близъ Ментоны, въ западныхъ Пиринеяхъ и т. д. Чаще всего остатки человѣка встрѣчаются въ пещерахъ, рѣже въ

рѣчныхъ и озерныхъ наносныхъ почвахъ. По имѣющимся въ нашемъ распоряженіи черепамъ для него можно установить двѣ расы: такъ называемую кэнштедскую, типомъ для которой служатъ неандертальскій черепъ, черепа изъ западныхъ Пиринеевъ и др., и кроманьонскую. Первая характеризовалась сильнымъ развитіемъ надбровныхъ дугъ и низкимъ, узкимъ, покатымъ назадъ лбомъ; орбиты у нея были широкія, почти круглыя; носовыя кости выдающіяся, ноздри широкія, скулы выдающіяся. Общій видъ былъ дикій, что усиливалось атлетическимъ сложеніемъ, хотя ростъ былъ только отъ 2 ар. 6 в. до 2 ар. 7 в. Кроманьонская раса отличалась широкимъ и высокимъ лбомъ, безъ выдающихся надбровныхъ дугъ, при общей пропорціональности частей черепа и гораздо большемъ ростѣ, отъ 2 ар. 8 в. до 2 ар. 10 в.

Помимо характера издѣлій, оставленныхъ намъ ископаемымъ человѣкомъ, мы основываемъ еще его дѣленіе на палеолитическаго и неолитическаго въ силу біологическихъ соображеній: палеолитическій жилъ вмѣстѣ съ вымершими животными, неолитическій — вмѣстѣ съ современными. Переходовъ между тѣмъ и другимъ нѣтъ, если не считать сомнительныхъ находокъ изъ Пиринеевъ. Напротивъ, отъ неолитическаго вѣка можно прослѣдить весьма постепенный переходъ къ бронзовому. Это уже одно указываетъ на огромный промежутокъ времени, отдѣляющій на материкѣ Европы существованіе палеолитическаго человѣка отъ неолитическаго, и невольно заставляетъ задаться вопросомъ, какова была судьба перваго. Все это выясняется изъ возстановленія условій существованія палеолитическаго человѣка.

Животныя, вмѣстѣ съ которыми онъ жилъ, дѣлятся на три группы: южную, изъ формъ, которыя (или близкія къ нимъ) живутъ къ югу отъ Чернаго и Средиземнаго морей (бегемотъ, африканскій слонъ, пятнистая и полосатая гіена, серваль, кафрская кошка, левъ, леопардъ); сѣверную или альпійскую (мускусный быкъ, покрытый шерстью носорогъ, мамонтъ, россомаха, сѣверный олень, песецъ, леммингъ, пищуха, полярный заяцъ, сурокъ, тундряная полевка, горный козелъ, серна) и среднюю (дикій быкъ, зубръ, лошадь, благородный и ирландскій олени, косуля, сайга, медвѣдь и др.). Всѣ эти животныя послѣдовательно смѣняли другъ друга на площади Европы, и это служитъ намъ важнымъ указаніемъ на нѣкоторыя страницы въ исторіи палеолитическаго человѣка. Особенно важны въ смыслѣ доказательства одновременнаго существованія палеолитическаго человѣка съ этими животными и ихъ рѣзкаго отграниченія отъ неолитическаго тѣ данныя, которыя мы находимъ въ собранныхъ въ пещерахъ остаткахъ. Если эти пещеры не несутъ на себѣ никакихъ слѣдовъ новѣйшихъ измѣненій, въ такомъ случаѣ совершенно ясно видно, что остатки палеолитическаго человѣка съ остатками современныхъ ему животныхъ лежатъ ниже остатковъ неолитическаго человѣка и сопровождавшихъ его животныхъ, безъ всякаго признака перехода между отложеніями той и другой категоріи. Сначала высказывались большія сомнѣнія въ одновременности

существованія человѣка съ вымершими животными, но изслѣдованія Кентской пещеры устранили всѣ сомнѣнія въ этомъ направленіи. Нѣкоторыя пещеры послѣдовательно нѣсколько разъ занимались звѣрями и человѣкомъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Особенности залеганія этихъ остатковъ позволяютъ даже составить нѣкоторое представленіе о томъ громадномъ промежуткѣ времени, который прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ они попали туда. Дѣло въ томъ, что эти остатки обыкновенно бываютъ заключены въ сталагмиты, образовавшіеся отъ просачиванія дождевой воды въ пещеры, гдѣ, послѣ ея паденія каплями, изъ нея выкристализовывалась известь. При изслѣдованіи Кентской пещеры въ ней были найдены надписи, относящіяся къ XVII-му столѣтію, и вычисливъ, сколько времени нужно было для образованія прироста сталагмитовъ на такую ничтожную толщину, что надписи остались совершенно ясно видимыми, можно вычислить, зная толщину слоя сталагмитовъ и принимая, что они возрастали прежде съ такой же быстротой, какъ и теперь, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ. какъ въ нихъ были погребены кости палеолитическаго человѣка и современныхъ ему животныхъ. Оказывается, что на это нужно было 240.000 лѣтъ въ однихъ случаяхъ, около 576.000—въ другихъ. Допустимъ, что сталагмиты образовывались прежде, при болѣе влажномъ климатѣ, быстрѣе, все-таки несомнѣнно, что десятки и даже сотни тысячъ лѣтъ отдѣляютъ отъ насъ вѣкъ палеолитическаго человѣка. Съ другой стороны, изученіе залеганій остатковъ палеолитическаго человѣка и современныхъ ему животныхъ въ пещерахъ позволяетъ судить и о громадной продолжительности собственно палеолитическаго вѣка.

Сдѣланное выше перечисленіе тѣхъ животныхъ, вмѣстѣ съ которыми найдены остатки палеолитическаго человѣка, несомнѣнно указываетъ на то, что онъ пережилъ огромныя климатическія измѣненія, которыя имѣли мѣсто на материкѣ Европы втеченіе плейстоценоваго періода. Но мы можемъ пойти далѣе и пріурочить палеолитическаго человѣка къ болѣе опредѣленнымъ отдѣламъ четверичной эпохи. Первое появленіе его совпадаетъ, повидимому, съ первымъ междуледниковымъ періодомъ, которому принадлежали млекопитающія южной группы; но относительно этого мнѣнія еще нѣсколько расходятся. Когда климатъ измѣнился и погруженіе значительной площади суши подъ воды моря намѣтило собою начало второго оледенѣнія, палеолитическій человѣкъ несомнѣнно долженъ былъ выселиться постепенно въ южную Европу. Огромное развитіе ледниковъ и бурныхъ, многоводныхъ потоковъ, связанныхъ съ таяніемъ льда, дѣлало неудобнымъ пребываніе палеолитическаго человѣка въ средней Европѣ, тѣмъ болѣе, что холодное теченіе, которое омывало берега Европы, обусловливало собою настолько же неблагопріятныя климатическія условія. Обстоятельства измѣнились вмѣстѣ съ окончаніемъ второго ледниковаго періода, когда ледники отступили, а осушившаяся до извѣстной степени почва покрылась растительностью тундры, среди которой

нашли себѣ мѣсто жительства сѣверный олень, мамонтъ, покрытый шерстью носорогъ и россомаха. По мѣрѣ того какъ климатическія условія улучшались, сѣверныя растенія и животныя отступали, съ одной стороны, къ сѣверу и востоку, съ другой — въ горы, уступая мѣсто животнымъ и растеніямъ умѣренныхъ странъ. Гиппопотамы, слоны, носороги, стада лошадей и быковъ, а также многочисленные хищники опять появились на почвѣ средней Европы, и въ это время присутствіе здѣсь человѣка уже стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Прибавимъ, что суша достигла въ теченіе второго межледниковаго періода большого развитія какъ въ направленіи къ югу, такъ и къ сѣверу, и соединительные мосты между Европой и Африкой давали возможность свободному переселенію животныхъ съ одного материка на другой.

Какъ выше было сказано, начиная съ третьяго ледниковаго періода оледенѣнія все больше и больше сокращались, но въ теченіе третьяго ледниковаго періода лѣтніе потоки еще несли массу воды и, заливая огромныя пространства низменностей, отлагали здѣсь въ огромномъ количествѣ гравій, песокъ и глину. Это и подготовило ту почву, на которой къ концу этого періода развились снова тундры съ ихъ скудной растительностью, населившіяся леммингами, сѣверными оленями, мамонтами и носорогами. Здѣсь же былъ и человѣкъ, вѣроятно, лишь немного откочевывавшій къ югу въ теченіе наибольшаго развитія третьяго оледенѣнія.

При постепенномъ расширеніи материка къ сѣверо-западу въ теченіе третьяго межледниковаго періода, въ средней Европѣ климатическія условія очень измѣнились и здѣсь надолго водворился климатъ, характеризующій теперь юго-восточную Россію. Мы думаемъ, что съ нѣкоторыми колебаніями, когда послѣдовательно развилось четвертое и пятое оледенѣніе, эти климатическія условія и границы материка прямо перешли въ то, что нами было дано для Европы послѣ-ледниковой эпохи, съ преобладаніемъ степныхъ станцій въ характерѣ ландшафта. Первыя травянистыя площади появились еще въ теченіе второго межледниковаго періода, но тогда онѣ по своему развитію не могли оказывать большого вліянія ни на характеръ ландшафта, ни на составъ животнаго населенія, тогда какъ съ третьяго межледниковаго періода ихъ значеніе надолго стало господствующимъ. Повидимому, съ третьяго ледниковаго періода связь Европы съ Африкой порвалась и, быть можетъ, этимъ объясняется окончательное исчезновеніе изъ европейской фауны слоновъ и гиппопотамовъ. Въ эту пору палеолитическій человѣкъ является преимущественно охотникомъ на открытыхъ площадяхъ, но къ четвертому ледниковому періоду онъ исчезаетъ. Въ сѣверо-западной Европѣ онъ оставилъ многія пещеры, повидимому, уже въ теченіе третьяго ледниковаго періода и потомъ не возвратился сюда. Есть указанія, что съ этого времени онъ занялъ пещеры южной Франціи, откуда проникъ въ Швейцарію и дунайскія низменности. Здѣсь онъ

несомнѣнно оставался очень долго, но, наконецъ, мы его совершенно утрачиваемъ изъ виду.

Неолитическій человѣкъ появляется только въ концѣ четвертаго межледниковаго періода и мы рѣшительно не можемъ усмотрѣть никакой генетической связи между нимъ и палеолитическимъ. Періодъ времени, раздѣляющій исчезновеніе одного и появленіе другого, чрезвычайно великъ и чтобы рѣшить вопросъ, была ли между ними какая-нибудь связь, очевидно, нужны изслѣдованія за предѣлами европейскаго материка. Неолитическій человѣкъ былъ не только охотникъ и рыболовъ, но до извѣстной степени земледѣлецъ. У него уже были домашнія животныя, онъ зналъ гончарное искусство, умѣлъ строить жилища и, ради безопасности, располагалъ ихъ на сваяхъ по озерамъ. Какъ выше указано, отсюда идетъ уже гладкій путь культурнаго развитія отдаленныхъ обитателей Европы, черезъ бронзовый и желѣзный вѣкъ въ болѣе близкое къ намъ время.

Подобно западной Европѣ, Россіи также дала нѣсколько интересныхъ данныхъ относительно ея древнѣйшихъ обитателей. Такъ, проф. Кащенко недавно сообщилъ объ остаткахъ мамонта, найденныхъ подъ Томскомъ, изъ тщательнаго изученія которыхъ несомнѣнно слѣдуетъ, что это животное (молодое) было убито человѣкомъ и съѣдено на томъ мѣстѣ, гдѣ найдены его остатки. Становище охотниковъ было здѣсь случайнымъ: его опредѣлило мѣсто, гдѣ пала добыча, повидимому сдавшаяся лишь послѣ упорной борьбы. Изъ этого несомнѣнно, что человѣкъ каменнаго вѣка въ Сибири былъ современникъ мамонта, но, къ сожалѣнію, не выяснено, былъ ли это палеолитическій или неолитическій человѣкъ. Въ разныхъ мѣстахъ Европейской Россіи (юго-западной, западной и центральной) также были найдены болѣе или менѣе убѣдительные слѣды одновременнаго существованія человѣка и мамонта, причемъ опять-таки съ ясными указаніями на то, что человѣкъ употреблялъ мамонта въ пищу. Очень можетъ быть, что при болѣе правильномъ производствѣ раскопокъ именно у насъ будутъ найдены данныя для возстановленія образа жизни дикаря каменнаго вѣка съ надлежащей полнотой, но пока этому только положено основаніе.

Гораздо многочисленнѣе у насъ находки, относящіяся къ позднѣйшему неолитическому періоду, по всѣмъ видимостямъ—ко времени развитія лѣсной растительности послѣ-ледниковой эпохи. Таковы остатки человѣка каменнаго вѣка, найденные при прорытіи Сясскаго канала и, вѣроятно, приблизительно соотвѣтствующіе по времени т. наз. кучамъ кухоннаго сора въ Даніи. Въ это время дубъ шелъ гораздо дальше къ сѣверу, нежели теперь, когда его тамъ замѣстили сосна и ель. Фауна, ископаемые представители которой найдены на берегу Ладожскаго озера, почти вся состоитъ изъ современныхъ животныхъ: нѣтъ только дикаго быка, не дошедшаго до нашего времени. Повидимому, этотъ дикарь былъ охотникъ и рыболовъ, и уже имѣлъ домашнихъ животныхъ.

На этомъ я кончаю свой очеркъ. Въ немъ мнѣ хотѣлось показать на частномъ примѣрѣ, насколько успѣшно мы боремся съ случайностью палеонтологическихъ находокъ, которыя сами по себѣ не могли бы дать особенно многаго. Чтобы округлить свѣдѣнія, надо прибѣгать къ даннымъ рѣшительно всѣхъ другихъ категорій и изъ этого сопоставленія самыхъ разнообразныхъ фактовъ возстановлять картину прошлаго. Нѣтъ ничего удивительнаго, что для Европы всѣ эти свѣдѣнія собраны въ большемъ количествѣ, нежели для какой-либо другой страны. Но подобныя же картины отдѣльныхъ эпохъ въ исторіи животнаго населенія разныхъ странъ добыты въ свою очередь и теперь предстоитъ ихъ болѣе полное сопоставленіе другъ съ другомъ. Лучше всего изслѣдована въ интересующемъ насъ направленіи послѣ Европы Сѣверная Америка; особенно ощутителенъ пробѣлъ для сѣверной и средней Азіи, откуда шли разселенія множества отдѣльныхъ формъ и цѣлыхъ фаунъ. Индія изслѣдована лучше многихъ даже европейскихъ странъ и здѣсь удалось открыть, съ одной стороны, слѣды древнѣйшаго существованія несомнѣннаго человѣка, съ другой—остатки его ближайшаго прародича. Если когда-нибудь изслѣдованія Азіи достигнутъ желаемой степени полноты, передъ нами возстанетъ огромная по своей продолжительности эпоха, которая тѣмъ болѣе должна насъ интересовать, что въ нее цѣликомъ укладывается начало исторіи человѣческаго рода.

Но для зоолога нисколько не меньшій интересъ представляетъ исторія суши южнаго полушаріи съ нынѣ вымирающими типами животныхъ. Здѣсь еще много загадочнаго со стороны географическаго распространенія животныхъ, а что дастъ палеонтологія—трудно даже себѣ представить. Можетъ быть, Южная Америка позволитъ возстановить, рано или поздно, такой же богатый формами міръ ископаемыхъ, какъ это позволила Сѣверная, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшитъ наши сомнѣнія относительно генетической связи между многими уже извѣстными группами. Точно въ такомъ же положеніи, вѣроятно, стоитъ и Африка, но возлагать на нее тѣ или другія ожиданія можно скорѣе по аналогіи съ Южной Америкой, нежели на основаніи прямыхъ данныхъ.

Замѣтимъ при этомъ, что всѣ указанныя изслѣдованія не могутъ остаться замкнутыми въ самихъ себѣ. Съ накопленіемъ новыхъ фактическихъ данныхъ рука-объ-руку должна идти и разработка общей біологіи, на обязанности которой лежитъ выясненіе законовъ, управляющихъ развитіемъ органическаго міра. Такимъ образомъ мы рѣшительно не можемъ себѣ представить, гдѣ лежитъ граница нашего познанія природы, и въ этомъ заключается заманчивая прелесть всякаго истинно научнаго изслѣдованія. Подчасъ утомительное собираніе фактическаго матеріала не пугаетъ не только отдѣльныхъ изслѣдователей, но даже цѣлыя ихъ поколѣнія, разъ эта работа согрѣвается увѣренностью въ ея плодотворности. М. Мензбиръ.

ВОСКРЕСШІЕ БОГИ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

ГЛАВА ШЕСТАЯ **).

Дневникъ Джіованни Бельтраффіо.

1494—1495.

L'amore di qualunche cosa è figliuolo d'essa cognitione. L'amore è tanto piu fervente, quanto la cognitione è piu certa. *Leonardo da Vinci.*

Любовь есть дочь познанія. Любовь тѣмъ пламеннѣе, чѣмъ познаніе точнѣе.

Леонардо да Винчи.

Будьте мудры, какъ зміи, и просты, какъ голуби.

Матѳея X, 16.

Я поступилъ ученикомъ къ флорентинскому мастеру Леонардо да Винчи 25 Марта 1494 года.

* * *

Вотъ порядокъ ученія: перспектива, размѣры и пропорціи человѣческаго тѣла, рисованіе по образцамъ хорошихъ мастеровъ, рисованіе съ натуры.

* * *

Сегодня товарищъ мой Марко д'Оджіоне далъ мнѣ книгу о перспективѣ, записанную со словъ учителя. Она начинается такъ:

«Наибольшую радость тѣлу даетъ свѣтъ солнца, наибольшую радость духу—ясность математической истины. Вотъ почему науку о перспективѣ, въ которой созерцаніе свѣтлой линіи—la linia radiosa,—величайшая отрада глазъ, соединяется съ ясностью математики,—величайшею отрадой ума, должно предпочитать всѣмъ остальнымъ человѣческимъ изслѣдованіямъ и наукамъ. Да просвѣтитъ же меня сказавшій о себѣ: «Азъ есмь Свѣтъ истинный», и да поможетъ изложить

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

**) Съ этой главы начинается текстъ не бывшій въ печати. *Ред.*

науку о перспективѣ, науку о Свѣтѣ. И я раздѣлю эту книгу на три части: первая—уменьшеніе вдали объема предметовъ, вторая—уменьшеніе ясности цвѣта, третья—уменьшеніе ясности очертаній».

* * *

Мастеръ заботится обо мнѣ, какъ о родномъ. Узнавъ, что я бѣденъ,—не захотѣлъ принять условленной ежемѣсячной платы въ пять лиръ.

* * *

Учитель сказалъ:

— Когда ты овладѣешь перспективой и будешь знать наизусть пропорціи человѣческаго тѣла, наблюдай усердно во время прогулокъ движенія людей, какъ стоятъ они, ходятъ, разговариваютъ и спорятъ, какъ хохочутъ и дерутся, какія при этомъ лица у нихъ и у тѣхъ зрителей, которые желаютъ разнять ихъ, и у тѣхъ, которые молча наблюдаютъ. Все это отмѣчай и зарисовывай карандашемъ, какъ можно скорѣе, въ маленькую книжку изъ цвѣтной бумаги, которую неотлучно имѣй при себѣ. Когда же наполнится она, замѣняй другою, а старую откладывай и береги. Помни, что не слѣдуетъ уничтожать и стирать эти рисунки, но—хранить, ибо движенія тѣлъ такъ безконечны въ природѣ, что никакая человѣческая память не можетъ ихъ удержать. Вотъ почему смотри на эти наброски, какъ на своихъ лучшихъ наставниковъ и учителей.

Я завелъ себѣ такую книжку и каждый вечеръ записываю слышанныя въ теченіе дня достопамятныя слова учителя.

* * *

Сегодня встрѣтилъ въ переулкѣ лоскутницъ, недалеко отъ Собора, дядю моего, стекольнаго мастера Освальда Ингрима. Онъ сказалъ мнѣ, что отрекается отъ меня, что я погубилъ душу мою, поселившись въ домѣ безбожника и еретика Леонардо. Теперь я совсѣмъ одинъ: нѣтъ у меня никого на свѣтѣ, — ни родныхъ, ни друзей,—кромѣ учителя. Я повторяю прекрасную молитву Леонардо: «да просвѣтитъ меня Господь, Свѣтъ міра, и да поможетъ изучить перспективу, науку о свѣтѣ Его». Неужели это—слова безбожника?

* * *

Какъ бы ни было мнѣ тяжело,—стоитъ взглянуть на лицо его, чтобы на душѣ сдѣлалось легче и радостнѣе. Какіе у него глаза, — ясные, блѣдно-голубые и холодные, точно ледъ, какой тихій, пріятный голосъ, какая улыбка! Самые злые, упрямые люди не могутъ противиться увѣтливымъ словамъ его, если онъ желаетъ склонить ихъ на «да» или «нѣтъ». Я часто подолгу смотрю на него, когда онъ сидитъ за рабочимъ столомъ, погруженный въ задумчивость, и привычнымъ, медленнымъ движеніемъ тонкихъ пальцевъ перебираетъ, разглаживаетъ длинную, вьющуюся и мягкую, какъ шелкъ дѣвичьихъ кудрей, золотистую бороду. Если онъ съ кѣмъ-нибудь говоритъ, то обыкновенно прищуриваетъ

одинъ глазъ съ немного лукавымъ, насмѣшливымъ и добрымъ выраженіемъ: кажется тогда, взоръ его изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей проникаетъ въ самую душу.

* * *

Одѣвается просто. Не терпитъ яркой пестроты въ нарядахъ и новыхъ суетныхъ модъ. Не любитъ никакихъ духовъ. Но бѣлье у него— изъ тонкаго реннскаго полотна, всегда бѣлое, какъ снѣгъ. Черный бархатный беретъ—безъ всякихъ украшеній, медалей и перьевъ. Поверхъ чернаго камзола—длинный до колѣнъ, темно-красный плащъ съ прямыми складками, стариннаго флорентинскаго покроя—pitocco rosato Движенія плавны и спокойны. Несмотря на скромное платье, всегда, гдѣ бы онъ ни былъ,—среди вельможъ или въ толпѣ народа,—у него такой видъ, что нельзя не замѣтить его. Онъ не похожъ ни на кого.

* * *

Все умѣетъ, знаетъ все: отличный стрѣлокъ изъ лука и арбалета, наѣздникъ, пловецъ, мастеръ фехтованія на шпагахъ. Однажды видѣлъ я его въ состязаніи съ первыми силачами народа: игра состояла въ томъ, что подбрасывали въ церкви маленькую монету такъ, чтобы она коснулась самой средины купола. Мессэръ Леонардо побѣдилъ всѣхъ ловкостью и силой.

Онъ лѣвша. Но лѣвою рукою,—съ виду нѣжной и тонкой, какъ у молодой женщины,—сгибаетъ онъ желѣзныя подковы, перекручиваетъ языкъ мѣднаго колокола и ею же, рисуя лицо прекрасной дѣвушки, наводитъ прозрачныя тѣни прикосновеніями угля или карандаша, легкими. какъ трепетанія крыльевъ бабочки.

* * *

Сегодня послѣ обѣда онъ кончалъ при мнѣ рисунокъ, который изображаетъ склоненную голову Дѣвы Маріи, внимающей благовѣстію Архангела. Изъ-подъ головной повязки, украшенной жемчугомъ и двумя голубиными крыльями, стыдливо играя съ вѣяніемъ ангельскихъ крылъ, выбиваются пряди волосъ, заплетенныхъ, какъ у флорентинскихъ дѣвушекъ, въ прическу, по виду небрежно свободную, на самомъ дѣлѣ полную утонченнаго искусства. Красота этихъ вьющихся кудрей плѣняетъ, какъ странная музыка. И тайна глазъ ея, которая какъ будто просвѣчиваетъ сквозь опущенныя вѣки съ густою, пушистою тѣнью рѣсницъ, похожа на тайну подводныхъ цвѣтовъ, видимыхъ сквозь прозрачныя волны, но недосягаемыхъ.

Вдругъ въ мастерскую вбѣжалъ маленькій слуга Джьякопо и, прыгая, хлопая отъ радости въ ладоши, закричалъ:

— Уроды! Уроды! Мессэръ Леонардо, ступайте скорѣе на кухню! Я привелъ вамъ такихъ красавчиковъ, что пальцы оближете.

— Откуда?—спросилъ учитель.

— Съ паперти у Сантъ-Амброджіо. Нищіе изъ Бергамо. Я сказалъ, что вы угостите ихъ ужиномъ, если они позволятъ снять съ себя портреты...

— Пусть подождутъ. Я сейчасъ кончу рисунокъ.

— Нѣтъ, мастеръ, они ждать не будутъ. Назадъ въ Бергамо до ночи торопятся. Да вы только взгляните,—не пожалѣете! Стоитъ, право же стоитъ. Вы себѣ представить не можете, что это за чудовища!

Покинувъ неконченный рисунокъ Дѣвы Маріи, учитель пошелъ въ кухню. Я за нимъ.

Мы увидѣли двухъ чинно сидѣвшихъ на лавкѣ братьевъ стариковъ, толстыхъ точно водянкою раздутыхъ, съ отвратительными, отвиелыми опухолями громадныхъ зобовъ на шеѣ,—болѣзнью обычною среди обитателей Бергамскихъ горъ,—и жену одного изъ нихъ, сморщенную, худенькую старушенку, по имени Паучиха, вполнѣ достойную этого имени.

Лицо Джьякопо сіяло гордостью:

— Ну, вотъ видите, — шепталъ онъ, — я же говорилъ, что вамъ понравится. Я ужъ знаю, что̀ нужно...

— Леонардо подсѣлъ къ уродамъ, велѣлъ подать вина, сталъ ихъ подчивать, любезно разспрашивать, смѣшить глупыми побасенками. Сперва они дичились, поглядывали недовѣрчиво, должно быть, не понимая, зачѣмъ ихъ сюда привели. Но когда онъ разсказалъ имъ нелѣпую, площадную новеллу о мертвомъ жидѣ, изрѣзанномъ на мелкіе куски своимъ соотечественникомъ, чтобы избѣжать закона, воспрещавшаго погребеніе жидовъ землѣ города Болоньи, замаринованномъ въ бочку съ медомъ и ароматами, отправленномъ въ Венецію съ товарами на кораблѣ и нечаянно съѣденномъ однимъ флорентинскимъ путешественникомъ христіаниномъ, — Паучиху сталъ разбирать смѣхъ. Скоро всѣ трое, опьянѣвъ, захохотали съ отвратительными ужимками. Я въ смущеніи потупилъ глаза и отвернулся, чтобы не видѣть. Но Леонардо смотрѣлъ на нихъ съ глубокимъ, жаднымъ любопытствомъ, какъ ученый, который дѣлаетъ опытъ. Когда уродство ихъ достигло высшей степени,—онъ взялъ бумагу и началъ рисовать эти мерзостныя рожи тѣмъ самымъ карандашемъ, съ тою же любовью, съ которой только-что рисовалъ божественную улыбку Дѣвы Маріи.

Вечеромъ показывалъ мнѣ множество каррикатуръ не только людей, но и животныхъ,—страшныя лица, похожія на тѣ, что преслѣдуютъ больныхъ въ бреду. Въ звѣрскомъ мелькаетъ человѣческое, въ человѣческомъ—звѣрское, одно переходитъ въ другое легко и естественно—до ужаса. Я запомнилъ морду дикобраза съ колючими ощетинившимися иглами, съ отвислою нижнею губою, болтающеюся, мягкою и тонкою, какъ тряпка, обнажившею въ гнусной человѣческой улыбкѣ продолговатые, какъ миндалины, бѣлые зубы. Я также никогда не забуду лица старухи съ волосами, вздернутыми кверху въ дикую, нарядную прическу, съ жидкою косичкою сзади, съ гигантскимъ лысымъ лбомъ, расплющеннымъ носомъ, крохотнымъ, какъ бородавка, и чудовищно-толстыми губами, напоминающими тѣ дряблые, осклизлые грибы, которые

растутъ на гнилыхъ пняхъ. И всего ужаснѣе то, что эти уроды кажутся знакомыми, какъ будто гдѣ-то уже видѣлъ ихъ, и что-то есть въ нихъ соблазнительное, чтò отталкиваетъ и въ то же время притягиваетъ, какъ бездна. Смотришь, мучаешься, и нельзя оторвать отъ нихъ глазъ такъ же, какъ отъ божественной улыбки Дѣвы Маріи.

И тамъ, и здѣсь—удивленіе, какъ передъ чудомъ.

* * *

Чезаре да Сэсто разсказываетъ, что Леонардо, встрѣтивъ гдѣ-нибудь въ толпѣ на улицѣ любопытнаго урода, въ теченіе цѣлаго дня можетъ слѣдовать за нимъ и наблюдать, стараясь запомнить его лицо. Великое уродство въ людяхъ,—говоритъ учитель,—также рѣдко и необычайно, какъ великая прелесть. Только среднее—обычно.

* * *

Онъ изобрѣлъ странный способъ запоминать человѣческія лица. Полагаетъ, что носы у людей бываютъ трехъ родовъ: или прямые, или съ горбиной, или съ выемкой. Прямые могутъ быть или короткими, или длинными, съ концами тупыми или острыми. Горбина находится или вверху носа, или внизу, или посрединѣ,—и такъ далѣе для каждой части лица. Всѣ эти безчисленныя подраздѣленія, роды и виды, отмѣченные цифрами, заносятся въ особую разграфленную книжку. Когда художникъ гдѣ-нибудь на прогулкѣ встрѣчаетъ лицо, которое желалъ бы запомнить, ему стоитъ лишь отмѣтить значкомъ карандаша соотвѣтствующій родъ носа, лба, глазъ, подбородка и, такимъ образомъ, посредствомъ ряда цифръ навѣки закрѣпляется въ памяти какъ бы мгновенный снимокъ съ живого лица. На свободѣ, вернувшись домой, онъ соединяетъ эти части въ одинъ образъ.

Придумалъ также маленькую ложечку для безукоризненно-точнаго математическаго измѣренія количества краски для изображенія постепенныхъ, глазомъ едва уловимыхъ переходовъ, переливовъ свѣта въ тѣнь, тѣни въ свѣтъ. Если, напримѣръ, для того, чтобы получить опредѣленную степень густоты тѣни, нужно взять десять ложечекъ черной краски,—то для полученія слѣдующей степени, должно взять одиннадцать, потомъ двѣнадцать, тринадцать и такъ далѣе. Каждый разъ, зачерпнувъ краски, срѣзываютъ горку, сравниваютъ ее стеклянным наугольничкомъ, какъ на рынкѣ равняютъ мѣру, насыпанную зерномъ.

* * *

Марко д'Оджіоне—самый прилежный и добросовѣстный изъ учениковъ Леонардо. Онъ работаетъ, какъ волъ, выполняетъ съ точностью всѣ правила учителя; но, повидимому, чѣмъ больше старается, тѣмъ меньше успѣваетъ. Марко упрямъ: чтò онъ забралъ себѣ въ голову,—и гвоздемъ не вышибешь. Убѣжденъ, что «терпѣніе и трудъ все перетрутъ»,—и не теряетъ надежды сдѣлаться великимъ художникомъ. Больше всѣхъ насъ радуется изобрѣтеніямъ учителя, которыя сводятъ искусство къ механикѣ. Намедни, захвативъ съ собою книжечку съ

цифрами для запоминанія лицъ, отправился на площадь Бролетто, выбралъ лица въ толпѣ и отмѣтилъ ихъ значками въ таблицѣ. Но когда вернулся домой, сколько ни бился, никакъ не могъ соединить отдѣльныя части въ живое лицо. Такое же горе вышло у него съ ложечкой для измѣренія черной краски. Несмотря на то, что онъ въ своей работѣ соблюдаетъ математическую точность,—тѣни остаютсь непрозрачными и неестественными, такъ же, какъ лица—деревянными и лишенными всякой прелести. Марко объясняетъ это тѣмъ, что не выполнилъ всѣхъ правилъ учителя, и удваиваетъ усердіе. А Чезаре да Сэсто злорадствуетъ.

— Добрѣйшій Марко,—говоритъ онъ,—истинный мученикъ и страстотерпецъ науки. Примѣръ его доказываетъ, что всѣ эти хваленыя правила и ложечки, и таблицы для носовъ ни къ чорту не годятся. Мало знать, какъ рождаются дѣти, для того, чтобы имѣть ребенка. Леонардо только себя и другихъ обманываетъ. Говоритъ одно,—дѣлаетъ другое. Когда пишетъ, не думаетъ ни о какихъ правилахъ, а только слѣдуетъ вдохновенію. Но ему недостаточно быть великимъ художникомъ, — онъ хочетъ быть и великимъ ученымъ, хочетъ примирить искусство и науку, вдохновеніе и математику. Я, впрочемъ, боюсь, что, погнавшись за двумя зайцами, ни одного онъ не поймаетъ!

Быть можетъ, въ словахъ Чезаре есть доля правды. Но за что онъ такъ не любитъ учителя? Леонардо прощаетъ ему все, охотно выслушиваетъ его злыя, насмѣшливыя рѣчи, цѣнитъ умъ Чезаре и никогда не сердится на него.

* * *

Я наблюдаю, какъ онъ работаетъ надъ Тайной Вечерей. Рано поутру, только что солнце встало, уходитъ изъ дому, оправляется въ монастырскую трапезную и въ теченіе цѣлаго дня, пока не стемнѣетъ пишетъ, не выпуская кисти изъ рукъ, забывая о пищѣ и питьѣ. А то проходитъ недѣля, другая—не дотрагивается до кистей. Но каждый день простаиваетъ два, три часа на подмосткахъ передъ картиной, разсматривая и обсуждая то, что сдѣлано. Иногда въ полдень въ самую жару, бросая начатое дѣло, по опустѣвшимъ улицамъ, не выбирая тѣневой стороны, какъ будто увлекаемый невидимой силой, бѣжитъ въ монастырь, взлѣзаетъ на подмостки, дѣлаетъ два, три мазка и тотчасъ уходитъ.

* * *

Всѣ эти дни учитель работалъ надъ головой апостола Іоанна. Сегодня долженъ былъ кончить. Но, къ моему удивленію, остался дома и съ утра, вмѣстѣ съ маленькимъ Джьякопо, занялся наблюденіемъ надъ полетомъ шмелей, осъ и мухъ. Такъ погруженъ въ изученіе устройства ихъ тѣла и крыльевъ, словно отъ этого зависятъ судьбы міра. Обрадовался, какъ Богъ вѣсть чему, когда нашелъ, что заднія лапки служатъ мухамъ, вмѣсто руля. По мнѣнію учителя, это чрезвы-

чайно полезно и важно для изобрѣтенія летательной машины. Можетъ быть. Но все же обидно, что голова апостола Іоанна покинута для изслѣдованія мушиныхъ лапокъ.

* * *

Сегодня новое горе. Мухи забыты, какъ и Тайная Вечеря. Мастеръ сочиняетъ красивый, тонкій узоръ для герба не существующей, но предполагаемой герцогомъ Миланской академіи живописи, — четырехугольникъ изъ переплетенныхъ, безъ конца, безъ начала, свивающихся веревочныхъ узловъ, которые окружаютъ латинскую надпись: Leonardi. Vinci. Achademia. Онъ такъ поглощенъ отдѣлкой узора, какъ будто ничего болѣе въ мірѣ не существуетъ, кромѣ этой сложной, трудной и совершенно безполезной игры. Кажется, никакія заботы не могли бы его оторвать отъ нея. Я не вытерпѣлъ и рѣшился напомнить о неконченной головѣ апостола Іоанна. Онъ пожалъ плечами и, не подымая глазъ отъ веревочныхъ узловъ, процѣдилъ сквозь зубы:

— Не уйдетъ. Успѣемъ.

Я иногда понимаю злобу Чезаре.

* * *

Герцогъ Моро поручилъ ему устройство во дворцѣ слуховыхъ трубъ, скрытыхъ въ толщѣ стѣнъ,—такъ называемаго Діонисіева Уха, которое позволяетъ государю подслушивать изъ одного покоя то, что говорится въ другомъ. Сначала Леонардо съ большимъ увлеченіемъ принялся за проведеніе трубъ. Но скоро, по обыкновенію охладѣвъ, сталъ откладывать подъ разными предлогами. Герцогъ торопитъ и сердится. Сегодня поутру нѣсколько разъ присылали за нимъ изъ дворца. Но учитель занятъ новымъ дѣломъ, которое кажется ему не менѣе важнымъ, чѣмъ устройство Діонисіева Уха,—опытами надъ растеніями: обрѣзавъ корни у тыквы и оставивъ одинъ маленькій корешокъ, обильно питаетъ его водою. Къ немалой радости Леонардо, тыква не засохла, и мать,—какъ онъ выражается,—благополучно выкормила всѣхъ своихъ дѣтей,—около шестидесяти длинныхъ тыквъ. Съ какимъ терпѣніемъ, съ какой любовью слѣдилъ онъ за жизнью этого растенія! Сегодня до зари просидѣлъ на огородной грядкѣ, наблюдая, какъ широкіе листья пьютъ ночную росу. «Земля,—говоритъ онъ, — поитъ растенія влагою, небо—росою, а солнце даетъ имъ душу»,— ибо онъ полагаетъ, что не только у человѣка, но и у животныхъ, даже у растеній есть душа,—мнѣніе, которое фра Бенедетто считаетъ весьма еретическимъ.

* * *

Онъ любитъ всѣхъ животныхъ. Иногда цѣлыми днями наблюдаетъ и рисуетъ кошекъ, изучаетъ ихъ нравы и привычки: какъ онѣ играютъ, дерутся, спятъ, умываютъ морду лапками, ловятъ мышей, выгибаютъ спину и ерошатся на собакъ. Или съ такимъ же любопытствомъ смотритъ сквозь стѣнки большого стекляннаго сосуда на рыбъ,

слизняковъ, волосатиковъ, каракатицъ и всякихъ другихъ водяныхъ животныхъ. Лицо его выражаетъ глубокое, тихое удовольствіе, когда они дерутся и пожираютъ другъ друга.

* * *

Сразу тысячи дѣлъ. Не кончивъ одного, берется за другое. Впрочемъ, каждое изъ дѣлъ похоже на игру, каждая игра—на дѣло. Онъ разнообразенъ и непостояненъ. Чезаре говоритъ, что скорѣе потекутъ рѣки вспять, чѣмъ Леонардо сосредоточится на одномъ какомъ-нибудь замыслѣ и доведетъ его до конца. Смѣясь называетъ онъ его самымъ великимъ изъ безпутныхъ людей, увѣряя, что изъ всѣхъ его необъятныхъ трудовъ не выйдетъ никакого толку. Леонардо будто бы написалъ сто двадцать книгъ «О природѣ—Delle Cose Naturali». Но все это—случайные отрывки, отдѣльныя замѣтки, разрозненные клочки бумаги,—болѣе пяти тысячъ листковъ въ такомъ страшномъ безпорядкѣ, что самъ онъ иногда не можетъ разобраться — ищетъ какой-нибудь нужной замѣтки и ничего не находитъ.

* * *

Какое у него неутолимое любопытство, какой добрый, вѣщій глазъ для природы! Какъ онъ умѣетъ замѣчать незамѣтное! Всему удивляется радостно и жадно, какъ дѣти, какъ, должно быть, первые люди въ раю.

Иногда о самомъ будничномъ такое слово скажетъ, что потомъ, хоть сто лѣтъ живи, не забудешь,—прилипнетъ къ памяти и не отвяжется.

Намедни, войдя въ мою келью, учитель сказалъ: «Джіованни, обратилъ ли ты вниманіе на то, что маленькія комнаты сосредоточиваютъ умъ, а большія—возбуждаютъ къ дѣятельности?»

Или еще: «Въ тѣнистомъ дождѣ очертанія предметовъ кажутся яснѣе, чѣмъ въ солнечномъ».

А вотъ—изъ вчерашняго дѣлового, скучнаго разговора съ литейнымъ мастеромъ о какихъ-то заказанныхъ ему герцогомъ, военныхъ орудіяхъ: «Взрывъ пороха, сжатаго между тарелью бомбарды и ядромъ, дѣйствуетъ, какъ человѣкъ, который, упершись задомъ въ стѣну, изо всей силы толкалъ бы передъ собою руками тяжесть».

Говоря однажды объ отвлеченной механикѣ, онъ сказалъ: «Сила всегда желаетъ побѣдить свою причину, и, побѣдивъ, умереть... Ударъ—сынъ Движенія, внукъ Силы, а общій прадѣдъ—Вѣсъ».

Въ спорѣ съ однимъ тупоумнымъ, упрямымъ архитекторомъ онъ воскликнулъ съ нетерпѣніемъ: «Какъ же вы не понимаете, мессэре? Это ясно, какъ день. Ну, что такое арка? Арка—ничто иное, какъ сила, рождаемая двумя соединенными и противоположными слабостями». Архитекторъ даже ротъ разинулъ отъ удивленія. А для меня все въ ихъ разговорѣ сразу сдѣлалось яснымъ, какъ будто въ темную комнату свѣчку внесли.

* * *

Опять—два дня работы надъ головою апостола Іоанна. Но увы,—что-то потеряно въ безконечной вознѣ съ мушиными крыльями, тыквою, кошками, Діонисіевымъ Ухомъ, узоромъ изъ веревочныхъ узловъ и тому подобными важными дѣлами. Опять не кончилъ, бросилъ и, по выраженію Чезаре, весь ушелъ въ геометрію, какъ улитка въ свою раковину,—полный отвращенія къ живописи—Говоритъ, будто бы самый запахъ красокъ, видъ кистей и полотна ему противны.

Вотъ такъ мы и живемъ, по прихоти случая, изо дня въ день, предавшись волѣ Божьей. Сидимъ у моря и ждемъ погоды. Хорошо, что еще до летательной машины не дошло, а то—пиши пропало, — такъ зароется въ механику, что только мы его и видѣли!

* * *

Я замѣтилъ, что всякій разъ, какъ послѣ долгихъ отговорокъ, сомнѣній и колебаній, онъ приступаетъ наконецъ къ работѣ, беретъ кисть въ руки,—чувство, подобное страху, овладѣваетъ имъ. Всегда не доволенъ тѣмъ, что сдѣлалъ. Въ созданіяхъ, которыя кажутся другимъ предѣломъ совершенства, замѣчаетъ ошибки. Стремится все къ высшему, къ недосягаемому, къ тому, чего рука человѣческая,—какъ бы ни было искусство ея безконечно,—выразить не можетъ. Вотъ почему почти никогда не кончаетъ онъ своихъ произведеній.

* * *

Приходилъ сегодня жидъ барышникъ продавать лошадей. Мастеръ хотѣлъ купить гнѣдого жеребца. Жидъ началъ его уговаривать, чтобы онъ купилъ вмѣстѣ съ жеребцомъ кобылу, и такъ умолялъ, настаивалъ, егозилъ и божился, что Леонардо, который любитъ лошадей и знаетъ въ нихъ толкъ, наконецъ, разсмѣялся, махнулъ рукою, взялъ кобылу и позволилъ себя обмануть, чтобы только поскорѣе отдѣлаться отъ жида. Я смотрѣлъ, слушалъ и недоумѣвалъ.

— Чему ты удивляешься?—объяснилъ мнѣ потомъ Чезаре.—Такъ всегда: первый встрѣчный можетъ сѣсть ему на плечи. Ни въ чемъ нельзя на него положиться. Ничего твердо рѣшить не умѣетъ. Все на двое,—и нашимъ, и вашимъ, и да, и нѣтъ. Куда вѣтеръ подуетъ. Никакой крѣпости, никакого мужества! Весь—мягкій, зыбкій, податливый, точно безъ костей, точно разслабленный, несмотря на всю свою силу. Играя, желѣзныя подковы гнетъ, рычаги придумываетъ, чтобы флорентинскую мраморную крестильницу Санъ-Джіованни на воздухъ поднять, какъ воробьиное гнѣздо, а для настоящаго дѣла, гдѣ воля нужна,—соломенки не подыметъ, божьей коровки обидѣть не посмѣетъ!..

Чезаре еще долго бранился, явно преувеличивалъ и даже клеветалъ. Но я чувствовалъ, что въ словахъ его съ ложью смѣшана правда.

* * *

Заболѣлъ Андрэа Салаино. Учитель ухаживаетъ за нимъ, ночей не спитъ, просиживая у изголовья. Но о лѣкарствахъ слышать не хочетъ. Марко д'Оджіоне тайно принесъ больному какихъ-то пилюль. Леонардо

нашелъ ихъ и выбросилъ за окно. Когда же самъ Андреа заикнулся что хорошо бы пустить кровь, что онъ знаетъ одного цирульника, который отлично открываетъ жилы, учитель не на шутку разсердился, обругалъ всѣхъ докторовъ нехорошими словами и между прочимъ, сказалъ:

— Совѣтую тебѣ думать не о томъ, какъ лѣчиться, а какъ сохранить здоровье, чего ты достигнешь тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе будешь остерегаться врачей, лѣкарства которыхъ подобны нелѣпымъ составамъ алхимиковъ.

И прибавилъ съ веселой, простодушно-лукавой усмѣшкой:

— Еще бы имъ, обманщикамъ, не богатѣть, когда всякій только для того и старается накопить побольше денегъ, чтобы отдать ихъ врачамъ, разрушителямъ человѣческой жизни! Ogni omo desidera far capitale per dare a medici, destruttori di vite,—adunque debono essere richi!

* * *

Леонардо забавляетъ больного смѣшными разсказами, баснями, загадками, до которыхъ Салаино большой охотникъ. Я смотрю, слушаю и дивлюсь на учителя. Какой онъ веселый!

Вотъ для примѣра нѣкоторыя изъ этихъ загадокъ:

«Люди будутъ жестоко бить то, что есть причина ихъ жизни.— Молотьба хлѣба.

«Лѣса произведутъ на свѣтъ дѣтей, которымъ суждено истреблять своихъ родителей.—Ручки топоровъ.

«Шкуры звѣриныя заставятъ людей выйти изъ молчанія, клясться и кричать.—Игра въ кожаные мячики».

Послѣ долгихъ часовъ, проведенныхъ въ изобрѣтеніи военныхъ орудій, въ математическихъ выкладкахъ или работѣ надъ Тайною Вечерей, утѣшается онъ этими загадками, точно ребенокъ. Записываетъ ихъ въ рабочихъ тетрадяхъ рядомъ съ набросками великихъ будущихъ произведеній или только что открытыми законами природы.

* * *

Сочинилъ и нарисовалъ въ прославленіе щедрости герцога Моро странную, сложную аллегорію, на которую потратилъ немало труда: въ образѣ Фортуны герцогъ принимаетъ подъ свою защиту отрока, убѣгающаго отъ страшной парки Бѣдности, съ лицомъ Паучихи, покрываетъ его мантіей и золотымъ скиптромъ грозитъ чудовищной богинѣ. Моро доволенъ рисункомъ, хочетъ, чтобы Леонардо исполнилъ его красками на одной изъ стѣнъ дворца. Эти аллегоріи вошли въ моду при дворѣ. Кажется, онѣ имѣютъ большій успѣхъ, чѣмъ всѣ остальныя произведенія учителя. Дамы, рыцари, вельможи, чьямбелланы, камерьеры пристаютъ къ нему, наперерывъ добиваются какой-нибудь замысловатой аллегорической картинки, исполненной рукою Леонардо.

Для одной изъ двухъ главныхъ наложницъ герцога, графини Це-

циліи Бергамини, сочинилъ онъ аллегорію Зависти: дряхлая старуха съ отвислыми сосцами, покрытая леопардовой шкурой, съ колчаномъ ядовитыхъ языковъ за плечами, ѣдетъ верхомъ на человѣческомъ остовѣ, держа въ рукѣ кубокъ, наполненный скорпіонами и ехиднами.

Пришлось ему сочинить и другую аллегорію, тоже Зависти,—для другой наложницы, Лукреціи Кривелли, чтобы и она не обидѣлась: вѣтвь орѣшника бьютъ палками и потрясаютъ тогда именно, какъ доводитъ она плоды свои до совершенной зрѣлости. Рядомъ надпись: per ben fare,—за благодѣянія.

Наконецъ и для супруги герцога, свѣтлѣйшей мадонны Беатриче надо было выдумать аллегорію Неблагодарности: человѣкъ при восходящемъ солнцѣ гаситъ свѣчу, которая служила ему ночью. Теперь бѣдному мастеру ни днемъ, ни ночью нѣтъ покоя. Заказы, просьбы, записочки дамъ сыплются на него. Онъ не знаетъ, какъ отдѣлаться.

Чезаре злится: «всѣ эти глупые рыцарскіе девизы, слащавыя аллегоріи пристали развѣ какому-нибудь придворному блюдолизу, а не такому художнику, какъ Леонардо. Срамъ!» Но я думаю, что онъ неправъ. Учитель вовсе не помышляетъ о лести. Аллегоріями забавляется онъ точно также, какъ игрою въ загадки и математическими истинами, божественной улыбкою Маріи Дѣвы и узоромъ изъ веревочныхъ узловъ.

* * *

Леонардо задумалъ и давно уже началъ, но, по своему обыкновенію, не кончилъ, и Богъ вѣсть, когда кончитъ, *Книгу о живописи*—Trattato della Pittura. Въ послѣднее время онъ со мною много занимался воздушною и линейной перспективою, свѣтомъ и тѣнью, приводилъ изъ книги выдержки и отдѣльныя мысли объ искусствѣ. Я записываю здѣсь то, что помню.

Господь да наградитъ учителя за любовь и мудрость, съ коими руководствуетъ онъ меня на всѣхъ высокихъ путяхъ этой благороднѣйшей науки. Пусть же тѣ, кому попадутся въ руки эти листки, помянутъ въ молитвѣ душу смиреннаго раба Божьяго, недостойнаго ученика Джіованни Бельтраффіо и душу великаго мастера, флорентинца Леонардо да Винчи.

* * *

Учитель говоритъ: «все прекрасное умираетъ въ человѣкѣ, но не въ искусствѣ. Cosa bella mortal passa e non d'arte».

* * *

«Тотъ, кто презираетъ живопись, презираетъ философское и утонченное созерцаніе міра — filosofica e sottile speculazione, ибо живопись есть законная дочь или, лучше сказать, внучка природы. Все, что есть, родилось отъ природы, и родило въ свою очередь науку о живописи. Вотъ почему говорю я, что живопись—внучка природы и родственница Бога—parente d'Iddio. Кто хулитъ живопись, тотъ хулитъ природу. Chi biasima la pittura, biasima la natura».

* * *

«Живописецъ долженъ быть всеобъемлющъ. Il pittore debbe cercare d'essere universale. О, художникъ, твое разнообразіе да будетъ столь же безконечно, какъ явленія природы. Продолжая то, что началъ Богъ, стремись умножить не дѣла рукъ человѣческихъ, но вѣчныя созданія Бога. Никому никогда не подражай. Пусть будетъ каждое твое произведеніе, какъ бы новымъ явленіемъ природы».

* * *

«Для того, кто владѣетъ первыми, общими законами естественныхъ явленій, для того, кто *знаетъ*, — легко быть всеобъемлющимъ, ибо по строенію своему всѣ тѣла, какъ человѣка, такъ и животныхъ, сходствуютъ».

* * *

«Берегись, чтобы алчность къ пріобрѣтенію золота не заглушила въ тебѣ любви къ искусству. Помни, что пріобрѣтеніе славы есть нѣчто большее, чѣмъ слава пріобрѣтенія. Память о богатыхъ погибаетъ вмѣстѣ съ ними, память о мудрыхъ никогда не исчезнетъ, ибо мудрость и наука суть законныя дѣти своихъ родителей, а не побочныя, какъ деньги. Люби славу и не бойся бѣдности. Подумай, какъ много великихъ философовъ, рожденныхъ въ богатствѣ, обрекали себя на добровольную нищету, дабы не осквернить души своей богатствомъ».

* * *

«Наука молодитъ душу, уменьшаетъ горечь старости. Собирай же мудрость, собирай сладкую пищу для старости».

* * *

«Я знаю такихъ живописцевъ, которые безстыдно, на потѣху черни, размалевываютъ картины свои золотомъ и лазурью, утверждая съ высокомѣрною наглостью, что могли бы работать не хуже другихъ мастеровъ, если-бы имъ больше платили. О, глупцы! Кто же мѣшаетъ имъ сдѣлать что нибудь прекрасное и объявить, — вотъ эта картина въ такую-то цѣну, эта дешевле, а эта совсѣмъ рыночная,—доказавъ такимъ образомъ, что они умѣютъ работать на всякую цѣну».

* * *

«Нерѣдко алчность къ деньгамъ унижаетъ и хорошихъ мастеровъ до ремесла. Такъ, мой землякъ и товарищъ, флорентинецъ Перуджино дошелъ до такой поспѣшности въ исполненіи заказовъ, что однажды отвѣтилъ съ подмостокъ женѣ своей, которая звала его обѣдать: «подавай супъ, а я пока напишу еще одного святого».

* * *

«Малаго достигаетъ художникъ, не сомнѣвающійся. Благо тебѣ, если твое произведеніе—выше, плохо, если оно, наравнѣ, но величайшее бѣдствіе, если оно ниже, чѣмъ ты его цѣнишь, что бываетъ съ тѣми, кто удивляется, какъ это Богъ ему помогъ сдѣлать такъ хорошо».

* * *

«Терпѣливо выслушивай мнѣнія всѣхъ о твоей картинѣ, взвѣшивай и разсуждай, правы ли тѣ, кто укоряютъ тебя и находятъ ошибки, если да,—исправь, если нѣтъ—сдѣлай видъ, не слышалъ, и только людямъ, достойнымъ вниманія, доказывай, что они ошибаются».

«Сужденіе врага нерѣдко—правдивѣе и полезнѣе, чѣмъ сужденіе друга. Ненависть въ людяхъ почти всегда глубже любви. Взоръ ненавидящаго проницательнѣе взора любящаго. Истинный другъ—все равно, что ты самъ. Врагъ не похожъ на тебя,—вотъ, въ чемъ сила его. Ненависть освѣщаетъ многое, скрытое отъ любви. Помни это и не презирай хулы враговъ».

* * *

«Яркія краски плѣняютъ толпу. Но истинный художникъ не толпѣ угождаетъ, а избраннымъ. Гордость и цѣль его—не въ блистающихъ краскахъ, а въ томъ, чтобы совершилось въ картинѣ подобное чуду: чтобы тѣнь и свѣтъ дѣлали въ ней плоское выпуклымъ. Кто, презирая тѣнь, жертвуетъ ею для красокъ,—похожъ на болтуна, который жертвуетъ смысломъ рѣчи для пустыхъ и громкихъ словъ».

* * *

«Больше всего берегись грубыхъ, рѣзкихъ очертаній. Да будутъ края твоихъ тѣней на молодомъ и нѣжномъ тѣлѣ не мертвыми, не каменными, но легкими, неуловимыми и прозрачными, какъ воздухъ, ибо само тѣло человѣческое прозрачно, въ чемъ можешь убѣдиться, если черезъ пальцы посмотришь на солнце. Слишкомъ яркій свѣтъ не даетъ прекрасныхъ тѣней. Бойся яркаго свѣта. Въ сумерки, или въ туманные дни, когда солнце—въ облакахъ, замѣть,—какая нѣжность и прелесть на лицахъ мужчинъ и женщинъ, проходящихъ по тѣнистымъ улицамъ между темными стѣнами домовъ,—quanta gratia e dolcezza si vede in loro. Это самый совершенный свѣтъ. Пусть же тѣнь твоя, мало-по-малу исчезая въ свѣтѣ, таетъ, какъ дымъ, какъ звуки тихой музыки. Помни: между свѣтомъ и мракомъ есть нѣчто среднее, двойственное, одинаково причастное тому и другому, какъ бы свѣтлая тѣнь или темный свѣтъ. Ищи его, художникъ,—въ немъ тайна плѣнительной прелести!»

Такъ онъ сказалъ и, поднявъ руку, какъ бы желая запечатлѣть эти слова въ нашей памяти, повторилъ съ неизъяснимымъ выраженіемъ:

— Берегитесь грубаго и рѣзкаго. Пусть тѣни ваши таютъ, какъ дымъ, какъ звуки дальней музыки.

Чезаре, внимательно слушавшій, усмѣхнулся, поднялъ глаза на Леонардо и что-то хотѣлъ возразить, но промолчалъ.

* * *

Спустя немного, говоря уже о другомъ, учитель сказалъ:

— Ложь такъ презрѣнна, что, превознося величіе Бога, унижаетъ Его, истина такъ прекрасна, что, восхваляя самыя малыя вещи, облагораживаетъ ихъ. É di tanta vilipendia la bugia, che s'ella dicesse bene

già cose di Dio, ella toglie gratia a sua deità, ed è di tanta eccelentia la verità, che s'ella laudasse cose minime, elle si fanno nobili. Между истиной и ложью—такая же разница, какъ между мракомъ и свѣтомъ.

Чезаре, что-то вспомнивъ, посмотрѣлъ на него испытующимъ взоромъ.

— Такая же разница, какъ между мракомъ и свѣтомъ?—повторилъ онъ.—Но не вы ли сами, учитель, только что утверждали, что между мракомъ и свѣтомъ есть нѣчто среднее, двойственное, одинаково причастное и тому, и другому,—какъ бы свѣтлая тѣнь или темный свѣтъ? Значитъ,—и между истиной и ложью... но, нѣтъ, этого быть не можетъ... Право же, мастеръ, ваше сравненіе въ умѣ моемъ порождаетъ великій соблазнъ, ибо художникъ, ищущій тайны плѣнительной прелести въ сліяніи тѣни и свѣта, чего добраго, спроситъ, не сливаются-ли истина съ ложью такъ же, какъ свѣтъ и тѣнь...

Леонардо сперва нахмурился, какъ будто былъ удивленъ, даже разгнѣванъ словами ученика, но потомъ разсмѣялся и отвѣтилъ:

— Не искушай меня. Отыде, сатана!

Я ожидалъ другого отвѣта и думаю, что слова Чезаре достойны были бо́льшаго, чѣмъ легкомысленная шутка. По крайней мѣрѣ во мнѣ возбудили они много странныхъ мучительныхъ мыслей.

* * *

Сегодня вечеромъ я видѣлъ, какъ, стоя подъ дождемъ въ тѣсномъ, грязномъ и вонючемъ переулкѣ, внимательно разсматривалъ онъ каменную, повидимому, ничѣмъ не любопытную стѣну съ пятнами сырости. Это продолжалось долго. Мальчишки указывали на него пальцами и смѣялись. Я спросилъ, что онъ нашелъ въ этой стѣнѣ.

— Посмотри, Джіованни,—отвѣтилъ Леонардо,—посмотри, какое великолѣпное чудовище,—химера съ разинутой пастью, а вотъ рядомъ—ангелъ съ нѣжнымъ лицомъ и развѣвающимися локонами, который убѣгаетъ отъ чудовища. Прихоть случая создала здѣсь образы, достойные великаго мастера.

Онъ обвелъ пальцемъ очертанія пятенъ, и въ самомъ дѣлѣ, къ изумленію моему, я увидѣлъ въ нихъ то, о чемъ онъ говорилъ.

— Можетъ быть, многіе сочтутъ это изобрѣтеніе нелѣпымъ,—продолжалъ учитель,—но я, по собственному опыту, знаю, какъ оно полезно для возбужденія ума къ открытіямъ и замысламъ. Нерѣдко на стѣнахъ, въ смѣшеніи разныхъ камней, въ трещинахъ, въ узорахъ плѣсени на стоячей водѣ, въ потухающихъ угляхъ, подернутыхъ пепломъ, въ очертаніяхъ облаковъ случалось мнѣ находить подобіе прекраснѣйшихъ мѣстностей съ горами, скалами, рѣками, долинами и деревьями, также чудесныя битвы, странныя лица, полныя неизъяснимой прелестью, любопытныхъ дьяволовъ, чудовищъ и многіе другіе удивительные образы. Я выбиралъ изъ нихъ то, что нужно, и доканчивалъ. Такъ, вслушиваясь въ дальній звонъ колоколовъ, ты можешь въ ихъ

смѣшанномъ гулѣ найти по желанію всякое имя и слово, о которомъ думаешь.

* * *

Сегодня сравнивалъ онъ морщины, образуемыя мускулами лица во время плача и смѣха. Въ глазахъ, во рту, въ щекахъ нѣтъ никакого различія. Только брови плачущій, подымая вверхъ, соединяетъ, лобъ собирается въ складки, и углы рта опускаются, между тѣмъ, какъ смѣющійся широко раздвигаетъ брови и подымаетъ углы рта.

Въ заключеніе сказалъ онъ:

— Старайся быть спокойнымъ зрителемъ того, какъ люди смѣются и плачутъ, ненавидятъ и любятъ, блѣднѣютъ отъ ужаса и кричатъ отъ боли,—смотри, учись, изслѣдуй, наблюдай, чтобы познать выраженіе всѣхъ человѣческихъ чувствъ.

Чезаре сказывалъ мнѣ, что мастеръ любитъ провожать осужденныхъ на смертную казнь, наблюдая въ ихъ лицахъ всѣ степени муки и ужаса, возбуждая въ самихъ палачахъ удивленіе своимъ любопытствомъ, слѣдя за послѣдними содроганіями мускуловъ, когда несчастные умираютъ.

— Ты и представить себѣ не можешь, Джіованни, что это за человѣкъ!—прибавилъ Чезаре съ горькой усмѣшкой,—Червяка подыметъ съ дороги и посадитъ на листикъ, чтобы не раздавить ногой,—а когда найдетъ на него такой стихъ,—кажется, если бы родная мать плакала, онъ только наблюдалъ бы, какъ сдвигаются брови, морщится кожа на лбу, и опускаются углы рта.

* * *

Леонардо сказалъ: «учись у глухонѣмыхъ выразительнымъ движеніямъ».

* * *

«Когда ты наблюдаешь людей, старайся, чтобы они не замѣчали, что ты смотришь на нихъ: тогда ихъ движенія, ихъ смѣхъ и плачъ естественнѣе».

* * *

«Разнообразіе человѣческихъ движеній такъ же безпредѣльно, какъ разнообразіе человѣческихъ чувствъ. Высшая цѣль художника заключается въ томъ, чтобы выразить въ лицѣ и въ движеніяхъ тѣла страсть души—*la passione del animo*»,

«Помни,—въ лицахъ, тобою изображаемыхъ, должна быть такая сила чувства, чтобы зрителю казалось, что картина твоя можетъ заставить мертвыхъ смѣяться и плакать».

«Когда художникъ изображаетъ что-нибудь страшное, скорбное или смѣшное,—чувство, испытываемое зрителемъ, должно побуждать его къ такимъ тѣлодвиженіямъ, чтобы казалось, будто бы онъ самъ принимаетъ участіе въ изображенныхъ дѣйствіяхъ. Если же это не достигнуто,—знай, художникъ, что всѣ твои усилія тщетны».

* * *

«Мастеръ, у котораго руки узловатыя, костлявыя, охотно изображаетъ людей съ такими же узловатыми, костлявыми руками, и это повторяется для каждой части тѣла, ибо всякому человѣку нравятся лица и тѣла, сходныя съ его собственнымъ лицомъ и тѣломъ. Вотъ почему, если художникъ некрасивъ,—онъ выбираетъ для своихъ изображеній лица тоже некрасивыя и наоборотъ. Берегись, чтобы женщины и мужчины, тобой изображаемые, не казались сестрами и братьями-близнецами ни по красотѣ, ни по уродству,—недостатокъ, свойственный многимъ итальянскихъ художникамъ. Ибо въ живописи нѣтъ болѣе опасной и предательской ошибки, какъ подражаніе собственному тѣлу. Я думаю, что это происходитъ оттого, что душа есть художница своего тѣла. Нѣкогда создала она и вылѣпила его по образу и подобію своему. И теперь, когда опять ей нужно, при помощи кисти и красокъ, создать новое тѣло, всего охотнѣе повторяетъ она образъ, въ который уже разъ воплотилась».

* * *

«Заботься о томъ, чтобы произведеніе твое не отталкивало зрителя, какъ человѣка, только-что вставшаго съ постели—холодный зимній воздухъ, а привлекало бы и плѣняло душу его, подобно тому, какъ спящаго изъ постели выманиваетъ пріятная свѣжесть лѣтняго утра».

* * *

Вотъ исторія живописи, разсказанная учителемъ въ немногихъ словахъ:

«Послѣ римлянъ, когда живописцы стали подражать другъ другу искусство пришло въ упадокъ, длившійся много вѣковъ. Но явился Джіотто флорентинецъ, который, не довольствуясь подражаніемъ учителю своему, Чимабуэ, рожденный въ горахъ и пустыняхъ, обитаемыхъ лишь козами и другими подобными животными, и будучи побуждаемъ природою къ искусству, началъ рисовать на камняхъ движенія козъ, которыхъ онъ пасъ, и всѣхъ животныхъ, которыя обитали въ странѣ его, и, наконецъ, посредствомъ долгой науки, превзошелъ не только всѣхъ учителей своего времени, но и многихъ прошлыхъ вѣковъ. Послѣ Джіотто искусство живописи снова пришло въ упадокъ, потомучто каждый сталъ подражать готовымъ образцамъ. Это продолжалось цѣлыя столѣтія, пока Томазо флорентинецъ, по прозвищу Мазаччіо, не доказалъ своими совершенными созданіями, до какой степени даромъ тратятъ свои силы тѣ, кто беретъ за образецъ что бы то ни было, кромѣ самой природы,—учительницы всѣхъ учителей».

* * *

«Первымъ произведеніемъ живописи была черта, обведенная вокругъ тѣни человѣка, брошенной солнцемъ на стѣну».

* * *

Сегодня, говоря о томъ, какъ слѣдуетъ художнику сочинять замыслы картинъ, учитель разсказалъ намъ для примѣра задуманное имъ изображеніе потопа.

Пучины и водовороты, озаренные молніями. Вѣтви громадныхъ дубовъ, съ людьми, прицѣпившимися къ нимъ, уносимыя смерчемъ. Воды, усѣянныя обломками домашней утвари, на которыхъ спасаются люди. Стада четвероногихъ, окруженныя водою — на высокихъ плоскогоріяхъ,—одни кладутъ ноги на спины другимъ, давятъ и топчутъ другъ друга. Въ толпѣ людей, защищающихъ, съ оружіемъ въ рукахъ, послѣдній клочекъ земли отъ хищныхъ звѣрей, одни ломаютъ руки, кусаютъ и грызутъ ихъ, такъ что кровь течетъ, другіе затыкаютъ уши, чтобъ не слышать грохота громовъ, или же, не довольствуясь тѣмъ, что закрыли глаза, кладутъ еще руку на руку, прижимая ихъ къ вѣкамъ, чтобы не видѣть грозящей смерти. Иные убиваютъ себя, удушаясь, закалываясь мечами, бросаясь въ пучину съ утесовъ, и матери, проклиная Бога, хватаютъ дѣтей своихъ, чтобы размозжить имъ голову о камни. Разложившіеся трупы покидаютъ глубину и всплываютъ на поверхность воды, сталкиваясь среди волнъ, и, ударяя другъ друга, какъ мячики, надутые воздухомъ,—отскакиваютъ. Птицы садятся на нихъ или, въ изнеможеніи падая, опускаются на живыхъ людей и звѣрей, не находя другого мѣста для отдыха.

Отъ Салаино и Марко узналъ я, что Леонардо въ теченіе многихъ лѣтъ разспрашиваетъ путешественниковъ и всѣхъ, кто когда-либо видѣлъ смерчи, наводненія, ураганы, обвалы, землетрясенія, — узнавая точныя подробности, терпѣливо, какъ ученый, собирая черту за чертой, наблюденіе за наблюденіемъ, чтобы составить замыселъ картины, который, быть можетъ, никогда не исполнитъ. Помню, слушая разсказъ о потопѣ, я испытывалъ то же, что бывало при видѣ дьявольскихъ рожъ и сверхъестественныхъ чудовищъ въ рисункахъ его,—ужасъ, который притягиваетъ, какъ бездна.

И вотъ еще, что меня удивило: разсказывая страшный замыселъ, самъ художникъ казался спокойнымъ и безучастнымъ.

Говоря о блескахъ молній, отражаемыхъ водою, онъ замѣтилъ: «ихъ должно быть больше на дальнихъ, меньше—на ближнихъ къ зрителю волнахъ, какъ того требуетъ законъ отраженія свѣта на гладкихъ поверхностяхъ».

Говоря о мертвыхъ тѣлахъ, которыя сталкиваются и отскакиваютъ другъ отъ друга въ водоворотахъ, онъ прибавилъ: «изображая всѣ эти удары и столкновенія,—не забывай закона механики, по которому уголъ паденія равенъ углу отраженія».

Я невольно улыбнулся и подумалъ: «вотъ онъ весь—въ этомъ напоминаніи!»

* * *

Учитель сказалъ:

— Не опытъ, отецъ всѣхъ искусствъ и наукъ, обманываетъ людей, а воображеніе, которое обѣщаетъ имъ то, чего опытъ дать не можетъ. Невиненъ опытъ, но наши суетныя и безумныя желанія преступны.

Отличая ложь отъ истины, опытъ учитъ стремиться къ возможному и не надѣяться, по незнанію, на то, чего достигнуть нельзя, чтобы не пришлось тебѣ, обманувшись въ надеждѣ, предаться отчаянію.

Когда мы остались наединѣ, Чезаре напомнилъ мнѣ эти слова и сказалъ, брезгливо поморщившись:

— Опять ложь и притворство!..

— Въ чемъ же теперь-то солгалъ онъ, Чезаре? — спросилъ я съ удивленіемъ.—Мнѣ кажется, что учитель...

— Не стремиться къ невозможному, не желать недостижимаго! — продолжалъ онъ, не слушая меня.—Чего добраго, кто-нибудь повѣритъ ему на слово. Только, нѣтъ, не на такихъ дураковъ напалъ. Не ему бы говорить, не мнѣ бы слушать! Я его насквозь вижу..

— Что же ты видишь, Чезаре?

— А то что самъ онъ всю жизнь только и стремился къ невозможному, только и желалъ недостижимаго. Ну, скажи на милость: изобрѣтать такія машины, чтобы люди какъ птицы летали по воздуху, какъ рыбы подъ водою плавали,—развѣ это не значитъ стремиться къ невозможному? А ужасъ Потопа, а небывалыя чудовища въ пятнахъ сырости, въ облакахъ, небывалая прелесть божественныхъ лицъ, подобныхъ ангельскимъ видѣніямъ,—откуда онъ все это беретъ,—ужели изъ опыта, изъ математической таблички носовъ и ложечки для измѣренія красокъ?.. Зачѣмъ же обманываетъ онъ себя и другихъ, зачѣмъ лжетъ? Механика нужна ему для чуда,—чтобы на крыльяхъ взлетѣть къ небесамъ, чтобы владѣя силами естественными, устремить ихъ къ тому, что сверхъ и противъ естества человѣческаго, сверхъ и противъ законовъ природы,—все равно къ Богу или къ дьяволу, только бы къ неиспытанному, къ невозможному! Ибо вѣрить-то онъ, пожалуй, не вѣритъ, но любопытствуетъ,—чѣмъ меньше вѣритъ, тѣмъ больше любопытствуетъ,—это въ немъ, какъ похоть неугасимая, какъ уголь раскаленный, котораго нельзя ничѣмъ залить—никакимъ знаніемъ, никакимъ опытомъ!..

Слова Чезаре наполнили душу мою смятеніемъ и страхомъ. Всѣ эти послѣдніе дни я думаю о нихъ. Хочу и не могу забыть.

Сегодня, какъ-будто отвѣчая на мои сомнѣнія, учитель сказалъ:

— Малое знаніе даетъ людямъ гордость, великое—даетъ смиреніе. Такъ пустые колосья подымаютъ къ небу надменныя головы, а полные зерномъ склоняютъ ихъ долу къ землѣ, своей матери.

— Какъ же, учитель,—возразилъ Чезаре со своей обыкновенной язвительно-испытующей усмѣшкой,—какъ же говорятъ, будто бы великое знаніе, которымъ обладалъ свѣтлѣйшій изъ херувимовъ, Люциферъ, внушило ему не смиреніе, а гордыню за которую онъ и былъ низвергнутъ въ преисподнюю?

Леонардо ничего не отвѣтилъ, но, немного помолчавъ, разсказалъ намъ басню:

«Однажды капля водяная задумала подняться къ небу. При помощи огня взлетѣла она тонкимъ паромъ. Но, достигнувъ высоты, встрѣтила разрѣженный, холодный воздухъ, сжалась, отяжелѣла,—и гордость ея превратилась въ ужасъ. Капля упала дождемъ. Сухая земля выпила ее, и долго вода, заключенная въ подземной темницѣ, должна была каяться въ грѣхѣ своемъ».

Учитель больше ничего не прибавилъ, но я понялъ значеніе басни.

* * *

Кажется, чѣмъ больше съ нимъ живешь, тѣмъ меньше знаешь его.

Сегодня опять забавлялся, какъ мальчикъ. И что за странныя шутки! Сидѣлъ я вечеромъ у себя наверху, читалъ передъ сномъ любимую свою книгу «Fioretti di S. Francesco». Вдругъ по всему дому раздался вопль нашей стряпухи, доброй и вѣрной Матурины:

— Пожаръ! Пожаръ! Помогите! Горимъ!

Я бросился внизъ и перетрусилъ, увидѣвъ густой бѣлый дымъ, наполнявшій мастерскую Леонардо. Озаряемый отблескомъ, голубого пламени, подобнаго молніи, учитель стоялъ въ облакахъ дыма, какъ нѣкій древній магъ, и съ веселой, лукавой улыбкой, смотрѣлъ на Матурину, блѣдную отъ ужаса, махавшую руками, и на Марко, который успѣлъ прибѣжать съ двумя ведрами воды и вылилъ бы ихъ на столъ, не щадя ни рисунковъ, ни рукописей, если бы учитель не остановилъ его, крикнувъ, что все это—шутка. Тогда мы увидѣли, что дымъ и голубое пламя подымались отъ бѣлаго порошка съ ладаномъ и колофоніемъ на раскаленной мѣдной сковородкѣ, состава, изобрѣтеннаго имъ для устройства увеселительныхъ игрушечныхъ пожаровъ. Не знаю, кто былъ въ большемъ восторгѣ отъ шалости—неизмѣнный товарищъ всѣхъ его игръ, маленькій плутъ Джьякопо, или самъ Леонардо. Какъ смѣялся онъ надъ страхомъ Матурины и надъ спасительными ведрами Марко! Видитъ Богъ, кто такъ смѣется—не можетъ быть злымъ человѣкомъ. Неправду говоритъ о немъ Чезаре.

Но, среди веселья и хохота, не преминулъ Леонардо записать сдѣланное имъ на лицѣ Матурины наблюденіе надъ складками кожи и морщинами, которыя производитъ ужасъ въ человѣческихъ лицахъ.

* * *

Почти никогда не говоритъ онъ о женщинахъ. Только разъ сказалъ, что люди поступаютъ съ ними такъ же беззаконно, какъ съ животными. Впрочемъ, надъ модною платоническою любовью смѣется. Одному влюбленному юношѣ, который читалъ слезливый сонетъ во вкусѣ Петрарки, Леонардо отвѣтилъ тремя, должно быть, единственными сочиненными имъ стихами, ибо онъ весьма плохой стихотворецъ:

S'el Petrarcha amò si forte il lauro,—
E perchè gli è bon fralla salscicia e tordo.
I'non posso di lor ciancie far tesauro.

«Ежели Петрарка такъ сильно любилъ Лавръ—Лауру,—это, вѣроятно, потому, что лавровый листъ—хорошая приправа къ сосискамъ и жаренымъ дроздамъ. Я же не могу благоговѣть передъ такими глупостями».

Чезаре увѣряетъ, что въ теченіе всей своей жизни Леонардо такъ занятъ былъ механикой и геометріей, что не имѣлъ времени любить женщинъ, но что, впрочемъ, онъ едва ли совершенный дѣвственникъ, ибо, ужъ конечно, долженъ былъ, хотя бы разъ, любить женщину, не какъ обыкновенные смертные, а изъ любопытства, для научныхъ наблюденій, изслѣдуя таинство любви такъ же безстрастно, съ математической точностью, какъ всѣ другія естественныя явленія природы.

* * *

Мнѣ кажется порою, что не слѣдовало бы мнѣ никогда говорить съ Чезаре о Леонардо. Мы точно подслушиваемъ, подсматриваемъ за нимъ, какъ шпіоны. Чезаре каждый разъ испытываетъ злую радость, когда удается ему бросить новую тѣнь на учителя. И что ему нужно отъ меня, зачѣмъ отравляетъ онъ душу мою? Мы теперь часто ходимъ въ маленькій, скверный кабачокъ у рѣчной Катаранской таможни, за Верчельскою Заставою. Цѣлыми часами, за полбрентой дешеваго, кислаго вина бесѣдуемъ подъ ругань лодочниковъ, играющихъ въ засаленныя карты, и совѣщаемся, какъ предатели.

Сегодня Чезаре спросилъ меня, знаю ли я, что во Флоренціи Леонардо былъ обвиненъ въ развратѣ. Я ушамъ своимъ не повѣрилъ, подумалъ, что Чезаре пьянъ или бредитъ. Но онъ мнѣ все подробно и точно объяснилъ.

Въ 1476 году,—Леонардо было въ то время 24 года, а его учителю, знаменитому флорентинскому мастеру Андрэа Вероккіо 40 лѣтъ,—безымянный доносъ на Леонардо и Вероккіо съ обвиненіемъ въ развратной жизни опущенъ былъ въ одинъ изъ тѣхъ круглыхъ деревянныхъ ящиковъ, называемыхъ «барабанами» — tamburi, которые вывѣшиваются на колоннахъ въ главныхъ флорентинскихъ церквахъ, преимущественно въ соборѣ Маріи дель Фіоре 9-го апрѣля того же года Ночные и Монастырскіе Надзиратели—Uffi, ciali di Notte e Monasteri—разобрали дѣло и оправдали обвиненныхъ, но подъ условіемъ, чтобы доносъ повторился—assoluti cum conditione, ut retamburentur,—а послѣ новаго обвиненія, 9-го іюня Леонардо и Вероккіо были окончательно оправданы. Болѣе никому ничего неизвѣстно. Вскорѣ послѣ того Леонардо, навсегда покинувъ мастерскую Вероккіо и Флоренцію, переселился въ Миланъ.

— О, конечно, это гнусная клевета!—прибавилъ Чезаре съ насмѣшливой искрой въ глазахъ.—Хотя ты еще не знаешь, другъ мой Джіованни, какими противорѣчіями полно его сердце. Это, видишь ли, такой лабиринтъ, въ которомъ самъ чортъ ногу сломаетъ. Всякихъ за-

гадокъ и тайнъ не оберешься! Съ одной стороны, пожалуй, правда,— какъ будто бы и дѣвственникъ, ну а съ другой...

Я вскочилъ, должно быть, поблѣднѣлъ, потому что вдругъ почувствовалъ, какъ вся кровь прилила къ моему сердцу, и воскликнулъ:

— Какъ ты смѣешь, какъ ты смѣешь, подлый человѣкъ!..

— О чемъ ты? Помилуй... Ну, ну, не буду! Успокойся. Да и я не думалъ, что ты этому придаешь такое значеніе...

— Чему придаю значеніе? Чему? Говори, говори все. Не лукавь, не виляй!..

— Э, вздоръ! Зачѣмъ горячиться? Стоитъ ли такимъ друзьямъ, какъ мы, ссориться изъ-за пустяковъ? Выпьемъ-ка за твое здоровье, In vino veritas!

И мы пили, и продолжали этотъ разговоръ.

Нѣтъ, нѣтъ, довольно!.. Забыть скорѣе! Кончено. Не буду я больше никогда говорить съ нимъ объ учителѣ. Онъ — врагъ не только ему, но и мнѣ. Онъ—злой человѣкъ.

Гадко мнѣ,—не знаю, отъ вина ли выпитаго въ проклятомъ кабачкѣ, или оттого, что мы тамъ говорили. Стыдно подумать, какую подлую радость могутъ находить люди, унижая великаго.

* * *

Учитель сказалъ:

— Художникъ, сила твоя — въ одиночествѣ. Когда ты одинъ, ты весь принадлежишь себѣ — se tu sarai solo, tu sarai tutto tuo когда же ты хотя бы съ однимъ товарищемъ, ты себѣ принадлежишь только на половину—или еще менѣе, сообразно съ нескромностью друга. Имѣя нѣсколько друзей, ты еще глубже впадешь въ то же бѣдствіе. И если ты скажешь: я отойду отъ васъ и буду одинъ, чтобы свободнѣе предаваться созерцанію природы—я говорю тебѣ,— это едва ли удастся, потому что ты не будешь въ силахъ не развлекаться, не прислушиваться къ болтовнѣ. Дѣйствуя такъ, ты будешь плохимъ товарищемъ и еще худшимъ работникомъ, ибо никто не можетъ служить двумъ господамъ. И если ты возразишь: я отойду такъ далеко, чтобы вовсе не слышать ихъ разговора,—я скажу тебѣ, что они сочтутъ тебя за сумасшедшаго, — и все-таки ты останешься одинъ. Но, если ты непремѣнно хочешь имѣть друзей, пусть это будутъ живописцы и ученики твоей мастерской. Всякая иная дружба опасна. Помни, художникъ, сила твоя—въ одиночествѣ.

* * *

Теперь я понимаю, почему Леонардо удаляется отъ женщинъ. Для великаго созерцанія нужна ему великая тишина и свобода.

* * *

Андрэа Салаино иногда горько жалуется на скуку, на нашу трудовую, однообразную и уединенную жизнь, увѣряя, что ученики другихъ мастеровъ живутъ куда веселѣе. Какъ молодая дѣвушка, любитъ онъ

обновки и горюетъ, что показывать ихъ некому. Ему хотѣлось бы праздниковъ, шума, блеска, толпы и влюбленныхъ взоровъ.

Сегодня учитель, выслушавъ упреки и жалобы своего баловня, обычнымъ движеніемъ руки началъ гладить его длинные, мягкіе локоны и отвѣтилъ ему съ доброй усмѣшкой:

— Не горюй, мальчикъ. Я обѣщаю тебя взять на слѣдующій праздникъ въ Замокъ. А теперь, хочешь, разскажу я тебѣ басенку?

— Да, да, разскажите, учитель! Вы такъ давно не разсказывали!— обрадовался Андрэа, какъ дитя, и, приготовляясь внимательно слушать, сѣлъ у ногъ Леонардо.

— На высокомъ мѣстѣ надъ большою дорогою,—такъ началъ мастеръ,—тамъ, гдѣ кончался оградою садъ, лежалъ камень, окруженный, деревьями, мохомъ, цвѣтами и травами. Однажды, когда онъ увидѣлъ множество камней внизу на большой дорогѣ, захотѣлось ему къ нимъ и сказалъ онъ себѣ: «какая мнѣ радость въ этихъ изнѣженныхъ недолговѣчныхъ цвѣтахъ и травахъ. Я желалъ бы жить среди ближнихъ и братьевъ моихъ, среди себѣ подобныхъ камней!» И камень скатился на большую дорогу къ тѣмъ, кого называлъ онъ своими ближними и братьями. Но здѣсь колеса тяжелыхъ повозокъ стали давить его, копыта ословъ, муловъ и гвоздями подкованные сапоги прохожихъ—топтать. Когда же порою удавалось ему немного подняться, и онъ мечталъ вздохнуть свободнѣе, липкая грязь или калъ животныхъ покрывали его. Печально смотрѣлъ онъ на прежнее мѣсто, свое уединенное убѣжище въ саду, и оно казалось ему раемъ. Такъ бываетъ съ тѣми, Андрэа, кто покидаетъ тихое созерцаніе и погружается въ страсти толпы, полныя вѣчнаго зла.

* * *

Учитель не позволяетъ, чтобы причиняли какой либо вредъ живымъ тварямъ, даже растеніямъ. Механикъ Зороастро да Перетола разсказывалъ мнѣ, что Леонардо съ юныхъ лѣтъ не вкушаетъ отъ мяса и говоритъ, что наступитъ время, когда всѣ люди, подобно ему, будутъ довольствоваться растительною пищею, полагая убійство животныхъ столь же преступнымъ, какъ убійство человѣка.

Проходя однажды мимо мясной лавки на Мэркато-Ново и съ отвращеніемъ указывая на туши телятъ, овецъ, быковъ и свиней на распоркахъ,—онъ сказалъ мнѣ:

— Да, воистину человѣкъ есть царь животныхъ, или лучше сказать—царь звѣрей—re delle bestie, потому что звѣрство его величайшее.

И помолчавъ, прибавилъ съ тихою, глубокою грустью:

— Facciamo nostra vita coll'altrui morta! Мы дѣлаемъ нашу жизнь изъ чужихъ смертей! Люди и звѣри суть вѣчныя пристанища мертвецовъ—albergo de morti, могилы одинъ для другого...

— Таковъ законъ природы, чью благость и мудрость вы же сами, учитель, такъ прославляете!—возразилъ Чезаре.—Я удивляюсь, зачѣмъ

воздержаніемъ отъ мяса нарушаете вы этотъ естественный законъ, повелѣвающій всѣмъ тварямъ пожирать другъ друга.

Леонардо посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ задумчиво:

— Природа, находя безконечную радость въ изобрѣтеніи новыхъ формъ, въ созиданіи новыхъ жизней и производя ихъ съ большею скоростью, чѣмъ время можетъ истребить, устроила такъ, чтобы одни твари, питаясь другими, очищали мѣсто для грядущихъ поколѣній. Вотъ почему нерѣдко посылаетъ она заразы и повѣтрія туда, гдѣ чрезмѣрно размножились твари, въ особенности люди, у которыхъ избытокъ рожденій не уравновѣшенъ смертями, ибо остальные не пожираютъ ихъ.

Такъ Леонардо, хотя съ великимъ спокойствіемъ разума объясняетъ естественные законы природы, не возмущаясь противъ нихъ и не сѣтуя, самъ поступаетъ по иному закону, воздерживаясь отъ употребленія въ пищу всего, что имѣетъ въ себѣ дыханіе и жизнь.

* * *

Вчера ночью долго читалъ я книгу, съ которой никогда не разстаюсь,—«Маленькіе Цвѣты св. Франциска»—«Fioretti di S. Erancesco» Францискъ такъ же, какъ Леонардо, миловалъ тварей. Иногда, вмѣсто молитвы, прославляя мудрость Божью, цѣлыми часами на пчельникѣ среди ульевъ наблюдалъ онъ, какъ пчелы лѣпятъ восковыя кельи и наполняютъ ихъ медомъ. Однажды на пустынной горѣ проповѣдовалъ птицамъ слово Господне. Онѣ сидѣли у ногъ его рядами и слушали. Когда же онъ кончилъ, встрепенулись, захлопали крыльями, защебетали и, открывая клювы, начали ласкаться головками о ризы Франциска, какъ бы желая сказать ему, что поняли проповѣдь. Онъ благословилъ ихъ, и онѣ улетѣли въ небо съ радостнымъ крикомъ.

Долго читалъ я. Потомъ уснулъ. Казалось, этотъ сонъ былъ полонъ тихимъ вѣяніемъ голубиныхъ крылъ.

Я проснулся рано. Солнце только что встало. Всѣ въ домѣ еще спали. Я пошелъ на дворъ, чтобы умыться холодною водою изъ колодезя. Было тихо. Звукъ дальнихъ колоколовъ походилъ на жужжаніе пчелъ надъ цвѣтами. Пахло дымной свѣжестью. Вдругъ услышалъ я, какъ бы изъ сна моего, трепетаніе безчисленныхъ крылъ. Я поднялъ глаза и увидѣлъ мессера Леонардо на лѣстницѣ высокой голубятни.

Съ волосами, пронизанными солнцемъ, окружавшими голову его, какъ золотое сіяніе, стоялъ онъ въ небесахъ, одинокій и радостный. Стая бѣлыхъ голубей, воркуя, тѣснилась у ногъ его. Они порхали вокругъ него, довѣрчиво садились ему на плечи, на руки, на голову. Онъ ласкалъ ихъ и кормилъ изо рта. Потомъ взмахнулъ руками, точно благословилъ,—и голуби взвились, зашелестѣли шелковымъ шелестомъ крыльевъ, полетѣли, какъ бѣлые хлопья снѣга, тая въ лазури небесъ. Онъ проводилъ ихъ нѣжной улыбкой, и я подумалъ, что Леонардо похожъ на святого Франциска, великаго друга всѣхъ живыхъ тварей,

который называлъ вѣтеръ братомъ своимъ, воду—сестрою, землю—матерью.

* * *

Да проститъ мнѣ Богъ,—опять я не вытерпѣлъ, опять пошли мы съ Чезаре въ проклятый кабачекъ. Я заговорилъ съ нимъ о милосердіи учителя.

— Ужъ не о томъ ли ты, Джіованни, что мессэръ Леонардо мяса не вкушаетъ, Божьими травками питается?

— А если бы и о томъ, Чезаре? Я знаю...

— Ничего ты не знаешь!—перебилъ онъ меня.—Мессэръ Леонардо дѣлаетъ это вовсе не отъ доброты, а только забавляется, какъ и всѣмъ остальнымъ,—чудачитъ, юродствуетъ...

— Какъ юродствуетъ? Что ты говоришь?..

Онъ засмѣялся съ притворною веселостью:

— Ну, ну, хорошо! Спорить не будемъ. А лучше погоди, вотъ ужо, какъ придемъ домой, я покажу тебѣ нѣкоторые любопытные рисунки нашего мастера...

Вернувшись, мы потихоньку, точно воры, прокрались въ мастерскую учителя. Его тамъ не было. Чезаре пошарилъ, вынулъ тетрадь изъ подъ груды книгъ на рабочемъ столѣ и началъ мнѣ показывать рисунки. Я зналъ, что поступаю нехорошо, но не имѣлъ силы противиться и смотрѣлъ съ любопытствомъ.

Это были изображенія гигантскихъ бомбардъ, разрывныхъ ядеръ, многоствольныхъ пушекъ и множества другихъ военныхъ машинъ, исполненныя съ такою же воздушною нѣжностью тѣней и свѣта, какъ лица самыхъ прекрасныхъ изъ его Мадоннъ. Помню, одну бомбу, величиною въ половину локтя, называемою «фрагиликою», устройство которой объяснилъ мнѣ Чезаре: вылита она изъ бронзы, внутренняя полость набита пенькою съ гипсомъ и рыбьимъ клеемъ, шерстяными пострижками, дегтемъ, сѣрою, и на подобіе лабиринта, переплетаются въ ней мѣдныя трубы, обмотанныя крѣпчайшими воловьими жилами, начиненныя порохомъ и пулями. Устья трубъ расположены винтообразно на поверхности бомбы. Черезъ нихъ вылетаетъ огонь при взрывѣ, и фрагилика вертится, прыгаетъ съ неимовѣрной скоростью, какъ исполинскій волчокъ, выхаркивая огненные снопы. Рядомъ, на поляхъ рукою Леонардо было написано: «это—бомба самаго прекраснаго и полезнаго устройства. Зажигается черезъ столько времени послѣ пушечнаго выстрѣла, сколько нужно для того, чтобы прочесть Ave Maria».

— Ave Maria!—повторилъ Чезаре.—Какъ тебѣ это нравится, другъ? Неожиданное употребленіе христіанской молитвы! И затѣйникъ же мессэръ Леонардо! Ave Maria—рядомъ съ эдакимъ чудовищемъ! Чего только не придумаетъ... А кстати, знаешь ли, какъ онъ войну называетъ?

— Какъ?

— Pazzia bestialissima.—Самая звѣрская глупость.—Неправда ли, недурное словечко—въ устахъ изобрѣтателя такихъ машинъ?..

Онъ перевернулъ листъ и показалъ мнѣ изображеніе боевой колесницы съ громадными желѣзными косами. На всемъ скаку врѣзается она во вражье войско. Огромныя, стальныя, серпообразныя, острыя, какъ бритвы, лезвія, подобныя лапамъ исполинскаго паука, вращаясь въ воздухѣ, должно быть, съ пронзительнымъ свистомъ, визгомъ и скрипомъ зубчатыхъ колесъ, разбрасывая клочья мяса и брызги крови, разсѣкаютъ людей пополамъ. Кругомъ валяются отрѣзанныя ноги, руки, головы, разрубленныя туловища.

Помню я также другой рисунокъ: на дворѣ арсенала рои нагихъ работниковъ, похожихъ на демоновъ, подымаютъ громадную пушку съ грозно-зіяющимъ жерломъ, напрягая могучія мышцы въ неимовѣрномъ усиліи, цѣпляясь, упираясь ногами и руками въ рычаги гигантскаго ворота, соединеннаго канатами съ подъемной машиной. Другіе подкатываютъ ось на двухъ колесахъ. Ужасомъ вѣяло на меня отъ этихъ гроздій голыхъ тѣлъ, висящихъ въ воздухѣ. Это казалось оружейною палатою дьяволовъ, кузницею ада.

— Ну что? Правду я тебѣ говорилъ, Джіованни,—молвилъ Чезаре,— прелюбопытные рисуночки? Вотъ онъ, блаженный мужъ, который тварей милуетъ, отъ мяса не вкушаетъ, червяка съ дороги подымаетъ, чтобы прохожіе ногой не растоптали! И то, и другое—вмѣстѣ. Сегодня кромѣшникъ, завтра угодникъ. Янусъ двуликій! Одно лицо—ко Христу, другое—къ Антихристу. Поди, разбери,—какое истинное, какое ложное. Или оба—истинныя?.. И вѣдь все это—съ легкимъ сердцемъ, съ тайной плѣнительной прелести, какъ будто шутя да играя!..

Я слушалъ, молча. Холодъ, подобный холоду смерти, пробѣгалъ у меня по сердцу.

— Что съ тобой, Джіованни?—замѣтилъ Чезаре.—Лица на тебѣ нѣтъ, бѣдненькій! Слишкомъ ты все это къ сердцу принимаешь, другъ мой... Погоди,—стерпится, слюбится. Привыкнешь,—ничему удивляться не будешь, какъ я.—А теперь вернемся-ка въ погребъ Золотой Черепахи да выпьемъ снова...

Dum vivum potamus...
Богу Вакху пропоемъ:
Te Deum laudamus...

Я ничего не отвѣтилъ, закрылъ лицо руками и убѣжалъ отъ него.

* * *

Какъ? Одинъ человѣкъ—и тотъ, кто благословляетъ голубей съ невинной улыбкой, подобно святому Франциску,—и тотъ,—въ кузницѣ ада, изобрѣтатель желѣзнаго чудовища съ окровавленными паучьими лапами,—одинъ человѣкъ!—Нѣтъ, быть этого не можетъ, нельзя этого вынести. Лучше все,—только не это! Лучше—безбожникъ, чѣмъ слуга Бога и дьявола вмѣстѣ, ликъ Христа и Сфорцы-Насильника вмѣстѣ!

* * *

Сегодня Марко д'Оджіоне сказалъ:

— Мессэръ Леонардо, многіе обвиняютъ тебя и насъ, учениковъ твоихъ, въ томъ, что мы слишкомъ рѣдко ходимъ въ церковь и въ праздники работаемъ, какъ въ будни...

— Пусть ханжи говорятъ, что угодно,—отвѣчалъ Леонардо,—да не смущается сердце ваше, друзья мои. Изучать явленія природы—есть Господу угодное дѣло. Это—все равно, что молиться. Познавая законы естественные, мы тѣмъ самымъ прославляемъ перваго Изобрѣтателя, Художника вселенной и учимся любить Его, ибо великая любовь къ Богу проистекаетъ изъ великаго познанія. Кто мало знаетъ, тотъ мало любитъ. Если же ты любишь Творца за милости, которыхъ ждешь отъ Него, а не за высочайшую благость и силу Его,—ты подобенъ псу, который виляетъ хвостомъ и лижетъ хозяину руку въ надеждѣ лакомой подачки. Подумай, насколько бы сильнѣе любилъ песъ господина своего, постигнувъ душу и разумъ его. Помните же, дѣти мои, любовь есть дочь познанія. Любовь—тѣмъ пламеннѣе, чѣмъ познаніе точнѣе. И въ Евангеліи сказано: будьте мудры, какъ зміи, и просты, какъ голуби.

— Можно ли соединить,—возразилъ Чезаре,—мудрость змія съ простотою голубя? Мнѣ кажется, надо выбрать одно изъ двухъ...

— Нѣтъ,—вмѣстѣ!—молвилъ Леонардо.—Вмѣстѣ,—одно безъ другого невозможно. Совершенное знаніе и совершенная любовь—одно и то же.

* * *

Сегодня, читая Апостола Павла, я нашелъ въ восьмой главѣ Перваго Посланія къ Коринѳянамъ слѣдующія слова: «знаніе надмеваетъ, а любовь назидаетъ. Кто думаетъ, что онъ знаетъ что-нибудь, тотъ ничего еще не знаетъ, какъ должно знать. Но кто любитъ Бога, тому дано знаніе отъ Него».

Апостолъ утверждаетъ: познаніе изъ любви, а Леонардо—любовь изъ познанія. Кто правъ? Я этого не могу рѣшить и не могу жить, не рѣшивъ.

* * *

Кажется мнѣ, что я заблудился въ извилинахъ страшнаго лабиринта. Кричу, взываю—и нѣтъ мнѣ отклика. Чѣмъ дальше иду, отыскивая выхода, тѣмъ больше путаюсь. Гдѣ я? Что со мною будетъ ежели и ты меня покидаешь, Господи?

* * *

О, Фра Бенедетто, какъ бы мнѣ хотѣлось вернуться въ твою тихую келью, разсказать тебѣ всю мою муку, припасть къ твоей груди, чтобы ты пожалѣлъ меня, снялъ съ души моей эту тяжесть, отче возлюбленный, овечка моя смиренная, исполнившая Христову заповѣдь: блаженны нищіе духомъ.

Сегодня—новое несчастіе.

Придворный лѣтописецъ, мессэръ Джіорджіо Мэрула и старый

другъ его, поэтъ Бернардо Беллинчіони вели бесѣду наединѣ въ пустынной залѣ дворца. Дѣло происходило послѣ ужина. Мэрула былъ навеселѣ и, по своему обыкновенію, хвастая вольнолюбивыми мечтами, презрѣніемъ къ ничтожнымъ государямъ нашего вѣка, непочтительно отозвался о герцогѣ Моро и, разбирая одинъ изъ сонетовъ Беллинчіони, въ которомъ прославляются благодѣянія, будто бы оказанныя герцогомъ Джіану-Галеаццо,—назвалъ Моро убійцей, отравителемъ законнаго герцога. Благодаря искусству, съ которымъ устроены были трубы Діонисіева Уха, герцогъ изъ дальняго покоя услышалъ этотъ разговоръ, велѣлъ схватить Мэрулу и бросить въ темницу подъ главнымъ крѣпостнымъ рвомъ Редефоссо, окружающимъ Замокъ.

Что-то думаетъ объ этомъ Леонардо, который устраивалъ Діонисіево Ухо, не помышляя о злѣ и добрѣ, изучая любопытные законы «шутя да играя», по выраженію Чезаре,—такъ же, какъ онъ дѣлаетъ все,—изобрѣтаетъ чудовищныя военныя машины, разрывныя бомбы, желѣзныхъ пауковъ, разсѣкающихъ однимъ взмахомъ громадныхъ лапъ съ полсотни людей?

* * *

Апостолъ говоритъ: «отъ знанія твоего погибнетъ немощный братъ, за котораго умеръ Христосъ».

Изъ такого ли знанія проистекаетъ любовь? Или знаніе и любовь—не одно и то же?

* * *

Порою лицо учителя такъ ясно и невинно, полно такой голубиной чистотою, что я все готовъ простить, всему повѣрить—и снова отдать ему душу мою. Но вдругъ въ непонятныхъ изгибахъ тонкихъ губъ мелькаетъ выраженіе, отъ котораго мнѣ становится страшно, какъ будто я заглядываю сквозь прозрачную глубину въ подводныя пропасти. И опять мнѣ кажется, что есть въ душѣ его тайна, и я вспоминаю одну изъ его загадокъ:

«Величайшія рѣки текутъ подъ землею».

* * *

Умеръ герцогъ Джіанъ Галеаццо.

Говорятъ,—о видитъ Богъ, рука едва подымается написать это слово, и я ему не вѣрю!—говорятъ, Леонардо—убійца,—онъ будто бы отравилъ герцога плодами ядовитаго дерева.

Помню, какъ механикъ Зороастро да Перетола показывалъ монѣ Кассандрѣ это проклятое дерево. Лучше бы мнѣ никогда не видать его! Вотъ и теперь оно чудится мнѣ, какимъ было въ ту ночь,—въ мутно-зеленомъ лунномъ туманѣ, съ каплями яда на мокрыхъ листьяхъ, съ тихо-зрѣющими плодами,—окруженное смертью и ужасомъ. И опять звучатъ въ ушахъ моихъ слова Писанія: «отъ Древа Познанія добра и зла, не ѣшь отъ него, ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него—смертію умрешь».

О горе, горе мнѣ, окаянному! Нѣкогда въ сладостной кельи отца моего Бенедетто, въ невинной простотѣ я былъ, какъ первый человѣкъ въ раю. Но согрѣшилъ, предалъ душу мою искушеніямъ мудраго Змія, вкусилъ отъ Древа Познанія,—и се открылись глаза мои, и увидѣлъ я добро и зло, свѣтъ и тѣнь, Бога и Дьявола, и еще увидѣлъ я, что есмь нагъ и сиръ, и нищъ,—и смертью душа моя умираетъ.

* * *

Изъ преисподней вопію къ Тебѣ, Господи, внемли гласу моленія моего, услышь и помилуй меня! Какъ разбойникъ на крестѣ исповѣдую имя Твое: помяни мя, Господи, егда пріидеши во Царствіе Твое!

* * *

Леонардо снова началъ ликъ Христа.

* * *

Герцогъ поручилъ ему устройство машины для подъема Святѣйшаго Гвоздя.

Съ математической точностью онъ взвѣситъ на вѣсахъ орудіе Страстей Господнихъ, какъ обломокъ стараго желѣза,—столько-то унцій, столько-то гранъ,—и святыня для него—только цифра между цифрами, только часть между частями подъемной машины,—веревками, колесами, рычагами и блоками.

* * *

Апостолъ говоритъ: «дѣти, наступаетъ послѣднее время. И какъ вы слышали, что придетъ Антихристъ, и теперь появилось много антихристовъ, то мы познаемъ изъ того, что наступаетъ послѣднее время».

* * *

Ночью толпа народа, окруживъ нашъ домъ, требовала Святѣйшаго Гвоздя и кричала: «колдунъ, безбожникъ, отравитель герцога, антихристъ!» Леонардо слушалъ вопли черни безъ гнѣва. Когда Марко д'Оджіоне хотѣлъ стрѣлять изъ аркебузы, онъ запретилъ ему. Лицо учителя было спокойно и непроницаемо, какъ всегда.

Я упалъ къ его ногамъ и молилъ сказать мнѣ хотя бы единое слово, чтобы разсѣять мои сомнѣнія. Свидѣтельствуюсь Богомъ живымъ,—я повѣрилъ бы! Но онъ не хотѣлъ или не могъ мнѣ сказать ничего.

Маленькій Джьякопо, выскользнувъ изъ дома, обѣжалъ толпу, черезъ нѣсколько улицъ встрѣтилъ обходъ стражи, всадниковъ Капитана Джустиціи, привелъ ихъ къ дому,—и въ то самое мгновеніе, когда сломанныя двери уже валились подъ напоромъ толпы, солдаты ударили на нее съ тылу. Бунтовщики разбѣжались. Джьякопо раненъ камнемъ въ голову,—едва не убитъ.

* * *

Сегодня былъ я въ Соборѣ на праздникѣ Святѣйшаго Гвоздя.

Подняли его въ мгновеніе опредѣленное астрологами. Машина Лео-

нардо дѣйствовала какъ нельзя лучше. Ни веревокъ, ни блоковъ не было видно. Казалось, что круглый сосудъ съ хрустальными стѣнками и золотыми лучами, въ который былъ заключенъ Гвоздь, возносится самъ собою въ облакахъ ѳиміама, подобно восходящему солнцу. Это было торжество и чудо механики. Грянулъ хоръ:

Confixa Clavis viscera,
Tendens manus vestigia,
Redemptionis gratia
Hic immolata est Hostia.

И ковчегъ остановился въ темной аркѣ надъ главнымъ алтаремъ Собора, окруженный пятью неугосимыми лампадами.

Архіепископъ возгласилъ:

— O Crux benedicta, quae sola fuisti digna portare Regem coelorum et Dominum. Alleluia!

Народъ упалъ на колѣни, повторяя за нимъ: Аллилуйя!

И похититель престола, убійца Моро со слезами поднялъ руки къ Святѣйшему Гвоздю.

Потомъ угощали народъ виномъ, тушами быковъ, пятью тысячами мѣръ гороха и двумя стами пудовъ сала. Чернь, забывъ убитаго герцога, объѣдаясь и пьянствуя, вопила: «да здравствуетъ Моро! Да здравствуетъ Гвоздь!»

Беллинчіони сочинилъ гекзаметры, въ которыхъ говорится, что подъ кроткимъ владычествомъ Августа, богами любимаго Моро, возсіяетъ міру изъ древняго желѣзнаго Гвоздя новый Вѣкъ Золотой.

Выходя изъ Собора, герцогъ подошелъ къ Леонардо, обнялъ его, поцѣловалъ въ уста, называя своимъ Архимедомъ, поблагодарилъ за дивное устройство подъемной машины и обѣщалъ ему пожаловать чистокровную берберійскую кобылу изъ собственнаго коннаго завода на виллѣ Сфорцескѣ, съ двумя тысячами имперскихъ дукатовъ,—потомъ, снисходительно потрепавъ по плечу, сказалъ, что теперь мастеръ можетъ кончать на свободѣ ликъ Христа въ Тайной Вечери.

* * *

Я понялъ слово Писанія: «человѣкъ съ двоящимися мыслями не твердъ во всѣхъ путяхъ своихъ».

Не могу я больше терпѣть. Погибаю, съ ума схожу отъ этихъ двоящихся мыслей, отъ лика Антихриста сквозь ликъ Христа.—Зачѣмъ Ты покинулъ меня, Господи?

* * *

Надо бѣжать, пока еще не поздно.

* * *

Я всталъ ночью, связалъ платье, бѣлье и книги въ походный узелъ, взялъ дорожную палку, въ темнотѣ ощупью спустился внизъ, въ мастерскую, положилъ на столъ тридцать флориновъ, плату за послѣдніе шесть мѣсяцевъ ученія,—чтобы выручить ихъ я продалъ кольцо съ

изумрудомъ, подарокъ моей матери,—и ни съ кѣмъ не простившись,—всѣ еще спали,—ушелъ изъ дома Леонардо навѣки.

* * *

Фра Бенедетто сказалъ мнѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ его, онъ каждую ночь молился обо мнѣ, и было ему видѣніе о томъ, что Богъ возвратилъ меня на путь истинный.

Фра Бенедетто идетъ во Флоренцію для свиданія съ больнымъ своимъ братомъ доминиканцемъ въ монастырѣ Санъ-Марко, гдѣ настоятелемъ Джироламо Савонарола.

* * *

Хвала и благодареніе Тебѣ, Господи! Ты извлекъ меня изъ тѣни смертной, изъ пасти адовой.

Нынѣ отрекаюсь отъ мудрости вѣка сего, запечатлѣнной печатью Змія Седмиглаваго, Звѣря, грядущаго во тьмѣ, именуемаго Антихристомъ.

Отрекаюсь отъ плодовъ ядовитаго Древа Познанія, отъ гордыни суетнаго разума, отъ богопротивной науки, коей отецъ есть Дьяволъ.

Отрекаюсь отъ всякаго соблазна языческой прелести.

Отрекаюсь отъ всего, что̀—не воля Твоя, не слава Твоя, не мудрость Твоя, Христе Боже мой!

Просвѣти душу мою свѣтомъ единымъ Твоимъ, избавь отъ проклятыхъ двоящихся мыслей, утверди шаги мои на путяхъ Твоихъ, да не колеблются стопы мои, укрой меня подъ сѣнью крылъ Твоихъ.

Хвали душа моя Господа! Буду восхвалять Господа, доколѣ живъ, буду пѣть Богу моему, доколѣ есмь!

* * *

Черезъ два дня мы съ фра Бенедетто идемъ во Флоренцію. Съ благословенія отца моего хочу быть послушникомъ въ обители Санъ-Марко у великаго избранника Господня, фра Джироламо Савонаролы.—Богъ спасъ меня.

Этими словами кончался дневникъ Джіованни Бельтраффіо.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Сожженіе Суетъ

1496.

Чѣмъ больше чувства,—тѣмъ больше муки.
Великое мученичество! Grande martirio!
Леонардо да Венчи.
Человѣкъ съ двоящимися мыслями.
Посланіе Іакова. I, 8.

I.

Прошло болѣе года съ тѣхъ поръ, какъ Бельтраффіо поступилъ послушникомъ въ обитель Санъ-Марко.

Однажды, послѣ полудня, въ концѣ карнавала тысячу четыреста девяносто шестого года, Джироламо Савонарола, сидя за рабочимъ столомъ въ своей кельѣ, записывалъ недавно бывшее ему отъ Бога видѣніе Двухъ Крестовъ надъ городомъ Римомъ,—чернаго въ смертоносномъ вихрѣ, съ надписью—Крестъ Гнѣва Господня, и сіяющаго въ лазури, съ надписью—Крестъ Милосердія Господня.

Блѣдный лучъ февральскаго солнца проникалъ черезъ рѣшетчатое окно въ тѣсную келью съ бѣлыми голыми стѣнами, большимъ Распятіемъ и толстыми книгами на полкахъ въ старинныхъ кожаныхъ переплетахъ. Порою изъ голубого неба долетали крики ласточекъ.

Джироламо чувствовалъ усталость и лихорадочный ознобъ. Отложивъ перо, опустилъ онъ голову на руки, закрылъ гляза и сталъ припоминать то, что слышалъ въ это утро о жизни папы Александра VI Борджіа отъ смиреннаго фра Паголо, монаха посланнаго въ Римъ для развѣдокъ и только что вернувшагося во Флоренцію.

Какъ видѣнія Апокалипсиса, проносились передъ глазами Савонаролы чудовищные образы: багряный Быкъ изъ родословнаго щита испанцевъ Борджіа, подобіе древняго египетскаго Аписа, Золотой Телецъ, предносимый римскому первосвященнику, вмѣсто кроткаго Агнца Господня,—безстыдныя игрища ночью послѣ пира въ залахъ Ватикана передъ Святѣйшимъ Отцемъ, его возлюбленной дочерью и толпой кардиналовъ, — прекрасная Джулія Фарнезе, молодая наложница шестидесятилѣтняго папы, изображаемая на иконахъ, — двое старшихъ сыновей Александра, Донъ-Цезарь, юный кардиналъ Валенцы и Донъ-Жуанъ, знаменосецъ римской церкви, ненавидящіе другъ друга до каинова братоубійства изъ-за сестры своей Лукреціи.

И Джироламо содрогнулся, вспомнилъ то, о чемъ фра Паголо едва осмѣлился шепнуть ему на ухо,—странныя отношенія отца къ собственной дочери, стараго папы къ мадоннѣ Лукреціи.

— Нѣтъ, нѣтъ, видитъ Богъ, не вѣрю,—клевета... Этого быть не можетъ!—повторялъ онъ и въ тайнѣ чувствовалъ, что все можетъ быть въ страшномъ гнѣздѣ Борджіа.

Холодный потъ выступилъ на лбу монаха. Онъ бросился на колѣни предъ Распятіемъ.

Раздался тихій стукъ въ дверь кельи.

— Кто тамъ?

— Я, отче!

Джироламо узналъ по голосу помощника и вѣрнаго друга своего— брата Доминика Буонвичини.

— Достопочтенный Риччіардо Бэкки, довѣренный папы испрашиваетъ позволенія говорить съ тобою.

— Хорошо. Пусть подождетъ. Пошли ко мнѣ брата Сильвестра.

Сильвестро Маруффи былъ слабоумный монахъ, страдавшій падучею. Джироламо считалъ его избраннымъ сосудомъ благодати Господней, любилъ и боялся его, толкуя видѣнія Сильвестро по всѣмъ правилами утонченной схоластики великаго Ангела Школы, Θомы Аквината, при помощи хитроумныхъ доводовъ, логическихъ посылокъ, энтимемъ, апофтегмъ и силлогизмовъ,—находя пророческій смыслъ въ томъ, что казалось другимъ безсмысленнымъ лепетаніемъ юродиваго. Маруффи не выказывалъ уваженія къ своему настоятелю, нерѣдко поносилъ его, ругалъ при всѣхъ, даже билъ. Джироламо принималъ эти обиды со смиреніемъ и слушался его во всемъ. Если народъ флорентинскій былъ во власти Джироламо, то онъ въ свою очередь былъ въ рукахъ слабоумнаго Маруффи.

Войдя въ келью, братъ Сильвестро усѣлся на полъ въ углу, и, почесывая красныя голыя ноги, замурлыкалъ однообразную пѣсенку. Выраженіе тупое и унылое было на веснушчатомъ лицѣ его съ острымъ какъ шило, носикомъ, отвислою нижнею губою и слезящимися глазками мутно-зеленаго бутылочнаго цвѣта.

— Братъ,—молвилъ Джироламо,—изъ Рима отъ папы пріѣхалъ тайный посолъ. Скажи, принять ли его и что ему отвѣтить? Не было ли тебѣ какого-либо видѣнія или гласа?

Маруффи состроилъ шутовскую рожу, залаялъ собакою и захрюкалъ свиньею; онъ имѣлъ даръ подражать въ совершенствѣ голосамъ всѣхъ животныхъ.

— Братецъ милый,—упрашивалъ его Савонарола,—будь добрымъ, молви словечко! Душа моя тоскуетъ смертельно. Помолись Богу, да ниспошлетъ Онъ тебѣ духа пророческаго.

Юродивый высунулъ языкъ. Лицо его исказилось.

— Ну, чего ты, чего ты лѣзешь ко мнѣ, свистунъ окаянный, перепелъ безмозглый, баранья твоя голова! У... чтобъ тебѣ крысы носъ отъѣли!—крикнулъ онъ съ неожиданнымъ порывомъ злобы.— Самъ заварилъ, самъ и расхлебывай. Я тебѣ не пророкъ, не совѣтчикъ!

Онъ взглянулъ на Савонаролу изподлобья, вздохнулъ и продолжалъ другимъ болѣе тихимъ, ласковымъ голосомъ:

— Жалко мнѣ тебя, братецъ, ой, жалко глупенькаго... И почемъ ты знаешь, что видѣнія мои отъ Бога, а не отъ дьявола?

Сильвестро умолкъ, смежилъ вѣки, и лицо его сдѣлалось неподвижнымъ, какъ бы мертвымъ. Савонарола, думая, что это видѣніе — замеръ въ благоговѣйномъ ожиданіи. Но Маруффи открылъ глаза, медленно повернулъ голову, точно прислушиваясь, посмотрѣлъ въ окно и съ доброй, свѣтлой, почти разумной улыбкой проговорилъ:

— Птички, слышишь, птички. Небось теперь и травка въ полѣ, и желтые цвѣтики. Эхъ, братъ Джироламо, довольно ты здѣсь намутилъ, гордыню свою потѣшилъ, бѣса порадовалъ,—будетъ! Надо же и о Богѣ подумать. Пойдемъ-ка мы съ тобой отъ міра окаяннаго въ пустыню любезную.

И онъ запѣлъ пріятнымъ тихимъ голосомъ, покачиваясь:

Въ лѣса пойдемъ зеленые,
Въ невѣдомый пріютъ,
Гдѣ бьютъ ключи студеные,
Да иволги поютъ.

Вдругъ вскочилъ,—желѣзныя вериги звякнули на тѣлѣ его,—подбѣжалъ къ Савонаролѣ, схватилъ его за руку и прошепталъ, какъбудто задыхаясь отъ ярости:

— Видѣлъ, видѣлъ, видѣлъ!.. У, чертовъ сынъ, ослиная твоя голова, чтобъ тебѣ крысы носъ отъѣли,—видѣлъ!..

— Говори, братецъ, говори же скорѣй...

— Огонь! огонь!—произнесъ Маруффи.

— Ну, ну, что же далѣе?

— Огонь костра,—продолжалъ Сильвестро,—и въ немъ человѣкъ!..

— Кто?—спросилъ Джироламо.

Маруффи кивнулъ головою, но отвѣтилъ не вдругъ. Сначала вперилъ въ глаза Савонаролы свои пронзительные зеленые глазки и засмѣялся тихимъ смѣхомъ, какъ сумашедшій, потомъ наклонился и шепнулъ ему на ухо:

— Ты!

Джироламо вздрогнулъ, поблѣднѣлъ и отступилъ въ ужасѣ.

Маруффи отвернулся отъ него, вышелъ изъ кельи и удалился, позвякивая веригами, напѣвая пѣсенку:

Пойдемъ въ лѣса зеленые,
Въ невѣдомый пріютъ,
Гдѣ бьютъ ключи студеные,
Да иволги поютъ.

Опомнившись, Джироламо велѣлъ позвать довѣреннаго папы Ричіардо Бэкки.

II.

Шурша длиннымъ, похожимъ на рясу монаха, шелковымъ платьемъ моднаго цвѣта мартовской фіалки, съ откидными венеціанскими рукавами, съ опушкою изъ чернобураго лисьяго мѣха, распространяя вѣяніе мускусной амбры,—въ келью Савонаролы вошелъ скрипторъ святѣйшей апостолической канцеляріи. Мессэръ Риччіардо-Бэкки обладалъ тою елейностью во всѣхъ движеніяхъ, въ умной и величаво-ласковой улыбкѣ, въ ясныхъ почти простодушныхъ глазахъ, въ любезныхъ смѣющихся ямочкахъ свѣжихъ гладко-выбритыхъ щекъ, которая свойственна была вельможамъ римскаго двора.

Онъ попросилъ благословенія, выгибая спину съ полу придворною ловкостью, поцѣловалъ исхудалую руку пріора Санъ-Марко, и заговорилъ по-латински, съ изящными цицероновскими оборотами рѣчи, съ длинными, плавно развивающимися предложеніями.

Начавъ издалека тѣмъ, что въ правилахъ ораторскаго искусства называется «исканіемъ благоволенія», упомянулъ онъ о славѣ флорентинскаго проповѣдника. Затѣмъ перешелъ къ дѣлу: святѣйшій отецъ, хотя справедливо разгнѣванный упорными отказами брата Джироламо явиться въ Римъ, но, пылая ревностью ко благу церкви, къ совершенному единенію вѣрныхъ во Христѣ, къ миру всего міра, желая не погибели, а спасенія ввѣреннаго ему стада, изъявляетъ отеческую готовность, въ случаѣ раскаянія Савонаролы, вернуть ему свою милость.

Монахъ поднялъ глаза и тихо сказалъ:

— Мессэре, какъ полагаете вы, святѣйшій отецъ нашъ папа вѣруетъ въ Бога?

Риччіардо не отвѣтилъ, какъ будто не разслышалъ, или нарочно пропустилъ мимо ушей этотъ неприличный вопросъ, и, опять заговоривъ о дѣлѣ, намекнулъ, что высшій чинъ духовной іерархіи—красная кардинальная шапка ожидаетъ брата Джироламо въ случаѣ покорности и, быстро наклонившись къ монаху, дотронувшись пальцемъ до руки его, прибавилъ съ вкрадчивой улыбкой:

— Словечко, отецъ Джироламо, только словечко,—и красная шапка за вами!

Савонарола устремилъ на собесѣдника неподвижные глаза свои и проговорилъ медленно:

— А что, ежели я, мессэре, не покорюсь,—не замолчу? Что, ежели безразсудный монахъ отвергнетъ честь римскаго пурпура, не польстится на вашу красную шапку, не перестанетъ лаять, охраняя домъ Господина своего, какъ вѣрный песъ, которому рта не заткнешь никакою подачкою?

Риччіардо съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него, слегка поморщился, поднялъ брови, задумчиво полюбовался на свои ногти гладкіе и продолговатые, какъ миндалины, и поправилъ перстни. Потомъ нето-

ропливо вынулъ изъ кармана, развернулъ и подалъ пріору готовое къ подписи и приложенію великой свинцовой печати Рыбаря отлученіе отъ церкви брата Джироламо Савонаролы, гдѣ, между прочимъ, папа называлъ его «сыномъ погибели», «презрѣннѣйшимъ насѣкомымъ»— nequissimus omnipedo.

— Ждете отвѣта?—молвилъ монахъ, прочитавъ.

Скрипторъ молча склонилъ голову.

Савонарола поднялся во весь ростъ и швырнулъ папскую буллу къ ногамъ посла:

— Вотъ мой отвѣтъ! Ступайте въ Римъ и скажите, что я принимаю вызовъ на поединокъ съ папой Антихристомъ. Посмотримъ, онъ— меня или я его отлучу отъ церкви!

Дверь кельи тихонько отворилась, и братъ Доминико заглянулъ въ нее. Услышавъ громкій голосъ пріора, онъ прибѣжалъ узнать, что́ случилось. У входа столпились монахи.

Риччіардо уже нѣсколько разъ оглядывался на дверь и, наконецъ, замѣтилъ вѣжливо:

— Смѣю напомнить, братъ Джироламо, я уполномоченъ лишь къ тайному свиданію...

Савонарола всталъ, подошолъ къ двери и открылъ ее настежь.

— Слушайте!—воскликнулъ онъ.—Слушайте всѣ,—ибо не вамъ однимъ, братья, но всему народу Флоренціи объявляю я объ этомъ гнусномъ торгѣ,—о выборѣ между отлученіемъ отъ церкви и кардинальскомъ пурпуромъ!

Впалые глаза его подъ низкимъ лбомъ горѣли, какъ уголья. Безобра́зная нижняя челюсть дрожа выступала впередъ, съ выраженіемъ дьявольской гордыни и ненависти.

— Се, время настало! Пойду я на васъ, кардиналы и прелаты римскіе, какъ на язычниковъ! Поверну ключъ въ замкѣ, отопру сей мерзостный ларчикъ,—и выйдетъ такое злово́ніе изъ вашего Рима, что люди отъ смрада задохнутся. Скажу такія слова, отъ которыхъ вы поблѣднѣете, и міръ содрогнется въ своихъ основаніяхъ, и церковь Божія, убитая вами, услышитъ мой голосъ: Лазарь, изыде!—и встанетъ и выйдетъ изъ гроба... Ни вашихъ митръ, ни кардинальскихъ шапокъ не надо мнѣ!.. Единую красную шапку смерти, кровавый вѣнецъ твоихъ мучениковъ даруй мнѣ, Господи!..

Онъ упалъ на колѣни, рыдая, протягивая блѣдныя руки къ Распятью.

Риччіардо, пользуясь минутой общаго смятенія, ловко выскользнулъ изъ кельи и поспѣшно удалился.

III.

Въ толпѣ монаховъ, внимавшихъ брату Джироламо, былъ послушникъ Джіованни Бельтраффіо.

Когда братья стали расходиться, сошелъ и онъ по лѣстницѣ на главный монастырскій дворъ и сѣлъ на свое любимое мѣсто въ длинномъ крытомъ ходѣ, гдѣ всегда въ это время дня бывало тихо и безлюдно.

Между бѣлыми стѣнами обители росли лавры, кипарисы и кустъ дамасскихъ розъ, подъ тѣнью котораго братъ Джироламо любилъ проповѣдывать. Преданіе гласило, что ангелы ночью поливаютъ эти розы,

Послушникъ открылъ Посланія апостола Павла къ Коринѳянамъ и прочелъ:

«Не можете пить чашу Господню и чашу бѣсовскую; не можете быти участниками въ трапезѣ Господней и въ трапезѣ бѣсовской».

Всталъ и началъ ходить по галлереѣ, припоминая всѣ свои мысли и чувства за послѣдній годъ, проведенный въ обители Санъ-Марко.

Въ первое время вкушалъ онъ великую сладость духовную среди учениковъ Савонаролы. Иногда поутру уводилъ ихъ отецъ Джироламо за стѣны города. Крутою тропинкою, которая вела какъ будто прямо въ небо, подымались они на высоты Фіэзоле, откуда между холмами, въ долинѣ Арно видна была Флоренція. На зеленой лужайкѣ, гдѣ были много фіалокъ, ландышей, ирисовъ и разогрѣтые солнцемъ, стволы молодыхъ кипарисовъ точили смолу,—садился пріоръ. Монахи ложились у ногъ его на траву, плели вѣнки, вели бесѣды, плясали, рѣзвились, какъ дѣти, пока другіе играли на скрипкахъ, альтахъ и віолахъ, похожихъ на тѣ, съ которыми фра Беато изображаетъ хоры ангеловъ на небѣ

Савонарола не училъ ихъ, не проповѣдовалъ, только говорилъ имъ ласковыя рѣчи, самъ игралъ и смѣялся, какъ ребенокъ. Джіованни смотрѣлъ на улыбку, озарявшую лицо его,—и ему казалось, что въ пустынной рощѣ, полной музыки и пѣнія, на вершинѣ Фіэзоле окруженной голубыми небесами, подобны они Божьимъ ангеламъ въ раю.

Савонарола подходилъ къ обрыву и съ любовью смотрѣлъ на Флоренцію, окутанную дымкой утра, какъ мать—на спящее дитя. Снизу доносился первый звонъ колоколовъ,—точно сонный младенческій лепетъ.

А въ лѣтнія ночи, когда свѣтляки летали, какъ тихія свѣчи невидимыхъ ангеловъ,—подъ благовонною кущею дамасскихъ розъ на дворѣ Санъ-Марко, разсказывалъ онъ братьямъ о кровавыхъ стигматахъ,—язвахъ небесной любви на тѣлѣ Святой Катерины Сіенской, подобныхъ ранамъ Спасителя,—благоуханныхъ, какъ розы.

Дай мнѣ болью ранъ упиться,
Крестной мукой насладиться,—
Мукой Сына Твоего!

пѣли монахи, и Джіованни хотѣлось, чтобы съ нимъ повторилось чудо, о которомъ говорилъ Савонарола,—чтобы огненные лучи, выйдя изъ чаши со святыми Дарами, выжгли въ тѣлѣ его, какъ раскаленное желѣзо, крестныя раны.

Gesù, Gesù, amore!

вздыхалъ онъ, изнемогая отъ нѣги.

Однажды Савонарола послалъ его также, какъ онъ дѣлалъ это съ другими послушниками, ухаживать за тяжело больнымъ на виллѣ Карреджи, находившейся въ двухъ миляхъ отъ Флоренціи, на полуденномъ склонѣ холмовъ Учелатойо,—той самой виллѣ, гдѣ подолгу живалъ и умеръ Лоренцо Медичи. Въ одномъ изъ покоевъ дворца, пустынныхъ и безмолвныхъ, освѣщенныхъ слабымъ, какъ бы могильнымъ, свѣтомъ, сквозь щели запертыхъ ставенъ, увидѣлъ Джіованни картину Сандро Ботичелли,—рожденіе богини Венеры. Вся бѣлая, словно водяная лилія,—влажная, какъ будто пахнущая соленою свѣжестью моря, скользила она по волнамъ, стоя на жемчужной раковинѣ. Золотыя тяжелыя пряди волосъ вились, какъ змѣи. Стыдливымъ движеніемъ руки она прижимала ихъ къ себѣ, закрывая наготу свою, и прекрасное тѣло дышало соблазномъ грѣха, между тѣмъ, какъ невинныя губы, дѣтскія очи полны были странною грустью.

Лицо богини казалось Джіованни знакомымъ. Онъ долго смотрѣлъ на нее и вдругъ вспомнилъ, что такое же точно лицо, такія же дѣтскія очи, какъ будто заплаканныя, такія же невинныя губы, съ выраженіемъ неземной печали, онъ видѣлъ на другой картинѣ того же Сандро Ботичелли,—у Матери Господа. Невыразимое смущеніе наполнило душу его. Онъ потупилъ глаза и ушелъ изъ виллы.

Спускаясь во Флоренцію по узкому переулку, замѣтилъ онъ въ углубленіи стѣны ветхое Распятье, всталъ передъ нимъ на колѣни и началъ молиться, чтобы отогнать искушеніе. За стѣною въ саду, должно быть, подъ сѣнью тѣхъ же розъ, прозвучала мандолина. Кто-то вскрикнулъ, чей-то голосъ произнесъ пугливымъ шепотомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь...

— Милая,—отвѣтилъ другой голосъ,—любовь, любовь моя! Amore!

Лютня упала,—струны зазвенѣли, и послышался звукъ поцѣлуя.

Джіованни вскочилъ, повторяя: Gesù! Gesù!—не смѣя прибавить—Amore.

«И здѣсь, подумалъ онъ, и здѣсь—она. Въ ликѣ Мадонны, въ словахъ святого гимна, въ благоуханіи розъ, осѣняющихъ Распятье!..»

Онъ закрылъ лицо руками и сталъ уходить, какъ будто убѣгая отъ невидимой погони.

Вернувшись въ обитель, Джіованни пошелъ къ Савонаролѣ и разсказалъ ему все. Пріоръ далъ обычный совѣтъ бороться съ дьяволомъ оружіемъ поста и молитвы. Когда же послушникъ хотѣлъ объяснить, что не дьяволъ любострастія плотскаго, искушаетъ его, а демонъ духовной языческой прелести,—монахъ не понялъ его,—сперва удивился, потомъ замѣтилъ строго, что въ ложныхъ богахъ нѣтъ ничего, кромѣ нечистой похоти и гордыни, которыя всегда безобразны, ибо красота заключается только въ христіанскихъ добродѣтеляхъ.

Джіованни ушелъ отъ него, не утѣшенный. Съ того дня приступилъ къ нему бѣсъ унынія и возмущенія.

Однажды случилось ему слышать, какъ братъ Джироламо, говоря о живописи, требовалъ, чтобы всякая картина приносила пользу, поучала и назидала людей въ душеспасительныхъ помыслахъ. Истребивъ рукой палача соблазнительныя изображенія, флорентинцы совершили бы, по мнѣнію Савонаролы, дѣло, угодное Богу.

Также монахъ судилъ о наукѣ. «Глупецъ,—говорилъ онъ, —тотъ, кто воображаетъ, будто бы логика и философія подтверждаютъ истины вѣры. Развѣ сильный свѣтъ нуждается въ слабомъ, мудрость Господня— въ мудрости человѣческой? Развѣ апостолы и мученики знали логику и философію? Неграмотная старуха, усердно молящаяся передъ иконою,— ближе къ познанію Бога, чѣмъ всѣ мудрецы и ученые. Не спасетъ ихъ логика и философія въ день Страшнаго Суда! Гомеръ и Вергилій. Платонъ и Аристотель,—всѣ идутъ въ жилище сатаны,—tutti vanno al casa del diavolo. Подобно сиренамъ—

Плѣняя коварными пѣснями уши,
Ведутъ они къ вѣчной погибели души.

Наука даетъ людямъ вмѣсто хлѣба камень. Посмотрите на тѣхъ, кои слѣдуютъ ученіямъ міра сего: сердца у нихъ—каменныя».

«Кто мало знаетъ, тотъ мало любитъ. Великая любовь есть дочь великаго познанія»,—только теперь чувствовалъ Джіованни всю глубину этихъ словъ и, слушая проклятія монаха соблазнамъ искусства и науки, вспоминалъ разумныя бесѣды Леонардо, спокойное лицо его, холодные, какъ небо, глаза, улыбку, полную плѣнительной мудрости. Онъ не забылъ о страшныхъ плодахъ ядовитаго дерева, о желѣзномъ паукѣ, о Діонисіевомъ Ухѣ, о подъемной машинѣ для Свѣтѣйшаго Гвоздя, о ликѣ Антихриста подъ ликомъ Христа. Но ему казалось, что не понялъ онъ учителя до конца, не разгадалъ послѣдней тайны сердца его, не распуталъ того первоначальнаго узла, въ которомъ сходятся всѣ нити, разрѣшаются всѣ противорѣчія.

Такъ вспоминалъ Джіованни послѣдній годъ своей жизни въ обители Санъ-Марко. И между тѣмъ какъ въ глубокомъ раздумьи ходилъ взадъ и впередъ по стемнѣвшей галлереѣ,—наступилъ вечеръ, раздался тихій звонъ Ave Maria, и черной вереницей прошли монахи въ церковь.

Джіованни не послѣдовалъ за ними, сѣлъ на прежнее мѣсто, снова открылъ книгу посланій Апостола Павла и, помраченный лукавыми наущеніями Дьявола, великаго Логика, передѣлалъ въ умѣ своемъ слово Писанія такъ:

«Не можете *не* пить изъ чаши Господней и чаши бѣсовской. Не можете *не* быть участниками въ трапезѣ Господней и трапезѣ бѣсовской».

Горько усмѣхнувшись, поднялъ онъ глаза свои къ небу, гдѣ увидѣлъ вечернюю звѣзду, подобную свѣтильнику прекраснѣйшаго изъ ангеловъ тьмы, именуемаго Люциферомъ—Свѣтоносящимъ.

И пришло ему на память преданіе, слышанное имъ отъ одного ученаго монаха, принятое великимъ Оригеномъ, возобновленное флорентинцемъ Маттео Пальмьери въ поэмѣ Città di Vita—Городъ Жизни,—будто бы въ тѣ времена, когда дьяволъ боролся съ Богомъ, среди небожителей были такіе, которые, не желая примкнуть ни къ воинству Бога, ни къ воинству Дьявола, остались чуждыми Тому и другому, одинокими зрителями поединка,—о нихъ же Данте сказалъ:

Angeli che non furon ribelli,
Ne pur fideli a Dio, ma per sè foro.
Ангелы, кои не были ни мятежными,
Ни покорными Богу,—но были сами за себя.

Свободные и печальные духи,—ни злые, ни добрые, ни темные, ни свѣтлые, причастные злу и добру, тѣни и свѣту,—они изгнаны были Верховнымъ Правосудіемъ въ долину земную, среднюю между небомъ и адомъ, въ долину сумерекъ, подобныхъ имъ самимъ, гдѣ стали человѣками.

— И какъ знать?—продолжалъ Джіованни вслухъ свои грѣшныя мысли,—какъ знать,—можетъ быть въ этомъ нѣтъ зла, можетъ быть слѣдуетъ пить во славу Единаго—изъ обѣихъ чашъ вмѣстѣ?

И ему почудилось, что это не онъ сказалъ, а кто-то другой, наклонившись и сзади дыша на него холоднымъ и ласковымъ дыханіемъ, шепнулъ ему на ухо: «вмѣстѣ, вмѣстѣ!»

Онъ вскочилъ въ ужасѣ, оглянулся, и хотя никого не было въ пустынной галлереѣ, затканной паутиною сумерекъ,—началъ креститься, дрожа и блѣднѣя. Потомъ бросился бѣжать вонъ изъ крытаго хода черезъ дворъ, и только въ церкви, гдѣ горѣли свѣчи, и монахи пѣли вечерню, остановился, перевелъ дыханіе, упалъ на каменныя плиты и сталъ молиться:

— Господи, спаси меня, избавь отъ этихъ двоящихся мыслей! Не хочу я двухъ чашъ. Единой чаши Твоей, единой истины Твоей жаждетъ душа моя, Господи!

Но Божья благодать, подобная росѣ, освѣжающей пыльныя травы, не смягчила ему сердца.

Вернувшись въ келью, онъ легъ.

Къ утру приснился ему сонъ: будто бы съ моной Кассандрой, сидя верхомъ на черномъ козлѣ, летятъ они по воздуху. «На шабашъ! На шабашъ!»—шепчетъ вѣдьма, обернувъ къ нему лицо свое, блѣдное, какъ мраморъ, съ губами, алыми, какъ кровь, глазами, прозрачными, какъ янтарь. И онъ узнаетъ богиню земной любви, съ неземною печалью въ глазахъ,—Бѣлую Дьяволицу. Полный мѣсяцъ озаряетъ голое тѣло, отъ котораго пахнетъ такъ сладко и страшно, что зубы стучатъ у него: онъ обнимаетъ ее, прижимается къ ней. «Amore! amore!—лепечетъ она и смѣется, — и черный мѣхъ козла углубляется подъ ними, какъ мягкое, знойное ложе. И кажется ему, что это—смерть.

*

IV.

Джіованни проснулся отъ солнца, колокольнаго звона и дѣтскихъ голосовъ; сошелъ на дворъ и увидѣлъ толпу людей въ одинаковыхъ бѣлыхъ одеждахъ, съ масличными вѣтками и маленькими алыми крестами. То было Священное Воинство дѣтей-инквизиторовъ, учрежденное Савонаролою для наблюденія за чистотою нравовъ во Флоренціи.

Джіованни вошелъ въ толпу и прислушался къ разговорамъ.

— Доносъ, что ли? — съ начальнической важностью спрашивалъ «капитанъ», худенькій четырнадцатилѣтній мальчикъ другого, плутоватаго, шустраго, рыжаго и косоглазаго, съ оттопыренными ушами.

— Такъ точно, мессэръ Федериджи,—доносъ,—отвѣчалъ тотъ, вытягиваясь въ струнку, какъ солдатъ, и почтительно поглядывая на капитана.

— Знаю. Тетка въ кости играла?

— Никакъ нѣтъ, ваша милость,—не тетка, а мачиха, и не въ кости...

— Ахъ, да, — поправился Федериджи, — это Липпина тетка въ прошлую субботу кости метала и богохульствовала. Что же у тебя?

— У меня, мессэре, мачиха... накажи ее Богъ...

— Не мямли, любезный! Некогда. Хлопотъ полонъ ротъ...

— Слушаю, мессэре. Такъ вотъ, изволите ли видѣть,—мачиха съ дружкомъ своимъ, монахомъ, заповѣдный боченокъ краснаго вина изъ отцовскаго погреба выпили, когда отецъ на ярмарку въ Мариньолу уѣзжалъ. И посовѣтовалъ ей монахъ сходить къ Мадоннѣ, что на мосту Рубаконте, свѣчку поставить да помолиться, чтобы отецъ не вспомнилъ о заповѣдномъ боченкѣ. Она такъ и сдѣлала, и когда отецъ, вернувшись, ничего не замѣтилъ,—на радостяхъ подвѣсила къ изваянію Дѣвы Маріи маленькій боченокъ изъ воску, точь въ точь такой, какимъ монаха учествовала,—въ благодарность за то, что Матерь Божья помогла ей мужа обмануть.

— Грѣхъ, большой грѣхъ! — объявилъ Федериджи, нахмурившись.—А какъ же ты объ этомъ узналъ, Пиппо?

— У конюха вывѣдалъ, а конюху разсказала мачихина дѣвка татарка, а дѣвкѣ татаркѣ...

— Мѣстожительство?—перебилъ его капитанъ строго.

— У Святой Аннунціаты шорная лавка Лоронцетто.

— Хорошо,—заключилъ Федериджи.—Сегодня же слѣдствіе нарядимъ.

Хорошенькій мальчикъ, совсѣмъ крошечный, лѣтъ шести, прислонившись къ стѣнѣ въ углу двора, горько плакалъ.

— О чемъ ты?—спросилъ его другой, постарше.

— Остригли!.. Остригли!.. Я бы не пошелъ, кабы зналъ, что стригутъ!..

Онъ провелъ рукою по своимъ бѣлокурымъ волосамъ, изуродован-

чымъ ножницами монастырскаго цирульника, который стрижетъ въ скобку всѣхъ новобранцевъ, поступавшихъ въ Священное Воинство.

— Ахъ, Лука, Лука,—укоризненно покачалъ головой старшій мальчикъ,—какія у тебя грѣшныя мысли! Хоть бы о святыхъ мученикахъ вспомнилъ: когда язычники отсѣкали имъ ноги и руки, они славили Бога. А ты и волосъ пожалѣлъ!

Лука пересталъ плакать, пораженный примѣромъ святыхъ мучениковъ. Но вдругъ лицо его исказилось отъ ужаса, и онъ завылъ еще громче, должно быть, вообразивъ, что и ему во славу Божью монахи обрѣжутъ ноги и руки.

— Послушайте,—обратилась къ Джіованни старая, толстая, красная отъ волненія, горожанка,—не можете ли вы мнѣ указать, гдѣ тутъ мальчикъ одинъ, черненькій съ голубыми глазками?..

— Какъ его зовутъ?

— Дино, Дино дель Гарбо...

— Въ какомъ онъ отрядѣ?

— Ахъ, Боже мой, я право не знаю!.. Цѣлый день ищу, бѣгаю, спрашиваю, толку не добьюсь. Голова кругомъ идетъ...

— Сынъ вашъ?

— Племянникъ. Мальчикъ—тихій, скромный, прекрасно учился... И вдругъ какіе-то сорванцы сманили въ это ужасное Воинство. Подумайте только, ребенокъ—нѣжный, слабенькій, а здѣсь, говорятъ, камнями дерутся...

И тетка опять заохала, застонала.

— Сами виноваты!—обратился къ ней пожилой почтенный гражданинъ въ одеждѣ стариннаго покроя.—Драли бы ребятишекъ, какъ слѣдуетъ,—дурь въ головы не полѣзла бы. А то—виданное ли дѣло?—монахи да дѣти государствомъ править вздумали. Яйца курицу учатъ. Воистину никогда еще на свѣтѣ не бывало такой глупости!

— Именно, именно, яйца курицу учатъ!—подхватила тетка.—Монахи говорятъ,—будетъ рай на землѣ. Я не знаю, что будетъ, но пока—адъ кромѣшный. Въ каждомъ домѣ—слезы, ссоры, крики...

— Слыхали?—продолжала она, съ таинственнымъ видомъ наклоняясь къ уху собесѣдника,—намедни въ Соборѣ передъ всѣмъ народомъ братъ Джироламо,—отцы и матери,—говоритъ,—отсылайте вашихъ сыновей и дочерей хоть на край свѣта,—они ко мнѣ отовсюду вернутся, они—мои...

Старый гражданинъ кинулся въ толпу дѣтей.

— А, дьяволенокъ, попался!—крикнулъ онъ, схвативъ одного мальчика за ухо.—Ну, погоди же, покажу я тебѣ, какъ изъ дома бѣгать, со сволочью связываться, отца не слушаться!

— Отца небеснаго должны мы слушаться болѣе, чѣмъ земного,—произнесъ мальчикъ тихимъ, твердымъ голосомъ.

— Ой, берегись, Доффо! Лучше не выводи меня изъ терпѣнія... Ступай, ступай домой,—чего уперся!

— Оставьте меня, батюшка. Я не пойду...

— Не пойдешь?

— Нѣтъ.

— Такъ вотъ же тебѣ!

Отецъ ударилъ его по лицу.

Доффо не двинулся,—даже поблѣднѣвшія губы его не дрогнули. Онъ только поднялъ глаза къ небу.

— Тише, тише, мессере! Дѣтей обижать не дозволено,—подоспѣли городскіе стражи, назначенные Синьоріей для охраны Священнаго Воинства.

— Прочь, негодяи!—кричалъ старикъ въ ярости.

Солдаты отнимали у него сына. Отецъ ругался и не пускалъ его.

— Дино! Дино!—взвизгнула тетка, увидавъ вдали своего племянника, и устремилась къ нему. Но стражи удержали ее.

— Пустите, пустите! Господи, да что же это такое!—вопила она.— Дино! Мальчикъ мой! Дино!

Въ это мгновеніе ряды Священнаго Воинства заколыхались. Безчисленныя маленькія руки замахали алыми крестами, оливковыми вѣтками и, привѣтствуя выходившаго на дворъ Савонаролу, запѣли звонкіе дѣтскіе голоса:

«Lumen ad revelationam gentium et gloriam plebis Israël».

«Свѣтъ къ просвѣщенію языковъ, ко славѣ народа Израилева».

Дѣвочки обступили монаха, бросали въ него желтыми весенними цвѣтами, розовыми подснѣжниками и темными фіалками. Становясь на колѣни, обнимали и цѣловали ему ноги.

Облитый лучами солнца, молча, съ нѣжной улыбкой, благословилъ онъ дѣтей.

— Да здравствуетъ Христосъ, король Флоренціи! Да здравствуетъ Марія Дѣва, наша королева!—кричали дѣти.

— Стройся! Впередъ!—отдавали приказанія маленькіе военачальники. Грянула музыка, зашелестѣли знамена, и полки—сдвинулись.

На площади Синьоріи, передъ Палаццо Веккіо, назначено было «Сожженіе Суетъ»—«Bruciamento delle vanità». Священное Воинство должно было въ послѣдній разъ обойти дозоромъ Флоренцію для сбора «суетъ и анаѳемъ».

V.

Когда дворъ опустѣлъ, Джіованни увидѣлъ мессэра Чипріано Буонаккорзи, консула искусства Калималы, владѣльца товарныхъ фондаковъ близь Оръ-Санъ-Микеле, любителя древностей, въ землѣ котораго у Санъ-Джервазіо, на Мельничномъ холмѣ, найдено было древнее изваяніе богини Венеры.

Джіованни подошелъ къ нему. Они разговорились. Мессэръ Чипріано разсказалъ, что на дняхъ во Флоренцію пріѣхалъ изъ Милана Леонардо да Винчи съ порученіемъ отъ герцога скупать произведенія художествъ изъ дворцовъ, опустошаемыхъ священнымъ воинствомъ. Съ этою же цѣлью прибылъ Джіорджіо Мэрула, просидѣвшій въ тюрьмѣ два мѣсяца, освобожденный и помилованный герцогомъ отчасти по ходатайству Леонардо.

Купецъ попросилъ Джіованни проводить его къ настоятелю, и они вмѣстѣ направились въ келью Савонаролы.

Стоя въ дверяхъ, Бельтраффіо слышалъ бесѣду консула Калималы съ пріоромъ Санъ-Марко.

Мессэръ Чипріано предложилъ купить за двадцать двѣ тысячи золотыхъ флориновъ всѣ книги, картины, статуи и прочія сокровища искусствъ, которыя въ этотъ день должены были погибнуть на кострѣ.

Пріоръ отказалъ.

Купецъ подумалъ, подумалъ и накинулъ еще восемь тысячъ.

Монахъ на этотъ разъ даже не отвѣтилъ. Лицо его было сурово и неподвижно.

Тогда Чипріано пожевалъ ввалившимся беззубымъ ртомъ, запахнулъ полы истертой лисьей шубенки на зябкихъ колѣняхъ, вздохнулъ, прищурилъ слабые глаза и молвилъ своимъ пріятнымъ, всегда ровнымъ и тихимъ голосомъ:

— Отецъ Джироламо, я разорю себя, отдамъ вамъ все, что есть у меня,—сорокъ тысячъ флориновъ.

Савонарола поднялъ на него глаза и спросилъ:

— Ежели вы себя разоряете, и нѣтъ вамъ корысти въ этомъ дѣлѣ,—о чемъ вы хлопочете?

— Я родился во Флоренціи и люблю эту землю,—отвѣчалъ купецъ съ простотою,—не хотѣлось бы мнѣ, чтобы чужеземцы могли сказать, что мы, подобно варварамъ, сжигаемъ невинныя произведенія мудрецовъ и художниковъ.

Монахъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и молвилъ:

— О, сынъ мой, если бы любилъ ты свое отечество небесное такъ же, какъ земное!.. Но утѣшься: на кострѣ погибнетъ достойное гибели,—ибо злое и порочное не можетъ быть прекраснымъ,—по свидѣтельству вашихъ же хваленыхъ мудрецовъ.

— Увѣрены ли вы, отецъ,—сказалъ Чипріано,—что дѣти всегда безъ ошибки могутъ отличить доброе отъ злаго въ произведеніяхъ искусства и науки?

— Изъ устъ младенцевъ правда исходитъ,—возразилъ монахъ.— Ежели не обратитесь и не станете, какъ дѣти, не можете войти въ царство небесное. Погублю мудрость мудрецовъ, разумъ разумныхъ отвергну, говоритъ Господь. Денно и нощно молюсь я о малыхъ сихъ,

дабы то, чего умомъ не поймутъ они въ суетахъ искусства и науки, открылось имъ свыше благодатью Духа Святого.

— Умоляю васъ, подумайте,—заключилъ консулъ, вставая.—Быть быть можетъ, нѣкоторая часть...

— Не тратьте даромъ словъ, мессэре,—остановилъ его братъ Джироламо,—рѣшеніе мое неизмѣнно.

Чипріанно снова, пожевавъ своими блѣдными старушичьими губами, пробормоталъ себѣ что-то подъ носъ. Савонарола услышалъ только послѣднее слово:

— Безуміе...

— Безуміе!—подхватилъ онъ, и глаза его вспыхнули.—Ну, а развѣ Золотой Телецъ Борджіа, предносимый въ кощунственныхъ празднествахъ папѣ,—не безуміе? Развѣ Святѣйшій Гвоздь, поднятый во славу Господа на дьявольской машинѣ похитителемъ престола, убійцею Моро,—не безуміе? Вы пляшете вокругъ Золотого Тельца, безумствуете во славу бога вашего Маммона. Дайте же и намъ, худоумнымъ, побезумствовать, поюродствовать во славу нашего Бога, Христа Распятаго. Вы издѣваетесь надъ монахами, плясавшими предъ Крестомъ на площади. Погодите,—то ли еще будетъ! Посмотримъ, что скажете вы, разумники, когда заставлю я не только монаховъ, но весь народъ флорентинскій, дѣтей и взрослыхъ, стариковъ и женщинъ, въ ярости Богу угодной, плясать вокругъ таинственнаго Древа Спасенія, какъ нѣкогда Давидъ плясалъ предъ Ковчегомъ Завѣта въ древней Скиніи Бога Всевышняго!

VI.

Джіованни, выйдя изъ кельи Савонаролы, отправился на площадь Синьоріи.

На Віа-Ларга встрѣтилъ онъ Священное Воинство. Дѣти остановили двухъ черныхъ невольниковъ съ паланкиномъ, въ которомъ лежала роскошно одѣтая женщина. Бѣлая собачка спала у нея на колѣняхъ. Зеленый попугай и мартышка сидѣли на жердочкѣ. За носилками слѣдовали слуги и тѣлохранители.

То была кортезана, недавно пріѣхавшая изъ Венеціи,—Лена Гриффа, изъ разряда тѣхъ, которыхъ правители Яснѣйшей Республики называли съ почтительною вѣжливостью «puttana onesta», «meretrix onesta»—«благородная, честная куртизанка», или съ ласковою шутливостью—«mammola», «душка». Въ знаменитомъ, изданномъ для удобства путешественниковъ «Catalogo» имя Лены Гриффы было напечатано крупными буквами, отдѣльно отъ другихъ, на самомъ почетномъ мѣстѣ.

Развалившись на подушкахъ леттиги, съ видомъ Клеопатры или царицы Савской, мона Лена читала записку влюбленнаго въ нее молодого

епископа, съ приложеннымъ къ ней сонетомъ, который кончался такими стихами:

Когда плѣнительнымъ рѣчамъ твоимъ я внемлю,
О, Лена дивная,—то, покидая землю,
Возносится мой духъ къ божественнымъ красамъ
Платоновыхъ идей и къ вѣчнымъ небесамъ.

Кортезана обдумывала отвѣтный сонетъ. Риѳмами владѣла она въ совершенствѣ и недаромъ говаривала, что, если бы это зависѣло отъ нея, она, конечно, проводила бы все свое время «nell' Academie degli uomini virtuosi»,—«въ академіяхъ добродѣтельныхъ мужей».

Священное Воинство окружило носилки. Предводитель одного изъ отрядовъ, Доффо, выступилъ, поднялъ надъ головою алый крестъ и воскликнулъ торжественно:

— Именемъ Іисуса, короля Флоренціи, и Маріи Дѣвы, нашей королевы,—повелѣваемъ тебѣ снять сіи грѣховныя украшенія, суеты и анаѳемы. Ежели ты этого не сдѣлаешь, да поразитъ тебя болѣзнь!

Собачка проснулась и залаяла, мартышка зашипѣла, попугай захлопалъ крыльями, выкрикивая стихъ, которому научила его хозяйка:

Amore a nullo amato amar perdona.

Лена собиралась сдѣлать знакъ тѣлохранителямъ, чтобы разогнали они эту толпу,—когда взоръ ея упалъ на Доффо. Она поманила его пальцемъ.

Мальчикъ подошелъ, потупивъ глаза.

— Долой, долой наряды!—кричали дѣти.—Долой суеты и анаѳемы!

— Какой хорошенькій!—тихо произнесла Лена, не обращая вниманія на крики толпы.—Послушайте, мой маленькій Адонисъ. Я, конечно, съ радостью отдала бы всѣ эти тряпки, чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе,—но вотъ, въ чемъ бѣда: онѣ не мои, а взяты напрокатъ у жида. Имущество такой невѣрной собаки едва ли можетъ быть приношеніемъ угоднымъ Іисусу и Дѣвѣ Маріи.

Доффо поднялъ на нее глаза. Мона Лена съ едва замѣтной усмѣшкой кивнувъ головой, какъ будто подтверждая его тайную мысль, проговорила другимъ голосомъ, съ пѣвучимъ и нѣжнымъ венеціанскимъ говоромъ:

— Въ переулкѣ Бочаровъ у Санта Тринитà. Спроси кортезану Лену изъ Венеціи. Буду ждать...

Доффо оглянулся и увидѣлъ, что товарищи, увлеченные бросаніемъ камней и перебранкой съ вышедшей изъ-за угла шайкой противниковъ Савонаролы, такъ называемыхъ «бѣшеныхъ»—«аррабіати», не обращали болѣе вниманія на кортезану. Онъ хотѣлъ имъ крикнуть, чтобы они напали на нее, но вдругъ смутился и покраснѣлъ.

Лена засмѣялась, показывая между красными губами острые бѣлые зубы. Сквозь образъ Клеопатры и царицы Савской мелькнула въ ней венеціанская «маммола»,—шаловливая и задорная уличная дѣвочка.

Негры подняли носилки, и кортезана продолжала путь безмятежно. Собачка опять уснула на ея колѣняхъ, попугай нахохлился, и только неугомонная мартышка, строя уморительныя рожицы, старалась лапкою поймать карандашъ, которымъ вельможная блудница выводила первый стихъ отвѣтнаго сонета епископу:

Любовь моя чиста, какъ вздохи серафимовъ.

Доффо, уже безъ прежней удали, во главѣ своего отряда всходилъ по лѣстницѣ чертоговъ Медичи.

VII.

Въ темныхъ безмолвныхъ покояхъ, гдѣ все дышало величіемъ прошлаго, дѣти охвачены были робостью.

Но открыли ставни. Загремѣли трубы. Застучали барабаны. И съ радостнымъ крикомъ, смѣхомъ и пѣніемъ псалмовъ, и разсыпались маленькіе инквизиторы по заламъ,—творя судъ Божій надъ соблазнами искусства и науки, отыскивая и хватая «суеты и анаѳемы», по наитію Духа Святого.

Джіованни слѣдилъ за ихъ работой.

Наморщивъ лобъ, заложивъ руки за спину,—съ медлительной важностью, какъ судьи, расхаживали дѣти среди изваяній великихъ мужей, философовъ и героевъ языческой древности.

— Пиѳагоръ, Анаксименъ, Гераклитъ, Платонъ, Маркъ Аврелій, Эпиктетъ,—читалъ по складамъ одинъ изъ мальчиковъ латинскія надписи на подножіяхъ мраморныхъ и мѣдныхъ изваяній.

— Эпиктетъ!—остановилъ его Федериджи, насупивъ брови съ видомъ знатока,—это и есть тотъ самый еретикъ, который утверждалъ, что всѣ наслажденія позволены и что Бога нѣтъ. Вотъ кого бы сжечь! Жаль—мраморный...

— Ничего,—молвилъ бойкій, косоглазый Пиппо,—мы его все-таки поподчуемъ.

— Это не тотъ!—воскликнулъ Джіованни.—Вы смѣшали Эпиктета съ Эпикуромъ...

Но было поздно. Пиппо размахнулся, ударилъ молоткомъ и такъ ловко отбилъ носъ мудрецу, что мальчики захохотали.

— Э, все равно, Эпиктетъ, Эпикуръ—два сапога пара: tutti vanno al casa del diavolo! — повторилъ онъ любимую поговорку Савонаролы.

Передъ одной картиной Ботичелли заспорили. Доффо увѣрялъ, будто бы она соблазнительная, такъ какъ изображаетъ голаго юношу Вакха, пронзеннаго стрѣлами бога любви. Но Федериджи, соперничавшій съ Доффо въ умѣніи отличать «суеты и анаѳемы», подошелъ, взглянулъ и объявилъ, что это вовсе не Вакхъ.

— А кто же по-твоему?—сказалъ Доффо.

— Кто! Еще спрашиваетъ! Какъ же вы, братцы, не видите? Святой Первомученикъ Стефанъ!

Дѣти въ недоумѣніи стояли передъ загадочною картиною: если это былъ въ самомъ дѣлѣ святой, почему же голое тѣло его дышало такою языческою прелестью, почему выраженіе муки въ лицѣ было похоже на сладострастную нѣгу?

— Не слушайте, братцы,—закричалъ Доффо,—это мерзостный Вакхъ!

— Врешь, богохульникъ! —воскликнулъ Федериджи, поднимая крестъ, какъ оружіе.

Мальчики бросились другъ на друга. Товарищи едва могли ихъ разнять. Картина осталась подъ сомнѣніемъ.

Въ это время неугомонный Пиппо, вмѣстѣ съ Лука, который давно уже утѣшится и пересталъ хныкать о своихъ остриженныхъ кудряхъ,— ибо никогда еще, казалось ему, не участвовалъ онъ въ такихъ веселыхъ шалостяхъ — забрались въ маленькій темный покой. Здѣсь, у окна, на высокой подставкѣ стояла одна изъ тѣхъ вазъ, которыя изготовляются венеціанскими стекольными заводами Муррано. Задѣтая лучомъ сквозь щель закрытыхъ ставенъ, вся она искрилась въ темнотѣ огнями разноцвѣтныхъ стеколъ, какъ драгоцѣнными каменьями, подобная волшебному огромному цвѣтку.

Пиппо взобрался на столъ, тихонько, на ципочкахъ,—точно ваза была живая и могла убѣжать,—подкрался, плутовато высунулъ кончикъ языка, поднялъ брови надъ косыми глазами и толкнулъ ее пальцемъ. Ваза качнулась, какъ нѣжный цвѣтокъ, упала, засверкала, зазвенѣла жалобнымъ звономъ, разбилась—и потухла. Пиппо прыгалъ, какъ бѣсенокъ, ловко подкидывая вверхъ и подхватывая на лету алый крестъ. Лука съ широко-открытыми глазами, горѣвшими восторгомъ разрушенія, тоже скакалъ, визжалъ и хлопалъ въ ладоши.

Услышавъ издали радостные крики товарищей, вернулись они въ большую залу.

Здѣсь Федериджи нашелъ чуланъ со множествомъ ящиковъ, наполненныхъ такими «суетами», какихъ даже самые опытные изъ дѣтей никогда не видывали. То были маски и наряды для тѣхъ карнавальныхъ шествій, аллегорическихъ тріумфовъ, которые любилъ устраивать Лоренцо Медичи Великолѣпный. Дѣти столпились у входа въ чуланъ. При свѣтѣ сальнаго огарка выходили передъ ними картонныя чудовищныя морды фавновъ, стеклянный виноградъ вакханокъ, колчанъ и крылья Амура, кадуцей Меркурія, трезубецъ Нептуна и, наконецъ, при взрывѣ общаго хохота, появились деревянныя, позолоченныя, покрытыя паутиною, молніи Громовержца и жалкое, изъѣденное молью чучело олимпійскаго орла съ общипаннымъ хвостомъ, съ клочками войлока, торчавшаго изъ продырявленнаго брюха.

Вдругъ изъ пышнаго бѣлокураго парика, вѣроятно, служившаго Венерѣ, выскочила крыса. Дѣвочки завизжали. Самая маленькая, вспрыгнувъ на стулъ, брезгливо подняла платьице выше колѣнъ.

Надъ толпой повѣяло холодомъ ужаса и отвращенія къ этой языческой рухляди, къ могильному праху умершихъ боговъ. Тѣни летучихъ мышей, испуганныхъ шумомъ и свѣтомъ, бившихся о потолокъ, казались нечистыми духами.

Прибѣжалъ Доффо и объявилъ, что наверху есть еще одна запертая комната: у дверей сторожитъ маленькій, сердитый, красноносый и плѣшивый старичокъ, ругается и никого не пускаетъ.

Отправились на развѣдки. Въ старичкѣ, охранявшемъ двери таинственной комнаты, Джіованни узналъ своего друга, мессэра Джіорджіо Мэрулу, великаго книголюбца.

— Давай ключъ!—крикнулъ ему Доффо.

— А кто вамъ сказалъ, что онъ у меня?

— Дворцовый сторожъ сказывалъ.

— Ступайте, ступайте съ Богомъ!..

— Ой, старикъ, берегись! Повыдергаемъ мы тебѣ послѣдніе волосы!..

Доффо подалъ знакъ. Мессэръ Джіорджіо сталъ передъ дверями, собираясь защитить ихъ грудью. Дѣти напали на него, повалили, избили крестами, обшарили ему карманы, отыскали ключъ и отперли дверь. Это была маленькая рабочая комната съ драгоцѣннымъ книгохранилищемъ.

— Вотъ здѣсь, здѣсь,—указывалъ Мэрула,— въ этомъ углу—все, что вамъ надо. На верхнія полки не лазайте: тамъ ничего нѣтъ...

Но инквизиторы не слушали его. Все, что попадалось имъ подъ руку,—особенно книги въ роскошныхъ переплетахъ,—швыряли они въ одну кучу. Потомъ открыли настежъ окна, чтобы выбрасывать толстые фоліанты прямо на улицу, гдѣ стояла повозка, нагруженная «суетами и анаѳемами». Тибуллъ, Горацій, Овидій, Апулей, Аристофанъ,—рѣдкіе списки, единственныя изданія—мелькали передъ глазами Мэрулы.

Джіованни замѣтилъ, что старикъ успѣлъ выудить изъ кучи и ловко спряталъ за пазуху маленькій томикъ. Это была книга Марцеллина, съ повѣствованіемъ о жизни императора Юліана Отступника.

Увидѣвъ на полу списокъ трагедій Софокла на шелковистомъ пергаментѣ, съ тончайшими заглавными рисунками, онъ бросился къ ней съ жадностью, схватилъ ее и взмолился жалобно:

— Дѣточки! Милые! Пощадите Софокла! Это самый невинный изъ поэтовъ! Не троньте, не троньте! .

Съ отчаяніемъ онъ прижимахъ книгу къ груди. Но, чувствуя, какъ рвутся нѣжные словно живые листы,—заплакалъ, застоналъ, точно отъ боли,—отпустилъ ее и закричалъ въ безсильной ярости:

— Да знаете ли, подлые щенки, что единый стихъ этого поэта—большая святыня передъ Богомъ, чѣмъ всѣ пророчества вашего полоумнаго Джироламо!

— Молчи, старикъ, ежели не хочешь, чтобы мы и тебя вмѣстѣ съ твоими поэтами за окно выбросили! .

И снова напавъ на старика, дѣти взашей вытолкали его изъ книгохранилища.

Мэрула упалъ на грудь Джіованни.

— Уйдемъ, уйдемъ отсюда скорѣе. Не хочу я видѣть этого злодѣйства!..

Они вышли изъ дворца и мимо Маріи дель Фіоре направились на площадь Синьоріи.

VIII.

Передъ темною, стройною башнею Палаццо Веккіо, рядомъ съ Лоджіей Орканьи, былъ готовъ костеръ, въ дридцать локтей вышины и сто двадцать ширины,—восьмигранная пирамида, сколоченная изъ досокъ, съ пятнадцатью ступенями.

На первой нижней ступени собраны были шутовскія маски, наряды, парики, искуственныя бороды и множество другихъ принадлежностей карнавала. На слѣдующихъ трехъ—вольнодумныя книги, начиная отъ Анакреона и Овидія, кончая Декамерономъ Боккачіо и Морганте Пульчи. Надъ книгами—женскіе уборы, мази, духи, зеркала, пуховки, напилки для ногтей, щипцы для подвиванія, щипчики для выдергиванія волосъ. Еще выше—ноты, лютни, мандолины, карты, шахматы, кегли, мячики,—всѣ игры, которыми люди радуютъ бѣса. Потомъ — соблазнительныя картины, рисунки, портреты красивыхъ женщинъ. Наконецъ, на самомъ верху пирамиды—лики языческихъ боговъ, героевъ и философовъ изъ крашенаго воска и дерева. Надо всѣмъ возвышалось громадное чучело, изображеніе дьявола, родоначальника «суетъ и анаѳемъ»—начиненное сѣрой и порохомъ, чудовищно размалеванное, мохнатое, козлоногое, похожее на древняго бога Пана.

Вечерѣло. Воздухъ былъ холоденъ, звонокъ и чистъ. Въ небѣ затеплились первыя звѣзды. Толпа на площади шелестѣла и двигалась съ благоговѣйнымъ шепотомъ, какъ въ церкви. Раздавались духовные гимны—laudi spirituali—учениковъ Савонаролы, такъ называемыхъ «плаксъ». Риѳмы, напѣвъ и размѣръ остались прежними, карнавальными. Но слова передѣланы были на новый ладъ. Джіованни прислушался, и дикимъ казалось ему противорѣчіе унылаго смысла съ веселымъ напѣвомъ:

Tò tre once almen di speme,
Tre di fede e sei d'amore...
Взявъ три унціи любви,
Вѣры—три и шесть—надежды,
Двѣ—раскаянья,—смѣшай
И поставь въ огонь молитвы,
Три часа держи въ огнѣ,

Прибавляй духовной скорби,
Сокрушенія, смиренья,
Сколько нужно, для того,
Чтобы вышла мудрость Божья.

Подъ Кровлею Пизанцевъ, человѣкъ въ желѣзныхъ очкахъ, съ кожаннымъ передникомъ, съ ремешкомъ на жидкихъ, прямыхъ, смазанныхъ масломъ, косицахъ волосъ, съ корявыми мозолистыми руками, проповѣдывалъ передъ толпою ремесленниковъ, повидимому, такихъ же «плаксъ», какъ онъ.

— Я—Руберто, ни сэръ, ни мессэръ, а пó-просту портной флорентинскій,—говорилъ онъ, ударяя себя въ грудь кулакомъ,—объявляю вамъ, братья мои, что Іисусъ, король Флоренціи, во многихъ видѣніяхъ изъяснилъ мнѣ съ точностью новое угодное Богу правленіе и законодательство. Желаете ли вы, чтобы не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни малыхъ, ни великихъ,—чтобы всѣ были равны?

— Желаемъ, желаемъ! Говори, Руберто, какъ это сдѣлать.

— Если имѣете вѣру,—сдѣлать легко. Разъ, два—и готово. Первое,—онъ загнулъ большой палецъ лѣвой руки указательнымъ правой,—подоходный налогъ, именуемый лѣстничною десятиною. Второе,—онъ загнулъ еще одинъ палецъ,—всенародный, боговдохновенный парламэнто...

Потомъ остановился, снялъ очки, протеръ ихъ, надѣлъ, неторопливо откашлялся и однообразнымъ, шепелявымъ голосомъ, съ упрямымъ и смиреннымъ самодовольствомъ на тупомъ лицѣ, началъ изъяснять, въ чемъ заключается лѣстничная десятина и боговдохновенный парламэнто.

Джіованни слушалъ, слушалъ,—и тоска взяла его. Онъ отошелъ на другой конецъ площади.

Здѣсь въ вечернихъ сумеркахъ монахи двигались, какъ тѣни, занятые послѣдними приготовленіями. Къ брату Доминико Буонвичини, главному распорядителю, подошелъ человѣкъ на костыляхъ, еще не старый, но, должно быть, разбитый параличемъ, съ дрожащими руками и ногами, съ неподымавшимися вѣками. По лицу его пробѣгала судорога, подобная трепетанію крыльевъ подстрѣленной птицы. Онъ пóдалъ монаху большой свертокъ.

— Что это?—спросилъ Доминико.—Опять рисунки?

— Анатомія. Я и забылъ о нихъ. Да вчера во снѣ слышу голосъ: у тебя надъ боттегою, Сандро, на чердакѣ въ сундукахъ есть еще суеты и анаѳемы. Всталъ, пошелъ и отыскалъ вотъ эти рисунки голыхъ тѣлъ.

Монахъ взялъ свертокъ и молвилъ съ веселой, почти игривой улыбкой:

— А славный мы огонекъ запалимъ, мессэръ сэръ Филипепи!

Тотъ посмотрѣлъ на пирамиду суетъ и анаѳемъ.

— О, Господи, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! — вздохнулъ онъ.—Если бы не братъ Джироламо, — такъ бы и померли безъ покаянія, не очистившись. Да и теперь еще,—кто знаетъ,—спасемся ли, успѣемъ ли отмолить?

Онъ перекрестился и забормоталъ молитвы, перебирая четки.

— Кто это?—спросилъ Джіованни стоявшаго рядомъ монаха.

— Сандро Боттичелли, сынъ дубильщика Маріано Филипепи,— отвѣтилъ тотъ.

IX.

Когда совсѣмъ стемнѣло, надъ толпою пронесся шепотъ: «идутъ, идутъ».

Въ молчаніи, въ сумракѣ, безъ гимновъ, безъ факеловъ, въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, дѣти-инквизиторы шли, неся на рукахъ изваяніе Младенца Іисуса. Одною рукой онъ указывалъ на терновый вѣнецъ на своей головѣ, другою—благословлялъ народъ. За ними шли монахи, клиръ, гонфалоньеры, члены Совѣта Восьмидесяти, каноники, доктора и магистры богословія, рыцари Капитана Барджелло, трубачи и булавоносцы.

На площади сдѣлалось тихо, какъ передъ смертною казнью.

На Рингьеру,—каменный помостъ передъ Старымъ Дворцомъ—взошелъ Савонарола, высоко поднялъ Распятье и произнесъ торжественнымъ громкимъ голосомъ:

— Во имя Отца и Сына и Духа Святаго,—зажигайте!

Четыре монаха подошли къ пирамидѣ, съ горящими смоляными факелами, и подожгли ее съ четырехъ концовъ.

Пламя затрещало. Повалилъ сперва сѣрый, потомъ черный дымъ. Трубачи затрубили. Монахи грянули: «Тебя Бога хвалимъ». Дѣти звонками голосами подхватили:

«Lumen ad revelationem gentium et gloriam plebis Israël».

На башнѣ Стараго Дворца ударили въ колоколъ, и могучему мѣдному гулу его отвѣтили колокола на всѣхъ церквахъ Флоренціи.

Пламя разгоралось все ярче. Нѣжные словно живые, листы древнихъ пергаментныхъ книгъ коробились и тлѣли. Съ нижней ступени, гдѣ лежали карнавальныя маски, взвилась и полетѣла пылающимъ клубомъ накладная борода. Толпа радостно ухнула и загоготала.

Одни молились, другіе плакали. Иные смѣялись, прыгая, махая руками и шапками. Иные пророчествовали.

— Пойте, пойте Господу новую пѣснь! — выкрикивалъ хромой сапожникъ, съ полоумными глазами.—Рухнетъ все, братья мои, сгоритъ, сгоритъ все до тла, какъ эти суеты и анаѳемы въ огнѣ очистительномъ,—все, все, все—церковь, законы, правленія, власти, искусства, науки,—не останется камня на камнѣ, — и будетъ новое небо, новая

земля! И отретъ Богъ всякую слезу съ очей нашихъ, и смерти не будетъ,—ни плача, ни скорби, ни болѣзни! Ей гряди, Господи Іисусе!..

Молодая беременная женщина съ худымъ страдальческимъ лицомъ, должно быть, жена бѣднаго ремесленника, упала на колѣни и, протягивая руки къ пламени костра,—какъ будто видѣла въ немъ самого Христа,—надрываясь, всхлипывая, подобно кликушѣ, вопила:

— Ей гряди, Господи Іисусе! Аминь! Аминь! Гряди!

X.

Джіованни смотрѣлъ на озаренную, но еще нетронутую пламенемъ картину. То было созданіе Леонардо да Винчи.

Надъ вечерними водами горныхъ озеръ стояла бѣлая Леда. Исполинскій лебедь крыломъ охватилъ ея станъ, выгибая длинную, шею, наполняя пустынное небо и землю крикомъ торжествующей любви. Въ ногахъ ея, среди водяныхъ растеній, животныхъ и насѣкомыхъ, среди прозябающихъ сѣмянъ, личинокъ и зародышей, въ тепломъ сумракѣ, въ душной сырости, копошились новорожденные близнецы,—полубоги, полузвѣри,—Касторъ и Поллуксъ, только что вылупившись изъ разбитой скорлупы огромнаго яйца. И Леда любовалась на дѣтей своихъ, обнимая шею лебедя съ цѣломудренной улыбкой.

Джіованни слѣдилъ, какъ пламя подходитъ къ ней все ближе и ближе,—и сердце его замирало отъ ужаса.

Въ это время монахи водрузили черный крестъ посерединѣ площади, потомъ, взявшись зà руки, образовали три круга во славу Троицы и, знаменуя духовное веселіе вѣрныхъ о сожженіи суетъ и анаѳемъ, начали пляску, сперва медленно, потомъ все быстрѣе, быстрѣе и, наконецъ, помчались вихремъ, съ пѣснею:

Ognun gridi, com'io grido,
Sempre pazzo, pazzo, pazzo!

Предъ Господомъ смиритесь,
Пляшите, не стыдитесь,
Какъ царь Давидъ плясалъ,
Подымемъ наши ряски,—
Смотрите, чтобы въ пляскѣ
Никто не отставалъ.

Опьяненные любовью
Къ истекающему кровью
Сыну Бога на крестѣ,
Дики, радостны и шумны,—
Мы безумны, мы безумны,
Мы безумны во Христѣ!

У тѣхъ, кто смотрѣлъ, голова кружилась, ноги и руки сами собою подергивались,—и вдругъ, сорвавшись съ мѣста, дѣти, старики и женщины пускались въ бѣшенную пляску. Плѣшивый, угреватый и тол-

стый монахъ, похожій на стараго фавна, сдѣлавъ неловкій прыжокъ, поскользнулся, упалъ и разбилъ себѣ голову до крови. Едва успѣли его вытащить изъ толпы,—а то растоптали бы до смерти.

Багровый, мерцающій отблескъ огня озарялъ искаженныя лица. Громадную тѣнь кидало Распятье,—неподвижное средоточіе вертящихся круговъ.

Мы крестиками машемъ
И пляшемъ, пляшемъ, пляшемъ,
Какъ царь Давидъ плясалъ.
Несемся другъ за другомъ
Все кругомъ, кругомъ, кругомъ,
Справляя карнавалъ.
Попирая мудрость вѣка
И гордыню человѣка,
Мы, какъ дѣти, въ простотѣ
Будемъ Божьими шутами,
Дурачками, дурачками,
Дурачками во Христѣ!

Пламя, охватывая Леду, лизало краснымъ языкомъ голое бѣлое тѣло, которое сдѣлалось розовымъ, точно живымъ,—еще болѣе таинственнымъ и прекраснымъ.

Джіованни смотрѣлъ на нее, дрожа и блѣднѣя.

Леда улыбнулась послѣдней улыбкой, вспыхнула, растаяла въ огнѣ, какъ облако въ лучахъ зари,—и скрылась навѣки.

Громадное чучело бѣса на вершинѣ костра запылало. Брюхо его, начиненное порохомъ, лопнуло съ оглушительнымъ трескомъ. Огненный столбъ взвился до небесъ. Чудовище медленно покачнулось на пламенномъ тронѣ, поникло, рухнуло и разсыпалось тлѣющимъ жаромъ углей.

Снова грянули трубы и литавры. Ударили во всѣ колокола. И толпа завыла неистовымъ, побѣднымъ воемъ, какъ будто самъ дьяволъ погибъ въ огнѣ священнаго костра—съ неправдой, мукой и зломъ всего міра.

Джіованни схватился за голову и хотѣлъ бѣжать. Чья-то рука опустилась на плечо его, и, оглянувшись, онъ увидѣлъ спокойное лицо учителя.

Леонардо взялъ его за руку и вывелъ изъ толпы.

XI.

Съ площади, покрытой клубами смраднаго дыма, освѣщенной заревомъ потухающаго костра, вышли они черезъ темный переулокъ на берегъ Арно.

Здѣсь было тихо и пустынно. Только волны журчали. Лунный серпъ озарялъ спокойныя вершины холмовъ, посеребренныя инеемъ. Звѣзды мерцали строгими и нѣжными лучами.

— Зачѣмъ ты ушелъ отъ меня, Джіованни? — произнесъ Леонардо.

Ученикъ поднялъ взоръ, хотѣлъ что-то сказать, но голосъ его пресѣкся, губы дрогнули, и онъ заплакалъ.

— Простите, учитель...

— Ты предо мною ни въ чемъ не виноватъ, — возразилъ художникъ.

— Я самъ не зналъ, что дѣлаю, — продолжалъ Бельтраффіо.— Какъ могъ я,—о Господи,—какъ могъ уйти отъ васъ!..

Онъ хотѣлъ было разсказать учителю свое безуміе, свою муку, свои страшныя двоящіяся мысли о чашѣ Господней и чашѣ бѣсовской, о Христѣ и Антихристѣ, но почувствовалъ опять, какъ тогда, передъ памятникомъ Сфорца, что Леонардо не пойметъ его, — и только, съ безнадежною мольбою смотрѣлъ въ глаза его, ясные, тихіе и чуждые, какъ звѣзды.

Учитель не разспрашивалъ его, словно все угадавъ, и съ улыбкой безконечной жалости, положивъ ему руку на голову, сказалъ:

— Господь тебѣ да поможетъ, мальчикъ мой бѣдный! Ты знаешь, что я всегда любилъ тебя, какъ сына. Если хочешь снова быть ученикомъ моимъ, я приму тебя съ радостью.

И какъ будто про себя, съ той особою загадочною и стыдливою краткостью, съ которою обыкновенно выражалъ онъ свои тайныя мысли,—прибавилъ чуть слышно:

— Чѣмъ больше чувства,—тѣмъ больше муки. Великое мученичество!

Звонъ колоколовъ, пѣсни монаховъ, крики безумной толпы слышались издали,—но уже не нарушали безмолвія, которое окружало учителя и ученика.

Д. С. Мережковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

/

ЛИТЕРАТУРА РОМАНСКОЙ ШВЕЙЦАРІИ.

(Историко-критическій этюдъ).

«Qest cequ'un écrit?» — «Une parole qui dure».

Louis Blanc.

—«Si je revenais dans un siècle, pour sa voir où ils en sont, je demanderais le dernier ouvrage de littérature imprimé».

Diderot

Сорокъ три писателя на 100.000 жителей—такимъ отношеніемъ могутъ гордиться во всемъ мірѣ только два центра: Парижъ и маленькая Женева—меньшій кантонъ едва ли не наименьшаго изъ государствъ. Но тогда какъ литература Франціи хоть по наслышкѣ, хоть по переводамъ извѣстна всѣмъ и каждому, о существованіи швейцарской литературы едва ли кто знаетъ, какъ и вообще обо всей обширной французской литературѣ внѣ франціи,—литературѣ Бельгіи Голландіи, Канады и пр. Старшая сестра затмила ихъ своимъ богатствомъ и остроуміемъ. Но не бѣдны, не безсодержательны и тѣ литературы, и главное—не безличны.

Романской называется та часть Швейцаріи, жители которой говорятъ на французскомъ языкѣ. Она обнимаетъ кантоны Женевскій, Водскій, Невшательскій, большую часть Фрибургскаго и Валезанскаго и небольшую часть Бернской Юры,всего около 600.000 человѣкъ.

Собственно народный говоръ всей этой части Швейцаріи едва ли имѣетъ что общее съ французскимъ языкомъ. Романское патуа—языкъ древнихъ пѣсенъ и легендъ, наивный, звучный и оригинальный—теперь все больше и больше забывается и исчезаетъ, переходя въ область исторіи, памятники которой швейцарцы стали собирать только совсѣмъ недавно, когда многое ужъ погибло безвозвратно.

Разговорный языкъ романской Швейцаріи также не чисто французскій, а имѣетъ массу своихъ особенностей, приближающихъ его нѣсколько къ бургундскому нарѣчію. Но объ этомъ впереди.

Литература же, та литература, которая явилась продуктомъ болѣе высокой культуры и результатомъ творчества наиболѣе развитыхъ

единицъ, выдвинутыхъ талантомъ надъ общимъ уровнемъ народа и общества,—литература, которой принадлежитъ будущее, — презрѣла народными идіомами и орудіемъ своимъ взяла французскій языкъ, стремясь достигнуть его классической красоты и правильности. Однако, не смотря на всѣ старанія швейцарскихъ писателей вполнѣ усвоить себѣ чисто французскій слогъ, литература ихъ, и по формѣ и по содержанію, носитъ яркій отпечатокъ своего альпійскаго происхожденія, и, какъ альпійская роза, сохраняетъ и яркость красокъ, и свѣжесть аромата оригинальной горной флоры.

Альпы, подъ сѣнью которыхъ развивалась романская жизнь и литература, не дали имъ пріобрѣсти характера единства и цѣльности,—своеобразіе и разнообразіе отмѣтили и народный бытъ, и литературное творчество швейцарцевъ. Неприступность горъ обезпечила самобытность, различіе условій жизни на склонахъ горъ, въ ущельяхъ и долинахъ и на берегахъ озеръ, опредѣлило богатство и разнообразіе. Горы помѣшали сформироваться единой и цѣльной Швейцаріи, вызвавъ образованіе многихъ мелкихъ центровъ, различныхъ по духу, по нравамъ, по культурѣ. Горы же оградили народную вольность и обезпечили свободное развитіе. Сосѣдняя Францiя, при всей мощи своего духовнаго развитія, не съумѣла покорить своему вліянію маленькую страну, несмотря на то, что общность языка, казалось бы, обезпечивала и легкость, и вѣрность побѣды. Но Швейцарія нетолько не подпала вліянію сильной Франціи, но еще и сама не разъ давала толчекъ ея развитію, направленіе ея духовной культурѣ. Руссо, Сталь и Неккеръ, и много другихъ развились на швейцарской почвѣ, и даже великая французская революція не чужда, по крайней мѣрѣ въ своемъ началѣ, тому же вліянію.

Но не однѣ лишь горы, защитившія вольность, и свойства природы, обусловившія своеобразіе, опредѣлили характеръ и намѣтили путь развитія романской Швейцаріи: реформація наложила на нее неизгладимую печать и направила теченіе романской жизни совершенно не по тому руслу, по какому течетъ она въ католической Франціи. Духъ реформаціи отразился и въ литературѣ и, притомъ, такъ сильно, что швейцарская литература и до сихъ поръ не освободилась отъ его вліянія. Реформація, впрочемъ, коснулась только трехъ изъ названныхъ выше кантоновъ: Женевскаго, Водскаго и Невшательскаго, но эти-то именно кантоны и затмили своимъ литературнымъ развитіемъ оставшіеся католическими, по крайней мѣрѣ въ большей своей части, кантоны Вале и Фрибургъ, къ тому же, наполовину французскіе, на половину нѣмецкіе по языку. Мало того: изъ трехъ реформированныхъ кантоновъ Водскій, принявшій реформу позднѣе и труднѣе, и въ своемъ литературномъ развитіи отставалъ отъ болѣе передовыхъ Женевы и Невшателя. Но поздній разцвѣтъ тамъ ярче и душистѣе.

Итакъ, съ одной стороны французскій языкъ, съ другой—проте-

стантство. Въ этомъ сближеніи двухъ какъ бы разнородныхъ элементовъ нѣкоторые теоретики и историки романской литературы склонны видѣть причину своеобразности ея въ прошедшемъ и настоящемъ и залогъ выполненія ею въ будущемъ великой задачи сближенія католической Франціи съ протестантскимъ міромъ (Rossel и др.). Другіе же ограничиваются указаніемъ на своеобразіе, силу и богатство горной природы и въ ней ищутъ и находятъ причину и объясненіе «оригинальности и мощи» своей литературы. Но зато есть между ними и такіе, которые не задумываясь отрицаютъ нетолько богатство и оригинальность родной литературы, но и самое существованіе ея. Мнѣ лично не разъ приходилось наталкиваться на такое презрительное отношеніе швейцарцевъ къ своей литературѣ. Примѣромъ можетъ служить отвѣтъ стараго Жаке, десятки лѣтъ завѣдующаго въ Ивердонѣ публичной библіотекой, помѣщающейся въ томъ самомъ замкѣ, гдѣ нѣкогда великій Песталоцци, «живя какъ нищій, училъ нищихъ быть людьми» *). Въ отвѣтъ на просьбу назвать шедевры швейцарской литературы, на дѣтски открытомъ типичномъ лицѣ стараго швейцарца явилась недоумѣвающая улыбка: «Да развѣ у насъ есть шедевры? Какая у насъ литература! Вы, можетъ быть, хотите сказать французской». Но есть и болѣе компетентныя отрицанія. Хроникеръ одного изъ журналовъ романской Швейцаріи съ горечью отмѣчаетъ слѣдующій фактъ: одинъ нѣмецкій швейцарскій авторъ (Isabella Kaiser), говоря о романской литературѣ, «упрекаетъ ее главнымъ образомъ въ несуществованіи». Хроникеръ утѣшается, впрочемъ, тѣмъ, что нѣмецкій вкусъ ищетъ «кричащихъ эффектовъ и рѣзкихъ цвѣтовъ» и тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, не находитъ ничего.

Есть ли, нѣтъ ли,—вопросъ болѣе трудный, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Несомнѣнно есть, если подъ литературой подразумѣвать всю совокупность духовнаго словеснаго творчества народа, независимо отъ силы и направленія этого творчества; есть, если подъ литературой понимать лишь словесныя произведенія, отмѣченныя болѣе или менѣе оригинальнымъ національнымъ талантомъ; но если литературу, самобытную національную литературу признавать только за тѣми странами, которыя могутъ гордиться геніями, то.... то и тогда романская Швейцарія имѣетъ свою литературу, потому что Руссо принадлежитъ ей.

Дагэ (M. A. Daguet), одинъ изъ лучшихъ швейцарскихъ историковъ, писалъ еще въ 1847 году: «Швейцарія, литература которой такъ богата, не имѣетъ еще своей исторіи литературы». Съ тѣхъ поръ прошло болѣе пятидесяти лѣтъ, и только въ самые послѣдніе года одна за другой явились нѣсколько книгъ, излагающихъ болѣе или менѣе полно

*) Изъ надписи на его памятникѣ.

и безпристрастно исторію литературы романской *) и нѣмецкой **) Швейцаріи. Ранѣе эта исторія писалась отдѣльными главами, отдѣльными мелкими монографіями. Перечень авторовъ былъ бы слишкомъ длиненъ: Bridel, Bordier, Blondel, Gaullieur, и мн. мн. др., и притомъ съ какихъ разныхъ точекъ зрѣнія! «Мы народъ не особенно-то литературный», писалъ одинъ; «я убѣжденъ, что мы одинъ изъ самыхъ литературныхъ народовъ въ мірѣ», говорилъ другой. Одни признавали швейцарскими писателями лишь тѣхъ, кто родился, воспитался и работалъ въ Швейцаріи, кто все отъ нея получилъ и ей же все отдавалъ,— другіе же, напротивъ, считали въ числѣ швейцарскихъ писателей и тѣхъ, кто, родившись или же нетолько родившись, но и развившись въ ея предѣлахъ, жилъ и трудился внѣ ихъ, и тѣхъ, кто, покидая почему-либо свою родину, искалъ и находилъ въ Швейцаріи свое второе отечество.

Переходя, затѣмъ, къ самымъ центрамъ швейцарской жизни и литературы, нужно прежде всего указать на существующія между этими центрами различія, опредѣлившія собою и характеръ творчества въ каждой отдѣльной части Швейцаріи. Уже три вельскіе кантона, болѣе другихъ «литературные», являютъ всю силу этого различія.

Крошечная Женевская республика, закаленная въ постоянной борьбѣ за свою свободу и свои вольности, центръ иммиграціи искавшихъ и находившихъ въ ней убѣжище гонимыхъ изъ всѣхъ странъ, — хотя и стала космополитической, но сохранила все тѣ же кальвинистскія, суровыя и трезвыя традиціи,—и требованія разумной пользы ставитъ выше непосредственнаго поэтическаго вдохновенія.

Лозанна со своимъ Водскимъ кантономъ не боролась и не страдала. Водуазецъ лѣниво и безпечно мечталъ и предавался созерцанію вдали отъ всякихъ пограничныхъ распрей, борьбы и грома и блеска. Онъ жилъ тихой внутренней жизнью на берегахъ своего голубого Лемана, мѣшая дѣйствительность съ грезой. «Счастливая страна, въ которой самыя революціи проливали больше вина, чѣмъ крови!» восклицаетъ Годэ. «Водуазецъ—не онъ будетъ, если поторопится», говорятъ о нихъ другіе швейцарцы. И вотъ, въ то время, какъ *женевецъ* пропагандируетъ, полемизируетъ, изучаетъ и научаетъ, *водуазецъ* поетъ, мечтаетъ и философствуетъ, *невшателецъ* разсуждаетъ и систематизируетъ. Въ немъ есть врожденная правовая складка; онъ сдержанъ, остороженъ и благоразуменъ; предпріимчивъ и изобрѣтателенъ, но изобрѣтательность его направлена преимущественно въ практическую сторону. Невшатель далъ и даетъ литературѣ сочиненія юридическія, полемическія и политическія, въ которыхъ логика и здравый смыслъ стоятъ на первомъ мѣстѣ.

Такъ было до сихъ поръ, такъ остается еще и теперь. Суровый

*) V. Rossel, «Histoire littéraire de la Suisse romande». Ph. Godet. «Histoire littéraire de la Suisse française».

**) Bechtold, «Geschichte der deutschen Litteratur in der Schweiz».

духъ кальвинизма еще живъ и силенъ, но разница уже замѣтна: прежде онъ проникалъ всѣ стороны жизни, подавляя всякую попытку независимой критики, свободнаго творчества, свободнаго вдохновенія. Кальвинизмъ сдѣлалъ то, что «искусство для искусства» неизвѣстно швейцарской литературѣ, и только побѣдой надъ кальвинизмомъ объясняется появленіе въ романской литературѣ бытовой школы и соціальнаго романа. Вотъ эти-то послѣднія попытки и остановили мое вниманіе, возбудивъ интересъ къ романской литературѣ, желаніе изучить ее и познакомить съ ней другихъ.

Первые признаки литературнаго пробужденія романской Швейцаріи восходятъ къ XIV вѣку. Что было раньше—неизвѣстно. Швейцарцы только недавно обратились къ изученію своей старины, къ собиранію легендъ и пѣсенъ и къ изданію ихъ. Многое уже, можетъ быть, безвозвратно потеряно, многое искажено. А между тѣмъ, здѣсь были когда-то свои трубадуры; ихъ пѣсни звучали среди горъ на теперь ужъ на половину забытомъ романскомъ патуа. Изъ того, что дошло до насъ отъ тѣхъ далекихъ временъ, на первомъ мѣстѣ, конечно, стоитъ «Ranz der Vaches». Швейцарцы гордятся своимъ «безсмертнымъ шедевромъ», и поютъ, и изучаютъ его въ школахъ.

Французскій языкъ водворился въ романской Швейцаріи только въ XIII вѣкѣ, и только съ XIV, XV вѣковъ являются первыя робкія попытки литературнаго творчества на немъ. Оттонъ Грандсонскій (Othon de Grandson) былъ первымъ поэтомъ, Гюгъ де-Пьеръ (Hugues de Pierre) первымъ хроникеромъ. Рыцарь и монахъ, оба они писали образнымъ цвѣтистымъ языкомъ, мало похожимъ на языкъ современной литературы. И въ то, время какъ поэтъ-рыцарь пѣлъ про личную скорбь и измѣны милой, монахъ-хроникеръ, весь проникнутый воинственнымъ энтузіазмомъ, отмѣчалъ шагъ за шагомъ все, что, по его разсужденію, способствовало «славѣ и благоденствію отечества».

Такова первая страница исторіи романской литературы. Слѣдующія нѣсколько страницъ не такъ, можетъ быть, ярки и оргинальны, какъ первая, но и ихъ, еслибъ время, не мѣшало бы просмотрѣть. Здѣсь на смѣну Невшателю является Водскій кантонъ и, наконецъ, Женева. На одной изъ этихъ страницъ нельзя не остановиться. Она помѣчена именемъ Бонивара (Franisc Bonivard), знаменитаго «Шильонскаго узника». То была эпоха борьбы Женевы съ герцогами савойскими: этой борьбой наполненъ весь XVI вѣкъ. Бониваръ (1493 — 1570), бывшій пріоромъ въ бенедиктинскомъ монастырѣ, близъ самой Женевы, примкнулъ къ образовавшейся тамъ молодой національной партіи, враждебной Савойѣ и горячо ратовалъ за свободу и независимость своего города. Но борьба была неравная, и могущественные враги дважды овладѣвали Бониваромъ: сначала три года заключенія, потомъ шесть лѣтъ, проведенныхъ въ мрачной Шильонской тюрьмѣ; воды Лемана слабо бились о толстыя стѣны каменной темницы; короткая

цѣпь приковывала его къ высѣченной въ скалѣ колоннѣ, давая ему, по его собственнымъ словамъ, «такую свободу гулять, что слѣды его ногъ остались на вѣки выдолбленными въ каменномъ полу...» у колонны. Много было имъ продумано въ долгіе годы заключенія, много мыслей формулировано на французскомъ и латинскомъ языкахъ и записано впослѣдствіи, когда, освобожденный, онъ вернулся въ свободную же реформированную Женеву. Духъ независимой критики былъ такъ силенъ въ Бониварѣ, что онъ и предъ реформой не склонился, смѣло отмѣчая ея крайности и недостатки, что, впрочемъ, не помѣшало Кальвину поручить ему составленіе «Женевскихъ хроникъ» (начатыхъ имъ въ 1542 г. и оконченныхъ въ 1551 г.), но помѣшало ихъ напечатать; онѣ увидѣли свѣтъ только много позднѣе. Здравой критикой проникнуты всѣ труды Бонивара, жизнерадостнымъ настроеніемъ вѣетъ отъ его остраго и мѣткаго слога; ни тѣни внутренней муки, ни слѣда перенесенныхъ мученій. Пробовалъ онъ и стихи писать, но, по удачному выраженію одного швейцарскаго историка, «былъ поэтомъ только въ прозѣ».

Бониваръ и три другіе, жившіе почти одновременно съ нимъ хроникера, незамѣтно вводятъ насъ въ самый разгаръ эпохи реформаціи, этой великой религіозной и нравственной революціи, отразившейся на всѣхъ сторонахъ общественной и политической жизни реформированныхъ странъ. Дѣятелями реформаціи въ Швейцаріи были: Фарель (Guillaume Farel), Вире (Pierre Viret), Кальвинъ (Picard Calvin), и Де-Безъ (Theodore de Bèze). Ихъ дѣятельность, какъ реформаторовъ, хорошо извѣстна, какъ извѣстна и ихъ личная характеристика. Южанинъ Фарель, безстрашный піонеръ реформы, увлекательный и увлекающійся, приготовилъ путь Кальвину и уступилъ ему дорогу. Кальвинъ—суровый, свѣтлый умъ, научно-развитой и дисциплинированный. Вире—ученикъ и послѣдователь Фареля. Де-Безъ—послѣдователь и другъ Кальвина. Права ихъ на мѣсто и имя въ исторіи литературы различны: Фарель и не претендуетъ на нихъ, онъ былъ всецѣло ораторомъ и проповѣдникомъ, пера не любилъ и почти имъ не пользовался; онъ самъ сказалъ: «если я что и написалъ, то только по принужденію, да и то нехотѣлъ, чтобъ выставляли мое имя».

Кальвину принадлежитъ, конечно, первое мѣсто. Это былъ и ораторъ, и политикъ, и писатель, а писатель больше, чѣмъ ораторъ. Его «Institution chrétienne», написанная еще, впрочемъ, во Франціи, считается шедевромъ французской прозы того времени. Написанное имъ здѣсь, въ Швейцаріи, не уступаетъ ни по слогу, ни по языку его «Institution»: тотъ же чисто французскій литературный языкъ, та же логическая ясность, сила и простота слога, и въ его «Commentaires»—и въ «Confession», въ «Sermons» и «Lettres».

Но первое мѣсто въ чисто швейцарской литературѣ безспорно должно быть отведено Вире. Вире (1511—1571 г.)—водуазецъ; его писа-

нія не отличаются литературными достоинствами,—это первый лепетъ пробуждающагося національнаго сознанія, разбуженнаго реформой, это первый писатель изъ народа, сохранившій въ своемъ слогѣ особенности мѣстнаго говора, въ своихъ многотомныхъ писаніяхъ особенности мѣстнаго колорита. Пятьдесятъ томовъ его писаній не блещутъ отдѣлкой; у него не доставало времени быть краткимъ! Де-Безъ писалъ и даже стихами, но изъ всѣхъ его произведеній дѣлаетъ ему честь одна лишь «Vie de Calvin», тепло и обстоятельно написанная біографія Кальвина.

Другихъ именъ реформація исторіи литературы не дала, да и не могла дать. Реформація, стремившаяся все подчинить себѣ, и литературу обратила въ свою пособницу и слугу, и пользовалась ею какъ средствомъ, какъ орудіемъ пропаганды. И эта служебная роль литературы надолго, если не навсегда, осталась за ней. «Искусство для искусства» незнакомо, немыслимо въ Швейцаріи,—тенденція въ ней все или *почти* все, потому что свободное творчество и здѣсь все-таки иногда невольно прорывается. Но та же вѣчно живая въ Швейцаріи тенденція привела естественнымъ путемъ къ созданію соціальнаго романа, которому принадлежитъ будущее.

Реформація такъ глубоко измѣнила теченіе романской жизни, такъ властно отразилась на всѣхъ ея сторонахъ, что въ реформѣ можно искать и находить начало и объясненіе огромной массы явленій этой жизни. Такъ, ко временамъ реформы восходитъ основаніе въ романской Швейцаріи всевозможныхъ школъ, библіотекъ, коллежей, Лозанской и Женевской академій,—тѣхъ центровъ, отъ которыхъ исходитъ и къ которымъ возвращается все умственное и художественное движеніе романскаго духа. Тамъ же и тогда же дѣятельно работаютъ швейцарскіе и иностранные печатники.

Потребовалось не менѣе двухсотъ лѣтъ, чтобъ національное сознаніе сбросило съ себя спутывавшія и душившія его путы кальвинизма. Реформа, давъ сначала толчокъ и импульсъ всему, не обезпечила развитію свободы, подавивъ его неподвижностью своего авторитета. Но вотъ сначала робко, потомъ все смѣлѣе и сильнѣе заговорило національное сознаніе, вспомнивъ и свою до-реформенную независимость, и свою жизнерадостность и любовь къ свободѣ.

Наступилъ восемнадцатый вѣкъ, возродилась къ свободѣ и романская Швейцарія, но двухсотлѣтнее вліяніе кальвинизма не прошло для нея безслѣдно. Подавляя національный духъ своимъ объединяющимъ господствомъ, оно положило начало тому объединенію, которое въ послѣднее время отразилось даже на ходѣ политической жизни Швейцаріи.

Но прежде чѣмъ вступить на путь болѣе или менѣе свободнаго національнаго развитія, романская Швейцарія пережила въ XVIII в. періодъ умственной и художественной полуавтономіи, въ который, переставъ быть исключительно протестантской, она, прежде чѣмъ стать сама

собой, прошла чрезъ французское вліяніе, и только въ XIX вѣкѣ, во второй его половинѣ стала возвышаться надъ этимъ вліяніемъ. Немалую роль въ смыслѣ французскаго вліянія играло то обстоятельство, что Швейцарія не разъ и не два, а много разъ за это время имѣла общихъ съ Франціей писателей и ученыхъ, права на которыхъ у обѣихъ странъ были, по крайвей мѣрѣ, одинаковы. Къ числу такихъ представителей умственной и художественной жизни двухъ смежныхъ странъ, къ числу художниковъ и мыслителей, общихъ Франціи и романской Швейцаріи, относятся въ XVIII вѣкѣ два великихъ имени, которыми справедливо гордится Франція и которыя съ понятнымъ упорствомъ и увлеченіемъ старается оспорить у нея Швейцарія. Вольтеръ и Руссо хорошо знакомы намъ по исторіи французской мысли и литературы; намъ извѣстно ихъ международное значеніе; посмотримъ здѣсь, на чемъ основываетъ Швейцарія свои притязанія на нихъ и на другихъ дѣятелей XVIII вѣка, игравшихъ болѣе или менѣе выдающуюся роль въ жизни Европы того времени. Вотъ что говоритъ Годэ въ своей Исторіи» *): «Женева издаетъ въ свѣтъ «Духъ законовъ **), принимаетъ Вольтера, производитъ Руссо, даетъ Франціи Неккера съ его знаменитой дочерью, — сподвижниковъ Мирабо, революціи—публицистовъ и Соссюра—наукѣ. Лозанна, гдѣ выросъ Бенжаменъ Констанъ, принимаетъ и образовываетъ Гиббона, становится любимымъ rendez-vous интеллигентной Европы. Невшатель стремится не отстать отъ нихъ, и если, по досадной случайности, въ немъ родится Маратъ, то у него есть и другія, болѣе достойныя, литературныя заслуги».

Итакъ, не одними Вольтеромъ и Руссо гордится Швейцарія XVIII в.; но сначала скажемъ два слова о нихъ. Вольтеръ уже 61 года отъ роду, но еще въ расцвѣтѣ силъ и славы, прибылъ въ 1754 году въ Лозанну послѣ своего разрыва съ Фридрихомъ II, и провелъ здѣсь три зимы, не возмутивъ ничьего покоя, чего никакъ нельзя сказать о его пребываніи въ Женевѣ, куда онъ затѣмъ переѣхалъ. Въ Лозаннѣ онъ только жилъ,—въ Женевѣ онъ дѣйствовалъ; онъ задался цѣлью надѣлить Женеву театромъ,—Женеву, суровый кальвинизмъ которой не допускалъ актеровъ на порогъ города! Сарказмъ Вольтера восторжествовалъ. Но торжество это стоило ему двадцати лѣтъ упорной борьбы. Женевцы съ увлеченіемъ апплодировали его «Заирѣ». А онъ въ упоеніи побѣдой ***) только удвоилъ нападки. Духовенство было обезсилено борьбой съ Фернейскимъ отшельникомъ, не пощадившимъ его и въ посвященной Женевѣ статьѣ энциклопедіи, гдѣ духовенство

*) «Histoire littéraire de la Suisse française».

**) Монтескье избралъ Женеву мѣстомъ напечатанія своего труда потому, что городъ этотъ еще со временъ Генриха IV пользовался свободой ввоза своихъ произведеній во Францію; Германія и Италія также были ему открыты.

***) «Никогда кальвинисты не были нѣжнѣе, писалъ Вольтеръ около того времени.—Слава Богу, все идетъ хорошо,—я совратилъ совѣтъ и республику».

женевское представлено чуть ли не раціоналистическимъ. Двадцатилѣтнее пребываніе Вольтера сначала въ Женевѣ, а затѣмъ у воротъ ея, въ Фернеѣ, не прошло безслѣдно для нравственной и умственной жизни города, давшаго міру Руссо съ его Новой Элоизой, «Эмилемъ», и «Общественнымъ договоромъ».

Права Швейцаріи на Руссо очевидны и безспорны. Въ самомъ геніи его, въ его характерѣ и темпераментѣ не мало чертъ, полученныхъ имъ въ наслѣдство отъ Женевы и Кальвина. Проповѣдникъ-моралистъ, республиканецъ, пуританинъ, горячность, энергія, независимость сужденій и склонность къ разсужденіямъ,—все говоритъ за его кровную связь съ романской Швейцаріей, — связь, подчеркнутую еще тѣмъ вліяніемъ, какое имѣла на него г-жа Варенсъ, олицетвореніе романской поэтичности и энтузіазма. Источникъ же пессимизма Руссо въ Кальвинѣ.

Какъ же отнеся «городъ» къ своему «гражданину»? Превознеся его сначала за его «рѣчь о нравственности», онъ затѣмъ воздвигъ на него гоненіе за «Эмиля»,—книгу предалъ огню, а автора—аресту. Но все это ужъ хорошо извѣстно читателю.

Восемнадцатый вѣкъ закончился великой революціей. Въ эпоху ея швейцарская литература, въ лицѣ главныхъ своихъ представителей, еще болѣе слилась съ французской, такъ что даже трудно прослѣдить, что̀ тотъ или другой писатель унаслѣдовалъ отъ меньшей и чѣмъ онъ обязанъ большей изъ двухъ сосѣднихъ французскихъ странъ.

Сталь, Бенжаменъ Констанъ, Сисмонди, Бонштетенъ, а за ними и многіе другіе никогда не хотѣли признать себя швейцарцами, которыми были по происхожденію, тѣмъ менѣе считали они себя швейцарскими писателями, какими были отчасти по унаслѣдованнымъ особенностямъ ума и темперамента. Неккеръ (министръ Людовика XVI), г-жа Неккеръ-де-Сессюръ,—все это уроженцы и питомцы Швейцаріи, избравшіе для своей дѣятельности болѣе широкое поле. Только одна г-жа де-Шаррьеръ (M-me de-Charrière, 1740—1805), голландка по происхожденію, не погнушалась всѣ свои силы отдать на служеніе Швейцаріи и ея литературѣ съ тѣхъ поръ, какъ Швейцаріи стала ея вторымъ отечествомъ. Литературное дарованіе г-жи де-Шаррьеръ было большое и оригинальное; пренебрегая сложностью интриги и внѣшними эффектами, она едва ли не первая пыталась давать въ своихъ романахъ анализъ психической жизни героевъ. Къ лучшимъ ея произведеніямъ относятся: «Calixte», «Trois femmes», «Le mari sentimental» и наконецъ, ея Невшательскія письма, живо рисующія въ бѣгломъ и сжатомъ разсказѣ современное ей общество со всѣми его смѣшными и гадкими сторонами. Не мало личной непримиримой вражды къ писательницѣ породили эти письма въ тѣхъ, кто узнавалъ или только думалъ, что узнавалъ себя въ живыхъ, но только на половину списанныхъ съ дѣйствительности типахъ. Это, впрочемъ, не помѣшало сгруппиро-

ваться вокругъ нея всему, что только было не зауряднаго въ Невшателѣ и Коломбье. Въ ея письмахъ о Лозаннѣ проходитъ цѣлый рядъ портретовъ знаменитыхъ личностей, на первомъ мѣстѣ среди которыхъ стоитъ Гиббонъ. Лозанна въ то время была любимымъ мѣстопребываніемъ иностранцевъ, которыхъ привлекало сюда и общество, и природа: не вѣнчанные цари и развѣнчанные писатели, любители свободы и искатели приключеній, ученые и дипломаты,—всѣ искали и находили на гористомъ берегу голубого Лемана и желаемую свободу, и новое отечество («Свобода и отечество»—девизъ на гербѣ Водскаго кантона).

Перейдемъ теперь къ тѣмъ, чьи имена и дѣла живы и до сихъ поръ.

На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ Винэ (Alexandre Vinet, 1797—1847). Большая часть его жизни и дѣятельности протекла въ Лозаннѣ, которая къ тому времени пріобрѣтаетъ значеніе самостоятельнаго центра духовной жизни. Начало XIX вѣка было отмѣчено для всей вообще романской Швейцаріи большими перемѣнами. Разрозненные до тѣхъ поръ отдѣльныя мелкія государства объединяются. Пересмотръ конституцій; переходъ отъ консервативной политики къ болѣе или менѣе радикальной; начало новой эры; пора войнъ борьбы за свободу и независимость закончена; настаетъ время мирнаго развитія; на смѣну герою-солдату выступаютъ труженики науки, религіозные философы, вдохновенные пѣвцы романтизма.

Рамберъ, характеризуя это движеніе, какъ «религіозное и поэтическое», считаетъ представителемъ перваго Винэ, а второго—Оливье. Дѣйствительно, вокругъ этихъ двухъ главныхъ фигуръ группируются всѣ остальныя. Впрочемъ, къ этимъ именамъ можно было бы прибавить еще два—Ришара и Моннерона.

Романтизмъ въ Швейцаріи не былъ самостоятельнымъ направленіемъ; онъ явился до нѣкоторой степени отблескомъ этого движенія во Франціи, но не отраженіемъ, не подражаніемъ.... Уступая Франціи по красотѣ формы и изяществу языка, Швейцарія дала больше глубины, больше мысли, больше содержанія. Въ одномъ лишь онѣ были равны,—«въ романтической сантиментальности». Болѣе мужественныя ноты встрѣчаемъ лишь у Ришара, болѣе веселыя у Оливье. Но что замѣчательно у швейцарскихъ авторовъ, такъ это ихъ искренность! Осторожные, нерѣшительные вначалѣ, они потомъ отдаются всей душой, и безъ возврата.

Современники спрашивали о Винэ: «Кто этотъ уродъ, который становится прекраснымъ, когда говоритъ?»

Воспитанный въ узкихъ и строгихъ взглядахъ кальвинизма, Винэ мало-по-малу освобождается отъ его вліянія, примыкаетъ къ движенію «Пробужденія» *), пишетъ мемуары о свободѣ вѣроисповѣданій и съ

*) Мистически-нравственное ученіе, провозглашенное въ 1813 году въ Женевѣ баронессой Крюденеръ, очень схожее съ ученіемъ Моравскихъ братьевъ.

восторгомъ привѣтствуетъ возникновеніе въ 1845 г. свободной церкви (église libre). «Истинный прогрессъ,—говоритъ онъ,—заключается въ постоянномъ обновленіи; оставаясь всегда вѣренъ самому себѣ, онъ перестаетъ быть правдивымъ и истиннымъ». Его главной заботой была справедливость и терпимость къ чужому мнѣнію; онъ доходилъ до того, что вмѣсто литературной критики давалъ комментаріи, дополненія, выводы. Изъ области эстетики тотчасъ же переходилъ въ сферу этики и вопросы искусства вездѣ и постоянно смѣшивалъ съ вопросами нравственности. Онъ моралистъ. Литература для него—орудіе общественной пропаганды, слово, по его мнѣнію, должно всегда и непремѣнно вести къ дѣлу и давать результаты. Но и за благое намѣреніе онъ часто готовъ былъ простить автору и неумѣнье, и безталантность. Зато какимъ позоромъ онъ клеймилъ тѣхъ, кто какъ Жоржъ Зандъ, не преклонялся предъ требованіями нравственности и даже осмѣливался игнорировать ихъ.

Къ своему труду онъ относился почти благоговѣйно, какъ къ священной обязанности,—обязанности отыскивать и указывать другимъ истину. Онъ читалъ и перечитывалъ по многу разъ то, надъ чѣмъ собирался произнести свой приговоръ; старался понять и объяснить даже то, о чемъ авторъ упоминалъ лишь мимоходомъ. Его анализъ удивительно глубокъ, выводы—истинны и новы, обобщенія—широки и смѣлы; но въ постоянной погонѣ за безусловной точностью выраженія онъ исправлялъ и переправлялъ языкъ своихъ сочиненій, нерѣдко въ ущербъ ясности и красотѣ слога, отнюдь не гоняясь ни за красотой, ни за звучностью языка, ни даже за его правильностью иногда. Онъ избѣгалъ «фразъ», опасаясь, чтобъ слова «ne dépassent la pensée» (буквально: не превзошли мысли).

Но мысль его была всегда сильна, свободна, оригинальна и богата содержаніемъ. Еще не такъ давно Брюнетьеръ признался, что пересталъ читать Винэ, такъ какъ убѣдился, что все, что онъ у себя считаетъ оригинальнымъ по мысли и обобщенію, раньше его и лучше его сказалъ Винэ. Брюнетьеръ только искреннѣе и добросовѣстнѣе другихъ: другіе заимствуютъ, не называя.

Авторитетъ его признавали современники, даже самые выдающіеся. Ламартинъ писалъ ему: «жду съ нетерпѣніемъ вашего авторитетнаго приговора,—онъ мнѣ покажетъ, чего стоитъ моя книга». И не одинъ Ламартинъ, но и Гюго, и Беранже, и Шатобріанъ. Въ основѣ его критики всегда лежало широкое пониманіе христіанства, какъ гуманной идеи торжества всеобщаго братства. По выраженію Сентъ-Бёва, критика его была «не только снисходительной, но и... милосердной». Взглядъ Винэ на религію и на религіозную критику былъ необыкновенно широкъ. «Религіозная критика,—писалъ онъ,—должна проникать всюду, обсуждать всѣ интересы общества, касаться всѣхъ сферъ умственной, духовной дѣятельности человѣка». Образчикомъ его критики можетъ

служить заключеніе его статьи о Робинзонѣ Крузоэ: «...наконецъ, Робинзонъ можетъ уже видѣть бѣлѣющіе на горизонтѣ паруса судна, которое увезетъ его изъ пустыни. Робинзонъ, братъ мой, человѣкъ труда, безъ отдыха, безъ свободы, почти безъ общественныхъ отношеній! Отчего не могу я моими тѣлесными очами видѣть бросающимъ якорь судно твоего спасенія,—видѣть тебя радостно восходящимъ на корабль съ тѣмъ, чтобы вернуться въ лоно общества, унося съ собой лишь воспоминаніе о своемъ одиночествѣ!»

Писалъ Винэ и стихи, но о нихъ лучше не упоминать.

Во время своего пребыванія въ Лозаннѣ онъ группировалъ вокругъ себя лучшія силы французскаго протестантизма и имѣлъ среди молодежи много горячихъ послѣдователей. Нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи составили себѣ имя въ швейцарской литературѣ и въ свою очередь стали центрами, вокругъ которыхъ группировалось швейцарское студенчество и молодежь вообще. Но школы и Винэ не создалъ, хотя и могъ создать.

Ближайшими же послѣдователями Винэ основаны старѣйшія изъ швейцарскихъ студенческихъ обществъ: въ 1806 году Моннаръ основалъ общество художественной словесности (Société de Belles Lettres); Вюльеменъ—общество изученія романской исторіи (Société d'histoire de la Suisse romande); въ 1819 г.—студенческое общество Зофингенъ (Société de Zofingen). Каждое изъ этихъ обществъ имѣло, да имѣетъ и теперь свой органъ, въ которомъ молодые таланты впервые пробуютъ свои силы, начинаютъ работать и вырабатываются. Изъ этихъ-то юныхъ сотрудниковъ выходятъ почти всѣ писатели и выдающіеся государственные люди Швейцаріи.

Около того же времени возникли и первые періодическіе журналы романской Швейцаріи: «Bibliothèque Britannique» (переименованная въ 1885 г. въ «Bibliothèque Universelle») и «La revue Suisse», основанная въ 1838 году. Оба изданія соединились въ одно въ концѣ 1861 года. Характеръ и направленіе ихъ были и остаются вполнѣ швейцарскіе, романскіе, и большая часть сотрудниковъ ихъ вербуются изъ кантоновъ Женевы, Невшателя и Во. Трудно было въ то время существованіе періодической печати въ Швейцаріи и велика заслуга тѣхъ, кто, побѣдивъ всѣ затрудненія, обезпечилъ за молодыми журналами будущность и успѣхъ. Главнымъ достоинствомъ «Bibliothèque Universelle» считаютъ и до сихъ поръ ея систему ежемѣсячныхъ хроникъ, резюмирующихъ все умственное и общественное движеніе главныхъ европейскихъ центровъ.

Возвратимся къ крупнымъ представителямъ новаго направленія. Трудно сказать, кому изъ нихъ слѣдуетъ здѣсь отвести первое мѣсто. Одни считаютъ его за Фридрихомъ Моннеронъ (Fréd. Monneron), другіе—за Альберомъ Ришаръ (Alb. Richard), третьи, наконецъ, за Жюстомъ Оливье (Juste Olivier). Первый изъ нихъ, по выраженію Сентъ-

Бева, «былъ истиннымъ поэтомъ и могъ бы стать великимъ поэтомъ», еслибъ жилъ дольше. Это былъ, можетъ быть, тотъ геній-поэтъ, котораго такъ ждетъ, такъ жаждетъ Швейцарія. Но онъ умеръ 24-хъ лѣтъ. Все въ его набросках, эскизахъ, отрывкахъ—прекрасно, оригинально и смѣло, и мысли, и образы, и настроеніе, и слогъ.

Второй, Ришаръ, швейцарскій бардъ, пѣвецъ легендъ и преданій; уступая во многомъ первому, онъ превосходитъ его силой слога, воинственнымъ энтузіазмомъ и патріотизмомъ. Прослушавъ одно изъ его стихотвореній, Беранже сказалъ: «Да, это должно быть очень хорошо по-нѣмецки!»

Относительно третьяго, Жюстъ Оливье, нельзя ограничиться двумя словами, хотя бы по одному тому, что имъ написано безконечно больше двухъ первыхъ. Въ массѣ его сочиненій не мало истинно цѣннаго и прекраснаго, недостаточно, впрочемъ, оцѣненнаго современниками. Онъ былъ лирикъ, мечтатель, мистикъ, художникъ съ натурой до сантиментальности чуткой и впечатлительной, весь проникнутый восторженной любовью къ роднымъ мѣстамъ, но, видно, и поэтомъ такъ же трудно быть признаннымъ на родинѣ, какъ и пророкомъ, особенно если эта родина Швейцарія. И вѣрный сынъ своей земли, возвеличившій и воспѣвшій ее, долженъ былъ всю жизнь свою скитаться по чужбинѣ, и на родину вернулся лишь умереть... нищимъ. А какъ онъ любилъ ее, эту родину! Какъ воспѣвалъ! Онъ создалъ ей національный гимнъ, нарисовавъ себѣ идеалъ ея, могущественной и славной духовнымъ величіемъ. Его мечтой было создать своей родинѣ національную поэзію, французскую по языку, романскую, водуазскую по духу (кантонъ Во былъ его родиной) Онъ такъ любилъ его сельскіе пейзажи и голубой Леманъ, — «зеркало небесъ», сады, долины, виноградники и Альпы. Сколько альпійскихъ легендъ онъ переложилъ въ стихи, онъ и началъ свою поэтическую карьеру поэмой «Julia Alpinula», за которую юный поэтъ (21 года) получилъ первую (да и не единственную ли?) награду. Сколько наивныхъ народныхъ пѣсенъ, что пѣвала ему его мать или что подслушалъ онъ самъ впослѣдствіи въ отрывочныхъ народныхъ припѣвахъ, облекъ онъ въ художественную форму правильнаго стиха и сохранилъ отъ забвенія («Ranz des Vaches», «Frère Jacques», и мн. мн. др.).

Интересенъ его взглядъ на исторію. Исторія страны, для него, заключается не только въ событіяхъ общественной и политической жизни, но и въ природѣ страны, въ ея нравахъ, преданіяхъ, предразсудкахъ, въ народной литературѣ и въ томъ, чтó онъ называлъ «таинственнымъ вліяніемъ земли на человѣка». Между всѣмъ этимъ существуетъ тайная связь, задача историка—уловить эту связь и прослѣдить по ней единство національнаго характера («Etudes d'histoire nationale»). Въ романахъ его и новеллахъ ему скорѣе удавались портреты историческихъ личностей, нежели вымышленные герои, которые у него какъ-то всегда остаются въ тѣни, недорисованными, но это не мѣшаетъ имъ быть

очень привлекательными, какъ тотъ «Syloian» (пастушекъ въ его «Fins-Hauts»), въ которомъ онъ олицетворилъ «генія водуазской поэзіи»,—одинъ изъ послѣднихъ созданныхъ имъ образовъ.

Но слогъ его неровный, мѣстами тяжелый, мѣстами неясный и въ этомъ, можетъ быть, причина того, что его уже начинаютъ забывать; не имя,—имя Жюстъ Olivier извѣстно въ Швейцаріи всякому и въ каждой библіотекѣ найдешь его творенія, но читаются они все меньше и меньше. И только швейцарская молодежь и до сихъ поръ зачитывается ими. У Жюстъ Оливье юный швейцарецъ научается и любви къ литературѣ, и любви къ природѣ, и любви къ родинѣ,—къ той родинѣ, о которой извѣстенъ гордый стихъ его жены и сотрудницы:

«Qu'aujourd'hui l'on te voie
A genoux devant Dieu, debout devant les rois!» *).

Перейдемъ теперь къ тому, кто, по выраженію Марка Моннье, былъ сыномъ однихъ, отцомъ другихъ и братомъ всѣхъ. Пти-Сенъ (J. Petit-Senn, 1791—1870) пережилъ всѣхъ современныхъ ему поэтовъ, какъ пережилъ и романтизмъ, почти, впрочемъ, не испытавъ на себѣ его вліянія. Изъ всего его литературнаго багажа пересмотримъ только его «Bluettes et Boutades», въ которыхъ онъ выказалъ себя тонкимъ мыслителемъ, очень остроумнымъ, немного злымъ. Эта маленькая книжка почти не переводима.

«Скромный человѣкъ похожъ на вѣсы, которые склоняются съ одной стороны лишь для того, чтобы подняться съ другой.

«Скорѣе отдаютъ справедливость тому, кого больше нѣтъ, чѣмъ тому, кого тутъ нѣтъ.

«Если другъ попроситъ у васъ денегъ, подумайте сначала, что̀ для васъ легче, потерять друга или деньги.

«Пустякъ уязвляетъ самолюбіе, но ничто не можетъ убить его.

«Самой прибыльной торговлей было бы покупать людей за то, чего они сто́ятъ, и перепродавать за то, во сколько они себя цѣнятъ.

«Мы всегда крайне признательны за услуги, которыя намъ еще только собираются оказать.

«Уважайте сѣдины,—въ особенности свои».

Швейцарскіе историки, поэты и писатели, то и дѣло жалуются, «трудно быть великимъ писателемъ или великимъ историкомъ маленькой страны», и чѣмъ уже граница, тѣмъ, кажется, славѣ труднѣе ее перейти. Но бываютъ и исключенія. Такимъ былъ Родольфъ Тӧпферъ (Rodolphe Toepffer, 1799—1847). Извѣстность его далеко перешла за предѣлы его швейцарской родины,—во Францію, Англію, Германію. По направленію онъ не принадлежитъ ни къ одной изъ оффиціальныхъ школъ,—стоитъ въ сторонѣ и одиноко. Трудно однимъ словомъ

*) «Пусть видятъ тебя на колѣняхъ передъ Богомъ и во весь ростъ передъ царями».

опредѣлить характеръ его дарованія, но несомнѣнно, что дарованіе у него было большое и оригинальное. Швейцарскіе критики его опредѣляютъ такъ: «туристъ, юмористъ, моралистъ, каррикатуристъ» и т. д. Вѣрно одно, это былъ не дюжинный художникъ, одинаково хорошо владѣвшій какъ перомъ, такъ и карандашемъ.

Еще школьникомъ онъ выказывалъ больше склонности къ искусству, чѣмъ къ наукамъ, и часто за уроками рука его почти безсознательно чертила на учебныхъ тетрадяхъ разные смѣшные типы; изъ нихъ-то и создались впослѣдствіи знаменитые его «albums drolatiques», а многіе изъ созданныхъ имъ типовъ стали нарицательными именами: Jabot, Crépin, Festus и мн. мн. др. Болѣзнь глазъ помѣшала ему безраздѣльно отдаться искусству и побудила его стать педагогомъ (вѣдь въ каждомъ швейцарцѣ сидитъ скрытый педагогъ). Описаніе экскурсій, которыя онъ предпринималъ въ глубь Альповъ со своими учениками, составили его «Voyages en Zigzag». Это было еще первое художественное описаніе Альповъ: появилось оно одновременно съ научнымъ изслѣдованіемъ Соссюра. Это было счастливое начало, и съ тѣхъ поръ альпійская литература съ каждымъ годомъ все растетъ и растетъ.

Впрочемъ, едва ли бы Тöпферъ выпустилъ въ свѣтъ свои типы и альпійскіе разсказы, еслибъ не рѣшающій приговоръ Гёте. Случайно познакомившись съ типами, тогда еще не предназначавшимися для печати, онъ воскликнулъ съ восторгомъ: «Все въ нихъ дышитъ умомъ и талантомъ! Иныя страницы невозможно превзойти. Если когда-нибудь я видалъ оригинальный талантъ, то вотъ онъ».

Какъ романистъ Тöпферъ стоитъ гораздо ниже, хотя и тутъ у него есть нѣсколько талантливо написанныхъ вещей: «La Bibliothèque de mon oncle», «Preslytère» и др.,—которыя посвящены имъ юношеству. Есть у Тöпфера и теоретическій трактатъ объ искусствѣ, которому бы онъ хотѣлъ съ такой любовью служить; взглядъ его на искусство, впрочемъ, довольно неопредѣленный: «искусство,—говоритъ онъ,—не подражаніе, не обманъ только зрѣнія,—это выраженіе, это поэзія, свободное толкованіе, это творчество».

Но на памяти этого человѣка лежитъ укорнымъ пятномъ его непримиримый консерватизмъ, даже больше! Тöпферъ былъ ретроградомъ. «Прогрессъ и холера, холера и прогрессъ — два бича, неизвѣстные древнимъ», говорилъ онъ, и тутъ же какъ бы смягчалъ сказанное: «подъ прогрессомъ я здѣсь разумѣю лишь измѣненія, ошибочно принимаемыя за прогрессъ, пустыя слова, ложно считаемыя за истину». Редактированный имъ съ 1841 года «Courrier de Genève» открыто и ожесточенно боролся противъ прогрессивныхъ демократическихъ вѣяній того времени.

Швейцарцы стараются извинить этого «enfant terrible de la réaction»: «И въ самомъ ослѣпленіи своемъ онъ оставался искрененъ и честенъ». Онъ, повидимому, и самъ забывалъ объ этой сторонѣ своей

дѣятельности, почему и могъ, подводя итоги своей жизни, сказать: «Я не писалъ ничего вреднаго, безнравственнаго, не рисовалъ никакихъ другихъ эскизовъ, кромѣ веселыхъ».

Еще два слова о языкѣ его писаній. Слогъ у него неровный; мѣстами образный и живой,—настоящій французскій языкъ; мѣстами же грубый швейцарскій говоръ, испещренный архаизмами и провинціализмами.

И приговоръ, не разъ высказанный о немъ, мнѣ остается непонятенъ: «Талантъ его граничитъ съ геніемъ». Ни разу во время чтенія его произведеній не пришла мнѣ въ голову мысль о его геніальности. Талантъ—да, и даже большой, но далеко не геній.

Геній, геніальность—это то, чего ждетъ, чего жаждетъ Швейцарія въ своихъ поэтахъ и что все не дается ей послѣ того какъ Франція отняла у нея Руссо; но вѣдь Руссо и не былъ поэтомъ. А швейцарцы призываютъ именно поэта—генія, который бы силою своего дарованія возвеличилъ въ своихъ пѣсняхъ и на весь міръ прославилъ Великую Гельвецію.

Но кальвинизмъ еще такъ недавно сковывалъ въ ней всякое свободное проявленіе художественнаго творчества, что на почвѣ, имъ вскормленной, еще долго, пожалуй, не разцвѣсть привольно и пышно свободной вдохновенной поэзіи; развѣ только ожидаемый поэтъ-гигантъ будетъ совсѣмъ особаго рода. Кто онъ будетъ? И каковъ? Какія пѣсни онъ будетъ пѣть, что прославлять? и звать куда? Каковъ будетъ его идеалъ? Каковъ завѣтъ? И будетъ ли все это когда? Кто знаетъ....

А пока швейцарцы въ каждомъ рано угасшемъ дарованіи оплакиваютъ возможность потери, ищутъ и находятъ геніальныя черты. И такихъ рано скошенныхъ смертью поэтовъ у нихъ не мало: Галлюа, Моннеронъ, Дюранъ и Алиса Шамбріе (Alice de Chambrier, 1861—1882) съ безспорнымъ художественнымъ дарованіемъ, сильнымъ и оригинальнымъ. У нея почти нѣтъ біографіи: семнадцати лѣтъ она ужъ писала, двадцати одного года ужъ умерла. Но за этотъ короткій промежутокъ времени она такъ много создала, такъ усовершенствовалась въ техникѣ стиха, такой достигла силы мысли и красоты образа, что мысль о томъ, чѣмъ бы она могла стать впослѣдствіи для своей родины, естественно вызывала у швейцарскихъ патріотовъ жгучія слезы «еще одной разбитой надежды».

Къ посмертному изданію ея стиховъ (при жизни она ихъ почти не отдавала въ печать, очень строго относясь къ своему творчеству) приложенъ ея портретъ: дѣтское по очертаніямъ личико, но не дѣтское выраженіе большихъ, прекрасныхъ глазъ, задумчиво устремленныхъ вдаль, au-delà (заглавіе сборника ея стиховъ) на вѣчные неразрѣшимые вопросы бытія. Къ концу ея жизни (который, увы! почти совпалъ съ ея началомъ) къ нимъ примѣшивались уже и «проклятые» жизненные вопросы. Доказательствомъ можетъ служить одно изъ лучшихъ ея стихотвореній: «La plume».

Сборникъ открывается несовершеннымъ еще по формѣ, но прекраснымъ по содержанію, глубокимъ по мысли стихотвореніемъ «Pourquoi mourir», въ которомъ уже сказывается обычное направленіе ея мечты и мысли. Весь сборникъ не великъ,—всего пятьдесятъ названій.

Въ творчествѣ своемъ она была самостоятельна и оригинальна, едва ли даже можно указать въ ея стихахъ вліяніе Гюго, ея любимаго поэта. Въ стихѣ ея нельзя замѣтить ни одной изъ тѣхъ особенностей и слабостей, какими привыкли отмѣчать женскій стихъ. Любовь не была мотивомъ ея пѣсенъ, хотя всѣ онѣ проникнуты любовью... къ людямъ, къ природѣ, къ родинѣ, любовью и, еще больше, мыслью, думой, наполнявшей и освѣщавшей всю ея жизнь и дѣятельность. Да, это былъ большой, самородный и прекрасный талантъ.

Я останавливаюсь только на болѣе выдающихся и потому обхожу молчаніемъ Пьера Ссіабере, Урбэна Оливье (о которомъ, впрочемъ, упомянуто выше), Фрица Берту и многихъ другихъ.

Дальше идутъ уже наши современники, поэты и писатели, живущіе и работающіе и по сейчасъ. Ихъ очень много; есть между ними и выдающіеся, талантливые, но нѣтъ ни одного, создавшаго школу, отмѣтившаго эпоху.

Обратимся сначала къ поэтамъ. Ихъ меньше. Они ярче рисуются. На первомъ мѣстѣ среди нихъ стоитъ Варнери (Henry Warnery). По нему можно измѣрить путь, пройденный Швейцаріей и швейцарскою поэзіей отъ временъ кальвинизма. Исчезло слѣпое повиновеніе реформѣ, парализовавшее и мысль, и чувство; не чуждаются больше ни новизны, ни оригинальности, не пренебрегаютъ формой, не оглядываются назадъ, а смѣло поютъ и бодро идутъ впередъ. И только серьезность, скромность, не допускающая грубости и распущенности современной Франціи, сохранилась у нихъ отъ суровыхъ традицій кальвинизма. Они всегда знаютъ, о чемъ поютъ и почему поютъ; у нихъ всегда есть почва и цѣль: «искусство для искусства» чуждо и непонятно имъ теперь, какъ и прежде.

На первомъ мѣстѣ изъ твореній Варнери, безспорно, слѣдуетъ поставить едва ли не первую по времени его поэму «Les Origines», произведеніе въ своемъ родѣ единственное; это художественная поэма бытія, философская эпопея, ясная и смѣлая по мысли, оригинальная по формѣ и только изрѣдка грѣшащая въ выраженіяхъ, не всегда точныхъ. Произведеніе это стоитъ того, чтобъ на немъ остановиться подольше. Думается, что поэма Варнери не умретъ, что ей суждено жить въ исторіи не только швейцарской, но и всемірной литературы.

«Les Origines» это—поэма міра, его происхожденія, жизни и развитія. Прекрасный звучный стихъ облекаетъ научную мысль, здравое понятіе о мірѣ, не страшащееся завѣтной тьмы и не склоняющееся предъ вѣковыми предразсудками. Какъ съ ребенкомъ принято почему-то говорить его будто бы языкомъ, неяснымъ и невѣрнымъ, такъ

*

и стихами почему-то все больше воспѣваютъ фантастическія темы, предпочитая преданіе—исторіи, неуловимыя движенія души проявленіямъ мысли и чувства. Варнери въ поэмѣ о мірѣ представлялся выборъ между преданіемъ и научной истиной; онъ выбралъ послѣднюю, облекъ въ художественную форму и воспѣлъ, какъ другой съумѣлъ бы воспѣть только преданіе. И въ этомъ заслуга Варнери.

Начало поэмы уже показываетъ намъ, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. Это не ученикъ Кальвина, не прежній робкій швейцарскій писатель, боявшійся пуще всего самостоятельности и оригинальности—это поэтъ и свободный мыслитель.

Поэма начинается обращеніемъ къ «всемірному глаголу»:

«Источникъ чистый бытія, пусть называютъ тебя законъ, сила или Богъ... Какова бы ни была твоя тайна, вселенная твоя книга; пламенные листы ея мы жадно пробѣгаемъ».

Поэтъ мечтою переносится къ тѣмъ далекимъ временамъ, когда повсюду была только ночь одна да безконечность слѣпой матеріи въ движущихся атомахъ. Изъ хаоса постепенно одинъ за другимъ рождаются новые міры и среди нихъ земля. Зарожденіе жизни на ней и въ концѣ долгой эволюціи приходъ человѣка:

«Часъ насталъ; пусть же явится онъ, царь вселенной! О, божественная природа! Вѣдь ты устранишь съ его пути всѣ страданія; подъ ногами его разцвѣтутъ цвѣты; ты откроешь ему тайну вещей и поработишь ему свои силы. Пусть же приходитъ онъ!.. Но что это? Какое страшное чудовище встаетъ во мракѣ изъ праха и воды? Какимъ ужасомъ полны его глаза! Онъ слабъ и голъ...

«Такъ вотъ, природа, твой царь, твой властелинъ! О, какое паденіе...

«Но нѣтъ! Настанетъ день, и въ этомъ глазу загорится искра. Воспитанный медленно въ борьбѣ, изъ звѣря выйдетъ человѣкъ, который будетъ обязанъ лишь своему генію своимъ безконечнымъ могуществомъ».

Въ лѣсу, во тьмѣ бродитъ онъ, съ ужасомъ прислушиваясь къ малѣйшему шуму и ежеминутно ожидая нападенія дикихъ звѣрей. Какъ отогнать ихъ, чѣмъ? Одинъ въ ночи не спитъ человѣкъ и думаетъ свою думу. И вотъ вспоминается ему зажженный молніей на лѣсистомъ утесѣ пожаръ. Самые страшные звѣри въ ужасѣ спасались бѣгствомъ отъ огня. О! Еслибъ онъ съумѣлъ вызвать изъ подъ коры спящаго тамъ таинственнаго друга! Мысль, что солнце со своимъ свѣтомъ и тепломъ можетъ не вернуться, его повергаетъ въ трепетъ и заставляетъ еще крѣпче думать трудную думу. Но вотъ, наконецъ, и огонь найденъ, зажженъ очагъ, вокругъ него семья, а съ ней и пѣсня, и улыбка, и счастье!..

Авторъ слѣдитъ дальше, шагъ за шагомъ, за постепеннымъ возвышеніемъ человѣка, за его медленнымъ и труднымъ совершенствованіемъ изъ вѣка въ вѣкъ, и до сегодня, за всѣми его побѣдами во всѣхъ областяхъ техники и знанія. Это вдохновенный гимнъ человѣ-

ческому генію, гимнъ борцамъ за истину и справедливость, гимнъ жертвамъ прогресса.

«Да! Истинное человѣчество то, которое страдаетъ и борется и гибнетъ за правду!.. Впередъ же, впередъ! Все меньше несправедливости! Все меньше невѣжества, и больше истины! Силой ли, свободой ли, но работа вѣковъ должна совершиться!»

Кромѣ этой поэмы и одновременно съ ней, появились и другія стихотворенія Варнери, цѣлый сборникъ (въ 1887 году). Много есть между ними хорошихъ, сильныхъ вещей, и по мысли и по формѣ, но лучшимъ, по моему, является «Forçat» (каторжникъ). Къ сожалѣнію, стихотвореніе въ прозѣ, да еще въ переводной, становится неузнаваемо:

«Работай, работай безостановочно, голодный старикъ! Ну же, каторжный! Хлыстъ нужды надъ тобой занесенъ. Что-жъ ты остановился? Тамъ на соломѣ голодные, съ впалыми глазами, стонутъ дѣти. А съ голубыхъ небесъ горячее солнце смѣется надъ нимъ, и вѣтеръ, напоенный ароматами лѣта, несетъ ему мечту о свободѣ, цѣлый рой невыполнимыхъ желаній. О чемъ же ты задумался? Развѣ ты не чувствуешь, какъ гложетъ тебя голодъ? Вставай же, вставай, старый трусъ! Пусть напоитъ тебя твой потъ, пусть еще горше станетъ отъ него твой хлѣбъ! Работай же! Изсуши свое тѣло и душу въ трудѣ, и когда отъ усталости затрещатъ твои кости, умри, скрестивъ свои руки на вѣчный отдыхъ!»

Въ 1895 г. появился новый сборникъ его стиховъ: «Sur l'Alpe» (На Альпахъ), рисующій природу и жителей высосъ. Кто видѣлъ Альпы, кто проводилъ въ нихъ и зиму, и лѣто, тому хорошо знакомы описанныя въ сборникѣ картины: и яркое, горячее солнце надъ ослѣпительнымъ снѣжнымъ покровомъ, и рѣзко обрисованные причудливые силуэты горъ, и голубоватая дымка ущелій, и бѣлыя волны тумана, закрывающія долину, и бури, и грозы въ горахъ... И все это передано съ истиннымъ реализмомъ, правдиво, просто и художественно.

Но Варнери нетолько поэтъ,—онъ въ то же время и критикъ, и публицистъ, и беллетристъ, но главнымъ образомъ критикъ. Профессоръ французской литературы въ Невшателѣ (Невшательской Академіи), онъ много работаетъ и много пишетъ, и многаго еще можно и слѣдуетъ отъ него ожидать.

У другого современнаго писателя романской Швейцаріи—Фюстера недостаетъ воображенія, но зато у него много красокъ, много движенія, и языкъ его носитъ чисто-французскій характеръ легкости, красоты и силы. Особенно красивъ и звученъ его стихъ, но, къ сожалѣнію, въ музыкѣ его стиха мало души. Со временемъ, можетъ быть, этотъ недостатокъ пополнится, да и теперь уже замѣтна разница съ его первыми произведеніями.

Оригинальнѣе другихъ сборникъ «L'âme des choses». Авторъ говоритъ

что «во всѣхъ предметахъ, у которыхъ нѣтъ души, бьется все то же наше сердце»,—но нужно много выстрадать, чтобъ это увидѣть и понять. Лучшими въ этомъ сборникѣ слѣдуетъ назвать «Пыль» и «Мраморъ».

«Движется войско, приблизилось, прошло, солдаты пѣли громко, гордо; что же осталось? Пройденный путь, и пыль, пыль, пыль...

«Толстыя книги, высокомѣрныя рѣчи, клятвы любви, высѣченныя на камнѣ надписи,—все должно было жить вѣка и все черезъ день превратится въ пыль, пыль, пыль...

«Пыль возьметъ мое сердце, возьметъ мои руки; никто не можетъ, убѣгая ея, вернуться назадъ, и эти стихи, которыя я пишу, что останется отъ нихъ завтра?—пыль, пыль, пыль».

Переходя отъ поэтовъ современной намъ романской Швейцаріи къ романистамъ, невольно вспоминаешь замѣчаніе, высказанное однажды Варнери: «Если въ романскихъ кантонахъ находятъ шестьдесятъ поэтовъ, то я безъ труда насчитаю полсотни разсказчиковъ и романистовъ, самаго различнаго достоинства. У насъ пишутъ слишкомъ много,—разсказовъ, новеллъ, очерковъ, набросковъ, сценъ, сказокъ, эскизовъ, мелочей... Мы чернимъ ужасающее количество бѣлыхъ страницъ».

Варнери правъ, и изъ пятидесяти писателей едва ли стоитъ остановиться на десяти-пятнадцати. Но за то эти десять оригинальны и талантливы, и литература, считающая ихъ своими, можетъ гордиться ими.

Кого поставить здѣсь на первомъ мѣстѣ: Т. Комбъ (T. Combe) или Эд. Рода (Ed. Rood)? Т. Комбъ, конечно, потому, что она всецѣло принадлежитъ родной литературѣ и лучше и полнѣе ее выражаетъ тогда какъ Родъ—на половину французскій писатель.

Т. Комбъ—псевдонимъ писательницы, уроженки и жительницы Невшательскаго кантона. Она весь свой талантъ отдала на служеніе родинѣ, которую такъ хорошо изучила и которую съ такою любовью описываетъ. Герои ея такъ типичны и въ то же время такъ вѣрны дѣйствительности, такъ близки къ реальной правдѣ, что невольно видишь, узнаешь въ нихъ живыхъ людей. Отъ всѣхъ ея разсказовъ вѣетъ такою искренностью, такой простотой, широкимъ пониманіемъ человѣческой природы, что, читая ея произведенія, чувствуешь себя въ обществѣ друга, понимающаго и гуманнаго, въ устахъ котораго ни иронія, ни юморъ не могутъ быть оскорбительны. Прелесть и оригинальность ея разсказовъ и составляетъ именно этотъ не принужденный и быстрый переходъ отъ серьезнаго и довольно глубокаго анализа къ веселому «юмору безъ слезъ» и въ постоянномъ преслѣдованіи высокаго нравственнаго идеала,—въ простомъ, черезчуръ простомъ, но не грѣшащемъ ни грубостью, ни провинціализмомъ языкѣ и въ безграничной гуманности.

Мѣстный колоритъ въ ея произведеніяхъ очень силенъ и очень

правдивъ. Она до тонкости изучила природу своей страны со всѣмъ разнообразіемъ ея красокъ и очертаній. Но еще лучше она знаетъ своихъ мирныхъ невшательскихъ горцевъ со всѣмъ, что есть въ нихъ прекраснаго и смѣшного, со всѣми ихъ оригинальными особенностями. Съ развитіемъ своего таланта она все больше переноситъ сферу дѣйствій въ разсказахъ изъ узкихъ рамокъ частной и личной жизни на арену общественной дѣятельности и соціальной борьбы.

Въ Швейцаріи она пользуется огромной популярностью, которую еще увеличила въ послѣднее время незаконченная еще серія общедоступныхъ брошюръ (по три, четыре копѣйки) на разные случаи и вопросы жизни рабочаго. Брошюры эти издаются одновременно на двухъ языкахъ—французскомъ и нѣмецкомъ. Другая серія брошюръ обращается къ «богатымъ женщинамъ».

Первой же величиной, но уже на половину, если не большей своей половиной, принадлежащей Франціи, является Эд. Родъ (Edouard Rod), членъ ея академіи и сотрудникъ ея журналовъ. Но во многомъ онъ еще швейцарецъ и талантъ его носитъ на себѣ слѣды реформаціи, строгія нравственныя требованія, серьезное отношеніе къ жизни и людямъ, склонность поучать и пренебреженіе до нѣкоторой степени къ формѣ, къ языку. И во французской литературѣ онъ стоитъ скорѣе одиноко, несмотря на то, что его стараются причислить то къ натуралистамъ, черезъ вліяніе которыхъ онъ несомнѣнно прошелъ, то къ моралистамъ, потому, можетъ быть, что онъ написалъ Idées morales du temps présent». Вѣрно только, что онъ относится серьезно къ вопросамъ нравственности и даетъ тонкій психологическій анализъ своихъ героевъ.

Языкъ его чисто литературный французскій языкъ, но въ слогѣ нѣтъ и слѣда погони за эффектомъ, за красотой и силой фразы. Его герои—водуазцы (я говорю о той части его литературнаго труда, которая принадлежитъ исключительно Швейцаріи) и жители горъ преимущественно предъ жителями долины. Несмотря на всю высоту его нравственнаго идеала и строгость его нравственныхъ требованій, въ его отношеніяхъ къ людямъ много добродушной снисходительности къ ихъ слабостямъ и живого сочувствія къ ихъ горю.

Въ 1891 году напечатаны были въ Лозаннѣ его «Nouvelles Romandes»—сборникъ небольшихъ разсказовъ, изъ которыхъ нѣкоторые такъ глубоко правдивы и художественны, что могутъ быть названы лучшими его вещами. Большой его психологическій романъ изъ водуазской жизни «Roches blanches» печатался въ «Revue de deux Mondes» и былъ очень замѣченъ. Молодой пасторъ, проникнутый благоговѣніемъ къ своему священнослуженію, вдругъ увлекается молодой прекрасной женщиной; любовь преступна; они находятъ силы побороть ее въ себѣ и сердца ихъ превращаются въ «roches blanches» («бѣлыя скалы»)..

Есть у него и еще «Ménage du pasteur Nodié», «Scènes de la vie Suisse», La-haut» и др. Если вѣрить ему, трудно приходится швейцарскому писателю; вотъ что говорилъ онъ по этому поводу на публичной лекціи въ Лозаннѣ: «Наша Швейцарія—страна маленькая или, скорѣе, собраніе маленькихъ странъ, въ каждой изъ которыхъ свои обычаи и нравы, свой языкъ, даже описаніе этихъ нравовъ можетъ быть интересно и разнообразно, но это лишь рамка для картины,—содержаніе же ея надо искать въ игрѣ людскихъ страстей, въ столкновеніи ихъ съ препятствіями. Для писателя люди безъ страстей и безъ борьбы, каковы нерѣдко наши швейцарцы, все ровно что здоровые паціенты для доктора,—ему нечего съ ними дѣлать. Въ романѣ главный интересъ сосредоточивается на любви, и на любви патологической, которую такъ рѣдко встрѣчаешь у нашихъ мирныхъ и честныхъ горцевъ. Остается описаніе нравовъ, пересказъ обычаевъ, обрисовка типовъ, couleur locale, но тутъ швейцарскаго писателя встрѣчаютъ новыя затрудненія: въ описанныхъ имъ герояхъ каждый узнаетъ или только думаетъ, что узнаетъ себя,—и дѣло доходитъ иногда до суда! Не мало мѣшаетъ писателю и недовѣріе нашихъ горцевъ къ печатному слову—они ревниво оберегаютъ свои легенды, скрываютъ свои историческія пѣсни, боясь насмѣшки, недовѣряя печати,—и въ нѣкоторыя описанныя мною мѣстности романской Швейцаріи въѣздъ мнѣ уже закрытъ враждой и непониманіемъ».

Жгучіе вопросы современности, борьба рабочихъ съ работодателями, вопросъ, поставленный XIX вѣкомъ и ждущій своего разрѣшенія въ XX-мъ, иллюстрируются главнымъ образомъ двумя писателями: В. Росселемъ (Virgile Rossel) и В. Біоллейемъ (Walter Biolley). Соціальный романъ перваго носитъ названіе «Трудные дни» («Jours difficiles», roman de moeurs suisses, 1896). Дѣйствіе развертывается въ маленькомъ промышленномъ городкѣ Юры, котораго авторъ не называетъ, но, вѣроятно, это Bienne или Chaux-de-Fond,—центрѣ часоваго производства. Жизнь рабочаго, занятаго на часовой фабрикѣ, проходитъ передъ нами, правдиво и искусно очерченная тонкимъ перомъ автора. Мы присутствуемъ въ мастерской на фабрикѣ, въ жилищѣ рабочаго и на сходкѣ рабочаго синдиката и на стачкѣ. Романическій элементъ не ярокъ, но правдивъ и не мѣшаетъ цѣльности впечатлѣнія. Развязка—примиреніе. Вѣрность дѣйствительности—главное достоинство этого романа, можетъ быть, немного оттѣняющаго ожесточеніе борьбы счастливымъ концомъ.

Выведенныя лица не ярки, но не ярки и живые люди, убивающіе свою жизнь въ мастерскихъ за производствомъ часовъ. Рѣчь выведенныхъ въ романѣ лицъ не блестяща, не находчива, а скорѣе вяла и спокойна, движенія ихъ хотя и точны, но медленны,—все это не можетъ содѣйствовать внѣшней красотѣ и внѣшнему успѣху романа; но кто за внѣшностью ищетъ глубины и правды, тотъ прочтетъ и перечтетъ эту книжку.

Такой читатель не преминетъ, безъ сомнѣнія, прочесть и другой соціальный романъ другого автора «La Misère» («Нищета», даже больше—«несчастіе») Вальтера Біоллейя. Этотъ авторъ, можетъ быть, и не талантливѣе перваго, но, во всякомъ случаѣ, у него и больше красокъ, и больше энергіи въ письмѣ, и ярче тенденція, и сильнѣе впечатлѣніе. Біоллей депутатъ, и его романъ—это его программа. Онъ сторонникъ обязательнаго страхованія рабочихъ, и его романъ—художественная и убѣдительная проповѣдь въ пользу этой обязательности.

Передъ нами — рабочій на газовомъ заводѣ, примѣрный рабочій, ловкій, честный и работящій. Спасая своего пьянаго товарища, онъ попадаетъ подъ машину (ужасная сцена, сильно и смѣло написанная!) и теряетъ правую руку. Вѣдь, казалось бы, хозяева завода, акціонерная компанія, тутъ ни причемъ, но здѣсь-то и выступаетъ особенно ярко тенденція романа: долгая болѣзнь, горе и нищета семьи, компанія отклоняетъ отъ себя отвѣтственность и отказывается выдать вознагражденіе, и судъ тоже отказываетъ въ правосудіи несчастному. Жизнь разбита. Потрясающая картина смерти. Жалкій трупъ заноситъ снѣжная пыль. Въ горячкѣ угасаетъ изстрадавшаяся жена, а тринадцатилѣтняя дѣвочка дочь съ улыбкой предлагаетъ цвѣты «господамъ, убивающимъ отъ нечего дѣлать время въ кафе»... Безотрадная картина! Но надъ ней поднимается заря возможнаго лучшаго будущаго, всего нѣсколько строкъ: находятся люди, которые понимаютъ весь ужасъ положенія и хотятъ вернуть здоровье и силы умирающей несчастной женщинѣ и вернуть обществу дѣтей, сдѣлавъ изъ нихъ соціально-полезныхъ членовъ, и «добиться обязательнаго страхованія рабочихъ противъ несчастныхъ случаевъ и болѣзни».

Романъ производитъ неотразимое впечатлѣніе; дѣйствіе развертывается быстро, съ неумолимой послѣдовательностью дѣйствительной жизни. Всѣ почти безъ исключенія типы очерчены прекрасно.

Къ сожалѣнію, оба эти автора мало вниманія обращаютъ на слогъ, который Біоллей презрительно называетъ «буржуазной правкой Франціи».

Здѣсь можно было было бы упомянуть еще о пятиактной драмѣ въ стихахъ «Le Sacrifice» Buchner-Rapin'а сюжетъ которой взятъ также изъ рабочаго быта; но уже самый замыселъ ея ложенъ и неправдоподобенъ: стачка рудокоповъ, подготовленная стараніями тайныхъ роялистовъ; рядъ сильныхъ сценъ, взрывы и убійства, и въ концѣ концовъ примиреніе, принесенное депутатомъ радикальной партіи.

Безусловно оригинальнымъ, вполнѣ водуазскимъ писателемъ является А. Серезоль (Alfred Céresole), знатокъ исторіи и языка своего кантона. Онъ изучилъ его, какъ никто, и съ любовью остановился на его прошедшемъ, возсоздавая его въ живыхъ образахъ легендъ и сказаній, вызывая его силой своего пера въ воображеніи читателей. Его «Scènes vaudoises,—journal de Jean-Louis» является въ нѣкоторомъ родѣ класси-

ческимъ произведеніемъ. Онъ предпосылаетъ ему замѣтку о «parler vaudois» (водуазскомъ говорѣ), въ которой изучаетъ всѣ особенности крайне оригинальнаго нарѣчія простолюдина-водуазца. Этотъ говоръ составляетъ нѣчто среднее между древнимъ народнымъ patois и чистымъ французскимъ языкомъ, отличаясь отъ послѣдняго и по выговору, и по лексикону. Выдающимися характерными чертами его онъ называетъ: «сельскую энергичность, оригинальную живописность, нерѣдко тонкость колорита и какую-то особенную, простую и естественную поэтичность выраженій». Въ говорѣ этомъ есть, дѣйствительно, особенная прелесть, которой невольно поддается даже иностранецъ.

«Scènes vaudoises»—это рядъ своеобразныхъ и талантливыхъ разсказовъ, которыми авторъ хотѣлъ доказать—и доказалъ!—выраженію какихъ тонкихъ оттѣнковъ мысли и чувства поддается этотъ грубоватый народный говоръ, на что способенъ онъ въ повѣствованіи и въ описаніи и сколько въ немъ и поэзіи, и силы. Это рядъ военныхъ разсказовъ памятнаго для швейцарцевъ 70-го года и набросковъ и сценъ сельской жизни.

Упомянемъ еще о рядѣ водуазскихъ разсказовъ того же автора, собранныхъ въ двѣ книжки: «A la veillée» и «En cassant les noix», и перейдемъ къ писателю, еще болѣе оригинальному, еще болѣе самобытному. «Mélanges vaudois» Фавра (Louis Favrat) написаны частью на французскомъ языкѣ, частью на патуа, старинномъ народномъ говорѣ, сохраняющемся теперь только въ самыхъ отдаленныхъ глухихъ мѣстахъ да и тамъ уже наполовину вытѣсненномъ «водуазскимъ говоромъ». «Патуа,—говоритъ Фавра въ предисловіи къ той части своего труда, которая написана на этомъ древнемъ языкѣ, — языкъ, оставшійся необработаннымъ, такъ сказать, въ первобытномъ состояніи; это отсталый говоръ рядомъ съ языкомъ совершенствующимся, обогащающимся, становящимся литературнымъ и классическимъ. Повсюду вокругъ образовавшихся центровъ языки развились и стали литературными; они послѣдовали въ своемъ развитіи за эволюціей цивилизаціи; тогда какъ вдали отъ этихъ очаговъ свѣта они остались въ своемъ первоначальномъ состояніи и обратились въ «патуа». Потому-то они и сохранились преимущественно въ деревняхъ, гдѣ обмѣнъ мыслей и знаній несравненно медленнѣе и труднѣе, чѣмъ въ большихъ и многолюдныхъ центрахъ. Романскіе патуа образовались отъ соприкосновенія латинскаго языка съ болѣе древними говорами и различными нарѣчіями средневѣковыхъ завоевателей».

Романскіе патуа можно подраздѣлить на двѣ главныя группы: патуа Юры и альпійскіе патуа; каждая изъ этихъ группъ имѣетъ свои характерныя особенности въ произношеніи и этимологіи. Альпійскіе патуа вообще сохранились лучше другихъ.

Французская часть труда Фавра отличается несомнѣнными досто-

инствами реализма. Онъ умѣетъ наблюдать и разсказывать, Его «Голодный годъ» (l'année de la misère), его «Зигзаги ботаника» доказываютъ въ немъ присутствіе таланта, которому суждено было заглохнуть въ борьбѣ изъ-за куска хлѣба,—50 уроковъ въ недѣли! А талантъ рвался наружу и тихо плакалъ слезами безсилья и любви въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ и стиховъ.

Но странное дѣло, въ общемъ отъ прочтенія сборника Фавра остается впечатлѣніе скорѣе ясное и умиротворяющее.

Кромѣ произведеній изящной словесности, литература романской Швейцаріи богата сочиненіями серьезными, глубокими, трудами критическими, философскими, богословскими, историческими и естественно историческими. Всемірно-извѣстныхъ именъ и здѣсь нѣтъ, но швейцарцы гордятся своими учеными и иногда не безъ основанія. Вліяніе нѣкоторыхъ изъ нихъ простирается далеко за предѣлы ихъ родины, и это не удивительно. Швейцарцы, уже по самой природѣ своей, склонны къ размышленію и критикѣ скорѣе, чѣмъ къ художественному творчеству, къ идеѣ—скорѣе чѣмъ къ формѣ, нъ поученію скорѣе, чѣмъ къ развлеченію.

В. Т.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

(*Продолженіе* *).

III.

Оппозиція XVI вѣка: религіозная, политическая и соціальная.—Источники религіозной оппозиціи: еретическое и мистическое движеніе на Балканскомъ полуостровѣ и на Аѳонѣ.—Нилъ Сорскій переноситъ на Русь теорію «исихастовъ».—Эксплуатація этой теоріи государственной властью.—Неудача секуляризаціи и разрывъ Ивана III съ еретиками и нестяжателями.—Новый характеръ борьбы партій при Василіи III: компромиссы и политическая окраска споровъ.—Дѣло Серапіона и выясненіе политической роли «осифлянъ».—Союзъ съ ними государственной власти.—Союзъ «нестяжателей» съ политической оппозиціей.—Составные элементы послѣдней.—Положеніе боярства и его политическія стремленія.—Полемика Ивана IV съ Курбскимъ, какъ выраженіе идеаловъ спорившихъ сторонъ.—Соединеніе политическаго идеала оппозиціи съ религіознымъ.—Дальнѣйшая разработка его въ Бесѣдѣ валаамскихъ чудотворцевъ. — Попытка осуществленія оппозиціонной программы на соборахъ средины XVI вѣка.—Ея неполнота.—Соціальная оппозиція, какъ мотивъ религіозной полемики, какъ аргументъ въ рукахъ самодержавной власти (Сказаніе Пересвѣтова).—Ея непосредственное и самостоятельное выраженіе въ событіяхъ смутнаго времени.

Мы видѣли, какъ сама жизнь подготовила почву для *націоналистическихъ* идеологій въ московскомъ государствѣ XV в. и какъ на подготовленной такимъ образомъ почвѣ начали быстро прививаться занесенныя въ Москву изъ югославянскихъ земель политическія идеи. Судьба *оппозиціонныхъ* идеологій на Руси XV и XVI вѣка была совершенно противоположная. Занесенныя отчасти изъ чужеземнаго источника, онѣ не нашли для себя готовой почвы и послѣ недолгой борьбы должны были очистить поле сраженія передъ побѣдоноснымъ противникомъ. Исторію этой борьбы и этой побѣды намъ предстоитъ теперь прослѣдить.

Характеренъ уже самый порядокъ, въ которомъ развиваются оппозиціонныя идеологіи на Руси XV и XVI столѣтія. Въ началѣ онѣ носятъ преимущественно религіозный оттѣнокъ. Потомъ къ религіозному элементу присоединяется политическій. Наконецъ,—притомъ независимо отъ обоихъ предыдущихъ,—встрѣчаемъ и элементъ соціальный.

---

*) См. «Міръ Божій», февраль 1900 г.

Слѣдуя этому порядку, и мы начнем нашъ разсказъ съ наиболѣе отвлеченной оппозиціи, чтобы закончить наиболѣе стихійной.

Какъ извѣстно, религіозное вольнодумство на Руси впервые проявляется уже въ XIV и XV столѣтіи въ наиболѣе культурныхъ областяхъ: Псковѣ, Новгородѣ и Кіевѣ. Изслѣдователи усердно искали источниковъ этого вольнодумства на западѣ и на югѣ, въ сектахъ средневѣковой Германіи и въ богомильствѣ. Второе объясненіе апріори кажется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ къ воздѣйствію запада даже самыя культурныя области тогдашней Руси не были готовы, особенно въ области религіозной мысли. Первая русская ересь должна была явиться съ православнаго востока.

Это соображеніе приводитъ насъ къ тому источнику, откуда мы только что выводили политическія идеологіи московской Руси—къ Балканскому полуострову. Среди религіознаго броженія умовъ, которое господствовало въ XIV вѣкѣ на Балканскомъ полуостровѣ, намъ важно отмѣтить два направленія, которыя стоятъ въ очень близкой связи съ русскими движеніями того же времени. Я разумѣю направленіе *еретическое* и направленіе *православно-мистическое*. Прямою ересью было возродившееся въ это время богомильство и стоявшее, повидимому, въ какой-то связи съ нимъ раціоналистическое ученіе, распространившееся среди евреевъ Балканскаго полуострова, тогда уже довольно многочисленныхъ. По отрывочнымъ даннымъ нашихъ источниковъ,—болгарскихъ и солунскихъ еретиковъ-евреевъ XIV вѣка обвиняли какъ разъ въ томъ самомъ, въ чемъ обвинялись и русскіе «жидовствующіе», а а именно, въ непризнаніи божественнаго происхожденія Спасителя отъ Маріи Дѣвы, въ отрицаніи иконъ, въ непочитаніи святыхъ и мощей, въ непризнаніи воскресенія мертвыхъ. Было бы странно, конечно, требовать, чтобы евреи признавали все это; но, очевидно, рѣчь шла объ активной пропагандѣ этихъ взглядовъ среди православныхъ. При обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ евреевъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что эта пропаганда перекинулась изъ крупнаго еврейскаго торговаго центра, какимъ была Солунь,—въ Крымъ, въ Кафу, къ тамошнимъ караимамъ; отсюда, а также и черезъ сухопутную границу, тѣ же ученія проникали въ Кіевъ и къ литовскимъ евреямъ; а изъ Кіева уже по прямымъ показаніямъ источниковъ «жидовская ересь» была завезена въ Новгородъ. По отношенію къ богомильству въ собственномъ смыслѣ мы, къ сожалѣнію, не можемъ съ такой же вѣроятностью возстановить путь, какимъ оно могло бы придти на Русь. Но всего естественнѣе предположить, что оно явилось въ сопровожденіи другаго религіознаго движенія, проникшаго къ намъ съ Балканскаго полуострова,—именно, мистическаго движенія такъ называемыхъ «исихастовъ» съ которымъ это еретическое движеніе находилось въ несомнѣнной связи—сохраненной и послѣ перехода богомильскихъ и «исихастическихъ» ученій на Русь. Посредникомъ же при этомъ переходѣ, всего скорѣе, могъ быть—православный Аѳонъ.

Аѳонъ, дѣйствительно, въ теченіе всего XIV и XV столѣтія былъ центромъ, въ которомъ находили лучшее выраженіе всѣ вопросы, волновавшіе тогдашнюю православную мысль. Вопросы эти вовсе не были такъ элементарны, какъ можно бы было думать по состоянію русской религіозности. Православный востокъ шелъ далеко впереди православной Руси. Въ сущности, онъ волновался тѣмъ самымъ, чѣмъ волновалась и европейская религіозная мысль того времени. Онъ колебался между номинализмомъ и реализмомъ, точнѣе говоря, между схоластикой и мистицизмомъ. Когда основатели теоретическаго славянофильства непремѣнно хотѣли представить схоластику особенностью западной мысли, а изъ мистицизма сдѣлать привилегію восточной, то они безспорно ошибались. Оба типа религіозной мысли существовали какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, хотя западъ тому и другому далъ наиболѣе яркое выраженіе. Но ошибка славянофиловъ легко объясняется тѣмъ, что, дѣйствительно, мистицизмъ (особенно въ то время, о которомъ мы теперь говоримъ) получилъ на православномъ востокѣ особенно широкое распространеніе. Его проповѣдникомъ и теоретикомъ въ XIV столѣтіи былъ Григорій Синаитъ, ученіе котораго развивалъ его землякъ—малоазіатскій грекъ Григорій Палама; послѣдователями обоихъ были болгаре: Ѳеодосій и Евѳимій Тырновскіе. Ученіе всѣхъ этихъ религіозныхъ мыслителей близко подходитъ къ той чертѣ, за которой мистицизмъ перестаетъ согласоваться съ положительнымъ ученіемъ христіанства и превращается въ пантеизмъ. Всѣ они исходятъ, подобно нашимъ славянофиламъ, изъ отрицанія «силлогизма» и науки—«внѣшней мудрости»,—какъ способа познанія истины, и единственнымъ путемъ къ ея достиженію считаютъ погруженіе въ собственный духъ. Теоретическому «знанію» они противопоставляютъ нравственно-религіозную «дѣятельность». Но, на высшей ступени доступнаго человѣку «любомудрія»—они и самой «дѣятельности» (praxis) предпочитаютъ внутреннее, мистическое «созерцаніе» (theoria). А для достиженія полной глубины такого «созерцанія»—они рекомендуютъ рядъ обычныхъ у мистиковъ практическихъ пріемовъ. Посредствомъ употребленія этихъ пріемовъ достигается состояніе экстаза, выражающееся физически въ извѣстнаго рода тѣлодвиженіяхъ, а психически—въ особомъ ощущеніи покоя (hesychia, отсюда и названіе «исихастовъ»), восторга и, наконецъ, на высшей ступени,—«ѳаворскаго свѣта». Это послѣднее состояніе—ощущеніе свѣта — есть состояніе полнаго общенія съ Божествомъ. Для примиренія этой идеи непосредственнаго общенія съ положительнымъ христіанствомъ Григорій Палама долженъ былъ придумать особое различеніе между «сущностью» Бога и Его «проявленіемъ» («энергіей»): первая непостижима, но съ послѣднимъ человѣкъ можетъ сливаться.

На Аѳонѣ, гдѣ долго жилъ основатель ученія, Григорій Синаитъ, теорія «исихастовъ» была въ большомъ ходу. Былъ и такой моментъ въ XIV вѣкѣ, когда на Аѳонѣ пользовались вліяніемъ богомилы. Между

обоими ученіями существовало не мало точекъ соприкосновенія, какъ въ положительныхъ чертахъ ученія, такъ еще болѣе въ отрицательномъ отношеніи ихъ ко всему тому, что въ традиціонной религіи мѣшало ихъ «внутреннему» пониманію вѣры. Ихъ пренебреженіе къ обрядности и внѣшности, предпочтеніе живаго духа мертвой буквѣ, враждебное отношеніе къ чиновническому пониманію пастырскаго служенія—все это настолько сближало ихъ другъ съ другомъ въ глазахъ противниковъ, что обвиненія балканскихъ и аеонскихъ «исихастовъ» въ «мессаліанской ереси» (т. е. богомильствѣ) сдѣлались общимъ мѣстомъ. А между тѣмъ, именно эта критическая сторона ученія «исихастовъ», какъ болѣе доступная, должна была выдвинуться на первый планъ при перенесеніи ихъ взглядовъ на Русь.

Былъ, впрочемъ, въ тогдашней Россіи человѣкъ, который могъ и болѣе глубокимъ образомъ отнестись къ теоріи Григорія Синаита. Это былъ Нилъ Сорскій, имѣвшій возможность познакомиться съ ученіями «исихастовъ» на самомъ Аеонѣ, откуда онъ и вывезъ эти ученія въ Россію. Григорій требовалъ отъ своихъ послѣдователей, прежде всего, строгаго уединенія. Обыкновенный, «общежительный» монастырь не удовлетворялъ этому требованію; вотъ почему Нилъ ввелъ новый порядокъ жизни для своихъ учениковъ: въ скитахъ. Въ глухомъ заволжьѣ, кругомъ Кириллова монастыря, создалось не мало такихъ «скитовъ», населенныхъ «пустынниками», послѣдователями Нила или, какъ ихъ стали называть, «заволжскими старцами» *). При такомъ складѣ жизни имъ легко было осуществлять свой «нестяжательскій» идеалъ монашескаго существованія и критиковать монашеское и монастырское владѣніе собственностью: землями, селами и крестьянами. Цѣль ихъ была при этомъ, несомнѣнно,—уйти отъ міра. Но, совершенно неожиданно для нихъ самихъ, ихъ теорія оказалась имѣющей политическое значеніе, и вопреки основному своему принципу имъ пришлось сыграть видную роль въ политической борьбѣ.

Вообще религіозные споры на русской почвѣ очень быстро пріобрѣли церковно-государственный характеръ. Когда на православномъ востокѣ возникало религіозное сомнѣніе, оно обыкновенно рѣшалось духовнымъ соборомъ. Ученіе «исихастовъ», напр. обсуждалось и принято было тремя такими соборами XIV в. На Руси дѣло стояло иначе. «Неслыханное у насъ явленіе, ересь», застало совершенно врасплохъ мѣстныя духовныя власти и вызвало не теоретическое обсужденіе,—а административное преслѣдованіе. «Люди у насъ просты, писалъ новгородскій владыка Геннадій,—не умѣютъ по книгамъ говорить; такъ лучше ужъ о вѣрѣ никакихъ рѣчей не плодить, только для того и соборъ учинить, чтобы еретиковъ казнить, жечь и вѣшать». Однако, государь не сразу рѣшился на такую суммарную юстицію, какую рекомендовалъ епископъ.

*) См. Очерки по исторіи русской культуры, II, 30—31.

Причиной этого было, прежде всего, то, что на сторонѣ новгородскихъ еретиковъ стоялъ вліятельный кружокъ въ самой Москвѣ, раздѣлявшій, повидимому, ихъ мнѣнія по убѣжденію. Это были все люди книжные. Одинъ изъ нихъ склонилъ на сторону новыхъ ученій даже невѣстку великаго князя, Елену, партія которой (Патрикѣевы) была въ то время сильна при дворѣ. Московскій митрополитъ Геронтій, поэтому, молчалъ «или по непониманію, или по небрежности, или изъ страха передъ державнымъ». Преемникъ же его, Зосима, очевидно, самъ былъ выдвинутъ партіей и раздѣлялъ ея мнѣнія. Была и другая причина, по которой Иванъ III не спѣшилъ расправиться съ еретиками. Онъ только что (1478) отобралъ у новгородскаго духовенства и монастырей цѣлую половину ихъ земель,—а еретики какъ разъ проповѣдовали «нестяжательность». Еще удобнѣе для Ивана III въ этомъ отношеніи были теоріи русскихъ «исихастовъ» т. е. Нила Сорскаго съ его учениками—пустынножителями. Они не были такими отъявленными еретиками, какъ новгородскіе «жидовствующіе», и не могли, слѣдовательно, такъ скандализировать своими мнѣніями православную паству, какъ «злобѣсный волкъ», митр. Зосима. Вотъ почему, смѣстивъ явнаго еретика Зосиму, великій князь продолжалъ «держать въ великой чести» Нила. Эта «великая честь» очень хорошо совмѣщалась съ политикой Ивана III, т. е. съ подчиненіемъ духовенства государственной власти. При посвященіи преемника Зосимы Иванъ III обратился къ новому митрополиту Симону съ рѣчью, содержавшею нѣчто вродѣ инаугураціи: этимъ признавалось за московской государственной властью право, принадлежавшее прежде только византійскому императору,—право утверждать назначеніе митрополита. Черезъ четыре года (1500) Иванъ вторично отобралъ, съ благословенія того же Симона, нѣкоторыя земли новгородскаго духовенства и обложилъ остальныя тяжелымъ посошнымъ тягломъ. Наконецъ, еще черезъ три года (1503), подъ невиннымъ предлогомъ—рѣшить вопросъ о судьбѣ вдовыхъ поповъ—собранъ былъ духовный соборъ, и на немъ, послѣ того, какъ разъѣхались самые видные защитники интересовъ духовенства, неожиданно для всѣхъ Нилъ, а съ нимъ «пустынники бѣлозерскіе», его ученики, «начали говорить, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы чернецы по пустынямъ. а кормились бы рукодѣліемъ». Это была бы, другими словами, полная секуляризація монастырскихъ имуществъ въ Россіи. Очевидно, русскіе «исихасты», болѣе умѣренные въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ, не считали еще въ то время нужнымъ прибѣгать къ компромиссамъ въ практической программѣ: съ ними былъ самъ великій князь.

Партія старины переполошилась. Послали наскоро за волоколамскимъ игуменомъ Іосифомъ, вождемъ старо-православной партіи, уѣхавшимъ съ собора раньше его окончанія *). Не дожидаясь его

*) См. о немъ «Очерки», II, стр. 25—27.

пріѣзда, митрополитъ послалъ къ великому князю своего дьяка съ письмомъ; потомъ явился самъ съ московскими духовными сановниками и прочелъ Ивану докладъ, въ которомъ многочисленными цитатами, правда, не всегда добросовѣстно приведенными, доказывалась, если не нравственная справедливость и законность, то историческая древность и юридическая правильность вотчиннаго монастырскаго владѣнія. Передъ примѣрами древности, а еще больше передъ практическими неудобствами радикальнаго рѣшенія великому князю пришлось отступить,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и союзъ съ «нестяжателями» потерялъ для него всякое практическое значеніе. Тутъ кстати проснулась и совѣсть. Иванъ III призвалъ къ себѣ Іосифа Волоколамскаго, признался ему, что до тѣхъ поръ, дѣйствительно, поддерживалъ еретиковъ, обѣщалъ разслѣдовать дѣло и окончательно искоренить ересь. Партія «нестяжателей», однако, не сразу сдалась: это видно изъ новыхъ колебаній и проволочекъ Ивана. Смущенный, очевидно, новыми аргументами «нестяжателей», онъ снова зоветъ Іосифа, чтобы спросить у него, «какъ писано: нѣтъ ли грѣха еретиковъ казнить»? Сподвижникъ Геннадія не затруднился, конечно, подобрать примѣры и цитаты, чтобы разсѣять опасенія великаго князя. Но дѣло всетаки тянулось. Послѣ тщетныхъ напоминаній Ивану III, Іосифу пришлось вступить въ литературную полемику съ нестяжателями, чтобы опровергнуть сомнѣнія, смущавшія великаго князя. Волоколамскій игуменъ рѣшительно утверждалъ, что «грѣшника или еретика—все равно, руками ли убить, или молитвой». Нестяжатели предлагали Іосифу самому попробовать надъ еретиками одно изъ описанныхъ имъ чудесъ и напоминали, что Евангеліе запрещаетъ осуждать ближняго. Этотъ первый на Руси публицистическій споръ кончился не въ пользу новаторовъ. Въ 1505 г. собранъ былъ соборъ, который удовлетворилъ всѣмъ желаніямъ защитниковъ старины. Новгородская ересь была искоренена жестокими казнями. Такъ кончилась исторія религіознаго вольнодумства эпохи Ивана III.

Въ княженіе Василія III борьба новыхъ идеологій со старыми привычками принимаетъ новыя формы. Наученные опытомъ, нестяжатели не защищаютъ болѣе прежнихъ позицій. Преемникъ Нила, Вассіанъ, рисуется намъ человѣкомъ менѣе глубокимъ и менѣе знающимъ, чѣмъ Нилъ, но зато болѣе практичнымъ, болѣе близкимъ къ жизни. Онъ не хочетъ жертвовать дѣйствительностью теоріи и защищать радикальныя мѣры только потому, что онѣ логическія. Практика жизни требовала компромисса, и Вассіанъ предложилъ копромиссъ. Онъ не отрицалъ больше за монастырями права владѣть землями, но старался только доказать, что не слѣдуетъ владѣть людьми. Съ своей стороны и партія Іосифа сдѣлала уступку: она признала за свѣтской властью право контроля надъ употребленіемъ монастырскихъ имуществъ. На этотъ разъ, однако же, споръ вышелъ далеко за прежніе предѣлы. Къ чисто религіознымъ теоріямъ оппозиціи присоединился элементъ

политическій:—онъ то и рѣшилъ окончательно судьбу русскаго религіознаго вольнодумства.

Пока нестяжателей обвиняли, болѣе или менѣе основательно, въ тайныхъ симпатіяхъ и сношеніяхъ съ новгородскими еретиками, государственная власть могла смотрѣть на это сквозь пальцы и продолжать пользоваться услугами партіи для своихъ цѣлей. Но если заподозрѣвалась политическая благонадежность религіозной оппозиціи, это уже было дѣло другое. Естественно, что противники нестяжателей воспользовались первымъ случаемъ, чтобы придать своему спору съ ними политическую окраску. Подходящій случай представился въ первые же годы княженія Василія III (1507—1509).

Монастырь Іосифа былъ расположенъ въ Волоколамскомъ удѣлѣ. Мѣстный удѣльный князь, Өедоръ Борисовичъ, соблазнившись примѣромъ Ивана III, сталъ претендовать на свою долю въ имуществахъ и казнѣ монастырей своей области. Спасаясь отъ его вымогательствъ, Іосифъ передалъ свой монастырь въ непосредственное завѣдованіе великаго князя. Жаловаться на такой поступокъ Іосифа въ тогдашней Руси было некому. Волоцкій князь нашелъ, однако, косвенный способъ отмстить Іосифу. Дѣло въ томъ, что непосредственнымъ начальствомъ Іосифа былъ новгородскій владыка, и Іосифъ не могъ передать своего монастыря въ чужую епархію безъ его благословенія. Если онъ такъ поступилъ, то, очевидно, лишь потому, что хорошо зналъ тогдашняго новгородскаго владыку Серапіона и не могъ разсчитывать на его поддержку. «Подъ вліяніемъ дружественно расположенныхъ къ нему новгородцевъ, а можетъ быть и по собственному чувству справедливости, замѣчаетъ одинъ изслѣдователь, Серапіонъ не могъ сочувствовать тому, что удѣльный князь былъ лишенъ права вѣдать богатый монастырь, который достался «державному», и безъ того готовому не нынѣ-завтра воспользоваться послѣднимъ удѣломъ своего двоюроднаго брата». Съ другой стороны, Іосифъ имѣлъ полное основаніе не опасаться никакихъ возраженій противъ совершившагося факта ни со стороны князя, ни со стороны епископа. «Объ этомъ (благословеніи епископа) не заботьтесь, говорилъ самъ Василій посланцамъ Іосифа; а Іосифу скажите, что *не онъ* отошелъ изъ архіепископіи новгородской, а *я самъ* взялъ монастырь отъ насилія удѣльнаго; когда же окончится земская невзгода, я самъ пошлю объ этомъ къ архіепископу».

Серапіонъ ждалъ этой «посылки» отъ князя два года и не дождался. Тогда, подстрекаемый волоцкимъ княземъ, онъ предпринялъ рѣшительный шагъ: отлучилъ Іосифа отъ священства и отъ причастія. «Ты отступилъ отъ небеснаго и пришелъ къ земному», писалъ онъ въ своей неблагословенной грамотѣ Іосифу.

«Дѣло приняло политическій оборотъ, замѣчаетъ тотъ же изслѣдователь, грамоту Серапіона перетолковали по своему: онъ-де въ ней

небеснымъ назвалъ князя Өедора, а земнымъ великаго самодержца. Въ этомъ увидали новогородскій духъ, крамолу». Московскій митрополитъ поспѣшилъ разрѣшить Іосифа отъ отлученія, произнесеннаго надъ нимъ новгородскимъ владыкой. Серапіона вызвали въ Москву, лишили священства и заключили въ Андрониковъ монастырь. Это не заставило его, однако, отказаться отъ защиты праваго дѣла. Изъ своего заключенія онъ пишетъ митрополиту посланіе, въ которомъ не проситъ объ облегченіи своей участи, а развиваетъ тѣ аргументы, которыхъ не хотѣлъ выслушать осудившій его соборъ, и заявляетъ во всеуслышаніе, что ему «не бояться въ правдѣ ни князя, ни народной толпы..., такъ какъ писано: правдою предъ цари глаголахъ—и не стыдихся».

Такое поведеніе низложеннаго епископа произвело впечатлѣніе даже въ тогдашней Москвѣ. У Серапіона нашлись поклонники и въ Новгородѣ, и въ столицѣ, особенно среди бояръ. Сторонники Іосифа были смущены и одинъ за другимъ обращались къ нему съ просьбами—помириться съ Серапіономъ. Іосифъ отвѣчалъ на это рядомъ писемъ къ друзьямъ, въ которыхъ не только не признавалъ себя виновнымъ, а, напротивъ, рѣзко нападалъ на своего противника и подъискивалъ теоретическое оправданіе своему поступку. Въ этихъ-то письмахъ Іосифъ откровенно подчеркнулъ политическій характеръ всего дѣла и этимъ окончательно опредѣлилъ положеніе, которое заняла его собственная партія въ современной политической борьбѣ.

«Священныя правила повелѣваютъ о церковныхъ и монастырскихъ обидахъ приходить къ православнымъ царямъ и князьямъ». «Отъ меньшихъ царей и князей всегда и вездѣ духовныя лица обращались къ большимъ». По ихъ примѣру и онъ, Іосифъ, билъ челомъ тому, «кто не только князю Өедору, но и архіепископу Серапіону и всѣмъ намъ общій всей русской земли государь»; его «Господь Богъ устроилъ вмѣсто себя и посадилъ на царскомъ престолѣ, предавъ ему судъ и милость и вручивъ и церковное, и монастырское, и власть надъ всѣмъ православнымъ государствомъ и всей русской землей. Если бы я иному государю билъ челомъ, то поступилъ бы дурно». Напротивъ, Серапіонъ «во всемъ противно чинилъ божественнымъ правиламъ». «Поразсуди ты Серапіоновъ умъ; чѣмъ бы ему бить челомъ на соборѣ государю православному и самодержцу всей Руси, да преосвященному митрополиту, онъ сталъ спорить съ государемъ и съ святителями. А божественныя правила повелѣваютъ царя почитать, не ссориться съ нимъ. Ни древніе святители не дерзали этого дѣлать, ни четыре патріарха, ни римскій папа, бывшій на вселенскомъ соборѣ. Когда царь на кого гнѣвался, то они съ кротостью, со смиреніемъ и со слезами молили царя». Поэтому только «неразумные, скоту подобные люди» могутъ поощрять Серапіона: «ты де, государь, стой, лица сильныхъ

не срамись; стой крѣпко». Словомъ, это была извѣстная намъ *) теорія «богонаученнаго коварства».

Съ теоріей нестяжателей, которую проводилъ на практикѣ Серапіонъ, этотъ взглядъ, дѣйствительно, представлялъ полный контрастъ. Нестяжатели хотѣли, чтобы церковь стояла выше государства, а для этого она, прежде всего, должна была быть независимой отъ него. Источникъ зависимости—собственность; отказъ отъ собственности долженъ обезпечить пастырямъ независимость отъ предержащей власти: только при такомъ условіи они получатъ возможность обращаться къ власти не съ собственными «обидами», а съ «печалованіемъ» о неправдахъ міра. Простаго сопоставленія этой точки зрѣнія со взглядами, которыя защищалъ Іосифъ,—достаточно, чтобы угадать, на чью сторону должна была стать московская власть.

Іосифъ, правда, вовсе не *даромъ* предлагалъ этой власти религіозную санкцію духовенства. Тѣмъ же случаемъ съ волоцкимъ княземъ онъ воспользовался, чтобы показать свидѣтельствами «писанія», къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ вмѣшательство властей въ неприкосновенность монастырскихъ имуществъ. Онъ выводилъ изъ грозныхъ примѣровъ прошлаго, что «не только власть отнимаетъ Богъ у похитителей церковнаго и монастырскаго имущества, а и душу беретъ у нихъ страшными, лютыми муками». Онъ требовалъ, другими словами, чтобы московское правительство оставило монастырскія имущества въ покоѣ **).

На этомъ пунктѣ власть готова была идти на уступки. Еще Иванъ III припужденъ былъ отказаться отъ полной секуляризаціи духовныхъ имуществъ. Василій III ограничился простымъ контролемъ, противъ котораго ничего не имѣлъ, какъ мы знаемъ, и самъ волоцкій игуменъ. На этихъ условіяхъ состоялся окончательный союзъ между «іосифлянами» и властью.

Нестяжатели съ своими возвышенными стремленіями были отброшены въ оппозиціонный лагерь. Изъ кого этотъ лагерь состоялъ, видно изъ только что разсказанной исторіи съ Серапіономъ. Къ нему примыкало все то, что еще уцѣлѣло, вопреки суровымъ мѣрамъ Ивана III, отъ новогородскаго духа. Надо признаться, что это были уже одни только жалкіе обломки. Потомъ здѣсь были остатки—уже нѣсколько лучше сохранившіеся, хотя и немногимъ болѣе живучіе—удѣльно-княжеской власти, съ которой предстояло расправиться окончательно Ивану IV. Было бы, однако, неправильно заключать, что вся оппозиція XV вѣка состояла исключительно изъ этихъ развалинъ древности. Былъ тутъ и элементъ, не просто отрицавшій новый порядокъ, устанавливавшійся въ Москвѣ, а и стремившійся по своему приладиться къ этому порядку, требовавшій въ немъ мѣста для себя. *Бояре*—не только

---

*) См. Очерки II, стр. 27.

**) Ср. Очерки, II, стр. 27—28.

тѣ, которые давно уже жили въ Москвѣ, а и тѣ, которые въ нее только что пріѣхали съ своихъ удѣльно-княжескихъ престоловъ,—жили не прошлымъ, а настоящимъ, и въ настоящемъ хотѣли устроиться, какъ можно для себя удобнѣе.

Отъ своихъ прародителей XIV в. московскіе князья XV и XVI вв. получили завѣтъ «слушаться старыхъ бояръ». Теперь составъ этихъ бояръ сильно измѣнился и качественно, и количественно; вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно расширился и кругъ ихъ дѣятельности. Боярскій совѣтъ сдѣлался необходимымъ учрежденіемъ въ государствѣ, а кучка правительственныхъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ совѣтѣ въ удѣльную эпоху по служебной обязанности, превратилась въ цѣлый общественный классъ, смотрѣвшій на роль совѣтниковъ государя, какъ на свое политическое право.

Со стороны московскаго князя эти претензіи на первыхъ порахъ не только не встрѣтили никакого отпора, но, напротивъ, послужили лишнимъ рессурсомъ для сформированія новаго государственнаго строя и сдѣлались однимъ изъ самыхъ эффектныхъ его украшеній. Когда Иванъ III получалъ изъ Литвы грамоту отъ «всѣхъ князей и пановъ рады» Литовскаго княжества съ необычнымъ для него адресомъ: «братьямъ и пріятелямъ нашимъ, князьямъ и панамъ рады великаго князя Ивана Васильевича»,—онъ не хотѣлъ ударить въ грязь лицомъ передъ своими учителями въ государственномъ правѣ: русскіе князья и бояре получали приказаніе приложить свои печати къ отвѣту, написанному въ княжеской канцеляріи. А чтобы въ другой разъ литовскіе «паны-рада» не имѣли повода отговариваться незнаніемъ именъ московскихъ бояръ и «мѣстъ, гдѣ кто сидитъ подлѣ кого въ радѣ государя», въ грамотѣ выписывались и имена и небывалые титулы московскихъ совѣтниковъ князя: «отъ князя Василья Даниловича, воеводы московскаго, и отъ князя Данила Васильевича, воеводы великаго Новагорода и отъ Якова Захарьевича, воеводы Коломенскаго» и т. д. Такимъ образомъ, стремленіе подражать сосѣдямъ само по себѣ уже возвышало московскій боярскій совѣтъ на степень правильно организованнаго учрежденія. Съ той же точно цѣлью и самъ Иванъ скопировалъ свой собственный титулъ съ польско-литовскихъ грамотъ. Но помимо этихъ казовыхъ эффектовъ, Иванъ, несомнѣнно, цѣнилъ свою думу и какъ дѣйствительно полезное учрежденіе при усложнившихся государственныхъ задачахъ. Недаромъ онъ оставилъ по себѣ хорошую память даже въ такихъ приверженцахъ правящаго сословія, какъ князь Курбскій. По мнѣнію Курбскаго, Иванъ III потому «такъ далеко границы свои расширилъ, великаго царя ордынскаго изгналъ и юртъ его разорилъ», что «много совѣтовался съ мудрыми синклитами, былъ любосовѣтенъ и ничего не починалъ безъ глубочайшаго и многаго совѣта».

Однако, уже при Иванѣ III въ эти отношенія закрадывается дис-

сонансъ, который скоро разростается въ принципіальное противорѣчіе. Сознаніе этого противорѣчія растетъ по мѣрѣ роста извѣстныхъ уже намъ національно-политическихъ идеологій. Чѣмъ полнѣе развивалась теорія самодержавной власти, тѣмъ несовмѣстимѣе съ нею казалось «любосовѣтное» настроеніе прежнихъ князей. Но—что мы должны здѣсь особенно подчеркнуть—это то, что *и съ противной стороны*, со стороны боярства—ходъ событій развивалъ *совершенно новыя идеологіи*, еще болѣе обострившія только что указанное противорѣчіе.

Конечно, силы съ двухъ сторонъ были далеко не равны: наступать приходилось только одной сторонѣ, а другой оставалось—обороняться. Вотъ почему слабѣйшая и побѣжденная сторона, боярство, сама привыкла представлять свою идеологію по преимуществу оборонительной, а идеологію своихъ противниковъ, государей,—по преимуществу аггрессивной. Она готова была обвинять московскаго великаго князя въ «переставливаніи обычаевъ», а себя изображать защитницей старины. Мы, однако, сдѣлаемъ большую ошибку, если повѣримъ ей на слово. Въ дѣйствительности, старины не существовало болѣе ни для одной изъ сторонъ,—хотя обѣ старались доказать, что историческая традиція на ихъ сторонѣ.

Право «совѣта» въ государственныхъ дѣлахъ—такова была исходная мысль идеологіи боярскаго класса. По его представленію, бояре имѣли это право давно, и все дѣло было въ томъ, чтобы его сохранить при новомъ порядкѣ. «Земля замутилась», по ихъ понятію, лишь съ тѣхъ поръ, какъ на Москву пришла «цареградская царевна (Софья)»: только съ этого времени стало все труднѣе и рискованнѣе «говорить навстрѣчу державному». Все это было совершенно вѣрно;—но такъ же вѣрно было и то, что прежде и темъ для такихъ «встрѣчныхъ» рѣчей было гораздо меньше, и такія рѣчи не считались *правомъ*, а тѣмъ болѣе *исключительнымъ* правомъ извѣстнаго общественнаго класса. Только тогда, когда обсужденіе усложнившихся по составу и увеличившихся въ количествѣ государственныхъ дѣлъ сдѣлалось постояннымъ занятіемъ извѣстнаго круга лицъ, только тогда всякое отклоненіе, всякая попытка обойти этотъ кругъ или выйти за его предѣлы стала чувствоваться членами сплотившагося круга, какъ обида. Обидой для боярства было, когда «совѣтникомъ» князя (не только по положенію, но и по титулу) становился какой-нибудь Шигона Поджогинъ и когда съ такими людьми князь думалъ свою думу «самъ-третей у постели». Обидно стало, что князь «зѣло вѣритъ писарямъ, а избираетъ ихъ не отъ шляхетскаго роду, ни отъ благороднаго, но паче отъ поповичевъ или отъ простого всенародства,—и то творитъ, ненавидячи вельможъ своихъ». И эта «обида», съ одной стороны, и эта «ненависть» съ другой—были явленіемъ новымъ, произошедшимъ оттого, что пришлось дѣлить то, что раньше не дѣлилось.

Итакъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ борьбой стараго отживаю-

щаго и новаго нарождающагося порядка, а съ борьбой двухъ политическихъ идеаловъ, правда, далеко неравносильныхъ, за осуществленіе въ будущемъ. Вполнѣ сознательно и отчетливо эти идеалы формулируются только въ третьемъ поколѣніи послѣ начала борьбы, въ знаменитой перепискѣ Грознаго съ Курбскимъ.

«Отчего же государь и *самодержецъ* называется, какъ не оттого что самъ строитъ», спрашиваетъ своего противника Иванъ IV, смѣло перенося на внутреннюю политику—понятіе, сложившееся во внѣшней. Иностранные государи «царствами своими не владѣютъ; какъ имъ велятъ подданные ихъ, такъ и владѣютъ». Потому и погибли эти царства, что «цари были тамъ послушны епархамъ и синклитамъ; если царю не повинуются подвластные, никогда не прекратятся въ странѣ междоусобныя брани». По настоящему «земля правится не судьями и воеводами, не ипатами и стратигами, а Божіимъ милосердіемъ, всѣхъ святыхъ молитвами, родителей нашихъ благословеніемъ, а напослѣдокъ и нами, государями своими».

На такую точку зрѣнія никакъ не хотѣлъ стать первый русскій эмигрантъ, добровольно покинувшій «неблагодарное, варварское, недостойное ученыхъ мужей», но, все-таки «любимое отечество». Онъ вовсе не признавалъ, что «Богъ отдалъ въ работу» его предковъ—предкамъ великаго князя: для него это былъ просто «издавна кровопійственный родъ», основавшій свою власть на правѣ сильнаго. Его политическимъ идеаломъ было двоевластіе царя и «избранной рады». Царь долженъ быть главой, а его совѣтники—членами одного тѣла. Впрочемъ, князь-публицистъ не ограничивался желаніемъ, чтобы участвовали въ «совѣтѣ» члены его собственнаго сословія, и шелъ дальше. «Царь долженъ искать добраго полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ». Негодуя, какъ мы видѣли, противъ «писарей», вознесенныхъ державнымъ на неподобающую высоту, онъ ничего не имѣлъ противъ такого члена «избранной рады», какимъ былъ Адашевъ.

Таковъ былъ характеръ той политической оппозиціи, съ которой религіозная оппозиція XVI в. вступила въ идейный союзъ. Мы оставили эту оппозицію въ началѣ третьяго періода ея существованія, когда, переставши быть еретической (въ смыслѣ жидовствующихъ) и радикальной (въ смыслѣ Нила), она вступила, въ лицѣ Вассіана, въ компромиссъ съ требованіями дѣйствительности. Именно эта близость Вассіана къ практической жизни, однако, поставила его лицомъ къ лицу съ тогдашней политической дѣйствительностью. Постриженный представитель опальнаго княжескаго рода (Патрикѣевыхъ), онъ на себѣ самомъ испыталъ всю тяжесть устанавливавшагося въ Москвѣ политическаго режима. Не увлекаясь никакой политической теоріей, не пытаясь создать никакого политическаго идеала, онъ, тѣмъ не менѣе, не могъ не отзываться на политическую злобу дня, тѣмъ болѣе,

что былъ одно время близокъ къ царю Василію и пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ. «Печалованіе» къ «державному» было единственной формой, въ которой князь-инокъ и его единомышленники могли высказать свой протестъ противъ возмущавшихъ ихъ совѣсть событій современности. Естественно, что за это право они такъ же крѣпко держались, какъ бояре за аналогичное право «совѣта». Такое сходство положенія само по себѣ сближало нестяжателей съ недовольными изъ бояръ, тѣмъ болѣе, что имъ нечего было дѣлить другъ съ другомъ. Конкурентами въ сферѣ землевладѣнія были для бояръ не нестяжатели, а ихъ противники, защищавшіе вотчинное владѣніе монастырей; а вліяніе на власть—нестяжатели хотѣли имѣть только нравственное.

Какъ проявлялась на практикѣ политическая оппозиція нестяжателей при Василіи III и къ какимъ послѣдствіямъ она приводила, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1523 г. сѣверскій князь былъ оклеветанъ въ перепискѣ съ Литвой и заключенъ въ Москвѣ въ тюрьму, несмотря на письменное ручательство въ безопасности, данное ему великимъ княземъ и митрополитомъ Даніиломъ (осифляниномъ). Митрополитъ, «взявшій его на образъ Пречистыя да на чудотворцевъ да на свою душу», самъ первый радовался поимкѣ «запазушнаго врага» государя. Нестяжатели взглянули иначе на поступокъ князя и митрополита. Они не только осуждали этотъ поступокъ въ разговорахъ между собой (впослѣдствіи послужившихъ однимъ изъ поводовъ къ обвиненію Максима Грека), но одинъ изъ нихъ, троицкій игуменъ Порфирій, «яко мужъ обычаевъ простыхъ и въ *пустынѣ* воспитанъ», рѣшился «молить» государя, «да освободитъ брата... отъ оковъ»—и былъ за это изгнанъ изъ монастыря и замученъ. Въ тотъ же самый годъ очередь дошла и до Максима, идеалиста, присоединившагося во имя евангельскихъ требованій ко всей религіозной программѣ нестяжателей,—къ ихъ борьбѣ противъ монастырскаго сребролюбія, къ ихъ «печалованіямъ»,—и терпѣливо выслушивавшаго ихъ жалобы на печальную политическую дѣйствительность не только дикую и чуждую, но и малопонятную для ученика Савонаролы *). Максимъ былъ осужденъ за мнѣнія своей партіи гораздо больше, чѣмъ за свои собственныя. Черезъ шесть лѣтъ за нимъ послѣдовалъ въ заточеніе и самъ Вассіанъ.

Итакъ, и третье поколѣніе оппозиціонеровъ сошло со сцены безплодно для того дѣла, которое защищало. Брошенныя ими сѣмена, однако, не заглохли сразу. Напротивъ, въ четвертомъ поколѣніи,—даже если мы оставимъ въ сторонѣ такія вершины политической мысли, какъ Курбскій и Иванъ Грозный,—оппозиціонная теорія разрабатывалась дальше, также какъ и теорія самодержавія. Точку зрѣнія Гроз-

*) См. о Максимѣ «Очерки», II, стр. 36—38.

наго развилъ и защищалъ новыми аргументами—Ивашка Пересвѣтовъ; ему отвѣчалъ, развивая политическія теоріи Курбскаго,—неизвѣстный намъ авторъ такъ называемой «Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ, Сергія и Германа». Чтобы не прерывать нашего разсказа о политической оппозиціи XVI в., мы прямо перейдемъ къ ея теоретику, автору «Бесѣды»: къ вызвавшему это сочиненіе «Сказанію» Пересвѣтова мы будемъ имѣть случай вернуться ниже.

Любопытный памфлетъ, написанный какимъ-нибудь почитателемъ Вассіана, интересенъ, прежде всего, въ томъ отношеніи, что авторъ его совмѣщаетъ теоріи «нестяжателей» съ теоріями оппозиціоннаго боярства. Отъ имени обоихъ святыхъ «чернцовъ»—, авторъ «Бесѣды» развиваетъ цѣлую теорію, въ которой самымъ своеобразнымъ образомъ соединяются и перемѣшиваются идеи религіозной оппозиціи съ идеями оппозиціи политической. Авторъ предсказываетъ наступленіе послѣднихъ временъ, которое характеризуется, по его мнѣнію, «простотою» царей и «гибелью» монаховъ. Относительно «царей» авторъ, прежде всего, рекомендуетъ себя монархистомъ, хотя и не столь безусловнымъ, какъ тотъ противникъ его, съ которымъ онъ полемизируетъ.

«Напрасно думаютъ многіе (Пересвѣтовъ, ср. ниже, стр. 247),—заявляетъ онъ,—что Богъ сотворилъ человѣка на свѣтъ *самовольнымъ*. Если бы Онъ создалъ его самовластнымъ, тогда не уставилъ бы царей и прочихъ властей и не отдѣлилъ бы государство отъ государства». Несомнѣнно, государство создано «на воздержаніе міра сего для спасенія душъ нашихъ». Но для этой цѣли недостаточно, чтобы государи были «грозны» и чтобы они все могли сдѣлать личными усиліями *). Они должны искать совѣта, и именно совѣта *мірскихъ* людей. На дѣлѣ же государи послѣднихъ временъ оказываются «просты»: они воздерживаютъ міръ *не съ своими пріятелями, съ князьями и съ боярами*, а съ «непогребенными мертвецами»—съ монахами. Монахи,—люди, отрекшіеся отъ міра,—владѣютъ волостями съ крестьянами, судятъ мірянъ и отдаютъ ихъ на поруки; монахи кормятся крестьянскими слезами, собирая въ свою пользу всякіе царскіе доходы съ волостей, точно царскіе мірскіе приказчики. Наживая богатыя палаты, они губятъ душу; и міръ не церемонится съ духовнымъ саномъ,—съ бродящими по міру священниками, потерявшими свои мѣста. Чтобъ поднять духовный авторитетъ, необходимо, во-первыхъ, собирать всѣ доходы съ земель въ казну, а духовенству выдавать ежегодное урочное содержаніе; во-вторыхъ, отдать подъ начало въ монастыри всѣхъ безпріютныхъ духовныхъ. Тогда міръ будетъ строиться и царство утверждаться иноческимъ постомъ и молитвами, непрестанными слезами и молитвостояніемъ. Иноки будутъ заботиться о томъ, чтобы всякій человѣкъ вездѣ и повсюду ежегодно говѣлъ, чтобы царю не быть въ отвѣтѣ передъ Богомъ за души под-

*) Именно такъ ставилъ вопросъ Пересвѣтовъ, см. ниже стр. 246.

данныхъ. Царь же правитъ самъ съ своими властями: «совѣтъ совѣщеваетъ съ совѣтниками о всякомъ дѣлѣ». Совѣтниками должны быть «князья и бояре и прочіе міряне». Въ приложеніи, которое нѣкоторые ученые—неосновательно, какъ намъ кажется,—приписываютъ другому автору, нашъ публицистъ приводитъ обѣ свои мысли о спасеніи душъ посредствомъ ежегоднаго покаянія и объ устройствѣ всякихъ государственныхъ дѣлъ посредствомъ совѣта мірянъ—въ весьма оригинальную связь. Царь не своей личной храбростью, а разумомъ своего славнаго воинства крѣпитъ и распространяетъ свою державу. Поэтому, духовенство должно благословить царя «на единомысленный вселенскій совѣтъ». А царь долженъ «съ радостью, безъ высокоумной гордости, съ христоподобной смиренной мудростью воздвигнуть отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ городовъ тѣхъ *) и безпрестанно держать при себѣ погодно ото всякихъ мѣръ всякихъ людей и на всякъ день ихъ добрѣ разспросить царю самому о всегоднемъ посту и о каяніи всего міра и про всякое дѣло міра сего». Такимъ образомъ, «царю всегда будетъ вѣдомо про всѣ дѣла его самодержавства» и онъ сможетъ скрѣпить отъ грѣха всѣ власти и воеводъ и приказныхъ людей: отъ взятки и посула и отъ всѣхъ безчисленныхъ властелинскихъ грѣховъ, словомъ, отъ всякой неправды **). Тѣ же «всегодные постные люди» обезпечатъ царю и ежегодное всеобщее покаяніе, такъ что сохранены будутъ и души, и тѣла.

Однимъ развитіемъ оппозиціонной *теоріи* дѣло не ограничилось. Только что изложенная Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ сама собой приводитъ насъ къ тому моменту русской исторіи, когда политическая и религіозная оппозиція получили возможность сдѣлать попытку практическаго осуществленія своей программы.

Можно было ожидать, повидимому, что такая попытка будетъ сдѣлана во время боярскаго правленія послѣ смерти Василія III. Но регентство Елены оказалось не особенно благопріятнымъ моментомъ для осуществленія оппозиціонныхъ идеологій. Зато тѣмъ удачнѣе сложились обстоятельства въ концѣ этого смутнаго десятилѣтія, при вступленіи Ивана IV. Это было то время, которое Курбскій разрисовалъ въ такихъ розовыхъ краскахъ и про которое Иванъ Грозный говорилъ съ такимъ раздраженіемъ, какъ о времени, когда Сильвестръ съ Адашевымъ «всѣ строенія и утвержденія по своей волѣ и своихъ совѣтниковъ хотѣнію творили», когда ему оставили только имя и честь, а всю власть государя присвоили себѣ.

Идея духовнаго и земскаго «вселенскаго совѣта» или собора была въ это время осуществлена въ дѣйствительности; и программа вопро-

---

*) «Городъ», т.-е. собственно городское населеніе, отдѣлялся тогда отъ «уѣзда»,—высшей областной единицы тогдашней Россіи.

**) И здѣсь заключается косвенный отвѣтъ Пересвѣтову, предлагавшему для искорененія «неправды» другія мѣры, см. ниже, стр. 247.

совъ, представленныхъ царемъ на первый изъ соборовъ, во многихъ случаяхъ близко напоминала идеи автора Валаамской бесѣды *). На первомъ планѣ стоялъ здѣсь вопросъ о монастырскихъ имуществахъ, но за нимъ тотчасъ возникалъ другой, не менѣе серьезный для государства вопросъ о формѣ вознагражденія за военную службу, т.-е. о служилыхъ земляхъ. Съ монастырской собственностью связанъ былъ, какъ мы знаемъ, вопросъ о нравахъ и о внутренней дисциплинѣ духовенства. Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ авторъ Бесѣды далеко не раздѣлялъ широкихъ взглядовъ Курбскаго: новыя моды съ Запада и съ Востока новый костюмъ и прическа, новое убранство комнатъ, новая манера пѣть въ церкви и писать иконы, т.-е. новыя направленія въ церковной живописи и музыкѣ **), все это приводило его въ большое смущеніе; на все это онъ обращалъ вниманіе власти и ея совѣтниковъ.

И изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что только что очерченный, на основаніи Валаамской бесѣды, кругъ вопросовъ сильно занималъ «избранную раду» Ивана IV наканунѣ созыва соборовъ. Прежде всего, молодые реформаторы вспомнили своихъ старыхъ вождей: голосъ изъ тюрьмы Максима и другой голосъ друга нестяжателей, Артемія ***), вскорѣ сосланнаго въ Соловки,—первые раздаются по призыву Сильвестра и Адашева. Оба, разумѣется, сочувствуютъ реформѣ: Артемій намекалъ даже на возможность радикальнаго разрѣшенія вопроса о монастырскихъ имуществахъ въ духѣ Нила Сорскаго.

Но время радикальныхъ рѣшеній прошло или, лучше сказать, не наступило: митрополитъ Макарій, несмотря на свою мягкость и привычку всѣмъ дѣлать пріятное, въ этомъ случаѣ оказался вѣренъ завѣтамъ своей alma mater, Волоколамскаго монастыря и подалъ—по обыкновенію, чужими словами (митр. Симона на соборѣ 1503 г.)—рѣшительное мнѣніе противъ радикальной постановки вопроса на предстоявшемъ соборѣ. За нимъ высказались и еще нѣсколько лицъ не въ пользу затѣй молодой партіи; такъ что еще до созыва собора ясно было, что дѣло кончится полумѣрами. Не вызывалъ особенныхъ надеждъ и самый составъ собравшагося въ Москвѣ духовнаго собора (т. наз. Стоглава). Изъ девяти его членовъ только одинъ (Вассіанъ) извѣстенъ своими передовыми мнѣніями: за то преданіе и украсило его біографію самыми внушительными подробностями, вродѣ того, что у него рука отнялась, голова повернулась назадъ и т. п. Трое (кромѣ Макарія) были «осифляне», т.-е. явные противники реформы.

На дѣятельности собора мы здѣсь не можемъ останавливаться. Скажемъ только, что по отношенію къ вотчиннымъ правамъ монастырей

*) Этимъ мы не предрѣшаемъ вопроса о времени написанія Бесѣды: всего вѣроятнѣе, она была составлена послѣ реформы 1550-хъ годовъ, т. е. позже фактовъ, идейнымъ оправданіемъ которыхъ она является.

**) См. объ этомъ «Очерки», II, 2-е изданіе, стр. 209—210, 224.

***) См. о немъ «Очерки», II, 30, 32, 95.

дѣло ограничилось нѣкоторыми мѣрами государственнаго контроля надъ монастырскимъ судомъ и финансовой администраціей. Зато новомодныя мурмолки («тафьи безбожнаго Магомета») подверглись жестокому гоненію, такъ же, какъ и модныя иконы и бритье бороды. Гораздо важнѣе были государственныя мѣры, принятыя въ интересахъ служилаго сословія. Наградить генераловъ за службу и обезпечить бытъ офицерства—это былъ настоящій лозунгъ времени, который такъ выдвигалъ впередъ Курбскій и на который такъ нападалъ Грозный.

Въ интересахъ того же офицерства созванъ былъ и первый русскій земскій соборъ. Недавно стало извѣстно, что этотъ соборъ не былъ ни собраніемъ настоящихъ представителей, ни выраженіемъ мнѣній всей земли,—какимъ хотѣлъ бы видѣть подобный соборъ авторъ Валаамской бесѣды. Государство созвало своихъ слугъ, занимавшихъ извѣстныя должности, и потребовало отъ нихъ не столько ихъ вотума, сколько простой экспертизы—въ видѣ отвѣта на опредѣленно поставленный вопросъ о ихъ служебной годности въ данной моментъ. Такимъ образомъ, оказывается, что въ моментъ перваго появленія такого, повидимому, интереснаго учрежденія историку русскихъ общественныхъ движеній съ нимъ уже нечего дѣлать. Оно завершаетъ собой, какъ и другой, духовный соборъ, оппозиціонное движеніе цѣлаго полувѣка, сводя къ минимуму его результаты,—и именно потому съ этихъ соборовъ не приходится начинать никакого новаго движенія.

Впрочемъ, оговоримся. Принявъ съ такой рѣшительностью подъ свою защиту интересы одного класса (надо прибавить: не того, который былъ въ силѣ въ данный моментъ и сила котораго вскорѣ оказалась такой непрочной, т.-е. боярства,—а того, которому принадлежало будущее, т.-е. дворянства), московское правительство этимъ самымъ готовило себѣ новую оппозицію, наименѣе идеологическую и наиболѣе опасную—даже тогда, когда она проявлялась не активно, а пассивно. Это была оппозиція соціальная—оппозиція крестьянъ и холоповъ.

Первые признаки такой оппозиціи являются еще раньше соборовъ и раньше сознательнаго и систематическаго классоваго законодательства. Собственно, во все этой полемикѣ противъ монастырскаго владѣнія землей и людьми, рядомъ съ морально-религіозными и политическими побужденіями, все время слышится также и соціальная нотка. Разумѣется, особенно сильно она звучитъ у пустынножителей, какъ у такихъ противниковъ монастырской собственности, которые не принадлежатъ сами къ числу рабовладѣльцевъ и нападаютъ на «иноковъ» не какъ на опасныхъ конкурентовъ служилаго землевладѣнія, а принципіально. Максимъ Грекъ—самый умѣренный въ своихъ политическихъ взглядахъ и самый отвлеченный въ своихъ моралистическихъ сужденіяхъ,—въ данномъ случаѣ выступаетъ съ самымъ рѣзкимъ и безповоротнымъ осужденіемъ. «Гдѣ писано, спрашиваетъ онъ, чтобъ (угодившіе Богу иноки) давали

деньги взаймы, вопреки правиламъ закона или чтобы они вымогали у убогихъ проценты на проценты? А мы позволяемъ себѣ дѣлать это съ бѣдными селянами, трудящимися и страждущими безъ отдыха въ нашихъ селахъ и на всѣхъ нашихъ службахъ, отягчая ихъ высокимъ ростомъ и разоряя, когда они не могутъ отдать долга... Ты истязуешь человѣка и расхищаешь жалкое его стяжаньице; ты гонишь его, вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, прочь изъ своихъ селъ съ пустыми руками или порабощаешь вѣчнымъ порабощеніемъ, какъ древній мучитель фараонъ—сыновъ израилевыхъ. Если, изнемогши отъ тягости налагаемыхъ нами безпрестанно трудовъ, онъ захочетъ переселиться куда-нибудь въ другое мѣсто, мы его не пускаемъ безъ уплаты установленнаго оброка,—забывъ о безчисленныхъ трудахъ его и страданіяхъ и потѣ, пролитомъ для необходимыхъ намъ услугъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ нашемъ селѣ. Что можетъ быть мерзче этого, братъ мой, что можетъ быть безчеловѣчнѣе?»

Всякій, кто стоялъ ближе къ тогдашней русской жизни, чѣмъ Максимъ,—не могъ не чувствовать, что тяжесть этихъ обличеній падаетъ не на одно монастырское землевладѣніе и рабовладѣніе. Любой мелкій помѣщикъ и крупный бояринъ дѣлалъ въ своимъ селахъ то же самое. Поэтому, когда авторъ Валаамской бесѣды, повторяя Вассіана и Максима, въ своихъ обличеніяхъ «иноковъ, кормящихся мірскими слезами», — въ то же время тщательно выгораживаетъ изъ этихъ обличеній свѣтское землевладѣніе, это уже кажется или крайнимъ ослѣпленіемъ, или просто недобросовѣстностью: во всякомъ случаѣ, это крайне непослѣдовательно. Конечно, не одни иноки кормились мірскими слезами; не одними ихъ притѣсненіями объяснялся тотъ пассивный протестъ населенія, на который намекалъ Максимъ въ приведенныхъ выше словахъ и который авторъ бесѣды еще ярче характеризовалъ въ формѣ пророчества: «будутъ пустѣть, никѣмъ не гонимы, въ волостяхъ и селахъ домы крестьянскіе, люди начнуть убывать и земля начнетъ пространнѣе быть, а людей будетъ меньше, —и тѣмъ оставшимся людямъ на той пространной землѣ жить будетъ негдѣ». И если авторъ Валаамской бесѣды, какъ на единственный радикальный исходъ, могъ указать только на взятіе всѣхъ монастырскихъ земель въ казну и на уплату монастырямъ ежегодно жалованья, то вполнѣ послѣдовательно было предложить *распространить ту же мѣру и на служилое землевладѣніе*.

Такъ и ставитъ вопросъ о вознагражденіи служилаго сословія одинъ документъ средины XVI в. *). Еще интереснѣе въ этомъ отношеніи другое — чисто публицистическое произведеніе XVI вѣка — извѣстное «Сказаніе о Петрѣ, волошскомъ воеводѣ» Ивашки Пересвѣтова. Авторъ какъ будто знакомъ съ письмами Ивана IV къ Курбскому; до такой

*) См. «Очерки», ч. I. стр. 138—139.

степени тѣсно его собственная теорія примыкаетъ къ разсужденіямъ царя. Онъ, прежде всего, монархистъ и притомъ гораздо болѣе послѣдовательный, чѣмъ авторъ Валаамской бесѣды. Царь долженъ быть «грозенъ и самоупрямливъ и мудръ безъ воспрашиванья» (т.-е. безъ чужихъ совѣтовъ): тогда только «Богъ покоритъ недруговъ подъ ноги его и онъ будетъ обладать многими царствами». Это положеніе,—которое, какъ мы видѣли, авторъ Валаамской бесѣды цитируетъ и оспариваетъ,—положено въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденій Пересвѣтова. Первое послѣдствіе этого положенія—то, что совѣтъ съ «пріятелями», вельможами,—можетъ только ослабить силу царской иниціативы. Вмѣстѣ съ самимъ Иваномъ, Пересвѣтовъ всѣ государственныя бѣдствія склоненъ выводить изъ одной причины: изъ того, что «вельможи своимъ чародѣйствомъ привратили къ себѣ сердце царево и научили его во всемъ волю свою творити». Отсюда «умалилась правда въ московскомъ государствѣ». Разбогатѣвшіе и облѣнившіеся вельможи «цвѣтно, конно и людно выѣзжаютъ на потѣхи», а когда выѣзжаютъ на битву, то травятъ людей и теряютъ войско, благодаря своей трусости. Держа за собой города и волости въ кормленьѣ, вельможи богатѣютъ отъ слезъ и отъ крови кресгьянской. Они подбрасываютъ мертвецовъ въ домы богатыхъ людей и въ села, чтобъ потомъ разорить подсудимыхъ неправымъ судомъ. Они дѣлятся со сборщиками податей, позволяя имъ за то «собирать деньги безъ пощады, мучить крестьянъ и брать на царя десять рублей, а себѣ сто». Словомъ, творя волю вельможъ, царь «напускаетъ тѣмъ лишнюю войну на царство». Къ нему самому—доступа нѣтъ, такъ какъ тѣ же вельможи «отбиваютъ отъ него міръ съ челобитными». Мы знаемъ, какъ отвѣчалъ на эти обвиненія литературный противникъ Пересвѣтова. Признавая вполнѣ «безчисленные властелинскіе грѣхи», онъ совѣтовалъ завести вселенскій совѣтъ, чтобъ царю «все всегда было вѣдомо». Грозному и его публицисту такой исходъ, очевидно, уже потому казался ненадежнымъ, что при этомъ посредниками между царемъ и народомъ оставались все тѣ же подозрительные царю вельможи. Дѣйствовать мимо нихъ, обратиться прямо къ самому народу съ лобнаго мѣста—таковъ пріемъ Ивана IV; такова же и теорія его защитника. При такомъ настроеніи, обличеніе властелинскихъ неправдъ превращается подъ его перомъ въ широкую картину соціальныхъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ Русь и отъ которыхъ она можетъ быть освобождена только прямымъ вмѣшательствомъ царской власти. Эта черта—составляетъ ту особенность Сказанія, благодаря которой оно становится помимо орудія политической борьбы, также и однимъ изъ выраженій соціальной оппозиціи. Соціальная оппозиція выступаетъ здѣсь все еще не отъ своего собственнаго имени. Но она уже перестаетъ быть орудіемъ чисто-моралистическихъ обличеній, какимъ была у «нестяжателей». Въ рукахъ ихъ политическихъ противниковъ она превращается въ могущественное политическое орудіе самодержавной власти.

По теоріи защитника этой власти — вельможи, завладѣвъ царствомъ, «не даютъ управы на сильныхъ—бѣднымъ и безпомощнымъ. Слабому человѣку невозможно ни въ городѣ жить, ни отъ города хоть на версту отъѣхать. Поэтому, многіе, чтобъ избавиться отъ бѣдъ, отдаются во дворъ къ вельможамъ. А Богъ не велѣлъ другъ друга порабощать; Богъ *сотворилъ человѣка самовластнымъ* и повелѣлъ ему быть самому себѣ владыкой, а не рабомъ. Мы же беремъ человѣка въ работу и записываемъ его навѣки». Исходъ, по мнѣнію нашего автора, можетъ быть только одинъ: «такой сильный государь, какъ царь русскій, долженъ со всего своего царства доходы брать прямо себѣ въ казну, а изъ казны платить военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ ежегодное жалованье, чѣмъ имъ можно прожить съ людьми и съ конями съ году на годъ». За военныя заслуги царь долженъ награждать, къ себѣ близко припускать, жалобы ихъ позлащать и тѣмъ сердца ихъ утѣшать. Тогда и 20.000 воиновъ будутъ сильнѣе, чѣмъ 100.000 при дѣйствующемъ порядкѣ; тогда и вельможи перестанутъ «неправеднымъ собираніемъ богатѣть, да родами считаться, да мѣстами мѣстничаться и тѣмъ царево воинство ослаблять». Имѣя въ своихъ рукахъ «воинство», царь уже сможетъ «вельможъ своихъ всячески искушать и боярами своими тѣшиться, какъ младенцами; вельможи начнутъ его бояться и ни съ какими злохитростями не дерзнуть къ нему приблизиться».

Мы видимъ, дальше чего не идетъ демократизмъ защитника политики Грознаго въ его критикѣ соціальныхъ условій тогдашней русской жизни. Онъ на сторонѣ «бѣдныхъ и безпомощныхъ»—лишь въ очень условномъ смыслѣ слова. Онъ не на сторонѣ крестьянъ противъ ихъ владѣльцевъ, а на сторонѣ «воинства» противъ «вельможъ». Онъ, правда, непрочь посовѣтовать правительству — вступить въ прямыя отношенія къ крестьянамъ, минуя ихъ господъ, но съ тѣмъ, чтобы интересы этихъ господъ,—поскольку они суть интересы службы, слѣдовательно совпадаютъ съ государственными интересами,—были обезпечены. А если окажется, что прямыхъ сношеній съ крестьянами на этихъ условіяхъ установить нельзя, то государственная власть ни минуты не усомнится отдать «самовластнаго человѣка, владыку самого себя», своему «воинству» «въ работу навѣки» *).

Итакъ, мы видимъ, что соціальный вопросъ разрабатывается въ XVI в. въ двухъ направленіяхъ: сперва въ направленіи религіозно-моралистическомъ, потомъ въ направленіи политическомъ. То и другое направленіе не могло принести для его разрѣшенія никакой пользы, такъ какъ пользовалось соціальнымъ вопросомъ, лишь какъ средствомъ борьбы другъ противъ друга. Соціальная же оппозиція, въ собственномъ смыслѣ, сосредоточивалась въ такихъ сферахъ, которыя не могли формулировать никакого соціальнаго «вопроса». Когда она выступила

*) Ср. Очерки, I, 4-е изданіе стр.

сама отъ своего имени,—это выступленіе получило не форму теоріи, а форму поступковъ.

Одинъ изъ такихъ поступковъ отмѣтилъ уже авторъ Валаамской бесѣды, предсказавъ отъ лица святыхъ, что «люди начнутъ убывать и земля начнетъ пространнѣе быти». Дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ исполнялась мечта московскихъ публицистовъ, расширялись предѣлы государства,—особенно на востокъ и на югъ,—все многочисленнѣе начинали становиться побѣги отъ московскихъ порядковъ на привольныя окраины. Въ послѣднюю четверть вѣка эти побѣги сдѣлались массовыми и стали грозить чуть не полнымъ обезлюдѣніемъ стараго государственнаго центра *). Владѣльческому хозяйству центра грозилъ полный разгромъ,—и правительственная власть, смотрѣвшая въ началѣ на бѣглецовъ, какъ пригодный для своихъ цѣлей колонизаторскій элементъ, въ концѣ концовъ, принуждена была отожествить свои интересы съ интересами хозяевъ—служилыхъ людей **). При этихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о проведеніи намѣченной Пересвѣтовымъ идеи демократической монархіи, о защитѣ самодержавной властью «автономіи личности» отъ покушеній правящаго сословія на ея свободу. Правительство ограничилось другой задачей,—тоже нелегкой, такъ какъ для ея осуществленія понадобилась опричнина: задачей освободить «воинство» отъ тяготѣнія надъ нимъ вельможъ—отъ непосредственной власти старыхъ удѣльныхъ государей. Такова и была, въ сущности, главная идея памфлета Ивашки Пересвѣтова.

Соціальная оппозиція не была, конечно, уничтожена однимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что правительство перестало о ней думать. Элементы этой оппозиціи продолжали копиться на окраинѣ; при первомъ случаѣ они должны были напомнить о себѣ правительству. Случай представился въ смутное время.

Любопытно, что знаменемъ для этого перваго активнаго соціальнаго протеста послужилъ «истинный царь Дмитрій»—въ противоположность боярскому царю Василію. Законный наслѣдникъ Грознаго представлялся, очевидно, народной массѣ ея настоящимъ покровителемъ и защитникомъ—*противъ* боярскаго кружка, мечтавшаго, можетъ быть, возобновить преданія «избранной рады» Курбскаго. Идеи демократической монархіи, какъ видимъ, сознательно предпочитались въ народной массѣ тѣмъ конституціонно-боярскимъ идеямъ, во имя которыхъ царь Василій далъ свою «запись»—не казнить безъ боярскаго суда и не прибѣгать къ произвольнымъ конфискаціямъ имущества подданныхъ. Теоріи Пересвѣтова столкнулись, такимъ образомъ, въ самой жизни съ теоріями Валаамской бесѣды,—и оказались болѣе популярными.

Въ этихъ теоріяхъ было, однако же, два оттѣнка, не совсѣмъ ла-

*) См. «Очерки», т. I, 4-е изданіе стр. 71—72, 76.

**) См. «Очерки», т. I, стр.

дившихъ другъ съ другомъ на бумагѣ и еще менѣе соединимыхъ въ жизни. Онѣ защищали противъ боярства, во-первыхъ, *воинство*, во-вторыхъ, порабощенное (не одними боярами, а также и тѣмъ же воинствомъ) низшее сословіе—*крестьянъ и холоповъ*. Оба эти элемента возстали теперь «на бояръ за убіеніе Дмитрія и самовольное избраніе Василія Шуйскаго». Въ рязанской землѣ возстало «воинство», т.-е. служилые люди; въ сѣверской землѣ возстали бѣглые крестьяне и холопы, прогнанные боярами во время голода, или отпущенные изъ конфискованныхъ у бояръ домовъ, или просто бѣжавшіе самовольно. Скоро, однако, оказалось, что оба элемента не могутъ дѣйствовать вмѣстѣ и быть союзниками, такъ какъ и цѣли борьбы, и самая тактика были у нихъ совершенно различны. Бѣглые холопы не интересовались простой смѣной династіи: вожди ихъ рисовали имъ въ перспективѣ цѣлый соціальный переворотъ. Въ своихъ прокламаціяхъ они «велѣли боярскимъ холопамъ побивать своихъ бояръ и сулили имъ женъ и вотчины и помѣстья этихъ бояръ, а безымяннымъ бродягамъ велѣли купцовъ и всѣхъ торговыхъ людей побивать и имущество ихъ грабить; призывая къ себѣ этихъ воровъ, они обѣщали имъ и боярство, и воеводство, и окольничество, и дьячество». И, дѣйствительно, при первыхъ же успѣхахъ движенія, сѣверскіе бунтовщики начали именемъ истиннаго царя Димитрія «разорять домы своихъ бояръ, грабить ихъ имущество и брать себѣ женъ; бояръ и воеводъ они побивали разными смертями, бросали съ башенъ, вѣшали за ноги, распинали на городовыхъ стѣнахъ»,—словомъ, воспроизводили всѣ тѣ сцены, которыя такъ хорошо извѣстны изъ исторіи соціальныхъ движеній XVIII столѣтія. Рязанскіе дворяне немедленно отступились отъ такихъ опасныхъ союзниковъ и вернулись къ союзу съ законной властью, которая затѣмъ уже не жалѣла казней противъ враговъ общественнаго порядка. Цѣлые два года правительство царя Василія вѣшало и топило «воровъ»; вся сѣверская область была объявлена на военномъ положеніи и отдана на разграбленіе инородцамъ—черемисамъ и татарамъ.

Теперь, наконецъ, правительство почувствовало необходимость законодательнаго вмѣшательства въ область соціальныхъ отношеній, но сдѣлало это отнюдь не въ интересахъ «самовластія» личности. Въ 1607 г., непосредственно послѣ возстанія, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ мѣръ, общая цѣль которыхъ—подчинить правительственному надзору боярскихъ холоповъ и прекратить побѣги крестьянъ на окраину.

Такъ кончилось первое проявленіе соціальнаго протеста противъ новыхъ московскихъ порядковъ. Источники оппозиціи противъ этихъ порядковъ были теперь сполна исчерпаны. Порядки оказались сильнѣе—и выставлявшихся противъ нихъ идеологій, и даже противорѣчившихъ имъ соціальныхъ интересовъ. И если, при всемъ томъ, эти идеологіи успѣли достаточно ярко заявить о себѣ, то и этимъ онѣ обязаны были, во-первыхъ, тому, что порядки не успѣли еще уста-

новиться; во-вторыхъ, тому, что нѣкоторыя изъ этихъ идеологій приняли подъ свою защиту единственный (кромѣ царской власти) сильный тогда соціальный элементъ—боярство. Въ XVII вѣкѣ оба эти условія перестали дѣйствовать. Порядки установились окончательно, а боярство лишено было царской политикой всякаго политическаго значенія *). Немудрено, что въ XVII в. мы уже не найдемъ ничего подобнаго той борьбѣ разнородныхъ политическихъ началъ, какую прослѣдили въ XVI в. Новыя политическія идеологіи развиваются, конечно, своимъ чередомъ, но онѣ развиваются, такъ сказать, извнутри установившагося общественнаго порядка.

О религіозныхъ движеніяхъ XIV и XV в. на Балканскомъ полуостровѣ и на Аѳонѣ см. указанную раньше книгу Радченко и книгу *Ѳ. И. Успенскаго*: «Очерки по исторіи византійской образованности. Одесса. 1892. Теорія западнаго вліянія на возникновеніе ереси въ Псковѣ и Новгородѣ развита *Н. С. Тихонравовымъ*, см. его Сочиненія, т. I, Отреченныя книги древней Россіи, очеркъ шестой. М. 189. Общій разсказъ о религіозной и политической борьбѣ XV и XVI в., поскольку она отразилась въ литературныхъ произведеніяхъ, см. въ «Исторіи русской литературы» А. Н. Пыпина, т. II, Спб. 1898 г. Здѣсь и библіографическія указанія. Подробности о борьбѣ нестяжателей съ осифлянами см. въ «Изслѣдованіи о сочиненіяхъ Іосифа Санина» *И.* Хрущова, Спб. 1868 г. и въ «Историческомъ очеркѣ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи» А. С. Павлова, въ «Запискахъ Новороссійскаго университета», т. VII, О. 1871 г. «Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ» издана В. Г. Дружининымъ и М. А. Дьяконовымъ, Спб. 1890 г. О подготовкѣ Стоглаваго Собора см. статью *И. Жданова* въ Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія, 1876, іюль и августъ. Спеціалисты замѣтятъ, что мы не совсѣмъ согласны съ освѣщеніемъ фактовъ у автора и считаемъ двѣ безымянныя записки, поданныя устроителямъ собора,—принадлежащими не партіи реформъ, а ея противникамъ. О составѣ перваго земскаго собора см. статью *В. О. Ключевскаго*: Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси, въ «Русской Мысли» 1890 г., январь. Сказаніе Ивана Пересвѣтова о царѣ турскомъ Магметѣ напечатано въ «Извѣстіяхъ и ученыхъ запискахъ Казанскаго университета», 1865 г., вып. I. Указанная мною въ текстѣ связь между обоими памфлетами должна быть принята во вниманіе при пересмотрѣ вопроса о времени ихъ написанія. Сказаніе Пересвѣтова, несомнѣнно, составлено тогда, когда вполнѣ выяснился характеръ вліянія Сильвестра на Ивана Грознаго (чародѣйство), но нѣтъ никакой необходимости думать, что всѣ совѣты Пересвѣтова даются имъ post factum, т.-е. тогда, когда Иванъ успѣлъ осуществить ихъ учрежденіемъ опричнины. Идеи «Бесѣды», во всякомъ случаѣ, должны были быть въ обращеніи уже ко времени реформъ 50-хъ годовъ. О соціальномъ протестѣ смутнаго времени см. «Очерки по исторіи смуты въ московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.» С. Ѳ Платонова, Спб. 1899 г. Тамъ же и всѣ указанія на источники

П. Милюковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) См. «Очерки» I, 4-е изд. стр. 181—182.

ВЪ СУТОЛОКѢ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

(ОЧЕРКИ).

(*Продолженіе* *).

VII.

Пять лѣтъ я отсутствовалъ и возвратился въ свою губернію въ началѣ зимы голоднаго 1891 года.

Рано покинули перелетныя птицы мертвыя поля въ тотъ годъ, и съ какимъ-то зловѣщимъ напряженнымъ молчаніемъ стояли они, пока не покрылись бѣлыми, какъ саванъ, сугробами снѣга. За этими сугробами уже притаился голодный тифъ и страшными глазами высматривалъ свои жертвы.

Пустотой вѣяло отъ губернскаго города.

Не было прежняго оживленія и въ преспективахъ улицъ уныло рисовались только рѣдкіе извозчики въ напрасномъ ожиданіи куда-то вдругъ исчезнувшихъ сѣдоковъ, да проходили по панелямъ, группами и въ одиночку, съ женами и дѣтьми деревенскіе обитатели, растерянные, съ вытянутыми лицами, блуждающими ищущими взглядами и въ то же время съ удовлетвореніемъ, говорящимъ о томъ, что вотъ они все-таки вырвались какимъ-то чудомъ изъ тѣхъ сугробовъ и теперь здѣсь среди богатаго города, среди живыхъ людей, которые не дадутъ имъ умереть голодной смертью.

Они и раньше знали этотъ городъ, когда въ хорошіе годы возили бывало сюда свой хлѣбъ на продажу. Двѣ-три тысячи подводъ тогда изо дня въ день въѣзжали на хлѣбную площадь и съ утра до вечера у конторокъ хлѣбныхъ торговцевъ стояла толпа, ожидая очереди разсчета или вѣрнѣе обсчета, потому что у рѣдкаго все сходило благополучно: того въ вѣсѣ обманутъ, того въ качествѣ.

Воротить обманомъ отнятое—одного бы этого хватило на теперешній голодный годъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль 1900.

Гдѣ ужъ тамъ воротить! Хотя бы Христа ради подали теперь всѣ эти грабившіе ихъ.

Но пусто на хлѣбной площади, только стаи голубей тревожно расхаживаютъ по ней, то и дѣло нервно роясь въ снѣгу; заперты и конторки, гдѣ толпился когда-то народъ, и нѣтъ, пропали куда-то вмѣстѣ съ перелетными птицами и хозяева этихъ конторокъ; прилетятъ снова къ хорошему году, чтобы снова тѣхъ, кто живъ останется, обвѣшивать, усчитывать и фальшиво на глазъ опредѣлять качество хлѣба.

И опять отдадутъ свой хлѣбъ крестьяне, не вести же его назадъ.

И кричать нельзя: „караулъ, грабятъ".

Съ горя можно только пьянымъ напиться, растерявъ и послѣднее по кабакамъ, да притонамъ постоялыхъ дворовъ, гдѣ всѣ соблазны, гдѣ зорко стерегутъ свои жертвы стаи живущихъ за ихъ счетъ тунеядцевъ. И съ отчаяніемъ познавшіе городскую науку и людей города говорятъ люди деревни:

— Хуже всякой нечисти ѣдятъ они нашего брата.

Говорятъ и сами же теперь съ отчаяніемъ и смертью въ душѣ идутъ въ этотъ городъ.

Но если пуста хлѣбная площадь, заперты конторки, не пускаютъ на постоялые дворы и бѣгутъ теперь прочь отъ голодныхъ деревни тунеядцы, то широко отворяются двери какихъ-то другихъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ деревнѣ квартиръ и домовъ.

Ласковыя слова, ласковое вниманіе, участіе, помощь посильная, и оголодавшій людъ съ похолодѣлыми сердцами быстро отходитъ, горячѣе молится и ужъ такъ благодаритъ, что у самаго черстваго просыпается аппетитъ къ помощи, къ дѣятельности не для себя только.

Общество, съ которымъ я впервые встрѣтился у фотографа, усиленно работало: собирали подписку, писали въ столичныя газеты,—такъ какъ провинціальныя еще молчали,—устраивали приходившихъ изъ деревень, организовывали отряды въ деревни.

Явились бараки, столовыя, чайныя, и губернаторъ, поставленный въ безвыходное положеніе, говорилъ этимъ частнымъ лицамъ по поводу ихъ благотворительной дѣятельности:

— Я ничего не вижу, ничего не знаю, но, если я увижу, мнѣ, вы понимаете, ничего больше не останется, какъ прекратить все это.

Такъ стояло дѣло до того момента, когда послѣдовало Высочайшее повелѣніе, признавшее фактъ недорода.

Тогда картина сразу измѣнилась. Сейчасъ же по телеграфу было испрошено разрѣшеніе на экстренное дворянское и земское собранія.

Дворяне и земцы наводнили городъ и все опять ожило и за-

волновалось. Прежде всего, пошли пререканія о томъ, кто виноватъ, что голодъ такъ долго не былъ обнаруженъ.

Въ настоящее время, когда прошло уже почти десять лѣтъ, все это уже достояніе исторіи, но тогда переживалось острое и жгучее мгновеніе.

У самаго равнодушнаго не могло не быть сознанія безвыходности положенія всѣхъ тѣхъ голодныхъ, которые теперь тамъ въ своихъ деревняхъ сидѣли съ пустыми амбарами, съ ужаснымъ сознаньемъ, что они забыты и брошены на произволъ судьбы. И всѣ знали, что эти люди ѣли то, чего и скотъ не хотѣлъ ѣсть, что среди этихъ людей уже свирѣпствовалъ голодный тифъ. Совѣсть мучила и тѣмъ злѣе, тѣмъ раздраженнѣе искали виноватыхъ.

Какъ бы-то ни было, но несомнѣнный фактъ тотъ, что благодаря позднимъ мѣрамъ продовольственное дѣло осложнилось и вслѣдствіе этого хотя и пришлось прибѣгнуть къ запрещенію вывоза нашего хлѣба за границу,—благодаря чему мы навсегда потеряли многіе заграничные рынки,—но это не спасло крестьянское населеніе отъ неисчислимыхъ бѣдствій и второго голода въ 1892 году, происшедшаго исключительно вслѣдствіе несвоевременной доставки сѣмянъ.

На этой почвѣ пререканій отношенія земства и администраціи такъ обострились, что было командировано даже спеціальное лицо для улаженія недоразумѣній. Лицо это присутствовало и на земскомъ собраніи, на которомъ опредѣлялись размѣры и форма ссуды.

Характеристикой настроенія земскаго собранія можетъ служить пустой, собственно, случай.

Командированное лицо, находя ссуду преувеличенной, сказало, что у правительства, можетъ, и не имѣется столько свободныхъ денегъ.

Всегда изящный Николай Ивановичъ теперь взволнованный, голосомъ обжогшимъ, какъ огонь, сказалъ:

— Собраніе не сомнѣвается, что это только частное мнѣніе представителя. Правительство, которое находитъ средства для войнъ, найдетъ, конечно, средства и для того, чтобы воины эти не умирали съ голоду.

Все смолкло, а представитель обратился къ Чеботаеву:

— Какъ фамилія говорившаго?

Блѣдный Чеботаевъ, не предвидя ничего добраго, мрачно отвѣтилъ:

— Я не знаю.

Всталъ и отвѣтилъ на этотъ вопросъ предсѣдатель земства старый Лавиновъ:

— Ваше превосходительство, возразившій вамъ нашъ товарищъ... онъ только предвосхитилъ мысль каждаго изъ насъ и намъ остается лишь завидовать ему.

И съ глубокимъ поклономъ среди замершаго въ напряженномъ вызывающемъ молчаніи собранія—земцевъ и громадной публики на хорахъ, съ которой теперь установился непрерывный, какъ біеніе пульса, токъ—Лавиновъ полный достоинства опустился въ свое кресло.

Среди мертвой тишины, когда уже ждали какого-то взрыва, слова представителя раздались въ залѣ, какъ паръ, выпускаемый въ предохранительный клапанъ:

— Я лично буду отстаивать земствомъ требуемыя суммы.

Уже благодушнѣе собраніе перешло къ обсужденію формъ ссуды. Было предложено ссуду выдавать обществамъ зерномъ за круговой порукой и тѣмъ только обществамъ, которые согласятся ввести у себя общественную запашку.

Кто-то коснулся того, что мѣра эта, какъ принудительная, требовала бы законодательной санкціи, но ему отвѣтили въ томъ смыслѣ, что и времени нѣтъ для этой санкціи и что и принудительности здѣсь, собственно, никакой нѣтъ: кто хочетъ беретъ, кто не хочетъ не беретъ,—какая же тутъ принудительность?

Противъ предложенной мѣры возражалъ изъ немногочисленной группы гласныхъ-крестьянъ высокій елейный съ черной бородой крестьянинъ. Прокашлявшись, онъ сказалъ тоненькимъ теноровымъ голоскомъ:

— Трудно будетъ крестьянамъ.

Кто-то бросилъ ему въ отвѣтъ:

— Богъ труды любитъ.

А одинъ изъ земцевъ всталъ и сказалъ, обращаясь къ гласному изъ крестьянъ:

— Вы слышали и видѣли, какъ земство отстаивало ваши интересы. Плохо и намъ крупнымъ землевладѣльцамъ, но для себя мы ничего не просили,—только для васъ. Но крупные владѣльцы не могутъ и платить за васъ, какъ пришлось имъ платить за восьмидесятый тоже голодный годъ, когда правительство взыскало выданную вамъ ссуду со всѣхъ.

— Всего-то двѣсти тысячъ,—отвѣтилъ, привставъ, обиженно крестьянинъ,—остальное крестьяне сами уплатили.

— Всего!—иронически-обиженно подчеркнулъ кто-то и всѣ улыбнулись, а Нащокинъ, подмигнувъ сѣвшему опять крестьянину, добродушно пробасилъ:

— Придется, видно, помириться?

Гласный-крестьянинъ и кивнулъ, и улыбнулся, и развелъ руками. Дескать: и польщены, что не брезгуете, и говорить-то мнѣ среди васъ, господъ, трудно,—слава Богу, что и такъ все сошло, и, конечно, помириться придется.

За земскимъ собраніемъ открылось дворянское. Собственно и

въ земскомъ, и въ дворянскомъ собраніяхъ, за исключеніемъ земскихъ начальниковъ, которые тогда не принимали еще участія въ земскихъ собраніяхъ, большинство было все то же. Неслужилое дворянство почти отсутствовало, да теперь его, съ проведеніемъ реформы земскихъ начальниковъ, и не было почти. И даже не хватало для института земскихъ начальниковъ мѣстнаго дворянства: кадръ ихъ пополнялся изъ дворянъ другихъ губерній, по преимуществу изъ отставныхъ военныхъ.

На дворянскомъ собраніи дворяне думали, конечно, только о себѣ. Проектовъ помощи было подано много. Самый яркій—былъ князя Семенова. Смыслъ его заключался въ томъ, что дворянство принесло на алтарь отечества ничѣмъ неизмѣримую жертву, отпустивъ своихъ крѣпостныхъ на волю. Всѣ теперешніе долги дворянства въ сравненіи съ денежной стоимостью отпущенныхъ крѣпостныхъ - только проценты на потерянный дворянствомъ навсегда капиталъ. Въ виду столь тяжкихъ жертвъ, дворянство, переживающее теперь небывалый кризисъ, ходатайствуетъ,—если только оно нужно правительству, — сложить съ него всѣ его долги по дворянскому банку.

Противъ этого проекта энергично возстали Николай Ивановичъ и Чеботаевъ со своими партіями.

Въ концѣ концовъ, удалось имъ провести болѣе умѣренное ходатайство, заключавшееся въ слѣдующемъ:

1) о пониженіи процентовъ;

2) о безпроцентной отсрочкѣ на 48 лѣтъ взносовъ этого года;

3) о возобновленіи дворянствомъ хлѣбныхъ поставокъ въ интендантство;

4) о регулировкѣ отношенія съ рабочими;

5) о всѣхъ тѣхъ мѣрахъ облегченія, которыя правительство признаетъ для себя возможнымъ.

Въ заключеніе, дворянство обращало вниманіе какъ на то обстоятельство, что страдаетъ оно отъ недорода въ гораздо большей степени, чѣмъ крестьянство, такъ какъ послѣднимъ уже рѣшено оказать помощь, такъ и на то, что главный заработокъ крестьянъ не отъ ихъ посѣвовъ, а отъ работъ на дворянскихъ земляхъ и, слѣдовательно, разъ дворяне, вслѣдствіе отсутствія оборотнаго капитала, сократятъ свой посѣвъ, это тѣмъ тягостнѣе отразится на крестьянахъ.

Довольные дворяне собрались уже подписывать протоколы засѣданій, когда вдругъ разнеслась по городу вѣсть, что старый предводитель скончался отъ разрыва сердца.

Такъ какъ всѣ давно ждали этого, то смерть старика не произвела особеннаго впечатлѣнія. И уже разъ быть тому, то хорошо, что случилось это какъ разъ въ періодъ собранія, когда

Проскурину невозможно и крайне безтактно было бы воспользоваться своими правами замѣстителя до новыхъ выборовъ. Тотчасъ же по телеграфу было испрошено разрѣшеніе и собраніе занялось выборами. Но такъ какъ всѣ партіи одинаково не были къ нимъ подготовлены и такъ какъ до настоящихъ выборовъ оставался только годъ, то и помирились всѣ партіи на томъ, чтобы выбрать безобиднаго, и остановились на одномъ старомъ, никому ненужномъ дворянинѣ Павлѣ Ивановичѣ Апраксинѣ. Павелъ Ивановичъ, ничего не дѣлающій человѣкъ, былъ извѣстенъ тѣмъ, что, являясь каждый разъ на выборы, кричалъ: „господа дворяне, только не меня!“

И господа дворяне каждый разъ, шутки ради, всегда подходили къ Павлу Ивановичу и, смѣясь, просили его быть ихъ губернскимъ предводителемъ. А Павелъ Ивановичъ падалъ на диванъ и, поднявъ руки вверхъ, весело кричалъ: „нѣтъ, нѣтъ, только не меня!“

Но когда Павла Ивановича дѣйствительно выбрали, многіе смутились:

— А что же теперь мы съ этимъ шутомъ дѣлать будемъ? И какъ разъ въ моментъ новой реформы.

На это оптимисты отвѣчали:

— Повѣрьте, это еще лучше.

— Чѣмъ же лучше? Все дѣло попадетъ въ руки губернатора.

— Теперь все равно попадетъ, а ссоръ меньше будетъ, да и не время для нихъ.

Новый предводитель совершенно раздѣлялъ мнѣніе, что ссоръ не надо.

— Я вообще врагъ всякихъ ссоръ,—говорилъ онъ, разъѣзжая съ визитами,—и меня одно мучитъ: близорукъ я! Ну прежде тамъ не узнаешь на улицѣ,—простятъ, а теперь я вѣдь предводитель дворянства.

— А, чортъ,—съ сочной интонаціей, вздрагивая своими могучими плечами, говоритъ черный Нащокинъ,—и близорукъ вдобавокъ!..

И подумавъ, тряся головой, еще убѣдительнѣе прибавлялъ:

— Убили бобра!

VIII.

Сейчасъ же послѣ выборовъ, установивъ сношенія съ организовавшимися кружками помощи крестьянамъ, я выѣхалъ въ Князевку. Я ѣхалъ и думалъ объ этомъ помогавшемъ крестьянамъ обществѣ, которое теперь, когда нашлась и для него точка приложенія, такъ сильно вдругъ обнаружило готовый запасъ обще-

ственныхъ силъ, до времени тлѣвшій подъ пепломъ и теперь вспыхнувшій яркимъ пламенемъ любви къ ближнимъ, жаждой дѣятельности.

И сколько жизни, возбужденія, энергіи, сколько теплоты! Все выходило такъ просто, какъ будто и дѣйствительно не требовалось никакого напряженія, между тѣмъ люди жертвовали и деньгами, и временемъ, и здоровьемъ, и жизнью.

Такіе люди оказались и тамъ, гдѣ я служилъ, оказались и вездѣ въ 91-мъ году, когда впервые выступили они на арену общественной дѣятельности.

Узнавъ этихъ людей, я всѣ эти пять лѣтъ стремился къ нимъ всѣми силами своей души.

Было, конечно, тяжело сознать, что я, дипломный человѣкъ, передъ этими людьми истиннаго знанія — только невѣжа, только профанъ, котораго давно и сознаютъ, и понимаютъ, и только онъ самъ все еще находится въ блаженномъ невѣдѣніи относительно того, кто онъ и что онъ въ жизни.

Но ужъ слишкомъ выстрадалъ я свое дипломное невѣжество, связанное къ тому же съ натурой неудержимо стремящейся хотя и къ чисто практической дѣятельности, но всегда съ добрыми намѣреніями на общую пользу. Понять эту пользу, понять себя, найти свою точку приложенія, — понять, осмыслить, обосновать всѣмъ тѣмъ знаніемъ, которое имѣется уже въ копилкѣ человѣчества, вотъ задача, передъ которой отступили на задній планъ всѣ вопросы ложнаго самолюбія. И эти пять лѣтъ были моимъ вторымъ университетомъ, въ которомъ я дѣйствительно работалъ такъ, какъ не умѣютъ или не могутъ работать, преслѣдуя дипломныя только знанія.

Правда, я не пріобрѣлъ еще одного диплома, въ глазахъ людей своего круга я, можетъ быть, даже потерялъ, но я пріобрѣлъ компасъ самосознанія, съ помощью котораго я могъ оріентироваться. Я ѣхалъ теперь въ Князевку и понималъ горькимъ, своимъ собственнымъ опытомъ, что добрыми намѣреніями и адъ устланъ, что петлей и арканами даже въ рай не затащешь людей, что въ моей дѣятельности въ Князевкѣ я съ ногъ до головы и съ головы до ногъ былъ крѣпостникомъ.

Какъ лучшій изъ отцовъ командировъ добраго крѣпостнаго времени, я тащилъ своихъ крестьянъ сперва въ какой-то свой рай, а когда они не пошли или вѣрнѣе не могли и идти, потому что рай этотъ существовалъ только въ моей фантазіи, я имъ мстилъ, нагло нарушая всѣ законы, посягая на самыя священныя человѣческія права этихъ людей.

И это дѣлалъ я, человѣкъ, который, благодаря своему диплому, считалъ себя образованнымъ. Что же говорить о другихъ,

и такого образованія даже не имѣющихъ, но не менѣе твердо желающихъ создать благо для этихъ несчастныхъ? Что сказать объ этихъ несчастныхъ, надъ которыми я, человѣкъ безъ всякихъ правъ власти, человѣкъ равный съ ними передъ закономъ, могъ мудрствовать и продѣлывать съ ними все вплоть до изгнанія ихъ изъ родины?

И въ какой адъ мы всѣ желающіе можемъ, наконецъ, превратить жизнь деревни въ нашемъ благомъ намѣреніи создать ей свой рай?

Какъ бы то ни было, но мое просвѣтленіе пришло и я чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, который послѣ одного блужданія въ темныхъ подвалахъ своего средневѣковаго произвола выбрался, наконецъ, на свѣтъ Божій.

По поводу голода относительно, собственно, Князевки я былъ спокоенъ, такъ какъ Петръ Ивановичъ все время писалъ мнѣ успокоительныя письма. Какъ потомъ оказалось, онъ не хотѣлъ меня огорчать, боясь чтобы, непосильной помощью я опять не подорвалъ бы себя. Онъ совѣтовался даже съ Чеботаевымъ и Чеботаевъ тоже говорилъ ему:

— И не пишите, батюшка,—вы вѣдь знаете его: возьми все и отстань... А? что? А вѣдь жена, дѣти... Ничего не пишите, конечно...

Тѣмъ ужаснѣе было то, что я увидѣлъ въ Князевкѣ.

Забыть этого нельзя.

Стоитъ закрыть глаза а я теперь вижу и этотъ хлѣбъ изъ мякины, и эти изможденныя голодомъ тускло прозрачныя лица, громадные глаза всѣхъ этихъ брошенныхъ людей.

И не людей даже, а уже звѣрей и мучительное чувство страха передъ этими перешедшими на стадію звѣрей оголодавшими людьми, готовыхъ какой угодно цѣной зырвать у другого кусокъ.

Но этого куска не было.

Николай Исаевъ, лѣтъ 30, несчастный горемыка, отецъ восьми дѣвочекъ и одного мальчика, моего крестника, на мой вопросъ при приходѣ къ нему, что-жъ онъ думаетъ дѣлать, отвѣтилъ, продолжая сидѣть:

— А вотъ въ лѣсъ заведу всѣхъ и брошу или перерѣжу ихъ, какъ курчатъ.

Онъ равнодушно показалъ на кучу своихъ дѣтей, которыя сбившихъ на печи, страшными глазами смотрѣли на своего отца и слушали знакомыя сказки про мальчика съ пальчикъ, Ваню и и Машу, воплотившіяся для нихъ въ такую ужасную дѣйствительность.

— И крестника моего прирѣжешь?

— А что?

— А самъ что станешь дѣлать?

— А самъ на большую дорогу выйду, благослови Господи.

Николай говорилъ какъ будто весело и, скользнувъ по мнѣ равнодушнымъ взглядомъ, сталъ смотрѣть въ окно пусто, равнодушно, безъ мысли.

Вышмыгнувъ, провожая меня въ сѣни, жена Николая шептала мнѣ съ смертной тоской въ голосѣ, съ широко раскрытыми глазами:

— Ножъ потрогаетъ, потрогаетъ и положитъ опять... Третій вотъ день и сидитъ такъ. Скажешь ему: „хоть бы ты пошелъ"... „Ни куда не пойду"— оборветъ, глазищами поведетъ... А дѣтишки въ голосъ воютъ: день такъ сякъ, а къ вечеру хуже голодъ: щепку сунешь имъ сосать,—такъ вѣдь отъ щепки какая сытость?

Черезъ недѣлю, никого не зарѣзавъ, Николай, самъ умеръ отъ тифа. И много такихъ умерло.

Кой-какъ устроившись, мы организовали столовыя, гдѣ собиралась для ѣды два раза въ день голодающая округа: дѣти, женщины, старики. Рабочихъ крестьянъбыло очень мало.

Много трогательныхъ, эпическихъ сценъ. Старуха Исаева, нѣкогда глава зажиточной громадной недѣленной семьи,—все это уже давно поросло травой забвенія: и раздѣлились, и разорились и старикъ умеръ. Высокая, худая, тихая, съ прекраснымъ строгимъ лицомъ, покорная судьбѣ, она ѣстъ и рядомъ съ ней маленькая сиротка Маша, потерявшая сразу и отца, и мать, третій годъ не могущая забыть своей потери.

Сиротка... и такъ и выростетъ она въ этомъ ореолѣ сиротчества, съ воспоминаніемъ о затерявшихся вдругъ гдѣ-то тамъ въ золотыхъ мечтахъ дѣтства тятьки и мамки.

Вотъ Ѳедоръ, старикъ, безстрашный скиталецъ по святымъ мѣстамъ—и лѣтомъ, и въ зимнюю пургу,—наивный ребенокъ, смотрящій на васъ своими чистыми, какъ у ребенка, голубыми глазами.

Въ послѣднемъ своемъ походѣ на Кіевъ, Ростовъ, Москву, Казань онъ потерялъ почти совсѣмъ свои ноги и, касаясь этого больного для него вопроса, онъ уже не спокойный, а смущенный говоритъ:

— Съ глазу, батюшка Николай Егоровичъ, съ глазу. Сидимъ мы на привалѣ, а Симбирскій одинъ этакъ ткнулъ въ меня и батъ: „вонъ старикъ, вмѣсто чая, воду пьетъ, а крѣпче насъ". Съ той вотъ поры и отрѣзало, вступило въ ноги, хоть что... Вотъ ужъ буду живъ, Богъ дастъ, весны дождусь, къ отцу Александру за Самару пойду: отмаливаетъ, говорятъ люди, хорошо отмаливаетъ.

Старая Драчена срывается съ своего мѣста:

— Что ты дядя Ѳедоръ! Иди къ Казани, село вотъ только

забыла какъ прозванье: чудотворная икона въ томъ селѣ объявилась въ прошломъ годѣ на камешкѣ... Странникъ ночевалъ у насъ, сказывалъ: „торопитесь, какъ бы поспѣть".

На высказанное кѣмъ-то сомнѣніе относительно странника и иконы, Драчена съ торжествомъ вынула образокъ:

— А это что?! Копія...

На копіи впрочемъ стояла помѣтка: дозволено цензурой, Москва, 1865 года.

— Какой же это прошлый годъ?

И я разъяснилъ Драченѣ обманъ. Она очень огорчилась и говорила.

— Ахъ, онъ мошенникъ! Ахъ, онъ мошенникъ!

(Это не помѣшало ей все-таки отправиться весной разыскивать святую чудотворную на камешкѣ).

Большинство ѣстъ молча, сосредоточенно. На всѣхъ какая-то общая печать непередаваемый ясности, покорности.

— Господь нашъ Царь небесный въ ясляхъ и во тьмѣ родился и на крестѣ жизнь за насъ грѣшныхъ кончилъ: намъ ли роптать?

Эта фраза—девизъ этой толпы и одѣваетъ всѣхъ ихъ въ одинъ нравственный костюмъ.

Міръ, толпа — какъ одинъ человѣкъ и всѣ мелкія индивидуальныя особенности каждаго отдѣльно исчезаютъ безслѣдно подъ этимъ общимъ покровомъ.

Однажды заѣхалъ ко мнѣ мимоходомъ Михаилъ Алексѣевичъ Андреевъ, чиновникъ особыхъ порученій. Онъ былъ командированъ выяснить въ назначенныхъ ему волостяхъ размѣры голода. Еще совсѣмъ молодой Андреевъ привлекалъ къ себѣ мягкой лаской, какой-то свѣжестью, не выдохнувшимся еще ароматомъ университетской скамьи, хорошихъ намѣреній. Но въ то же время на немъ былъ уже какой-то налетъ не то грусти, не то тоски по чемъ-то такомъ, чего ни онъ и никто уже не могли ни исправить, ни измѣнить.

— Все идетъ, какъ идетъ,—говорилъ онъ съ этимъ налетомъ грусти и начиналъ торопливо, озабоченно ходить по комнатамъ, или садился, глубоко забираясь въ диванъ, и долго молча смотрѣлъ передъ собой и снова вскакивалъ и съ новымъ порывомъ говорилъ:

— Да, чортъ возьми, хорошо бы, знаете...

Но что „хорошо", такъ и не договаривалъ.

На другой день послѣ пріѣзда онъ по обыкновенію вскочилъ и рѣшительно сказалъ:

— Ну, сколько не сиди, а ѣхать надо. Слушайте!? Поѣдемъ вмѣстѣ: что вамъ два дня?

Я не заставилъ себя просить и, поѣвъ, мы поѣхали съ нимъ. Ѣхать надо было верстъ шестьдесятъ отъ насъ. Рѣшено было на моихъ лошадяхъ доѣхать до Парашиной чувашской деревушки, верстахъ въ тридцати отъ насъ, а тамъ взять земскихъ.

Дороги были въ тотъ годъ пекрасныя, потому что нечего возить по нимъ было. Мѣсяцъ свѣтилъ какъ днемъ, и мы тройкой гуськомъ ѣхали, разговаривая съ кучеромъ Владиміромъ. Кучеръ Владиміръ любилъ поговорить.

Франтоватый, съ серебряной цѣпочкой черезъ шею, Владиміръ уважалъ красивыхъ бабъ, уважалъ хорошихъ лошадей, уважалъ себя и всѣхъ, у кого были деньги и кто умѣлъ эти деньги и зашибать, и сберечь.

— Хорошій человѣкъ,—говорилъ онъ,—богатый.

Или:

— Умный человѣкъ,—богатый.

Къ бѣдному человѣку, пьяницѣ, слабому Владиміръ относился съ презрѣніемъ.

Обо мнѣ Владиміръ говорилъ свысока:

— Что нашъ баринъ? Въ лошадяхъ ничего не пони аетъ,— хоть свинью ему запряги,—хороводится со всякой дрянью, добро свое мотаетъ...

И теперь, проѣхавъ съ десятокъ верстъ, наговорившись сперва съ лошадьми и въ достаточной степени выбивъ въ гусевой дурь, въ средней лукавство, а въ коренникѣ постоянное стремленіе его усѣсться на облучекъ, Владиміръ повернулся къ намъ и заговорилъ:

— А я все жалѣю васъ, баринъ, право: все добро свое раздадите, а дѣтямъ что оставите? Чѣмъ поминать васъ станутъ? И опять на счетъ лошадей: вы развѣ думаете о нихъ?

— А, что, много еще осталось?—перебилъ его Андреевъ.

— Много? — фыркнулъ Владиміръ. — А давно ли выѣхали? Верстъ двадцать осталось. Я на часы смотрѣлъ какъ выѣхали: больше двухъ часовъ не проѣдемъ, даромъ что вотъ лошади какъ будто и не тянутъ, а потому что каждая въ аккуратъ одинаково съ другими. Ужъ я имъ не дамъ другъ на дружку надѣяться. Другому кучеру все равно: одна везетъ, другая нѣтъ.—Эй, ты!

Владиміръ хлеснулъ среднюю, полюбовался нѣкоторое время, какъ, покачиваясь и точно слушая его умныя рѣчи, стрижетъ ушами коренникъ, и заговорилъ на новую тему.

— И что вамъ, баринъ, за охота въ эту поганую Парашину ѣхать? Терпѣть я не могу чувашекъ. Грязный народъ, необразованный. Какой ни на есть татаринъ, а у него все-таки и пись-

менный законъ есть, и молельни, а эти такъ: что по памяти набрешитъ имъ старикъ, то и ладно. Добрый богъ у нихъ,—Турачурбанъ,—на заднемъ дворѣ валяется, а злой,—Ирикъ,—просто дрянь, кукла деревянная, а тоже богъ. И вредная: чуть что, такъ и пуститъ болѣзнь на глаза. Ночь, полночь, а никогда не стану ночевать въ чувашской избѣ: очень надо порчу принимать на себя. Дрянь народъ, тьфу! Сами посудите, какой это народъ: русскіе мужики перепахали у нихъ землю. Ну, конечно, споръ поднялся,—тѣ говорятъ наша и другіе — наша. Такъ вѣдь до того освирипѣли,—даромъ смирные поглядѣть, — что двухъ русскихъ тутъ же на мѣстѣ и убили. Четырехъ чувашекъ въ каторгу сослали. Я тутъ какъ разъ въ городѣ былъ и на судъ попалъ: сидятъ, мигаютъ глазами, какъ слѣпни. Говорятъ имъ: „каторгу", а старикъ спрашиваетъ: „а земля моя кому достанется?" Говорятъ ему: „сыну". „Ну, сыну, такъ ладно". Тамъ что каторга или человѣка убилъ,—главное у него земля. А такъ будто народъ—какъ хочешь обижай,—тамъ бабу что ли,—это ничего.

— Такъ за что же вы ихъ не любите?—спросилъ Андреевъ.

— Такъ вѣдь какъ его любить, — отвѣтилъ Владиміръ, помолчавъ,—если на томъ свѣтѣ онъ слѣпой будетъ.

— Какъ слѣпой?

— Какъ вотъ щенки слѣпые тычутся, ну?

Такъ разговаривали мы, когда вдругъ среди мертвыхъ въ бѣломъ саванѣ и въ лунномъ блескѣ полей точно призракъ вынырнула сѣрая растрепанная деревушка. Это и была Парашина.

— Эхъ, вы-вы-ы!..

Встрепенулся Владиміръ и помчалъ-было по селу. Но сейчасъ же, вслѣдъ за этимъ, онъ сталъ осаживать лошадей съ такимъ видомъ, точно вотъ они несутъ его и несли такъ всю дорогу и всю дорогу такъ и не могъ онъ сдержать ихъ.

— Что-то не упомню, кто здѣсь ямщикъ,—проговорилъ онъ, осадивъ, наконецъ, лошадей,—и огня на грѣхъ нигдѣ не видать.

Мы стояли передъ какой-то избой. Владиміръ еще посидѣлъ, посмотрѣлъ, потомъ слѣзъ и, подойдя къ окну избы, сказалъ громко обычную фразу въ нашихъ мѣстахъ:

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, спаси и помилуй!

Онъ ждалъ обычнаго отвѣта: Аминь.

И не дождавшись, нетерпѣливо крикнулъ:

— Эй, тамъ! Кто живъ?

И подождавъ еще, сталъ стучать кнутовищемъ въ окно.

— Спятъ ли, померли, есть ли кто? Бѣжать что ли къ шабрамъ?

И онъ исчезъ, и мы долго слушали и его громкіе окрики, и стуки кнутовищемъ въ окно.

Онъ возвратился наконецъ назадъ къ намъ и, разводя руками, сказалъ:

— Что за оказія? Никогда этого и не бывало со мной: ужъ не онъ ли играетъ съ нами? Такъ вотъ крещусь же.

И Владиміръ, какъ бы въ доказательство, полу-шутя, полу-серьезно сталъ креститься, приговаривая:

— Святъ, святъ, святъ,—свято наше мѣсто... Вотъ...

Владиміръ хлопнулъ обѣими руками по полушубку и пошелъ опять къ избѣ.

— И калитка отперта,—крикнулъ онъ, и отворивъ калитку, просунулъ голову во дворъ.

Но потомъ онъ вдругъ быстро возвратился къ намъ назадъ и, проговоривъ съ испугомъ:

— Нѣтъ, боязно что-то,—вскочилъ на облучокъ.

— Почему боязно?

— Да какъ не боязно,—отвѣтилъ Владиміръ,—вы подумайте только: молчатъ, какъ убитые, калитка не на запорѣ, хоть бы одна собака тявкнула,—статочное ли это дѣло въ крестьянствѣ?

— Ну, тѣмъ больше надо, значитъ, узнать, въ чемъ тутъ дѣло,—сказалъ Андреевъ и сталъ вылѣзать.

— Ужъ и мнѣ, что ли, идти?—проговорилъ я.

— Да сидите, сидите.

И Андреевъ зашагалъ по снѣгу, а я, откинувшись, въ пріятномъ нежеланіи вставать, пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ оставаться, смотрѣлъ ему вслѣдъ.

Онъ отворилъ калитку и вошелъ во дворъ; нѣкоторое время видно было, какъ онъ шелъ по двору, затѣмъ слышно было, какъ хрустѣлъ снѣгъ подъ его ногами, но потомъ и эти звуки затихли и Андреева долго не было.

Когда онъ возвратился, онъ подошелъ вплоть къ санямъ, навалился на нихъ и, смотря мнѣ прямо въ глаза, тихо сказалъ:

— А вѣдь плохо: всѣ въ тифѣ лежатъ.

— Какъ въ тифѣ?

— Всѣ—вся деревня. Есть такія избы, гдѣ уже замерзли,—въ этой послѣдній здоровый сегодня свалился... Хотите посмотрѣть?

— Такъ-таки всѣ?

— Говоритъ, всѣ.

Я всталъ и мы пошли съ Андреевымъ во дворъ, а Владиміръ жалобно, вдогонку намъ, растерянно глянулъ:

— Баринъ, а баринъ, ну что вамъ за охота,—поѣдемъ лучше назадъ...

Охоты у меня никакой не было: каждая поджилка во мнѣ билась такъ, какъ будто и я уже былъ охваченъ этой истомой тифознаго жара, и я шелъ впередъ съ такимъ трудомъ, точно черезъ силу уже совсѣмъ больной тащилъ самого себя. Мои мысли, воображеніе опережали меня, и я шелъ нехотя, съ какимъ-то

постороннимъ, исключительнымъ вниманіемъ замѣчая каждую мелочь, каждую мысль. Вотъ Владиміръ все еще проситъ воротиться: сказать ему, что онъ проситъ потому только, что боится остаться одинъ? Но я развѣ не боюсь? Чего я боюсь? Я точно пойманный вдругъ преступникъ, и ведутъ меня теперь на очную ставку. И всегда я зналъ, что это такъ кончится, но никогда я объ этомъ не думалъ и вдругъ сталъ думать и чувствовать: не умомъ, а всѣмъ тѣмъ существомъ, которое теперь, согнувшись, пролѣзаетъ въ дверь избы, тѣмъ безсознательнымъ, которое составляется изъ мяса, костей, крови, которое теперь отвѣтитъ за все.

И мнѣ было отвратительно это мое существо, его страхъ за сдѣланное.

Я задыхался въ ужасномъ зловоніи, дрожали руки, которыми я то и дѣло зажигалъ спички. Спичка вспыхивала и тухла и то освѣщался, то исчезалъ этотъ склепъ заживо погребенныхъ здѣсь людей.

Изба была курная и потолокъ и стѣны ея были точно обтянуты чѣмъ-то чернымъ,—черными бриллiантами, которые вдругъ загорались отъ вспыхнувшей спички.

И въ этомъ вспыхнувшемъ огнѣ бросались въ глаза лежавшіе люди и сердце сжималось тоской и болью. А эти люди молчали и точно ждали въ напряженномъ зловѣщемъ молчаніи, окружавшемъ насъ, нашего слова теперь, когда, наконецъ, привели и поставили насъ лицомъ къ лицу съ ними.

И точно не дождавшись и извѣрившись, кто-то тяжело вздохнулъ въ темнотѣ. Какой это былъ тяжелый и скорбный вздохъ.

Въ тяжелой тоскѣ спросилъ я:

— Кто здѣсь?

И мнѣ страстно быстро отвѣтилъ откуда-то снизу голосъ изъ темноты:

— Люди, батюшка, люди!

И въ то же время сверху женскій голосъ съ бредомъ безумнаго весело взвизгнулъ:

— Люди, люди!

— Вы всѣ лежите?

— Всѣ лежимъ!

— Лежимъ, лежимъ!—подхватила вверху.

— Пища есть?

— Не ѣмши лежимъ!

— Не ѣмши, не ѣмши—истерично заметалась женщина.

— И вся деревня такъ?

— А такъ, такъ!

— И давно?

Никто не отвѣтилъ. Я подождалъ и зажегъ новую спичку и наклонился къ говорившему.

Это былъ подслѣповатый, съ всклокоченной курчавой бородой блондинъ.

Онъ уставился въ меня и уже совершенно равнодушно, голосомъ бреда сказалъ:

— Ишь чортъ глазища пялитъ.

— Это ты сейчасъ со мной говорилъ?

Но онъ молчалъ, молчала и та наверху, потухла спичка, и мракъ и молчаніе охватили меня, какъ страшныя объятія смерти.

Къ жизни, къ свѣту, къ людямъ!

И я бросился къ дверямъ.

Это былъ столько же сильный, сколько и животный порывъ. И сознаніе этого животнаго во мнѣ, эгоистичнаго, отвратительнаго, еще мучительнѣе почувствовалось и съ омерзтніемъ и къ себѣ, и къ Андрееву, и къ Владиміру и даже къ этимъ сытымъ своимъ лошадямъ я стоялъ опять у саней и мы совѣтовались, что намъ предпринять послѣ нашего случайнаго открытія этой въ поголовномъ тифѣ деревни.

— Надо точно выяснить положеніе, — сказалъ Андреевъ. — Надо обойти всѣ избы.

И мы пошли изъ избы въ избу.

Нервы притупились, и мы спокойно смотрѣли на однообразныя картины голоднаго тифа, на всѣ эти тѣла—живыя, умирающія и мертвыя, на всю эту деревню, которая стояла среди снѣжныхъ равнинъ въ страшномъ безмолвіи ночи, въ мертвомъ блескѣ луны.

Потомъ выяснилось, что это была одна ихъ тѣхъ деревень, которыя не пошли на запашку и въ отношеніи которыхъ земство мужественно выдерживало свой ультиматумъ хочешь бери, хочешь нѣтъ.

Но почему же отказывались отъ запашки? Обычный отвѣтъ былъ такой:

— Кто на запашку пойдетъ, того въ крѣпость назадъ поворотятъ.

Сущность же заключалась въ томъ, что запашки не желали болѣе зажиточные, боясь отвѣтственности, вслѣдствіе круговой поруки, за голытьбу. То-есть, большинство относилось къ дѣлу такъ же, какъ и крупные землевладѣльцы: не желали платить за другихъ. Это было ихъ право, котораго ихъ самовольно и лишили крупные землевладѣльцы, позволивъ себѣ такимъ образомъ такой же произволъ, какой позволялъ себѣ и я съ князевцами. И только тогда, когда на деревнѣ и большинство уже проѣдало свою скотину, становясь, такимъ образомъ, тоже голытьбой — запашка принималась.

Но умершіе отъ тифа уже спали своимъ вѣчнымъ сномъ въ

могилахъ, да и разорившіеся распродажей скота крестьяне не могли ужъ поправиться, не могли и во время привезти себѣ сѣмянъ, отчего и произошелъ второй голодъ.

Я уже писалъ о голодномъ годѣ. Скажу только, что въ моихъ очеркахъ („Деревенскія панорамы", "На ходу", „Сочельникъ въ русской деревнѣ") переданы дѣйствительные факты и фактовъ этихъ въ каждой голодающей деревнѣ было всегда больше, чѣмъ надо. Объ этомъ краснорѣчиво говорили новенькіе крестики на кладбищахъ, эти безмолвные, но всегда достовѣрные свидѣтели.

И рѣдкій, рѣдкій изъ страдальцевъ видѣлъ тогда помогавшихъ ему, —помощь потомъ пришла, но громадное большинство изъ нихъ сводило свои счеты съ жизнью въ страшной нечеловѣческой обстановкой.

Когда потомъ, лѣтомъ, разыгралась холера со всѣми ея ужасами, она не была страшнѣе: тогда было лѣто, тепло, можно было бѣжать, ѣсть траву, коренья, была иллюзія: люди умирали отъ ѣды, а не отъ голода, захватившаго ихъ среди бѣлыхъ, какъ саванъ, сугробовъ снѣга.

IX.

Съ Петромъ Ивановичемъ наши отношенія быстро все больше и больше портились.

Въ сущности, въ Князевкѣ не должно было быть никакого голода, такъ какъ на моихъ унавоженныхъ земляхъ уродило около тридцати пудовъ на десятину, въ то время. какъ на обыкновенполяхъ было два—три пуда, но Петръ Ивановичъ, умѣшій очень искусно собирать съ крестьянъ аренду, умудрился собрать ее въ этотъ голодный годъ и съ осени, притомъ, заставивъ ихъ продавать рожь по 60 к. за пудъ.

Когда я пріѣхалъ, рожь стоила уже 1 р. 35 к. Такимъ образомъ, чтобы взнести мнѣ 10.000 рублей аренды, крестьяне продали 17.000 пудовъ ржи, то есть, все, что имѣли.

Я пріѣхалъ и первымъ дѣломъ, конечно, откупилъ имъ назадъ ихъ хлѣбъ и такимъ образомъ за 10.000 р. каждая сторона: крестьяне и я, потеряли по столько же.

Обобщая князевскій фактъ на всю Россію, несомнѣнно, что въ голодный 1891 годъ такимъ путемъ въ руки хлѣбныхъ торговцевъ перешло до милліарда рублей заработка.

Несомнѣнно также и то, что при ясномъ сознаніи, что такое сѣть элеваторовъ, мы въ одинъ голодный годъ окупили бы всю ея стоимость, опредѣленную въ 1878 году въ 260 милліоновъ и совершенно гарантирующую производителя отъ грабежа хлѣбныхъ торговцевъ.

Однажды утромъ, проснувшись, я увидѣлъ во дворѣ необыкновенное зрѣлище. Тамъ собрались всѣ мои арендаторы и, безъ особыхъ на этотъ разъ церемоній, громко разговаривали съ моимъ управляющимъ.

Вскорѣ Петръ Ивановичъ, уже давно не такой побѣдоносный, какимъ былъ раньше, вошелъ ко мнѣ и, кривя свои толстыя губы въ презрительную усмѣшку, силился проговорить съ важностью:

— Э... непремѣнно хотятъ съ вами... э... это бунтъ и вы прямо ихъ... того... войсками пригрозите...

Я, молча, одѣваюсь и выхожу.

— Здравствуйте, господа! Въ чемъ дѣло?

— Къ вашей милости...

— На счетъ чего?

— Отъ аренды освободите, Христа ради!

И одинъ за другимъ мои арендаторы падаютъ на колѣни. Только въ церкви такъ дружно валится народъ.

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выясняется, что уже черезъ годъ послѣ аренды они просили о томъ же Петра Ивановича и каждый годъ повторяли свою просьбу. Но Петръ Ивановичъ не находилъ нужнымъ даже увѣдомлять меня.

— Почему?

Петръ Ивановичъ самодовольно и даже нахально отвѣчалъ:

— Э.. потому что все это бунтъ... э... фокусы... Надѣются, что даромъ получатъ отъ васъ землю... Э... я говорю прямо... Нѣсколько каштановъ ведутъ все дѣло, а остальные... э... какъ дураки, лѣзутъ за ними...

Петръ Ивановичъ плюется, брызжетъ, насмѣшливо машетъ рукой:

— Даромъ надѣются получить вашу землю...

— Но если это фокусъ, — говорю я Петру Ивановичу,—то онъ выплыветъ на свѣжую воду,—я соглашаюсь на ихъ просьбу.

И, обращаясь къ крестьянамъ, я говорю:

— Я согласенъ, господа.

Не участвовало въ этой просьбѣ только Садковское товарищество, остальные же отказались и до сего дня не заикаются о новой арендѣ.

Какъ только ушли крестьяне, Петръ Ивановичъ присталъ ко мнѣ опять со своимъ авторитетомъ.

— Это скучно, наконецъ, Петръ Ивановичъ, — отвѣтилъ я ему,—ни у меня, ни у населенія нѣтъ больше денегъ, чтобы оплачивать и поддерживать вашъ нелѣпый и вредный авторитетъ.

Петръ Ивановичъ сразу оборвался, покраснѣлъ, надулся и ушелъ. Послѣ этого онъ ходилъ нѣсколько дней темный, какъ

туча, уѣзжалъ и, наконецъ, войдя однажды ко мнѣ въ кабинетъ, холодно заявилъ мнѣ, что нашелъ себѣ другое мѣсто: у Крутовскаго, недалекаго сосѣда моего, теперь земскаго начальника.

X.

Отъ аренды и земли отказались крестьяне, зато отбою не было отъ предложеній работъ для предстоящаго лѣта: за что бы то ни было, только бы получить впередъ деньги. Согласны на какіе угодно неустойки и штрафы,—явные, допускаемые закономъ, и тайные (въ формѣ всевозможныхъ храненій, сроковъ и пр.)—не допускаемые. Кулакъ, уже получившій свою мзду въ видѣ разницы цѣнъ, снимаетъ новую, не сѣянную имъ, но обильную жатву,—словомъ, все то же, что и до законовъ о ростовщикахъ.

И хоть даромъ отдай землю, хоть даромъ возьми трудъ,—ни пользы, ни толку.

Что отвѣчать всѣмъ этимъ, ломящимся въ мои двери за работой? Я думалъ такъ. Вѣдь они не милостыни, они работы просятъ. Они имѣютъ право не только просить, но и требовать этой работы отъ общества, государства, частныхъ лицъ, и нѣтъ выше нѣтъ благороднѣе такого требованія и нѣтъ больше и счастья, какъ дать эту работу, имѣть возможность удовлетворить это самое законное требованіе. А если еще дать такую работу, которая не только смоглабы поддержать чисто животное существованіе, но и создать то благосостояніе, при которомъ только и возможно зарожденіе высшихъ потребностей у людей: дать ту работу, въ которой въ свое время Фаустъ нашелъ такое удовлетвореніе, что отдалъ за него жизнь

Но возможенъ ли такой трудъ?

Мнѣ казалось, что да.

Вотъ какъ я разсуждалъ: рожь, овесъ, дѣйствительно, обезцѣнены, но подсолнухъ, чечевица, сѣмяна травъ, травосѣяніе и связанное съ нимъ скотоводство, сѣмянные посѣвы всякихъ вообще хлѣбовъ не только не обезцѣнены, но, напротивъ, щедро оплачиваемый товаръ.

Такъ, пудъ подсолнуха стоитъ рубль, чечевицы—два рубля, а сѣмяна травъ—уже 3, 5, 7 и 9 рублей за пудъ.

Овесъ, рожь, кудель обезцѣнены, но во второмъ этажѣ стоятъ цѣны не пропорціонально дорогія: желѣзо свыше двухъ рублей, канаты пять рублей. Словомъ, чуть сколько-нибудь культурный трудъ, какъ въ обрабатывающей, такъ и въ добывающей промышленности, и онъ уже оплачивается у насъ выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другой части свѣта.

Но почему же и не идти въ такомъ случаѣ въ эту сторону

культурнаго труда? Я зналъ возраженія вплоть до чисто практическаго, если я привезу свою люцерну на свой мѣстный рынокъ, то мѣстная акула, скупающая мой овесъ, мою рожь, только вздохнетъ и обиженно скажетъ:

— Намъ этого не надо.

Но что же дѣлать? Бросить все и бѣжать безъ оглядки изъ голодной деревни?

Бѣжать? Но если деревнѣ нуженъ докторъ, учитель, юристъ, то еще болѣе нуженъ тотъ, кто за ту же поденщину заплатитъ не двадцать копѣекъ, а рубль, тотъ, кто научитъ, какъ получить тройной урожай, тотъ, кому для своей и сельскохозяйственной и иной машины потребуется интеллигентный рабочій и не потому только, что владѣлецъ машины будетъ убѣжденъ, что образованіе полезно, а потому, что безъ образованнаго работника его машина не будетъ работать: будь это желѣзная дорога, элеваторъ, молотилка, сѣялка, фабрика, заводъ.

И я колебался, не зная, что предпринять, когда одно неожиданное обстоятельство положило конецъ моимъ колебаніямъ.

Это случилось въ началѣ весны. Садилось солнце, золотя весеннее небо, громко щебетали птицы, бодрый говоръ, какъ гулъ просыпающагося послѣ зимы улья, несся со стороны деревни. Послѣ теплаго дня морозная свѣжесть вечера уже пріятно охватывала, манила въ комнаты, къ камину.

Я отдавалъ во дворѣ послѣднія распоряженія, когда вдругъ раздался протяжный заунывный вопль:

— По о-жаръ!

И сразу тихо такъ стало, точно вымерла вдругъ вся деревня.

Я быстро повернулся къ деревнѣ.

Въ одной изъ ближайшихъ къ рѣкѣ избъ, выбиваясь изъ соломенной крыши, горѣло ровное, не толще свѣчи, пламя.

Я бросился въ людскую, распорядился, чтобы везли пожарные инструменты и побѣжалъ на деревню.

Когда, завернувъ за послѣднюю ограду сада, я опять увидѣлъ деревню, я уже не узналъ ее: огонь уже ревѣлъ, клубился и огненной черной рѣкой уже лился по избамъ, высокимъ сводомъ сходясь надъ улицей. Подъ этимъ сводомъ такими маленькими казались горящія избы. Красныя, точно налитыя кровью, прозрачныя, онѣ такъ уютно стояли, напоминая собой какой-то забытый, но страшный сонъ.

Меньше всего это походило на дѣйствительность и въ то-же время сознаніе страшной дѣйствительности держало мысль въ оцѣпенѣніи.

Тамъ подъ этимъ огненнымъ сводомъ прыгали какія-то фигурки и дико кричали. Этотъ крикъ и вопль сливались съ сильнымъ и грознымъ ревомъ огня.

Было жарко, горячій пепелъ падалъ на лицо, руки. Мимо бѣжали растерянные, озабоченные люди. Всѣ потеряли голову, толкаясь другъ о друга.

Бѣжала Матрена, растерявъ гдѣ-то дѣтей, держала рѣшето въ рукахъ и блѣдная, какъ смерть, причитала:

— Умильная скотинка такъ и горитъ... живьемъ горитъ...

И вдругъ, придя въ себя, она голосомъ, какъ ножъ рѣжущимъ взвизгнула:

— Батюшки, я вѣдь Ѳедьку спать уложила!

Но ужъ кричатъ: „Вотъ твой Ѳедька".

Богобоязненный Ѳедоръ, всегда такой благообразный, бѣжалъ растерянно, какъ ребенокъ, разутый, въ рубахѣ, очевидно, со сна, напряженно смотрѣлъ своими голубыми глазами и растерянно твердилъ:

— Сыскалъ, Господь, сыскалъ...

Только Родивонъ не потерялся. Дикій ревъ его слышался на всю деревню:

— Тащи лошадь! Завяжь глаза! Глаза завяжь!

Какая-то баба бѣжала и упала и, лежа на землѣ, тянетъ, надрываясь все ту же ноту:

— А-а-а!

И это „а-а!" на всѣ лады повторяется въ дикомъ ревѣ пожара.

Еще не потухли краски заката, еще темнѣющая даль была прозрачна и нѣжна и розовый западъ еще горѣлъ, а двухъ третей деревни уже не стало. Остальная только потому и уцѣлѣла, что вѣтеръ былъ не на нее.

Тридцать пять семействъ очутились безъ крова, безъ послѣдней пищи, безъ скота.

Дымилось пепелище, черные остовы печей торчали тамъ, гдѣ такъ недавно еще стояли избы, черныя, потемнѣвшія фигуры всѣхъ этихъ голодныхъ, холодныхъ окружали меня. Сколько отчаянья, сколько тоски было въ нихъ!

Въ такое мгновеніе такъ отвратительна жизнь, если не хочешь помочь.

И я сказалъ всѣмъ этимъ несчастнымъ:

— Не надо плакать, я дамъ вамъ лѣсъ, деньги, хлѣбъ, дамъ работу. Я не буду васъ больше неволить и насиловать, живите, какъ хотите, а пока идите, занимайте мои помѣщенія и не плачьте больше!

Но они плакали, бѣдные страдальцы земли, можетъ быть, и я плакалъ. Это былъ тотъ рѣдкій порывъ съ обѣихъ сторонъ къ братству, любви, состраданію, когда кажется, что еслибъ охватилъ онъ вдругъ все человѣчество, то и горе земли сгорѣло бы все безслѣдно, вдругъ и сразу въ этомъ огнѣ чувства.

XI.

Помощь Князевкѣ требовалась быстрая, а наличныхъ денегъ у меня было мало. Тѣ же деньги, на которыя я уже рѣшилъ начать свой новый опытъ хозяйства, я могъ получить не раньше осени.

И поэтому я обратился за деньгами къ Чеботаеву.

Правда, онъ не разъ намекалъ и даже прямо говорилъ мнѣ, что основное его правило денегъ никому взаймы не давать, такъ какъ это-де всегда портитъ личныя отношенія. Но, во-первыхъ, въ теченіе нашей десятилѣтней дружбы, которую мы торжественно съ нимъ на-дняхъ отпраздновали, я никогда не обращался къ нему за деньгами, а во-вторыхъ, и теперь обращался не для себя.

Отношенія мои съ Чеботаевымъ къ этому времени уже значительно охладились.

Причинъ было много.

Прежде всего онъ не сочувствовалъ прекращенію моей желѣзнодорожной дѣятельности.

Къ моей постановкѣ вопроса о необходимости постройки у насъ сѣти второстепенныхъ дешевыхъ желѣзныхъ дорогъ, по крайней мѣрѣ, въ 200 тысячъ верстъ, онъ относился крайне скептически и угрюмо говорилъ:

— Вы одинъ это говорите. Если бы она дѣйствительно нужна была, то что же вы одинъ, что ли, это сознаете? Всѣ остальные дураки?

Тѣмъ менѣе сочувствовалъ онъ обостренной рѣзкой постановкѣ съ моей стороны этого вопроса,—постановкѣ, вслѣдствіе которой мнѣ пришлось выйти въ отставку.

— Александръ Македонскій,—острилъ онъ, угрюмо фыркая,—былъ великій человѣкъ, но стулья-то, стулья изъ за чего же ломать?!

Также мало сочувствовалъ Чеботаевъ моимъ новымъ колебаніямъ,—не взяться ли снова за хозяйство,—и сухо бросалъ:

— Паки и паки не совѣтую... уже разъ не послушались... Доводы тѣ же...

Но онъ окончательно обидѣлся, когда однажды я объявилъ ему, что вхожу въ компанію по изданію журнала.

— Еслибъ мнѣ предложили,—говорилъ онъ раздраженно,—стать вдругъ московскимъ главнокомандующимъ, что ли? Я думаю, я оказался бы очень плохимъ полководцемъ. Я думаю, мы съ вами столько же понимаемъ и въ литературѣ. У каждаго наконецъ своя спеціальность и нельзя же хвататься за всѣ сразу.

Я уклончиво отвѣчалъ ему:

— Разные мы люди съ вами. Меня тянетъ впередъ, и нѣтъ

узелка на моихъ парусахъ, котораго не развязалъ бы я, а вы свои все крѣпите, да крѣпите.

Чеботаевъ не сразу отвѣтилъ, сдѣлалъ два тура и угрюмо самодовольно бросилъ:

— Пока и не жалѣю.

Не жалѣлъ и я, но, конечно, благополучіе Чеботаева являлось болѣе обезпеченнымъ: въ крайнемъ случаѣ онъ надѣнетъ лапти, станетъ ѣсть рѣдьку съ квасомъ, а все-таки удержитъ позицію. Другое дѣло, рѣшеніе ли это вопроса и какая польза отъ этого другимъ?

Въ отвѣтъ на мое письмо о деньгахъ, Чеботаевъ прислалъ мнѣ письмо, которое и привожу:

„По зрѣломъ размышленіи я нахожу себя вынужденнымъ во имя нашей дружбы отказать вамъ въ займѣ, такъ какъ, во-первыхъ, мое правило не давать взаймы друзьямъ, а во-вторыхъ, по моему искреннему убѣжденію, въ интересахъ вашей семьи, вы не имѣете и права жертвовать на благотворительность такія суммы“.

Первое, что я сдѣлалъ, прочитавъ это письмо, было то, что портретъ, на которомъ въ ознаменованіе нашей десятилѣтней дружбы мы съ Чеботаевымъ были изображены вмѣстѣ, я снялъ и повѣсилъ, повернувъ его лицевой стороной къ стѣнѣ. Затѣмъ написалъ Чеботаеву слѣдующее письмо:

„Если дружба даетъ право на такого рода опеку, то я отказываюсь и отъ дружбы, и отъ всякаго личнаго общенія съ вами“.

Всѣ дальнѣйшія попытки къ примиренію я отклонилъ, заявивъ, впрочемъ, что, не признавая его, Чеботаева, лично, я признаю его и буду признавать, какъ честнаго общественнаго дѣятеля.

Деньги для князевцевъ я досталъ изъ другого источника, а бревна для постройки избъ отпустилъ изъ своего лѣса. Кстати сказать, эта помощь Князевкѣ враждебно взбудоражила всю округу. Дошло до того, что даже въ одной изъ ближайшихъ къ намъ церквей, священникъ, обсуждая въ проповѣди мой поступокъ, доказывалъ, что лѣсомъ я не имѣлъ права помогать въ силу того, что лѣсъ-де по новымъ лѣснымъ законамъ является скорѣе собственностью государства, чѣмъ частныхъ лицъ.

Я священнику этому послалъ данныя, изъ которыхъ онъ могъ ясно видѣть, что въ рубкѣ лѣса я не вышелъ изъ разрѣшенныхъ мнѣ лѣсоохранительными законами размѣровъ.

Н. Гаринъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Современныя теченія въ искусствѣ», В. В. Березовскаго.—Иллюстрація къ этимъ теченіямъ на выставкѣ «Міра Искусства».—«Накипь» г. Боборыкина.—Изъ прошлаго: «Литературныя воспоминанія» г. Михайловскаго.—Некрасовъ, Щедринъ, Елисеевъ.—50-лѣтній юбилей А. М. Жемчужникова.—Его «Пѣсни старости».

«Да, міръ разлагается, міръ гніетъ, и только искусство, истинное искусство, зовущее человѣка въ область идеала, остается вѣчно живымъ, вѣчнымъ источникомъ жизни и свѣта, въ немъ духъ почерпаетъ бодрость и силу, и сердце учится любить, и человѣкъ находитъ въ немъ путь къ счастью, научаясь во всемъ искать красоту, во всемъ находить радость жизни».

Такъ говоритъ г. Березовскій въ восторженномъ упоеніи предъ однимъ изъ самыхъ дикихъ проявленій недавней смуты въ искусствѣ, олицетворенномъ въ Саръ-Пеладанѣ, магѣ, волшебникѣ, проще говоря несчастномъ психопатѣ, на минуту привлекшемъ къ себѣ вниманіе праздной толпы въ концѣ 80-хъ годовъ. Характеренъ и этотъ возгласъ автора, и поводъ, вызвавшій его. Жозефъ Пеладанъ, несчастный мистикъ, договорившійся до сумасшествія, создатель сумбурнѣйшаго ордена «розы и креста», въ которомъ онъ пытался воскресить магію и чернокнижье средневѣковья, явился истымъ продуктомъ парижской «накипи», ошалѣвшей отъ скуки ничегонедѣланія и въ погонѣ за новыми ощущеніями готовой на любое приключеніе, вплоть до поклоненія Астартѣ, Вельзевулу и прочей чертовщинѣ. Какъ и всякую экстравагантность, выходящую за предѣлы возможнаго и допустимаго, и Пеладана можно разсматривать въ ряду другихъ подобныхъ же странностей, порожденныхъ рѣзкими ненормальностями общественной жизни. Но чтобы увидѣть въ его дикихъ выходкахъ какой-то призывъ къ идеалу и возрожденію, надо быть лишеннымъ всякаго критическаго чутья и пониманія того, что допустимо въ искусствѣ и что относится прямо въ разрядъ бредовыхъ идей.

Г. Березовскій, какъ это ни удивительно теперь, ничего этого не различаетъ и въ одну кучу сваливаетъ и Сара Пеладана, и Ницше, и Джона Рёскина, и всѣми равно восхищается. Для него все благо, все добро, лишь бы оно было возможно чуднѣй и страннѣй. Въ этомъ онъ усматриваетъ «индивидуальность» художника, въ которой и лежитъ для него условіе и причина всякаго искусства. Здравую и простую истину, что въ каждомъ художественномъ произведеніи должна отразиться личность художника, г. Березовскій переворачиваетъ такъ, что все, въ чемъ видна индивидуальность, уже художественно. Вытекаетъ такое странное заключеніе изъ... идеализма! Для автора оба понятія индивидуализмъ и идеализмъ почти синонимы. Современный идеализмъ, по его словамъ, отличается отъ идеализма романтиковъ «своимъ взглядомъ на личность, на личное начало, личную инициативу. *Индивидуализмъ*—вотъ то, чѣмъ наша эпоха заключила предъидущія». Прежнія эпохи принизили личность, подчиняя ее условіямъ морали и общественности, стѣснявшимъ ея проявленіе и укладывавшимъ ее въ опре-

дѣленныя рамки. Гартманъ и Шопенгауэръ унизили ее окончательно, признавъ ее лишь выраженіемъ безсознательной міровой воли. Но вотъ явился Ницще, великій проповѣдникъ индивидуализма, и освободилъ личность отъ цѣпей навязанныхъ ей условностей, «Ницше—это истина, высказанная впервые такъ громко, это первая хвала «самолюбію, святому самолюбію, вытекающему изъ могучей души»; своею проповѣдью онъ разбудилъ спящихъ, онъ вернулъ человѣка ему самому, воззвалъ къ его гордости», и т. д. Искусство, освобожденное Ницше, сразу воспрянуло, и если вѣрить г. Березовскому, провозгласило, что «цѣль жизни — наслажденіе, и искусство служитъ этой цѣли, уча насъ во всемъ искать красоту и наслаждаться ею».

Таковъ символъ вѣры г. Березовскаго, впрочемъ, далеко не новый. Авторъ привнесъ въ него свое «индивидуалистическое» пониманіе красоты, которую онъ усматриваетъ буквально во всемъ, что только отмѣчено «личнымъ настроеніемъ». Для него и Рёскинъ такъ же близокъ, какъ и упомянутый Пеладанъ, хотя именно Рёскинъ ставилъ, какъ высшую задачу искусства—поученіе: «задача искусства,—говоритъ Рёскинъ—поучать, но поучать любовно». Кажется, между обоими положеніями—«цѣль искусства — наслажденіе» и Рёскина нѣтъ ничего общаго, они прямо уничтожаютъ другъ друга. Но авторъ, нимало не смущаясь, сваливаетъ ихъ въ одну кучу въ своемъ изложеніи генезиса новыхъ теченій. Его историческій обзоръ, поверхностный и бѣглый, не даетъ возможности выяснить, какимъ образомъ могли обѣ эти формулы вырости на общей почвѣ, а это именно было-бы интересно—показать и провести ту демаркаціонную линію, которая теперь такъ рѣзко обозначилась между символизмомъ и декадентствомъ.

Авторъ запоздалъ даже для лагеря своихъ единомышленниковъ, въ которомъ прежнія курьезныя проявленія «индивидуальности» потеряли теперь всякій кредитъ и клеймятся, какъ нелѣпыя выходки. Любопытные образцы такого открещиванія отъ прежнихъ кумировъ даетъ, напр., г. Волынскій въ своей книгѣ «Борьба за идеализмъ», тоже достаточно сумбурной, но для г. Березовскаго весьма поучительной. Прежній вдохновитель русскаго декадентства, которое онъ разводилъ въ «Сѣв. Вѣстникѣ» и такъ неудачно старался привить при посредствѣ этого органа русскому читателю, теперь весьма недвусмысленно честитъ своихъ же учениковъ и поклонниковъ тупицами и бездарностями. Такъ, напр., бѣдную г-жу Гиппіусъ, которая еще не такъ давно шествовала съ нимъ подъ ручку къ «Новой красотѣ» *), онъ окончательно развѣнчиваетъ, заявляя, что «бѣдность психологическаго содержанія, при истерической крикливости формы, обрекаетъ ея творчество на неподвижность и безплодность». «Ея идейные разсказы,—говоритъ онъ,—при отсутствіи органическаго художественнаго построенія, слитности идей и формъ, представляются сборищемъ случайныхъ для автора понятій, иногда борющихся между собою, но не такъ, какъ это бываетъ въ страстной и сложной душѣ, а какъ это бываетъ у души безъ собственной святыни, готовой раскрыть себя для всякихъ вліяній». Не мало достается и г. Мережковскому, а пуще всего разносится г. Сологубъ, произведенія котораго г. Волынскій, не обинуясь, называетъ «смѣсью вульгарности и наивной риторики».

Запоздалъ г. Березовскій со своими восторгами передъ чепухой Пеладани, Гюисманса и прочей братіи такъ живо сметеннаго со сцены декадентства. Запоздалъ онъ и со своимъ ницшеанствомъ, которое онъ грубо представляетъ, какъ голый эгоизмъ. Въ оправданіе этого эгоизма онъ даже приводитъ старое какъ міръ разсужденіе, что въ сущности эгоизмъ, здраво понимаемый, есть тотъ же альтруизмъ. Ибо, говоритъ г. Березовскій, «любить—это значитъ чув-

*) См. «Крит. зам.», «М. Б.», февраль 1896 г.

ствовать потребность въ другихъ, находить свое счастье, свое наслажденіе въ другихъ людяхъ». Есть эгоизмъ узкій, поясняетъ онъ дальше, замыкающійся въ своемъ маленькомъ «я», и эгоизмъ широкій, распространяющій это «я» на весь міръ. «Игнорировать интересы другихъ—не значитъ ли это быть плохимъ купцомъ, который ради ближайшей выгоды лишаетъ себя выгодъ въ будущемъ, отвращая отъ себя своихъ кліентовъ. И самая мораль—не есть ли это только сочувствіе къ слабымъ, благородство самолюбивой души, которая хочетъ быть великодушной... и красивой». Послѣднее словечко здѣсь приткнуто съ одной лишь цѣлью—модернизировать старинное разсужденіе бентамовскаго утилитаризма.

Г. Березовскій обращается съ упреками къ критикѣ, которая не съумѣла оцѣнить новыхъ теченій въ искусствѣ и, придираясь къ исключеніямъ, строила на нихъ «нелѣпыя предположенія». «Но,—утѣшаетъ онъ себя,—смѣха ли бояться? Развѣ меньше смѣялись и возмущались, когда приходилъ романтизмъ, когда затѣмъ приходилъ натурализмъ. Какіе громы и проклятія раздавались надъ головами новаторовъ! И съ какимъ удивленіемъ потомъ, когда стихала буря, люди вспоминали объ этихъ громахъ, объ этихъ грозныхъ проповѣдяхъ защитниковъ стараго строя, отстаивавшихъ его, какъ привычку, безъ которой было немыслимо ихъ существованіе. Придетъ время, и мы будемъ со спокойной улыбкой вспоминать о возмущеніяхъ, которыхъ были свидѣтелями, и то, что мы вынесли въ своемъ сердцѣ изъ-подъ града насмѣшекъ и проклятій (!), покажется намъ еще прекраснѣе, еще дороже, потому что оно было спасено борьбой, и какою радостью исполнится тогда наша душа! Много ли радостей можетъ сравняться съ радостью побѣды!»

Невинная, но мало основательная надежда, для которой мы рѣшительно не видимъ данныхъ. Вслѣдъ за шумнымъ походомъ, начатымъ представителями новыхъ теченій противъ старыхъ теченій, настала несомнѣнная реакція. Оказалось, что старое вовсе не такъ враждебно настроено, и если на натискъ яростный былъ данъ отпоръ суровый, то это вызывалось именно крайностями и исключеніями, въ которыхъ критики новаго направленія видѣли самое послѣднее слово обновленнаго искусства. Затѣмъ, въ ихъ рядахъ наступила смута, выразившаяся во взаимныхъ препирательствахъ, изъ которыхъ можно было понять, что у нихъ столько направленій, сколько прозелитовъ, и каждое считало себя единственно правильнымъ. Но и эта полоса прошла, и въ результатѣ, вмѣсто побѣды, о которой пророчествуетъ г. Березовскій, мы видимъ если не поворотъ назадъ, то полный отказъ отъ прежней новизны.

По крайней мѣрѣ, именно такое впечатлѣніе производитъ выставка «Міра Искусства» въ текущемъ году, на которой прошлогоднее декадентство почти всецѣло отсутствуетъ, если исключить нѣсколько курьезныхъ «панно» во вкусѣ г. Врубеля, грубо размалеванныхъ въ оранжевые и фіолетовые тона. Выставка сама по себѣ до крайности тщедушна и жалка какъ по количеству, такъ и по качеству, но ничего декадентскаго нѣтъ ни въ портретахъ г Сѣрова, ни въ скромныхъ пейзажахъ г. Левитана, ни въ большой и эффектной картинѣ г. Бакста «Адмиралъ Авеланъ въ Парижѣ». Есть, правда, худосочный и дѣтски намалеванный «Св. Сергій» г. Нестерова, съ обычными для этого художника аксессуарами въ видѣ условно изогнутыхъ палочекъ, долженствующихъ изображать лѣсъ, и тусклаго зеленоватаго фона, что должно имѣть въ себѣ нѣчто мистическо-аскетическое, хотя оно скорѣе похоже на то, какъ будто картина долго провалялась на чердакѣ и страшно запылилась. Но г. Нестеровъ всегда одинъ и тотъ же, и у передвижниковъ онъ такъ же «худъ и блѣденъ», какъ и на выставкѣ декадентовъ. Превосходная скульптура князя Трубецкаго скрашиваетъ всю эту бѣдную и невидную выставку, и кто видѣлъ его «Даму съ собакой», группу «Два мальчика» и бронзовую статуэтку Льва Толстого верхомъ на ло-

*

шади, тотъ не пожалѣетъ о времени, потраченномъ на посѣщеніе выставки «Міра Искусства». Скульптурой мы вообще не избалованы, и чахлые, прилизанные, словно вылощенные мраморы и бронза гг. академиковъ мало кого привлекаютъ обыкновенно на академической выставкѣ. У князя Трубецкаго совсѣмъ не то,—предъ вами сама жизнь, творчествомъ истиннаго художника зачарованная на вѣки въ бронзовомъ обликѣ. Въ особенности хороши его два мальчика, сидящіе обнявшись въ старинномъ креслѣ. Въ ихъ слегка задумчивой позѣ чувствуется цѣлая поэма полумечтательной грусти и дѣтскихъ грёзъ, навѣянныхъ, можетъ быть разсказомъ, можетъ быть, прочитанной книгой, или же воспоминаніями, внезапно нахлынувшими въ минуту отдыха. Ничего подобнаго намъ не приходилось видѣть за послѣднее время ни на одной выставкѣ. Впечатлѣніе этой высокохудожественной скульптуры уничтожаетъ жалкіе остатки декадентства, представленные въ странныхъ образцахъ такъ называемой «художественной промышленности», способныхъ скорѣе отбить охоту къ художественнымъ предметамъ, чѣмъ содѣйствовать развитію вкуса къ изящному.

Вотъ и вся выставка. Она очень характерна, какъ показатель вымиранія декадентскихъ тенденцій въ искусствѣ, съ восхваленіемъ которыхъ вздумалъ выступить теперь г. Березовскій. То новое, что стало усиленно проявляться въ современномъ искусствѣ, вовсе не заключается въ разнузданности индивидуализма, въ «эготизмѣ», употребляя излюбленное словечко эстетовъ, или въ отрицаніи всего, что не имѣетъ непосредственной цѣлью—наслажденіе. Искренность. свобода, чистота и благородство замысла—вотъ тѣ начала, которыя все болѣе и болѣе выясняются въ современныхъ теченіяхъ въ искусствѣ. Оно все болѣе склоняется въ сторону Рёскина, который съ такой силой выдвинулъ этическія требованія въ искусствѣ на первый планъ, а не въ сторону эстетовъ и Пеладановъ съ ихъ болѣзненными порываніями къ чудовищному, лишь бы оно было «индивидуально». Мы увѣрены, что чѣмъ дальше, тѣмъ ярче проявится именно это стремленіе къ гуманности, которая должна стать фономъ для высокаго искусства, его содержаніемъ и цѣлью.

Искусственность и дѣланность, эти характернѣйшія черты декадентства, остались на долю той обезпеченной и праздной высшей буржуазіи, которая недурно изображена г. Боборыкинымъ въ его комедіи «Накипь», имѣвшей довольно шумный успѣхъ въ теченіе минувшаго сезона. Сама по себѣ, эта комедія—далеко не образцовое произведеніе. Какъ драматическое произведеніе. «Накипь» страдаетъ однимъ кореннымъ недостаткомъ: въ ней нѣтъ дѣйствія, а одни разговоры. На протяженіи четырехъ актовъ дѣйствующія лица все время только говорятъ, говорятъ, говорятъ, но дѣйствіе не двигается ни на шагъ. Особенно этимъ страдаютъ два послѣднихъ акта, что въ концѣ концовъ очень скучно. А если еще прибавить, что и разговоры эти чисто боборыкинскаго типа, т.-е. состоятъ не изъ мыслей, а изъ словечекъ въ ковычкахъ, то зрителю становится и совсѣмъ тошно.

До нѣкоторой степени все окупаетъ первый актъ и двѣ характерныя фигуры—модный художникъ Переверзевъ и милліонерша Воробьина, услаждающая жизнь при помощи этого проповѣдника самоновѣйшихъ теченій въ искусствѣ. Г. Боборыкинъ съ обычной своей воспріимчивостью подмѣтилъ эту связь между эстетизмомъ и капитализмомъ,—связь, выражающуюся въ весьма грубой и не эстетической формѣ. Богатая вдова Мосеева и ея еще болѣе богатая племянница Воробьина, толкаемыя чисто стихійной силою капитала, не знаютъ удержа и предѣла своимъ желаніямъ, весьма низменнымъ, почти животнымъ. Переверзевъ ловко эксплуатируетъ сначала тетушку, потомъ племянницу, давая яко бы философскую подкладку ихъ неудержимымъ аппетитамъ, одобряя ихъ словечками о сверхъчеловѣкѣ и особой морали его «по ту сторону добра и зла».

Переверзевъ больше всего удался автору, который заимствовалъ для его созданія многое изъ текущей дѣйствительности. Онъ могъ для этого воспользоваться вполнѣ законченнымъ и опредѣлившимся явленіемъ, какимъ выступило на фонѣ сѣренькой жизни современности декадентство. Внутренняя пустота и безцвѣтность, прикрытая нахватанными словечками о настроеніяхъ, о свободѣ индивидуальности и морали эгоизма,—словно позаимствованными изъ словаря г. Березовскаго,—вотъ типъ Переверзева. Двѣ милліонерши, которымъ онъ помогаетъ нести бремя ихъ капиталовъ, выдержаны тоже хорошо, какъ представительницы денежной силы, не имѣющей традицій и не считающейся ни съ чѣмъ.

Какъ каррикатура на декадентскій мірокъ, гдѣ разнузданный эготизмъ дружно сжился съ неменѣе разнузданнымъ капиталомъ, эта сторона комедіи очень хороша и жизненна. Но зато другая сторона, которая противопоставляется этому мірку, должна оттѣнять его и до нѣкоторой степени возносится, — смѣшна и неумна, выражаясь мягко. Представляютъ ее захудалая, но родовитая княжна Горбатова, выходящая замужъ по недоразумѣнію за Переверзева, ея дядя, изъ породы «кающихся дворянъ», и мужъ милліонерши Воробьиной, который состоитъ при своей женѣ въ качествѣ управляющаго ея милліонами и добросовѣстно помогаетъ ей увеличивать ихъ. Эти три персонажа изображаютъ картонныхъ куколъ, за которыхъ авторъ все время старается изо всѣхъ силъ говорить по-благородному. Въ то время, какъ Переверзевъ и его компанія жуируютъ во всю и превозносятъ себя, какъ новую силу, которой все позволено,—добродѣтельные картонажи источаютъ нелѣпыя слова о своемъ презрѣніи къ пороку и скорбятъ о народѣ, хотя и ничего не дѣлаютъ для него. Они стонутъ о голодѣ, о необходимости помогать голодающимъ и на протяженіи трехъ актовъ не двигаютъ даже пальцемъ. А между прочимъ обнаруживается по авторскому велѣнію нѣкое «сродство душъ», и жена Переверзева, прозрѣвъ и разочаровавшись въ своемъ супругѣ, тяготѣетъ къ добродѣтельному стражу милліоновъ недобродѣтельной Воробьиной. Онъ ей отвѣчаетъ тѣмъ же, отецъ изъ «кающихся дворянъ» одобряетъ это взаимное тяготѣніе, и на сценѣ совершается настоящее «chassé-croisé». Пьеса заканчивается прекомичнымъ эпизодомъ, по авторскому замыслу чрезвычайно глубокомысленнымъ и высокимъ. Недобродѣтельная пара, заставъ добродѣтельную въ весьма краснорѣчивой и недвусмысленной позиціи, предлагаетъ довершить внутренній разрывъ—разводомъ, чтобы затѣмъ открыто соединиться каждому съ истиннымъ избранникомъ души и сердца. Но добродѣтельная пара упирается и ни за что не согласна на разводъ, чтобы такимъ страннымъ способомъ показать капиталистамъ, что не все покупается за деньги. Почтенный авторъ, повидимому, и не замѣчаетъ, въ какое противорѣчіе впадаютъ его любимцы, отказываясь дать свободу другимъ и самимъ освободиться, разъ они поняли, что никакой внутренней связи нѣтъ между ними и ихъ недобродѣтельными половинами. Въ зрителяхъ этотъ неожиданный пассажъ вызываетъ сначала недоумѣніе, а потомъ смѣхъ, когда порокъ одерживаетъ весьма чувствительную для добродѣтели побѣду и удаляется, пожимая плечами надъ непонятнымъ и неосновательнымъ упорствомъ добродѣтели—отравлять жизнь и себѣ, и другимъ. Въ концѣ концовъ добродѣтельная пара рѣшаетъ ѣхать въ деревню, чтобы тамъ «найти себя» и затѣмъ вкусить отъ плодовъ своей добродѣтели.

Есть въ пьесѣ еще одинъ персонажъ, выведенный съ цѣлью подчеркнуть эгоизмъ и животность новѣйшаго капиталиста, упоеннаго властью денегъ и моралью à la Ницше. Это—добродѣтельный коммерсантъ Мосеевъ, котораго «считаютъ въ 10 милліонахъ». Онъ кончилъ университетъ, два года прожилъ въ Англіи, изучая производство, и тѣмъ не менѣе говоритъ какъ замоскворѣцкій дворникъ, съ чисто дворницкими ухватками и манерами. Но духъ у него благородный, онъ съ презрѣніемъ относится къ Переверзеву и его компаніи и тяго-

тѣетъ въ сторону «кающагося дворянина» и его пріятеля, добродѣтельнаго стража милліоновъ своей жены. Онъ сочувственно вздыхаетъ, слушая о голодѣ, и даже готовъ принести лепту отъ своихъ 10 милліоновъ, поощряетъ дружескія отношенія добродѣтельной пары и даже готовъ посодѣйствовать ихъ окончательному сближенію. Въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ онъ ядовито подчеркиваетъ декадентскія глупости Переверзева и высмѣиваетъ его цитаты изъ Ницше, продѣлывая все это съ ужимочкой и манерой старозавѣтнаго купца, который «хотя и сѣръ, да не чортъ его умъ съѣлъ». Фигура эта самая неудачная, хотя по замыслу автора она должна «оживлять пейзажъ» и нѣсколько разсѣевать томительную скуку пьесы, внося въ нее яко бы здоровый русскій юморъ, освѣженный европейскимъ образованіемъ. Этотъ-то истинно русскій купецъ, изучившій европейскія гостинницы, но сохранившій всѣ добрыя русскія черты вплоть до замоскворѣцкаго говора и дворницкихъ ухватокъ, противопоставляется капиталисту новѣйшей формаціи съ его декадентскими затѣями и увлеченіемъ цитатами изъ Ницше. Мораль же отсюда вытекаетъ такова, что если купецъ не увлекается декадентствомъ и плюетъ на Ницше, то остальное «все приложится» и онъ заслуживаетъ почтенія, хотя бы ни въ чемъ его добродѣтель не проявлялась, какъ это и происходитъ въ пьесѣ.

Отсутствіе дѣйствія, безконечные разговоры въ видѣ словъ въ ковычкахъ и картонные герои дѣлаютъ всю пьесу тошнотворно-вялой и скучной. Весь интересъ для зрителя сосредоточенъ въ первомъ актѣ, какъ обыкновенно въ романахъ г. Боборыкина онъ сосредоточенъ въ первыхъ главахъ. Романы почтеннаго автора много выиграли бы, если бы они заканчивались на этихъ первыхъ главахъ. То же самое можно сказать и о «Накипи»: сокращенная изъ четырехъ въ одинъ актъ, именно первый, она была бы хорошимъ водевилемъ на современную тему. Въ первомъ актѣ авторъ высказалъ все, что имѣлъ, удачно схвативъ въ лицѣ Переверзева и увлекающихся имъ двухъ капиталистокъ новую черту современнаго настроенія этого тунеяднаго мірка, жаднаго и пресыщеннаго и при помощи Переверзевыхъ оживляющаго свои ожирѣвшіе нервы. Острыя ощущенія «новой красоты» въ костюмахъ á la Ботичелли и вовсе безъ костюмовъ, ѣдкія словечки Ницше и перевернутая мораль его, провозглашеніе свободы индивидуализма, какъ единственнаго мѣрила въ искусствѣ и въ жизни,— все это даетъ довольно матеріала для шаржа. Въ то же время именно эта сторона русскаго декаданса вполнѣ выкристаллизовалась, опредѣлилась и отошла уже назадъ, почему и схватить ее легко, а такому опытному литературныхъ дѣлъ мастеру, какъ г. Боборыкинъ, это было вдвойне легко. Скользя всегда по поверхности общественныхъ явленій, г. Боборыкинъ, что называется, набилъ себѣ руку въ уловленіи характерныхъ словечекъ, этикетокъ и внѣшнихъ манеръ, изощрился дѣлать изъ этого пикантное кушанье и умѣетъ подать его какъ самое послѣднее слово современной литературной стряпни. Но какъ только онъ пожелаетъ углубить содержаніе, явиться въ роли вдумчиваго бытописателя, сейчасъ же обнаруживается легкость и неустойчивость его постройки. Словно почва у него ускользаетъ изъ подъ ногъ, и на сценѣ передъ нами, вмѣсто живыхъ лицъ, выступаютъ неудачныя картонныя маріонетки, неуклюже размахивающія руками и выстрѣливающія готовыми сентенціми, позаимствованными изъ той или иной новой для даннаго момента брошюры, а то и изъ послѣдней книжки соотвѣтственнаго журнала.

Эти особенности г. Боборыкина достаточно извѣстны въ литературѣ и лучше всего очерчены г. Михайловскимъ въ его «Литературныхъ воспоминаніяхъ», который такъ опредѣлилъ ихъ: «Меня всегда поражала быстрота и точность его воспріятій, каковыми качествами отличаются и его литературныя произведенія... здѣсь лежитъ корень и сильныхъ, и слабыхъ сторонъ этого писателя. Отсюда, во-первыхъ, его рѣдкая плодовитость. Отсюда, же, его отзывчивое от-

ношеніе къ явленіямъ быстро текущей жизни. Но отсюда же, то-есть, изъ той же необыкновенной быстроты и точности воспріятій, проистекаютъ и нѣкоторыя слабыя стороны г. Боборыкина, а именно: отсутствіе яркой оригинальности, поверхностность и фотографичность творчества. Ни для кого не тайна, что г. Боборыкинъ не рѣдко воспроизводитъ въ своихъ повѣстяхъ и романахъ не художественныя обобщенія своихъ наблюденій, а самыя эти наблюденія во всей ихъ конкретной случайности, не типы, а совершенно опредѣленные, цѣликомъ съ натуры списанные экземпляры. Творчество его состоитъ при этомъ подчасъ лишь въ томъ, что онъ ставитъ портреты, которые очень легко узнать, въ такія положенія, въ какихъ соотвѣтственные оригиналы никогда не бывали.—Онъ столь быстро и точно воспринимаетъ попадающіяся ему на жизненномъ пути явленія, что ему, въ большинствѣ случаевъ, некогда проникать въ ихъ глубину: они сразу запечатлѣваются въ его мозгу своею внѣшностью и такъ и переходятъ подъ его перомъ на бумагу».

Если въ романѣ эта фотографичность изображеній не такъ сильно проступаетъ, благодаря общему фону, по словамъ г. Михайловскаго, «обыкновенно очень обдуманному», то въ драмѣ, гдѣ этотъ фонъ отсутствуетъ и лица гораздо рельефнѣе, этотъ коренной недостатокъ г. Боборыкина особенно силенъ. Въ «Накипи» его фотографіи, можетъ быть, и вѣрны дѣйствительности, но однѣхъ фотографій для художественной драмы слишкомъ недостаточно. По мѣрѣ того, какъ дѣйствительность стирается и на нашихъ глазахъ отходитъ въ область прошлаго, и значеніе такихъ произведеній, какъ «Накипь», пропадаетъ. Теперь она имѣетъ интересъ злободневности, завтра становится уже непонятной, и мы увѣрены, что въ будущемъ сезонѣ, если только ей еще суждено появиться на подмосткахъ, «Накипь» уже потребуетъ комментаріевъ.

«...Весною 1860 года съ трепетнымъ сердцемъ и маленькой рукописью въ карманѣ пробирался я на Петербургскую сторону, въ редакцію «Разсвѣта», «журнала для взрослыхъ дѣвицъ», издававшагося артиллерійскимъ офицеромъ Креминымъ»,—такъ начинаются «литературныя воспоминанія» г. Михайловскаго.

Прошло съ тѣхъ поръ 40 лѣтъ, въ теченіе которыхъ г. Михайловскій не сходитъ съ литературной сцены, работая изо дня въ день, изъ книжки въ книжку въ текущей журналистикѣ. Намъ, маленькимъ людямъ сегодняшняго дня, о которыхъ завтра, быть можетъ, никто и не вспомнитъ, эта неустанная почти полувѣковая работа—и какая работа!—представляется громадной, которую не сразу охватишь и ни съ чѣмъ не сравнишь. По крайней мѣрѣ, другого такого примѣра русская литература не знаетъ. Какую нервную силу, какой запасъ ума и знаній надо имѣть, чтобы не растратить себя въ этой ежедневной будничной работѣ, не потерять столь необходимой для журнальнаго работника воспріимчивости и отзывчивости, быть такимъ же, полнымъ энергіи и свѣжести, журналистомъ, какимъ мы видимъ и теперь г. Михайловскаго, стоящаго во главѣ большого дѣла и бодро ведущаго его. Помимо всего прочаго, оставляя въ сторонѣ талантъ и все то общественное значеніе, какое имѣла прежде и имѣетъ теперь работа почтеннаго автора,—невольное удивленіе, смѣшанное съ глубокимъ почтеніемъ, вызываетъ этотъ сорокалѣтній трудъ. Но когда подумаешь, при какихъ условіяхъ шла и идетъ работа русскаго журналиста вообще, а г. Михайловскаго въ частности, сколько за это время пережито и незабвенныхъ, и ужасныхъ минутъ въ исторіи русской литературы второй половины истекающаго вѣка, только тогда можно оцѣнить и понять значеніе этой по истинѣ гигантской работы, поднятой имъ на своихъ плечахъ.

«И все-таки, — говоритъ онъ въ началѣ своихъ воспоминаній, — если бы мнѣ надлежало начинать съ начала, я выбралъ бы литературу. И даже не *все-таки*, а *тѣмъ болѣе*». «Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы всѣ впечатлѣ-

нія бытія», я попалъ въ литературу просто по безсознательному влеченію, почти по инстинкту, хотя, конечно, роль писателя рисовалась и сознанію въ неясномъ, но прекрасномъ ореолѣ. Теперь я знаю, чего стоитъ этотъ ореолъ и какъ тернистъ жизненный путь писателя. Кромѣ того, и влеченіе къ литературной работѣ утратило свою первоначальную свѣжесть. Но за всѣмъ тѣмъ для меня не существуетъ дѣла, которое давало бы столько наслажденія и въ своемъ началѣ, при возникновеніи извѣстныхъ мыслей и чувствъ, зовущихъ къ письменному столу, и въ самомъ процессѣ своемъ, и, наконецъ, въ своемъ результатѣ—въ общеніи съ читателемъ. Кто разъ глотнулъ изъ этой чаши, того развѣ какія-нибудь исключительныя обстоятельства могутъ оторвать отъ нея. Въ этомъ, между прочимъ, заключается причина многихъ драмъ, совершающихся въ литературной средѣ. Молодой человѣкъ, случайно написавшій удачную вещь, затѣмъ недурную вторую, пожалуй, третью, но уложившій въ нихъ все, что у него было за душой, лишь съ большимъ трудомъ убѣждается, что онъ попалъ на эту дорогу случайно, по ошибкѣ. А ошибки тутъ могутъ выйти разныя. Есть умные и знающіе люди, совершенно, однако, лишенные собственно литературнаго таланта, дара письменнаго изложенія; и это бываетъ при наличности другихъ, очень, повидимому, сродныхъ талантовъ, напр., ораторскаго. Но, кромѣ таланта, писателю нужна еще способность приходить въ извѣстное настроеніе, которое случайно можетъ посѣтить каждаго человѣка, но лишь въ призванныхъ или, пожалуй, обреченныхъ достигаетъ достаточной напряженности и прочности и обращается въ нѣчто привычное. Сюда надо еще ввести игру самолюбія, которое, вообще говоря, послѣ людей эстрады и сцены, наиболѣе развито у литераторовъ, и это лежитъ въ самыхъ условіяхъ ихъ профессіи. Изо всѣхъ этихъ обстоятельствъ могутъ выходить чрезвычайно разнообразныя комбинаціи, способныя ввести неопытнаго человѣка въ ошибку насчетъ своихъ силъ, способностей, даже склонностей, а сладкой отравы онъ уже попробовалъ. Онъ заставляетъ себя работать, насилуетъ себя; колеблется вверхъ и внизъ волнами надежды и разочарованія; переживаетъ минуты страшнаго нервнаго напряженія и затѣмъ реакціи; ищетъ выхода и забвенія въ разгулѣ, столь вообще свойственномъ русскому человѣку; ищетъ и, разумѣется, находитъ завистниковъ, враговъ, хотя въ дѣйствительности ихъ, можетъ быть, и въ поминѣ нѣтъ, становится, наконецъ, самъ завистникомъ и врагомъ,—врагомъ подчасъ не Ивана или Петра, а цѣлаго направленія, котораго прежде держался и которое теперь виновато тѣмъ, что не утилизируетъ его дарованій; чувствуя нравственную низменность этого мотива, онъ еще пуще грызетъ себя. А оторваться все-таки не можетъ»...

Эта поистинѣ глубоко-художественная страничка превосходно объясняетъ и влеченіе къ литературѣ, и всю трудность литературной работы. Немногимъ дано, какъ автору, выйти побѣдителемъ и, пройдя сквозь всѣ тернія, съ чувствомъ справедливаго удовлетворенія оглянуться назадъ. Ибо ему есть что вспомнить, есть надъ чѣмъ остановиться и подѣлиться съ нами своими воспоминаніями. И какими воспоминаніями! Довольно назвать такія имена, какъ Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, съ которыми авторъ проработалъ лучшее время своей жизни, какъ равный имъ товарищъ и другъ.

Всѣ воспоминанія чрезвычайно интересны. Предъ нами, словно живые, встаютъ эти творцы русской журналистики, каждый отмѣченный рѣзкими индивидуальными чертами, которыя онъ навѣки врѣзалъ въ исторію русской литературы. Они были уже признанными руководителями общественнаго мнѣнія и первоклассными свѣтилами, когда авторъ, еще совсѣмъ юноша, начиналъ свой многотрудный славный путь. Интересны и трогательны странички воспоминаній объ этихъ первыхъ шагахъ г. Михайловскаго, о его работѣ съ братьями Курочкиными въ разныхъ мелкихъ повременныхъ изданіяхъ. Но мы ихъ пройдемъ

мимо, такъ какъ глубокій интересъ получаютъ его воспоминанія только съ той минуты, когда, по его словамъ, онъ «подошелъ къ вершинамъ русской литературы, настоящимъ, несомнѣннымъ, общепризнаннымъ». Въ одномъ, можно сказать, отношеніи—г. Михайловскому дѣйствительно повезло: въ обновленныхъ тогда (1868 г.) «Отечественныхъ Запискахъ» онъ нашелъ превосходную «пристань», какая рѣдко кому выпадала на долю. Въ лицѣ Некрасова, Салтыкова и Елисеева онъ встрѣтилъ такихъ руководителей, товарищей и работниковъ, какихъ могъ бы пожелать самый взыскательный начинающій писатель.

«Бурная жизнь Некрасова,—говоритъ онъ,—создала ему много недоброжелателей. Литературная и въ особенности редакторская его дѣятельность тоже много этому способствовала. Но какъ бы далеко ни шло въ нѣкоторыхъ сферахъ отрицаніе не только личныхъ достоинствъ Некрасова, а и достоинствъ его поэзіи, перстъ исторіи уже давно отмѣтилъ его, какъ достояніе даже отдаленнаго будущаго, а въ настоящее время вся грамотная Россія зачитывалась его стихами. Салтыковъ тоже давно занималъ положеніе перваго въ своемъ родѣ человѣка. Елисеевъ былъ неизвѣстенъ въ большой публикѣ, но въ литературныхъ кружкахъ его цѣнили очень высоко, а мы, тогдашняя молодежь, не зная его лично, хорошо знали его «внутреннія обозрѣнія» въ «Современникѣ». А изъ-за этихъ трехъ выглядывали еще образы Добролюбова, Чернышевскаго, Бѣлинскаго, какъ бы передавшихъ имъ свой авторитетъ. Далѣе, всѣ трое, независимо отъ своихъ собственныхъ литературныхъ талантовъ, были опытные и горячо преданные своему дѣлу журналисты, убѣжденные въ возвышенности задачъ журналистики. Немудрено, что отъ этихъ людей и отъ руководимаго ими дѣла вѣяло спокойною сознающею себя силой».

Было еще нѣчто, что усиливало значеніе ихъ дѣла и чему г. Михайловскій посвящаетъ многократно особое вниманіе, справедливо придавая этому огромное значеніе. За ними была традиція, преемственность идей, прямая и непосредственная связь съ прошлымъ. «Чѣмъ глубже коренится идея въ прошломъ,—говоритъ онъ,—тѣмъ спокойнѣе выноситъ она всякія бури и невзгоды, все равно, какъ дерево съ глубоко сидящими корнями». Именно такимъ деревомъ сознавала себя эта редакція, единственная въ русской литературѣ, ни до «Отечественныхъ Записокъ», ни послѣ не повторявшаяся. При различіи въ характерахъ, темпераментахъ и всемъ складѣ жизни, три редактора тѣснѣйшимъ образомъ объединялись дѣломъ, внѣ котораго каждый жилъ самъ по себѣ. Такое духовное единеніе было возможно только на почвѣ полнаго согласія въ основныхъ взглядахъ и одинаковомъ пониманіи общественныхъ настроеній времени. Это и придавало «Отечественнымъ Запискамъ» такую поразительную стройность и цѣльность, при очень широкомъ и терпимомъ отношеніи къ массѣ явленій, въ которыхъ редакція ясно прокладывала свой путь, ничего не замалчивая и не съуживаясь до «кружковщины». Въ дальнѣйшихъ воспоминаніяхъ мы находимъ драгоцѣнныя по нашему времени указанія на то, что въ «Отечественныхъ Запискахъ», при общемъ строго выдержанномъ направленіи, давалась свобода и для многаго, что не укладывалось въ рамки этого направленія, но не противорѣчило ему по существу. Такъ, разсказывая о своемъ знакомствѣ съ г. Боборыкинымъ, авторъ отмѣчаетъ одну переводную вещь «Записки дурака», напечатанную въ журналѣ по рекомендаціи перваго. «Помнится, что въ предисловіи г. Боборыкинъ указалъ на аналогію тенденціи «Записокъ дурака» съ нѣкоторыми тогдашними теченіями русской жизни. И очень возможно, что самъ онъ видѣлъ въ этомъ французскомъ произведеніи «народническую точку зрѣнія»... Эта сама по себѣ недурная и, во всякомъ случаѣ, интересная вещица не противорѣчила направленію «Отечественныхъ Записокъ», но отнюдь не совпадала съ его сущностью, хотя г. Боборыкину это, можетъ быть, и казалось». Въ другомъ мѣстѣ г. Михайловскій приводитъ случай со статьей гр.

Толстого, помѣщая которую редакція полагала, что «онъ, дескать, достаточно крупная и, притомъ, внѣ литературныхъ партій стоящая фигура, чтобы отвѣчать самому за себя, а редакція оставляетъ за собой свободу дѣйствій».

Изъ трехъ редакторовъ наиболѣе интересенъ Некрасовъ, которому г. Михайловскій посвящаетъ особое вниманіе. Скорбный обликъ поэта обрисованъ имъ съ полнотой художественнаго изображенія. Въ воспоминаніяхъ это лучшія страницы, проникнутыя чувствомъ безграничнаго уваженія и любви, хотя нигдѣ г. Михайловскій не затушевываетъ и тѣхъ особенностей поэта, которыя на автора, въ то время юнаго душой, могли производить тягостное впечатлѣніе. Но онъ умѣло отличаетъ личное впечатлѣніе отъ общаго, какое производила вся личность Некрасова въ связи съ огромнымъ значеніемъ его поэзіи и его дѣла, какъ несравненнаго и съ тѣхъ поръ еще никѣмъ не превзойденнаго журналиста. Г. Михайловскій останавливается на тѣхъ клеветническихъ извѣтахъ, которые, начиная со временъ «Современника», отравляли жизнь Некрасову. Изощрялись въ нападкахъ на Некрасова больше всего тѣ, кто сами не были чужды приписываемымъ ему недостаткамъ. Они-то больше всего требовали отъ него героическихъ поступковъ. Это была одна изъ тѣхъ обычныхъ у насъ исторій, когда люди, ничѣмъ и никогда не проявлявшіе геройства, требуютъ его отъ другихъ и готовы распять излюбленную жертву именно за то, въ чемъ сами больше всего повинны. Нѣтъ болѣе строгихъ цѣнителей чужой храбрости, какъ трусы. Нѣтъ болѣе нетерпимыхъ проповѣдниковъ, какъ люди неискренніе и слабые по части убѣжденій. Потому что герой, настоящій герой, знаетъ, чего стоитъ геройство, и снисходительно относится къ чужимъ слабостямъ. Искренно и глубоко убѣжденные люди болѣе другихъ терпимы къ уклоненіямъ въ сторону, потому что колебанія и сомнѣнія имъ понятны. Они прошли ту тернистую дорогу, на которой такъ мучительно вырабатываются убѣжденія, не вычитанныя изъ первой попавшейся книжки, не схваченныя съ чужихъ словъ, а выстраданныя и выношенныя въ душѣ.

Некрасовъ, по словамъ г. Михайловскаго, былъ замкнутый и сдержанный человѣкъ, привычка и жизнь наложили на него печать одиночества и отчужденности отъ окружающихъ, даже близкихъ и любимыхъ людей. Онъ не умѣлъ раскрываться, даже когда хотѣлъ и стремился объяснить свое поведеніе. Кто долго и много молчитъ, теряетъ способность къ сближенію съ другими, къ тому общенію души, которое иногда такъ облегчаетъ тягостность нашего настроенія. По истинѣ потрясающую картину рисуетъ г. Михайловскій, разсказывая, какъ умирающій поэтъ оправдывался, стараясь объяснить разные эпизоды своей жизни, послужившіе поводомъ для клеветы «друзей».

«...Умирающій, худой, какъ скелетъ, Некрасовъ и со мной, и со многими другими заводилъ свои затрудненныя оправдательно-покаянныя рѣчи, перемежаемыя еще вдобавокъ стонами и криками. Очевидно, было страстное желаніе выложить всю душу, уже еле державшуюся въ больномъ, изможденномъ тѣлѣ; страстное, послѣднее въ жизни желаніе раскрыть тайну этой жизни, можетъ быть, даже не намъ, слушателямъ этой единственной въ своемъ родѣ исповѣди, а самому себѣ. Но умирающій не находилъ словъ для выраженія «той казни мучительной, которую въ сердцѣ носилъ». Онъ то хватался за какой-нибудь отдѣльный эпизодъ своей жизни, то пробовалъ подвести ей общій итогъ, запинался и опять начиналъ. Въ сравненіи съ этой страшной сценой— ничто, дѣтскія игрушки—тѣ щеголеватыя публичныя исповѣди, авторы которыхъ самодовольно заявляютъ, что они отрясли прахъ прошлаго отъ ногъ своихъ и достигли высшей ступени нравственнаго сознанія. Некрасовъ чувствовалъ и понималъ, что въ его прошломъ есть большая заслуга, отъ которой отрекаться не приходится. Но она трагически-фатально забрызгалась грязью, и передъ

зіяющей пропастью смерти Некрасовъ не могъ ни другимъ разсказать, ни себѣ уяснить эту смѣсь добра и зла. Онъ старался, не могъ и мучился»...

Для насъ, которые видятъ теперь эти «брызги грязи» въ исторической перспективѣ, достаточно ясно, что не на Некрасова ложится отвѣтственность за нихъ, а на то общество, которое не въ силахъ ни защитить своихъ лучшихъ людей отъ подобнаго забрызгиванія грязью, ни поддержать ихъ въ такія «трагически-фатальныя» минуты,—и правъ, тысячу разъ правъ г. Михайловскій, когда, заканчивая эту трогательную страничку своихъ воспоминаній, онъ говоритъ: «А, между тѣмъ, такъ ли уже, въ самомъ дѣлѣ, велики вины Некрасова? И не искуплены ли они благою стороной его дѣятельности и этою страшною, несказанною мукой совѣсти? Поэтъ молилъ: «Прости меня, о, родина, прости!» Благодарная родина давно простила. Но есть неумолимые, которые не прощаютъ и непремѣнно желаютъ развѣнчать Некрасова. Должно быть, ихъ собственная совѣсть чиста, какъ зеркало, въ которое они могутъ спокойно любоваться на свои добродѣтели и гражданскіе подвиги. Должно быть, ихъ головы увѣнчаны безспорными лаврами... Да, эта совѣсть, очевидно, спокойна; да, оспаривать эти лавры немного найдется охотниковъ. Пусть... Но мы, грѣшные, не послѣдуемъ за ними. Мы скажемъ: насъ прости, тѣнь поэта! свою родину прости,—ту родину, грѣхами которой ты самъ заразился и для просвѣтленія которой ты сдѣлалъ такъ много»...

Рядомъ съ Некрасовымъ рисуется всегда Салтыковъ, который въ изображеніи г. Михайловскаго встаетъ передъ нами въ удивительно привлекательномъ видѣ. Первый разъ автору пришлось познакомиться съ нимъ лично на вечерѣ въ редакціи «Отеч. Записокъ», гдѣ г. Михайловскій читалъ свою неоконченную повѣсть «Борьба». «Внѣшнею обходительностью, — говоритъ онъ, — редакція «Отеч. Записокъ» никогда не отличалась, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда по существу была вполнѣ доброжелательна. Въ данномъ же случаѣ смущеніе мое было тѣмъ сильнѣе, что, когда мы усѣлись за большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, возлѣ меня оказался Салтыковъ и сталъ смотрѣть въ тетрадь, по которой я читалъ, своими якобы суровыми, слегка выпученными глазами, время отъ времени покряхтывая громкимъ басомъ: э-гм! Какъ близки и понятны стали мнѣ потомъ якобы суровые глаза и какъ они смущали меня тогда! Между прочимъ, дойдя до одной главы, я почему-то вдругъ тутъ же сообразилъ, что она неудачна и требуетъ такихъ-то и такихъ-то передѣлокъ. Я хотѣлъ ее пропустить и это было тѣмъ удобнѣе, что она была вводная. Я уже перевернулъ двѣ-три страницы, ища слѣдующей главы, но Салтыковъ меня остановилъ: «Что же вы пропускаете?»—«Да тутъ передѣлать надо».—«Нѣтъ, ужъ читайте все подрядъ». Чтеніе кончилось. Прочиталъ я только первую часть, такъ какъ изъ остального были лишь наброски, и я даже не захватилъ ихъ съ собой. Наступило молчаніе. Прервалъ его Салтыковъ сердитымъ басомъ: «Надо кончать! А то что жъ такъ-то, безъ хвоста». Некрасовъ сказалъ тоже самое, только гораздо любезнѣе».

Эта смѣсь суровости и добродушія составляла характернѣйшую черту личности Салтыкова. Въ противоположность Некрасову, крайне несдержанный и экспансивный, великій сатирикъ влечетъ къ себѣ той искренностью, съ которой онъ ко всему относился. Некрасовъ былъ дипломатъ и съ крайней осторожностью велъ свою журнальную ладью среди мелей и подводныхъ камней, между Сциллой цензурнаго вѣдомства тѣхъ временъ и Харибдой различныхъ общественныхъ настроеній. Много тутъ требовалось ума, выдержки и особаго практическаго такта, чтобы избѣжать тысячи отовсюду грозящихъ опасностей. Въ числѣ различныхъ средствъ, были у Некрасова знакомства въ мірѣ сильныхъ и власть имущихъ, съ которыми онъ volens-nolens долженъ былъ поддерживать дружескія отношенія, принимая ихъ у себя, устраивая имъ обѣды

и играя съ ними въ карты. На одномъ изъ такихъ собраній у Некрасова присутствовалъ и г. Михайловскій, который безподобно описываетъ поведеніе Салтыкова при этомъ. «Мнѣ, — говоритъ г. Михайловскій, — было какъ-то не по себѣ, какъ-то чуждо и жутко, точно я въ дурномъ дѣлѣ участвовалъ. Между прочимъ, игралъ въ карты и Салтыковъ, по обыкновенію, раздражаясь на неудачный ходъ партнера, на плохія карты и проч. За его спиной сталъ одинъ изъ неигравшихъ гостей, значительный сѣдобородый старецъ, и посовѣтовалъ ему какой-то ходъ. Салтыковъ проворчалъ что-то вродѣ: «Ну, да! совѣтчики!» Однако, послушался. Но когда ходъ оказался неудачнымъ, Салтыковъ грубо выбранилъ совѣтчика и безцеремонно потребовалъ, чтобы тотъ отошелъ отъ его стула и не совался въ игру. Эта вспышка, очевидно, портила политичную музыку Некрасова, но мнѣ, признаюсь, Михаилъ Евграфовичъ былъ въ эту минуту необыкновенно милъ и дорогъ».

Такимъ же фигурируетъ онъ вездѣ въ воспоминаніяхъ г. Михайловскаго, которыя превосходно дополняютъ обликъ Салтыкова, какимъ мы его знаемъ по его произведеніямъ. Напр., прочтите тѣ мѣста, гдѣ г. Михайловскій разсказываетъ объ его отношеніяхъ къ дѣтямъ, когда Салтыковъ, больной и страждущій, пишетъ имъ письма, въ которыхъ разсказываетъ про канарейку. Столько здѣсь мягкости, чуткости, любовнаго отношенія въ желаніи больного развеселить ребенка! Безъ этихъ воспоминаній личность Салтыкова много потеряла бы, не казалась бы такой идеально-цѣльной и человѣчески-прекрасной.

Третій членъ этой знаменитой группы Елисеевъ дополняетъ ее, какъ истый «мужъ совѣта», всегда ровный, спокойный, съ яснымъ взглядомъ и строгой выдержкой. Онъ — словно основной тонъ въ музыкальномъ тріо, оттѣняющій страстную порывистость Салтыкова и мрачную замкнутость Некрасова. Если замкнутость послѣдняго мѣшала людямъ сближаться съ нимъ, а видимая суровость и несдержанность Салтыкова подчасъ запугивали, то простота и ясная ровность Елисеева, напротивъ, сближала съ нимъ всѣхъ и влекла къ нему. По крайней мѣрѣ, уважаемый авторъ воспоминаній замѣчаетъ, что при всемъ почтеніи и любви къ Некрасову и Салтыкову, сблизился онъ по-просту, по-человѣчески, только съ Елисеевымъ, несмотря на большую разницу въ годахъ и болѣзненность въ то время уже пожилого Елисеева. Участіе послѣдняго въ журналистикѣ, начиная съ первыхъ годовъ «Современника» и до начала 80-хъ годовъ въ «От. Запискахъ» было чрезвычайно важно. Помимо того, что Елисеевъ создалъ, по словамъ г. Михайловскаго, тотъ отдѣлъ въ журналистикѣ, который носитъ названіе «внутренняго обозрѣнія»,—Елисеевъ былъ образцовымъ редакторомъ. Какъ понималъ онъ дѣло редактора, видно изъ слѣдующей его мѣткой характеристики двухъ редакцій—«Современника» и «От. Записокъ».

«Большая часть нашихъ редакторовъ,—говоритъ онъ,—набирая сотрудниковъ, что называется, съ бору и сосенки, похожи на дурныхъ кучеровъ, которые не даютъ лошадямъ бѣжать спокойно и ровно, дергаютъ ихъ безъ всякой нужды изъ стороны въ сторону. Извѣстно, что нѣтъ ничего хуже такихъ кучеровъ, нѣтъ ничего хуже и такихъ редакторовъ. Напрасно они держатъ то и дѣло совѣщанія съ своими сотрудниками, о чемъ писать въ тотъ или другой моментъ; напрасно потѣютъ, сидя съ утра до вечера надъ корректурами, стараясь смягчить или ослабить ту или другую рѣзкую фразу въ виду тѣхъ или другихъ соображеній о возможныхъ читателяхъ и т. п. Все это ни къ чему не приводитъ, кромѣ возбужденія нервной боязни въ сотрудникѣ за свою натурально являющуюся мысль, за свою фразу,—боязни, кончающейся совершеннымъ его обезличеніемъ. Въ «Современникѣ» съ того времени, какъ я его знаю, дѣло это повелось другимъ образомъ. Тамъ набирались подходящіе къ направленію журнала сотрудники и имъ предоставлялось въ каждый данный моментъ писать, что имъ Богъ на душу положитъ. Никто не слѣдилъ ни за

мыслями, ни за фразами. Иногда казалось, что редакторы не читаютъ никакихъ статей въ своемъ журналѣ, а между тѣмъ, само собой выходило все ладно. Почему?—да потому, что въ журналѣ главнымъ образомъ нужно, чтобы всѣ говорили въ одно. Не только неудачныя фразы, но и неудачныя, т.-е. слабыя цѣлыя статьи, если только онѣ бьютъ въ одну цѣль въ общемъ, нисколько не вредятъ дѣлу. Оттого «Современникъ» торжествовалъ надъ всѣми журналами не только въ первый періодъ, съ 1857 г. по 1862, когда имъ руководилъ блестящій штабъ съ Чернышевскимъ во главѣ, но и впослѣдствіи, когда въ немъ сильно чувствовалось отсутствіе этого штаба, особенно въ критическомъ отдѣлѣ, сильно обѣднѣвшемъ и измѣнившемся. Сдѣлавшись редакторомъ «Отеч. Записокъ», Некрасовъ остался къ нимъ въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ былъ и къ «Современнику». Человѣкъ отъ природы несомнѣнно умный, съ сильно развитымъ эстетическимъ и критическимъ чутьемъ, онъ ограничивался выборомъ подходящихъ сотрудниковъ и предоставлялъ дѣлу идти, какъ оно могло идти, не подражая тѣмъ малоопытнымъ и неискуснымъ кучерамъ, которые безъ толку дергаютъ лошадей и мѣшаютъ имъ бѣжать спокойно и ровно. Самъ Некрасовъ, непрестанно работавшій въ теченіе 30 лѣтъ, если не болѣе, въ разныхъ журналахъ или изданіяхъ, былъ болѣе или менѣе утомленъ этою работою и занимался ею, такъ сказать, наскокомъ и порывомъ. Иногда онъ все читалъ, что печаталось въ журналѣ, отъ начала до конца, иногда оставлялъ журналъ на цѣлые мѣсяцы, въ надеждѣ, что и безъ него, съ одними сотрудниками, дѣло пойдетъ такъ же хорошо, какъ оно шло, не смущаясь тѣмъ, что явятся статьи неудачныя или что допущены будутъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ разныя неровности, излишества и т. п. И дѣло, дѣйствительно, шло хорошо, какъ только могло идти при данныхъ наличныхъ силахъ. Салтыковъ въ общемъ держался въ веденіи журнала той же системы, что и Некрасовъ, т.-е. употребляя прежнее сравненіе, онъ также не принадлежалъ къ числу плохихъ кучеровъ. Но Михаилъ Евграфовичъ былъ кучеръ не только умѣлый и ловкій, но и кучеръ-щеголь, который заботился не только о томъ, чтобы ѣзда была хороша и спокойна, но чтобы при выѣздѣ не было никакой неряшливости ни въ сбруѣ, ни въ экипажѣ, чтобы все въ выѣздномъ ансамблѣ, если не блистало, то было въ порядкѣ и чисто».

Таково было это знаменитое тріо, въ теченіе четверти вѣка руководившее общественнымъ мнѣніемъ, поскольку дано это литературѣ въ нашихъ условіяхъ. Изъ воспоминаній г. Михайловскаго о нихъ мы взяли лишь ничтожную часть, можетъ быть, даже и не самую существенную, но насъ интересовали именно ихъ характеры, столь разные по кореннымъ своимъ качествамъ и столь тѣсно связанные общимъ дѣломъ,—примѣръ, крайне рѣдкій вообще, а въ литературѣ въ особенности.

Мы не коснулись еще огромной части воспоминаній, въ которой идетъ рѣчь о Л. Толстомъ и объ отношеніи къ нему автора. Помимо общаго интереса, связаннаго съ именемъ Толстого, многое въ мнѣніяхъ г. Михайловскаго, высказанныхъ въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ, получаетъ особый интересъ теперь, послѣ появленія «Воскресенія». Г. Михайловскій предугадалъ тотъ переломъ во взглядахъ Толстого, какой виденъ въ «Воскресеніи», и предсказалъ, что Толстой не можетъ успокоиться на морали личнаго совершенствованія. Вопросъ этотъ, однако, слишкомъ сложенъ, и намъ приходится отложить его до другого раза.

Въ февралѣ чествовался очень рѣдкій юбилей вообще, а въ литературѣ въ особенности—пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности Алексѣя Михайловича Жемчужникова, старѣйшаго изъ современныхъ поэтовъ, послѣдняго изъ «стаи славной» писателей шестидесятыхъ годовъ. Маститый по возрасту, но еще вполнѣ

бодрый духомъ, поэтъ выпустилъ ко дню юбилея новый сборникъ своихъ стиховъ «Пѣсни старости», въ которыхъ съ прежней силой и вдохновеніемъ отзывается на «голоса жизни», какъ дѣлалъ это въ теченіе пятидесяти лѣтъ, никогда не оставаясь равнодушнымъ къ нимъ. «Я былъ всегда чуждъ равнодушія,—говоритъ онъ въ предисловіи къ первому сборнику своихъ произведеній, изданному въ 1892 г., — и это было для меня большое счастье. На своемъ вѣку я не разъ подмѣчалъ, какъ индифферентность вкрадывается въ человѣка большею частью подъ личиною благоразумія и практичности въ воззрѣніяхъ на жизнь, а потомъ мало-по-малу превращается въ нравственную гангрену, разрушающую одно за другимъ всѣ лучшія свойства не только сердца, но и ума». Великое счастье—сохранить эти лучшія свойства всю жизнь, какъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать про себя А. М. Жемчужниковъ.

Сравнивая его «Пѣсни старости» съ прежними, мы слышимъ въ нихъ тотъ же энергичный голосъ, то полный ѣдкой сатиры, то скорбный, то радостно-бодрящій. Поэтъ-гражданинъ живъ въ этихъ прекрасныхъ, звучныхъ и строгихъ стихахъ и съ неослабѣвающей силой держитъ старое знамя, о которомъ говоритъ въ своемъ «Завѣщаніи».

Межъ тѣмъ какъ мы въ разбродъ стезею жизни шли,
На знамя, средь толпы, наткнулся я ногою.
Я подобралъ его, лежавшее въ пыли,
И съ той поры несу, возвысивъ надъ толпою.
Девизъ на знамени: «Духъ доблести храни».
Такъ воинъ рядовой за честь на бранномъ полѣ,
Я, счастливъ и смущенъ, явился въ наши дни
Знаменоносцемъ поневолѣ.

Но подвигъ не свершенъ. мнѣ выпавшій въ удѣлъ,—
Разбредшуюся рать сплотить бы во-едино...
Названье мнѣ дано поэта-гражданина
За то, что я одинъ про доблесть пѣсни пѣлъ,
Что былъ глашатаемъ забытыхъ старыхъ истинъ,
И силенъ былъ лишь тѣмъ, хотя и старъ, и слабъ,
Что въ людяхъ рабскій духъ мнѣ сильно ненавистенъ,
И самъ я съ юности не рабъ.

Въ этихъ словахъ лучше и полнѣе всего охарактеризована личность нашего поэта. Онъ—лирикъ по преимуществу, только его лирика всегда проникнута общественнымъ чувствомъ, составляющимъ главное и почти единственное содержаніе его поэзіи. Искренняя ненависть къ общественной лжи, горячая любовь къ униженному и забитому народу, страстное негодованіе на такъ называемыхъ «патріотовъ» извѣстнаго типа—вотъ главные элементы поэзіи Жемчужникова. На закатѣ дней этотъ мотивъ нисколько не мѣняется и въ своемъ «Завѣщаніи» онъ оставляетъ слѣдующій завѣтъ поэту, который долженъ явиться ему «на смѣну».

Послѣднія мои уже уходятъ силы.
Я дѣлалъ то, что могъ; я больше не могу.
Я остаюсь еще предъ родиной въ долгу,
Но да проститъ она мнѣ на краю могилы,
Я жду, чтобы теперь меня смѣнилъ поэтъ,
Въ которомъ доблести горѣло-бъ ярче пламя,
И принялъ отъ меня, не знавшее побѣдъ,
Но незапятнанное знамя.

О, какъ живуча въ насъ и какъ сильна та ложь,
Что духъ достоинства есть будто духъ крамольный!
Она—нашъ древній грѣхъ и вольный и невольный;
Она—народный грѣхъ отъ черни до вельможъ.
Тамъ правды нѣтъ, гдѣ есть привычка рабской лести;
Тамъ искалѣченъ умъ, душа развращена...
Приди,—я жду тебя, пѣвецъ гражданской чести!
Ты нуженъ въ наши времена.

«Свершивъ жизни путь», поэтъ съ справедливой гордостью могъ сказать («Прежде и теперь»): «отъ позора, слава Богу, я душу уберегъ мою средь жизни суетной и ложной», праведно послуживъ на вѣку тому «Духу любви и свѣта», который онъ неустанно призывалъ къ «дорогой отчизнѣ» («Пѣсни старости», стр. 72—73).

Какъ поэтъ-гражданинъ, Жемчужниковъ занялъ почетное мѣсто непосредственно рядомъ съ Некрасовымъ, и это мѣсто навсегда упрочено за нимъ въ русской поэзіи. Онъ не такъ всеобъемлющъ, не такъ силенъ и глубокъ, какъ Некрасовъ, но не уступаетъ ему по нѣжной любви къ народу, выдержанности чувствъ и страстности негодованія. Послѣ смерти Некрасова, онъ, какъ ветхозавѣтный пророкъ, принялъ на себя миссію своего предшественника и до сихъ поръ не былъ превзойденъ никѣмъ, какъ продолжатель некрасовскихъ мотивовъ.

И стоитъ онъ среди насъ, этотъ доблестный старикъ, какъ та старая ракита, которую онъ прелестно воспѣлъ:

Часто грезится мнѣ, что стоитъ средь полей,
Долгій вѣкъ доживая, ракита.
Ей живется еще, но чувствительно ей,
Что могучею жизнью забыта.

Не нужна никому; далеко отъ жилья;
На просторѣ родномъ одинока—
Она, вѣтви свои къ долу низко склоня,
Ожидаетъ послѣдняго срока.

Но чутка и теперь, она въ ясные дни
И въ грозу, среди бурной тревоги,
Для себя лишь самой вдохновенно свои
Шелеститъ иль шумитъ монологи.

А порой изъ нея крикъ идетъ по землѣ,
Всю окрестность отъ сна пробуждая;
Словно сердце въ груди, въ ея старомъ дуплѣ
Громко бодрствуетъ птица сѣдая.

Можетъ быть, этотъ крикъ, въ тишинѣ, по ночамъ,
Позднихъ путниковъ за душу тронетъ:
Средь покоя и сна отчего кто-то тамъ
То смѣется, то плачетъ, то стонетъ?

Въ день своего юбилея пѣвецъ могъ убѣдиться что его голосъ «трогаетъ» многихъ и въ наши сумрачные дни получилъ пожалуй, большее значеніе, чѣмъ когда-либо.

Жемчужниковъ не только сатирикъ, но и юмористъ, что проявилось въ его участіи въ созданіи незабвеннаго Козьмы Пруткова. Вмѣстѣ съ Ал. Толстымъ и двумя своими братьями (Александромъ и Владиміромъ), Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ создалъ типъ, поистинѣ безсмертный въ нашей литературѣ,—типъ самодовольнаго и самоувѣреннаго петербургскаго чиновника, директора пробирной палатки, который въ часы досуга посвящаетъ себя литературѣ, отчасти изъ тщеславія, отчасти изъ сознанія пользы, приносимой имъ этимъ отечеству. Прутковъ до сихъ поръ служитъ неизсякаемымъ источникомъ самаго веселаго и безобиднаго смѣха и тѣхъ комично-глубокомысленныхъ цитатъ, которыя прочно вошли въ обиходъ нашей рѣчи и уже тѣмъ однимъ дали ему право на безсмертіе.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Народное образованіе въ Бердянскомъ уѣздѣ. Къ парижской выставкѣ приготовлены свѣдѣнія о народномъ образованіи въ Россіи. Для этого, между прочимъ, представлены подробныя данныя по двумъ уѣздамъ: Бердянскому (Таврической губ.) и Нижегородскому. Бердянскій уѣздъ выбранъ, какъ *первый* по постановкѣ народнаго образованія въ земской Россіи. Надо замѣтить, что этотъ уѣздъ въ то же время одинъ изъ самыхъ благополучныхъ по зажиточности населенія. По собраннымъ даннымъ, народное образованіе представляется въ Бердянскомъ уѣздѣ въ слѣдующемъ видѣ.

При введеніи земскихъ учрежденій, говоритъ корреспондентъ «С.-Петерб. Вѣд.», въ 1866 году, на весь уѣздъ съ населенностью въ 150 т. имѣлось всего 15 училищъ, въ которыхъ числилось по вѣдомостямъ 668 мальчиковъ и 86 дѣвочекъ. Въ дѣйствительности же, школы посѣщала едва десятая часть учениковъ. Такъ, когда въ 1868 году начальныя школы были осмотрѣны предсѣдателемъ училищнаго совѣта, то по класснымъ журналамъ значилось по 30, 40, 50 учениковъ въ школѣ, а налицо ихъ оказывалось 3, 5 или 6. Объясняется это жестокими пріемами дисциплины, которую примѣняли учителя, обыкновенно дьячки и псаломщики, вслѣдствіе чего дѣти разбѣгались изъ школъ и ихъ водворяли съ помощью десятскихъ и сотскихъ. Вотъ наслѣдіе дореформенной эпохи, полученное земствомъ на первыхъ порахъ его жизни.

Далеко не то мы видимъ въ настоящее время. Къ началу 1899—1900 г. на содержаніи бердянскаго земства состояло уже 153 школы, изъ которыхъ 59 одноштатныхъ—съ однимъ учителемъ на 60 учениковъ каждая и 92 двухштатныя — съ двумя учителями, по разсчету на 120 учениковъ. Изъ 153 школъ—136 помѣщается въ общественныхъ зданіяхъ, сооруженныхъ на счетъ обществъ, часто при содѣйствіи долгосрочныхъ безпроцентныхъ ссудъ изъ «фонда 19 февраля 1861 г.». Всѣ школы построены по нормальному земскому плану, съ соблюденіемъ требованій какъ въ отношеніи площади пола, такъ и кубическаго содержанія воздуха.

Кромѣ 153 собственно-земскихъ школъ, въ Бердянскомъ уѣздѣ насчитывается еще 63 нѣмецкихъ и 40 церковно-приходскихъ, 28 школъ грамоты, 19 начальныхъ школъ (изъ которыхъ 7 съ пособіемъ отъ земства) и 8 частныхъ начальныхъ училищъ. Такимъ образомъ, населеніе располагаетъ 311 начальными школами, причемъ одна школа приходится на 983 жителя и на 24,5 кв. вер. территоріи уѣзда.

Содержаніе 153 земскихъ школъ стоитъ земству 121.670 р. въ годъ, что въ среднемъ, составляетъ 800 р. на школу. Кромѣ расходовъ на содержаніе школъ, земство отпускаетъ значительныя суммы на другія потребности народ-

наго образованія, какъ-то: на устройство и обновленіе дѣтскихъ библіотекъ, на пріобрѣтеніе свѣтовыхъ картинъ, на содержаніе гимназій и другихъ частныхъ и общественныхъ учебныхъ заведеній, такъ что весь расходъ на эту потребность равняется 166 917 р., т.-е. 37,3% бюджета. Помимо земства, успѣху развитія народнаго просвѣщенія содѣйствуютъ и города: Бердянскъ, Орѣховъ и Ногайскъ, которые за отчетный годъ дали 75.286 р. 49 коп. Сельскія общества, убѣдившись въ пользѣ грамотности, также отпускаютъ, помимо помѣщеній, сторожей и отопленія, 169.674 руб., а нѣмецкія общества на содержаніе центральныхъ и начальныхъ школъ отпускаютъ 95.817 руб. Весь же годовой расходъ за 1898 годъ на народное образованіе въ Бердянскомъ уѣздѣ достигаетъ крупной суммы 411.877 р. 49 к.

Число учащихся въ земскихъ школахъ составляло въ отчетномъ году 12.864 человѣка, изъ коихъ 9.860 мальчиковъ и 3.004 дѣвочки, болѣе противъ прошлаго года на 582. Во всѣхъ же школахъ было 21,584 учащихся, въ томъ числѣ 14.590 мальчиковъ и 6.634 дѣвочки. По статистическимъ даннымъ, собраннымъ управою въ маѣ 1899 г., оказалось грамотныхъ 53.112 мужчинъ и 18.255 женщинъ, а вмѣстѣ съ дѣтьми школьнаго возраста 66.237 мужчинъ и 25.005 женскаго пола, что, по отношенію къ общему числу населенія, составитъ грамотныхъ 42.54% мужчинъ и 16,4% женщинъ. Еще рельефнѣе представляется степень грамотности среди населенія уѣзда по свѣдѣніямъ воинскаго присутствія, изъ которыхъ видно, что за 1898 г. процентъ грамотныхъ среди принятыхъ на службу составлялъ 71,7.

Достигнуть такихъ блестящихъ результатовъ бердянское земство могло только путемъ неуклоннаго стремленія къ развитію народнаго образованія, не жалѣя ни трудовъ, ни средствъ. Только преданность дѣлу, искренняя любовь къ народу могли вызвать такую отзывчивость населенія, которое рука объ руку шло съ желаніями земства «сѣять разумное, доброе, вѣчное». Нигдѣ населеніе такъ довѣрчиво не относится къ земству, нигдѣ земство не пользуется такимъ вліяніемъ на народную массу, какъ въ Бердянскомъ уѣздѣ.

Помимо развитія школъ, бердянское земство обращаетъ серьезное вниманіе и на подготовку учительскаго персонала, путемъ организаціи учительскихъ съѣздовъ, на устройство дѣтскихъ библіотекъ, сѣтью раскинувшихся по всему уѣзду и на улучшеніе матеріальнаго быта труженика школьнаго учителя. Не меньшую заботу проявляетъ земство въ дѣлѣ распространенія путемъ школы раціональныхъ свѣдѣній по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и свѣдѣній по садоводству, огородничеству и виноградству. Для этого при 94 земскихъ школахъ устроены сады, виноградники и огороды, гдѣ практическія занятія ведутся преподавателями, большей частью усвоившими знанія по сельскому хозяйству на содержимыхъ земствомъ при Преславской учительской семинаріи постоянныхъ сельскохозяйственныхъ курсахъ. Широко поставлено въ Бердянскомъ уѣздѣ и внѣ-школьное образованіе народа. Кромѣ 145 библіотекъ при школахъ, въ 43 селахъ открыты аудиторіи съ волшебными фонарями и со всѣми удобствами, располагающими посѣтителей къ занимательному и полезному времяпрепровожденію въ часы досуга. На 254 чтеніяхъ за годъ перебывало 50.000 слушателей.

Несмотря на такой выдающійся успѣхъ, ставящій Бердянскій уѣздъ *первымъ* въ Россіи по развитію грамотности, все еще остается масса дѣтей школьнаго возраста, для которыхъ пока закрыты двери школы. Изъ общаго числа 40.323 дѣтей школьнаго возраста въ отчетномъ году посѣщали школу 21.584 душъ. Обсуждая вопросъ о введеніи всеобщаго обученія, управа говоритъ, что для этой цѣли необходимо открыть еще 340 начальныхъ школъ, гдѣ могли бы обучаться тѣ 19.000 дѣтей, которыя нынѣ остаются за порогомъ школы.

Экономическія мѣропріятія земствъ. Вятское земство одно изъ первыхъ пришло народу на помощь въ его экономическихъ нуждахъ. Небезынтересныя данныя сообщаетъ «Сынъ Отечества» о дѣятельности вятскаго кустарнаго склада и о помощи кустарямъ при обработкѣ древесныхъ продуктовъ.

Изъ прочитаннаго на послѣднемъ губернскомъ земскомъ собраніи доклада управы видно, что вятскій кустарный складъ занялъ послѣ семилѣтняго существованія одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобныхъ учрежденій въ Россіи. Обороты склада за истекшій годъ достигли—302.322 р., причемъ по покупкѣ издѣлій и матеріаловъ—146.527 р., а по продажѣ—155.795 р., и превзошли обороты московскаго кустарнаго музея, одного изъ самыхъ старѣйшихъ и самыхъ большихъ учрежденій этого рода. Какъ и въ прежніе годы, продажа матеріаловъ и издѣлій кустарей производилась, главнымъ образомъ, въ вятскомъ складѣ (109.513 р. или 73 проц. общаго количества продажи); затѣмъ на ярмаркахъ: ирбитской, казанской, рыбинской и нижегородской (24.143 р., или 16 проц.); семь уѣздныхъ отдѣленій склада занимаютъ третье мѣсто по продажѣ (12.903 р., или 9 проц.), а послѣднее мѣсто принадлежитъ иногороднымъ коммиссіонерамъ склада въ Петербургѣ, Москвѣ, Рязани, Симбирскѣ и Нижнемъ (3.143 р., или 2 проц.). По сравненію съ прошлымъ годомъ, продажа въ вятскомъ складѣ увеличилась на 43.150 руб., благодаря начатой въ минувшемъ году торговлѣ желѣзомъ, достигшей нынѣ 25.450 р., а также благодаря исполненію иногородныхъ заказовъ (мебель изъ Сибири и на Пермь-Котласскую ж. д.). Зато 4 ярмарочныя отдѣленія оперировали тише, что объясняется неурожаемъ хлѣбовъ и травъ въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ. Чистая прибыль склада равняется 3.539 р., или 4,4 проц. на оборотный капиталъ склада (80 т. р). Смѣта расходовъ по содержанію склада на 1900 г. исчислена въ 10.180 руб.—на 8 т. р. меньше расходовъ по Московскому кустарному музею, хотя послѣдній совершилъ въ 1898 г. на 31 т. р. меньшій оборотъ. При кустарномъ складѣ имѣется музей и складъ пчеловодныхъ принадлежностей, продавшій за годъ на 6.090 р. и давшій прибыль въ 2 т. руб. На московской пчеловодной выставкѣ вятское губернское земство за мѣропріятія по улучшенію пчеловодства награждено отъ министерства государственныхъ имуществъ и земледѣлія большой золотой медалью. Вмѣстѣ съ отчетомъ о состояніи склада на очередное собраніе внесено предложеніе возбудить ходатайство о томъ, чтобы, при перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ, деревянныя издѣлія таксировались не какъ мебель и столярныя издѣлія, а по болѣе низкому тарифу «крестьянскихъ издѣлій», въ виду соображеній, что вывозъ кустарныхъ издѣлій за предѣлы Вятской губ. способствуетъ развитію производства и поддержанію на извѣстной высотѣ заработной платы.

На одномъ изъ засѣданій собранія (14 января) обсуждался очень интересный докладъ управы о заводѣ сухой перегонки дерева въ Пищальской лѣсной дачѣ Орловскаго уѣзда. Заводъ этотъ устроенъ въ 1897 г., съ цѣлью поднятія экономики и улучшенія техники смолокуреннаго промысла. Въ истекшемъ году заводъ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. Онъ переработалъ 11.628 пудовъ сырого скипидара, доставленнаго кустарями, и 2.158 пудовъ съ смолокуренныхъ заводовъ гг. Пастуховыхъ, Глазовскаго уѣзда, а всего слишкомъ вдвое больше противъ перваго года. Число кустарей, доставляющихъ заводу красный (сырой) скипидаръ, больше чѣмъ удвоился (въ 1898 г.—съ 42 котловъ, а въ 1999—съ 97). Кромѣ того, вслѣдствіе невыгодности возить издалека скипидаръ на земскій заводъ, крестьяне стали устраивать маленькіе очистительные заводики, сдавшіе земскому заводу 2.213 пуд. полуочищеннаго скипидара, такъ что выпущеннаго земскимъ заводомъ количество скипидара увеличилось съ 3.100 пуд. до 5.930 пуд. Кромѣ скипидара, на заводѣ добыто 965 пуд. густой котельной смолы, 855 кулей угля и 6 пуд. эфирныхъ хвой-

ныхъ маслъ. Всего выработано и продано продуктовъ на 9.682 р. и получено прибыли 186 руб Населеніе, благодаря складу, получило заработокъ въ 1898 г.—5.500 руб., а въ 1899 г.—9.100 руб. Заводъ оказываетъ на населеніе и техническое вліяніе; такъ, на немъ въ текущемъ году живутъ 4 практиканта изъ уѣздовъ; еженедѣльно являются изъ деревень смолокуры то за справкой, то за совѣтомъ, разспрашиваютъ и разсматриваютъ все съ большимъ интересомъ. Почти каждый смолокуръ-крестьянинъ, передъ постановкой у себя аппарата, внимательно осматриваетъ его на земскомъ заводѣ. На заводѣ имѣется лабораторійка, прекрасное помѣщеніе дла практикантовъ, очень большое поле для наблюденій, такъ что заводъ уже и въ настоящее время представляетъ практическую школу для изученія утилизаціи дерева. Содержаніе завода и опыты по сухой перегонкѣ дерева обошлись земству въ 13.457 руб., каковую сумму управа проситъ собраніе ассигновать и на 1900 годъ, при одновременномъ зачисленіи въ смѣту доходовъ ожидаемую отъ продажи продуктовъ выручку въ размѣрѣ 13 тыс. руб.

Останавливаясь на этихъ данныхъ, нельзя не отмѣтить, конечно, добрыхъ намѣреній земства поддержать, по возможности, кустарное производство. Но ничтожность результатовъ этой помощи указываетъ до нѣкоторой степени и на ея безсилье бороться съ тѣми условіями, при которыхъ приходится теперь жить кустарю. Громадный контингентъ послѣднихъ, безъ сомнѣнія, не пользуется ею, находясь всецѣло во власти скупщиковъ, для борьбы съ которыми у земства не нашлось бы ни средствъ, ни людей. Помощь земства не задерживаетъ капитализацію кустарнаго промысла, но облегчаетъ самый процессъ ея и потому уже полезна.

Сельскіе банки. Въ очень интересной корреспонденціи изъ Ставропольской губерніи «Сѣв. Курьеръ» отмѣчаетъ все большее вовлеченіе чисто земледѣльческихъ округовъ въ круговоротъ міроваго хозяйства. Рѣчь идетъ о крестьянскихъ сельскихъ банкахъ, открытыхъ по разнымъ селеніямъ губерніи сельскими обществами. Что это явленіе не случайное, а вызванное условіями жизни, за это говоритъ и время ихъ возникновенія, и быстрый ростъ ихъ числа за послѣдніе годы. Банки удовлетворяютъ назрѣвшей потребности въ кредитѣ, явившейся при переходѣ къ денежному хозяйству. Деньги въ рукахъ рядоваго крестьянства появляются только осенью, съ реализаціей урожая, а между тѣмъ въ обиходѣ крестьянской жизни онѣ требуются во всякое время. Сельскіе банки и явились навстрѣчу потребности въ деньгахъ. Какъ увидимъ дальше, благами дешеваго кредита не воспользовалась бѣднѣйшая часть крестьянства; банки выдаютъ ссуды только «надежнымъ» хозяевамъ; наибольшія же выгоды достаются на долю «богатѣевъ», которымъ особенно нуженъ кредитъ при ихъ обширныхъ торговыхъ операціяхъ по «хлѣбной», «сѣнной» и др. частямъ. Въ 1891 году во всей губерніи было всего 3 сельскихъ банка, а въ 1898 году дѣйствовало уже 27 сельскихъ банковъ.

Функціи сельскихъ банковъ довольно несложны; онѣ заключаются въ пріемѣ вкладовъ и выдачѣ ссудъ. Прибыль должна быть присоединяема къ основному капиталу; правда, она можетъ быть потрачена на удовлетвореніе какихъ-либо общественныхъ нуждъ, но не иначе, какъ съ согласія большинства ²/₃ лицъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ.

Ростъ операцій сельскихъ банковъ выражается въ слѣдующихъ числахъ: въ 1891 году тремя банками было принято вкладовъ на 9.990 р. 83 к.; въ 1898 году 27 банками было принято вкладовъ на 187.901 р. 80 к.; но такъ какъ приливъ вкладовъ значительно превышалъ ихъ отливъ, то общая сумма остававшихся за банками вкладовъ прогрессивно возрастала; къ 1 янв. 1895 года

она равнялась 82.720 р. 70 к., а къ 1 янв. 1899 года она достигла 353.064 р. 29 к., т.-е. поднялась болѣе чѣмь вчетверо. Эти цифры служатъ нѣкоторой иллюстраціей прогресса накопленія, который идетъ всегда параллельно съ развитіемъ денежнаго хозяйства. Переходя къ ссудной операціи, мы замѣчаемъ столь же сильный ростъ; тогда какъ въ 1891 году тремя банками было выдано въ ссуду 42.889 р. 86 к., въ 1898 г. 27-ю банками уже 527.279 р. 82 к.

Всѣ приведенныя данныя отражаютъ на себѣ вліяніе умноженія числа банковъ; поэтому, давая общую картину кредитныхъ операцій сельскихъ банковъ, эти данныя не могутъ дать намъ правильнаго представленія о ростѣ операцій даннаго числа банковъ. Для этого необходимо, чтобы число банковъ оставалось неизмѣннымъ: мы возьмемъ 8 банковъ—константиновскій, терновскій, горько-балковскій, среднигорлыцкій, прасковейскій, архангельскій, новозаведенскій и чернолѣсскій; всѣ они безъ перерывовъ функціонировали послѣдніе четыре отчетныхъ года.

Эти 8 банковъ приняли вкладовъ въ 1895 г. на сумму 43.885 р. 32 к., въ 1896 г.—58.058 р. 94 к., въ 1897 г.—50.460 р. 91 к. и въ 1898 г.—98.674 р. 22 к. Пониженіе, замѣчаемое для 1897 года, объясняется полнымъ неурожаемъ, постигшимъ въ этомъ году нашу губернію. Зато въ слѣдующемъ году цифра вкладовъ повышается сразу вдвое. Суммы вкладовъ, остававшихся за банками, выражаются въ слѣдующихъ числахъ: къ 1 января 1896 г.—101.800 р. 13 к., къ 1 янв. 1897 г.—142.892 р. 19 к., къ 1 янв. 1898 г.—179.583 р. 47 к. и къ 1 янв. 1899 г.—250.760 р. 41 к. Ростъ накопленія вкладовъ шелъ быстрымъ темпомъ. Развивалась также и ссудная операція.

Приведенныя цифры показываютъ, что сельскіе банки у насъ уже пустили прочные корни; насколько успѣшно они функціонируютъ, показываютъ, между прочимъ, получаемыя ими прибыли, сумма коихъ достигла въ 1897 г. 21.782 р. 84 к., или 22 проц. на основной капиталъ. Надо замѣтить, что основные капиталы банковъ довольно мизерны, такъ что орудуютъ они, главнымъ образомъ, чужими деньгами.

Быстрое увеличеніе числа банковъ и приносимыя ими прибыли показываютъ, что возникновеніе сельскихъ банковъ вызывалось назрѣвшею подъ вліяніемъ перехода къ денежному хозяйству потребностью въ дешевомъ и доступномъ кредитѣ. Является вопросъ, какіе слои населенія извлекли пользу изъ учрежденія банковъ. Выиграли, конечно, «благонадежные» плательщики, т.-е. состоятельная часть крестьянства, потому что только «благонадежные» могли пользоваться ссудами и вносить въ банки свои сбереженія въ видѣ вкладовъ. Не воспользовалась банками бѣднота, т.-е. классъ населенія, наиболѣе нуждающійся въ дешевомъ кредитѣ. Главнымъ образомъ кадры этого класса составляютъ такъ называемые «иногородніе»; въ громадномъ большинствѣ это или батраки, или полунищіе арендаторы. «Иногородніе» не могутъ пользоваться ссудами изъ банковъ по уставу послѣднихъ. Основанные на общественныя средства банки могутъ выдавать ссуды только кореннымъ жителямъ, приписаннымъ къ обществу. Но и среди кореннаго населенія уже выдѣлился значительный контингентъ опустившихся хозяевъ; они лишены возможности пользоваться кредитомъ изъ банковъ за своей хозяйственной «неблагонадежностью». Въ громадномъ большинствѣ случаевъ они не могутъ представить за себя поручителей и банкъ имъ отказываетъ.

Заработная плата въ фабрично-заводской промышленности. Пользуясь «Сводомъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1897 г.», «Кіевлянинъ» даетъ таблицу валовой суммы заработковъ рабочихъ въ главнѣйшихъ отрасляхъ промышленности.

	Число рабочихъ въ тысячахъ.	Получено вознагражд. въ мил. руб.
Обработка волокнистыхъ веществъ	544,7	94,5
Металлическія издѣлія	214,3	60,2
Керамическія производства	143,3	23,9
Питательные продукты	85,9	14,7
Обработка дерева	75	14,3
Обработка животныхъ продуктовъ	63	10,9
Писчебумажное производство	46	5,7
Химическое производство	20,7	4,5
Разныя производства	66,2	13
Итого	1.259,4	241,8

Въ поясненіе этой таблицы газета указываетъ, что приведенныя данныя не обнимаютъ всѣхъ рабочихъ и не обнимаютъ всѣхъ отраслей промышленности, а именно: не имѣется свѣдѣній о горной промышленности и о производствахъ, обложенныхъ акцизомъ. Такъ какъ, на основаніи приведенныхъ данныхъ, средняя цифра заработковъ одного рабочаго опредѣляется въ размѣрѣ около 200 р., то при двухъ милліонахъ фабрично-заводскихъ рабочихъ общая сумма заработковъ, доставляемыхъ фабрично-заводской промышленностью, можетъ быть исчислена примѣрно около 400 мил. рублей. Изъ приведенной таблицы можно также сдѣлать выводъ, что средній заработокъ рабочаго въ разныхъ отрасляхъ промышленности оказывается далеко неодинаковымъ. Высшую заработную плату получаютъ рабочіе въ производствахъ по изготовленію металлическихъ издѣлій, а именно, въ среднемъ выводѣ на рабочаго причитается 281 рубль въ годъ; за ними слѣдуютъ рабочіе въ химическихъ производствахъ, получающіе 220 р.; къ средней нормѣ болѣе всего подходятъ рабочіе по обработкѣ дерева, зарабатывающіе 191 руб. Рабочіе въ производствахъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ питательныхъ и животныхъ продуктовъ зарабатываютъ 171—173 р. въ годъ. Гораздо ниже заработокъ въ керамическихъ производствахъ—167 р., а послѣднее мѣсто занимаютъ рабочіе въ писчебумажномъ производствѣ—124 р. въ годъ. Эта очень крупная разница обусловливается, съ одной стороны, большимъ или меньшимъ участіемъ въ производствѣ простого труда чернорабочихъ, а съ другой стороны усиленнымъ спросомъ на нѣкоторые виды труда и болѣе высокими техническими требованіями. Нельзя не отмѣтить, что производства по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, требующія значительнаго искусства и ловкости, но давно подготовившія себѣ большой контингентъ рабочихъ, оплачиваютъ нынѣ трудъ гораздо ниже, нежели производства металлическія. Промышленная статистика подтверждаетъ наблюденіе, что въ настоящее время въ Россіи наилучше оплачиваемыми для массы рабочихъ промыслами являются промыслы по обработкѣ металловъ (кузнецы, слесаря, литейщики, машинисты и пр.) и по обработкѣ дерева (плотнично столярное ремесло); а такъ какъ этимъ промысламъ предстоитъ еще весьма широкое развитіе, и цѣнность труда здѣсь въ высокой степени зависитъ отъ техническаго искусства, то на подготовку къ этимъ промысламъ должны быть по преимуществу направлены заботы низшихъ профессіональныхъ школъ.

По средней годичной производительности первое мѣсто занимаютъ фабрики по обработкѣ волокнистыхъ веществъ (213 тыс. руб. на одно предпріятіе), далѣе слѣдуютъ предпріятія по обработкѣ металловъ (129 тыс. руб.), горная промышленность (115 тыс. руб.), писче-бумажныя производства (86 тыс. руб.), химическія (77 тыс. руб.), питательныхъ продуктовъ (39 тыс. руб.), животныхъ и керамическія (24 тыс. руб.). По средней производительности одного рабочаго порядокъ измѣняется: первое мѣсто занимаетъ обработка питательныхъ продуктовъ (2,5 тыс. руб. на одного рабочаго) далѣе слѣдуютъ: обработка животныхъ продуктовъ (2,1 тыс. руб), химическія производства (1,7 тыс. руб.), обра-

ботка волокнистыхъ веществъ (1,5 тыс. руб.), металлическія изделія (1,4 тыс. руб.), обработка дерева (1,2 тыс. руб.), горная промышленность (700 руб.), керамическія производства (600 руб.).

Изъ сопоставленія этихъ данныхъ съ размѣрами заработной платы видно, что не существуетъ опредѣленнаго соотвѣтствія между высотою заработной платы и величиною предпріятій или суммою производительности на одного рабочаго.

Дѣло о безпорядкахъ рабочихъ на заводахъ брянскаго Общества. 24-го января, какъ сообщаетъ «Приднѣпровскій Край», въ Екатеринославлѣ въ выѣздной сессіи харьковской судебной палаты при открытыхъ дверяхъ слушалось дѣло о безпорядкахъ на Александровскомъ заводѣ брянскаго Общества. Всѣхъ подсудимыхъ 73 человѣка. Содержаніе обвинительнаго акта сводится къ слѣдующему.

Еще задолго до безпорядковъ, происшедшихъ между рабочими въ гор. Екатеринославлѣ, на Брянскомъ (Александровскомъ) заводѣ, вечеромъ 29-го мая и въ ночь на 30-е мая 1898 года, рабочіе высказывали постоянно свое неудовольствіе на администрацію завода, что она нанимаетъ сторожами черкесовъ, а между тѣмъ русскіе рабочіе голодаютъ,—и между рабочими и черкесами бывали неоднократно столкновенія, оканчивавшіяся драками. Кромѣ того, заводскіе рабочіе нѣсколько разъ являлись къ директору завода толпами и требовали уменьшенія рабочихъ часовъ и прибавки заработной платы,—и на этой почвѣ рабочіе тоже имѣли столкновеніе съ администраціею завода.

Въ такомъ состояніи находились рабочіе Брянскаго завода до 29-го мая 1898 года, когда, послѣ шести часовъ вечера, при возвращеніи рабочихъ съ завода, одинъ изъ нихъ, Никита Кутилинъ, идя около забора, окружающаго Брянскій заводъ, оторвалъ доску и хотѣлъ ее унести; это замѣтилъ сторожъ завода осетинъ Алексѣй Парсіевъ, который съ товарищемъ своимъ осетиномъ Кусовымъ погнался за Кутилинымъ, догналъ его и отнялъ доску, причемъ у нихъ завязалась ссора, во время которой Парсіевъ кинжаломъ нанесъ Кутилину ударъ въ грудь, отчего Кутилинъ тотчасъ же умеръ. Этого событія было достаточно, чтобы собралась громадная толпа недовольныхъ рабочихъ, которая, будучи воодушевляема нѣсколькими вожаками, пошла съ криками на Брянскій заводъ, начала жечь по дорогѣ сторожевыя будки, ломать и жечь заборъ, окружающій Брянскій заводъ, подожгла заводскіе матеріальные магазины, лабораторію и главную контору, изъ которой похитила деньги въ количествѣ около 5.000 рублей звонкой монетой; деньги эти находились въ желѣзной кассѣ; злоумышленники вытащили кассу изъ конторы, разбили ее и деньги забрали; въ той же конторѣ находилась и главная заводская касса въ большомъ желѣзномъ шкафу; шкафъ этотъ злоумышленники сдвинули съ мѣста, пытались его разбить, такъ какъ на лицевой сторонѣ и правой токовой имѣются вдавленія и слѣды ударовъ желѣзнымъ орудіемъ; въ кассѣ этой, по словамъ заводской администраціи, хранились до 50.000 р.; такъ какъ работы во время нападенія на заводъ были пріостановлены, то рабочіе оказали сопротивленіе нападавшей толпѣ, благодаря чему большая касса и осталась не разбитой. Послѣ этого толпа отправилась къ лавкѣ Общества потребителей завода, подожгла ее и разграбила какъ весь находившійся тамъ товаръ, такъ и частное имущество служащихъ при лавкѣ и жившихъ въ томъ же домѣ, гдѣ помѣщается и лавка; покончивъ съ лавкой, толпа направилась въ поселокъ Новые-Кайдаки, гдѣ разбила и разграбила казенную лавку № 1, еврейскіе дома и лавки, въ количествѣ двадцати, а также и еврейскій молитвенный домъ. Убытка отъ этихъ безпорядковъ жителями села Новыхъ-Кайдакъ понесено до 22.000 руб., а Брянскимъ (Александровсковскимъ) заводомъ—до 150.000 рублей.

При самомъ началѣ безпорядковъ прибыли на мѣсто екатеринославскій полицеймейстеръ Свидерскій, приставъ 2-й части Козьминъ и помощникъ пристава Папковъ; всѣ они уговаривали толпу разойтись и прекратить безпорядки, но толпа ихъ не слушала и, побуждаемая крестьянами Дмитріемъ Вуйдою и Пантелѣемъ Дѣтенковымъ, которые кричали: «не слушайте ихъ, идемъ все бить и жечь!», продолжала идти далѣе, и въ то же время въ чиновъ полиціи посыпался изъ толпы градъ камней, и однимъ изъ нихъ полицеймейстеръ Свидерскій былъ раненъ въ голову, почти лишился сознанія и былъ увезенъ домой. Въ виду все увеличивающихся безпорядковъ, былъ собранъ на мѣсто весь штатъ екатеринославской полиціи и вызваны два баталіона мѣстныхъ войскъ, до прихода которыхъ толпа стала расходиться, унося съ собою награбленное имущество. Въ с. Новыхъ-Кайдакахъ, кромѣ того, толпа, разбивая квартиру мѣщанина Кисина, уничтожила телеграфный аппаратъ № 33-й, громоотводъ, индуктивный звонокъ съ коммутаторомъ и два элемента Лекланше, чѣмъ причинила почтово-телеграфному вѣдомству убытковъ на 45 руб. 66 коп., а разгромомъ казенной винной лавки № 1-й акцизному вѣдомству причиненъ убытокъ на сумму 1.086 руб. 39½ коп. Безпорядки окончились въ 3-мъ часу утра 30-го мая, причемъ злоумышленниками на мѣстѣ преступленія были оставлены молотки, ломы и другія желѣзныя орудія.

Изъ свидѣтелей первымъ допрашивается, какъ видно изъ отчета «Приднѣпровскаго Края», горный инженеръ М. А. Кохъ, состоящій на службѣ въ Брянскомъ заводѣ. По вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ между рабочими и администраціей завода свидѣтель показалъ, что отношенія эти начали обостряться за послѣдніе 2—3 года, въ особенности же начиная съ января 1898 г., когда рабочіе 3-хъ цѣховъ, работавшіе съ 7-ми часовъ утра до 7-ми часовъ вечера, стали заявлять требованіе объ окончаніи работъ въ шесть часовъ вечера, по примѣру остальныхъ цѣховъ, работавшихъ съ 6—7-ми часовъ утра до 6—7-ми часовъ вечера. Послѣ безпорядковъ число рабочихъ часовъ было уменьшено, а поденная плата была увеличена, но сдѣлано это было заднимъ числомъ, дня два раньше безпорядковъ. Кромѣ требованія о рабочихъ часахъ, рабочими предъявлялось также требованіе объ освобожденіи ихъ отъ работъ въ теченіе четырехъ дней въ мѣсяцъ,—требованіе, согласное съ временными правилами 2-го мая 1897 г. Эти правила вступили въ силу съ 1-го января 1898 г., но на Брянскомъ заводѣ они не примѣнялись. Кромѣ пунктовъ о заработной платѣ, продолжительности рабочаго дня и количествѣ дней, предназначенныхъ для отдыха, рабочіе нерѣдко выражали неудовольствіе по поводу присутствія на заводѣ въ качествѣ рабочихъ иностранцевъ, занимавшихъ хорошія мѣста и получавшихъ болѣе высокую плату. По мнѣнію свидѣтеля, большой надобности въ иностранцахъ на заводѣ не было. Ихъ обязанности могли бы выполняться и русскими не менѣе удовлетворительно, такъ какъ наши техническія училища даютъ вполнѣ достаточную для того подготовку. Далѣе, по словамъ свидѣтеля, за послѣдніе годы рабочіе сдѣлались особенно чуткими къ «нелюбезному или презрительному» обращенію съ ними со стороны администраціи завода. При этомъ свидѣтель разсказывалъ, что, получивъ года три назадъ въ завѣдываніе два цѣха, онъ нашелъ «положеніе вещей ужаснымъ»: рабочіе были сильно распущены, своевольны. Онъ завелъ желѣзную дисциплину. Рабочіе угрожали убить его, но онъ продолжалъ бороться съ прежними порядками, и вотъ въ теченіе двухъ лѣтъ положеніе измѣнилось къ лучшему. Впрочемъ, одною изъ причинъ этого, по мнѣнію свидѣтеля, послужило увеличеніе заработка рабочихъ въ два и три раза. На вопросъ защитника Муравьева, что свидѣтель разумѣетъ подъ желѣзной дисциплиной, послѣдній отвѣтилъ: «чтобы и дышать нельзя было свободно». По показанію того же свидѣтеля, была еще причина для недовольства среди рабочихъ—несчастные случаи во время работъ на заводѣ. За послѣднія 15 лѣтъ

число несчастныхъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ заводѣ, было не менѣе 10.000. Но вознаграждались далеко не всѣ пострадавшіе. Послѣ безпорядковъ было введено коллективное страхованіе рабочихъ въ одномъ изъ страховыхъ Обществъ.

На второй день, 25-го января, какъ передаетъ «Южный Край», продолжался допросъ свидѣтеля Коха. Въ виду его показаній, смягченныхъ сравнительно съ показаніями на предварительномъ слѣдствіи, представители защиты вновь обратились къ нему за разъясненіемъ разныхъ сторонъ жизни на заводѣ и отношеній администраціи къ рабочимъ. Между прочимъ, свидѣтель объяснилъ, что поденная плата рабочимъ колеблется отъ 40 до 70 к., а заводъ имѣетъ 2—3 милл. руб. валоваго дохода и 800 тыс. руб. чистаго. Дѣлъ относительно увѣчья рабочихъ возникало потому мало, что, на основаніи закона и по требованію довѣреннаго завода, всѣ означенныя дѣла переносились по мѣсту пребыванія правленія Общества, т.-е. въ Петербургъ, куда рабочіе не ѣздили. Относительно жалобъ и заявленій о неудовольствіяхъ со стороны рабочихъ, свидѣтель объяснилъ, что съ измѣненіемъ порядка поступленія жалобъ непосредственно къ дирекціи, а не къ завѣдывающимъ цѣхами, стало больше неудовольствій со стороны рабочихъ на неразсмотрѣнныя жалобы. Кромѣ того, всѣ коллективныя просьбы со стороны рабочихъ оставлялись администраціей безъ разсмотрѣнія, и администрація прибѣгала даже послѣ такихъ просьбъ къ наказанію рабочихъ лишеніемъ кредита до мѣсяца. Число черкесовъ на заводѣ было до 80-ти и всѣ они были вооружены кинжалами, несмотря на существованіе закона о воспрещеніи носить оружіе. На вопросъ, отъ кого же собственно оберегали черкесы заводъ, свидѣтель затруднился отвѣтомъ.

Второй свидѣтель Вноровскій, горный инженеръ, помощникъ директора завода, къ подробностямъ, изложеннымъ въ обвинительномъ актѣ, прибавляетъ нѣкоторыя свои и директора распоряженія по заводу объ уговариваніи рабочихъ не дѣлать безпорядковъ, а также о своей поѣздкѣ для переговоровъ съ начальникомъ губерніи. На многіе вопросы со стороны защиты г. Вноровскій отвѣчаетъ неопредѣленно. Послѣ этого прочитывается показаніе отсутствующаго свидѣтеля Горяинова, горнаго инженера и директора завода, показанія котораго сводятся къ тому, что на заводѣ все обстояло благополучно. Такой же характеръ носили и показанія слѣдующаго свидѣтеля Пробнаго, горнаго инженера. Почти на всѣ вопросы онъ отвѣчалъ: «не знаю, не помню, вопроса не понимаю». Когда же, по требованію защиты, было прочитано показаніе его на предварительномъ слѣдствіи, гдѣ онъ заявилъ, что въ началѣ января 1898 г. три цѣха заявили неудовольствіе на одинъ рабочій часъ и требованіе работы не до 7 час. вечера, а до 6-ти, а также на четыре дня праздниковъ, то со стороны администраціи эти справедливыя неудовольствія не были удовлетворены, и вслѣдъ за этимъ появились прокламаціи. Послѣ этого былъ изданъ заводомъ циркуляръ, помѣченный заднимъ числомъ, удовлетворяющій требованія рабочихъ. Тогда появились новыя прокламаціи съ требованіями трехсмѣнной работы, выражались неудовольствія на черкесовъ и на иностранцевъ, получающихъ въ 4 раза больше русскихъ, на мастеровъ, берущихъ взятки за доходныя мѣста, и на евреевъ, эксплоатирующихъ рабочихъ. Всѣ эти данныя предварительнаго слѣдствія г. Пробный подтвердилъ.

Одинъ изъ защитниковъ, г. Муравьевъ, между прочимъ, отмѣтилъ, что законъ 1897 г. не былъ введенъ своевременно, и администрація вынуждала коллективныя жалобы. Увѣчья вознаграждались въ значительно меньшей суммѣ, чѣмъ та, какую удовлетворилъ бы судъ; но дѣла не возбуждались, а если и возбуждались, то скоро же и прекращались, такъ какъ правленіе Общества находилось въ Петербургѣ. Увѣчныхъ было за годъ до 40%, или 2.830 на 7.000 рабочихъ, изъ которыхъ 15% дѣлались калѣками. Страховое Общество выплатило 23 тыс. руб., такъ что на каждаго приходится по 22 руб.

Резолюція, вынесенная судебной палатой 31-го января, гласитъ, по сообщенію «Приднѣпровскаго Края»: «семь человѣкъ присуждены къ лишенію всѣхъ личныхъ и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты на 2 года; 12 человѣкъ—на 1 годъ 6 мѣсяцевъ, съ такимъ же лишеніемъ правъ; 1—на 1 годъ 6 мѣсяцевъ къ тюремному заключенію (подсудимая); 3—на 1 годъ къ тюремному заключенію и 1—на 8 мѣсяцевъ. Остальные подсудимые оправданы. Иски: акцизнаго вѣдомства въ суммѣ 1.086 руб. 39½ к., 2) почтово телеграфнаго вѣдомства въ суммѣ 45 р. 60 к. и 3) Общества взаимнаго страхованія въ суммѣ 9,700 р.—удовлетворить. Искъ Брянскаго завода оставить безъ разсмотрѣнія въ виду отказа истца отъ предъявленныхъ имъ требованій. Иски 22-хъ лицъ, потерпѣвшихъ отъ безпорядковъ, по недоказанности оставить безъ удовлетворенія».

Другое дѣло о безпорядкахъ на Брянскомъ рельсопрокатномъ заводѣ того же брянскаго Общества слушалось 17-го января въ залѣ орловскаго окружнаго суда, уголовнымъ департаментомъ харьковской судебной палаты. Обстоятельства дѣла по обвинительному акту, какъ видно изъ отчета «Орловскаго Вѣстника», представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Въ ночь на 13-е іюня 1898 года на Брянскомъ рельсопрокатномъ заводѣ толпою рабочихъ означеннаго завода произведены были безпорядки, выразившіеся въ истребленіи огнемъ нѣсколькихъ конторскихъ магазиновъ, лавокъ и другихъ зданій, винной лавки и виннаго склада купца Авраамова, магазина купца Забалуева, гостиницы и двухъ пивныхъ Мурзина, а также въ уничтоженіи и расхищеніи движимаго имущества, принадлежащаго какъ заводу, такъ и вышеназваннымъ лицамъ. Причиной, вызвавшей означенные безпорядки, какъ выяснилось при слѣдствіи, послужили слѣдующія обстоятельства: рабочіе были недовольны на администрацію завода, и недовольство это возникло на почвѣ чисто-экономическихъ отношеній, въ общемъ касалось дороговизны квартирной платы въ казармахъ и платы за право пасти скотъ рабочихъ на землѣ завода, взиманія платы за лѣченіе въ заводской больницѣ кого-либо изъ семьи рабочихъ, выдачи заводомъ такъ называемыхъ харчевыхъ записокъ, а также пониженія въ нѣкоторыхъ случаяхъ расцѣнокъ въ мастерскихъ. Съ апрѣля мѣсяца между рабочими стали циркулировать неясные слухи о томъ, что на заводѣ имѣютъ быть безпорядки къ 20-му іюля, ко дню празднованія заводомъ 25-тилѣтія его существованія. Одновременно съ этимъ въ мѣстной газетѣ «Орловскій Вѣстникъ» появился рядъ статей, которыя читались рабочими нарасхватъ, обсуждавшихъ неудовлетворительное экономическое положеніе рабочаго на Брянскомъ заводѣ. 30-го мая 1898 г. по заводу были разбросаны прокламаціи; въ однѣхъ изъ нихъ, обращенныхъ прямо къ брянскимъ рабочимъ, указывалось на необходимость проснуться и стать на защиту своихъ правъ. Все это вмѣстѣ взятое, въ связи съ распространившимися слухами о бывшихъ безпорядкахъ на заводѣ того же акціонернаго Общества въ Екатеринославской губерніи, сильно волновало умы рабочихъ, и, видимо, достаточно было незначительнаго толчка для того, чтобы это возбужденное состояніе проявилось въ формѣ безпорядковъ. Такимъ толчкомъ и было неосторожное убійство сторожемъ завода Реутомъ мальчика Кулькова, имѣвшее мѣсто вечеромъ 12-го іюня и вызвавшее сопротивленіе толпы распоряженіямъ пристава 1-го стана Брянскаго уѣзда, а затѣмъ—дальнѣйшіе безпорядки. Вышеозначеннаго числа сторожъ завода Реутъ, полякъ по происхожденію, показывая собравшимся около него ребятишкамъ, какъ нужно стрѣлять изъ револьвера, произвелъ нечаянный выстрѣлъ и убилъ пятилѣтняго мальчика Кулькова. Все это произошло на старомъ базарѣ часовъ въ 7 вечера, послѣ дневной смѣны, когда на улицахъ завода было много мастеровыхъ и чернорабочихъ, изъ которыхъ нѣкоторые были въ нетрезвомъ видѣ по случаю бывшаго тогда праздника «де-

сятой пятницы». Убитый мальчикъ былъ перенесенъ въ казарму, гдѣ проживали его мать и родные, и около казармы начала собираться толпа. Вскорѣ на мѣсто происшествія прибылъ помощникъ пристава Выходцевъ, и тутъ изъ толпы стали раздаваться крики: «какихъ это сторожей держитъ контора, что начали стрѣлять нашихъ дѣтей!» Выходцевъ, желая разсѣять собравшуюся толпу, а также въ виду ранѣе заведеннаго порядка, предложилъ Кульковой отправить тѣло убитаго мальчика въ больницу, на что какъ послѣдняя, такъ и ея родные не согласились. Въ это время въ казарму пріѣхалъ становой приставъ Квитницкій и повторилъ требованіе Выходцева. Узнавъ о такомъ распоряженіи пристава, толпа заволновалась, вслѣдствіе чего приставъ вышелъ на крыльцо и пробовалъ уговорить собравшихся разойтись, но они не расходились и стали кричать: «не давать ребенка нести въ больницу!» Видя возбужденное настроеніе толпы, приставъ приказалъ дозорному Аксенову вызвать сторожей и объѣздчиковъ для того, чтобы при помощи ихъ заставить толпу разойтись. Это послѣднее распоряженіе пристава, видимо, слышали нѣкоторые изъ собравшихся около казармы, и поэтому, когда приставъ вторично вышелъ и сталъ уговаривать толпу разойтись, поднялся сильный свистъ, такъ что приставъ принужденъ былъ удалиться въ казарму. Въ это время въ такъ называемыхъ «пьяныхъ воротахъ» показались объѣздчики и сторожа, увидѣвъ которыхъ толпа, будучи, по словамъ Выходцева, сильно возбуждена, кинулась съ крикомъ «ура!» на объѣздчиковъ, стала кидать въ нихъ каменьями и такимъ образомъ разогнала ихъ. Вернувшись къ казармѣ, толпа стала кричать: «братцы, приставъ ушелъ—догоняй его!» «Ребята, давайте бить пристава и всѣхъ, кто стоитъ за поляковъ!» Немного ранѣе этого приставъ, считая себя въ опасности и будучи предувѣдомленъ мастеровымъ Василіемъ Старостинымъ, что его хотятъ бить, успѣлъ уйти въ другую, недалеко расположенную казарму, гдѣ, по совѣту крестьянина Шакурина, спрятался на печкѣ; толпа же, узнавъ, что приставъ скрылся, бросилась его преслѣдовать, направившись «къ пьянымъ воротамъ», причемъ нѣкоторые изъ толпы подбѣжали къ той казармѣ, гдѣ жилъ Акимъ Шакуринъ, и стали кричать: «бей казарму! Говорите, гдѣ становой приставъ». Бывшимъ около казармы женщинамъ удалось убѣдить толпу, что здѣсь нѣтъ пристава и что онъ побѣжалъ дальше, послѣ чего толпа двинулась къ становой квартирѣ; по дорогѣ попалась винная лавка купца Авраамова, которая была немедленно разбита; народъ сталъ пить вино и захватилъ съ собою бутылки съ водкой. Затѣмъ, толпа подошла къ квартирѣ становаго пристава, перебила окна, вывернула горѣвшій около квартиры фонарь, причемъ послѣдній упалъ на оконную раму въ домѣ, которая загорѣлась, но вскорѣ огонь былъ потушенъ. Не нашедши пристава Квитницкаго, толпа повернула обратно и бросилась истреблять имущество, принадлежащее заводу и заводскимъ арендаторамъ. Войдя во дворъ завода черезъ вторыя проходныя ворота и по дорогѣ перебивъ фонари и стекла въ окнахъ мастерскихъ, толпа, выйдя изъ завода черезъ первыя проходныя ворота, подожгла деревянную будку для дозорныхъ, примыкавшую къ тѣмъ воротамъ, и направилась на площадь, гдѣ находились магазины — конторскій и купца Забалуева. Отъ деревянной будки загорѣлись контора строительнаго цеха, проходныя ворота, вторая деревянная будка, механическая мастерская и домъ для служащихъ, — и все это было истреблено огнемъ. На площади были послѣдовательно разбиты, разграблены и затѣмъ сожжены: мучныя и мясныя лавки, конторскій магазинъ, магазинъ Забалуева и гостиница Мурзина. Отсюда толпа направилась на новый базаръ, тамъ сожгла деревянныя лавки, въ которыхъ торговля производилась только въ базарные дни, и разбила, разграбила и сожгла винный складъ и винную лавку Авраамова и пивную Мурзина. Послѣ этого толпа снова вернулась къ заводу и у первыхъ проходныхъ воротъ раздѣлилась на двѣ партіи: бóльшая—

направилась къ магазину Общества потребителей, а меньшая—прошла черезъ заводъ къ главной конторѣ, гдѣ перебила окна; небольшая часть толпы ворвалась въ контору и пыталась разбить неегораемый шкафъ, въ которомъ хранились деньги; тутъ на защиту конторы явились рабочіе изъ сталелитейной мастерской, и имъ удалось разогнать нападавшихъ, причемъ нѣсколько человѣкъ было задержано и посажено въ люкъ, откуда затѣмъ они были освобождены участвовавшими въ безпорядкахъ. Первая толпа подступила къ магазину Общества потребителей, но на защиту его стали многіе мастеровые, состоящіе пайщиками этого магазина,—и тутъ между нападавшими и защищавшими магазинъ произошла свалка,—нападавшіе были отбиты и имъ удалось лишь разбить окна въ мануфактурномъ отдѣленіи магазина и похитить оттуда немного товара. Послѣ этого толпа пошла ко второму конторскому магазину, находившемуся около станціи желѣзной дороги, недалеко отъ магазина Общества потребителей. Магазинъ этотъ былъ разграбленъ и сожженъ. Оттуда толпа вновь подступила къ потребительному магазину, но вторично была отбита пайщиками, послѣ чего, разграбивъ и истребивъ огнемъ пивную Мурзина, толпа стала расходиться, и безпорядки прекратились до прихода войскъ и пріѣзда властей.

При слѣдствіи невозможно было обнаружить всѣхъ участниковъ безпорядковъ, такъ какъ, по показанію свидѣтелей, толпа, производившая безпорядки, достигала 300—400 человѣкъ; однако, слѣдствіемъ добыты несомнѣнныя данныя, указывающія на виновность лицъ, 58-ми рабочихъ, уроженцевъ, главнымъ образомъ, Орловской губерніи.

Прокуроръ, останавливаясь на причинѣ безпорядковъ, заявилъ въ своей рѣчи что убійство ребенка сторожемъ было «лишь толчкомъ къ безпорядкамъ, было поводомъ, но не причиной. Надо поискать,—говоритъ онъ,—такихъ фактовъ, которые дали бы намъ возможность понять отношенія между рабочими и администраціей. Отношенія эти имѣютъ особенный характеръ. Интересы администраціи находятся въ обратно пропорціональномъ отношеніи къ интересамъ рабочихъ. Нѣкоторые свидѣтели несомнѣнно установили, что рабочіе нерѣдко выражали недовольство администраціей завода на почвѣ чисто-экономической (прокуроръ перечисляетъ причины недовольства). Это недовольство увеличилось особенно благодаря тому обстоятельству, что за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ на заводѣ существовали другіе порядки. Во главѣ завода стояла тогда личность, которая въ отношеніи рабочихъ дѣйствовала не на основаніи только разсчетовъ ума, но и сердечныхъ, гуманныхъ побужденій. Новый хозяинъ завода — акціонерное Общество не могло продолжать такія отношенія, иначе оно могло разориться. При перемѣнѣ отношеній возникли и недовольства. Эти недовольства, быть можетъ, и не разрѣшились бы такимъ крупнымъ событіемъ, если бы въ дѣло не вмѣшались прокламаціи, которыя читались очень многими рабочими. Къ этому присоединились еще упорно носившіеся слухи, что заводъ скоро будетъ горѣть; пожаръ пріурочивается къ дню празднованія 25-тилѣтія. Характеристикой взаимоотношеній между администраціей завода можетъ служить слѣдующій фактъ. Дирекція въ предупрежденіе кражъ объявила, чтобы рабочіе слѣдили другъ за другомъ. На это рабочіе написали отвѣтъ такого содержанія: «совѣтуемъ администраціи завода смотрѣть за начальствующими лицами, которыя похищаютъ не копѣйками, какъ рабочіе, а цѣлыми тысячами». Это отвѣтное объявленіе даетъ представленіе, насколько взаимоотношенія были натянуты (прокуроръ приводитъ нѣкоторыя другія данныя, полученныя на слѣдствіи и объясняющія причины недовольства). Такимъ образомъ, я прихожу къ заключенію, что на всѣ остальныя обстоятельства, при которыхъ начался разгромъ, можно смотрѣть какъ на толчокъ, что этотъ разгромъ былъ результатомъ острыхъ серьезныхъ экономическихъ недоразумѣній между администраціей и рабочими».

Рѣчи защитниковъ не представили чего-либо существеннаго для изъясненія дѣла.

Приговоръ палаты былъ вынесенъ 22 января. 17 обвиняемыхъ оправданы, одинъ приговоренъ къ содержанію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи на 1½ года съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, 22—къ тюремному заключенію на 8 мѣсяцевъ каждый, съ лишеніемъ особыхъ правъ, 11—къ тюремному заключенію на два мѣсяца безъ лишенія правъ, двое—къ тюремному заключенію на 3 мѣсяца и двое—къ аресту на двѣ недѣли.

Скопцы и прокаженные въ Сибири. Въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» напечатана интересная корреспонденція изъ Средне-Колымска. Заимствуемъ изъ нея два сообщенія—о самоубійствѣ скопца Карнюшина въ с. Верхне-Колымскѣ и о прокаженныхъ въ с. Мансеркинѣ.

«Въ концѣ мая 1899 года рядовое управленіе 1-го Байдунскаго наслега (якутская административная единица) донесло колымскому окружному полицейскому управленію о случаѣ самоубійства одного изъ проживающихъ въ селеніи Верхне-Колымскѣ, въ 450 верстахъ отъ города, скопцовъ—Карнюшина, старика лѣтъ 60. Скопцы эти, въ количествѣ 5 человѣкъ, въ 1898 г. были высланы уже изъ Якутска, гдѣ они объявляли себя въ подаваемыхъ въ учрежденія бумагахъ непризнающими верховной власти и существующаго въ государствѣ порядка. Трое изъ нихъ поселены были въ Верхне-Колымскѣ: одинъ—въ Нижне-Колымской части и одинъ—въ городѣ. Не безъ труда добрались мы на гребяхъ противъ теченія и при большой еще водѣ на восьмыя сутки въ Верхне-Колымскъ. Оказалось, что въ данномъ случаѣ было дѣйствительно самоубійство, а не смерть отъ посторонней руки; причиною самоубійства послужило то, что К. былъ убѣжденъ, что такая смерть избавляетъ душу отъ грѣха; К. и раньше еще, въ Якутскѣ, пытался морить себя голодомъ и здѣсь передъ смертью въ теченіе 27-ми дней не принималъ никакой пищи и пилъ одну воду и, наконецъ, видя, что такъ не скоро уморишь себя, рѣшилъ повѣситься. Проживавшіе съ нимъ двое другихъ скопцовъ, Ткачевъ и Пантикинъ, при оффиціальномъ допросѣ показывали очень сдержанно и выяснили только то, что у К. было твердое убѣжденіе въ спасительности такой смерти, что подобное убѣжденіе существуетъ и у нихъ, и у нѣкоторыхъ другихъ скопцовъ, поселенныхъ близь Якутска и составляющихъ какъ бы отдѣльный толкъ въ скопческой сектѣ. Скопцы этого толка ищутъ мученій и хотятъ принять на себя иго, о которомъ сказалъ Спаситель (Матѳ. 11, 29)».

Этимъ только, по словамъ корреспондента, и объясняется, что скопцы «объявили» себя непризнающими существующаго государственнаго порядка. Прокаженные въ Мансеркинѣ живутъ впятеромъ въ одной юртѣ.

«Велико было удивленіе пришедшихъ туда и смотрѣвшихъ издали якутовъ, когда мы съ казакомъ-переводчикомъ вошли въ юрту той дверью, которой ходятъ прокаженные, а не той, которая дѣлается на случай прихода родственниковъ или священника; обыкновенно въ юртѣ больныхъ дѣлаются двѣ двери, и небольшое пространство внутри юрты около двери для приходящихъ отдѣляется перегородкой, вышиной аршина 1½; изъ-за этой-то перегородки и разговариваютъ случайные посѣтители и исповѣдуютъ и причащаютъ священники, причемъ послѣ причастія сжигаютъ на кострѣ деревянныя ложицы, приготовляемыя для больныхъ. Когда я, выйдя, подошелъ къ кучкѣ якутовъ, то всѣ они шарахнулись въ сторону отъ меня: до того они боятся заразы; а заразиться, если проказа дѣйствительно заразительна, было очень легко благодаря тучѣ комаровъ—этого бича полярныхъ странъ, садящихся то на прокаженныхъ, то на насъ и своими лапками и жалами, конечно, могущихъ передать заразу. Двое изъ больныхъ, совсѣмъ уже полусгнившіе, представляютъ ужасный видъ: волосы на половину вылѣзли; бровей нѣтъ; лицо—синебагровый пузырь, на которомъ масса бугровъ и язвъ разной величины; на всемъ почти тѣлѣ такіе же бугры, изъ

коихъ очень многіе изъязвились и представляютъ собою гнойныя раны; нѣкоторые пальцы на рукахъ отпали; на слизистыхъ оболочкахъ рта и носа язвы; у дѣвушки крылья носа впали; голосъ у обоихъ сиплый, едва слышный, дыханіе со свистомъ. Оба они люди довольно молодые: Николаю Лаптеву—31 годъ, а Акулинѣ Третьяковой—23 года. Начальные признаки болѣзни появились у перваго шесть лѣтъ, у второй—пять лѣтъ тому назадъ; выдѣлили же ихъ: Лаптева—три года, а Третьякову—уже четыре года, причемъ у Лаптева призналъ фельдшеръ сначала сифилисъ; и онъ пролежалъ съ годъ въ нашей ужасной лечебницѣ; но такъ какъ улучшенія отъ этого лежанія не послѣдовало, то его рѣшили выдѣлить. Остальные больные—двѣ дѣвочки 11 ти лѣтъ; лица ихъ не такъ еще страшны, но одна изъ нихъ, Екатерина Третьякова, троюродная сестра Акулины Третьяковой, вотъ уже годъ какъ ходитъ на колѣняхъ, такъ какъ разгибаніе рукъ и ногъ у нея стало невозможнымъ, на колѣняхъ у нея большія, съ пятакъ, раны; но велика благость Творца, что при проказѣ теряется чувствительность и что почти всѣ больные не ощущаютъ боли въ своихъ язвахъ. Содержатъ въ этомъ мѣстѣ больныхъ общественники довольно хорошо, такъ что привезенные нами кирпичный чай, ржаная мука и сухари явились для несчастныхъ только лакомствомъ. Правда, мяса даютъ имъ мало, но наслегъ этотъ самый бѣдный скотомъ и носитъ прозвище даже «голодный Байдунски»; единственная пища у якутовъ этихъ — рыба, да у болѣе состоятельныхъ — молочные продукты въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Пятымъ жильцомъ этой юрты оказалась дѣвочка лѣтъ 5-ти, дочь умершей года три тому назадъ прокаженной. Родилась она тогда, когда мать ея была уже явно больной; мать привезла ее съ собой въ эту юрту, и она тамъ и осталась послѣ смерти матери. Такъ какъ она—незаконнорожденная, то заботы о ней приняла на себя упомянутая выше Акулина Третьякова и, какъ могла, выкормила ее; родные, конечно, и не подумали взять ее къ себѣ. Докторъ осмотрѣлъ ее и нашелъ, что въ настоящее время у ней не замѣтно никакихъ признаковъ болѣзни, въ виду чего, по возвращеніи на станцію, было приказано старшинѣ этого наслега предложить родственникамъ дѣвочки взять ее къ себѣ на воспитаніе. Какъ оказалось потомъ, никто не рѣшился взять ее, такъ какъ три года она пробыла уже среди больныхъ, да и родилась то отъ больной. Рѣшилъ я дѣвочку взять къ себѣ, и пока она живетъ у меня и ничего особеннаго не замѣтно».

Остатки язычества на сѣверѣ. «Перм. Губ. Вѣдом.» посвящаютъ очень интересную статью описанію жертвоприношеній, совершающихся въ предѣлахъ губерніи. Жертвоприношеніе бываетъ обыкновенно въ такъ называемый въ народѣ «скотскій праздникъ»—день свв. Флора и Лавра. Авторъ статьи наблюдалъ жертвоприношенія въ д. Кочѣ, юксѣевской волости, Чердынскаго уѣзда. Здѣсь во всей своей неприкосновенности сохранились и исполняются на зарѣ XX вѣка грубые языческіе обычаи. Главный интересъ праздника представляетъ такъ называемое «закланіе» жертвенныхъ бычковъ, совершаемое наканунѣ вечеромъ, т.-е. 17 августа,

«Всѣхъ обрядностей, предшествующихъ началу торжества «закланія», мы уже не застали, но самый актъ закланія былъ еще въ полномъ разгарѣ. Представьте себѣ только что вспаханное подъ паръ поле, площадью до 2 десятинъ, находящееся у самой деревни, въ 50—60 саж. отъ часовни, сплошь усѣянное народомъ, и лежащихъ на грязной отъ крови землѣ, корчащихся въ предсмертныхъ судорогахъ и издающихъ душу раздирающіе стоны и хрипѣніе головъ до 20 животныхъ. Вотъ мужичекъ ведетъ за веревку на «жертвенное поле» молодого бычка 2—3 лѣтъ. Тутъ на него набрасывается съ крикомъ и шумомъ толпа народа, челов. въ 20, и черезъ моментъ несчастное животное лежитъ уже распростертымъ на землѣ, придавленное толпою «жертвователей», а въ это

время подходитъ жрецъ конца XIX вѣка, съ невозможно тупымъ, крестьянскимъ, мѣстнаго издѣлія, ножемъ, и начинаетъ пилить животному голову.

«Я,—разсказываетъ г. В. Сабуровъ въ «Перм. Вѣд.»,—ничуть не преувеличу, если скажу, что процессъ пиленія горла продолжается не менѣе 1/4 ч. Не теряя времени, помощники «жреца» тотчасъ же приступаютъ къ потрошенію животнаго; такимъ образомъ, ко времени, когда у животнаго будетъ окончательно разрѣзано горло, съ него успѣютъ содрать уже всю шкуру и отрѣзать ноги. Я самъ былъ очевидцемъ, что животное корчилось въ судорогахъ въ то время, какъ у него уже были отрѣзаны ноги, снята почти вся шкура и когда «жрецы» приступили уже къ вскрытію брюшной полости. Надо слышать ужасный стонъ животнаго, его тяжелый храпъ, видѣть его борьбу, его корчи, чтобы понять, сколько оно выноситъ мученій ради того, чтобъ быть, по убѣжденію пермяковъ, угодной жертвой.

«Надо обладать желѣзными нервами, чтобы безъ содроганія смотрѣть на этотъ актъ человѣческаго звѣрства, называемый богоугоднымъ жервоприношеніемъ. Послѣ окончанія закланія мы отправились осматривать жертвенные котлы. На берегу протекающей у деревни рѣчки Онолвы, саженяхъ въ 30 отъ часовни, разведены два костра, съ подвѣшанными надъ ними котлами, емкостью до 5 ведеръ каждый. Около костровъ расположилась кучка людей. Это бѣдные, имѣющіе получить часть отъ жертвеннаго мяса. Среди нихъ есть не мало людей, желающихъ получить мяса ради его особо священнаго свойства, но не мало есть и зѣвакъ. Котлы переполнены мясомъ, и два «повара» важно помѣшиваютъ въ нихъ палочками священное кушанье. Можете себѣ представить, что это получится за кушанье, когда части почти отъ 60 животныхъ, и при томъ грязныя, моются въ одной и той же водѣ и когда, вмѣстѣ съ мясомъ, въ одномъ котлѣ варятся и головы, поступающія туда безъ предварительнаго удаленія шерсти! Надо замѣтить еще, что кушанье это варится безъ соли. Насмотрѣвшись вдоволь на эту картину, мы попутно свернули въ складочное помѣщеніе (бывшая часовня), куда поступаютъ части животныхъ, предназначенныя въ жертву. Оказывается, что тутъ потроха, головы, ноги, шкуры, переднія лопатки и проч. Пермякъ, повидимому, начинаетъ быть практичнымъ и лучшія части жертвеннаго животнаго увозитъ домой. Въ складѣ замѣчается большое оживленіе. Поступающее сюда мясо быстро раскупается, по баснословно дешевой цѣнѣ, почитателями жертвеннаго священнаго предмета и охотниками до дешеваго товара. Около 2 часовъ ночи ударили въ колоколъ на часовнѣ, извѣщая народъ, что жертвенное кушанье поспѣло. Я пошелъ посмотрѣть на дѣлежъ. На площади около часовни устроено возвышеніе, гдѣ стояла наполненная мясомъ кадка. Толпа народа, набросилась жадно на эту импровизированную миску и, несмотря на всѣ увѣщанія «поваровъ», расхватывало самолично руками горячее мясо. Многіе получили больше чѣмъ слѣдуетъ, но многимъ не досталось ничего. Въ толпѣ слышалась крѣпкая брань, неимущіе часто выхватывали куски мяса изъ рукъ у имущихъ, кой-гдѣ завязывались драки, ужасный шумъ и крикъ слышенъ былъ на всю деревню».

Юбилей журнала «Русская Мысль». 27 января въ Москвѣ отпраздновали двадцатилѣтіе «Русской Мысли» и двадцатилѣтнее же руководящее участіе въ этомъ журналѣ В. А. Гольцева. Основанный С. А. Юрьевымъ журналъ «Русская Мысль» во все время двадцатилѣтняго своего существованія, не измѣняя разъ принятому направленію, неуклонно служилъ русской литературѣ, наукѣ, народному просвѣщенію, развивая въ русскомъ человѣкѣ и въ русскомъ обществѣ правосознаніе, и по справедливости заслужилъ репутацію одного изъ лучшихъ нашихъ повременныхъ изданій. Въ праздникѣ «Русской Мысли» приняли участіе всѣ лучшіе представители печати, науки и литературы, а равно

и общественные дѣятели, и этотъ праздникъ русской интеллигенціи отличался, по единодушному свидѣтельству газетъ, рѣдкою задушевностью и простотою. Друзьямъ и почитателямъ В. А. Гольцева пришла добрая мысль почтить его, достойную полнаго уваженія, общественную дѣятельность хорошимъ дѣломъ: задумано устроить народную библіотеку-читальню его имени, и для этой цѣли, въ короткое время, ко дню праздника собрано было двѣ съ половиною тысячи рублей. Отъ всей души желаемъ «Русской Мысли» и В. А. Гольцеву, какъ одному изъ выдающихся ея представителей, еще много лѣтъ работать на пользу русской общественности и увидѣть въ русской жизни добрые и для всѣхъ осязательные результаты своихъ трудовъ на пользу родной страны.

Ф. Ѳ. Павленковъ (Некрологъ). Имя Флорентія Ѳедоровича Павленкова, скончавшагося 20 января въ Ниццѣ, хорошо извѣстно каждому грамотному человѣку, такъ какъ съ этимъ именемъ связана обширнѣйшая серія книгъ весьма разнообразнаго содержанія. Ф. Ѳ. родился въ 1839 году въ Тамбовской губерніи, образованіе получилъ въ Михайловской артиллерійской академіи, нѣсколько лѣтъ служилъ въ кіевскомъ и брянскомъ арсеналахъ, сдѣлалъ было попытку перейти на учительскую службу, но потерпѣлъ неудачу и послѣ этого посвятилъ себя книжному дѣлу. Въ этой области въ качествѣ переводчика, издателя и книгопродавца онъ проработалъ болѣе 30-ти лѣтъ и, несмотря на трудности, сопровождающія у насъ это дѣло, обогатилъ нашу книжную литературу многими весьма цѣнными произведеніями. Не перечисляя всѣхъ переведенныхъ или изданныхъ имъ книгъ, напомнимъ, что онъ первый издалъ въ 1867 году сочиненія Д. И. Писарева, причемъ за изданіе второй части знаменитаго критика былъ преданъ суду. Сосланный вскорѣ послѣ этого въ Вятку, онъ перевелъ тамъ нѣсколько книгъ по физикѣ и, между прочимъ, составилъ пользовавшуюся въ свое время широкой извѣстностью «Наглядную азбуку» и издалъ «Вятскую незабудку» (памятная книжка Вятской губерніи), за что вновь вызвалъ противъ себя судебное преслѣдованіе. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни въ Ялуторовскѣ, въ 1881 году Ф. Ѳ. возвратился въ Петербургъ, гдѣ и протекла его вся послѣдующая дѣятельность, всецѣло сосредоточенная на излюбленномъ книжномъ дѣлѣ. Памятниками этой дѣятельности остались болѣе 500 разныхъ книгъ, стоимостью свыше 2.000.000 рублей. Почти всѣ эти книги имѣли въ виду массоваго читателя, а потому обыкновенно издавались по общедоступнымъ цѣнамъ. Таковы, напримѣръ, серіи изданныхъ имъ книгъ подъ общимъ заголовкомъ: «Біографическая библіотека», «Популярно-научная библіотека», «Библіотека полезныхъ знаній», «Популярно-юридическая библіотека», «Сказочная библіотека», «Пушкинская библіотека», «Лермонтовская библіотека» и др. Имъ же изданы сочиненія Пушкина, Лермонтова, Бѣлинскаго, Писарева, Гл. Успенскаго, Шелгунова, А. М. Скабичевскаго и др. Изъ иностранной литературы извѣстны его переводныя изданія сочиненій Вундта, Брэма, Герцена, Ланге, Липперта, Летурно, Ломброзо, Милля, Нимейера, Тарда и цѣлый рядъ другихъ авторовъ. Эти труды по распространенію въ широкихъ кругахъ нашего общества лучшихъ произведеній русской и иностранной литературы даютъ Ф. Ѳ. Павленкову неоспоримое право зянять видное мѣсто въ ряду выдающихся нашихъ дѣятелей просвѣщенія въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Тяжелый недугъ, который свелъ, наконецъ, Ф. Ѳ. Павленкова въ могилу, продолжался уже много лѣтъ и заставлялъ его проводить за послѣднее время по нѣскольку мѣсяцевъ ежегодно за границей. Но, несмотря на увѣщанія докторовъ, неутомимый работникъ съ трудомъ уживался на чужбинѣ. Онъ желалъ жить и работать на родинѣ и для родины. Три года подъ рядъ, по возвращеніи изъ-за границы, Ф. Ѳ. хворалъ инфлуэнцой, и еще въ началѣ 1898 года болѣзнь, усиленная простудой, едва не свела Ф. Ѳ. въ могилу. Къ счастію,

все кончилось тогда благополучно. Осенью 1899 г. повторилась та же исторія. Чахотка, осложненная инфлуэнцой, снова уложила Павленкова въ постель. Въ половинѣ декабря больному стало немного лучше. По совѣту врачей, онъ рѣшилъ ѣхать за границу, надѣясь тамъ продлить рабочую жизнь и «докончить начатыя изданія». 2 января больной, въ сопровожденіи М. В. Ватсонъ, выѣхалъ изъ Петербурга въ Ниццу. Первые дни по пріѣздѣ ему было лучше, но затѣмъ температура снова поднялась, и 20 января Павленкова не стало.

Значительное состояніе свое онъ отказалъ тому же народу и литературѣ, для которыхъ столько поработалъ при жизни. Такъ, 100.000 р. оставлено на учрежденіе 2.000 школьныхъ библіотекъ; 30.000 р. литературному фонду и 5.000 р. союзу русскихъ писателей.

Отсрочка въ прекращеніи обмѣна кредитныхъ билетовъ. Въ прошлой книгѣ нашего журнала мы говорили о затрудненіяхъ, вызванныхъ прекращеніемъ пріема старыхъ бумажекъ. Нынѣ, 25-го января Высочайше утверждено положеніе комитета министровъ: окончательнымъ срокомъ для обмѣна государственныхъ кредитныхъ билетовъ 25-ти-рублеваго и 5-ти-рублеваго достоинства, образца 1888 года, а равно и 100-рублеваго достоинства, образца 13-го февраля 1868 года, назначается 31-е декабря 1901 года, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого срока кредитные билеты прежняго образца не были принимаемы въ казенные платежи и не были обязательны къ обращенію между частными лицами. Постановленіе это, независимо отъ обнародованія установленнымъ порядкомъ черезъ правительствующій сенатъ, печатается въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» и «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» ежемѣсячно до истеченія указаннаго срока. На обязанность начальниковъ губерній и областей возлагается наблюденіе за тѣмъ, чтобы обыватели городскихъ и сельскихъ поселеній были своевременно ознакомлены всѣми зависящими отъ упомянутыхъ начальствъ способами съ содержаніемъ изложеннаго постановленія. Министру финансовъ предоставляется, независимо отъ изложенныхъ распоряженій, принимать и другія мѣры, какія онъ признаетъ полезными, чтобы настоящее постановленіе сдѣлать, сколь возможно, болѣе гласнымъ.

П. Л. Лавровъ (некрологъ).

29-го января скончался въ Парижѣ на 76 году отъ роду Петръ Лавровичъ Лавровъ. Покойный родился въ 1823 г., окончилъ курсъ въ артиллерійскомъ училищѣ и нѣкоторое время состоялъ тамъ преподавателемъ математики. Въ литературѣ онъ дебютировалъ въ 1852 г., въ качествѣ сотрудника «Военно-энциклопедическаго словаря». Съ тѣхъ поръ и до конца 60-хъ годовъ дѣятельность Лаврова самымъ тѣснымъ образомъ связана съ періодической прессой, — или въ качествѣ редактора («Артиллерійскій журналъ» «Заграничный Вѣстникъ», «Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами»—вышла только буква А въ 5-ти томахъ и начало буквы Е) или въ качествѣ сотрудника («Отечественныя Записки», «Русское слово», «Женскій вѣстникъ», «Современное Обозрѣніе»). Нѣкоторые свои труды онъ тогда же издалъ и отдѣльно («Очерки вопросовъ практической философіи» 1860 г.; «Три бесѣды о современномъ значеніи философіи» 1862 г.; «Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ» 1866 г., сокращенное изданіе статей, печатавшихся въ «Морскомъ сборникѣ»). Съ конца 60-хъ гг. Лавровъ навсегда покинулъ Россію, не разорвавъ, однако, на первыхъ порахъ, связи съ русскими журналами: его статьи продолжали и въ 70-хъ гг. появляться въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Дѣлѣ» «Знаніи», «Словѣ» подъ псевдонимомъ Миртова. Въ этотъ періодъ появляются въ отдѣльномъ изданіи доставившія Лаврову наи-

большую популярность «Историческія письма» (1870 г.), а также I-й томъ труда, который становится съ этихъ поръ задачей жизни Лаврова: его «Опытъ исторіи мысли» (Спб. 1874 г.). Не далѣе какъ два года тому назадъ эта задача, въ сильно измѣненной формѣ, но съ тѣмъ же основнымъ содержаніемъ и съ прежними исходными точками, осуществлена авторомъ въ его книгѣ, изданной подъ псевдонимомъ С. С. Арнольди («Задачи пониманія исторіи. Проектъ введенія въ изученіе эволюціи человѣческой мысли». Москва, 1898 г. *).

Начавши свою литературную дѣятельность въ одну изъ самыхъ горячихъ эпохъ русской общественности. Лавровъ сумѣлъ внести въ нее личную ноту, настолько сильную, что, послѣ небольшого промежутка борьбы съ другими міровоззрѣніями, тоже весьма популярными въ свое время,—его точка зрѣнія обратила на себя вниманіе всего мыслящаго общества и на цѣлое десятилѣтіе сдѣлалась господствующей. Эта точка зрѣнія извѣстна подъ названіемъ «субъективнаго метода въ соціологіи». Развивавшаяся потомъ Н. К. Михайловскимъ и Н. И. Карѣевымъ, она, несомнѣнно, восходитъ къ автору «Историческихъ писемъ», какъ къ своему родоначальнику. Разница между иниціаторомъ и его продолжателями въ данномъ случаѣ какъ и во многихъ подобныхъ, та, что у Лаврова - эта теорія, такъ сказать, ближе къ своему источнику и поэтому цѣльнѣе. Когда Лавровъ составлялъ свою теорію, въ русскомъ обществѣ еще не совсѣмъ прошло обаяніе великихъ метафизическихъ системъ, всецѣло владѣвшихъ русскими умами 30-хъ и 40-хъ годовъ. Въ одной изъ своихъ раннихъ рецензій Лавровъ самъ призналъ, что система Гегеля «отжила исторически, но не побѣждена философски». Между тѣмъ, въ русскомъ обществѣ долговременное господство метафизики вызвало рѣзкую реакцію противъ философіи вообще. Противъ догматизма Гегеля выдвинутъ былъ догматизмъ матеріализма, имѣвшій на своей сторонѣ общественное мнѣніе. Можно себѣ представить, какъ трудно было положеніе мыслителя съ несомнѣннымъ философскимъ образованіемъ,—какимъ являлся Лавровъ,—если онъ приходилъ въ литературу не съ простымъ отрицаніемъ, а съ намѣреніемъ создать собственную философскую систему. Лаврову пришлось на первыхъ порахъ не болѣе, не менѣе какъ защищать... Юркевича, съ которымъ въ общественномъ смыслѣ у него не могло быть ничего общаго,—и въ то же время принять на себя громы Писарева, съ которымъ онъ настойчиво заявлялъ себя единомышленникомъ. Въ дѣйствительности, система Лаврова съ метафизикой еще меньше имѣла общаго, чѣмъ съ матеріализмомъ. Въ отличіе отъ того и другого онъ назвалъ свою точку зрѣнія «антропологической». Задняя мысль этого опредѣленія — есть тотъ самый *монизмъ*, во имя котораго (и вполнѣ основательно) возражали потомъ противъ субъективной школы въ соціологіи,— точнѣе, противъ ея метода. Очевидно, въ своемъ источникѣ «антропологическая точка зрѣнія» не носитъ въ себѣ того внутренняго противорѣчія, какъ выведенный изъ нея «субъективный методъ». Мы не хотимъ утверждать, что этого противорѣчія вовсе не было въ системѣ Лаврова; мы только думаемъ, что въ ней оно сильно смягчалось указаніемъ на то отношеніе, въ которомъ стоятъ другъ къ другу теоретическая и практическая сторона человѣческой психики по связи съ высшимъ единствомъ человѣческой личности. «Антропологическая точка зрѣнія въ философіи,—такъ резюмировалъ самъ Лавровъ свой взглядъ въ любопытной статьѣ своего «Энциклопедическаго Словаря»,—отличается отъ прочихъ философскихъ точекъ зрѣнія тѣмъ, что въ основаніе построенія системы ставитъ *цѣльную* человѣческую личность, или физико-психическую особь, какъ неоспоримую данную. Для того,

*) Подробную библіографію сочиненій Лаврова см. въ «Вопросахъ психологіи и философіи», 1890 г. «Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи» *Я. Н. Колубовскаго*; въ «Введеніи въ изученіе соціологіи» *Н. И. Карѣева*, Спб. 1897 г., стр. 414 и въ статьѣ «Энцикл. Словаря» Арсеньева, посвященной Лаврову.

чтобы подобное построеніе могло имѣть мѣсто, оно должно заключать: 1) доказательство, что всѣ факты, могущіе войти въ философію, не только не противорѣчатъ *бытію цѣльнаго человѣка*, но предполагаютъ его (логическое доказательство); 2) доказательство, что другіе философскіе принципы суть не иное что, какъ одностороннія формулы антропологическаго принципа, формулы, которыя приводятъ къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ въ построеніи, если мыслители не допускаютъ въ послѣднемъ непослѣдовательности, именно заимствованій изъ міросозерцаній другого рода (полемическое доказательство); 3) доказательство возможности построить съ антропологической точки зрѣнія стройную систему, охватывающую все сущее (философское доказательство); 4) доказательство, что историческое развитіе философскихъ системъ приводитъ наше время къ необходимости остановиться на антропологической точкѣ зрѣнія (историческое доказательство)». Такъ широко закладывалъ Лавровъ фундаментъ своей системы.

Надо, однако, замѣтить, что для него вся эта система имѣла служебную цѣль. Выбранный имъ съ такимъ вѣрнымъ философскимъ чутьемъ основной принципъ былъ по существу принципомъ *соціологическимъ*. Его «личность» была не изолированная, а соціальная. Психика этой личности была не индивидуальная, а коллективная. Онъ исходилъ изъ того принципа, который все болѣе и болѣе дѣлается въ наше время руководящимъ принципомъ соціологіи: онъ назвалъ его принципомъ «солидарности». И въ дальнѣйшемъ развитіи этого принципа онъ держался той точки зрѣнія, которая непосредственно вытекала изъ современнаго состоянія науки: онъ сдѣлалъ попытку построить эволюцію человѣческаго рода на внутренней эволюціи индивидуальной человѣческой психики. Если эта попытка и не удалась ему, то благодаря своей чрезвычайной трудности и благодаря тому, что Лавровъ оперировалъ съ слишкомъ смутными и недостаточно проанализированными психологическими категоріями, а не благодаря невѣрной постановкѣ задачи: напротивъ, задача и теперь стоитъ такъ, какъ поставилъ ее Лавровъ. Полную неудачу онъ потерпѣлъ въ своихъ настойчивыхъ усиліяхъ, повторенныхъ еще и въ послѣдней его книгѣ—создать то, что онъ называлъ «схемой исторіи мысли», т.-е. дѣленіе всемірной исторіи на періоды, соотвѣтствующіе дедуктивно установленнымъ фазисамъ въ развитіи мысли. Можно догадываться, что въ данномъ случаѣ дурную услугу оказали автору традиціи гегелевской философіи исторіи. Вообще, на «философію исторіи» слишкомъ часто сбивается соціологія Лаврова: обстоятельство, которое трудно, однако же, ставить ему въ упрекъ, если вспомнимъ, какъ живуче оказывается до сихъ поръ старое воззрѣніе, и какъ вѣрно опредѣлилъ Лавровъ многія задачи соціологіи въ собственномъ смыслѣ уже тогда, когда эта наука еще пребывала во младенчествѣ.

Уже по той настойчивости, съ которой мысль Лаврова постоянно обращалась къ разъ поставленной теоретической цѣли, по той систематичности, съ которой онъ съ самаго начала расчленилъ свою работу на части, по тому значенію, которое онъ придавалъ своимъ схемамъ и по тому упорству, съ какимъ придерживался разъ придуманныхъ схемъ, можно заключить, что это былъ умъ, по преимуществу, теоретическій. Судьба толкнула его въ самый водоворотъ жизни: не наше дѣло разбирать здѣсь, какъ онъ оріентировался въ этомъ водоворотѣ, какъ онъ поставилъ себя среди разныхъ теченій, одинаково бурныхъ. Но какъ бы ни судить о Лавровѣ въ этомъ отношеніи, котораго мы здѣсь не касаемся, остается безспорнымъ одно,—что въ лицѣ Лаврова отъ насъ отошелъ человѣкъ, давшій теоретическое выраженіе цѣлой полосѣ русской общественной мысли, человѣкъ крупный даже среди крупныхъ фигуръ своихъ сверстниковъ.

П. Милюковъ.

Къ исторіи устройства общеобразовательныхъ курсовъ и лекцій въ Россіи.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, въ Англіи началось сильное движеніе, имѣвшее цѣлью распространеніе университетскихъ знаній среди народа. Это движеніе положило начало народнымъ университетамъ, появившимся сперва на родинѣ этого движенія, въ Англіи, а затѣмъ быстро распространившимся и на континентѣ Европы.

Идея популяризаціи наукъ среди народной массы начинаетъ пользоваться гражданственностью и у насъ, въ Россіи.

Такъ въ послѣдніе три—четыре года у насъ возникаютъ то тутъ, то тамъ, какъ цѣлые общеобразовательные курсы, такъ и отдѣльныя лекціи по различнымъ предметамъ.

Ближе всего къ народнымъ университетамъ Запада, какъ по своимъ задачамъ, такъ и по характеру программъ и преподаванія подходили общеобразовательные курсы, организованные Петербургскимъ педагогическимъ Обществомъ взаимопомощи.

Въ январѣ 1898 года въ Петербургѣ открылось чтеніе лекцій на этихъ курсахъ. Курсы сразу были открыты въ трехъ отдѣленіяхъ, въ различныхъ частяхъ города.

Общее руководство курсами сосредоточено было въ правленіи педагогическаго Общества, причемъ при правленіи были организованы двѣ коммиссіи: во-первыхъ, учебный совѣтъ курсовъ, во-вторыхъ административная коммиссія курсовъ.

Курсы были систематическіе, съ одной руководящей цѣлью—дать слушателямъ тотъ необходимый запасъ свѣдѣній, съ которымъ каждый могъ бы ужъ самостоятельно продолжать самообразованіе. На этихъ курсахъ преподавались слѣдующіе предметы: литература, исторія русская и всеобщая, географія, математика, физика и естествознаніе.

Преподаваніе на петербургскихъ курсахъ носило классный и аудиторіальный характеръ. Кромѣ того, имѣлось въ виду устроить классы и послѣ лекцій, бесѣду лекторовъ и ихъ помощниковъ со слушателями по поводу прочитаннаго на лекціи.

Курсы эти сразу завоевали себѣ огромный успѣхъ: къ концу перваго же мѣсяца послѣ открытія чтенія лекцій слушателей было около 1.500 человѣкъ, въ мартѣ же мѣсяцѣ слушателей было ужъ 2.284 человѣка.

Педагогическое Общество хотѣло расширить начатое предпріятіе, а именно: открыть въ ближайшемъ будущемъ чтеніе лекцій и въ провинціи. Но эти курсы просуществовали только одно полугодіе—осенью 1898 года они не были открыты; не открыты эти курсы и до сихъ поръ.

Такъ остановилась въ самомъ началѣ одна изъ самыхъ симпатичныхъ попытокъ устройства правильно организованныхъ общедоступныхъ и общеобразовательныхъ курсовъ въ Россіи.

Еще раньше этой попытки устройства курсовъ въ столицѣ подобныя начинанія были въ провинціи; какъ увидитъ читатель, въ области устройства правильно организованныхъ курсовъ провинція даже сдѣлала гораздо больше, чѣмъ столицы.

Такъ еще въ 1896 году Новороссійское Общество естествоиспытателей открыло систематическіе курсы по естествознанію. Въ 1897 году осенью курсы эти за недостаткомъ слушателей,—что̀, конечно, объясняется отчасти спеціальностью предмета,—открыты не были; съ января 1898 года Общество естествоиспытателей въ Одессѣ вновь открыло курсы по естествознанію. Плата опредѣлена была за полный курсъ по одному предмету довольно высокая—6 руб.,

причемъ широко практиковалось освобожденіе отъ платы за слушаніе курсовъ; такъ, изъ 616 слушателей около 300 человѣкъ слушали лекціи безплатно.

Кромѣ этихъ курсовъ, въ Одессѣ съ осени 1897 года открылись безъ участія университета систематическіе публичные курсы въ городской народной аудиторіи. На этихъ курсахъ лекціи читались по слѣдующимъ предметамъ: политическая экономія, исторія, литература, географія, анатомія съ физіологіей и гигіеной, физика, химія и геологія.

Изъ числа лекторовъ и распорядителей былъ образованъ особый лекціонный комитетъ, на который и было возложено руководство этими курсами. Плата за слушаніе лекцій была назначена замѣчательно малая: за всѣ предметы 3 р. 50 коп., за отдѣльную лекцію 5 коп. Конечно, такую малую плату за слушаніе лекцій можно было установить только потому, что курсы эти были субсидированы одесской городской думой.

Курсы эти имѣли громадный успѣхъ. Всѣхъ записавшихся въ слушатели за первое только полугодіе 1897—1898 учебнаго года было 4.750 чел.; причемъ больше всего слушателей было на лекціяхъ по литературѣ и меньше всего на лекціяхъ по геологіи.

Въ прошломъ академическомъ году чтеніе лекцій на этихъ курсахъ продолжалось съ тѣмъ же успѣхомъ.

Въ Харьковѣ, какъ въ 1897—1898 г., такъ и въ 1898—1899 академическихъ годахъ, происходило чтеніе публичныхъ систематическихъ курсовъ лекцій при университетѣ. Въ каждомъ учебномъ году слушателей на этихъ курсахъ было 160—170 чел., причемъ въ 1898 году за неимѣніемъ мѣста пришлось отказать 185 чел., желавшимъ посѣщать подобные курсы. Какъ видимъ, число недопущенныхъ превышаетъ 100% наличнаго состава слушателей

Въ Кіевѣ въ прошломъ учебномъ году читались публичныя лекціи при мѣстныхъ Обществахъ лѣтописца Нестора и естествоиспытателей. Курсы эти читались по политической экономіи, статистикѣ, исторіи, исторіи литературы, психологіи, физикѣ, зоологіи, минералогіи и другимъ предметамъ. Лекціи пользовались большимъ успѣхомъ; число слушателей доходило до 300 человѣкъ.

Читались въ прошломъ академическомъ году лекціи по различнымъ предметамъ и въ другихъ городахъ: въ Варшавѣ, Юрьевѣ, Казани и даже въ не университетскихъ городахъ, Рязани, Калугѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ чтеніе лекцій происходило во всесословномъ клубѣ. Въ 1898—1899 академическомъ году здѣсь предполагалось прочесть всего около 100 лекцій по различнымъ предметамъ. Послѣ лекцій устраивались бесѣды лекторовъ со слушателями. Плата за слушаніе лекцій во всесословномъ клубѣ была назначена довольно низкая.

Въ Москвѣ правильно организованныхъ систематичныхъ курсовъ устроено до сихъ поръ не было. Здѣсь читаются только отдѣльные курсы по нѣкоторымъ предметамъ. Такъ, въ 1897—1898 учебномъ году въ Москвѣ были прочтены курсы по астрономіи, химіи и физикѣ. Въ прошломъ академическомъ году устроены были курсы по исторіи, исторіи литературы, психологіи, геологіи и еще нѣсколько курсовъ по естествознанію. Все это было устроено безъ всякой системы, безъ всякой связи между отдѣльными курсами; о какомъ-либо руководящемъ началѣ при устройствѣ курсовъ, о научномъ контролѣ надъ слушателями, о непосредственномъ общеніи лекторовъ со своими слушателями пока, къ сожалѣнію, въ Москвѣ не слышно.

Кромѣ этихъ курсовъ, въ Москвѣ за послѣдніе два года прочтено было много отдѣльныхъ лекцій, большею частью по естествознанію.

Нѣкоторые изъ московскихъ лекторовъ ѣздили по провинціальнымъ городамъ и тамъ читали лекціи. Всюду, какъ въ Москвѣ, такъ и въ провинціи эти лекціи имѣли большой успѣхъ; большею частью лекторы читали при пол-

ной аудиторіи. Учрежденіемъ, организовавшимъ значительную часть провинціальныхъ лекцій, явилась московская комиссія по организаціи домашняго чтенія; она входила въ сношенія съ мѣстными организаціями, предлагая имъ своихъ лекторовъ на извѣстныхъ, выработанныхъ комиссіей условіяхъ. Почти всѣ, какъ цѣлые курсы, такъ и отдѣльныя лекціи, читанные собственно въ Москвѣ, были устроены съ благотворительною цѣлью. Сборъ съ нихъ шелъ обыкновенно въ пользу или Общества попеченія объ улучшеніи быта учащихъ въ начальныхъ училищахъ Москвы, или Общества для пособія нуждающимся студентамъ Московскаго университета.

Это смѣшеніе, если такъ можно выразиться, благотворительности съ устройствомъ курсовъ и лекцій слишкомъ сильно тормозитъ успѣхъ симпатичнаго дѣла популяризаціи наукъ среди народной массы. Билеты на московскіе курсы и лекціи слишкомъ дороги; большая половина слушателей московскихъ лекцій люди вполнѣ обезпеченные. Бѣднымъ обитателямъ Москвы плата за слушаніе этихъ лекцій не по карману. Обыкновенно самыя дешевыя мѣста на отдѣльныя лекціи въ Москвѣ стоятъ 30—50 коп., на курсы, состоящіе изъ 12 лекцій, 1 р. 50 коп.—1 р. 80 коп. Къ этому надо прибавить плату за храненіе платья по 10 коп. за каждое разовое посѣщеніе и по 5 коп. за каждое посѣщеніе курсовой лекціи. Притомъ такихъ дешевыхъ мѣстъ въ аудиторіи Историческаго музея, гдѣ большею частью въ Москвѣ происходятъ лекціи, всего нѣсколько десятковъ нумерованныхъ и немного больше этого ненумерованныхъ. Почти всегда дешевыя мѣста раскупаются нарасхватъ, что показываетъ, что желающихъ слушать лекціи, но могущихъ заплатить только за дешевое мѣсто, всегда гораздо больше, чѣмъ таковыхъ мѣстъ имѣется въ аудиторіи. Отказъ въ билетахъ за неимѣніемъ мѣстъ—случай самый обыкновенный и довольно часто повторяющійся въ Москвѣ.

Объ освобожденіи отъ платы за слушаніе курсовъ и лекцій или о взиманіи хотя половинной платы за слушаніе, какъ это происходитъ, напр., въ Одессѣ, въ Москвѣ нѣтъ и рѣчи. Плата же за слушаніе курсовъ въ Москвѣ во много разъ больше, чѣмъ плата за слушаніе курсовъ въ Одессѣ.

Высокая плата за лекціи тормозитъ и безъ того плохо поставленное дѣло распространенія научнаго образованія среди народа въ Москвѣ.

Свѣтлымъ явленіемъ на тускломъ фонѣ дѣятельности въ пользу просвѣщенія народныхъ массъ въ Москвѣ являются пречистенскіе классы для рабочихъ, состоящіе при Моск. отд. Импер. русскаго техническаго Общества. Программа этихъ курсовъ довольно полная и разнообразная; здѣсь преподаются какъ общеобразовательные, такъ и спеціально техническіе предметы. Лекторами здѣсь являются нѣкоторые профессора московскаго университета; слушаніе курсовъ безплатное.

Итакъ, за послѣдніе два-три года у насъ сдѣлано для популяризаціи наукъ среди народа еще очень немного. До сихъ поръ правильно организованные систематическіе курсы были устроены только въ Одессѣ, да одно полугодіе въ Петербургѣ; все же остальное, сдѣланное въ этой области въ другихъ городахъ, далеко не удовлетворяетъ запросовъ, предъявляемыхъ массой желающихъ пополнить пробѣлы своего образованія.

Особенно неудачнымъ въ этомъ отношеніи оказался нынѣшній академическій годъ. Въ Москвѣ до сихъ поръ въ этомъ учебномъ году не читано ни одного курса по какому-либо предмету; были только отдѣльныя лекціи, большею частью по естествознанію. Въ Петербургѣ, съ прекращеніемъ общеобразовательныхъ курсовъ педагогическаго Общества, никакихъ общеобразовательныхъ курсовъ не читается, изрѣдка здѣсь читаются только отдѣльныя лекціи по различнымъ предметамъ.

Въ Екатеринославѣ нынѣшней осенью коммиссія народныхъ чтеній устроила рядъ публичныхъ лекцій, гдѣ лекторами явились извѣстные русскіе ученые.

Для слушанія систематическихъ лекцій въ Одесской городской народной аудиторіи въ октябрѣ 1899 года уже записалось 1.705 человѣкъ. Въ Одессѣ же историко-филологическое Общество задумало этою осенью устроить рядъ публичныхъ лекцій по исторіи и литературѣ.

По примѣру прошлаго года въ Кіевѣ этою осенью историческое Общество лѣтописца Нестора предполагало открыть нѣсколько курсовъ по исторіи и другимъ предметамъ. Но попечитель учебнаго округа затруднился дать просимое разрѣшеніе на открытіе курсовъ, передавъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе Министерства. Хотѣлъ читать лекціи по психологіи и проф. Челпановъ; но какъ открытіе курсовъ при Обществѣ лѣтописца Нестора, такъ и чтеніе лекцій Челпановымъ въ первомъ полугодіи нынѣшняго учебнаго года не состоялось. Съ января 1900 года въ Кіевѣ будутъ читаться 8 курсовъ по исторіи при мѣстномъ историческомъ Обществѣ. Лекторами будутъ, большею частью, профессора университета св. Владиміра. Плата за слушаніе назначена довольно высокая. Съ января же начнетъ читать лекціи по психологіи и г. Челпановъ.

Какая же причина такого медленнаго успѣха движенія въ пользу популяризаціи знаній среди народа, при помощи правильно организованныхъ курсовъ и лекцій въ Россіи?

Отчасти причиною тому служатъ, знакомыя всякому русскому обывателю «независящія обстоятельства», отчасти же—отсутствіе предпріимчивости и инициативы у русскаго человѣка; да вѣдь откуда и явиться имъ при наличности данныхъ условій?

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что *потребность* въ устройствѣ общеобразовательныхъ курсовъ и лекцій по большимъ городамъ Россіи существуетъ въ очень значительной степени, и что, каковы бы ни были затрудненія, съ которыми приходится бороться людямъ, стремящимся къ удовлетворенію этой потребности,—жизнь, въ концѣ концовъ, возьметъ свое. Н. К.

Изъ русскихъ журналовъ.

«Русское Богатство», январь. «Народный университетъ въ Вѣнѣ» (статья *г. Орловскаго*) открылъ свои чтенія въ 1895 г. по иниціативѣ профессоровъ университета. Согласно уставу, предполагается открыть народные курсы не только въ Вѣнѣ и ея пригородахъ, но и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Австріи. По другому параграфу устава исключаются изъ занятій народнаго университета всѣ политическіе, соціальные и религіозные вопросы современности. Внѣшняя организація народныхъ чтеній состоитъ въ томъ, что каждый вечеръ съ октября по май въ одномъ или нѣсколькихъ кварталахъ въ даровомъ помѣщеніи какого-нибудь учебнаго или ученаго учрежденія читаются систематическіе курсы, состоящіе изъ шести лекцій. Лекція продолжается часъ, а затѣмъ въ теченіе получаса лекторъ вопросами старается вызвать слушателей на бесѣду о прочитанномъ. Вначалѣ аудиторія туго поддавалась на такое общеніе съ лекторомъ, но затѣмъ мало-по-малу смущеніе преодолѣвалось, особенно благодаря слѣдующему пріему: слушатели записывали свои вопросы на билетикахъ и подавали профессору (между прочимъ, проф. Гернесу были поданы однажды слѣдующіе вопросы: «Отчего у человѣка развилась рѣчь?» «Какая переходная форма между обезьяной и человѣкомъ?»). Преподавателямъ ставится два обязательныхъ условія: 1) излагать просто и ясно, избѣгая отвлеченныхъ терминовъ и иностранныхъ словъ: 2) ни въ какомъ случаѣ не читать по книгѣ или рукописи,

а говорить свободно, держась плана, даннаго въ программахъ. Эти программы являются большимъ подспорьемъ для усвоенія лекціи, онѣ представляютъ подробные конспекты и снабжены спискомъ подходящихъ книгъ. За слушаніе взимается небольшая плата (37 коп. за курсъ, съ рабочихъ—половина), съ цѣлью устранить изъ аудиторіи лицъ, приходящихъ лишь изъ любопытства. Число слушателей за годъ доходитъ до 7 тысячъ слишкомъ. Преобладающій контингентъ составляютъ рабочіе (1/2). Женщины составляютъ около 30% всѣхъ посѣтителей. Что касается вкусовъ народной аудиторіи, несомнѣнное пристрастіе обнаруживается къ естественнымъ наукамъ. Самыми любимыми предметами оказываются астрономія и анатомія, затѣмъ физика, электротехника и химія; слѣдующее мѣсто занимаютъ философія, исторія искусствъ и литературы. Сравнительно мало посѣщаются лекціи исторіи и географіи. Для характеристики народной аудиторіи, приведемъ отзывъ одного лектора-юриста: «Опытъ убѣдилъ меня, что въ народномъ университетѣ лекторъ имѣетъ дѣло съ избранной публикой, которая доставляетъ преподавателю истинное удовлетвореніе. Эта аудиторія въ своемъ стремленіи къ знанію можетъ быть сравниваема только съ самою лучшею студенческой аудиторіей».

Н. К. Михайловскій посвящаетъ нѣсколько страницъ «памяти Григоровича». Почему Григоровичъ, спрашиваетъ критикъ, написавъ Антона-Горемыку въ 1847 году, замолчалъ и не писалъ ничего и въ бурные 60 и 70-е годы, когда «мысль объ освобожденіи Антоновъ, а потомъ и фактъ освобожденія, и все огромное, что связывалось съ этимъ фактомъ, вызвали небывалое оживленіе въ русскомъ обществѣ? И почему, вернувшись къ литературѣ подъ конецъ своей жизни, Григоровичъ уже не оглядывался на «мужика-человѣка», котораго онъ такъ горячо воспѣлъ когда-то и который когда-то такъ прославилъ его?» Г. Михайловскій находитъ объясненіе въ томъ, что Антонъ-Горемыка былъ счастливой случайностью какъ для русской литературы, такъ и для самого автора. Григоровичъ самъ разсказываетъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ», какъ въ молодости онъ жилъ безпечно, ни надъ чѣмъ не задумывался серьезно, нисколько не интересовался общественными вопросами, и какъ въ это время онъ вдругъ очнулся подъ вліяніемъ кружка Бекетовыхъ, рѣшилъ поработать надъ собой, и «прежде всего разстаться съ праздностью и оставить Петербургъ». Уѣхавъ въ деревню, онъ напряженно искалъ сюжета для литературнаго произведенія, но «сюжетъ не вырисовывался; и если приходилъ, то напоминалъ или Хуторокъ Кольцова или страданія маленькаго Оливера Твиста». Наконецъ, «случай выручилъ меня. Къ матушкѣ привезли больную молодую бабу. За обѣдомъ матушка разсказала ея исторію»... Эта исторія и составила содержаніе «Деревни», а на слѣдующій годъ, опять въ деревнѣ, былъ написанъ Антонъ-Горемыка. Успѣхъ Антона-Горемыки объясняется тѣмъ, что это былъ рѣзкій и грубый, но мѣткій ударъ по больному мѣсту. Особенность таланта Григоровича—рѣзкость и грубость, наклонность къ шаржу, недостатокъ чувства мѣры—въ этомъ сослужили ему хорошую службу. Кстати пришлась и другая особенность творчества Григоровича: сосредоточеніе вниманія исключительно на внѣшнихъ чертахъ, неумѣніе проникать во внутренній міръ своихъ героевъ. «Типиченъ не самъ Антонъ-Горемыка, типична его судьба, безмѣрность несчастій, обрушивающихся одно за другимъ на этого психически слишкомъ элементарнаго человѣка, чтобы онъ могъ быть типомъ. Бѣлинскій былъ совершенно правъ, говоря, что Антонъ—«лицо трагическое въ полномъ значеніи этого слова, но эта трагичность вся относится къ внѣшнимъ событіямъ жизни Антона». Въ 60-хъ годахъ Григоровичъ ушелъ изъ литературы «съ такъ и приставшимъ къ нему высокимъ титуломъ автора «Антона-Горемыки». Конечно, это былъ высокій титулъ, какъ бы случайно ни было происхожденіе знаменитой повѣсти»...

Г-нъ А. В. Зотовъ разсказываетъ исторію «камеры соглашенія и третейскаго суда», устроенной въ округѣ желѣзодѣлательной промышленности на сѣверѣ Англіи для улаженія споровъ между рабочими и фабрикантами. Прототипомъ ея послужили первыя попытки подобныхъ трибуналовъ, возникшія въ 60-хъ годахъ по инищіативѣ чулочнаго фабриканта Мунделлы и судьи Кетле, увѣнчавшіяся блистательнымъ успѣхомъ. Основной принципъ организаціи состоитъ въ томъ, что составляется совѣтъ изъ одинаковаго числа выборныхъ представителей какъ со стороны рабочихъ, такъ и со стороны фабрикантовъ. Этому совѣту предоставляется разсмотрѣніе всѣхъ споровъ, и рѣшенія его признаются обязательными для обѣихъ сторонъ. Рѣшеніе всѣхъ дѣлъ принято единогласное; въ случаѣ невозможности придти къ соглашенію рѣшающій голосъ принадлежитъ третейскому судьѣ. Дѣлопроизводство камеры характеризуется полнымъ отсутствіемъ всякихъ формальныхъ стѣсненій. «Члены камеры сидятъ за однимъ общимъ столомъ, фабриканты часто въ перемежку съ рабочими»; они совершенно свободно обмѣниваются взглядами, спорятъ, доказываютъ. Поводомъ къ учрежденію первой такой камеры были крайне враждебныя отношенія между хозяевами и рабочими въ чулочномъ производствѣ, постоянные взрывы недовольства, выражавшіеся въ стачкахъ, на которыхъ фабриканты съ своей стороны, отвѣчали поголовнымъ распущеніемъ всѣхъ рабочихъ (lock out). Тотчасъ послѣ учрежденія камеры волненія и стачки прекратились и не возобновлялись за все время ея функціонированія. Камера на сѣверѣ Англіи, которою, главнымъ образомъ, и занимается статья, основана въ 1869 г. заводчикомъ Дэлемъ. Въ составъ ея членовъ входитъ по одному делегату отъ владѣльцевъ и по одному отъ рабочихъ каждаго изъ принадлежащихъ къ камерѣ заводовъ; поэтому число членовъ ея непостоянно, колеблется между 18 и 70. Право выбирать уполномоченнаго принадлежитъ только «подписчикамъ» камеры, т.-е. рабочимъ, вносившимъ извѣстную, небольшую, плату на ея содержаніе. Избираемыми же могутъ быть всѣ рабочіе, но, само собой разумѣется, выборъ падаетъ обыкновенно на самыхъ энергичныхъ и вліятельныхъ, вожаковъ рабочей массы и членовъ рабочаго союза. Эта связь между камерой и рабочимъ союзомъ имѣетъ огромное значеніе, такъ какъ содѣйствіе рабочихъ союзовъ гарантируетъ исполненіе рѣшеній камеры: въ случаѣ отказа со стороны фабриканта, союзъ организуетъ стачку рабочихъ; въ случаѣ сопротивленія рабочихъ союзъ отказываетъ имъ въ поддержкѣ и этимъ принуждаетъ къ уступкамъ. Избранники рабочихъ и представители владѣльцевъ получаютъ неограниченныя полномочія разбирать претензіи и по своему усмотрѣнію рѣшать споры. За каждое засѣданіе тѣмъ и другимъ, въ видахъ проведенія принципа полнаго равенства, полагается одинаковая плата—по 10 шиллинговъ. Камера въ полномъ составѣ занимается только самыми важными вопросами—объ измѣненіяхъ общаго уровня заработной платы, и собирается лишь два раза въ годъ. Для рѣшенія всѣхъ прочихъ дѣлъ камера выдѣляетъ изъ себя «постоянный комитетъ» изъ 10 членовъ, который собирается чаще—около 9 разъ въ годъ. Въ случаѣ разногласія между членами комитета рѣшеніе принадлежитъ третейскому судьѣ (referee).

«Вѣстникъ Европы», февраль. Въ статьѣ «Изъ психологіи дѣтей» И. И. Янжулъ дѣлаетъ попытку опредѣлить «дѣтскія воззрѣнія на право, законъ и наказаніе». Основаніемъ для этого очерка послужили статьи двухъ американокъ—Дарра и Шалленбергеръ, которыя, въ свою очередь, воспользовались обширнымъ матеріаломъ, добытымъ (проф. Барнесомъ) обычнымъ американскимъ способомъ—путемъ опроса. Взяты три казуса юридическаго характера, доступные пониманію дѣтей; при этомъ поставленъ вопросъ, какому наказанію слѣдуетъ подвергнуть виновныхъ. Въ результатѣ опроса было получено отъ 100 до 3.000 письменныхъ отвѣтовъ на каждый вопросъ отъ дѣтей обоего пола

въ возрастѣ между 6 и 16 годами. Можно было бы думать, что маленькія дѣти въ большинствѣ присоединятся къ наказанію, предложенному самими спрашивавшими, но оказалось наоборотъ. Огромное большинство дѣтей младшаго возраста всецѣло *игнорируетъ законъ* и назначаетъ произвольное, строгое и даже жестокое наказаніе (напр., въ первомъ случаѣ)—«повѣсить, убить, застрѣлить» и т. д. Лишь постепенно, соразмѣрно съ возрастомъ, вырабатываются правовыя представленія и растетъ процентъ дѣтей, высказывающихся за примѣненіе законнаго наказанія (29% въ возрастѣ 12 лѣтъ и 74% къ 16 годамъ); поворотный пунктъ въ этомъ отношеніи для мальчиковъ начинается съ 12-ти лѣтъ, а для дѣвочекъ раньше—съ 9. Этотъ процессъ постепенно проясняющагося сознанія права можно прослѣдить по цифрамъ: отъ самаго элементарнаго взгляда на наказаніе, какъ на месть со стороны потерпѣвшаго, какъ на воздаяніе за проступокъ, мы видимъ переходъ къ стремленію внушить страхъ, исправить, затѣмъ въ сужденіе о проступкѣ мало-по-малу входятъ альтруистическія соображенія, чувство состраданія, разборъ мотивовъ. И. И. Янжулъ заканчиваетъ свой очеркъ практическимъ замѣчаніемъ: если въ такомъ высоко-культурномъ народѣ, какъ американцы, такъ медленно развивается сознаніе законности, то тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно утверждать то же про русскій народъ; между тѣмъ нашъ законъ ставитъ терминомъ невмѣняемости десятилѣтній возрастъ, тогда какъ, согласно приведенному статистическому изслѣдованію, вопросъ объ отвѣтственности едва ли серьезно можетъ ставиться раньше двѣнадцати лѣтъ. Въ виду этого авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы возрастъ полной невмѣняемости былъ расширенъ въ нашемъ законодательствѣ еще на два года, въ особенности для мальчиковъ, которые въ чувствѣ воспринятія закона или въ его разумѣніи развиваются туже и позднѣе дѣвочекъ.

Г-нъ Е. Марковъ въ статьѣ «Живая душа въ школѣ» вспоминаетъ свѣтлый моментъ изъ своего педагогическаго прошлаго—годы возрожденія тульской гимназіи въ періодъ реформъ. Этотъ педагогическій опытъ лишній разъ подтверждаетъ, какъ все охватывающая регламентація убиваетъ «живую душу» во всякомъ дѣлѣ и какъ, наоборотъ, одушевляющее дѣйствіе свободнаго, самостоятельнаго труда извлекаетъ изъ человѣка все лучшее, на что онъ способенъ. Московскій попечитель Исаковъ рѣшилъ поднять тульскую гимназію, обратившуюся чуть не въ «бурсу». Ради этого онъ избралъ директоромъ одного изъ самыхъ выдающихся московскихъ учителей, Гаярина, и надѣлилъ его самыми широкими полномочіями. Гаяринъ подобралъ кучку свѣжихъ молодыхъ людей (въ числѣ ихъ былъ и авторъ статьи), со страстью отдавшихся дѣлу воспитанія. Планы преподаванія и всѣ учебные вопросы сообща обсуждались въ педагогическомъ совѣтѣ, и, благодаря полной свободѣ дѣйствій, тульская гимназія скоро значительно отступила отъ оффиціальной программы. Латынь была сильно урѣзана и даже исключена изъ младшихъ классовъ; зато было расширено преподаваніе русскаго языка, исторіи, географіи, естественныхъ наукъ и новыхъ языковъ. Между директоромъ, учителями и учениками установились самыя простыя, близкія отношенія, основанныя на взаимномъ довѣріи; экскурсіи, игры на свѣжемъ воздухѣ, хоровыя пѣсни вмѣстѣ съ учителями—все это придавало гимназической жизни семейный характеръ. Оригинальные педагогическіе порядки тульской гимназіи обратили на себя вниманіе печати и общества, и много лицъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ пріѣзжало нарочно въ Тулу познакомиться съ устройствомъ ея гимназіи. Но такой порядокъ не долго продержался. Появились недоброжелатели, посыпались доносы, пріѣхалъ бывшій московскій попечитель графъ Строгановъ, съ неудовольствіемъ убѣдился, что въ тульской гимназіи все устроено по своему, въ явное нарушеніе разныхъ правилъ и министерскихъ циркуляровъ...

«Это все надо перемѣнить, все перемѣнить!» твердилъ графъ. «Все это и перемѣнилось очень скоро», съ грустью прибавляетъ авторъ.

Г. К—въ въ обстоятельной статьѣ «о судьбахъ періодической печати въ Болгаріи» даетъ яркую картину того, какъ въ какіе-нибудь полстолѣтія періодическая пресса въ Болгаріи совершила полный циклъ развитія, начиная отъ робкихъ религіозно-нравственныхъ, дидактическихъ изданій, подъ бдительнымъ турецкимъ окомъ, и кончая дерзко-зажигательнымъ политическимъ листкомъ послѣдняго времени. Главнымъ толчкомъ для такого быстраго развитія послужила освободительная борьба, всѣ перипетіи которой отражаются въ настроеніи прессы. Слѣдуя ходу борьбы, періодическія изданія мало-по-малу теряютъ безстрастіе, втягиваются въ жизненные интересы и на первыхъ порахъ подхватываютъ вопросъ о церковной и школьной зависимости отъ греческаго духовенства; чѣмъ далѣе, тѣмъ эта борьба за церковную самостоятельность ведется смѣлѣе и рѣшительнѣе. Когда эта первая цѣль была достигнута, выдвинута была другая—освобожденіе отъ турецкаго ига. Починъ былъ данъ болгарской эмиграціей, за границей стали издаваться революціонныя газеты извѣстными политическими бойцами—Любеномъ Каравеловымъ, Христо Ботевымъ. Вмѣстѣ съ перемѣной темы и тонъ газетъ мѣняется: горячій революціонный языкъ, смѣлыя обличенія, призывъ къ возстанію—все это далеко ушло отъ дипломатическаго менажированія турецкаго правительства въ газетахъ предъидущаго періода. Съ освобожденіемъ Болгаріи происходитъ новый крутой и рѣзкій переворотъ въ періодической печати. Прежде журнальные дѣятели работали дружно во имя одной великой цѣли и на свою дѣятельность смотрѣли не какъ на литературную или политическую карьеру, а какъ на патріотическое служеніе родинѣ. Теперь изданіе газеты становится дѣломъ партіи, средствомъ привлечь партизановъ и составить политическую карьеру редактора. Вслѣдствіе этого въ газеты вносится страстная полемика, нападки на личности; является безразборчивость въ средствахъ борьбы, частое употребленіе лжи и клеветы. Еще большей деморализаціи достигла пресса за время стамбуловскаго диктаторства: полное пренебреженіе къ законности, попраніе элементарныхъ моральныхъ принциповъ въ конецъ разнуздало темные и хищническіе инстинкты прессы: всякая граница между дозволеннымъ и недозволеннымъ, приличнымъ и неприличнымъ была забыта. Для образца газетнаго тона авторъ приводитъ слѣдующую выписку изъ «Свободы», органа Стамбулова (1894), направленную противъ бывшаго сотрудника Стамбулова—Начевича. «Извѣстное всѣмъ грязное животное, именуемое Начевичемъ, не имѣя работы, по цѣлымъ днямъ бродитъ среди нечистотъ и отбросовъ, сваливаемыхъ за городомъ. А мы-то наивно удивлялись, отчего это животное стало до такой степени гнусно и грязно! Намъ не приходила на умъ естественная мысль, что настоящее мѣсто свиньѣ—среди нечистотъ». Или еще: «Вѣрно говорятъ люди, что болѣе злобнаго, подлаго, гибельнаго и ослѣпленнаго человѣка, чѣмъ Каравеловъ, нѣтъ и не можетъ быть на свѣтѣ. Прочтите передовицу въ послѣднемъ нумерѣ его «Тырновской Конституціи», и вы увидите, какимъ адскимъ злорадствомъ переполнена подлая душонка этого фатальнаго субъекта». Между тѣмъ какъ газеты кипятъ ненавистью, съ пѣной у рта разносятъ всякое распоряженіе правительства, вообще живутъ напряженною политическою жизнью, журналы (ихъ въ настоящее время издается въ Болгаріи около 60) являются (за исключеніемъ соціалистическихъ) безличными, безстрастными, совершенно лишенными «направленія» изданіями, пробавляющимися поэзіей, беллетристикой, искусствомъ, наукой, философіей. Не только какихъ-нибудь политическихъ или общественныхъ точекъ зрѣнія вы тамъ не найдете, но даже ничего своего специфически-болгарскаго; беллетристика даже преимущественно переводная. «Это не журналъ въ нашемъ смыслѣ слова, а какой-то тщедушный альманахъ». Нарисовавъ такую мрачную кар-

тину, авторъ высказываетъ надежду на близкое зарожденіе въ Болгаріи независимой, серіозной, хорошо освѣдомленной газеты на европейскій манеръ, а также принципіальнаго не только литературно-научнаго, но и общественно-политическаго журнала. Потребность въ такихъ органахъ несомнѣнно есть въ болгарской читающей публикѣ, замѣтны также и въ журнальной сферѣ попытки пойти этимъ потребностямъ навстрѣчу.

«**Русская Мысль**», январь. *Г. Шестаковъ* («Матеріалы для характеристики фабричныхъ рабочихъ») приводитъ результаты своего двукратнаго изслѣдованія рабочихъ на московской фабрикѣ Цинделя со стороны грамотности и матеріальнаго положенія ихъ. Изъ всѣхъ опрошенныхъ рабочихъ (1.417 чел.) 94% составляютъ крестьяне. Изслѣдованіе возрастнаго состава рабочихъ показало, что фабрика пользуется преимущественно молодыми силами—отъ 15 до 40 лѣтъ. По вопросу объ экономической связи рабочихъ съ деревней сообщаются слѣдующія цифры: изъ общей массы рабочихъ 90% оказались имѣющими земельный надѣлъ, но очень мелкій (въ среднемъ выводѣ немного болѣе полудесятины на ѣдока); болѣе трети дворовъ принадлежатъ къ безлошаднымъ (37%). Земля большею частью обрабатывается семьей рабочаго; только 12,6% рабочихъ уходятъ домой на полевыя работы. На фабрику рабочіе поступаютъ, среднимъ числомъ, съ 17 лѣтъ. Заработокъ рабочихъ, составляя въ среднемъ 67 к. въ день, колеблется отъ 30 к. до 5 р. 60 к. За вычетомъ расходовъ по содержанію, у неграмотнаго рабочаго останется 109 р., а у окончившаго курсъ начальной школы—169 р. Такимъ образомъ, начальное образованіе даетъ рабочему излишекъ минимумъ въ 60 р. въ годъ. Значитъ, образовательный цензъ является факторомъ, повышающимъ заработную плату. Грамотные среди рабочихъ составляютъ 67%. Пятая часть этого числа обучилась грамотѣ, уже будучи взрослыми. Но простой грамотностью рабочій уже не ограничивается. Ничего не читаютъ только 16,5% грамотныхъ; остальные 83,5% стремятся расширить свое образованіе путемъ чтенія или путемъ посѣщенія воскресной школы и лекцій. Фабричной библіотекой, правда, пользуются только 47,6% всѣхъ читающихъ рабочихъ; остальные достаютъ книги на сторонѣ, покупаютъ собственныя или выписываютъ газеты. Игнорированіе фабричной библіотеки объясняется тѣмъ, что она совершенно не удовлетворяетъ болѣе грамотныхъ рабочихъ, такъ какъ подборъ книгъ въ ней ограниченъ оффиціальнымъ каталогомъ. Выборъ книгъ самими рабочими не всегда сознателенъ, часто совершенно случаенъ и оттого очень разнообразенъ: рабочіе читаютъ все, начиная съ «Битвы русскихъ съ кабардинцами» и кончая «Старымъ порядкомъ и революціей» Токвиля. Наиболѣе развитые рабочіе читаютъ преимущественно газеты. Читающіе періодическія изданія составляютъ болѣе трети всѣхъ грамотныхъ. Газета заходитъ на фабрику не всегда прямымъ путемъ. На всей фабрикѣ имѣется только 18 кружковъ, организованныхъ для выписки газетъ; многіе читаютъ газеты въ трактирахъ, наконецъ, не мало и такихъ, которые читаютъ газеты, купленныя на папиросы. Что касается выбора газеты,—дешевизна имѣетъ здѣсь рѣшающее значеніе. Въ прошломъ году особенный успѣхъ имѣло «Русское Слово», благодаря перепечаткѣ изъ «Нивы» «Воскресенья» Л. Н. Толстого. Музеи, театры, Третьяковская галлерея, публичныя лекціи посѣщаются только 35% всѣхъ рабочихъ. Наиболѣе популяренъ Политехническій музей,—но только потому, что онъ близокъ къ «толкучкѣ». Причины рѣдкаго посѣщенія образовательныхъ учрежденій объясняются рабочими различно: «не слыхали», «дороги не знаемъ», «въ праздникъ отдохнуть хочется», «одежа плохая», «калошъ не имѣемъ, а безъ калошъ не пускаютъ». Есть и такіе, которые говорятъ: «лучше къ обѣднѣ сходить», или «мы не маленькіе», или наконецъ, откровенно: «не интересуемся этимъ».

Г. Еропкинъ воспользовался многотомнымъ изданіемъ Министерства Вн.

дѣлъ, представляющимъ сводку заключеній губернскихъ совѣщаній по пересмотру положенія о крестьянахъ. На первую очередь поставленъ былъ министерской программой вопросъ о *сельскомъ и волостномъ управленіи.* Уѣздное спасское совѣщаніе Рязан. губ. высказалось рѣшительно противъ опредѣленія размѣровъ сельскаго общества извѣстнымъ числомъ душъ; такой механическій принципъ повелъ бы за собой раздробленіе многихъ общинъ; между тѣмъ, болѣе многолюдныя общества, располагая большими средствами, могутъ заводить у себя многія полезныя учрежденія: школы, богадѣльни, банки, пожарные инструменты. Первоначальной единицей крестьянскаго самоуправленія должна быть поземельная община. Много голосовъ высказалось противъ соединенія въ сельскомъ обществѣ двухъ совершенно разнородныхъ единицъ, административной и поземельной. Авторъ также не видитъ никакой надобности дѣлать сельское общество низшей административной единицей; по его мнѣнію, слѣдовало бы всѣ административно-полицейскія обязанности перенести на волость, а земельной общинѣ предоставить хозяйственныя функціи. Этимъ бы разрѣшился вопросъ и объ «устройствѣ всесословной волости, состоящей какъ изъ юридическихъ лицъ сельскихъ общинъ, такъ и изъ физическихъ землевладѣльцевъ и другихъ собственниковъ даннаго района». Требованіе всесословности волостного и сельскаго управленія заявляется многими губернскими совѣщаніями. Сельское населеніе уже не представляетъ той однородности, какъ въ моментъ отмѣны крѣпостного права; въ деревняхъ появилось много лицъ не крестьянскаго сословія, которыя пользуются услугами общественнаго управленія и не несутъ никакихъ сборовъ; съ другой стороны и крестьяне, приписываясь въ мѣщане, уклоняются отъ платежей. Далѣе, волость, слишкомъ расширившую свои предѣлы, авторъ полагаетъ съузить и отожествить съ приходомъ, (съ населеніемъ отъ 300 до 2.000 душъ муж. пола), какъ это предполагалось въ Положеніи 19 февраля 1861 г. Губернскія и уѣздныя совѣщанія указали на многія недостатки сельскихъ сходовъ, зависящіе отъ грубости, невѣжества и косности народной массы. Но эти недостатки нельзя устранить никакой регламентаціей, а исключительно народнымъ образованіемъ. По вопросу о составѣ сельскихъ сходовъ всѣ совѣщанія почти единогласно высказались за допущеніе женщинъ къ участію въ сходахъ. Вопросъ о возрастѣ для участія въ сходѣ разрѣшается различно: правоспособность признается одними съ 18 лѣтъ, другими—только съ 35. Авторъ стоитъ за то, чтобы всякій женившійся и начавшій самостоятельное хозяйство крестьянинъ тѣмъ самымъ получалъ право голоса на сельскомъ сходѣ. На министерскій вопросъ о замѣнѣ настоящихъ сельскихъ сходовъ, въ видахъ большаго порядка, сходами выборныхъ (напр., по одному представителю отъ десяти дворовъ) большинство совѣщаній высказалось безусловно отрицательно. Дѣйствительно, въ выборные легче всего пройдутъ нежелательные элементы—кулаки и міроѣды или бездомные пролетаріи, обладающіе неограниченнымъ досугомъ, тогда какъ настоящіе домовитые хозяева не захотятъ отвлекаться отъ работъ для участія въ сходахъ.

Проф. Мензбиръ характеризуетъ Альфреда Уоллеса, какъ одного изъ главнѣйшихъ представителей дарвинизма въ западной Европѣ. Извѣстно, что Уоллесъ, независимо отъ Дарвина, открылъ въ природѣ постоянную борьбу за существованіе и естественный подборъ. Но относительно разработки ученія Уоллесъ стоитъ далеко ниже Дарвина. Помимо того, что,—по его собственому признанію,—ему не хватало обширныхъ познаній, изобрѣтательности, сильной логики и напряженнаго трудолюбія, какими обладалъ Дарвинъ, самая обстановка для ученой работы была неблагопріятна: Уоллесъ провелъ восемь лѣтъ на Зондскомъ Архипелагѣ, изучая мѣстную фауну, совершенно въ сторонѣ отъ современной науки, между тѣмъ какъ Дарвинъ широко пользовался всѣми научными пріобрѣтеніями своего времени. Однако, Уоллесъ разработалъ много частныхъ вопросовъ, стоящихъ въ связи съ эволюціонной теоріей и тѣмъ самымъ сдѣ-

лалъ больше всѣхъ другихъ для ея утвержденія. Особенно много онъ внесъ новаго по вопросу о географическомъ и геологическомъ распространеніи животныхъ. Въ его изслѣдованіи о «географическомъ распространеніи животныхъ» особенно цѣненъ отдѣлъ о вымершихъ формахъ. Много поработалъ онъ также надъ изученіемъ маскировки животныхъ, покровительственной и предостерегающей окраски ихъ въ видахъ самосохраненія. Десять лѣтъ назадъ онъ выпустилъ большую книгу «Дарвинизмъ», представляющую блестящую защиту эволюціоннаго ученія, Отрицательными сторонами ученой работы Уоллеса являются односторонность и предвзятость сужденій, мѣшающія широтѣ выводовъ и свободѣ изслѣдованія.

Въ коротенькой замѣткѣ («Пасынки русскаго законодательства») *г. Броновскій* въ яркихъ примѣрахъ рисуетъ подавляющее психическое дѣйствіе тѣлеснаго наказанія и практическій его вредъ. Первый предсѣдатель редакціонныхъ коммиссій Ростовцевъ былъ безусловнымъ противникомъ розги: «это было бы пятномъ настоящаго законодательства, законодательства объ освобожденіи», писалъ онъ. Послѣ его смерти сѣченіе было допущено, правда,—какъ временная мѣра; но вмѣсто того, въ 1889 г. число случаевъ примѣненія розги было увеличено. Теперь этимъ орудіемъ наказанія пользуются волостной судъ и административная власть. Волостной судъ сильно злоупотребляетъ приговорами о сѣченіи подъ вліяніемъ «темныхъ силъ» деревни. Полицейскія власти широко пользуются тѣлесными наказаніями для выколачиванія недоимокъ и при усмиреніи народныхъ волненій и безпорядковъ. Авторъ приводитъ цѣлый рядъ случаевъ самоубійствъ приговоренныхъ къ тѣлесному наказанію, психическаго разстройства, оскорбленія и убійства волостныхъ судей, сопротивленія властямъ и совершенія болѣе тяжкихъ преступленій съ цѣлью избавиться отъ тѣлеснаго наказанія. Наконецъ, наиболѣе развитое молодое поколѣніе крестьянства бѣжитъ изъ тьмы деревенскаго безправія въ городъ, и деревня, такимъ образомъ, лишается лучшихъ своихъ силъ.

«Русская Старина», январь и февраль. Приведемъ письмо А. Ѳ. Писемскаго къ А. В. Никитенко отъ 25-го ноября 1855 г. (?)

«Пользуясь вашей добротой, я рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ моей покорнѣйшей просьбой. Я слышалъ, что открывается нѣсколько цензорскихъ мѣстъ и потому, не имѣю ли возможности поступить туда и я. Состоя въ настоящее время безъ жалованья по министерству удѣловъ и живя въ Петербургѣ однимъ литературнымъ трудомъ, я крайне нуждаюсь въ службѣ и до сихъ поръ не имѣю въ виду никакого мѣста. Объ участіи вашемъ по этому дѣлу я хотѣлъ васъ просить еще въ прошлый разъ у Тургенева, но посовѣстился и теперь рѣшаюсь обратиться письменно. Министерству очень удобно сдѣлать цензоровъ изъ литераторовъ, предоставя, такъ сказать, цензурный судъ объ нихъ изъ среды же ихъ самихъ. Если есть надежда на полученіе мнѣ этой должности, то, Бога ради, не оставьте меня совѣтомъ, какъ и что мнѣ дѣлать: идти ли мнѣ прямо къ министру, или къ товарищу министра, или просить кого-нибудь прежде? За полученіемъ отвѣта я сегодня лично бы явился къ вамъ на вашу пятницу, но читаю свой новый романъ у Абрама Сергѣевича (Норова). Не обяжете ли меня письменнымъ отвѣтомъ, или, когда назначите, я самъ явлюсь. Еще разъ прося извиненія, что утруждаю моей просьбой, пребываю съ истиннымъ моимъ уваженіемъ покорнѣйшій слуга Алексѣй Писемскій».

За границей.

Событія англійской жизни. Пренія, происходящія въ англійскомъ парламентѣ, указываютъ на серьезную опасность, которая грозитъ свободолюбивой Англіи. Лордъ Розберри въ рѣчи, преисполненной театральныхъ эфектовъ, настаивалъ на необходимости введенія обязательной военной службы, предрекая гибель Англіи, если она не пойдетъ по стопамъ континентальныхъ державъ и не превратится въ вооруженный лагерь. То же самое говоритъ и лордъ Ландсдоунъ, военный министръ. Со всѣхъ сторонъ раздаются возгласы: «у Англіи нѣтъ солдатъ, нѣтъ войска! Надо его создать»! Но какъ примирить между собой двѣ такія несовмѣстимыя вещи, какъ великая хартія вольностей и военная дисциплина? Въ такомъ духѣ отвѣчалъ и лордъ Салисбюри своему пылкому оппоненту лорду Розберри, желавшему во что бы то ни стало нарядить всю Англію въ военный мундиръ. «Въ Европѣ и такъ достаточно націй, поглощенныхъ идеей милитаризма и страдающихъ отъ этой язвы,—сказалъ лордъ Салисбюри.—Зачѣмъ же Англіи вступать на этотъ путь? Пусть она попытается выпутаться изъ своихъ затрудненій, не прибѣгая къ такому средству, и тогда она окажетъ дѣйствительныя услуги цивилизаціи».

Съ этимъ взглядомъ, высказаннымъ лордомъ Салисбюри, согласны очень многіе въ Англіи и оппозиція введенію обязательной воинской повинности все еще достаточно сильна. Но такъ какъ все-таки должны быть приняты какія-нибудь мѣры для поднятія престижа Англіи, то эти противники конскрипціи указываютъ на флотъ. Спасеніе Англіи въ сильномъ флотѣ. Инсулярное положеніе Великобританіи устраняетъ отъ нея необходимость держать подъ ружьемъ такую массу войскъ, какую держатъ континентальныя державы. Пока у Англіи будетъ первый въ мірѣ флотъ, до тѣхъ поръ она можетъ быть спокойна!

Такіе голоса раздаются въ оппозиціи и англійское военное министерство пока еще не рѣшается выступить съ рѣшительными предложеніями въ духѣ милитаризма и только предлагаетъ нѣкоторыя экстренныя военныя мѣры. Мѣры эти заключаются въ образованіи новыхъ артиллерійскихъ батарей и усиленіи пѣхотныхъ батальоновъ.

Врядъ ли, однако, эти правительственныя мѣры будутъ признаны достаточными, — и потому главная опасность, которая грозитъ свободолюбивой Англіи, заключается въ томъ, что она волей неволей должна будетъ вступать на путь усиленныхъ вооруженій.

Ожиданія тѣхъ, кто предсказывалъ, что дни консервативнаго министерства сочтены, не оправдались. Оппозиція дѣйствовала вяло, быть можетъ, потому, что среди главныхъ ея вождей не нашлось желающихъ взвалить на свои плечи тяжелое бремя управленія государствомъ въ такія трудныя минуты. Конечно, это и было главною причиной отклоненія предложенной лордомъ Фицъ Морисомъ (братомъ военнаго министра) поправки къ адресу, — въ которой выражалось сожалѣніе, что «министерство проявило недостатокъ знанія, осторожности и предусмотрительности какъ въ настоящую войну, такъ и вообще въ южноафриканскихъ дѣлахъ». Нельзя, впрочемъ, отрицать въ данномъ случаѣ также вліянія рѣчи Чэмберлена. Многіе говорятъ, что Чэмберленъ не имѣетъ больше соперниковъ въ ораторскомъ искусствѣ съ тѣхъ поръ, какъ Брайтъ, Дизраэли, Гладстонъ сошли со сцены. И на этотъ разъ Чэмберленъ доказалъ, что онъ не потерялъ умѣнія владѣть аудиторіей, такъ что, по замѣчанію нѣкоторыхъ газетъ, еслибъ между понедѣльникомъ, когда онъ произнесъ свою рѣчь въ палатѣ общинъ, и вторникомъ—состоялось побѣдоносное сраженіе, которое обезпечило бы англичанамъ дорогу въ Преторію, то и тогда настроеніе общества не могло бы измѣниться такимъ радикальнымъ образомъ. Чэмберленъ поднялъ

духъ англичанъ и заставилъ ихъ снова вѣрить въ свою звѣзду, забывая, или вѣрнѣе игнорируя, потоки крови, которые льются на югѣ Африки. Какъ бы тамъ ни было, но онъ спасъ министерство своимъ краснорѣчіемъ. Нападки оппозиціи были слабы и онъ отразилъ ихъ со свойственною ему рѣзкостью и находчивостью, закончивъ свою рѣчь эфектнымъ заявленіемъ, что второй Мэджубы не будетъ, насколько это зависитъ отъ правительства, и никогда бурамъ не удастся вновь соорудить въ центрѣ южной Африки такой очагъ, откуда распространяется расовая вражда,—никогда больше они не посмѣютъ третировать англичанъ какъ низшую расу!

Чэмберленъ въ своей рѣчи не сказалъ ничего новаго, онъ поддерживалъ только свою прежнюю точку зрѣнія и доказывалъ, что война въ южной Африкѣ явилась роковою необходимостью. «Никакое правительство не виновато въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя возникли между нами и Трансваалемъ,—сказалъ онъ.— Эти затрудненія явились неизбѣжнымъ послѣдствіемъ кореннаго различія, существующаго между бурами и англичанами съ точки зрѣнія цивилизаціи и воспитанія. Буры стремятся освободиться отъ преобладанія англичанъ. Но преобладаніе буровъ означаетъ приниженіе всякой другой расы, тогда какъ наше преобладаніе поведетъ за собою равенство бѣлыхъ расъ и справедливое отношеніе къ чернымъ. Достигнувъ власти, мы скоро поняли, что положеніе серьезно и необходимо найти исходъ въ виду все возрастающей враждебности между такими народностями, которыя въ дѣйствительности должны были бы жить въ дружбѣ между собой. Недостаточность нашихъ военныхъ приготовленій именно и зависѣла оттого, что мы не теряли надежды на сохраненіе міра. Но война была необходима, справедлива и правильна»!

Пока въ англійскомъ парламентѣ происходятъ словесныя битвы, а въ южной Африкѣ идетъ упорная борьба, культурная работа продолжаетъ также идти своимъ чередомъ въ Англіи. На-дняхъ въ Лондонѣ состоялось мирное торжество— открытіе новаго городка или квартала для рабочихъ, выстроеннаго совѣтомъ лондонскаго графства, съ цѣлью доставить рабочимъ классамъ возможностьимѣть болѣе удобныя и болѣе здоровыя помѣщенія. Идея этого предпріятія возникла въ 1890 году и теперь приведена въ исполненіе. По разсчету строителей, когда всѣ помѣщенія будутъ заняты, то населеніе городка должно будетъ достигнуть 6.000. Пространство городка занимаетъ 17½ акровъ и состоитъ изъ 23 группъ образцовыхъ зданій, заключающихъ въ себѣ въ общемъ 1.100 квартиръ. Каждая отдѣльная группа зданій носитъ особое названіе. Плата за помѣщеніе установлена слѣдующая: за одну комнату—3 шиллинга 6 пенсовъ въ недѣлю; за двѣ— отъ 5 шиллинговъ 6 пенсовъ до 8 въ недѣлю; за три—отъ 7 ш. 6 п. до 9 ш. 6 п.; за 4—отъ 9 шил. до 12 шил. 6 пенсовъ въ недѣлю. Жильцы могутъ также нанимать мастерскія, уплачивая отъ 3 шил. 6 пенс. до 6 шил. 6 пенс. въ недѣлю. Кромѣ того, къ услугамъ жильцовъ находятся ванны, по 1 пенсу за холодную и по 2 пенса за горячую ванну, и прекрасно устроенная паровая прачешная со всѣми приспособленіями, паровымъ каткомъ, выжималками, сушильней и т. д. Каждый изъ жильцовъ можетъ пользоваться этою прачешной, уплачивая по полтора пенса въ часъ. Отдѣльныя ванны устроены въ каждой группѣ зданій и притомъ съ такимъ разсчетомъ, что одна ванна приходится на каждыя четыре квартиры. Но въ этомъ городкѣ не всѣ зданія новыя: нѣкоторые старые дома передѣланы для жилья и снабжены всѣми санитарными приспособленіями. Помѣщенія и въ этихъ домахъ также удобны, но дома не такъ красивы. Притомъ въ новыхъ домахъ при каждой квартирѣ устроена отдѣльная кухня, чего нѣтъ въ старыхъ зданіяхъ, гдѣ кухни общія для нѣсколькихъ квартиръ. Всѣ дома построены кругомъ площади, на которой разбитъ миніатюрный паркъ и устроена эстрада для музыкантовъ. Площадь носитъ названіе площади Арнольда въ честь бывшаго предсѣдателя совѣта лон-

донскаго графства. Въ городкѣ устроены двѣ городскихъ школы и одна приходская, а также существуютъ двѣ церкви и клубъ, организованный обществомъ трезвости, при которомъ находится прекрасная библіотека и читальня.

Замѣчательно, что это новое рабочее поселеніе, названное «Boundary-Street Estate», выстроено на мѣстѣ одного изъ самыхъ глухихъ и грязныхъ кварталовъ Лондона и одна изъ церквей возвышается на мѣстѣ дома, гдѣ отдавались прежде углы жильцамъ. Кварталъ этотъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «Old Nichol» и подробно описанъ подъ именемъ «The Jago» въ романѣ Артура Моррисона «The Child of the Jago». Когда совѣтъ лондонскаго графства въ 1889 году приступилъ къ осмотру и изслѣдованію этого квартала, то оказалось, что смертность въ немъ была 40,13 проц. на тысячу, тогда какъ во всемъ остальномъ Лондонѣ смертность равнялась 18,8 проц. Совѣтъ энергично принялся за дѣло очистки этого квартала и 6.004 человѣка были выселены оттуда въ другія мѣста. Условія жизни этого населенія были ужасны. Большинство состояло изъ чернорабочихъ, такъ называемыхъ «unskilled labourers», но было также очень много бродягъ самаго худшаго сорта. Вообще, совѣту лондонскаго графства пришлось не мало потрудиться, чтобы возстановить порядокъ въ этомъ населеніи и распредѣлить его по другимъ мѣстамъ. Но теперь метаморфоза уже совершилась, и на мѣстѣ грязнаго, зловоннаго квартала, изобиловавшаго всевозможными притонами порока и населеннаго всякимъ сбродомъ, возвышается теперь чистенькій, хорошенькій городокъ, населенный рабочими, ремесленниками и разными мелкими служащими. Перестройка и очистка этого квартала обошлась совѣту въ 331.610 фунтовъ стерлинговъ.

Отмѣна штемпельнаго налога въ Австріи. Австрійская палата господъ чуть-чуть не лишила Австрію пріятнаго подарка къ началу двадцатаго вѣка—отмѣны штемпельнаго налога на газеты. Налогъ этотъ тяжелымъ бременемъ ложился на періодическую печать въ Австріи и мѣшалъ ея свободному развитію, вслѣдствіе чего въ печати давно уже велась агитація противъ этого налога. До сихъ поръ на каждомъ нумерѣ газеты долженъ былъ красоваться красный штемпель, которому была присвоена нелестная кличка «позорнаго клейма Австріи». Клеймо это обозначало, что за этотъ нумеръ уплаченъ требуемый налогъ въ размѣрѣ одного крейцера. Такъ какъ нужно было платить за каждый отпечатанный нумеръ, все равно будетъ ли онъ проданъ или нѣтъ, то вполнѣ естественно, что налогъ этотъ тяжело ложился на бюджетъ газеты, такъ что изданіе газеты требовало обезпеченія крупнымъ капиталомъ и было все-таки рискованнымъ дѣломъ. Конечно, при такихъ условіяхъ нечего было и думать о развитіи дешевой народной печати. Съ другой стороны, трудность существованія газеты ставила ее часто въ зависимость отъ субсидій, получаемыхъ отъ различныхъ учрежденій, группъ или отдѣльныхъ лицъ, что, въ свою очередь, лишало печать ея независимости. Въ виду этого, въ Австріи давно уже начался протестъ противъ этого налога, устраивались демонстраціи, подавались петиціи, но налогъ держался крѣпко, несмотря на неоднократныя обѣщанія министровъ произвести реформу. Наконецъ, въ прошломъ году въ рейхсратъ былъ внесенъ правительственный законопроектъ объ отмѣнѣ налога, какъ такой мѣры, «которая не находится болѣе въ соотвѣтствіи съ соціально-политическими воззрѣніями современнаго законодательства».

Почва была уже настолько подготовлена къ этой реформѣ, что рейхсратъ единогласно принялъ и вотировалъ законопроектъ объ отмѣнѣ штемпельнаго сбора съ газетъ. Печать возликовала, и уже нѣкоторыя еженедѣльныя изданія извѣстили своихъ читателей, что они превращаются въ ежедневныя. Но это ликованіе печати чуть было не оказалось преждевременнымъ. Законопроектъ былъ переданъ въ палату господъ и тутъ-то начались его мытарства. Реакціонеры въ верхней палатѣ, главнымъ образомъ, состоящей изъ радикаловъ, при-

помнили, что налогъ этотъ былъ введенъ въ Австріи въ 1789 году съ цѣлью помѣшать распространенію въ этой странѣ вредныхъ идей, занесенныхъ изъ Франціи. Членъ палаты Нибауэръ съ видомъ ученаго финансиста объявилъ, что австрійское государство не можетъ лишить себя $2^1/_2$ милліоновъ гульденовъ ежегоднаго дохода, приносимаго штемпельнымъ сборомъ. Но министръ финансовъ горячо возсталъ противъ такого заявленія. Тогда члены палаты господъ подняли вопль, что результатомъ отмѣны налога явится полная разнузданность печати и т. д. Одинъ изъ молодыхъ членовъ палаты зашелъ даже такъ далеко, что всю печать обозвалъ «нечистымъ орудіемъ». Однимъ словомъ, пренія были очень горячія, но, какъ ни странно казалось гг. реакціонерамъ дать печати возможность свободно развиваться и процвѣтать въ странѣ, они все-таки должны уступить настойчивымъ требованіямъ. Все что они могли сдѣлать—это задержать введеніе законопроекта и передали его на разсмотрѣніе въ коммиссію въ надеждѣ, что она пойметъ, что ей не надо торопиться. Во всякомъ случаѣ, австрійская печать можетъ теперь надѣяться, что къ началу двадцатаго столѣтія она избавится отъ «краснаго клейма» и «Steuer der Dummheit»—какъ принято называть въ Австріи этотъ налогъ отойдетъ въ область историческихъ преданій.

Картинки турецкой жизни. Когда въ прошломъ году французскій трагикъ Муне Сюлли, хорошо знакомый петербургской публикѣ, пріѣхалъ въ Константинополь, ему оказанъ былъ въ турецкой столицѣ радушный пріемъ. Европейская публика и образованные турки съ восторгомъ посѣщали его представленія и французскій артистъ, конечно, долженъ былъ бы остаться доволенъ своимъ пребываніемъ въ оттоманской имперіи, еслибъ не турецкая цензура, которая отравляла ему существованіе своими придирками, заставляя его выбрасывать цѣлыя сцены или передѣлывать ихъ, такъ какъ турецкій цензоръ находилъ въ нихъ предосудительные намеки. Забавнѣе всего вышло съ «Рюи-Блазомъ» Виктора Гюго. Цензоръ самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивился, чтобы были представлены сцены, изображающія какъ министры расхищаютъ государственное добро, такъ какъ это могло бы навести турецкую публику на нѣкоторыя размышленія и параллели, неудобныя для турецкихъ министровъ. Затѣмъ, была изъята также сцена, въ которой Рюи-Блазъ, заставъ врасплохъ министровъ, насмѣшливо говоритъ имъ: «bon appetit, Messieurs!» и прогоняетъ ихъ. Этого турецкій цензоръ не могъ допустить,—и потому онъ постановилъ, чтобы на сцену, вмѣсто министровъ и Рюи-Блаза явился режиссеръ и, обратившись къ публикѣ, торжественно произнесъ:

— Господа! Министерство подало въ отставку.

Зрители, не ожидавшіе этого, конечно, были поражены сначала, но когда поняли въ чемъ дѣло, то въ залѣ со всѣхъ сторонъ поднялся смѣхъ и послышались голоса: «bon appetit, Messieurs!» Но тѣмъ не менѣе цензоръ остался доволенъ; онъ выполнилъ свой долгъ и спасъ престижъ министерской власти въ глазахъ правовѣрныхъ турокъ. Нельзя же было даже на сценѣ допустить, чтобы министровъ прогоняли coram publico!

Такіе курьезные факты представляютъ, однако, нерѣдкое явленіе въ турецкой столицѣ. Издатели газетъ, которымъ всего больше приходится страдать отъ придирокъ своего строгаго начальства, должны прибѣгать ко всевозможнымъ хитростямъ и уловкамъ, чтобы не возбудить противъ себя гоненій. Массы словъ приходится избѣгать. Напримѣръ, слово глупый и соотвѣтствующія выраженія на иностранныхъ языкахъ никогда не встрѣчаются въ турецкихъ газетахъ, такъ какъ мало ли кто можетъ обидѣться на это! Никогда ни одна газета не станетъ говорить о болгарской или греческой границѣ, а только о «демаркаціонной линіи». Точно также ни одна газета не скажетъ: «болгарское

княжество», а только «восточно-румелійскій вилаетъ». Президентъ Карно и императрица Елисавета для турецкихъ читателей умерли самымъ естественнымъ образомъ; догадливому читателю предоставлялось самому добираться почему собственно пострвдалъ Луккени. О концессіи багдадской желѣзной дороги, недавно полученной нѣмцами, никто не обмолвился ни единымъ словомъ, а что касается трансваальской войны, то тутъ не разрѣшается ни малѣйшая критика и только передаются тексты оффиціальныхъ телеграммъ и отчетовъ; коментаріи же къ нимъ не допускаются. Но одинъ находчивый журналистъ, врагъ англичанъ и сторонникъ буровъ, придумалъ способъ довести до свѣдѣнія публики настоящее положеніе дѣлъ въ Африкѣ. Онъ перевелъ на турецкій языкъ всѣ важнѣйшія сообщенія объ англійскихъ пораженіяхъ и въ особенности тѣ, гдѣ разсказывалось о злодѣяніяхъ англичанъ и передавались показанія пострадавшихъ буровъ, подтвержденныя присягой, и затѣмъ, сдѣлавъ изъ этихъ сообщеній книгу въ роскошномъ переплетѣ, поднесъ ее султану черезъ одного изъ приближенныхъ къ нему. Въ своемъ посвященіи хитрый журналистъ очень тонко напоминаетъ о томъ, какъ негодовали англичане по поводу строгихъ мѣръ, принятыхъ турецкимъ правительствомъ относительно армянскихъ бунтовщиковъ,—а теперь они находятъ, повидимому, вполнѣ естественнымъ, что ихъ солдаты обращаются подобнымъ варварскимъ образомъ съ ранеными и плѣнными бурами.

Журналистъ разсчитывалъ, что послѣ такого злостнаго напоминанія о коварствѣ англичанъ султанъ разрѣшитъ критику англійскаго поведенія въ южной Африкѣ, но до сихъ поръ такого разрѣшенія не послѣдовало.

Но не только печать окружена такими стѣсненіями. Ни одной телеграммы не можетъ быть послано за границу безъ того, чтобы она не подверглась предварительной цензурѣ. Одному комерсанту понадобилось недавно отправить телеграмму въ Голландію. Онъ отправилъ ее на телеграфъ, но черезъ часъ ему вернули ее обратно съ приглашеніемъ представить ея переводъ на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ.

— Я вовсе не обязанъ быть переводчикомъ,—объявилъ онъ начальнику телеграфа.—Если вы желаете пользоваться моими услугами, то потрудитесь мнѣ заплатить за нихъ.

Начальникъ телеграфа продолжалъ настаивать, пока, наконецъ, комерсантъ не вышелъ изъ терпѣнія и не пригрозилъ, что пожалуется посольству.

— Что же мнѣ дѣлать?—воскликнулъ съ непритворнымъ огорченіемъ начальникъ телеграфа.—Вѣдь вы знаете, что мы не имѣемъ права посылать ни одной телеграммы безъ просмотра ея цензоромъ. А тутъ вы въ своей телеграммѣ, повидимому, говорите о томъ, что голландскій посланникъ не былъ принятъ султаномъ.

Комерсантъ расхохотался и объяснилъ начальнику телеграфа его ошибку. Въ телеграммѣ шла рѣчь о томъ, что не принята одна поставка вслѣдствіе низкаго курса и больше ничего.

Но турецкое правительство больше всего боится, чтобы за границу не проникли какія-нибудь свѣдѣнія, которыми могли бы воспользоваться младо-турки, представляющіе либеральную турецкую партію. Младо-турки—это настоящій кошмаръ турецкаго правительства и султана. Они не даютъ ему спать спокойно, постоянно напоминаютъ о реформахъ и поддерживаютъ за границей агитацію противъ Турціи, разоблачая злоупотребленія турецкой администраціи и всѣ недостатки турецкаго режима. Султанъ боится и ненавидитъ ихъ отъ всей души. Представителемъ младо-турокъ за границей является Ахмедъ Риза, проживающій въ Парижѣ и издающій журналъ «Meshveret», проповѣдующій необходимость реформъ въ Турціи. Ахмедъ Риза эмигрировалъ изъ своего отечества, но продолжаетъ усердно свою пропаганду за границей и упорно вѣритъ въ то,

что султанъ, наконецъ, самъ пойметъ преимущества либеральнаго конституціоннаго режима и самъ введетъ его въ Турціи, убѣдившись, что при такихъ условіяхъ его личная безопасность и прочность его престола будутъ болѣе обезпечены. Ахмедъ Риза никогда не былъ революціонеромъ, никогда не проповѣдовалъ никакихъ насильственныхъ мѣръ и ждетъ всего отъ доброй воли и сознанія султана. Но тѣмъ не менѣе султанъ его боится и разъ сто посылалъ къ нему уполномоченныхъ, чтобы подкупить его. Ахметъ Риза остается непреклоненъ и выпроваживаетъ ихъ за дверь своей скромной квартирки въ Парижѣ въ улицѣ Монжъ.

Другая политическая партія въ Турціи, старо-турецкая, отличается приверженностью Исламу и свято хранитъ масульманскія традиціи. Они не способны ни на какую активную борьбу или пропаганду своихъ идей и остаются лишь хранителями мусульманскихъ идеаловъ, относясь со свойственнымъ имъ фатализмомъ къ господствующему порядку вещей.

Республиканская школа во Франціи. Въ новомъ парижскомъ народномъ университетѣ 14-го округа г. Банё прочелъ недавно, въ присутствіи очень многочисленной аудиторіи, публичную лекцію о народной школѣ. Онъ прежде всего указалъ на то, что вопросъ о народномъ образованіи все больше и больше выдвигается на первый планъ, обсуждается печатью съ разныхъ сторонъ и служитъ предметомъ заботъ парламента. «Противники республики,—сказалъ Банё,—сильнѣе всего нападаютъ на республиканскую школу. Законы, создавшіе эту школу, они называютъ не иначе, какъ «преступными законами» (lois scélérates), изъ чего именно и слѣдуетъ заключить, что они-то и составляютъ краеугольный камень республики. Въ самомъ дѣлѣ, что представляли изъ себя школы при «старомъ порядкѣ»? Ихъ было мало и обставлены онѣ были очень дурно. Обыкновенно помѣщались онѣ въ сараяхъ и гумнахъ, иногда же обученіе происходило просто на открытомъ воздухѣ, Учителя были совершенно неподготовлены къ своей высокой миссіи, невѣжественны и находились въ полной зависимости отъ священника своего прихода. Большею частью это были церковные служки, пономари и церковные пѣвчіе, не получившіе никакого образованія. Главною ихъ обязанностью было сопровождать кюре при исполненіи церковныхъ требъ. Что же касается школьнаго преподаванія, то оно сводилось преимущественно къ обученію государственной религіи, и лишь мимоходомъ преподавали ученикамъ грамоту, да и то весьма поверхностно».

Банё указываетъ на то, что эти свѣдѣнія онъ заимствовалъ у аббата Аллена, изъ его книги о народномъ образованіи до-революціоннаго періода. Алленъ вовсе не былъ противникомъ до-революціонной школы и его нельзя заподозрить въ пристрастіи и преувеличеніи. Но результатъ такой системы преподаванія самъ за себя говоритъ. Судя по регистральнымъ книгамъ, при заключеніи браковъ изъ 100 супруговъ только 29 умѣли подписать свою фамилію. Грамотныхъ женщинъ было не болѣе 14%. Замѣчательно, по мнѣнію Банё, что великіе педагоги прошлаго режима, Рабле, Монтань, Руссо и др., нисколько не занимались народнымъ образованіемъ въ настоящемъ значеніи этого слова, хотя и слѣдуетъ упомянуть о Тюрго, выразившемъ желаніе, чтобы въ каждой общинѣ была школа и чтобы преподаваніе носило гражданскій характеръ, Революція вызвала перемѣну въ этомъ отношеніи и породила чувство, что республика должна опираться на школу. Такъ думалъ Мирабо и въ особенности Дантонъ, говорившій, что «воспитаніе, послѣ хлѣба, составляетъ первую необходимость народа». Кондорсэ мечталъ о томъ, чтобы въ каждой деревнѣ съ 400 жителей была устроена школа и затѣмъ въ каждомъ городѣ съ 4.000 жителей была бы выстроена школа съ высшимъ курсомъ и вечернія лекціи по воскресеньямъ для взрослыхъ. Если всѣ эти прекрасные планы такъ и оста-

лись невыполненными и законъ 17-го ноября 1794 года остался мертвою буквой, то лишь потому, что рессурсы страны пришлось употребить на защиту ея территоріи отъ внѣшнихъ враговъ. Но, во всякомъ случаѣ, были установлены принципы народнаго образованія.

Во время первой имперіи народное образованіе не вошло въ государственный бюджетъ, о немъ заботились лишь постольку, по скольку это было нужно, чтобы его поработить и подвергнуть тщательному надзору, который былъ порученъ кюре. Катихизисъ, преподаваемый въ то время въ школахъ, гораздо болѣе говорилъ объ обязанностяхъ по отношенію къ императору, нежели о Богѣ.

Гизо первый вернулся къ традиціямъ революціи и произвелъ разслѣдованіе по дѣлу народнаго образованія. Это разслѣдованіе раскрыло массу злоупотребленій и недостатковъ, а также бѣдственное положеніе школьныхъ учителей, которые лишь въ рѣдкихъ случаяхъ получали жалованье 60 фр. въ годъ: большею же частью имъ платили натурой. Это были настоящіе нищіе, которые обходили дома, собирая дань съ жителей; обыкновенно съ ними обращались дурно, такъ что они чуть не погибали съ голоду. Если мэръ какой-нибудь общины желалъ оказать любезность школьному учителю, то онъ позволялъ ему пообѣдать на своей кухнѣ. Это все, что онъ считалъ нужнымъ для него сдѣлать.

Въ 1838 году былъ изданъ законъ, по которому каждая община обязывалась имѣть первоначальную школу, каждый городъ съ 6.000 жителей долженъ былъ имѣть первоначальную школу съ высшимъ курсомъ, а каждый департаментъ—нормальную школу. Жалованье учителямъ платило государство, и наконецъ были учреждены женскія школы.

Далѣе Бане подробно останавливается на прекрасныхъ мечтахъ 1848 г., касающихся народнаго образованія. Во времена второй имперіи, благодаря Виктору Дюрюи, были введены улучшенія въ режимѣ народнаго образованія. Третья республика произвела полную реорганизацію въ этомъ отношеніи. Перечисляя всѣхъ уже умершихъ дѣятелей народнаго образованія, Бане останавливается на Жюлѣ Ферри, который много потрудился на этомъ поприщѣ. Затѣмъ Бане отвѣчаетъ критикамъ республиканской программы. «Есть люди, которые даже возстаютъ противъ обязательнаго обученія, говоря что такимъ образомъ совершается посягательство на волю отца семейства! Но вѣдь отцу не дозволяется наносить ущербъ тѣлу своего ребенка, атрофировать его органы, почему же ему должна быть дана полная свобода атрофировать его умъ?»

Бане закончилъ свою рѣчь горячимъ воззваніемъ ко всѣмъ сочувствующимъ дѣлу народнаго образованія. Работники нужны на этомъ поприщѣ—и пусть каждый вноситъ свою лепту. Всѣ цивилизованныя страны давно уже поняли, что спасеніе и будущность государства заключаются въ школѣ.

Слушатели Бане, среди которыхъ было много рабочихъ, членовъ новаго народнаго университета, горячо апплодировали оратору. Въ заключеніе, какъ всегда, раздались крики: «Vive la République!», къ которымъ на этотъ разъ присоединился еще возгласъ; «Vive l'école Républicaine».

Въ послѣднее время въ Латинскомъ кварталѣ организовано нѣсколько учрежденій, имѣющихъ спеціальною цѣлью оказывать содѣйствіе иностраннымъ студентамъ и студенткамъ въ Парижѣ. Учрежденія эти носятъ названіе «Université Hall» и находятся подъ покровительствомъ комитета въ Сорбоннѣ, отнесшагося очень сочувственно къ идеѣ, которая положена въ основу новаго дѣла. «Université Hall» оказываетъ гостепріимство всѣмъ иностраннымъ молодымъ людямъ, пріѣзжающимъ учиться въ Парижъ, помогаетъ имъ устраиваться и доставляетъ имъ всѣ нужныя свѣдѣнія, программы и т. д. Во главѣ этого учрежденія стоятъ: Мишель Бреаль, профессоръ Collége de France и докторъ Дельбе, директоръ Collége libre des sciences morales», и депутатъ, Дюкло, директоръ Па-

стеровскаго института, Перро, директоръ высшей нормальной школы, Мелони, генеральный секретарь сорбоннскаго комитета и др.

Для студентокъ и иностранныхъ профессоровъ—женщинъ открытъ такъ называемый «Home Universitaire», совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и университетская резиденція для студентовъ. Основатели этихъ учрежденій надѣются, что они будутъ носить характеръ университетскихъ поселеній въ Англіи и явятся центромъ соціальной дѣятельности, полезной для семействъ рабочихъ даннаго округа. Каждое воскресенье вечеромъ устраивается чаепитіе, на которое приглашаются молодые рабочіе, живущіе по сосѣдству. Секретарями этого учрежденія состоятъ: m-elles Lésy Armand и H. Higginson.

Въ дополненіе ко всѣмъ этимъ учрежденіямъ предполагается устроить лѣтнюю колонію въ департаментѣ «Ardéche» близъ Верну, съ тою цѣлью, чтобы молодыя иностранки, которыя не могутъ вернуться на родину для отдыха, могли бы во время лѣтнихъ вакацій возстановить свое здоровье среди лѣсовъ и покойной жизни въ деревнѣ.

За всѣми свѣдѣніями иностранные студенты и студентки должны обращаться на Boulevard St.-Michel 25, гдѣ находится бюро «Université Hall».

Въ Германіи. Злобу дня въ Германіи составляютъ въ настоящее время жаркія пренія, происходящія въ рейхстагѣ по вопросу объ увеличеніи флота. Это новое военное бремя, которое императоръ Вильгельмъ желаетъ взвалить на плечи страны, вызываетъ, конечно, сильную оппозицію въ германскомъ парламентѣ и очень горячую полемику въ печати. «Докажите, что Германіи необходимы новые броненосцы и крейсеры!—восклицаютъ противники правительственнаго законопроекта и указываютъ на громадные военные расходы, которые и безъ того несетъ Германія.—Наше сухопутное войско отличается здоровымъ аппетитомъ!» прибавляютъ они. «Германія дѣйствительно заняла выдающееся мѣсто въ международной торговлѣ, но отнюдь не потому, что ея пушки защищали нѣмецкихъ купцовъ,—сказалъ между прочимъ Рихтеръ, въ своей рѣчи въ рейхстагѣ,—а вслѣдствіе того, что нѣмецкіе купцы и рабочіе сами прокладывали себѣ путь всюду своимъ умѣньемъ, трудолюбіемъ и настойчивостью». Онъ указалъ на то, что въ международной торговлѣ одерживаютъ побѣду никакъ не военныя суда, а прейсъ-куранты и качество товаровъ, поэтому и Англія испугалась нѣмецкой конкурренціи, хотя у нея огромный флотъ, а у Германіи небольшой. «Германскіе шовинисты, конечно, желаютъ чтобы хоть на водѣ осуществился ихъ идеалъ, т.-е. было бы больше солдатъ, нежели гражданъ», сказалъ Рихтеръ въ заключеніе, вызвавъ громкій смѣхъ и бурные аплодисменты на скамьяхъ оппозиціи.

Но самый большой успѣхъ имѣла рѣчь Бебеля, которая длилась около двухъ часовъ и произвела сильное впечатлѣніе, въ особенности та часть ея въ которой Бебель яркими красками изобразилъ, сильно жестикулируя и возбуждаясь, всѣ ужасы будущей войны, когда все взрослое населеніе будетъ призвано къ оружію, закрыты фабрики, поля брошены на произволъ судьбы, а города и села переполнятся голодающими женщинами и дѣтьми!

Бебель стремился разрушить существующее ложное убѣжденіе, будто миръ сохраняется лишь благодаря огромнымъ арміямъ. «Это неправда!—воскликнулъ онъ.—Если Европа избѣгала до сихъ поръ кроваваго столкновенія, то этимъ она обязана вовсе не своему войску, а все возрастающимъ международнымъ отношеніямъ въ области экономическихъ, соціальныхъ и умственныхъ интересовъ. Культурнымъ народамъ все труднѣе и труднѣе становится порывать эти отношенія и мысль о возможныхъ послѣдствіяхъ войны заставляетъ эти народы избѣгать ее».

Развивая дальше свою мысль, Бебель съ жаромъ обратился къ членамъ международной лиги мира, спрашивая ихъ, какъ могутъ они примирить такія

противорѣчія, какъ мечты о братствѣ народовъ и проекты усиленія военнаго могущества на морѣ? «Меня не удивляетъ, когда проектъ этотъ встрѣчаетъ сочувствіе у господъ антисемитовъ и приверженцевъ германскаго союза, мнящихъ себя добрыми христіанами! — воскликнулъ Бебель.—Вѣдь эти господа имѣютъ обыкновеніе говорить о *нѣмецкомъ* Богѣ, какъ будто не у всѣхъ христіанъ вообще, какъ у нѣмцевъ, такъ и у русскихъ, англичанъ, французовъ и т. д., существуетъ одинъ только Богъ. Пусть же эти господа стремятся къ осуществленію своихъ идеаловъ прошлыхъ вѣковъ, ихъ шовинизмъ не можетъ никого удивить, но иное дѣло члены лиги мира! Вѣдь они устраиваютъ международные конгрессы, на которыхъ произносятся трогательныя рѣчи, затѣмъ веселятся и устраиваютъ пиры, на которыхъ провозглашаютъ соотвѣтствующіе тосты, а мы, прочтя отчеты о засѣданіяхъ конгресса, думаемъ, что они и въ самомъ дѣлѣ сдѣлали великое дѣло! Но, что же дѣлаютъ эти господа, когда въ парламентѣ заводится рѣчь о новыхъ мѣропріятіяхъ, имѣющихъ цѣлью человѣкоубійство? Они молчатъ, словно въ ротъ воды набрали или же подаютъ голоса за новыя пушки и новые броненосцы! Почему никто изъ васъ, недавно пировавшихъ и произносившихъ рѣчи въ Бернѣ и Христіаніи, не встанетъ теперь и не возвыситъ своего голоса за мирное развитіе человѣчества, за прекращеніе вооруженій и общность европейской культуры! Неужели вы не въ состояніи отрѣшиться отъ узкихъ взглядовъ нѣмецкаго бюргерства, которому вбили въ голову, что только жертвуя милліарды на армію и флотъ, оно обезпечиваетъ себѣ миръ и спокойствіе? Мы же смѣло смотримъ въ глаза милитаризму и говоримъ народу, что на такой почвѣ, какъ казармы и броненосцы, можно культивировать отнюдь не миръ, а лишь хищническіе и звѣрскіе инстинкты народовъ!»

Въ заключеніе своей прекрасной рѣчи, Бебель сказалъ, что Германіи скоро понадобятся новыя школы, нужны новыя больницы, санаторіи, убѣжища для выздоравливающихъ и затраченные на это милліоны будутъ содѣйствовать облегченію страданій и спасенію многихъ тысячъ человѣческихъ жизней. «Это будетъ производительная трата,—прибавилъ онъ,—создавайте земледѣльческіе и промышленные институты, поощряйте научныя изслѣдованія, устраивайте для народа музеи и библіотеки—вотъ культурныя задачи, для исполненія которыхъ нужны деньги и рабочія руки. Отъ этого общественный порядокъ не только не поколеблется, но симпатіи народа къ нему возрастутъ».

Возраженія защитниковъ усиленія флота не отличались ни силою аргументаціи, ни краснорѣчіемъ, такъ что оппозиціи въ этомъ случаѣ безспорно принадлежитъ пальма первенства. Законопроектъ отправленъ теперь на разсмотрѣніе въ бюджетную коммиссію и, вѣроятно, не раньше, какъ мѣсяца черезъ полтора будетъ обсуждаться въ общемъ засѣданіи рейхстага. Въ настоящее же время правительство очень озабочено рѣшеніемъ вопроса, откуда взять средства на покрытіе новыхъ расходовъ на флотъ, «Deckungs-Frage» представляетъ истинный камень преткновенія и найти источники новыхъ доходовъ—задача нелегкая.

Большую сенсацію въ берлинскихъ литературныхъ кружкахъ произвело извѣщеніе, что императоръ Вильгельмъ рѣшилъ въ этомъ году никому не выдавать шиллеровской преміи. Какъ извѣстно, эта премія представляющая денежную награду, должна ежегодно выдаваться какому-нибудь поэту или автору, чьи произведенія будутъ признаны достойными награды. Премію назначаетъ особый комитетъ, но утверждаетъ это назначеніе императоръ. Въ 1896 г. комитетъ, въ которомъ, между прочимъ, засѣдали директоры трехъ королевскихъ театровъ и такіе авторитеты, какъ профессоръ Дильтейхозеръ и Эрихъ Шмидтъ, а также нѣсколько извѣстныхъ писателей, единогласно постановилъ выдать премію Гергардту Гауптману. Но императоръ Вильгельмъ рѣшилъ иначе и, воспользовавшись своимъ правомъ, присудилъ выдать эту премію драматургу

Эрнсту фонъ-Вильденбруху, занимающему въ то же время довольно важную должность въ государствѣ. На этотъ разъ комитетъ снова *единогласно* объявилъ, что нѣтъ автора, который былъ бы болѣе Гергардта Гауптмана достоинъ полученія преміи, и императоръ опять разошелся съ комитетомъ и отказался санкціонировать его рѣшеніе. Въ концѣ концовъ онъ совсѣмъ отмѣнилъ выдачу преміи въ этомъ году.

Конечно этотъ фактъ возбуждаетъ въ печати много толковъ. Говорятъ, что императоръ желалъ бы наградить капитана Лауфа, который посвятилъ свой драматическій талантъ на то, чтобы воспѣвать хвалу Гогенцоллернамъ, но, во всякомъ случаѣ желаніе императора, во что бы то ни стало, устранить Гауптмана, вопреки единогласному рѣшенію комитета, указываетъ, что онъ и въ дѣлахъ искусства желаетъ неуклонно проводить свой знаменитый принципъ: «Regis voluntas suprema lex». Одна изъ нѣмецкихъ газетъ выражаетъ по этому новоду желаніе знать, какого критерія придерживается императоръ при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній. На полученіе отвѣта на свой вопросъ газета, вѣроятно, не разсчитываетъ.

Въ рейхстагѣ происходили также пренія по вопросу о допущеніи женщинъ и реалистовъ въ университеты. Депутатъ Рикертъ указывалъ на то, что женщины все еще терпятъ большія стѣсненія и что положеніе студентокъ зависитъ всецѣло отъ доброй воли каждаго отдѣльнаго профессора. «Женщинамъ,— сказалъ онъ,—не оказываютъ вовсе никакой милости, допуская ихъ въ университеты, но въ сущности предоставляютъ имъ гораздо меньше того, на что они имѣютъ право». Эти пренія указываютъ, что германскія женщины въ сравнительно короткое время значительно шагнули впередъ,—и въ обществѣ и въ рейхстагѣ имѣютъ массу сторонниковъ, сочувствующихъ женскому движенію. Точно также и пренія о допущеніи реалистовъ въ университеты выяснили, что въ германскомъ обществѣ усиливается движеніе противъ классической гимназіи. Даже министръ, графъ Позадовскій, высказался въ рейхстагѣ въ пользу реалистовъ, замѣтивъ, что онъ не слыхалъ, чтобы нужно было изучать греческихъ классиковъ для того, чтобы стать хорошимъ врачемъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue de Paris».—«The Forum».

Revue de Paris Шарль Ланглуа продолжаетъ развивать свой взглядъ на систему классическаго образованія и необходимость реформировать среднюю школу болѣе или менѣе кореннымъ образомъ. Прежняя простая система классическаго преподаванія подверглась съ теченіемъ времени большимъ измѣненіямъ, говоритъ онъ; въ нее была введена масса добавочныхъ главныхъ предметовъ и вслѣдствіе загроможденія программы ученики ничего не изучали какъ слѣдуетъ. Въ настоящее время всѣ приходятъ къ одинаковому заключенію, что результаты греколатинской культуры весьма посредственные; почти всѣ ученики классическихъ гимназій ничего не знаютъ по гречески и очень слабы въ латинскомъ языкѣ, и что всего важнѣе, совершенно не поддаются воспитательному вліянію курса словесныхъ наукъ. Въ этомъ пунктѣ сходятся всѣ, какъ противники, такъ и сторонники классической системы, только одни приписываютъ эти печальные результаты разнымъ нововведеніямъ, ограничившимъ прерогативы классическаго преподаванія, тогда какъ другіе полагаютъ, что именно въ этомъ преподаваніи гнѣздится, корень зла. Въ виду такого разногласія и средства, предлагаемыя для борьбы съ этимъ зломъ, также разнообразны: одни предлагаютъ героическое средство, возстановленіе прежней системы грекола-

тинскаго преподаванія насчетъ всего остального, другіе же, наоборотъ, предлагаютъ совершенно исключить древніе языки изъ программы. Но, разумѣется, между этими двумя крайними представителями двухъ противоположныхъ лагерей находится цѣлый рядъ промежуточныхъ степеней; болѣе умѣренные мечтаютъ о такой реформѣ средняго образованія, которыя примирила бы всѣ интересы. Вопросъ, такимъ образомъ, остается открытымъ до сихъ поръ. Закономъ 27 іюля 1896 года греколатинское преподаваніе было отмѣнено въ Норвегіи во всѣхъ ереднеучебныхъ заведеніяхъ. Это, безъ сомнѣнія, была очень смѣлая реформа, на которую рѣшился норвежскій народъ въ назиданіе крупнымъ европейскимъ государствамъ. Но противники крайнихъ мѣръ предлагаютъ оставить классическому преподаванію то почетное мѣсто, которое оно занимало раньше и только измѣнить методъ этого преподаванія. Многіе справедливо указываютъ на то, что увлеченіе грамматикой было причиной, вызвавшей уклоненіе отъ первоначальной цѣли греколатинскаго преподаванія. Противъ этого «furor grammaticas», который овладѣлъ нѣмецкими гимназіями, возставалъ также Вирховъ въ 1892 году. Многіе изъ весьма ярыхъ словесниковъ находятъ, что нельзя преподавать какъ слѣдуетъ одновременно латинскій и греческій языки: тотъ или другой непремѣнно должны пострадать. Но на счетъ того, которымъ изъ этихъ двухъ языковъ слѣдуетъ пожертвовать, мнѣнія также расходятся. Точно также много споровъ возбуждаетъ вопросъ о превосходствѣ классическаго образованія надъ реальнымъ. «Превосходство тѣхъ, кто получилъ классическое образованіе мнѣ всегда бросалось въ глаза во всѣхъ странахъ», говоритъ Леруа Болье. Но не таково было мнѣніе Трейчке, который доказывалъ, что никто изъ приверженцевъ классическаго образованія не въ состояніи отличить прежнихъ гимназистовъ отъ бывшихъ воспитанниковъ реальныхъ училищъ. По мнѣнію Ланглуа, современная система реальнаго преподаванія страдаетъ такими же недостатками, какъ и классическая система. Въ сущности, эта «новая система», на которую возлагалось столько надеждъ, потерпѣла полную неудачу, такъ какъ она представляетъ не что иное, какъ передѣлку классической программы и точно также не достигаетъ цѣли. И та, и другая система грѣшатъ полнѣйшимъ отсутствіемъ цѣлесообразности, онѣ не могутъ культивировать умъ и не создаютъ истинно образованныхъ людей. Реформа, слѣдовательно, прежде всего должна коснуться этой стороны и освободить программы отъ лишнихъ предметовъ, измѣнивъ въ то же время и самую систему преподаванія. Огромное значеніе имѣетъ также вопросъ объ учителяхъ. Во многихъ странахъ отношенія учебнаго персонала къ учащимся находятся не на высотѣ требованій. Необходимо философское и педагогическое воспитаніе учителей для того, чтобы они могли совладать со своею задачей. Германія опередила въ этомъ отношеніи другія страны и хотя германская педагогика страдаетъ излишнимъ догматизмомъ, но, тѣмъ не менѣе, у нея можно многимъ позаимствоваться и прежде всего рѣчь идетъ о необходимости философской подготовки для учителей и тщательнаго выбора воспитателей юношества, не столько на основаніи ихъ талантовъ, сколько на основаніи ихъ профессіональныхъ способностей, Ланглуа указываетъ на то, что германское общество ставитъ учителямъ большія требованія, но въ то же время оно и окружаетъ ихъ большимъ уваженіемъ и обезпечиваетъ ихъ будущность.

Вопросъ о реформѣ средней школы настолько назрѣлъ во всѣхъ странахъ, что откладывать его разрѣшеніе больше невозможно. Народъ, который съумѣетъ рѣшить эту сложную задачу, получитъ преимущество надъ другими народами, такъ какъ создастъ условія для образованія новаго истинно культурнаго общества, свободнаго отъ всякихъ стѣснительныхъ наслѣдій прошлаго, умѣющаго мыслить и разсуждать и способнаго къ разумной и плодотворной дѣятельности.

The Forum, январь-февраль. Михаилъ Дэвиттъ, извѣстный ирландскій дѣятель, беретъ подъ свою защиту законопроектъ о пенсіяхъ для стариковъ, который разработанъ спеціальнымъ комитетомъ и долженъ быть внесенъ въ парламентъ. Проектъ чрезвычайно интересенъ, какъ одна изъ крупныхъ попытокъ соціальнаго законодательства въ странѣ, вообще мало привыкшей къ вмѣшательству государства въ деликатную область соціальныхъ отношеній. Немудрено, что и этотъ проектъ уже нѣсколько разъ проваливался въ спеціальныхъ комитетахъ, несмотря на сильную поддержку Чэмберлена,—и на этотъ разъ прошелъ лишь большинствомъ 9 противъ 4-хъ, со всевозможными урѣзками. Предполагалось организовать помощь старикамъ (выше 65 лѣтъ) на счетъ особаго налога съ земельной собственности и выдавать эти пенсіи совершенно независимо отъ существующихъ учрежденій призрѣнія бѣдныхъ, чтобы не отпугивать пенсіонеровъ ненавистнымъ для англичанъ призракомъ «рабочаго дома» и не ставить ихъ въ унизительное положеніе просителей милостыни. Такой радикализмъ сильно не понравился консервативной партіи, представителемъ взглядовъ которой выступилъ въ томъ же № «Форума» извѣстный историкъ Лекки, самъ бывшій въ коммиссіи и подавшій голосъ противъ проекта. Лекки настаиваетъ на сохраненіи суровой точки зрѣнія на бѣдныхъ, которую проводилъ законъ 1834 г., и боится, что новый проектъ ослабитъ стремленіе къ сбереженіямъ, сократитъ заботы частныхъ рабочихъ организацій объ обезпеченіи стариковъ и, наконецъ, введетъ новую статью расхода, которая будетъ постоянно рости. За всѣмъ этимъ не трудно разсмотрѣть—впрочемъ, нисколько не скрываемый маститымъ историкомъ—страхъ манчестерства передъ вступленіемъ правительства на путь государственнаго соціализма. Защитники проекта должны были уже теперь пойти на уступки: они поставили въ связь администрацію пенсій съ приходскими попечительствами о бѣдныхъ, сократили предлагаемый расходъ на государственную помощь до 100.000.000 р. ежегодно (вдвое сравнительно съ первоначальнымъ разсчетомъ) отказались отъ спеціальнаго налога и постарались успокоить опасенія противниковъ правиломъ, по которому назначеніе пенсій обставляется рядомъ затрудненій и строгимъ разслѣдованіемъ причинъ, почему проситель не можетъ самъ содержать себя.

Трансваальскій вопросъ дебатируется въ тѣхъ же №№ съ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Профессоръ санскрита, Гопкинсъ, соглашается, что къ поведенію Англіи трудно отнестись сочувственно съ точки зрѣнія обычнаго мѣрила нравственности. Но онъ апеллируетъ къ «высшей нравственности», передъ трибуналомъ которой Англія получаетъ, по его мнѣнію, полное оправданіе. «Я радуюсь тріумфамъ Англіи, потому что она служитъ Богу и человѣчеству. Служить Богу — значитъ улучшать людей, а вездѣ, гдѣ утверждалась Англія, люди улучшались. Такъ было въ Индіи. Такъ и въ Египтѣ. Такъ будетъ и въ южной Африкѣ, когда авторитетъ буровъ уступитъ мѣсто высшей цивилизаціи».

Голландецъ van Beer Poortugael вовсе несогласенъ съ тѣмъ, чтобы Индія процвѣтала подъ британскимъ владычествомъ и ссылается на ея періодическія голодовки. Онъ подробно разсказываетъ удручающую исторію англійско-трансваальскихъ отношеній (см. «Міръ Божій», 1899 г. № 11 и въ настоящей книжкѣ статью Сутнеръ).

Стоитъ ли заниматься колонизаціей, спрашиваетъ Austin, шефъ статистическаго бюро въ Соединенныхъ Штатахъ (подъ колонизаціей онъ разумѣетъ также и завоеваніе новыхъ странъ и новыхъ рынковъ)? По его справкамъ, оказывается, что очень стоитъ. Въ 1897 г. британскія колоніи получили цѣлыхъ 41% своего ввоза непосредственно изъ Великобританіи, тогда какъ въ странахъ не подчиненныхъ британскому авторитету—только 14% всѣхъ товаровъ куплено было у англичанъ.

Американскій купецъ Fearon, тридцать лѣтъ торговавшій въ Шанхаѣ,—развертываетъ не менѣе блестящія перспективы для торговли своихъ земляковъ съ Китаемъ. «Вмѣсто того, чтобы подозрѣвать въ Китаѣ будущаго конкурента на всемірномъ рынкѣ,—замѣчаетъ онъ,—наше правительство и народъ должны бы были серьезно постараться сохранить за нами ту равноправность въ торговомъ отношеніи, которую мы имѣемъ по существующимъ трактатамъ. Намъ будетъ что дѣлать при постройкѣ многихъ тысячъ миль желѣзныхъ дорогъ, въ которыхъ нуждается Китай, при снабженіи его всякаго рода машинами и всевозможными приспособленіями для промышленнаго производства; въ этомъ отношеніи Китай еще для многихъ поколѣній будетъ представлять величайшій рынокъ въ мірѣ... Доля Соединенныхъ Штатовъ на этомъ рынкѣ зависитъ исключительно отъ тѣхъ усилій, которыя будутъ сдѣланы въ ближайшіе годы—пока поле еще открыто для всѣхъ».

Можно ли назвать нашъ вѣкъ—вѣкомъ вырожденія? W. Thayer предпочитаетъ называть его вѣкомъ долговѣчности, и приводитъ въ защиту своего мнѣнія цифры. Средняя продолжительность человѣческой жизни увеличилась въ теченіе этого вѣка—благодаря улучшенію санитарныхъ условій въ цивилизованныхъ странахъ, благодаря усовершенствованію медицины, наконецъ, благодаря болѣе правильному образу жизни—съ 30 лѣтъ до 40. Но, можетъ быть, вырождается психика людей, наиболѣе подверженныхъ тратѣ нервовъ, т.-е. интеллигенціи? Авторъ и на этотъ вопросъ отвѣчаетъ самой утѣшительной справкой. Онъ собралъ свѣдѣнія о 500 слишкомъ писателяхъ и общественныхъ дѣятеляхъ. Результатъ получился слѣдующій. Всѣхъ короче жизнь романистовъ, но и они живутъ, въ среднемъ, 62—63 года. Философы, поэты, живописцы и скульпторы, духовныя лица—живутъ 65—66 лѣтъ. Агитаторы и государственные люди живутъ еще долѣе—69—71 годъ. Наконецъ, всего долговѣчнѣе оказываются спеціалисты по естественнымъ наукамъ, изобрѣтатели и историки: средняя продолжительность ихъ жизни—72—73 года. Опираясь на эти факты, авторъ протестуетъ противъ объясненія генія, какъ ненормальности. Нормальный человѣкъ не есть дикарь, а человѣкъ усовершенствовавшій свою натуру для успѣшной борьбы съ природой. Въ этомъ отношеніи только что истекшій вѣкъ выше всѣхъ предыдущихъ.

Трансваальская «афера».

(Статья Берты фонъ-Суттнеръ, изъ «Die Zeit»).

Съ каждымъ днемъ становится яснѣе сходство между драмой, волновавшей французскую республику во время процесса Дрейфуса, и трагедіей, разыгрывающейся теперь въ Англіи по поводу Трансвааля. Та же лихорадка націоналистическаго шовинизма въ парламентскихъ кругахъ, въ правительствѣ и въ самомъ населеніи, та же ложь и травля въ печати, тѣ же грубыя демонстраціи простонародья. То же тупое упрямство и отстаиваніе несправедливаго дѣла, то же искаженіе и укрываніе истины, тотъ же надменный отказъ отъ всякаго разслѣдованія и нежеланіе подвергнуть хотя бы тѣни сомнѣнія справедливость затѣяннаго предпріятія. Совершенно какъ было съ «chose jugée» французской «аферы».

Аналогія идетъ и дальше. Небольшая кучка англійскихъ «интеллигентовъ», въ pendant къ историческимъ уже теперь фигурамъ Зола, Лабори, Пикара, Прессансе, ни минуты не переставала,—до войны также какъ и послѣ ея объявленія,—громко протестовать противъ нея; и точно такъ же какъ тѣхъ, такъ и этихъ всячески старались заподозрить въ продажности, въ отсутствіи

патріотизма: ихъ осыпали клеветами, ругательствами и даже побоями. Ихъ бойкотировали, какъ только могли; всякій, кто осмѣливался произнести свое «j'accuse» противъ махинацій, вызвавшихъ войну, привлечь къ отвѣту господъ вродѣ Чэмберлена или Мильнера, спасти сто тысячъ невинныхъ съ того Чортова острова, который представляетъ изъ себя южно-африканскій театръ войны,— всякій такой смѣльчакъ немедленно изгонялся изъ службы, изъ магазиновъ, изъ редакцій.

Еще одна аналогія заключается въ томъ единодушномъ осужденіи, съ которымъ отнесся весь цивилизованный міръ къ поведенію англійскаго правительства и солидарнаго съ нимъ англійскаго народа. То же самое было и съ Франціей; и англичане тогда сильнѣе всѣхъ другихъ народовъ негодовали на сучекъ въ глазу французовъ. Французскіе націоналисты совершенно равнодушно относились къ порицанію иностранцевъ: они, пожалуй, ничего бы не имѣли даже противъ маленькой войны Такъ же точно относятся и англичане къ иноземной критикѣ: объявилъ же герцогъ Девонширскій, что все это—дѣло печати подкупленной Лейдсомъ. Лучшимъ средствомъ противъ иностранныхъ порицаній объявлено было усиленіе флота и введеніе всеобщей воинской повинности. Чѣмъ яснѣе сознавалась англичанами потеря общихъ симпатій, тѣмъ громче они кричали, что война справедлива, что она—священна, что ее необходимо довести до конца. Чэмберленъ и его партія—такъ же неприкосновенны, какъ Мерсье и его штабъ. Разоблаченія «Indépendance Belge» объ участіи Чэмберлена въ Джемсоновскомъ набѣгѣ напоминаютъ намъ открытіе подлоговъ въ процессѣ Дрейфуса. Недавняя побѣда министра колоній въ парламентѣ напоминаетъ то засѣданіе французской камеры, въ которомъ рѣшено было опубликовать доказательство виновности въ надеждѣ покончить этимъ съ «аферой». Такія параллели можно бы было подбирать безъ конца. Но вотъ гдѣ аналогія кончается.

Французскіе борцы за правду и справедливость находили опору въ сочувствіи цѣлаго міра. Каждое ихъ слово отмѣчалось всей печатью. Со всѣхъ сторонъ они получали выраженія сочувствія и удивленія; весь свѣтъ боролся вмѣстѣ съ ними. Въ трансваальской «аферѣ» общее вниманіе сосредоточено на стратегическихъ новостяхъ съ театра войны; объ Англіи же думаютъ, что весь народъ тамъ на сторонѣ Чэмберлена. О героическихъ усиліяхъ тамошнихъ защитниковъ права и правды очень мало извѣстно; большинство думаетъ, что даже и тѣ слабыя проявленія протеста, которыя обнаружились во время преній объ адресѣ, надо считать окончательно подавленными.

Это совершенно невѣрно. Точно такъ же какъ оправданіе Эстергази, осужденіе Зола и первые тріумфы «chose jugée» не остановили борьбы за пересмотръ процесса, такъ и англійскіе «интеллигенты» не перестанутъ требовать, чтобы скрываемыя изъ «государственныхъ соображеній» интриги были выведены на свѣжую воду и чтобы былъ, наконецъ, положенъ предѣлъ гибельной для отечества войнѣ.

Добьются ли они этого? Кто знаетъ? Во всякомъ случѣ, задача ихъ, и безъ того трудная, еще больше затрудняется тѣмъ, что они лишены сочувствія и признанія всего остального міра.—Надо, чтобы мы знали, по крайней мѣрѣ, что сдѣлано въ этомъ направленіи; надо, чтобы были извѣстны имена тѣхъ, кто рисковалъ популярностью, чтобы добиться побѣды мира и справедливости.

Среди газетъ, оставшихся вѣрными дѣлу мира, наиболѣе выдающіяся: «Westminster Gazette», «The Morning Leader», «The Star», «The Speaker», потомъ «Arbitrator» Рандаля Кремера, еженедѣльный органъ Стеда—«War against the Transvaal war» и множество отдѣльныхъ брошюръ.

Въ составъ «южно-африканскаго комитета примиренія» входятъ: Гербертъ Спенсеръ, величайшій изъ современныхъ мыслителей Англіи, Генри Гладстонъ,

сынъ покойнаго премьера, Оскаръ Браунингъ, Вальтеръ, Крэнъ, Фредерикъ Гаррисонъ, епископъ Герфордскій, «деканы»: винчестерскій, линкольскій и дэргемскій, лордъ и леди Кольриджъ и т. д., и т. д. Предсѣдателемъ состоитъ членъ парламента Леонардъ Кортней.

О цѣляхъ комитета свидѣтельствуетъ выпущенное имъ воззваніе:

«Прискорбная трата крови и денегъ, происходящая въ Южной Африкѣ и влекущая за собой бѣдствія для нашей Капской колоніи и серьезную опасность для всей имперіи, возбудила во многихъ изъ насъ желаніе организовать комитетъ для распространенія точныхъ свѣдѣній о предметѣ спора, а также для подготовки мирнаго разрѣшенія великаго конфликта между нашей страной и республиками буровъ».

О политикѣ «доведенія до конца» сэръ Вильфридъ Лоусонъ въ своей статьѣ, напечатанной въ «Вестминстерской газетѣ», судитъ слѣдующимъ образомъ:

«Многія высокопоставленныя и выдающіяся лица утверждаютъ, что намъ, конечно, не слѣдовало бы впутываться въ Трансваальскую войну, но что, разъ мы впутались, надо довести дѣло до конца. Имъ кажется, что остановиться теперь было бы опаснѣе, чѣмъ остановиться впослѣдствіи, потому что когда-нибудь все таки нужно будетъ остановиться. Но остановить войну можно только путемъ соглашенія сторонъ, и оспариваемое мною мнѣніе состоитъ въ томъ, что соглашеніе лучше отложить до того времени, когда кончится война и убито будетъ гораздо больше британцевъ и буровъ. Но количество убитыхъ съ обѣихъ сторонъ не находится ни въ какой связи съ справедливостью того дѣла, изъ-за котораго мы деремся. Итакъ, это будетъ рѣзня для рѣзни. Безполезно говорить, что буры не приняли бы теперь никакихъ разумныхъ условій. Что они примутъ, это ихъ дѣло,—но дѣломъ нашей порядочности было бы объявить имъ, каковы наши условія и чего мы хотимъ добиться продолженіемъ войны. Вся болтовня на тему, будто буры—нападающая сторона, кажется мнѣ совершеннымъ вздоромъ. Всѣмъ извѣстно, что мы сами накликали войну, пославши войска въ то время, какъ велись переговоры, и затянувъ эти переговоры, съ тѣмъ чтобы выиграть время для военныхъ приготовленій. Во мнѣ эта фраза—довести до конца—вызываетъ отвращеніе. Въ своей политической жизни я немало встрѣчалъ безнравственныхъ девизовъ, но этотъ превосходитъ все, что я слышалъ. Возмутительно было слышать, что либеральный манчестерскій клубъ принялъ резолюцію, не находящую для правительства никакого другаго исхода, кромѣ продолженія войны. Если нѣтъ иного выбора, какъ дѣлать неправду, то запремъ всѣ наши церкви и часовни, перестанемъ кичиться религіей и цивилизаціей и прежде всего распустимъ либеральную партію, потому что если она не есть то, чѣмъ считалъ ее Гладстонъ—«великое орудіе добра,—то она просто ложь, обманъ, ловушка».

Для противодѣйствія войнѣ образовался не одинъ этотъ комитетъ одновременно съ нимъ возникаютъ и многіе другіе. Одна группа, напр. (члены парламента, публицисты, духовныя лица), распространила воззваніе, озаглавленное: «движеніе въ пользу пріостановки войны. Къ народу и его вождямъ», слѣдующаго содержанія:

Мы призываемъ васъ—остановить войну. Это война несправедливая; мы никогда не должны бы были ее начинать. Мы не можемъ въ ней ничего выиграть, но можемъ все потерять. Довести ее до конца—только потому, что мы ее начали—значило бы къ одному преступленію прибавить другое.

Взглянемъ фактамъ въ глаза. Если бы мы согласились на третейскій судъ, который предлагалъ президентъ Крюгеръ и отъ котораго мы отказались, то не было бы никакой войны. До войны не дошло бы, если бы правительство разсчитало издержки; если бы собственники золотыхъ розсыпей не разсчитывали бы на уменьшеніе рабочей платы и на увеличеніе дивидендовъ.

Что такое буры? Голландцы, живущіе въ южной Африкѣ; такіе же бѣлые люди и протестанты, какъ мы; они читаютъ ту же Библію и молятся тому же Богу; они убѣждены, что борятся за свою свободу и родину, при полномъ сочувствіи всей Европы, за исключеніемъ Турціи.

Почему мы не требуемъ перемирія? Тогда мы могли бы впервые узнать, въ чемъ заключается разногласіе между нами. И увидѣвши ясно, чего хочетъ каждая сторона, мы увидѣли бы, какъ можно уладить дѣло. И если бы даже не удалось придти ни къ какому соглашенію, то можно бы было передать дѣло третейскому суду.

Что значитъ довести войну до конца? Значитъ—пожертвовать двадцатью тысячами жизней нашихъ храбрыхъ сыновъ. Перерѣзать, по меньшей мѣрѣ, столько же храбрыхъ буровъ. Отягчить положеніе бѣдняковъ на родинѣ. Вызвать застой въ торговлѣ. Повысить подати. Расточить сотню милліоновъ нашихъ кровныхъ денегъ. И, наконецъ, прибѣгнуть къ набору.

Стоитъ ли игра свѣчъ? Когда мы искупаемся въ крови, чтобы водрузить наше знамя въ Преторіи, то тогда лишь начнутся настоящія трудности. Мы завоюемъ народъ, которымъ не сможемъ управлять безъ его согласія. А если мы попробуемъ управлять имъ противъ его воли, то намъ придется держать тамъ по крайней мѣрѣ 50.000 солдатъ.

Сорокъ тысячъ рабочихъ вотировали 20 января резолюцію, предложенную вице-президентомъ радикальной федераціи въ Лондонѣ, Петтенгеллемъ, и требовавшую низложенія кабинета, вовлекшаго страну въ неудачную, несправедливую и дорогую войну. Кортней, членъ нижней палаты, въ публичныхъ собраніяхъ доказывалъ отвѣтственность Чэмберлена за набѣгъ Джемсона, основываясь на письмахъ Гавкслея, напечатанныхъ въ «Indépendance Belge» и замолчанныхъ министерскими органами печати. На большомъ митингѣ въ пользу возстановленія мира въ Эксетеръ-голлѣ предсѣдательствовавшій Сайласъ Гокингъ объяснилъ созывъ собранія тѣмъ, что отъ изъ всѣхъ частей Англіи, Шотландіи и Ирландіи онъ получаетъ сотни писемъ отъ людей, жалующихся на то, что принужденъ молчать и желавшихъ облегчить себя хотя бы простымъ выраженіемъ своихъ чувствъ противъ продолженія войны. «Тридцать лѣтъ я проповѣдывалъ людямъ Евангеліе и продолжаю думать, что этику Новаго Завѣта слѣдуетъ распространять также и намеждународныя отношенія. Я не хочу думать, что христіанство потерпѣло фіаско. Я не вѣрю также, чтобы упорство въ несправедливости вело къ правдѣ». Организованный на этомъ митингѣ союзъ мира постановилъ слѣдующую резолюцію:

«Принявъ во вниманіе, что провокація къ безполезной войнѣ составляетъ преступленіе противъ человѣчности и что ея продолженіе изъ-за поддержанія имперіалистскаго престижа равносильно увеличенію національныхъ грѣховъ, мы обращаемся къ правительствамъ имперіи и республикъ съ мольбою пріостановить безцѣльное кровопролитіе, съ тѣмъ чтобы мы могли, наконецъ, узнать, зачѣмъ мы воюемъ и такимъ образомъ подготовить почетное соглашеніе или путемъ прямыхъ переговоровъ, или путемъ посредничества какой-либо дружественной нейтральной державы, въ смыслѣ принциповъ Гаагской конференціи».

В. Т. Стедъ присоединяетъ къ этому дальнѣйшія объясненія, содержащія въ себѣ заразъ и обвиненіе, и разоблаченіе относительно происхожденія войны.

«Мы полагаемъ, что настоящая война возникла изъ лживыхъ утвержденій и надменной политики секретаря колоній. Мы твердо убѣждены, что всѣ затрудненія возникли изъ совершенно основательнаго недовѣрія буровъ къ Чэмберлену участіе котораго въ заговорѣ Родса и Джемсона еще сильнѣе было подчеркнуто его желаніемъ—замазать глаза парламентской комиссіи. Мы объявляемъ нечестной его попытку возстановить верховную власть 1881 г., уничтоженную въ 1884. Мы считаемъ нечестнымъ поступкомъ — отказъ отъ своего собственнаго

предложенія (назначить коммиссію для изслѣдованія вопроса о семилѣтнемъ срокѣ для вступленія въ подданство), какъ разъ въ ту минуту, когда Крюгеръ согласился принять эте предложеніе. Мы заявляемъ наше отвращеніе и негодованіе по поводу циническаго признанія Чемберлена, что кровавая и несчастная война была послѣдствіемъ его неумѣнія написать ясную депешу въ отвѣтъ на предложеніе пятилѣтняго срока со стороны Крюгера. Мы отвергаемъ, какъ придуманный позднѣе, хитрый миѳъ о великомъ голландскомъ заговорѣ и объявляемъ ложью—утвержденіе, будто вооруженія Крюгера начались раньше 1895 г. и имѣли какую-либо иную цѣль, помимо законнаго желанія оградить себя на случай повторенія комплота. Мы глубоко сожалѣемъ объ упорномъ отказѣ нашего правительства исполнить настойчивую и нѣсколько разъ повторенную просьбу Крюгера—рѣшить всѣ разногласія посредствомъ третейскаго суда. Наконецъ, мы выражаемъ твердую увѣренность въ томъ, что пока Чэмберленъ не удаленъ изъ министерства колоній, пока онъ занимаетъ тотъ почетный постъ, которымъ онъ злоупотребилъ, нарушивъ имперскій миръ и замаравъ репутацію Англіи, до тѣхъ поръ не будетъ никакой возможности возстановить миръ въ южной Африкѣ».

Это—сильный языкъ. Уида, блестящая романистка, тоже пишетъ письмо въ «Вестминстерскую газету», въ которомъ предостерегаетъ своихъ земляковъ отъ отвращенія, какое вызвалъ въ нравственномъ сознаніи Европы теперешній «шутовской имперіализмъ англичанъ».

Въ дѣлѣ Дрейфуса весь свѣтъ прислушивался къ ходу борьбы, потому что всѣ чувствовали, что на карту поставлена вовсе не судьба одного человѣка, а справедливость и истина противъ «государственныхъ соображеній» и національнаго фанатизма. Въ трансваальскомъ дѣлѣ—тотъ же антагонизмъ повторяется въ безконечно-большихъ размѣрахъ. Здѣсь на карту поставленъ вопросъ: неужели цѣлые народы должны впутываться въ несправедливыя и гибельныя войны всякій разъ, когда какой-нибудь кликѣ, добивающейся почета или власти, вздумается, при помощи уличныхъ криковъ и при поддержкѣ разбойниковъ печати, выдвинуть на сцену casus belli? И если ужъ рѣшили и начали воевать, неужели chose jugée, какъ бы ни была она лжива и вредна, должна быть освобождена отъ всякаго пересмотра? Неужели невинные будутъ попрежнему страдать,—все равно, по одиночкѣ ли гдѣ-нибудь въ ссылкѣ или цѣлыми тысячами на полѣ битвы? Небольшая кучка «интеллигентовъ» теперь въ Англіи, какъ тогда во Франціи, отвѣчаетъ—нѣтъ! На «интеллигентахъ» остального міра лежитъ долгъ оказать имъ поддержку своимъ сочувствіемъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Физіологія. 1) Особенности чувства обонянія и новая гипотеза о причинѣ обонятельныхъ ощущеній. 2) Какъ отзывается на ребенкѣ употребленіе спиртныхъ напитковъ матерью. 3) О цвѣтной слѣпотѣ. *Д. Н.*—**Метеорологія.** Выстрѣлы, какъ средство противъ града.—**Техника.** Новый сплавъ—магналій. *П. М.*—**Астрономическія извѣстія.** *К. Покровскій.*

Физіологія. *Особенности чувства обонянія и новая гипотеза о причинѣ обонятельныхъ ощущеній.* И въ практикѣ обыденной жизни, и въ изученіи явленій природы мы въ сущности руководствуемся впечатлѣніями, доставляемыми органами чувствъ. Едва ли не наименьшее значеніе для насъ имѣетъ чувство обонянія, и, быть можетъ, поэтому оно наименѣе обстоятельно изучено, но въ физіологическомъ отношеніи оно представляетъ большой интересъ, такъ такъ рѣзко отличается во многомъ отъ остальныхъ чувствъ (кромѣ вкуса). Органы зрѣнія и слуха даютъ намъ весьма опредѣленныя указанія не только относительно качественной, но также и количественной стороны воздѣйствія, вызывающаго соотвѣтствующее ощущеніе; такъ, напр., весьма нетрудно научиться опредѣлять 10 градацій въ яркости звѣздъ (такъ называемую величину звѣздъ); при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что по чувствительности къ слабому свѣту человѣческій глазъ неизмѣримо превышаетъ лучшія фотографическія пластинки: если при ихъ помощи мы можемъ получить изображенія предметовъ, недоступныхъ глазу, какъ, напр., слабо свѣтящихъ звѣздъ, то это только потому, что время, въ теченіе котораго пластинка можетъ воспринимать вліяніе свѣта, весьма продолжительно, тогда какъ глазъ въ этомъ отношеніи скорѣе приближается къ моментальному аппарату,—сѣтчатка глаза очень скоро утомляется. Обонянiе во многихъ случаяхъ количественныхъ отношеній намъ совершенно не указываетъ; правда, мы говоримъ о сильномъ и слабомъ запахѣ, но по наблюденіямъ оказывается, что зачастую сила впечатлѣнія вовсе не зависитъ отъ количества вещества, дѣйствующаго на концевые (воспринимающіе) аппараты обонятельнаго нерва. Далѣе мы знаемъ, что у нормальнаго человѣка опредѣленному свѣтовому или звуковому впечатлѣнію соотвѣтствуетъ одно только явленіе, т. е., напр., впечатлѣніе даннаго музыкальнаго тона можетъ быть вызвано только извѣстными, строго опредѣленными колебаніями частицъ воздуха. Между тѣмъ одинаковый для насъ запахъ имѣютъ иногда совершенно различныя вещества, и, что особенно замѣчательно, при постепенномъ повышеніи воздѣйствія на обонятельный аппаратъ нѣкоторыхъ веществъ впечатлѣніе качественно совершенно измѣняется или (въ другихъ случаяхъ) ослабѣваетъ. На нѣкоторыхъ интересныхъ примѣрахъ мы остановимся подробнѣе.

Всякій знаетъ, что чувство обонянія у нормально развитого и здороваго человѣка отличается большой тонкостью. Особыми изслѣдованіями установлено, что при помощи обонянія мы можемъ ясно различить присутствіе такого количества пахучаго вещества, какое далеко недостаточно, чтобы быть узнаннымъ какимъ-либо инымъ способомъ посредствомъ остальныхъ органовъ чувствъ. До-

казательства тому можетъ дать каждый пахучій цвѣтокъ. Такъ, напр., количество вещества, содержащагося въ цвѣтахъ фіалки, отъ котораго зависитъ ея запахъ, такъ мало, что нужно взять не одинъ пудъ цвѣтовъ, чтобы получить 1 граммъ (приблизительно 1/4 золотника) этого пахучаго вещества. Количество пахучаго вещества, содержащееся въ букетѣ фіалокъ, не достигаетъ милліонной доли грамма и только ничтожная часть этого количества переходитъ въ воздухъ, но достаточно войти въ комнату, гдѣ находятся фіалки, и немного втянуть въ себя воздухъ, чтобы почувствовать запахъ; не только опредѣлить, сколько пахучаго вещества достигаетъ при этомъ нервныхъ окончаній въ слизистой оболочкѣ носа, но даже и представить себѣ это количество мы совершенно не можемъ, во всякомъ случаѣ оно неизмѣримо меньше тѣхъ количествъ, которыя химики обозначаютъ словомъ «слѣды». Единственно, быть можетъ, наиболѣе чувствительный изъ аналитическихъ методовъ—спектральный анализъ—и то въ наиболѣе чувствительной реакціи, а именно въ опредѣленіи натрія, можетъ ограничиться такимъ же малымъ количествомъ вещества, какъ обоняніе.

Если, вмѣсто одного букета фіалокъ, мы помѣстимъ ихъ десять въ комнатѣ, то каждый изъ насъ тотчасъ замѣтитъ, что запахъ усилился. Но и въ данномъ случаѣ количество пахучаго вещества все же совершенно ничтожно. Иныя впечатлѣнія получаемъ мы, когда на нашъ обонятельный аппаратъ дѣйствуетъ дѣйствительно большое количество пахучаго вещества фіалки. Въ настоящее время найденъ способъ приготовлять это вещество въ произвольныхъ количествахъ. Въ опытахъ было получено его столько, сколько, быть можетъ, его содержится во всѣхъ фіалкахъ, расцвѣтающихъ въ теченіе лѣта въ Европѣ. Стклянки съ этимъ веществомъ оставались открытыми въ лабораторіи и даже его нагрѣвали до кипѣнія, такъ что значительное количество его переходило въ видѣ паровъ въ воздухѣ, но было бы весьма ошибочно думать, что химикъ, производившій эти опыты, чувствовалъ сильнѣйшій запахъ фіалокъ. Въ дѣйствительности этого не было. По мѣрѣ того, какъ въ воздухѣ увеличивалось количество паровъ этого пахучаго вещества, запахъ цвѣтовъ становился слабѣе и слабѣе и вскорѣ совершенно исчезъ; вмѣсто него распространился сильный запахъ малины. Это обстоятельство тѣмъ болѣе удивительно, что пахучее вещество малины также уже получено въ чистомъ видѣ и не обнаруживаетъ способности при сильномъ разжиженіи принимать запахъ фіалки. Не слѣдуетъ также думать, что превращеніе запаха фіалки въ запахъ малины въ указанномъ случаѣ можетъ быть сведено къ утомленію обонятельныхъ нервовъ: этотъ запахъ ощущается тотчасъ же и свѣжимъ человѣкомъ, если пахучее вещество взято въ большомъ количествѣ. Въ послѣднее время очень много приготовляется духовъ запаха фіалки именно вслѣдствіе того, что найденъ способъ получать это пахучее вещество синтетически. Но многіе изъ этихъ духовъ пахнутъ не фіалкой, а малиной и только потому, что въ духи прибавлено слишкомъ много вещества, которое само по себѣ совершенно тожественно съ пахучимъ веществомъ фіалки и дѣйствительно даетъ запахъ фіалки, если его взять гораздо меньше.

Появленіемъ запаха малины не оканчиваются удивительныя измѣненія, которыя наблюдаются въ воздѣйствіи пахучаго вещества фіалокъ на обоняніе. Если подѣйствовать на обонятельный аппаратъ еще бо̀льшимъ количествомъ этого вещества, чѣмъ то, которое необходимо для полученія запаха малины,—напр., если понюхать сосудъ, въ которомъ содержится совершенно чистое, неразбавленное пахучее вещество фіалки, то чувствуется опять новый запахъ, а именно весьма слабый запахъ кедроваго дерева (такъ пахнутъ, напр., только что очиненные карандаши). Кедровое масло также получено въ чистомъ видѣ, но никогда не наблюдалось, чтобы оно и при сильномъ разжиженіи пахло малиной или фіал-

ками. Описанныя особенности пахучаго вещества фіалки не представляютъ особаго исключенія, извѣстно не мало аналогичныхъ явленій. Особенно поразительны тѣ случаи, когда вещества, отвратительно пахнущія, при соотвѣтствующемъ разжиженіи превращаются въ ароматическія. Недавно былъ найденъ новый примѣръ такого превращенія при изслѣдованіи пахучаго масла изъ цвѣтовъ жасмина. Оказалось, что ароматъ жасмина принадлежитъ къ сложнымъ запахамъ, т.-е. что онъ зависитъ отъ нѣсколкихъ сильно пахнущихъ веществъ, взятыхъ вмѣстѣ. Въ числѣ ихъ важную роль играетъ индолъ,—вещество, которое давно уже извѣстно и которое принадлежитъ къ постояннымъ продуктамъ гніенія. Это вещество въ чистомъ видѣ отличается чрезвычайнымъ зловоніемъ и только при большомъ разбавленіи, въ какомъ оно находится въ маслѣ цвѣтовъ жасмина, оно принимаетъ участіе въ образованіи его характернаго аромата. Не менѣе удивительны, чѣмъ указанныя превращенія запаховъ, тѣ случаи, когда пахучее вещество при увеличеніи концентраціи дѣйствуетъ слабѣе. Такъ бываетъ, напримѣръ, съ искусственнымъ мускусомъ, съ ваниллиномъ (пахучимъ веществомъ ванили), съ пиперональемъ (пахучимъ веществомъ геліотропа), съ кумариномъ, отъ котораго зависитъ запахъ свѣже-скошеннаго сѣна,—всѣ эти вещества въ большомъ количествѣ почти совсѣмъ не пахнутъ или пахнутъ очень слабо, и только при достаточномъ разжиженіи чувствуется ихъ настоящій запахъ. Такимъ образомъ, органъ обонянія по чувствительности можетъ быть поставленъ выше такихъ приборовъ, какъ спектроскопъ и гальванометръ съ зеркаломъ

Только что сообщенныя наблюденія съ достаточной ясностью показываютъ, почему мы не можемъ широко пользоваться чувствомъ обонянія въ изученіи явленій природы, но, разумѣется, истинная причина тому заключается не въ самыхъ свойствахъ чувства, но въ томъ, что свойства эти недостаточно хорошо изучены. Насколько, дѣйствительно, мало разработаны и не прочны наши представленія о механизмѣ обонянія, показываетъ то, что до сихъ поръ не установлено съ несомнѣнностью всѣми принимаемое основное положеніе, по которому ощущеніе запаха вызывается непосредственнымъ воздѣйствіемъ частицъ пахучаго вещества, переносящихся воздухомъ, на концевые аппараты обонятельнаго нерва въ слизистой оболочкѣ носа. Въ № 26. Т. CXXIX «Comptes rendus» Парижской академіи помѣщена статья Vaschide et Van Melle «Une nouvelle hypothése sur la nature des conditions phisiques de l'odorat», авторы которой не безъ основанія считаютъ это положеніе совершенно недоказаннымъ. По общепринятымъ представленіямъ мы ощущаемъ запахъ потому, что отъ пахучаго вещества непрерывно отдѣляются мельчайшія частицы (т.-е. оно испаряется), распространяются въ воздухѣ по всѣмъ направленіямъ, достигаютъ слизистой оболочки носа, растворяются въ выдѣляемой ею жидкости и такимъ образомъ приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ окончаніями волоконъ обонятельныхъ нервовъ. Соотвѣтственно этому представленію тѣла, имѣющія запахъ, должны, во-первыхъ, испытывать потерю въ вѣсѣ, если они не находятся въ герметически запертомъ сосудѣ и, во-вторыхъ, должны непремѣнно растворяться въ выдѣленіяхъ слизистой оболочки. Всѣ доказательства въ пользу указаннаго представленія сводятся къ слѣдующему: 1) запахи переносятся воздухомъ и, чтобы почувствовать запахъ, необходимо ввести въ полость носа воздухъ, содержащій частицы пахучаго вещества; 2) если пахучее вещество заключить въ герметически запертое вмѣстилище, то запаха болѣе не чувствуется. Конечно, такія доказательства совершенно недостаточны и авторы указанной работы, на основаніи цѣлаго ряда соображеній, приходятъ къ гипотезѣ о непрямомъ воздѣйствіи пахучаго вещества на обонятельные нервы: по ихъ представленію, отъ пахучихъ тѣлъ лучами расходятся короткія волны, аналогичныя, но не подобныя тѣмъ, которыя мы считаемъ причиною свѣта, тепла

и явленій, наблюдавшихся Рентгеномъ. По поводу упомянутыхъ выше доказательствъ общепринятаго воззрѣнія, они приводятъ слѣдующія соображенія, которыя кажутся небезосновательными: 1) звукъ также переносится воздухомъ, равно какъ и теплота въ нѣкоторыхъ условіяхъ, однако никто на этомъ основаніи не дѣлаетъ предположеній, что отъ нагрѣтаго или звучащаго тѣла отдѣляются и переносятся частицы; 2) если запереть герметически въ не прозрачномъ вмѣстилищѣ источникъ свѣта, то онъ не будетъ возбуждать свѣтовыхъ ощущеній; но, вѣдь, прозрачное для свѣта не въ той же степени прозрачно для тепла и еще менѣе для лучей Рентгена. Поэтому, врядъ ли логично ожидать, чтобы по отношенію къ гипотетическимъ лучамъ запаха всѣ вещества были прозрачны, да къ тому же и опытовъ въ этомъ направленіи никакихъ не имѣется.

Соображенія въ пользу предлагаемой гипотезы, изъ которыхъ мы разсмотримъ наиболѣе важныя, резюмируются такъ. 1) «Исторія науки показываетъ, что постепенно мы были вынуждены признать ближайшими причинами ощущеній не самыя тѣла, которыя, повидимому, вызываютъ ихъ, а измѣненія въ окружающей средѣ». Это безусловно вѣрно для зрѣнія и слуха, но не для вкуса и осязанія. 2) «Обонятельные нервы начинаются въ мозгу тамъ же, гдѣ и зрительные, и отличаются въ этомъ отношеніи отъ всѣхъ остальныхъ чувствительныхъ нервовъ». Это обстоятельство на мой взглядъ не имѣетъ никакого значенія: изъ сосѣдства органовъ никакъ нельзя заключать о сходствѣ ихъ функцій, и наоборотъ, слуховые нервы, начинаясь не тамъ же, гдѣ и зрительные, возбуждаются подобно имъ колебаніями опредѣленнаго типа. 4) «Пахучія вещества способны поглощать лучистую теплоту, какъ показалъ Тиндаль». По мнѣнію авторовъ, это доказываетъ, что существуетъ нѣкоторое внутреннее соотношеніе между пахучими веществами и лучами теплоты, но есть много тѣлъ совершенно не пахучихъ, которые, однако также поглощаютъ тепловые лучи, скорѣе можно утверждать, что совершенно не существуетъ такихъ тѣлъ, которыя бы вовсе не поглощали этихъ лучей.· 6) «Есть много тѣлъ, частицы которыхъ непрерывно отдѣляются, другими словами, которыя превращаются въ пары, и однако не издаютъ запаха, равнымъ образомъ есть другія тѣла, которыя издаютъ весьма сильные запахи, но относительно которыхъ совершенно нельзя доказать, чтобы они испарялись». Это послѣднее обстоятельство крайне важно, и было бы совершенно достаточно одного только прочно установленнаго наблюденія, что данное тѣло обладаетъ запахомъ и въ то же время совершенно не испаряется, чтобы отвергнуть общепринятое представленіе о воздѣйствіи пахучихъ веществъ на органы обонянія, но, къ сожалѣнію, авторы не приводятъ примѣровъ явленій, на которыя они ссылаются, такъ что и это весьма важное соображеніе все-таки остается нѣсколько сомнительнымъ. 7) «Существуютъ вещества, изъ которыхъ каждое само по себѣ распространяетъ довольно сильный запахъ, но которыя, взятыя вмѣстѣ, *не образуя новаго химическаго соединенія*, совершенно уничтожаютъ взаимно ихъ запахи, напр., кофе и одоформъ. Это явленіе представляетъ аналогію съ тѣмъ, что происходитъ, когда тѣло теплое и холодное находятся рядомъ. Они уничтожаютъ тѣ ощущенія, которыя обыкновенно вызываютъ, дѣйствуя отдѣльно». Мнѣ кажется, въ этомъ наблюденіи относительно запаховъ можно видѣть аналогію съ другимъ, весьма распространеннымъ и поразительнымъ явленіемъ, которое однако вполнѣ объясняется существующими теоріями, я подразумѣваю явленія интерференціи свѣта и звука, т.-е. такіе случаи, когда лучи свѣта или звуки взаимно уничтожаютъ другъ друга, когда, слѣдовательно, соединеніе двухъ пучковъ лучей даетъ темноту и соединеніе двухъ звуковъ—тишину. Указанныя наблюденія, если только они подтвердятся дальнѣйшими опытами, весьма сильно говорятъ въ пользу предлагаемой гипотезы, тѣмъ болѣе что для осязанія, гдѣ мы имѣемъ непо-

средственное воздѣйствіе тѣла на концевые аппараты нервовъ, ничего подобнаго, разумѣется, не можетъ наблюдаться и не наблюдается. 8) «Многочисленными опытами (напр. Старка, Эдинбурга и Дюмениля) доказано, что способность разныхъ матерій поглощать запахи находится въ зависимости отъ ихъ цвѣта». Такимъ образомъ оказывается, что способность поглощать опредѣленные свѣтовые лучи связана съ способностью поглощать запахи. 9) «Органъ обонянія можетъ быть утомленъ по отношенію къ одному опредѣленному запаху, оставаясь вполнѣ воспріимчивымъ къ остальнымъ. Совершенно такъ же, какъ глазъ можетъ быть утомленъ по отношенію къ однимъ, напр., только краснымъ лучамъ, оставаясь весьма чувствительнымъ къ остальнымъ». Это явленіе въ настоящее время нельзя приводить въ пользу разбираемой гипотезы, оно лишь указываетъ, что обонятельныя ощущенія качественно различны, что давно извѣстно; какъ это можно связать съ воздѣйствіемъ пахучаго вещества, выяснится только послѣ детальнаго изученія концевыхъ аппаратовъ обонятельнаго нерва.

Нельзя не согласиться съ авторами, что ихъ гипотеза открываетъ совершенно новые горизонты, тѣмъ болѣе, что они обѣщаютъ, короткое время спустя, физически доказать существованіе особыхъ волнъ, вызывающихъ обонятельныя впечатлѣнія; во всякомъ случаѣ, она интересна уже тѣмъ, что объясняетъ такіе факты, которые совершенно непонятны съ точки зрѣнія общепринятыхъ представленій о воздѣйствіи пахучихъ веществъ на органъ обонянія.

2) *Какъ отзывается на ребенкѣ употребленіе спиртныхъ напитковъ матерью.* О вредномъ вліяніи употребленія спиртныхъ напитковъ родителями на дѣтей много говорилось и писалось. Относительно физіологическаго вліянія матери, употребляющей спиртные напитки, всѣми признается, что оно не ограничивается временемъ до рожденія ребенка, но продолжается и въ періодъ кормленія. Это мнѣніе настолько распространено, что никто не возьметъ въ кормилицы женщину, употребляющую спиртные напитки. Однако врядъ ли кто отдаетъ себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ томъ, какъ именно дѣйствуетъ при этомъ спиртъ. Чрезвычайно опредѣленныя указанія по этому вопросу даютъ статьи Мориса Никлю, помѣщенныя въ № 38 «Comptes rendus de la Société de la biologie» 1899. («Sur le pass. de l'alcool ing. de la mère au foeutus en part. chez la femme» «Sur le pass. de l'alcool ing. dans le lait chez la femme)».

Наблюденія производились надъ животными и людьми слѣдующимъ образомъ. Морскимъ свинкамъ во время беременности вводился въ желудокъ посредствомъ особаго зонда 10% растворъ спирта въ пропорціи $^1/_2$—5 куб. сант. чистаго спирта на килограммъ тѣла; $^3/_4$ часа или часъ спустя животное убивали, собирали его кровь, а также и кровь зародыша и опредѣляли количество спирта и въ той, и въ другой. Изъ цѣлаго ряда подобныхъ опытовъ оказалось, что спиртъ переходитъ прямо отъ матери къ зародышу въ весьма значительныхъ количествахъ. Процентное содержаніе спирта въ крови матери и зародыша оказалось весьма близкимъ и притомъ какъ бы ни была мала доза спирта, даннаго матери, онъ все-таки появляется и легко можетъ быть открытъ въ организмѣ зародыша. Конечно, этого можно было ожидать, такъ какъ кровь матери раздѣлена отъ крови зародыша лишь весьма тонкой оболочкой, но въ организмѣ животнаго происходятъ весьма сложные и разнообразные процессы, изъ которыхъ намъ извѣстна пока все же лишь небольшая часть и поэтому на основаніи однихъ только физическихъ свойствъ тѣлъ еще нельзя съ увѣренностью дѣлать заключенія о ихъ судьбѣ въ организмѣ: одинъ только опытъ можетъ дать вполнѣ надежныя указанія.

Съ людьми опыты производились такъ. Приблизительно за часъ до родовъ женщинѣ давали питье, въ которое было прибавлено 60 куб. сант. (приблизительно, $^1/_5$ стакана) рома, содержащаго 45% спирта. Это количество соотвѣт-

ствуетъ, приблизительно, 1/4 куб. сант. на килограммъ тѣла. Послѣ родовъ изъ дѣтскаго мѣста получаютъ 20—50 грам. крови зародыша. Оказалось, что въ этой крови содержатся легко опредѣлимыя количества спирта. Итакъ, изъ этихъ опытовъ ясно, что до рожденія ребенка женщина можетъ непосредственно передать ему принимаемый, хотя бы и въ самыхъ малыхъ концентраціяхъ (напр., въ видѣ слабаго вина) спиртъ. Вредное же вліяніе его на только что образующіяся ткани зародыша не подлежитъ сомнѣнію.

Другой рядъ опытовъ былъ произведенъ надъ передачею спирта посредствомъ молока кормилицы. Здѣсь также опыты были произведены и надъ животными, и надъ людьми. Животному (собакѣ) вводился 10% растворъ спирта въ количествѣ, соотвѣтствующемъ 3 куб. сант. абсолютнаго спирта на килограммъ тѣла. Часъ спустя, въ молокѣ животнаго оказалось 1/4% спирта, 2 часа спустя также 1/4% и 8 часовъ спустя все еще 0,11%. Въ опытахъ съ людьми давалось такое же питье, какъ и въ предъидущихъ (т.-е. содержащее ромъ) и затѣмъ черезъ опредѣленные промежутки времени въ молокѣ опредѣлялось количество спирта. Слѣдуетъ замѣтить, что принимавшееся кормилицей небольшое количество спирта никогда не производило опьяненія и вообще никакого замѣтнаго вліянія. Анализы молока показали, что уже черезъ 1/4 часа въ немъ появляются легко опредѣлимыя количества спирта и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ можно открыть даже 7 часовъ спустя послѣ принятія напитка, содержащаго спиртъ.

Итакъ, изъ приведенныхъ опытовъ очевидно, что, помимо вреда, причиняемаго ребенку измѣненіемъ тканей оаганизма матери подъ вліяніемъ спирта,—измѣненіемъ, которое обозначается такимъ мало опредѣленнымъ выраженіемъ, какъ пониженіе энергіи, мать и кормилица могутъ, непосредственно, передавая ребенку принимаемый спиртъ, причинить ему вполнѣ опредѣленный вредъ.

3) *О цвѣтной слѣпотѣ.* Вопросъ о цвѣтной слѣпотѣ имѣетъ такъ же важное значеніе и для физіологіи, какъ и въ обыденной жизни, напримѣръ, въ морской службѣ, потому что наблюденія надъ цвѣтной слѣпотой могутъ уяснить, почему именно мы различаемъ цвѣта. Между тѣмъ господствующія представленія относительно этого недостатка не вполнѣ вѣрны, какъ можно видѣть изъ сообщенія, сдѣланнаго проф. Артуромъ Кенигомъ о современномъ состояніи этого вопроса на одномъ изъ засѣданій берлинскаго политехническаго общества. Полная цвѣтная слѣпота, при которой человѣкъ различаетъ только темное и свѣтлое, встрѣчается очень рѣдко. Лицъ, подверженныхъ такой слѣпотѣ, легко отличить уже по внѣшнему виду, такъ какъ они чрезвычайно близоруки, часто мигаютъ и въ свѣтлые дни вынуждены почти совсѣмъ прищуривать глаза. Гораздо чаще встрѣчается частичная цвѣтная слѣпота, при которой человѣкъ изъ огромнаго количества существующихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ различаетъ лишь немногіе. Прежде говорили о слѣпотѣ къ зеленому, красному, желтому и синему цвѣту и долгое время утверждали, что изъ ихъ числа слѣпота къ синему цвѣту наиболѣе распространенная форма. Это совершенно ошибочное мнѣніе, которое нисколько не подтверждается такой же ошибочной теоріей о слѣпотѣ къ синему цвѣту Гомера и культурныхъ народовъ древности и о постепенномъ развитіи цвѣтовыхъ ощущеній въ порядкѣ цвѣтовъ спектра отъ красной къ фіолетовой части. Отсутствіе ясныхъ обозначеній для голубого и зеленаго цвѣта въ древнихъ культурныхъ языкахъ просто указываетъ на недостатокъ самаго языка, въ которомъ первоначально, вѣроятно, и вовсе не было обозначеній различныхъ цвѣтовъ. Вмѣсто «зеленый», быть можетъ, говорили цвѣтъ листьевъ; вмѣсто «красный»—кровавый или розовый, вмѣсто «голубой»—небеснаго цвѣта и т. д., какъ и теперь мы говоримъ фіолетовый, оранжевый, сиреневый (т.-е. цвѣтъ фіалки, апельсина, сирени). Эти отличія въ слѣпотѣ къ разнымъ цвѣтамъ, по указанію проф. Кенига, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствитель-

ности: всѣ лица, подверженныя цвѣтной слѣпотѣ, различаютъ вмѣсто 170 оттѣнковъ въ спектрѣ только голубой и желтый. Далѣе, въ отличіе отъ людей съ нормальнымъ зрѣніемъ они замѣчаютъ посрединѣ спектра бѣлую линію. При этомъ, однако, они могутъ вѣрно назвать всѣ главные цвѣта спектра, хотя въ дѣйствительности видятъ только голубой и желтый. Дѣло въ томъ, что всѣ остальные цвѣта они различаютъ по степени яркости; наиболѣе темный оттѣнокъ они называютъ краснымъ цвѣтомъ, слѣдующій нѣсколько свѣтлѣе—желтымъ, еще болѣе свѣтлый—зеленымъ и т. д. Такимъ образомъ въ спектрѣ они отличаютъ цвѣта нерѣдко даже лучше, чѣмъ люди съ нормальнымъ зрѣніемъ, но если имъ дать стекла или бумагу, окрашенныя въ разные цвѣта, то они легко ошибаются, потому что и цвѣтныя стекла и краски всегда пропускаютъ или отражаютъ нѣсколько различныхъ цвѣтныхъ лучей спектра. Такъ, напримѣръ, чрезъ красное стекло обыкновенно проходятъ также желтые и оранжевые лучи. Человѣку съ нормальнымъ зрѣніемъ такое стекло все-таки кажется краснымъ, тогда какъ подверженный цвѣтной слѣпотѣ, смотря по количеству другихъ пропускаемыхъ этимъ стекломъ лучей, назоветъ его зеленымъ или фіолетовымъ и т. д. Лицъ, подверженныхъ частичной цвѣтной слѣпотѣ, можно раздѣлить на двѣ группы. Одни изъ нихъ, разсматривая спектръ, также какъ и люди съ нормальнымъ зрѣніемъ, наиболѣе яркой видятъ желтую часть, для другихъ же наибольшая яркость въ спектрѣ нѣсколько смѣщена вправо, слѣдовательно, къ зеленой части. Для нихъ красный цвѣтъ кажется гораздо болѣе темнымъ, чѣмъ для первыхъ. Вотъ этихъ-то лицъ прежде и считали слѣпыми къ красному цвѣту, лицъ же первой группы—слѣпыми къ зеленому цвѣту. Эти обозначенія, разумѣется, совершенно невѣрны, такъ какъ и тѣ, и другіе не видятъ ни краснаго, ни зеленаго цвѣта.

Чтобы отличить людей, подверженныхъ цвѣтной слѣпотѣ, существуетъ нѣсколько способовъ. Во-первыхъ, эти лица отличаются тѣмъ, что посрединѣ спектра они видятъ бѣлый цвѣтъ. Второй способъ состоитъ въ томъ, что два бѣлыхъ экрана освѣщаютъ спектрально чистыми зеленымъ и краснымъ свѣтомъ и затѣмъ къ красному понемногу прибавляютъ бѣлаго. Для человѣка, подверженнаго частичной цвѣтной слѣпотѣ, въ извѣстный моментъ оба экрана покажутся одинаковаго цвѣта, причемъ для лицъ, принадлежащихъ къ первой изъ вышеуказанныхъ группъ раньше, чѣмъ для лицъ второй группы. Существуетъ и еще нѣсколько способовъ, дающихъ однако менѣе надежные результаты. Описанныя особенности зрѣнія лицъ, подверженныхъ цвѣтной слѣпотѣ, были замѣчены впервые потому, что встрѣчаются люди, у которыхъ бываетъ пораженъ только одинъ глазъ, тогда какъ другой видитъ нормально и можетъ контролировать впечатлѣнія, доставляемыя первымъ. Пока не были изслѣдованы такія лица, подверженныя односторонней слѣпотѣ, свѣдѣнія объ этомъ недостаткѣ содержали много неточностей.

Причина частичной цвѣтной слѣпоты лежитъ, повидимому, въ особенностяхъ строенія сѣтчатки глаза, такъ какъ этотъ недостатокъ всегда бываетъ прирожденнымъ, пріобрѣтаться же могутъ лишь небольшія измѣненія въ воспріятіи цвѣтовыхъ впечатлѣній.

Наблюденія, сообщаемыя проф. Кенигомъ, разумѣется, не раскрываютъ механизма цвѣтного зрѣнія, но все же говорятъ въ пользу гипотезы о существованіи въ сѣтчаткѣ отдѣльныхъ воспринимающихъ элементовъ для нѣсколькихъ основныхъ цвѣтовъ и во всякомъ случаѣ они вносятъ единство и простоту соотношеній въ представленія о цвѣтной слѣпотѣ. («Prometheus»).

Д. Н.

Метеорологія. *Выстрѣлы, какъ средство противъ града.* Недавно вышло въ свѣтъ третье изданіе книги проф. Ed. Ottavi, подъ заглавіемъ: «Выстрѣлы,

какъ средство противъ града, практиковавшееся въ Штиріи» *). Факты, изложенные въ названной книгѣ, какъ мы увидимъ далѣе, настолько убѣдительны сами по себѣ, что они обратили на себя серьезное вниманіе и 30 мая прошлаго года нѣкоторые депутаты итальянской палаты внесли запросъ министерству земледѣлія, не намѣрено-ли оно придти на помощь тѣмъ, кто пожелалъ бы сдѣлать опытъ разстрѣливанія градовыхъ тучъ. Правительство отнеслось съ должнымъ вниманіемъ къ ходатайству, признало однако невозможнымъ принять на себя введеніе на практикѣ этой системы, пока не выяснится полная ея состоятельность, для поощренія же частной иниціативы предоставило желающимъ порохъ изъ казенныхъ складовъ по низкой цѣнѣ, 30 сентимовъ за килограммъ (12 коп. за 2,4 фунта). Практика показала, что воспользовались предоставленною возможностью по преимуществу крестьяне и уже одно это обстоятельство сильно говоритъ въ пользу новаго предохранительнаго отъ града средства, такъ какъ крестьянинъ по большей части очень экономенъ и не любитъ бросать денегъ даромъ.

Справедливость требуетъ однако замѣтить, что въ данномъ случаѣ дѣло касается не полной «новости» въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ Италіи это средство было извѣстно съ давнихъ временъ; такъ, одинъ писатель XVI-го вѣка разсказываетъ, что Леонардо да-Винчи утверждалъ: «Безъ особенныхъ затрудненій можно было бы предотвратить опустошеніе отъ града области Винчензы; для этого достаточно поставить нѣсколько мортиръ на высотахъ горъ, откуда обыкновенно идутъ зловѣщія тучи, и при ихъ появленіи—стрѣлять въ нихъ: онѣ будутъ разорваны и разсѣяны и градъ изъ нихъ не выпадетъ».

Физикъ Араго разсказываетъ также объ одномъ случаѣ, когда, стоявшій въ Картагенѣ (Южн. Америка) флотъ, разгонялъ ежедневно собиравшіяся послѣ обѣда тяжелыя грозовыя тучи посредствомъ бомбардированія. Можно было бы еще умножить число извѣстныхъ фактовъ, гдѣ практиковался подобный способъ, но и этихъ достаточно, чтобы доказать, что способъ этотъ былъ уже и раньше извѣстенъ. Первымъ, подошедшимъ къ вопросу съ научной точки зрѣнія, былъ болонскій профессоръ Бомбиччи. Въ 1888 году онъ выступилъ съ научной теоріей, о которой мы скажемъ нѣсколько словъ ниже. Однако не теорія дала толчекъ настоящему практическому движенію, а опыты, произведенные въ Штиріи, и къ нимъ мы теперь и обратимся.

Бургомистръ Виндишъ-Фейстрица владѣлъ обширными и драгоцѣнными виноградниками на южномъ склонѣ Бахергебирге. Почти изъ года въ годъ урожай погибалъ отъ градобитія, такъ что владѣлецъ, не желавшій, по примѣру другихъ, вовсе бросить виноградный промыселъ, уже подумывалъ о томъ, чтобы съ громадными издержками покрыть всю площадь виноградниковъ мелкою проволочной сѣткою. Онъ рѣшилъ, однако, сдѣлать сначала опытъ разстрѣливанія градовыхъ тучъ. Весною 1896 г. на пространствѣ въ 2 кв. километра, онъ устроилъ двѣнадцать станцій для стрѣльбы на возвышенныхъ пунктахъ. На каждой станціи было установлено по 10 мортирокъ съ персоналомъ прислуги—6 человѣкъ на каждой. На каждый зарядъ расходовалось 120 граммовъ пороху. Какъ только угрожало выпаденіе града, тотчасъ начиналась стрѣльба изъ всѣхъ 120 мортирокъ.

О дѣйствіи этой стрѣльбы въ отчетѣ вѣнскаго королевскаго метеорологическаго общества говорится слѣдующее: «Темныя, грозныя тучи надвигались съ высотъ Бахергебирге; по сигнальному выстрѣлу началась стрѣльба со всѣхъ станцій и уже черезъ нѣсколько минутъ тучи остановились въ своемъ наступательномъ движеніи. Стѣна тучъ открылась наподобіе воронки, края которой начали образовывать расходящіеся все дальше и дальше круги, пока туча не

*) «Glispari contro la grandine in Stiria. Casale». 1899.

разсѣялась. Не выпало не только града, но даже и проливного дождя. Въ другихъ случаяхъ дѣло ограничивалось выпаденіемъ дождя, тогда какъ внѣ защищенной области (послѣдняя равнялась квадратной милѣ) шелъ градъ». То же средство примѣнялось въ 1896 году шесть разъ и каждый разъ съ тѣмъ же благопріятнымъ результатомъ. Многіе жители Виндишъ-Фейстрица были свидѣтелями этихъ опытовъ.

Тогда система эта въ окрестностяхъ названнаго города была расширена: въ первый годъ устроено—12, во второй—33 и въ третій—56 станцій для стрѣльбы. И окрестности Виндишъ-Фейстрица охранили ебя: съ 1896 года на защищенные виноградники не упала ни одна градина, но мало того, даже опасность отъ молніи и несчастные случаи отъ ея ударовъ значительно уменьшились, такъ что едва-ли можно согласиться съ тѣми скептиками, которые все приписываютъ простой случайности.

Итальянскій проф. Оттави обратилъ вниманіе на эти факты и отправился изслѣдовать на мѣстѣ вышеизложенные опыты съ защитой отъ градобитія. Здѣсь онъ вполнѣ убѣдился въ важномъ значеніи разстрѣливанія тучъ и тогда выпустилъ упомянутую вначалѣ книгу. Но, кромѣ того, путемъ публичныхъ лекцій во многихъ большихъ городахъ Италіи онъ попытался обратить должное вниманіе на опыты въ Штиріи.

Въ самомъ дѣлѣ, для Италіи вопросъ о предохраненіи отъ града является для нѣкоторыхъ мѣстностей вопросомъ существенной важности, такъ какъ нѣкоторые участки систематически выбиваются градомъ и крестьяне не въ состояніи платить высокой страховой преміи.

Компанія, предпринятая проф. Оттави въ пользу новаго способа борьбы со зломъ, нашла здѣсь благопріятную почву. Къ началу прошлаго лѣта уже было устроено много станцій для стрѣльбы по вышеописанному типу; такъ, въ провинціи Тревизо ихъ было 70, въ Падуѣ болѣе 30, въ Вичензѣ—260, въ Веронѣ—20, въ Бергамо—135. Подобныя же станціи подъ личнымъ руководствомъ проф. Оттави возникли и во многихъ другихъ провинціяхъ: Болоньѣ, Туринѣ, Новарѣ и т. д.

Потребовавшіяся для этой цѣли мортирки выписывались изъ Штиріи, гдѣ для ихъ приготовленія развилась особая отрасль промышленности. Вскорѣ и многія фирмы въ Италіи начали приготовлять небольшія мортирки, длиною до 30 сант. и въ 15 сант. калибромъ, разсчитанныя на зарядъ 80—100 граммовъ чернаго пороха.

Уже въ самомъ началѣ опытовъ въ Италіи было отмѣчено два достовѣрныхъ случая успѣшнаго примѣненія стрѣльбы: одинъ въ провинціи Бергамо, другой вблизи Верчелли; въ послѣдней мѣстности были пущены въ дѣло едва привезенныя изъ Италіи мортиры и успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія: черная, грозовая туча раздѣлилась и оросила мѣстность тихимъ, благодатнымъ дождемъ.

Таковы факты. Каковы же теоретическія представленія ученыхъ на этотъ счетъ? Многіе ученые вполнѣ опредѣленно высказались противъ возможности защищаться отъ градобитія посредствомъ выстрѣловъ. Произошло это отъ того, что такая возможность противорѣчила бы тому представленію, которое эти ученые составили себѣ объ образованіи града. Однако здѣсь важно отмѣтить то обстоятельство, что теоретическія представленія объ образованіи града вопросъ крайне спорный, по которому, въ своихъ мнѣніяхъ, отдѣльные ученые далеко расходятся другъ отъ друга.

Вышеупомянутый проф. Бомбиччи слѣдующимъ образомъ объясняетъ происхожденіе града. Въ высшихъ слояхъ воздуха образуются кристаллы снѣга. Падая внизъ, они должны пройти чрезъ тучу, водяныя частицы которой охлаждены до довольно низкой температуры. Снѣжные кристаллы при этомъ смерзаются другъ съ другомъ и облекаются быстро замерзающимъ водянымъ покро-

вомъ. Для этого нуженъ только моментъ полнаго покоя, который, по наблюденіямъ бургомистра Виндишъ-Фейстрица, наступалъ передъ каждымъ выпаденіемъ града совершенно отчетливо. Поэтому послѣдній наблюдатель и настаиваетъ на необходимости начать стрѣльбу именно къ этому моменту. Если, согласно такому теоретическому представленію, удастся чрезъ сотрясеніе воздуха или чрезъ возбужденіе теплаго тока воздуха нарушить это затишье въ холодной тучѣ, которая является мѣстомъ градообразованія, то можно вполнѣ воспрепятствовать градообразовательному процессу. Проф. Бомбиччи придаетъ особенное значеніе сотрясенію воздуха, а потому онъ отдаетъ предпочтеніе стрѣльбѣ гранатами, которыя должны разрываться на опредѣленной высотѣ. И въ этомъ смыслѣ вскорѣ въ Италіи будутъ произведены опыты: адвокатъ Обертъ заказалъ уже для этой цѣли соотвѣтствующія гранаты.

Далѣе, почти всѣ ученые согласны въ томъ, что градъ происходитъ съ сопутствующими электрическими явленіями чрезъ образованіе кристалловъ льда, которые при паденіи покрываются тотчасъ замерзающей водой, причемъ необходимымъ предварительнымъ условіемъ для этого является опредѣленная разница въ температурѣ соотвѣтствующихъ слоевъ воздуха.

Слѣдовательно, направленныя противъ образованія града усилія, могутъ имѣть цѣлью воспрепятствовать:

Во-первыхъ, дѣйствію электричества. Исходя изъ этой мысли, уже вскорѣ послѣ изобрѣтенія громоотвода, задумались надъ устройствомъ градоотводовъ, основанныхъ на аналогичномъ принципѣ. Однако, на основаніи немногочисленныхъ опытовъ, произведенныхъ на практикѣ, многіе держатся того мнѣнія, что градоотводы безполезны. Однако, такой приговоръ можетъ быть еще слишкомъ преждевременъ; достаточно уже вспомнить то обстоятельство, что въ новѣйшее время теорія громоотвода стоитъ совсѣмъ на иной почвѣ, чѣмъ прежде. Прежде стремились поймать отдѣльную молнію и сдѣлать ее безвредною; по теперешнему воззрѣнію громоотводъ долженъ содѣйствовать, по возможности, оживленному и постоянному обмѣну между электричествомъ земли и тучи, т.-е. предотвратить даже образованіе отдѣльной молніи. Поэтому современная система рекомендуетъ цѣлую систему шпицовъ. Быть можетъ, будущее покажетъ, что и противъ града можно дѣйствовать тѣмъ же путемъ.

Во-вторыхъ, можно воспрепятствовать образованію ледяныхъ кристалловъ, по крайней мѣрѣ кристалловъ большихъ размѣровъ въ высшихъ слояхъ воздуха. Всякому химику извѣстно, что образованіе большихъ кристалловъ возможно лишь тогда, когда жидкость находится въ покоѣ. Если ее сотрясать или мѣшать, то либо вовсе не появляется кристалловъ, либо появляются лишь очень мелкіе. Конечно, еще не доказано, что процессы въ высшихъ слояхъ воздуха происходятъ подобнымъ же образомъ, какъ въ жидкостяхъ, но въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Въ такихъ условіяхъ понятно, что рекомендуемое проф. Бомбиччи средство—сильныя сотрясенія воздуха, посредствомъ взрыва гранатъ въ тучахъ, могло бы оказаться дѣйствительнымъ.

Въ-третьихъ, наконецъ, можно воспрепятствовать образованію града посредствомъ вліянія чрезъ воздушныя теченія, являющіяся слѣдствіемъ возвышенія температуры у поверхности земли. Вотъ почему рекомендовали также раскладываніе крупныхъ костровъ при угрождающемъ градобитіи.

Практиковавшійся въ Штиріи способъ стрѣльбы соединилъ въ себѣ два способа воздѣйствія: во-первыхъ, сотрясеніе воздуха и, во-вторыхъ, возбужденіе тока теплаго воздуха. Интересно также, не влечетъ ли примѣненіе этого способа уничтоженія градомъ сосѣднихъ участковъ, не разражается ли гроза надъ сосѣдними общинами, которыя не практикуютъ у себя подобнаго опыта? Только лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, повидимому, могла быть рѣчь объ этомъ; въ большинствѣ случаевъ отчеты говорятъ о разрѣшеніи грозовыхъ тучъ благодатнымъ

дождемъ. Во всякомъ случаѣ, пока метеорологамъ неизвѣстны еще разныя отношенія въ различныхъ слояхъ воздуха во время грозы, пока эти отношенія не сдѣлались еще предметомъ точнаго научнаго изслѣдованія, во многомъ придется идти впередъ чисто эмпирическимъ путемъ и, если дальнѣйшіе опыты съ разстрѣливаніемъ тучъ дадутъ и далѣе тѣ же благопріятные результаты, способу этому обезпечено быстрое распространеніе. («Globus». № 15, 1899).

И у насъ въ Россіи этотъ способъ могъ бы найти весьма широкое примѣненіе, въ особенности на Кавказѣ, который является, быть можетъ, страною, гдѣ градъ выпадаетъ чаще, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ во всемъ свѣтѣ. О Кавказѣ еще Абихъ упоминаетъ, что всѣ грозы, притягиваемыя горами, принимаютъ здѣсь характеръ опустошительныхъ градовыхъ бурь, въ особенности тамъ, гдѣ длинныя долины оканчиваются у открытыхъ равнинъ, такія бури слѣдуютъ обыкновенно вдоль зоны низкихъ предгорій. Будемъ надѣяться, что выгода заинтересованныхъ лицъ, вскорѣ вызоветъ и здѣсь такіе опыты, которые окажутся также чрезвычайно цѣнными въ научномъ отношеніи.

Техника. *Новый сплавъ — магналій.* У всѣхъ насъ на памяти увлеченіе новымъ, легкимъ, блестящимъ какъ серебро металломъ, аллюминіемъ. Встрѣтили его съ большими надеждами, можно сказать съ энтузіазмомъ, пророчили ему широкую будущность, называя «металломъ будущаго» и начали заготовлять въ большихъ количествахъ. Вскорѣ цѣна на него значительно пала и начались опыты примѣненія его въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ техники. Результатомъ этихъ опытовъ было то, что послѣдовало столь же быстрое разочарованіе: чѣмъ дальше, тѣмъ больше, мало-по-малу кругъ примѣненія новаго металла съуживался. Въ настоящее время онъ идетъ лишь на приготовленіе предметовъ домашняго обихода мелкой индустріи, кухонной посуды, бездѣлушекъ и т. п. Нѣсколько болѣе распространены тисненыя издѣлія изъ аллюминіевой жести: кубки, походныя фляжки, футляры; наконецъ, можно упомянуть еще о его примѣненіи, очень, впрочемъ, незначительномъ, для устройства нѣкоторыхъ частей научныхъ приборовъ, тамъ, гдѣ требуется не столько прочность матеріала, сколько его легкость. Гораздо существеннѣе роль аллюминія въ желѣзной и стальной индустріи, гдѣ онъ цѣнится не за свои механическія, а за химическія качества.

Гдѣ же кроется причина того, что аллюминій не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, отступаетъ всюду на задній планъ и не находитъ серьезнаго примѣненія въ большихъ техническихъ сооруженіяхъ? Она заключается въ механическихъ свойствахъ легкаго металла, его малой прочности, негодности его къ спаиванью и къ обработкѣ рѣжущими инструментами. Мы можемъ свободно распилить кусокъ желтой мѣди, стали, платины и пр. Отъ металла, годнаго для техническихъ цѣлей, прежде всего требуется, чтобы онъ поддавался обработкѣ этимъ инструментомъ, т.-е. чтобы зубцы пилы врѣзывались въ массу металла, опилки падали, не слипались между собою и не прилипали къ инструменту. Иначе обстоитъ дѣло съ чистымъ серебромъ и въ особенности съ аллюминіемъ. Пила не рѣжетъ этихъ металловъ: пространство между зубцами ея быстро засоряется компактной массой опилковъ и инструментъ отказывается отъ выполненія своей роли. Обработанный металлъ не даетъ ровной поверхности, послѣдняя покрыта широкими буграми и бороздами. Рѣжущій инструментъ дѣйствуетъ не какъ ножъ, а какъ плугъ, производя разорванныя борозды въ мягкомъ металлѣ!

Не менѣе важенъ для технической пригодности аллюминія вопросъ о его спаиваньи. Неоднократно появлялись извѣстія, что найдено средство и способъ для соединенія кусковъ аллюминія посредствомъ спайки. Однако, до сихъ поръ не найдено практически важнаго способа, который не представлялъ бы большихъ

затрудненій при выполненіи, не требовалъ бы большихъ предосторожностей, а главное, чтобы спайка отличалась прочностью.

Поэтому давно уже существуютъ попытки исправить недостатки чистаго аллюминія прибавкой къ нему другихъ тяжелыхъ металловъ. Съ небольшою подмѣсью цинка или мѣди, аллюминій даетъ сплавы съ иными механическими свойствами, чѣмъ у чистаго металла. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, сплавы эти имѣютъ однако существенный недостатокъ: они значительно тяжеле аллюминія; удѣльный вѣсъ ихъ колеблется отъ 3 до 3,5.

Всё-же эти попытки не могли придать аллюминію большей технической важности, такъ какъ множество перечисленныхъ недостатковъ, хотя и въ не столь рѣзкой степени, присущи и такимъ сплавамъ. Новое открытіе, къ которому мы сейчасъ обратимся, создало крупный переворотъ въ томъ смыслѣ, что оно вызываетъ надежду, что въ будущемъ аллюминій будетъ играть въ техникѣ видную роль, и еще разъ доказало, что мы не въ состояніи предвидѣть всѣхъ свойствъ металлическихъ сплавовъ. Открытіе, о которомъ мы говоримъ, сдѣлано Махомъ и заключается въ томъ, что сплавы аллюминія съ магніемъ, какъ оказалось, представляютъ много цѣнныхъ качествъ.

Магній, какъ извѣстно, имѣетъ много общихъ съ аллюминіемъ свойствъ. Еще меньшаго удѣльнаго вѣса, чѣмъ аллюминій, магній представляетъ сѣровато-бѣлый, мягкій металлъ, нѣсколько тягучій, но едва пригодный для механической обработки. Его можно вытянуть въ проволоку, въ ленту, но нельзя пилить или стругать. Въ своихъ химическихъ свойствахъ онъ уступаетъ аллюминію: полированная поверхность его скорѣе тускнѣетъ, порываясь окисломъ и съ теченіемъ времени разрушительное дѣйствіе простирается еще глубже. Большою заслугою физика, д-ра Людвига Маха является замѣчательное открытіе, что сплавы магнія съ аллюминіемъ обладаютъ такими свойствами, которыхъ вовсе нѣтъ ни у одного, ни у другого металла и которые дѣлаютъ эти сплавы пригодными для многихъ техническихъ цѣлей. Уже значительно раньше сплавы аллюминія съ магніемъ приготовлялъ Вёлеръ, но онъ сплавлялъ ихъ въ эквивалентныхъ количествахъ (т. е. въ отношеніи 27,5 : 12) и масса получалась чрезвычайно хрупкая, горѣвшая при краснокалильномъ жарѣ яркимъ свѣтомъ, какъ и магній. При смѣшеніи четырехъ эквивалентовъ магнія съ однимъ эквивалентомъ аллюминія получалась полуковкая масса, также непригодная для техническихъ цѣлей. Послѣдующіе изслѣдователи, послѣ разныхъ опытовъ съ сплавами аллюминія и магнія, пришли къ выводу, что сплавы эти не могутъ найти практическаго примѣненія ни въ какой области. Причину такого строгаго приговора Махъ видитъ отчасти въ томъ, что изслѣдователи имѣли подъ руками не чистые металлы, а главнымъ образомъ въ томъ, что они не варіировали систематически количественныхъ отношеній обоихъ элементовъ.

Если въ жидко-расплавленную массу чистаго аллюминія погружать кусочки магнія, то въ зависимости отъ количества введеннаго магнія получаются сплавы съ самыми разнообразными механическими свойствами. Сплавы, содержащіе на 100 частей аллюминія отъ 10 до 30 вѣсовыхъ частей магнія, отличаются въ общемъ тягучестью, колеблются въ твердости отъ латуни до красной мѣди и обладаютъ всѣми необходимыми свойствами для обработки посредствомъ пилы и прочихъ рѣжущихъ инструментовъ. Удѣльный вѣсъ этихъ сплавовъ колеблется отъ 2 до 2,5, тогда какъ удѣльный вѣсъ аллюминія равенъ 2,7. Ихъ можно разливать въ формы въ огненно-жидкомъ видѣ, какъ и чистый аллюминій, причемъ они выполняютъ прекрасно форму, также какъ и аллюминій; при обработкѣ на токарномъ станкѣ даютъ длинныя курчавыя стружки, какъ латунь; поверхность металла при этомъ получается зеркально-ясная и серебряно-бѣлаго цвѣта. При распиливаніи слышится характерный для металловъ шумъ. Сплавы съ 10—15% содержаніемъ магнія хорошо раскатываются въ листы, вытяги-

ваются въ трубки и проволоку т.-е. обладаютъ тѣми же свойствами, какія составляютъ лучшее достоинство аллюминія въ механическомъ отношеніи. Они прекрасно полируются, и гладкія поверхности хорошо противостоятъ вліянію воздуха. Поверхность получается бѣлѣе, чѣмъ у аллюминія и значительно бѣлѣе, чѣмъ у магнія и обладаетъ большою отражательною способностью по отношенію къ лучамъ свѣта—свойство, о которымъ мы еще будемъ говорить ниже. Вотъ почему для обыкновенныхъ цѣлей механики и мелкаго машиностроенія, а также для тѣхъ случаевъ крупной техники, гдѣ требуется малый вѣсъ наряду съ прочностью и большими удобствами для обработки—сплавы изъ аллюминія и магнія съ малымъ содержаніемъ послѣдняго металла имѣютъ важное значеніе и должны несомнѣнно вытѣснить чистый аллюминій, а также его сплавы съ тяжелыми металлами. Такими же качествами обладаютъ сплавы съ обратнымъ количественнымъ отношеніемъ обоихъ металловъ; послѣдніе представляютъ смѣси еще болѣе легкаго удѣльнаго вѣса, зато ихъ цвѣтъ хуже, они менѣе прочны, и легче измѣняются отъ дѣйствія воздуха.

Что касается цѣны такихъ сплавовъ, то она значительно выше цѣны чистаго аллюминія, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Зависитъ это отъ того, что магній значительно дороже аллюминія. Килограммъ аллюминія стоитъ отъ 1,80 до 2 марокъ, тогда какъ килограммъ магнія около 20 м.

Однако разница въ цѣнѣ не помѣшаетъ техническому примѣненію новаго сплава, такъ какъ онъ все же по объему значительно дешевле латуни, да и самая цѣна на магній высока въ настоящее время лишь вслѣдствіе того, что металлъ этотъ приготовляется лишь въ малыхъ количествахъ, такъ какъ его примѣненіе очень ничтожно. Съ теченіемъ времени цѣна на него должна значительно упасть, вѣроятно, даже стать ниже цѣны на аллюминій, такъ что можно надѣяться, что сплавъ, открытый Махомъ и названный имъ *магналіемъ*, сдѣлается однимъ изъ самыхъ дешевыхъ металловъ, примѣняемыхъ въ техникѣ.

Изслѣдованія Маха, результаты которыхъ мы выше изложили, имѣли главною цѣлью не открытіе сплавовъ съ тѣми техническими свойствами, которыя у нихъ оказались; главною цѣлью Маха было получить матеріалъ для оптическихъ цѣлей, т.-е. матеріалъ для приготовленія металлическихъ зеркалъ, который при большой твердости, необходимой для оптической полировки, обладалъ бы большой отражательной способностью. Искусство приготовленія металлическихъ зеркалъ было извѣстно съ древнихъ временъ и только лишь въ новѣйшее время для цѣлей повседневной жизни перешли къ употребленію амальгамированныхъ или посеребренныхъ стеклянныхъ зеркалъ. Однако, для цѣлей науки и научной техники вопросъ о способѣ приготовленія и нахожденія металла, пригоднаго для оптическихъ цѣлей, оставался очереднымъ и важнымъ вопросомъ. Еще въ срединѣ прошлаго столѣтія, когда не знали ахроматическихъ линзъ, зеркальные телескопы составляли крупную заботу для ученыхъ и ихъ изготовленіемъ были заняты Грегори и Ньютонъ. Позже, искали состава для металлическихъ зеркалъ въ особенности Вильямъ Гершель и лордъ Россъ. Много рецептовъ было предложено въ свое время; мы не станемъ приводить ихъ, скажемъ только, что всѣ эти металлическіе сплавы, даже очень пригодные для полировки, имѣли тотъ недостатокъ, что были слишкомъ тяжелы; удѣльный вѣсъ ихъ едва падаетъ ниже 8, а въ то же время отражательная способность далеко не достигаетъ лучшаго въ этомъ отношеніи металла, серебра. Оба эти качества были чрезвычайно неблагопріятными обстоятельствами въ данномъ дѣлѣ. Поэтому, приготовленіе твердаго, по возможности легкаго и притомъ съ большою отражательною способностью зеркальнаго металла явилось важною задачею для оптики,—задачею, которая и въ новѣйшее время не потеряла своего значенія. Оптическія зеркала употребляются не только въ различныхъ измѣрительныхъ инструментахъ, какъ гоніометры, магнетометры, поляризаціон-

ные аппараты, но, благодаря нѣкоторымъ новѣйшимъ открытіямъ, можно предполагать, что и въ телескопической техникѣ металлическимъ зеркаламъ придется играть бóльшую роль, чѣмъ въ настоящее время.

Въ самомъ дѣлѣ, опыты Маха привели его къ убѣжденію, что магналій обладаетъ прекрасными качествами, дѣлающими его очень годнымъ для оптической цѣли. Сплавы изъ равныхъ, приблизительно, количествъ магнія и аллюминія даютъ при соблюденіи нѣкоторыхъ предосторожностей матеріалъ, который отличается большой хрупкостью, очень большой твердостью, обладаетъ рѣдкими качествами для полировки и, кромѣ того, отличается весьма исключительною легкостью. Оптическія изслѣдованія, произведенныя физикомъ Шуманомъ, привели къ тому изумительному результату, что въ особенности по отношенію къ отражательной способности ультрафіолетовыхъ лучей сплавъ Маха превосходитъ даже посеребренное стекло.

Въ особенности удивительно, что сплавъ двухъ химически столь непрочныхъ металловъ, какъ аллюминій и въ особенности магній, обнаруживаетъ такой индифферентизмъ къ дѣйствію атмосфернаго воздуха. Дѣйствительно, зеркальныя поверхности изъ такихъ сплавокъ уже выдержали безъ измѣненія годичное испытаніе всѣхъ атмосферныхъ вліяній. Въ отчетахъ объ этомъ новомъ металлѣ для зеркалъ, изданныхъ Махомъ и Шуманомъ, находится еще много интересныхъ подробностей относительно качествъ магналія, которыя представляютъ, однако, лишь слишкомъ спеціальный интересъ. («Prometheus», № 521).

Н. М.

Астрономическія извѣстія.

Фотографированіе хромосферы солнца при обыкновенныхъ условіяхъ—каждый день, безъ затменія. Когда во время полнаго солнечнаго затменія луна закроетъ яркій дискъ солнца, взорамъ наблюдателя предстанетъ удивительная картина блестящаго серебристаго сіянія вокругъ чернаго диска. Это солнечная корона съ красными выступами, поднимающимися на значительную высоту отъ поверхности солнца, такъ называемыми протуберансами. Часто отчетливо можно прослѣдить вокругъ всего закрытаго луной диска солнца и узкую красную полоску—хромосферу. Въ 1868 году Жансенъ и Локьеръ, независимо другъ отъ друга, съ помощью спектроскопа установили, что протуберансы и хромосфера представляютъ собой массы раскаленныхъ газовъ, главнымъ образомъ водорода. Они указали также на возможность наблюдать спектръ этихъ образованій и даже по частямъ выяснять форму ихъ при блестящемъ дискѣ солнца, безъ затменія. Скоро Гёггинсъ предложилъ методъ наблюдать ихъ въ спектроскопѣ непосредственно.

Спектръ—это цвѣтная полоска, получаемая на экранѣ, который поставленъ на пути лучей, пропущенныхъ черезъ призму, въ каждомъ своемъ поперечномъ сѣченіи представляетъ изображеніе той узкой щели, черезъ которую прошелъ пучекъ лучей прежде чѣмъ попалъ онъ на призму.

Но если мы, вмѣсто щели, будемъ имѣть просто пламя монохроматическаго цвѣта, то никакого собственно спектра мы не получимъ. Призма только отклонитъ лучи и мы будемъ видѣть пламя въ той формѣ, какую оно имѣетъ, только въ другомъ направленіи. Если пламя испускаетъ разнородные лучи, напримѣръ, какъ въ случаѣ водороднаго пламени -пять сортовъ: красные, зеленые, голубые и два пучка фіолетовыхъ, то призма разложитъ общій пучекъ лучей на составные, но не исказитъ форму пламени: мы увидимъ пять изображеній его, тожественныхъ по формѣ, но различныхъ по цвѣту и расположенныхъ при

горизонтальномъ положенiи преломляющаго ребра призмы одно надъ другимъ. Гёггинсъ и указалъ, что когда мы, обходя спектроскопомъ по окружности солнца, встрѣтимъ протуберансъ (въ это время темныя водородныя линiи спектра солнца сдѣлаются блестящими), то стоитъ намъ расширить щель прибора и мы увидимъ рядъ изображенiй самаго протуберанса со всѣми подробностями его часто сложнаго, причудливаго строенiя. Теперь вотъ уже тридцать лѣтъ мы можемъ наблюдать протуберансы и хромосферу каждый день, когда на небѣ видно солнце, не дожидаясь затменiя, но до послѣдняго времени не умѣли фотографировать эти образованiя, а фотографiя и въ этомъ случаѣ, конечно, должна быть чрезвычайно полезна.

Въ 1892 году американскiй ученый Хэйль и французскiй астрономъ Деляндръ, независимо другъ отъ друга, замѣтили, что въ спектрѣ солнечныхъ факеловъ и протуберансовъ есть двѣ свѣтлыя фiолетовыя линiи, тождественныя линiямъ H и K, приписываемымъ кальцiю.

Интересно было попробовать фотографировать изображенiе протуберансы въ этихъ лучахъ, къ которымъ фотографическая пластинка особенно чувствительна. Хэйль построилъ приборъ, названный имъ спектрогелiографомъ, который представляетъ собой спектроскопъ съ фотографической камерой и двумя щелями. Черезъ одну щель проходитъ пучекъ свѣта прежде, чѣмъ попадетъ на призму, другая пропускаетъ только кальцевые лучи на фотографическую пластинку.

Чтобы имѣть снимокъ хромосферы и протуберансовъ по всей окружности солнца надо закрыть самый дискъ послѣдняго ширмой, а прибору сообщить плавное равномѣрное движенiе, такъ чтобы первая щель его въ цѣломъ рядѣ параллельныхъ положенiй прошла по всему солнцу. Если оставить дискъ солнца открытымъ, то тогда на фотографическомъ снимкѣ при болѣе короткой экспозицiи получатся факелы по всему диску. Извѣстно, что при непосредственныхъ наблюденiяхъ въ трубу факелы замѣтны только на краю солнечнаго диска, въ темной комнатѣ на экранѣ можно прослѣдить ихъ дальше, на $^2/_3$ или $^1/_2$ радiуса. Теперь опыты Хэйля значительно расширили область для изученiя интересныхъ образованiй; они выяснили также непосредственно, что факелы нельзя разсматривать просто лишь приподнятыми частями фотосферы, что они на самомъ дѣлѣ особенно блестящи, имѣютъ специфическiй составъ.

Знаменитая астрофизическая обсерваторiя въ Потсдамѣ также организовала интересныя изслѣдованiя, слѣдуя методу Хэйля и совершенствуя все болѣе и болѣе конструкцiю прибора.

Рядъ мемуаровъ о своихъ опытахъ на Парижской обсерваторiи напечаталъ и Деляндръ въ органѣ Парижской Академiи Наукъ «Comptes Rendus»... Между прочимъ, онъ утверждаетъ, что фiолетовыя линiи кальцiя являются свѣтлыми не только въ области факеловъ, но и на всѣхъ другихъ точкахъ диска, гдѣ онѣ оказываются лишь только болѣе слабыми.

Деляндръ подчеркиваетъ, что пары кальцiя плаваютъ въ хромосферѣ, а не фотосферѣ солнца, что, фотографируя ихъ, мы получаемъ изображенiе хромосферы такъ, какъ если бы она была изолирована отъ фотосферы. Сравнивая фотографическiй снимокъ хромосферы съ обыкновеннымъ снимкомъ диска солнца, полученнымъ въ одно и то же время, можно констатировать, что факелы на томъ и другомъ снимкѣ тождественны по формѣ въ своихъ блестящихъ частяхъ, они являются лишь слабѣе по яркости на обыкновенномъ снимкѣ, особенно ближе къ центру; что же касается пятенъ, то для нихъ нѣтъ соотвѣтствiя на обыкновенныхъ снимкахъ солнца и снимкахъ въ лучахъ кальцiя, потому что пятна очевидно, дѣйствительно, вполнѣ или отчасти покрыты парами хромосферы.

Наконецъ, снимки хромосферы по всему диску обнаружили небольшiе максимумы свѣта, которые образуютъ родъ сѣтки. Эти увеличенiя блеска, по Де-

ляндру, вопреки утвержденію Хэйля, встрѣчаются не только въ области пятенъ, но и у полюсовъ, хотя близъ полюсовъ они менѣе значительны. У Деляндра два спектрографа. Одинъ онъ называетъ спектрографъ формъ, другой—спектрографъ скоростей. Съ первымъ и получены указанные выше результаты. Онъ даетъ изображеніе хромосферы, проектированной на дискъ солнца, а при болѣе медленной экспозиціи протуберансы на внѣшнемъ краю его. Другой спектрографъ даетъ скорости движенія паровъ хромосферы въ направленіи луча зрѣнія, т.-е. къ намъ и отъ насъ, откуда можно судить о толщинѣ слоя атмосферы. Два такіе же спектрографа, съ которыми работалъ Деляндръ на Парижской обсерваторіи, онъ построилъ также и для астрофизической обсерваторіи въ Медонѣ (близъ Парижа). Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Comptes Rendus» онъ сообщаетъ о новыхъ результатахъ, добытыхъ съ помощью этихъ новыхъ инструментовъ.

Снимки 1899 года имѣютъ спеціальный интересъ въ виду минимума солнечныхъ пятенъ въ этомъ году. Какъ разъ первые снимки 1892 и 1893 годовъ получены во время максимума. На нихъ изображеніе хромосферы обнаруживаетъ широкія блестящія образованія въ соотвѣтствіе съ факелами, видѣнными непосредственно на дискѣ, и, сверхъ того, небольшія увеличенія блеска, образующія описанную выше *хромосферную сѣтку*. Такая же сѣтка получена и на снимкахъ 1897 и 1898 годовъ по всему диску, тогда какъ на полюсѣ не было замѣтно факеловъ. Снимки 1892 года обнаруживаютъ ее тоже по всему диску, даже въ то время, когда послѣдній покрытъ пятнами и факелами. Такимъ образомъ, хромосферная сѣтка какъ будто постоянное явленіе. Она и устойчива, съ другой стороны, въ томъ смыслѣ, что сохраняетъ въ общемъ одну и ту же форму впродолженіи многихъ часовъ. Часто она составлена изъ ряда нѣкотораго рода петлей.

Отдѣльныя блестящія массы какъ бы сливаются, часто спаиваются, образуя петлю. Часто потомъ блескъ каждой петли увеличивается и въ соотвѣтственной точкѣ на дискѣ солнца становится видны пятны. Иногда вмѣсто петли появляется пятно. Наиболѣе интенсивныя и наиболѣе широкія петли соотвѣтствуютъ наиболѣе значительнымъ факеламъ и пятнамъ. Съ другой стороны, въ хромосферной сѣткѣ можно различить области съ ясно-опредѣленными петлями, области, свободныя отъ нихъ, и области среднія по своимъ свойствамъ между этими двумя. Петли имѣютъ часто форму многоугольника.

Въ 1898 году петлей было замѣтно менѣе, чѣмъ въ предыдущіе годы. Снимки 1892 года, еще болѣе близкіе къ минимуму, не подтверждаютъ прогрессивнаго уменьшенія, какое можно было заподозрить сначала. Впрочемъ, сравненіе затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что прежніе и послѣдующіе снимки получены съ различными инструментами и петли не были одинаково рѣзки.

Еще *новая перемѣнная звѣзда типа Алголя* открыта г-жей Цераской, супругой директора Московской обсерваторіи по фотографическимъ снимкамъ, полученнымъ ассистентомъ обсерваторіи г. Блажко. Періодъ измѣненія блеска 6 дней 0 часовъ 9,4 мин.

Обыкновенно звѣзда 10-й величины, но въ моментъ минимума яркость падаетъ до 12-й величины или даже еще больше, такъ что уменьшается болѣе, чѣмъ въ пять разъ. Типъ Альголя наиболѣе интересный. Мы ясно представляемъ себѣ всѣ тѣ явленія, которыя обусловливаютъ паденіе яркости въ звѣздѣ. Обыкновенно звѣзда горитъ постояннымъ, опредѣленнымъ блескомъ, только на нѣсколько часовъ наступаетъ потемнѣніе. Оно усиливается постепенно до извѣстнаго максимума, потомъ снова начинается правильное постепенное усиленіе блеска. Очевидно, далекое свѣтило имѣетъ близъ себя болѣе темнаго спутника.

Этотъ спутникъ, обходя вокругъ главной звѣзды, закрываетъ ее отъ насъ въ извѣстные моменты, раздѣленные одинаковыми интервалами. Для самого Альголя (β Персея) это явленіе разслѣдовано также другимъ путемъ. Спектроскопъ раскрылъ намъ строенія далекой сложной системы, которую намъ никогда не придется наблюдать непосредственно ни въ какую трубу. Въ спектрѣ этой звѣзды было констатировано правильное періодическое смѣщеніе линій то къ красному концу, то къ фіолетовому краю, которое свидѣтельствовало, что въ одно время звѣзда шла по направленію къ намъ, въ другое она удалялась отъ насъ. Отсюда слѣдовало дальнѣйшее непосредственное заключеніе, что эта звѣзда двойная, потому что только въ сложной системѣ изъ двухъ солнцъ возможны такія періодическія движенія.

По обстоятельствамъ затемнѣнія Альголя можно было вычислить вѣроятные размѣры спутника, высоту его атмосферы и атмосферы главной звѣзды. Спутникъ, вѣроятно, даже не темный въ буквальномъ смыслѣ слова, а только менѣе блестящей, чѣмъ главная звѣзда.

Возможно, что дальнѣйшія наблюденія и вновь открытой перемѣнной звѣзды выяснятъ какія-либо интересныя подробности строенія этой сложной системы. Но интересно открытіе и непосредственно само по себѣ.

Это уже четвертая звѣзда, открытая г-жей Цераской.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ“.
Мартъ. 1900 г.

Содержаніе: — Беллетристика. — Исторія литературы и критика. — Публицистика.— Исторія всеобщая. — Исторія государственнаго права. — Статистика. — Народныя изданія и самообразованіе. — Справочныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

«Денница» Альманахъ.—*В. Сѣрошевскій.* «Повѣсти и разсказы».—*В. В. Арсеньевъ.* «Стихотворенія, поэмы и разсказы».

«Денница». Альманахъ 1900 г. Изд. подъ редакціей П. Гнѣдича, К. Случевскаго и І. Ясинскаго. Спб. Ц. 1 р. Группа писателей-поэтовъ и беллетристовъ, «собирающихся для товарищескихъ собесѣдованій еженедѣльно», рѣшила ознаменовать свое существованіе рядомъ изданій, и «Денница» является первымъ изъ нихъ. Какъ и всѣ сборники того типа, въ которомъ случайный подборъ играетъ главную роль, и «Денница» не представляла бы ничего опредѣленнаго и сколько-нибудь стоющаго вниманія, если бы гг. редакторы не сочли нужнымъ выпустить свой сборникъ подъ особымъ флагомъ, избравъ для этого имя Пушкина, какъ представителя «неизмѣнно-прекраснаго», «во имя котораго сплотился въ единое нѣчто нашъ тѣсный кружокъ». Такое высокое покровительство, къ которому столь претенціозно взываютъ еженедѣльно бесѣдующіе господа беллетристы, ко многому обязываетъ, и мы вправѣ спросить гг. редакторовъ, чѣмъ же руководились они при составленіи своего альманаха? Трудно, въ самомъ дѣлѣ, объединить такіе разнородные элементы подъ знаменемъ Пушкина, какъ тѣ имена, которыми украшенъ альманахъ. Положимъ, теперь сочинили для Пушкина модный эпитетъ—«поэтъ съ многогранной душой», но если даже признать за этимъ болѣе звучнымъ, чѣмъ содержательнымъ опредѣленіемъ нѣкую внутреннюю сущность, то и она не объединяетъ декадентскій бредъ гг. Бальмонта и Сологуба съ пушкинской ясностью и чистотою мысли или г. Величко, столь прославленнаго нынѣ патріота и гонителя всего нерусскаго, съ гуманнымъ отношеніемъ великаго поэта ко всѣмъ народностямъ. Странно также видѣть нѣкоторыя имена въ этомъ сборникѣ, имена, которыя также сочетаются съ Пушкинымъ, какъ имена Булгарина или Сеньковскаго съ нимъ. Положимъ, Пушкинъ мертвъ, «нѣтъ великаго Патрокла, живъ презрительный Терситъ»,—все же никому до сихъ поръ въ голову не приходило ставить за одну скобку Патрокловъ и Терситовъ. Пушкинъ—объединитель столь разнообразной компаніи, какъ перечисленная въ введеніи, это не вяжется въ представленіи обыкновеннаго читателя. Чтобы совмѣстить столь несовмѣстимыя начала, надо быть или «сверхъ-читателемъ» или... «еженедѣльно бесѣдующимъ беллетристомъ».

«Что въ имени тебѣ моемъ?»—могутъ, однако, замѣтить редакторы альманаха. Можетъ быть, великое имя Пушкина способно творить чудеса, превращая современныхъ Булгариныхъ въ чистыхъ душою служителей музъ, облагоражи вая даже тѣхъ, кто давно уже порвалъ со всѣми завѣтами благороднаго служенія сло-

вомъ родинѣ и литературѣ. Мы первые порадовались бы, если бы это чудо свершилось. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго мы не видимъ въ «Денницѣ», гдѣ огромная часть стихотворнаго матеріала представляетъ обычный наборъ риѳмъ, перемежаемый мѣстами такими шедеврами, какъ «Проклятіе смѣху» г. Сологуба:

Побѣждайте радость,
Умерщвляйте смѣхъ.
Все, въ чемъ только сладость,
Все—порокъ и грѣхъ.
Умерщвляйте радость,
Побѣждайте смѣхъ.

* * *

Кто смѣется? Боги,
Дѣти да глупцы.
Люди, будьте строги
Будьте мудрецы,—
Пусть смѣются боги,
Дѣти да глупцы.

Наряду можно еще поставить привѣтствіе уродамъ, любезно посвященное имъ г. Бальмонтомъ:

Я горько васъ люблю, о, бѣдные уроды,
Слѣпорожденные, хромые, горбуны,
Убогіе рабы, не знавшіе свободы,
Ладьи, разбитыя веселостью волны.
И вы мнѣ дороги, мучительные сны
Жестокой матери, безжалостной природы,
Кривые кактусы, побѣги бѣлены,
И ящерицъ, и змѣй отверженные роды.
Чума, проказа, тьма, убійство и бѣда,
Гоморра и Содомъ, слѣпые города,
Надежды хищныя съ раскрытыми губами,—
О, есть же и для васъ въ молитвѣ череда!
Во имя Господа, блаженнаго всегда,
Благословляю васъ, да будетъ счастье съ вами!

Въ то же время почтенный редакторъ сборника г. Случевскій напутствуетъ своихъ сотрудниковъ въ концѣ отдѣла стихотвореній слѣдующимъ торжественнымъ заявленіемъ:

А знаете ли вы, что ясной мысли вслѣдъ
Идти возможно; тутъ неправды нѣтъ...

Это замѣчательное открытіе, сдѣланное г. Случевскимъ на склонѣ дней своихъ,—значительно облегчаетъ читателя, когда онъ неожиданно натыкается на него послѣ «пушкинскихъ» стиховъ «Денницы». Руководствуясь этимъ столь глубокимъ по мысли афоризмомъ г. Случевскаго, онъ можетъ закрыть «Денницу», оставивъ безъ прочтенія слѣдующую затѣмъ прозу, которая производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы это все рукописи, возвращенныя изъ редакцій. Для образчика можетъ служить удивительный по формѣ и содержанію «разсказъ» г. Ясинскаго «Серьезная телеграмма», въ которомъ на шести страничкахъ разгонистаго шрифта повѣствуется о купцѣ, повѣсившемся оттого, что онъ продешевилъ товаръ,—и только. Далѣе идутъ четыре странички г. Влад. Соловьева, полъ-странички самаго г. Случевскаго, разсказывающаго анекдотъ про Тургенева, гдѣ главное содержаніе не анекдотъ, а то, какъ онъ, г. Случевскій, былъ удостоенъ посѣщенія знаменитыми литераторами Дудышкинымъ, Анненковымъ и Тургеневымъ. Затѣмъ, г. Буренинъ пробираетъ по своему артистовъ, изобразивъ въ образѣ «Перепоева» нѣкоего актера, болѣе приверженнаго къ Вакху, чѣмъ къ сценѣ,—исторія весьма поучительная и вполнѣ достойная если не пушкинской преміи, то имени Пушкина. Наконецъ, достойно завершаетъ «Денницу»—«Завѣщаніе», комедія г. Гнѣдича, въ которой скука всецѣло изгнала смѣхъ по совѣту г. Сологуба.

Есть еще переводъ гг. Барятинскаго и Фидлера на французскій и нѣмецкій языки изъ Пушкина, Толстого и Некрасова. Переводы недурны сами по себѣ, но почему они появились въ сборникѣ для русскихъ читателей, не совсѣмъ понятно.

Такова «Денница», которой, какъ мечтаютъ гг. редакторы, суждено ознаменовать собою «посильное воскрешеніе полузабытыхъ издательскихъ предпріятій незабвенной пушкинской плеяды». О чемъ бы ни мечтали редакторы, все же и имъ не слѣдуетъ забывать, что Пушкинъ никогда не допускалъ безразличія въ литературныхъ отношеніяхъ. «Партійность», отсутствіе которой они такъ тщательно подчеркиваютъ въ «Денницѣ», никогда не была ему чужда, когда рѣчь заходила о страстно любимой имъ литературѣ, и, желая и впредь выступать подъ флагомъ Пушкина, они должны по-тщательнѣе относиться и къ выбору сотрудниковъ, и къ подбору матеріала. *А. Б.*

В. Сѣрошевскій. «Повѣсти и разсказы». Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1900 г. Ц. 80 к. Въ этотъ томикъ вошло шесть разсказовъ и одна повѣсть—«Риштау», печатавшаяся въ прошломъ году у насъ. Остальные печатались въ журналахъ «Начало» и «Жизнь». Въ отличіе отъ прежнихъ произведеній, авторъ описываетъ въ нихъ, за исключеніемъ разсказа «Чукчи»,—не якутскую природу и не якутскую жизнь. Область наблюденій его расширилась, впечатлѣнія стали разнообразнѣе и содержаніе богаче. Предъ нами то широкая рѣка, жизнь парохода, на которомъ авторъ возвращается изъ своихъ дальнихъ странствованій («Развѣтъ»), то «Бѣловѣжская пуща» съ ея оригинальнымъ, оторваннымъ отъ культуры бытомъ, хотя вокругъ такъ близка эта культура, то уголокъ Кавказа, грандіозный и роскошный, поражающій величественностью своихъ видовъ, дикостью и подавляющими эффектами красокъ. И снова—полярный кругъ, чукчи, жизнь, примитивная, задавленная суровой природой, но оригинальная и интересная для того, кто, какъ авторъ, сжился съ нею и въ своей души нашелъ сочувственные ей отголоски. Нужно замѣтить, однако, что вездѣ, гдѣ авторъ описываетъ новые для него уголки, его описанія слабѣе, впечатлѣніе поверхностнѣе и общая картина болѣе эффектна, чѣмъ правдива. Между тѣмъ, въ «Чукчахъ», какъ и въ прежнихъ очеркахъ изъ той же области, чувствуется сама жизнь, запахъ снѣга, запахъ юрты и душа якута выступаетъ предъ нами, словно обнаженная. Въ новыхъ произведеніяхъ этого уже нѣтъ, или лучше сказать—еще нѣтъ. Тамъ, въ далекомъ сѣверномъ краѣ онъ жилъ долго, сжился съ нимъ, прочувствовалъ, понялъ его и потому возсоздалъ потомъ такъ ярко и сильно, какъ въ «Хайлакѣ», «На краю лѣсовъ» или «Въ сѣтяхъ». По новымъ мѣстамъ онъ лишь промелькнулъ, какъ на Кавказѣ напр., откуда унесъ рядъ сильныхъ, но поверхностныхъ впечатлѣній, схватилъ мимоходомъ лишь внѣшность, да и то въ ея болѣе грубыхъ очертаніяхъ, одни контуры безъ тѣхъ мельчайшихъ, почти неуловимыхъ оттѣнковъ, въ которыхъ, однако, вся сила истиннаго художественнаго описанія жизни. Предъ нами не Кавказъ, а декорація Кавказа, выписанная умѣло, мѣстами съ силой настоящаго художника, но все же только декорація. Всѣ эти недостатки особенно сказываются въ самой большой вещи настоящаго изданія «Риштау», интересной и эффектной, талантливой вообще и мѣстами истинно художественной. Выдумка, къ сожалѣнію, замѣнила здѣсь то знаніе и пониманіе жизни, которыя такъ очаровываетъ въ якутскихъ разсказахъ того же автора. Сама по себѣ эта выдумка слишкомъ примитивна и не хитра, несмотря на видимое желаніе автора углубить ее. Одинъ изъ критиковъ, г. Оболенскій въ «Одескомъ Листкѣ» обрушился на автора, обвиняя его за отсутствіе «тенденціозности». Мы же какъ разъ обратный упрекъ готовы сдѣлать автору, именно за тенденціозное нагроможденіе эффектовъ, которыми авторъ замѣнилъ жизненную правду. Вмѣсто живой картины быта и нравовъ

получилась романтическая, но мало правдоподобная исторія, не дающая вѣрнаго представленія о Кавказѣ, его природѣ и жизни, таящейся въ его горахъ.

Тѣмъ не менѣе, мы рады за автора, который понемногу выходитъ за узкій кругъ сѣвернаго края и начинаетъ живописать иную жизнь, иную природу. Пусть пока онъ еще недостаточно вникъ въ эту жизнь, не сполна сжился, съ новыми условіями,—его «Якутскіе разсказы» даютъ полное право надѣяться что и эта новая жизнь, культурная, полная борьбы не съ природой, какъ на сѣверѣ, а борьбы людей, партій, настроеній,—найдетъ въ немъ талантливаго и вдумчиваго изобразителя. *А. Б.*

«Сборникъ стихотвореній, поэмъ и разсказовъ» А. В. Арсеньева, съ предисловіемъ П. И. Вейнберга, виньеткой художника В. С. Крюкова и портретомъ автора. Спб. Изданіе А. А. Ивановой. 1899 г. Ц. 1 р. 25 коп. (стр. XXX+162). Книжка, на заглавной виньеткѣ которой красиво нарисованный ангелъ высоко держитъ надпись *На памятникъ автору*, издана лицомъ близкимъ къ покойному. И хорошая бумага, и шрифтъ, и виньетка и тепло написанный біографическій очеркъ, и самый выборъ статей, и ихъ группировка—все обнаруживаетъ дружескую руку именно такого лица, пожелавшаго посильно и безкорыстно выразить свою любовь къ тому, кого уже на свѣтѣ нѣтъ, на что указываетъ предисловіе извѣстнаго нашего писателя П. И. Вейнберга, къ которому обратился другъ покойнаго съ просьбою напутствовать книжку нѣсколькими строками.

«Съ искреннею готовностью,—пишетъ П. И. Вейнбергъ,—исполняю это желаніе. Арсеньевъ былъ одинъ изъ тѣхъ русскихъ писателей, на личности котораго съ любовью и уваженіемъ останавливается всякій любящій и уважающій литературу: глубоко честный, всегда искренній идеалистъ въ своихъ стремленіяхъ, старавшійся осуществить ихъ по мѣрѣ силъ, и, какъ всѣ идеалисты, особенно идеалисты русскіе, испытавшій на дѣлѣ печальную безплодность того, къ чему онъ шелъ неуклонно, несмотря на всѣ препятствія. Такимъ онъ былъ всегда въ жизни, такимъ неизмѣнно остался и на своей писательской дорогѣ... Коротка и безотрадна была эта жизнь, но никакія невзгоды не затуманивали его чистой души; никакіе житейскіе удары не сокрушали его энергіи, не давали доступа какой бы то ни было сдѣлкѣ съ совѣстью, съ тѣми убѣжденіями, которыя съ самыхъ юныхъ лѣтъ вошли въ его плоть и кровь и пустили тамъ корни на всю жизнь, до послѣдней минуты этого грустнаго, рѣдко озарявшагося свѣтлыми лучами существованія».

Эти теплыя слова о симпатичнѣйшемъ, юномъ и чистомъ душой, писателѣ, котораго близко знали лично и мы, много съ нимъ вмѣстѣ работавшіе, вполнѣ подтверждаются и его біографіей. Выросшій среди природы деревенскаго простора, въ бѣдности, съ шести лѣтъ сирота,—онъ отданный на казенный счетъ въ училище Человѣколюбиваго Общества и обнаружившій несомнѣнныя способности къ наукамъ и литературѣ, изъ-за болѣзни глазъ, не покидавшей его всю жизнь, не могъ поступить даже въ старшій классъ гимназіи и остался безъ всякихъ средствъ къ существованію и до самой смерти бѣднякомъ. Но ни бѣдность, ни постоянныя неудачи не заглушили въ немъ стремленій къ самообразованію, и никогда не поступился онъ ни въ чемъ своею совѣстью и каждымъ скуднымъ кускомъ хлѣба обязанъ только себѣ, своему упорному литературному труду. Начавъ съ рецензій и статеекъ въ журналахъ и газетахъ, самоучкой хорошо изучивъ французскій и англійскій языки и особенно ревностно занимаясь русской исторіей, покойный сдѣлался однимъ изъ выдающихся писателей для дѣтей и народа и принималъ самое дѣятельное участіе въ коммиссіи по устройству народныхъ чтеній. Не мало написано имъ и историческихъ бытовыхъ разсказовъ, изданныхъ и отдѣльно (*«Старыя бывальщины»*, *«Первая книжная лавочка въ Петербургѣ»*, *«Славное Сева-*

стопольское сидѣніе»), и составлено, единственное у насъ въ своемъ родѣ, пособіе для изученія исторіи русской литературы «*Карта для народнаго обозрѣнія исторіи и хронологіи русской литературы*» и «*Словарь русскихъ писателей*» въ двухъ частяхъ. Уже въ концѣ жизни счастье. наконецъ, улыбнулось было добросовѣстному труженику, и его несомнѣнно талантливая и написанная прекраснымъ языкомъ и стихомъ большая историческая драма *Бояринъ Нечай Ногаевъ*, имѣвшая на сценѣ и въ печати большой успѣхъ, озарила радостью его послѣдніе дни, которые уже были сочтены. Любопытная исторія постановки этой пьесы, доставившей автору до своего появленія на сценѣ много горя, обстоятельно изложенная въ біографическомъ очеркѣ, представляетъ весьма интересную и печальную картинку нашихъ, еще недавнихъ театральныхъ порядковъ. Скончался покойный въ 1896 г. всего 42 лѣтъ.

Скромное литературное значеніе писателя совершенно правильно опредѣляетъ П. И. Вейнбергъ. «Это,--говоритъ онъ,—не былъ яркій глубокій талантъ, хотя, судя по драмѣ *Нечай Ногаевъ*, дававшій основаніе ожидать отъ него многаго вполнѣ выдающагося. Это не было то дарованіе, которое говоритъ «новое слово», и тою или другою стороною своею обнаруживаетъ въ писателѣ истиннаго художника, самостоятельнаго мыслителя, всесторонняго наблюдателя человѣческаго сердца и окружающаго общества. Но въ Арсеньевѣ, какъ писателѣ, незыблемо сохранились такія драгоцѣнныя—всегда, а въ наше время въ особенности—качества, какъ задушевная теплота, сердечное отношеніе къ изображаемымъ его перомъ явленіямъ жизни и та неподдѣльная неисчерпаемая искренность, которая одна служитъ доказательствомъ, что писатель *переживаетъ* то, что создаетъ, т.-е. выполняетъ одинъ изъ важнѣйшихъ завѣтовъ литературнаго творчества. Этимъ требованіямъ искусства онъ не измѣнялъ никогда, и это служеніе имъ прекрасно отразилось и въ самой манерѣ его писанія:—мягкой, задушевной, симпатичной, и въ тѣхъ сюжетахъ и мотивахъ которые обрабатывало его перо». Этотъ отзывъ о писателѣ какъ нельзя болѣе подтверждается и книжкой. Не блещутъ особой музыкальностью формы, яркостью образовъ и сорокъ два стихотворенія, и поэмка *Аринушка-боярышня*, но онѣ искренни, просты и задушевны. Любовь къ родимымъ полямъ и лѣсу («Родина»), пробужденіе въ поэтѣ снова юныхъ силъ («Вновь»), высокое назначеніе поэзіи вести впередъ родной край («Поэту)», сочувствіе чистой и благородной юности, скорбь о почившихъ поэтахъ *(На смерть Достоевскаго, Надъ могилой Некрасова)*, нѣсколько красивыхъ картинокъ природы, нѣсколько хорошихъ переводовъ (Гюго, Ламартинъ)—вотъ содержаніе выбранныхъ въ книжкѣ стихотвореній, которыя своею задушевностью и свѣжестью чувства подкупаютъ читателя. Интересны и восемь небольшихъ разсказиковъ, изъ которыхъ три историческихъ анекдота: *Одноногій конвоиръ*, *Атаманъ Платовъ и Бунтъ вятскихъ калачницъ*; разсказъ же *Необычно* (похороны самоубійцы) лучшій въ книжкѣ, полонъ глубокой, потрясающей правды. Рекомендуя вниманію читателей эту книжку, заключимъ наше указаніе словами П. И. Вейнберга: «пусть тѣ, въ рукахъ которыхъ будетъ эта книга, внимательно прочтутъ ее—и на душѣ ихъ станетъ также отрадно и грустно, какъ отрадно и грустно намъ, знавшимъ Арсеньева, вспоминать объ этомъ, такъ безвременно сошедшемъ въ могилу истинно хорошемъ человѣкѣ и писателѣ».

В. О—скій.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ѳ. Д. Батюшковъ. «Критическіе очерки и замѣтки».—*Г. Брандесъ.* «Литература XIX в. въ ея главныхъ теченіяхъ».

Ѳ. Д. Батюшковъ. «Критическіе очерки и замѣтки». С.-Петербургъ, 1900 г. Авторъ этой скромной книги не профессіональный критикъ-публицистъ. Главное его вниманіе обращено на научную обработку литературныхъ памятниковъ болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго; если же онъ порой прибѣгалъ къ общей періодической прессѣ, чтобы войти въ общеніе съ болѣе широкимъ кругомъ читателей, то онъ хотѣлъ бы, чтобы въ его журнальныхъ статьяхъ видѣли не что иное, «какъ путевыя замѣтки, которыя велись параллельно инымъ работамъ и какъ бы случайно всплывали наружу изъ записной тетради». Это видно и въ выборѣ темъ. Въ десять лѣтъ (1889—1899), въ теченіе которыхъ возникли соединенныя въ вышеназванной книжкѣ статьи г. Батюшкова, профессіональный критикъ не могъ бы пройти молчаніемъ многихъ явленій нашей и иностранной литературы, болѣе крупныхъ, чѣмъ нѣкоторые изъ затронутыхъ г. Батюшковымъ предметовъ. Въ способѣ обработки своихъ темъ авторъ также не слѣдуетъ обычному пути. Отъ профессіональнаго критика въ большинствѣ случаевъ требуется, чтобы онъ на пространствѣ печатнаго листа далъ полную картину даннаго явленія, законченную характеристику даннаго писателя или всестороннюю оцѣнку данной литературной группы. Всѣмъ извѣстно, какъ часто, слѣдуя такимъ требованіямъ, критикъ успѣваетъ высказать только «взглядъ и нѣчто» съ десяткомъ почти случайныхъ цитатъ. У г. Батюшкова замѣчается болѣе нормальное отношеніе между размѣромъ статей и объемомъ затрогиваемыхъ вопросовъ. Онъ большею частью сосредоточиваетъ свое вниманіе на какой-нибудь одной чертѣ разбираемаго писателя, на отдѣльномъ типѣ или эпизодѣ. Такъ, онъ посвящаетъ цѣлую статью исторіи одной драматической поэмы А. Н. Майкова («Два міра»), другую статью одному произведенію Вл. Г. Короленко («Слѣпой музыкантъ»), третью—одному типу г. Потапенко и т. п. Но зато онъ не ограничивается сопоставленіемъ нѣсколькихъ соображеній по поводу намѣченныхъ вопросовъ, а дѣйствительно изучаетъ ихъ съ тою обстоятельностью, объективностью и эрудиціей, которыя отличаютъ и его историко-литературныя изслѣдованія. Профессорская начитанность автора въ литературахъ всѣхъ временъ и народовъ даетъ ему при этомъ въ руки орудіе, которымъ, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдко владѣютъ люди, посвятившіе себя исключительно публицистикѣ. Это качество даетъ возможность автору часто мелкій самъ по себѣ фактъ поставить въ надлежащую перспективу и тѣмъ подчеркнуть его истинное значеніе, но не доводитъ критику г. Батюшкова до сухой эрудиціи, чуждой общихъ идей и общественныхъ настроеній. Такого рода эрудицію авторъ прекрасно характеризуетъ въ предисловіи: «все подлежитъ вѣдѣнію науки,—такъ разсуждаютъ эрудиты,—въ ней нѣтъ фактовъ значительныхъ и незначительныхъ, ибо каждому явленію въ мірѣ свой часъ и мѣсто; излишни оправданія въ выборѣ того или другого предмета изысканій, а зачастую выборъ неумѣстенъ, ибо требованіямъ науки должно подчиняться, а не предъявлять своихъ притязаній. Служеніе наукѣ должно быть идейно-безкорыстнымъ». Это, повидимому, столь возвышенное стремленіе къ «чистой истинѣ» имѣетъ весьма непріятную обратную сторону: «нѣкоторое нравственное и общественное безразличіе изслѣдователя; научныя изысканія обращаются въ своего рода casse tête'ы и становятся какъ бы особымъ видомъ умственнаго спорта, безкорыстнаго, но и безцѣльнаго (въ прикладномъ значеніи). Отчужденіе отъ жизни приводитъ къ атрофіи способностей откликаться на запросы жизни». Этотъ спортъ идолопоклонства передъ оторванной отъ жизни наукой,—замѣ-

тимъ отъ себя,—особенно развивается въ періодъ реакціи, когда общественная мысль не въ авантажѣ обрѣтается, а потому безкорыстный характеръ такого спорта не всегда стоитъ внѣ сомнѣнія. О роли науки въ рѣшеніи вопросовъ жизни, о такъ называемомъ «банкротствѣ науки», о которомъ одно время столько говорилось, г. Батюшковъ весьма послѣдовательно и тонко разсуждаетъ въ статьѣ, помѣченной 1889 годомъ, по поводу романа Бурже «Ученикъ». Подумаешь, какъ скоро время идетъ! Этотъ романъ когда то вызывалъ такъ много толковъ и надеждъ, которыя столь блестящимъ образомъ не оправдались. Теперь, когда встрѣчаешь имя Бурже, невольно кажется, будто онъ тянетъ свою альковную канитель чуть ли не со временъ Э. Сю и Дюма-сына. Впрочемъ, г. Батюшковъ мало останавливается на достоинствахъ и недостаткахъ романа Бурже, какъ художественнаго произведенія, а главнымъ образомъ обнаруживаетъ съ полною ясностью и точностью тѣ софизмы, посредствомъ которыхъ романистъ хотѣлъ взвалить на позитивную науку отвѣтственность за безнравственность современной молодежи совершенно такъ же, какъ въ 30-хъ годахъ Мюссе въ томъ же обвинялъ скептическую философію XVIII вѣка.

Статья о романѣ Бурже является одною изъ наиболѣе интересныхъ въ сборникѣ г. Батюшкова, также какъ заключительная статья «Утопія всенароднаго искусства» по поводу извѣстнаго разсужденія Л. Н. Толстого *Что такое искусство?* Не со всѣми взглядами почтеннаго критика мы можемъ согласиться, напр., по вопросу о существованіи абсолютныхъ метафизическихъ категорій красоты, добра и даже истины, но въ критической своей части, въ разборѣ логическихъ скачковъ великаго писателя г. Батюшковъ высказываетъ много справедливаго и сопоставляетъ точку зрѣнія Л. Н. Толстого съ эстетическими теоріями многихъ западно-европейскихъ писателей. Но при этомъ критикъ не столько споритъ съ Л. Н. Толстымъ, сколько старается выяснить его мнѣнія и взгляды, основательно находя, что эстетическія исторіи такого художника «пріобрѣтаютъ... интересъ не только и даже, скажемъ, не столько по сущности, какъ по отношенію къ индивидуальности автора».

Вездѣ оставаясь на общественной почвѣ при разсмотрѣніи произведеній искусства и сохраняя въ ихъ оцѣнкахъ неизмѣнно гуманную точку зрѣнія, авторъ держится спокойнаго объективнаго тона, никогда не полемизируетъ, не раздражается и старается всѣмъ воздать должное. Такое щепетильное безпристрастіе, по нашему мнѣнію, авторъ доводитъ иногда до шаржа. Независимо отъ этой мелочи, стремленіе Ѳ. Д. Батюшкова держать въ постоянномъ равновѣсіи чаши вѣсовъ заслуживаетъ только глубокаго признанія. И если бы умѣстно было высказать какое-либо пожеланіе по отношенію къ возможной дальнѣйшей публицистической дѣятельности почтеннаго критика, то мы пожелали бы только, чтобы его оцѣнкѣ чаще подвергались болѣе крупныя и цѣльныя литературныя явленія. *Е. Дегенъ.*

Г. Брандесъ. «Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ». Нѣмецкая литература. Переводъ съ нѣмецкаго Б. Д. Порозовской и В. И. Писаревой. Изд. Ф. Павленкова. С.-Петербургъ. 1900 г. Курсъ новой литературы Брандеса давно привлекалъ вниманіе русскихъ переводчиковъ. Первыя двѣ части его «Литература эмигрантовъ» и «Романтизмъ въ Германіи» появились на русскомъ языкѣ почти двадцать лѣтъ назадъ (изданіе В. Невѣдомскаго. Москва, 1881 г.), отдѣльныя главы, напр., о Байронѣ, Берне и Гейне, также печатались и въ журналахъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Въ настоящее время, наконецъ, г. Павленковъ закончилъ изданіе всѣхъ шести частей этого популярнаго труда, причемъ группировка отдѣльныхъ частей въ переводѣ иная, чѣмъ въ оригиналѣ: Брандесъ располагаетъ все сочиненіе по извѣстному плану, слѣдя за постепеннымъ распространеніемъ реакціонныхъ идей по всей Европѣ, а затѣмъ за развитіемъ свободомыслія вплоть до общеевропейскаго взрыва

1848 года; въ русскомъ же переводѣ эта идейная связь нарушена въ пользу группировки по національностямъ, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ въ силу этого цѣлостность плана является разрушенной и получаются только отдѣльные очерки безъ ясной системы.

«Психологическій методъ» Брандеса столько разъ критиковался въ иностранной и въ русской печати, что здѣсь говорить о немъ подробно не приходится. Сущность его заключается въ томъ, чтобы каждое литературное явленіе разсматривать въ связи съ тою общественно-психологическою основой, на которой оно выросло. Преимущества такого пониманія задачи предъ обычными курсами литературы, представляющими большею частью лишь исторію книгъ, сами собою понятны. Но въ примѣненіи своего метода авторъ останавливается на полпути: изображая психологическую основу литературы, онъ лишь изрѣдка и недостаточно опредѣленно указываетъ соціальную основу общественной психологіи. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что бóльшая часть сочиненія Брандеса появилась въ свѣтъ около тридцати лѣтъ тому назадъ, когда о такой постановкѣ исторіи литературы еще не было рѣчи. Относясь поверхностно къ соціальной средѣ, Брандесъ всюду настаиваетъ на связи литературы съ политической жизнью общества и это то и составляетъ главный интересъ его прекрасно изложенныхъ очерковъ. Нигдѣ эта связь не была столь близкой и непосредственной, какъ въ Германіи въ эпоху между Вѣнскимъ конгрессомъ и 1848 годомъ, и посвященная этой эпохѣ шестая часть курса Брандеса, впервые появляющаяся въ русскомъ переводѣ (за исключеніемъ главъ о Гейне и Берне), должна считаться наиболѣе интересной какъ по мастерству изложенія, такъ и по самостоятельности обработки матеріала, чего, какъ извѣстно, Брандесу часто недостаетъ.

Общественная атмосфера въ нѣмецкихъ земляхъ послѣ освободительной войны сразу сдѣлалась удручающею. Меттерниховская реакція старалась въ зародышѣ задавить всякое проявленіе жизни. «Германская печать никогда не достигала высокаго развитія и авторитетности. Но послѣ того, какъ ей было запрещено обсуждать государственныя дѣла, она оказалась вынужденною ограничиваться сообщеніемъ текущихъ политическихъ фактовъ и заниматься почти исключительно придворными извѣстіями, отчетами о градобитіяхъ и наводненіяхъ, описаніемъ необыкновенныхъ уродовъ въ животномъ мірѣ или панегириками новымъ свѣтиламъ сцены». Слабые отголоски вольнолюбиваго настроенія изъ эпохи шиллеровскихъ *Разбойниковъ* и *Фіеско* получили странное выраженіе въ извѣстныхъ гимнастическихъ обществахъ и въ патріотическихъ союзахъ молодежи. Если форма оппозиціи была наивна, то не менѣе наивна, при всей своей грубости, была и реакція. Ношеніе древнегерманской одежды, черно-красно-золотыхъ цвѣтовъ и различныхъ другихъ невинныхъ эмблемъ каралось, какъ государственное преступленіе. «Мнѣ отъ души жаль вашихъ государственныхъ людей,—говорилъ тогда французскій министръ, графъ де Серръ, знаменитому Нибуру:—они воюютъ со студентами». На этой почвѣ повальнаго мракобѣсія «произошло то, что обыкновенно наблюдается, когда высокоодаренный, но не обладающій энергіей народъ не въ состояніи стряхнуть съ себя иго: давленіе породило самопрезрѣніе, благодаря которому развилось какое-то отчаянное остроуміе, и лучшими людьми овладѣло какое-то страстное стремленіе искать самоутѣшенія въ осмѣяніи собственнаго ничтожества». Вотъ источникъ знаменитой ироніи нѣмецкихъ неоромантиковъ, которой нѣмцы до сихъ поръ не могутъ простить Гейне. Но Гейне былъ только самый ѣдкій изъ числа своихъ современниковъ. Шамиссо и гр. Платенъ нисколько не съ бóльшимъ піэтетомъ относились къ государственнымъ порядкамъ. Всѣ они одинаково издѣвались надъ господствомъ іезуитовъ, надъ цензурой, надъ безсильнымъ обществомъ, надъ терпѣніемъ народа и надъ самими собой. Уже къ началу 30-хъ годовъ интел-

лигентная часть общества такъ сильно жаждала выхода изъ этого гнетущаго состоянія безправія, что извѣстіе о іюльской революціи въ Парижѣ подѣйствовало на нее, какъ электрическая искра. Но для практической оппозиціонной дѣятельности силы еще не созрѣли. Либеральная публицистика «молодой Германіи», страстныя рѣчи благородныхъ эмигрантовъ, подобныхъ Берне, потрясали пока одинъ воздухъ. Цензура, а въ крайнихъ случаяхъ полиція безъ труда пресѣкали распространеніе нежелательныхъ идей. Лишь съ восшествіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма IV (въ 1840 г.) въ обществѣ сказывается дѣйствительно серьезное политическое движеніе, которое въ литературѣ породило цѣлую плеяду талантливыхъ поэтовъ, черпавшихъ свое вдохновеніе въ политическихъ мотивахъ. Глубоко одушевленная нѣмецкая лирика 40-хъ годовъ лучше всего доказываетъ, что художественность зависитъ не отъ выбора темъ, а отъ того, насколько писатель ими проникнутъ. Но безпочвенности и наивности съ той и другой стороны оставалось еще достаточно. Весьма благодарную фигуру для каррикатуры представлялъ самъ король, вполнѣ благожелательный, литературно развитой, но совершенно не понимающій задачъ времени и своей роли. Свои прочувствованныя рѣчи безъ малѣйшаго признака реальнаго содержанія, къ которымъ онъ питалъ такое пристрастіе, онъ считалъ актами глубокой политической мудрости. Въ дѣйствительности онѣ, конечно, не уменьшали запросовъ общества, а только раздражали своею банальностью. Пародіи Гейне («Новый Александръ», «Simplicissimus» и др.) потому и приводили въ такой ужасъ прусскую цензуру, что онѣ вовсе не особенно искажали истину. Особенно характеренъ эпизодъ свиданія короля съ революціоннымъ поэтомъ Гервегомъ: король увѣрялъ, что ему пріятно видѣть честнаго противника, и что каждый долженъ исполнять свое призваніе, король — свое, и революціонеръ — свое. Дѣло, однако, кончилось тѣмъ, что честнаго противника съ жандармами выпроводили за границу государства. Свиданіе это также весьма художественно изображено у Гейне («Аудіенція») и напоминаетъ нѣсколько свиданіе щедринскаго карася-идеалиста со щукой. Но только Гейне еще находилъ въ себѣ запасъ смѣха. Положеніе становилось все серьезнѣе. Патріархальный режимъ довелъ страну до тяжелыхъ дней. Среди рабочаго населенія Силезіи разразился извѣстный голодъ, и у государства не нашлось никакихъ средствъ, чтобы предотвратить бѣдствіе,—оно старалось только не допустить огласки «истинныхъ причинъ голода» (извѣстный эпизодъ съ Вирховымъ, тогда молодымъ прив.-доцентомъ). Недовольство во всѣхъ слояхъ страны расло, и сладкими словами его не удавалось замазать. Прусскій король до послѣдней минуты не понималъ значенія совершающагося, и меньше, чѣмъ за годъ до мартовскихъ дней 1848 года онъ торжественно говорилъ: «нѣтъ той земной силы, которой удалось бы превратить естественныя отношенія между государемъ и народомъ въ условныя конституціонныя, и я не допущу, чтобы между Богомъ и этою страною сталъ письменный договоръ» и т. д. Роковыя событія 1848 г. опровергли эту легкомысленную увѣренность, но не осуществили и пылкихъ надеждъ либеральныхъ поэтовъ. Все тотъ же Гейне описываетъ намъ, какъ «нѣмецкую свободу», которая до тѣхъ поръ бѣгала босикомъ, нарядили въ калоши, въ ночной колпакъ и халатъ на ватѣ и обѣщали даже дать поѣсть, если она будетъ соблюдать умѣренность и аккуратность. Но Брандесъ не касается уже дальнѣйшаго хода событій, справедливо находя, что съ этого момента общественная жизнь, а съ нею и литература стали развиваться совсѣмъ въ иномъ направленіи, чѣмъ до тѣхъ поръ. Впрочемъ, нѣмецкая литература надолго утратила то значеніе, которое она пріобрѣла въ первой половинѣ вѣка. Вождями движенія 30-хъ и 40-хъ годовъ были идеалисты-публицисты, поэты, профессора, философы. Въ дальнѣйшемъ поступательномъ движеніи призваны были играть роль вождей иные элементы.

Въ заключеніе нужно сказать, что переводъ разсмотрѣнной книги выполненъ весьма неровно. Первая часть «Романтическая школа въ Германіи» (пер. г-жи Порозовской) переведена прекраснымъ литературнымъ языкомъ. Во второй части «Молодая Германія» (пер. г-жи Писаревой) слогъ гораздо тяжеле и мѣстами замѣчается даже недостаточно тонкое пониманіе подлинника. Къ тому же, всѣ стихотворныя цитаты этой послѣдней части переданы простой русской прозой, слишкомъ подстрочной и потому неуклюжей. Въ первой же части сохранены нѣмецкіе стихи, что гораздо правильнѣе, разъ не имѣется удовлетворительныхъ поэтическихъ переводовъ. *Е. Дегенъ.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

М. Леклеркъ. «Воспитаніе и общество въ Англіи».—*Ж. Блондель.* «Торгово-промышленный подъемъ Германіи».

М. Леклеркъ. «Воспитаніе и общество въ Англіи». Перев. М. А. Шишмаревой. Изд. товарищества «Знаніе», ред. Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. № 12. Спб. 1899 г. Сочиненіе М. Леклерка хотя написано не болѣе десяти лѣтъ назадъ, но является результатомъ совершенно иного взгляда на Англію, чѣмъ тотъ, который слагается въ настоящее время въ виду переживаемаго ею политическаго и промышленнаго кризиса. Взглядъ, изъ котораго исходилъ авторъ, основанъ на преклоненіи передъ государственнымъ величіемъ Англіи, высотою ея общественнаго развитія, нравственными и промышленными силами. По конкурсу, открытому при школѣ политическихъ наукъ въ 1889 г., М. Леклерку было поручено произвести изслѣдованіе, которое выяснило бы, гдѣ обучаются и какъ формируются по ту сторону Ла-Манша высшіе и средніе классы, гдѣ страна беретъ своихъ замѣчательныхъ парламентскихъ дѣятелей, администрація—образцовыхъ чиновниковъ, промышленность—такихъ неутомимыхъ и знающихъ техниковъ, торговля—умѣлыхъ агентовъ, философія—такихъ глубокихъ мыслителей, литература и наука—такую массу оригинальныхъ талантовъ? Самъ М. Леклеркъ выясняетъ въ одномъ мѣстѣ книги задачу своего труда въ такихъ словахъ: «исходя изъ общеизвѣстнаго факта силы и жизненности англійской націи опредѣлить, какую роль сыграло въ немъ воспитаніе? Въ область же воспитанія я включаю всѣ факторы, вліяющіе на измѣненіе физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ свойствъ человѣка: не только школу, но и семью—до школы, а послѣ школы жизнь» (стр. 302).

Въ указанномъ смыслѣ и была выполнена авторомъ работа личнаго обслѣдованія въ періодъ 1889—1890 годовъ. Она представляетъ тѣмъ большій современный интересъ, что сквозь призму упомянутаго выше признанія превосходства англійской системы семейнаго и общественнаго воспитанія у автора ярко выступаютъ тѣ существенныя ея недостатки, которыя обусловили возможность наблюдаемаго въ настоящее время внѣшняго упадка страны. И вмѣстѣ съ тѣмъ многія явленія, подмѣченныя въ ихъ развитіи авторомъ, даютъ увѣренность, что Англія, какъ цѣлое, англійскій народъ, съ его серьезнымъ отношеніемъ къ жизни и энергіею въ достиженіи цѣлей, сумѣетъ стать выше своихъ ошибокъ и вновь завоевать въ глазахъ всего міра положеніе націи передовой въ культурномъ отношеніи.

Изъ обозрѣнія фактовъ, приводимыхъ авторомъ, становится яснымъ, что постановка школьнаго образованія въ Англіи отличалась до послѣдняго времени большими несовершенствами; если все-таки Англія обладала дѣйствительно знающими и энергичными дѣятелями на различныхъ поприщахъ, такъ этимъ она была обязана не столько школѣ, сколько суммѣ всѣхъ воспитательныхъ

вліяній жизни, руководимыхъ однимъ общимъ направленіемъ—давать просторъ самодѣятельности. Уже семейное воспитаніе, равно чуждое сентиментальности, какъ и духа педантичнаго надзора за дѣтьми, заботится, прежде всего, о томъ, чтобы развить въ нихъ привычку къ самостоятельному образу дѣйствій, подготовить людей съ сильными мускулами и дисциплинированною волею. Ту же цѣль—заблаговременно создавать личность—раздѣляетъ съ семьею и школа въ лучшихъ сторонахъ своего вліянія. Этими лучшими сторонами является вниманіе, которое обращено на физическое развитіе дѣтей, благодаря чему во всѣхъ школахъ Англіи такъ много мѣста отводится на игры и физическія упражненія; боязнь вызвать умственное переутомленіе излишнимъ обремененіемъ памяти, почему отдается превосходство устному методу преподаванія; взглядъ, что образованіе ума и воспитаніе характера не могутъ быть раздѣлены, что учитель всегда долженъ быть въ то же время и воспитателемъ, главное орудіе котораго личный примѣръ и вліяніе; наконецъ, такая постановка школьной жизни, что дисциплина характера приходитъ не извнѣ, путемъ принужденія, но вырабатывается сама изъ постояннаго общенія съ равными, изъ необходимости и по личному сознанію. Вотъ всѣ эти-то достоинства англійской системы школьнаго воспитанія и дѣлаютъ питомцевъ ко времени выхода ихъ въ жизнь настолько умственно бодрыми, полными жизненной энергіи и способности къ труду, что всѣ эти способности сохраняются и въ послѣдующей жизни, которая своими вліяніями продолжаетъ дѣло образованія личности. Эти вліянія—профессіональная практика, общественныя и политическія учрежденія и печать. Англичанинъ никогда не перестаетъ учиться, читать, изучать чуждые языки. Онъ дѣлаетъ это не съ той методичностью, какъ нѣмецъ, его не пріучила къ тому школа, но умъ его остается свѣжъ и воспріимчивъ, школьное обученіе не притупляетъ его энергіи и любознательности.

Обратимся теперь къ основнымъ недостаткамъ школьнаго образованія въ Англіи. Этими недостатками до послѣдняго времени были отсутствіе организаціи, крайняя хаотичность и аристократизмъ школы. Образованіе, даваемое провинціальными колледжами, да и вообще все среднее образованіе страдаетъ отъ хаотическаго состоянія (стр. 262, 291),—отсутствія выработанныхъ программъ и общихъ методовъ. Главною причиною тому служитъ, конечно, то положеніе, которое занимало до сихъ поръ государство въ дѣлѣ образованія,—его невмѣшательство. Государство входило въ это дѣло только путемъ инспекціи и правительственныхъ субсидій. Всего менѣе оказывало оно воздѣйствіе на среднее образованіе, предоставленное въ своемъ развитіи частной и общественной инициативѣ. Въ результатѣ здѣсь получился особенный безпорядокъ. Въ отношеніи невыработанности программъ достаточно указать на примѣръ того, что въ школѣ университетскаго колледжа—каждый отецъ, съ согласія директора, можетъ составить для своего сына программу учебнаго курса и слѣдить за ея примѣненіемъ (стр. 102). Леклеркъ замѣчаетъ болѣе, что «въ общей сложности въ Англіи среднее образованіе стоитъ дороже, чѣмъ во Франціи,—дороже и абсолютно, и относительно, т.-е. принимая въ разсчетъ его продуктивность. Это объясняется несовершенствами организаціи, или, вѣрнѣе, отсутствіемъ всякой организаціи» (стр. 297). Дороговизна средняго образованія въ Англіи (см. 170 стр.) ведетъ къ тому, что «англійская система въ результатѣ создаетъ привилегированный классъ, хотя и не ставитъ себѣ этого цѣлью» (стр. 56, 62). Если прибавить къ этому, что англійскіе средніе классы, согласно наблюденіямъ М. Леклерка, далеко не пришли къ сознанію всей важности научнаго образованія и рано берутъ своихъ сыновей изъ учебныхъ заведеній, чтобы скорѣе отдать ихъ въ школу профессіональной практической дѣятельности, то для насъ станетъ яснымъ основной порокъ этихъ будущихъ дѣятелей—ихъ недостаточная научная подготовка. Конекъ англичанъ—практическая жизнь, профессіональная выучка. На

примѣрахъ, приведенныхъ во второй части книги Леклерка мы видимъ, что какъ въ англійской промышленности и торговлѣ, такъ и на всѣхъ прочихъ поприщахъ дѣятельности: въ медицинѣ, журналистикѣ, администраціи, судѣ и проч., люди, стоящіе во главѣ профессіи, представляющіе ее и руководящіе ею, вырабатываются чисто практическимъ путемъ. Грубый эмпиризмъ до послѣдняго времени царилъ въ Англіи во всѣхъ сферахъ ея общественной дѣятельности и если давалъ столь благопріятные плоды, то лишь благодаря высотѣ общей культуры и достоинствамъ національнаго характера. Но долго такъ продолжаться не могло и мы видимъ, что Англія въ настоящее время испытываетъ всѣ печальныя послѣдствія своего небрежнаго отношенія къ постановкѣ школьнаго дѣла. Тотъ фактъ, чтопромышленность Англіи, въ наиболѣе интересующихъ ее отрасляхъ, начинаетъ отставать отъ промышленности Германіи и Соед. Штатовъ, былъ отмѣченъ еще въ 1880 г. особой королевской коммиссіей по техническому образованію но принятыя съ тѣхъ поръ мѣры, выразившіяся въ изданіи закона 1889 г., не остановили этого процесса прогрессирующей отсталости англійской индустріи. Въ послѣднее время и въ области торговли Англія должна была уступить свои позиціи Германіи, вооруженной цѣлой арміей ловкихъ и коммерчески образованныхъ агентовъ (см. слѣдующую рецензію Современные неуспѣхи англичанъ въ южно-африканской войнѣ также являются въ значительной степени тяжелой расплатой за недостаточное вниманіе къ научному образованію высшаго воинскаго персонала. «Для офицера современной арміи,—пишетъ М. Леклеркъ,—недостаточно быть закаленнымъ и храбрымъ; уже поступая на службу, онъ долженъ быть человѣкомъ образованнымъ, а затѣмъ долженъ всегда знать, что дѣлается на свѣтѣ и не отставать отъ вѣка. Англійскіе же офицеры, особенно кавалеристы и пѣхотинцы, говоря вообще, люди безъ образованія, чуждые всякимъ умственнымъ интересамъ». (стр. 414). Въ главѣ объ англійской арміи и флотѣ у М. Леклерка читатель найдетъ объясненіе настоящимъ неудачамъ англійскаго оружія. И въ самой Англіи многіе сознали основную причину этихъ неудачъ и съ характеризующей націю прямотою умѣютъ это выразить. Но подобный урокъ имѣетъ значеніе не для одной Англіи, а для всякой страны, въ которой не отдается должнаго мѣста общему образованію, гдѣ оно не ставится въ связь съ реальными интересами жизни и современности или суживается въ рамки одного профессіональнаго, практическаго обученія.

Однако если высшіе и средніе классы въ Англіи до послѣдняго времени недостаточно сознавали важность методическаго общаго научнаго образованія, то рабочіе классы страны отнюдь нельзя упрекнуть въ непониманіи значенія образованія. И въ этомъ, можетъ быть, лежитъ высшая гарантія того, что Англія и впредь не потеряетъ своего положенія передовой культурной страны. Собственно, начальное образованіе въ Англіи стало получать опредѣленную организацію лишь за послѣдніе 30 лѣтъ со времени закона Форстера въ 1870 г., дополненнаго закономъ 1876 г. о всеобщей обязательности обученія и актомъ 1891 г., вводившимъ безплатность обученія. За послѣдніе двадцать лѣтъ расходы на народное образованіе сдѣлались одной изъ самыхъ крупныхъ статей государственнаго бюджета (въ 1893 г. расходъ на начальныя школы трехъ соединенныхъ королевствъ значился въ 74.892.419 руб.) Сильный толчокъ далъ дѣлу образованія народа законъ 1889 г. по техническому образованію и дѣятельность департамента наукъ и искусствъ, при крайне скромныхъ средствахъ широко распространившаго свое вліяніе, главнымъ образомъ, путемъ поощренія частной инціативы мѣстнаго населенія. Мѣстныя ассоціаціи оказали громадныя услуги дѣлу образованія. Но въ особенности много сдѣлали для народнаго образованія университеты, ставъ во главѣ движенія, носящаго названіе university-extension—распространеніе университетскаго образованія. Однако, дви-

женіе это не могло бы имѣть такого вліянія, если бы не нашло благопріятной почвы.

Рабочіе классы Англіи, выдвинувшіе изъ своей среды не мало геніальныхъ самоучекъ, рано поняли силу знанія, столь необходимаго имъ въ борьбѣ за лучшее существованіе. Спасенные своевременно принятымъ фабричнымъ законодательствомъ и личной энергіею отъ страшной опасности рабства и вырожденія, грозившей имъ въ началѣ промышленной эры, они пріобрѣли сознаніе своего достоинства, завоевали себѣ досугъ и право голоса. Пріобрѣтенный досугъ они употребляли на самообразованіе. Эти ланкаширскіе и іоркширскіе рабочіе давно уже принялись за дѣло саморазвитія; взрослые люди, чувствуя, что имъ надо начинать съ самаго начала, смиренно сѣли на школьную скамью. На свои трудовые гроши они завели обширныя библіотеки, организовали вечерніе курсы, основали воскресныя школы, общества саморазвитія. Прежде чѣмъ появился департаментъ наукъ и искусствъ, прежде чѣмъ университеты сдѣлали хоть шагъ для распространенія университетскаго образованія въ массахъ, рабочіе сѣверныхъ графствъ уже сгруппировались, уже учились въ институтахъ рабочихъ. Когда въ 1842 г. королева Викторія посѣтила Манчестеръ, 80.000 учениковъ воскресныхъ школъ всѣхъ возрастовъ устроили ей встрѣчу (стр. 483). Естественно, что когда въ началѣ 70-хъ годовъ среди нѣкоторыхъ молодыхъ ученыхъ Кембриджскаго университета возникла мысль дать университетскому знанію возможность болѣе широкаго распространенія въ массахъ, то она встрѣтила общее сочувствіе. Осуществилась она посылкою молодыхъ ученыхъ, членовъ университетскихъ коллегій, лекторами на публичныя чтенія, устраиваемыя мѣстными ассоціаціями. По иниціативѣ м-ра Стюарта изъ Кембриджскаго университета, лекціи эти получили болѣе постоянный характеръ, выработалась практика послѣдовательныхъ чтеній по каждому отдѣльному предмету, роздачи конспектовъ, письменныхъ работъ и повѣрочныхъ классовъ. Постепенно подобныя чтенія организовались въ большинствѣ крупныхъ промышленныхъ городовъ Англіи, привлекая толпы учащихся. Въ 1877 году въ Лондонѣ образовался комитетъ изъ ученаго состава Лондонскаго, Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ съ цѣлью насадить дѣло университетскихъ лекцій въ рабочихъ кварталахъ и предмѣстьяхъ столицы. Оксфордъ взялъ западныя графства, Кембриджъ—восточныя. О размѣрахъ и популярности этого движенія могутъ дать понятіе слѣдующія цифры. Въ 1889—1890 г. въ вѣдѣніи Кембриджа состояло 85 центровъ, читалось 125 отдѣльныхъ курсовъ и было 11.595 слушателей, изъ коихъ 2.358 каждую недѣлю представляли письменныя работы, а 1.732 держали экзаменъ и получили дипломъ въ концѣ курса; Оксфордъ завѣдывалъ 109 центрами съ 148 курсами и 17.904 слушателей, Лондонъ—130 курсами и 12.923 слушателей. Если прибавить сюда 1.040 человѣкъ, слушавшихъ лекціи профессоровъ университета Викторіи въ Манчестерѣ, то получится итогъ въ 42.312 студентовъ «Extension». И все это при ничтожныхъ затратахъ (180.600 руб.), значительная часть которыхъ собрана по мелочамъ со слушателей при средней платѣ въ 10 шиллинговъ (4 р. 75 к.) съ человѣка. Предметы преподаванія самые разнообразные: естественныя науки, химія, физика, геологія и проч., исторія, искусства и литература, политическая экономія. На курсы ходятъ не въ видѣ развлеченія; руководящіе экзаменами университетскіе профессора, тѣ самые, которые даютъ ученыя степени, въ одинъ голосъ говорятъ, что большинство представляемыхъ сочиненій были бы достойны любого изъ хорошихъ оксфордскихъ студентовъ, поражая оригинальностью мысли. Неудивительно, что, какъ пишетъ М. Леклеркъ, «рабочіе классы Ланкашира безспорно развитѣе тамошнихъ буржуа» (стр. 137). Дѣло университетовъ дополняется широкимъ развитіемъ передвижныхъ библіотекъ, музеевъ, лабораторій. Это движеніе въ пользу поднятія умственнаго уровня народа оживило и облагородило

жизнь самихъ университетовъ, начавшихъ застывать въ обычной рутинѣ и аристократизмѣ. Съ другой стороны, его успѣхъ достаточно говоритъ за то, что страна, рабочіе классы которой обладаютъ жаждою знанія и энергіей въ достиженіи его, имѣетъ еще много жизненныхъ силъ и богатое будущее.

М. П—въ.

Жоржъ Блондель. «Торгово-промышленный подъемъ Германіи». Переводъ подъ ред. М. И. Туганъ-Барановскаго. Изд. О. Н. Поповой «Экономическая библіотека». Спб. 1900 г. (Съ приложеніемъ статьи Г. А. Чернявскаго «Результаты промышленной переписи германской имперіи»). Конецъ XIX вѣка ознаменовался для Германіи необычайнымъ прогрессомъ ея промышленности и торговли. По словамъ Д. Ферда, «побѣды 1870 г. не только положили начало новой политической эры для Германіи, но онѣ также были исходнымъ пунктомъ періода ея безпримѣрнаго торговаго и промышленнаго развитія. Нѣтъ ни одной отрасли промышленности, которая не свидѣтельствовала бы о прогрессѣ несомнѣнно непреходящаго характера». Населеніе ея, несмотря на сильную эмиграцію, увеличилось съ 1872 г. по 1897 г. на 12.300.000 человѣкъ, т. е. на 30%, и равняется теперь 53.324.000 чел.,—на 12 мил. больше населенія Франціи. Ростъ этотъ выражался въ ростѣ городского и промышленнаго класса, сельское населеніе почти не измѣнялось въ числѣ. Въ 1840 г. въ Германіи было только два города съ населеніемъ свыше 100.000 человѣкъ—Берлинъ и Гамбургъ, въ настоящее время ихъ около 13. Только въ Соединенныхъ Штатахъ мы видимъ примѣры столь быстраго роста городовъ. Число рабочихъ, занятыхъ по разнымъ отраслямъ промышленности и торговли, увеличилось на 61,5%, обогнавъ ростъ населенія почти вдвое. Благодаря этому, Германія въ какія нибудь четверть вѣка изъ земледѣльческой страны превратилась въ промышленную, измѣнилась до неузнаваемости. Производительность всѣхъ главныхъ отраслей промышленности, начиная съ горнаго дѣла и металлургическаго производства и кончая бумажнымъ, возрасла. Производительность 4 каменноугольныхъ бассейновъ Германіи, равнявшаяся въ 1870 г.—37 милліонамъ тоннъ, въ настоящее время превышаетъ 120 милліоновъ. Все это поглощается нѣмецкой промышленностью и, сверхъ того, въ страну ввозится еще свыше 4 милліоновъ тоннъ англійскаго угля. Это зависитъ отъ безпрерывнаго развитія металлургической индустріи и машиностроительнаго дѣла. Вывозъ продуктовъ металлургическаго производства поднялся въ одинъ годъ, съ 1895 по 1896, съ 2.017.000 тоннъ на 2.587.000 т. Вывозъ нѣмецкихъ машинъ въ одну только Россію удвоился за время съ 1889 г. по 1896 г.; съ 16 мил. марокъ въ 1894 г. онъ поднялся до 40 мил. въ 1897 г. Также растетъ и хлопчатобумажное производство: несмотря на конкуренцію внутренняго производства странъ, бывшихъ ранѣе мѣстомъ сбыта, производительность его въ Германіи въ періодъ 1891—1895 гг. была вдвое выше, чѣмъ за періодъ 1876—1880 г. Прогрессъ этой индустріи такъ сильно обогналъ ростъ всего населенія, что въ 1895 г. средняя производительность, приходящаяся на каждаго нѣмца, была на 73% выше, чѣмъ въ 1876--1880 гг., а потребленіе хлопчатобумажныхъ издѣлій поднялось отъ 2,86 килогр. до 4,95 кил. Далѣе, цифры указываютъ на большій или меньшій ростъ химической промышленности, производства фарфоровыхъ издѣлій, стеклянныхъ заводовъ, выдѣлки мебели, игрушекъ, музыкальныхъ инструментовъ, кожевеннаго и бумажнаго производствъ. Сельское хозяйство, переживающее кризисъ, общій съ другими странами, не можетъ удовлетворить растущихъ потребностей страны, но побочныя отрасли сельскаго хозяйства прогрессируютъ несомнѣнно: въ сахарномъ дѣлѣ какъ производство, такъ и отпускъ значительно поднялись, достигая въ 1896—97 г. 1.237.521 тоннъ вывоза и 505.078 тоннъ внутренняго потребленія.

Этому общему росту нѣмецкой промышленности соотвѣтствуетъ ростъ внѣш-

ней торговли. Германія медленно, методически вытѣсняетъ другіе народы изъ мѣстъ, которыя они занимали впродолженіи вѣковъ, и мирно завоевываетъ міровые рынки для своей индустріи и торговли. Съ 1872 г. внѣшняя торговля Германіи увеличилась на $^3/_5$, и обогнала внѣшнюю торговлю Франціи болѣе, чѣмъ на $2^1/_2$ милліарда фр. Она растетъ нынѣ гораздо болѣе быстро, чѣмъ всемірная торговля. Германія занимавшая четвертое мѣсто среди торговыхъ націй въ 1871 г., занимаетъ теперь уже второе мѣсто. При этомъ ввозъ до сихъ поръ превышалъ въ ней вывозъ. Соотвѣтственно росту внутренней и внѣшней торговли, развивается желѣзнодорожная сѣть, организація водныхъ путей сообщенія, судостроеніе и торговый флотъ. Нѣмецкій торговый флотъ возросъ съ 1873 г. до 1895 г. въ пропорціи 100: 265 (французскій лишь 100: 132).

Подобные успѣхи Германіи въ области промышленности вызвали естественную тревогу со стороны тѣхъ странъ, для которыхъ она является конкурентомъ. Первая обратила на это вниманіе Англія. Года три тому назадъ вышла книжка Вильямса (Williams'а) «Made in Germany» (есть русское изданіе подъ редакціею проф. Георгіевскаго), начинающаяся словами: «промышленное превосходство Великобританіи было до сихъ поръ ходячей аксіомой; скоро оно отойдетъ въ область миѳа». Разсматриваемая книга Жоржа Блонделя изслѣдуетъ вопросъ о торгово-промышленномъ развитіи Германіи въ связи съ прогрессирующею отсталостью въ этомъ отношеніи Франціи. «Мы должны,—говоритъ онъ въ началѣ ея,—честно преклониться передъ фактами: на экономической почвѣ нѣмцы одержали такія же побѣды, какъ раньше на войнѣ». Прослѣдивъ успѣхи Германіи въ различныхъ отрасляхъ промышленности и въ сферѣ торговли, авторъ задается вопросомъ о причинахъ этихъ успѣховъ. Отвѣтъ онъ находитъ въ томъ, что Германія поставила во всемъ на должную высоту теоретическое и практическое образованіе, опирающееся на примѣненіи научныхъ методовъ (см. предъидущую рецензію).

«Въ Германіи предприниматели и купцы лучше поняли, чѣмъ мы, что роль науки въ индустріи становится съ каждымъ днемъ все болѣе важной и скоро сдѣлается преобладающей, они убѣждены теперь, что въ экономической войнѣ побѣда достанется тому, кто будетъ обладать лучшими машинами и наиболѣе усовершенствованными процессами производства... Прогрессомъ своей индустріи и торговли Германія въ значительной степени обязана научнымъ методамъ, которые привели постепенно къ болѣе раціональной эксплоатаціи ея желѣзнодорожной сѣти, къ примѣненію благопріятныхъ промышленности тарифовъ, къ внимательному изученію главныхъ торговыхъ путей, къ превосходному урегулированію ея рѣкъ и каналовъ» (стр. 174—175). Профессіональныя школы и приложеніе научныхъ методовъ къ производству—вотъ два пункта, въ которыхъ Германія обогнала въ настоящее время даже Англію. Каждая отрасль производства имѣетъ теперь въ Германіи свои спеціальныя школы, гдѣ преподается, главнымъ образомъ. приложеніе науки къ практикѣ. Наряду съ техническимъ образованіемъ развивается и коммерческое обученіе. Тогда какъ во Франціи имѣется всего 11 признанныхъ государственныхъ высшихъ коммерческихъ школъ съ 611 человѣкъ обучавшихся (1897 г.), въ Германіи теперь насчитывается 365 коммерческихъ школъ съ 31.000 учащихся. Въ одной Саксоніи ихъ существуетъ 64, съ общимъ числомъ учащихся въ 6.315 человѣкъ. Промышленные музеи, выставки образчиковъ товаровъ, музеи художественной промышленности довершаютъ дѣло профессіональныхъ школъ. Само государство старается внушить всей націи сознаніе важности экономическихъ наукъ и расширить преподаваніе всѣхъ наукъ, касающихся торговли и промышленности, не только въ коммерческихъ и профессіональныхъ школахъ, но и въ университетахъ. Оно поняло, что наука имѣетъ рѣшающее значеніе въ экономическихъ успѣхахъ народовъ и что необходимымъ условіемъ соціальнаго прогресса является

поднятіе знанія и культуры въ низшихъ рабочихъ классахъ населенія. Это убѣжденіе старается внушить и Жоржъ Блондель своимъ соотечественникамъ, побуждая ихъ не уступать въ борьбѣ, нагнать потерянное время, постараться понять, что все вокругъ насъ прогрессируетъ, и «страстной работой отвоевать мѣсто, на которое Франція имѣетъ право претендовать какъ вслѣдствіе своихъ заслугъ, такъ и вслѣдствіе своихъ традицій».

Книга Ж. Блондель имѣетъ интересъ полной современности. Въ заключеніи ея мы находимъ рядъ интересныхъ приложеній: о каменноугольномъ производствѣ всѣхъ странъ, о торговыхъ сношеніяхъ Германіи съ Соединенными Штатами, о роли банковъ въ экономической жизни Германіи и проч., кромѣ того отдѣльную статью Г. А. Чернявскаго о результатахъ промышленной переписи Германіи, производившейся 14 іюня 1895 г. Данныя этой переписи въ сопоставленіи съ данными переписи предшествующей, производившейся въ 1882 г., освѣщаютъ многіе существенные вопросы, возбужденные изученіемъ эволюціи современнаго капиталистическаго хозяйства. *М. П—въ.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

Г. Ф. Кнаппъ. «Исторія освобожденія крестьянъ въ Германіи».—*А. Гаусратъ* «Средневѣковые реформаторы».

Г. Ф. Кнаппъ. «Освобожденіе крестьянъ и происхожденіе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ старыхъ провинціяхъ прусской монархіи». Переводъ съ нѣмецкаго Л. Зака. Изданіе О. Н. Поповой (Экономическая библіотека подъ общей редакціей П. Струве). Ц. 1 р. 25 к. Наконецъ-то вспомнили наши издатели о книгѣ Кнаппа. Въ подлинникѣ («Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den ältern Theilen Preussens. I. Th. Überblick der Entwicklung. II. Th. Die Regulierung der gutsherrlichbäuerlichen Verhältnisse von 1706 bis 1856, nach den Acten») она появилась еще въ 1887 г. и давно уже успѣла занять мѣсто главнаго источника для ознакомленія съ ходомъ отмѣны крѣпостнаго права въ Пруссіи. Работа Кнаппа была дополнена изслѣдованіемъ его ученика Фукса *), со времени появленія книги котораго не было сдѣлано ничего крупнаго по интересующему насъ вопросу, если не считать изданія лекцій Кнаппа «Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit» (1891) и «Grundherrschaft und Rittergut» (1897).

Книга Кнаппа переведена не вся. Какъ видитъ читатель изъ подробнаго нѣмецкаго заглавія въ оригиналѣ, она распадается на двѣ части: обзоръ постепенной развязки крѣпостныхъ отношеній — и оффиціальные документы, на основаніи которыхъ работалъ авторъ. Намъ кажется, что переводчикъ имѣлъ полное основаніе оставить вторую часть безъ перевода. Для «средняго читателя», на котораго съ полнымъ правомъ можетъ разсчитывать книга, акты не могутъ быть такъ интересны, какъ для спеціалиста; а между тѣмъ ихъ изданіе сдѣлало бы книгу менѣе доступной, увеличивъ ея цѣну болѣе, чѣмъ вдвое.

«Исторія освобожденія крестьянъ—это исторія соціальнаго вопроса XVIII вѣка. Въ текущемъ столѣтіи соціальный вопросъ имѣетъ дѣло не столько съ крестьянствомъ, сколько съ рабочимъ классомъ и въ частности съ сельскохозяйственными рабочими... Мы поставили себѣ задачей, между прочимъ, выяснить связь, существующую между соціальнымъ вопросомъ XVIII в. и соціальнымъ вопросомъ XIX вѣка...» Такъ опредѣляетъ самъ Кнаппъ одну изъ

---

*) Der Untergang des Buaernstandes und das Aufkommen der Gutsherrschaften, nach arhivalischen Quellen aus Neupommern und Rügen, 1888.

своихъ главныхъ задачъ, въ превосходномъ выполненіи которой мы видимъ его главную заслугу.

Изъ его книги читатель узнаетъ причины обезземеленія крестьянъ и роста крупнаго землевладѣнія въ «старыхъ провинціяхъ» Пруссіи, изъ нея же онъ увидитъ, что весь процессъ развязки крѣпостныхъ отношеній велъ къ тому, чтобы породить новыя отношенія между классомъ господствующимъ и классомъ подчиненнымъ. Съ необыкновенной ясностью изображается постепенный переходъ соціальнаго вопроса XVIII вѣка въ соціальный вопросъ нашего времени. Правда, Кнаппъ говоритъ въ своей книгѣ только о сельскохозяйственныхъ рабочихъ, но если принять во вниманіе, что реформа кончилась незадолго до начала промышленнаго подъема Германіи, потребовавшаго столько рабочихъ рукъ, то станетъ ясно, куда дѣвались прежніе земледѣльцы. Уже съ начала 70-хъ годовъ, когда наступила пора полной свободы передвиженія, стало замѣчаться бѣгство въ городъ. А такъ какъ съ тѣхъ поръ промышленной ростъ Германіи продолжается и требуетъ все больше и больше рабочихъ рукъ, то въ концѣ концовъ оказывается, что помѣщики, на интересахъ которыхъ была построена съ начала до конца вся реформа, создавая классъ фактически безземельныхъ батраковъ, рубили сукъ, на которомъ сидятъ. Чѣмъ другимъ, какъ не отливомъ изъ села въ городъ, объясняется скрежетъ зубовный всякихъ Каницевъ и ихъ не знающая границъ ненависть къ «совратителямъ» рабочихъ?

Вся эта близорукая эгоистическая политика помѣщиковъ нашла въ Кнаппѣ превосходнаго историка. Статистикъ по спеціальности, онъ съумѣлъ избрать крайне плодотворную точку зрѣнія, сосредоточивая вниманіе главнымъ образомъ на соціальной сторонѣ дѣла. «Въ настоящемъ трудѣ,—говоритъ онъ въ предисловіи,—рѣчь идетъ не о сельскомъ хозяйствѣ, а о занятыхъ въ немъ людяхъ, о сельскомъ устройствѣ, объ отношеніяхъ общественныхъ классовъ другъ къ другу, о положеніи, занятомъ государствомъ по отношенію къ этимъ классамъ. Изслѣдуя вопросъ объ освобожденіи крестьянъ и происхожденіи сельскохозяйственныхъ работъ, мы изучаемъ соціально-политическую исторію сельскаго населенія». Не сложна была эта исторія: она свелась къ постепенному осуществленію двухъ требованій помѣщиковъ: земли, рабочихъ. Кнаппъ правъ, говоря, что вѣянія XIX вѣка не повліяли на ходъ законодательныхъ работъ: они двигались принципами XVIII вѣка. Свободу личности цѣнили такъ дорого, что, когда крестьянинъ расплатился, у него осталось очень немного, а новосозданный сельскохозяйственный рабочій былъ намѣренно лишенъ всего. Пусть читатель провѣритъ тѣ страницы, на которыхъ Кнаппъ изобразилъ положеніе хотя бы «инстовъ».

Выводы Кнаппа пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе, что на каждой страницѣ (за исключеніемъ введенія) чувствуется подлинный актъ (стоитъ для этого только сравить первый томъ со вторымъ). Большинство тѣхъ документовъ, на основаніи которыхъ работалъ авторъ, не было извѣстно ранѣе. Въ этомъ отношеніи его книга сдѣлала эпоху. Это замѣчаніе приходится ограничить лишь для Познани, самой новой изъ «старыхъ» провинцій (относительно Познани недавно появилась работа Guradze въ «Zeitschr. d. hist. Gesellsch. für Posen», Bd. XIII, 1898).

Менѣе самостоятеленъ вступительный очеркъ, гдѣ дается исторія крестьянъ въ нынѣшней Пруссіи до XVIII вѣка включительно. Тутъ Кнаппъ опирался на сдѣланное до него.

Кнаппъ не ограничивается однимъ историческимъ очеркомъ. Онъ всюду даетъ руководящія экономическія точки зрѣнія, имѣющія и болѣе общее значеніе. Поэтому, книга важна для русскаго читателя еще и тѣмъ, что даетъ богатый матеріалъ для сопоставленія съ исторіей паденія крѣпостного права у насъ.

Переводъ сдѣланъ добросовѣстно и со знаніемъ дѣла. Насъ иногда не удо-

влетворяетъ передача терминовъ, и прежде всего, переводъ слова Domänenbauer терминомъ «дворцовые крестьяне». Вѣроятно, переводчикъ не хотѣлъ впутывать одного изъ нашихъ терминовъ «государственные» и «удѣльные» крестьяне, въ виду ихъ дифференцированности. Если это такъ, то его опасенія намъ кажутся мало основательными: практика давно уже передаетъ прусскій терминъ терминомъ «государственные крестьяне», и, кажется, путаницы отъ этого не получается. *А. Дживелеговъ.*

Адольфъ Гаусратъ. «Средневѣковые реформаторы» (перев. съ нѣмец. подъ редакціею Э. Л. Радлова) т. I. Абеляръ—Арнольдъ Брешіанскій 1900 г. Общее заглавіе этой книги заставляетъ насъ задуматься. Что разумѣетъ авторъ подъ «реформой въ средніе вѣка»? Есть ли это работа великихъ идеалистовъ папства, работа представителей католической церкви XI в., направленная на укрѣпленіе ея павшаго авторитета, на утвержденіе неограниченной власти ея надъ дѣлами, мыслями и чувствами мірскихъ людей? Или же это, наоборотъ,— борьба *противъ* этой самой католической церкви за духовную свободу этихъ самыхъ мірскихъ людей, за право свободнаго исканія общественныхъ и религіозныхъ идеаловъ?

Въ живой дѣйствительности средневѣковья едва ли можно такъ разграничить эти двѣ группы «реформаторовъ». Едва ли возможно установить двѣ категоріи людей, изъ которыхъ одни составляли бы «католическую церковь», а другіе являлись бы борцами противъ нея. Но, нѣмецъ и протестантъ,—авторъ нашей книги исходитъ именно изъ такого противопоставленія. Мысль о мученикахъ, погибшихъ въ борьбѣ съ церковью, «вливаетъ энергію въ его кровь и гордо расправляетъ его протестантскую спину». Притомъ, «предоставляя другимъ знаніе ради знанія, онъ желаетъ учиться у прошлаго тому, что полезно настоящему». Эти двѣ черты—протестантскій догматизмъ и назидательная тенденція—до извѣстной степени окрашиваютъ книгу, придавая ей, какъ положительную особенность—одушевленіе, а какъ отрицательную—нѣкоторую односторонность. Въ I-мъ томѣ, появившемся въ переводѣ на русскій языкъ, выступаетъ первая пара отреченныхъ церковью: геніальный французскій схоластикъ Абеляръ и ученикъ его—Арнольдъ изъ Брешіи—«Голіафъ, возставшій на Господа», по характеристикѣ св. Бернарда. Фигура каждаго изваяна отчетливо и живо. Мало того: составленная изъ нихъ группа обладаетъ такъ называемою «круглотою»: они дополняютъ другъ друга съ выгодной для цѣлаго.

Абеляръ рисуется у Гаусрата человѣкомъ науки, кабинетнымъ философомъ, «унаслѣдовавшимъ отъ своей націи слабую волю и свѣтлую голову». Въ эпоху, когда господствовавшей силой была католическая церковь и задачей ея было обращеніе всего міра въ монастырь, гдѣ успокоенная въ послушаніи христіанская душа мистически погружалась бы въ сладкія тайны откровенія—онъ заявилъ требованія разума и выступилъ съ двумя революціонными идеями: 1) съ критикой преданія, которая не убоялась открыть въ немъ противорѣчія и требовать исторической и логической его провѣрки («Разборъ Посланія ап. Павла», «Да и Нѣтъ»); 2) съ обличеніемъ противорѣчій въ жизни членовъ церкви («Этика», «Проповѣди» и Письма Абеляра).

Какъ человѣкъ глубже и правильнѣе другихъ проникшій въ сущность мыслей основателя логики,—Абеляръ боролся противъ средневѣковой постановки этой дисциплины. Самъ онъ внесъ въ нее немало существенныхъ поправокъ: таковъ найденный имъ выходъ изъ знаменитаго спора о значеніи «универсалій». Усовершенствованный логическій аппаратъ онъ приложилъ къ матеріалу христіанскаго преданія, имъ же полнѣе возстановленному. Такимъ образомъ, логикъ и эрудитъ, философъ и ученый сочетаются въ немъ, чтобы создать первую въ молодой Европѣ большую систему теологіи на мѣсто тѣхъ случайныхъ и разрозненныхъ попытокъ, какими довольствовалась богословская наука. Но эта

задача заключала въ себѣ внутреннее противорѣчіе: требованія разума сталкивали теоретика съ положительной церковной догмой. Когда онъ проламывалъ брешь въ ней—церковь его объявляла своимъ врагомъ, когда онъ покорялся—онъ попадалъ въ противорѣчіе съ собой. Послѣднее лишило цѣльности его систему, первое лишило спокойствія его существованіе.

Если его критика кончала положительными выводами относительно содержанія религіи, если Абеляръ остался христіаниномъ и католикомъ, то свойственный ему духъ анализа, язвительный тонъ, съ какимъ онъ выступилъ противъ авторитетовъ, задорное настроеніе его учениковъ, «которыми онъ, какъ квакающими жабами, наполнилъ всю Францію» (письмо св. Бернара)—все это производило настоящую революцію въ нѣдрахъ церкви. Впрочемъ въ общественной борьбѣ онъ, по выраженію Гаусрата, «не имѣлъ ни мужества солдата, ни хладнокровія демагога. Тишина ученаго кабинета не развиваетъ увѣренности въ собственныхъ силахъ». Даже въ борьбѣ за независимость своей философской мысли Абеляръ не выдержалъ позиціи и проскитавшись всю жизнь, перемѣнивъ Парижъ на Меленъ, Меленъ на Корбейль, этотъ послѣдній опять на Меленъ, а его снова на Парижъ, перемѣнивъ должность церковнаго схоластика на положеніе нелегальнаго учителя въ Ардюзонскихъ лѣсахъ, онъ кончилъ отреченіемъ отъ своихъ «заблужденій». Абеляръ умеръ примиренный съ церковью на службѣ у нея.

На фонѣ этой характеристики выгодно отдѣляется своей опредѣленностью обликъ Арнольда Брешійскаго. Человѣкъ, гораздо болѣе бѣдный мыслью, съ узкимъ философскимъ кругозоромъ, онъ изъ системы своего учителя ухватился за одинъ пунктъ. То была область этическихъ вопросовъ, отправляясь отъ которыхъ уже и Абеляръ поднималъ голосъ противъ мірскихъ притязаній и свѣтскихъ вкусовъ церкви. Но то, что у человѣка свѣтлой мысли и слабой воли прорывалось только въ видѣ отдѣльныхъ ѣдкихъ замѣчаній, въ устахъ пламеннаго итальянца разрослось въ грозное обличеніе, а потомъ—въ политическую пропаганду. Оно стало дѣломъ его жизни и дало ему раннюю славу—и раннюю смерть. Отсюда—его внутренняя жизнь проще и понятнѣе, а внѣшняя біографія ярче и эффектнѣе, чѣмъ исторія Абеляра. Начавъ съ проповѣди *бѣдной* апостольской церкви, онъ въ качествѣ дѣятельнаго участника вмѣшался въ ломбардскій споръ о епископскихъ ленахъ. «Онъ говорилъ—пишетъ Оттонъ Фрейзингенскій,—что ни духовныя лица, владѣющія имѣніями, ни епископы, пользующіеся регаліями, ни монахи, обладающіе собственностью, не могутъ быть святы. *Все это принадлежитъ государямъ*.

Если вспомнимъ, какой широкій районъ захватилъ споръ объ инвеститурѣ, то поймемъ, почему проповѣдь Арнольда проникается имперіалистическими тенденціями, почему изъ цензора жизни отдѣльныхъ епископовъ онъ становится обличителемъ римской куріи и защитникомъ «свѣтскаго меча».

Но не эта черта особенно характерна въ его дѣятельности. Проповѣдь «бѣдной церкви» попадаетъ въ предѣлахъ самой Италіи на крайне вулканическую почву: ее въ то время глубоко волновалъ вопросъ о разграниченіи компетенціи *епископа* и зародившейся *городской коммуны*, а въ частности и особенно—*римскаго первосвященника* и *города Рима*. Уже въ 1139 году Арнольдъ изгнанъ былъ изъ Италіи за подстрекательство городской толпы къ нападенію на домъ епископа. Шесть лѣтъ скитался онъ по Европѣ—во Франціи подогрѣвая упавшій духъ Абеляра, въ Цюрихѣ—возбуждая протестъ гражданъ противъ ихъ церковныхъ начальниковъ. Въ 1145 г. онъ, прощенный папой, возвратился въ Римъ, гдѣ какъ разъ въ это время граждане, возбужденные смутой, которую произвела схизма Анаклета, возстали противъ авторитета папы и задумали вырвать изъ его рукъ управленіе городомъ. Коммуна учредила сенатъ—Sacer Senatus, долженствовавшій править отъ имени народа. Въ

этотъ моментъ мятежный монахъ явился для нея особенно дорогимъ человѣкомъ: онъ подсказалъ ей ту идеальную цѣль, которою она могла прикрыть свои политическія стремленія: то была великая реформа очищенія дома молитвы отъ торгашей и разбойниковъ. Но и обратно—эти политическія стремленія, опьяненіе массъ мыслью о грядущей свободѣ, о воскрешеніи былой славы Рима, призраки которой витали на заросшемъ травою Форумѣ и Капитоліи—мѣстахъ проповѣди брешіанскаго пророка—зажигали его самого новыми чувствами. «Къ могучимъ тонамъ нравственнаго паѳоса гнѣвнаго сердца присоединяются отголоски тоски по лучшимъ временамъ». Съ этого момента мы видимъ въ Арнольдѣ не столько *церковнаго реформатора*, сколько *политическаго революціонера*, и въ качествѣ такого—не столько *теоретика имперіализма*, сколько *поборника народовластія. Врагомъ папы* онъ является во всякомъ случаѣ. Поэтому понятно, что послѣдній,—едва примиреніе съ императоромъ и упадокъ духа среди гражданъ снова утвердили его въ Римѣ—поспѣшилъ покончить съ свободолюбивымъ монахомъ. Въ 1155 г., въ глухомъ углу Рима, Арнольдъ былъ тайно отъ народа повѣшенъ. Ни писаній, ни прямыхъ послѣдователей его не осталось. И однако Гаусратъ находитъ какіе-то слѣды «арнольдовскаго духа» вѣкъ спустя въ настроеніи цюрихскихъ гражданъ; точно такъ же, какъ, не признавая непосредственныхъ наслѣдниковъ у Абеляра—ищетъ ихъ черезъ нѣсколько вѣковъ въ фигурахъ великихъ протестантовъ.

Это замѣчаніе есть лишь образчикъ того общаго упрека, который можно поставить интересной книгѣ Гаусрата. Его научно-художественное изображеніе, дѣйствительно, скорѣе напоминаетъ скульптурную группу, нежели историческую картину. Въ ней нѣтъ настоящаго фона, и фигуры героевъ (изъ этого до извѣстной степени можно исключить Арнольда) остаются одинокими во времени и пространствѣ. Къ «обстановкѣ» Гаусратъ прибѣгаетъ только тогда, когда это нужно для пониманія внѣшнихъ фактовъ. Онъ мало входитъ въ то общее эпохѣ, что вылилось въ индивидуальностяхъ обоихъ реформаторовъ. Лучше и полнѣе это сдѣлано для Арнольда: его внѣшняя судьба давала для того больше поводовъ. Что же касается Абеляра, то онъ скорѣе противопоставленъ своей эпохѣ, чѣмъ выведенъ изъ нея. Нельзя отрицать, что въ судьбѣ его воплощается борьба противоположныхъ началъ, но самъ онъ былъ не столько боецъ, сколько поле битвы. Міръ, раздираемый борьбою, былъ въ его душѣ. Это указано, хотя не проведено до конца у Гаусрата. «Болѣзнь,—замѣчаетъ онъ,—которою страдалъ Абеляръ—было научное богословіе, которое было для науки черезчуръ несвободно, а для церкви—черезчуръ вольнодумно. Онъ стремился вручить церкви оружіе науки, въ которомъ она не нуждалась, котораго не любила, и сталъ въ противорѣчіе съ своимъ сокровеннѣйшимъ я... принося на службу неподвижнымъ догматамъ свой подвижный умъ... Онъ имѣлъ склонность къ естественной религіи древнихъ философовъ, но взятый имъ на себя долгъ излагать христіанское богословіе помѣшалъ выработкѣ его философскаго міровоззрѣнія... Это было своеобразное мученичество».

Но не было ли извѣстной доли такого же мученичества и въ тѣхъ, кому противоставляетъ авторъ своего героя? Неправда, будто церковь не нуждалась въ наукѣ. Она спасла ея остатки и поставила ее на службу себѣ. А когда, по мѣткому наблюденію другого изслѣдователя (Кауфманъ), въ XI и XII вв. научныя стремленія развились съ такою силою, что не удерживались въ рамкахъ служебнаго положенія,—одинъ изъ высокомѣрнѣйшихъ носителей идеи верховенства церкви, Александръ III, призналъ извѣстную самостоятельность науки и возникшаго ея органа—университета. Абеляру въ частности пришлось столкнуться съ мощною мистическою струею, воплотившеюся такъ характерно въ лицѣ св. Бернарда;—но исчерпывалось ли ею содержаніе стремленій «церкви»? Въ этомъ смыслѣ не слѣдуетъ упускать изъ виду всю ея сложность. «Поло-

жительная догма» въ то время далеко еще не установилась, что обусловливало извѣстную свободу мысли. Поэтому, не у одного Абеляра мы встрѣтимъ мысли, которыя покажутся смѣлыми вѣкъ спустя. «Я не сомнѣваюсь, — говоритъ Іоаннъ Салисбюрійскій,—что современники во многомъ превосходятъ древнихъ. Я живу надеждой, что потомство оцѣнитъ величіе нашего времени, когда *столь многіе* проявляютъ удивительный талантъ, остроту въ изысканіи, прочное прилежаніе, счастливую память, богатство слова». Эти «многіе» и были предшественниками и сотрудниками Абеляра,—пусть даже въ личныхъ отношеніяхъ они были его врагами. Если, какъ логикъ и богословъ, онъ сталкивался почти со всѣми учителями своего времени, то какъ культурно-историческій типъ онъ шелъ по пути, протоптанному другими. Наука діалектики и школьная форма диспута со всѣми ихъ разрушительными для немудрой вѣры послѣдствіями — созданы были не имъ. Не онъ первый осуществилъ типъ бродячаго магистра, живущаго не при церкви отъ церковнаго лена, а отъ платы съ учениковъ; не онъ первый окруженъ былъ толпами учениковъ, «жаждавшихъ изучить что-нибудь новое», не онъ первый уснащалъ религію философіей до такой степени, что сбивался скорѣе на стоика и перипатетика, чѣмъ на смиреннаго клирика. Уже враги его и предшественники—Вильгельмъ изъ Шампо и Ансельмъ Лаонскій, получали эпитеты отступниковъ и квакающихъ жабъ, а Гонорій Отенскій жаловался, что «груди церкви, которыя должны бы поить молодежь молокомъ науки, содержатъ опьяняющее вино—свѣтскую философію». Движеніемъ, въ которомъ такую видную фигуру представлялъ Абеляръ, охвачена была вся сѣверная залуарская Франція, гдѣ въ началѣ XII в. шла волна коммунальныхъ возстаній. Уже намѣчалась, среди другихъ освобождавшихся ремесленныхъ корпорацій, вольная ассоціація магистровъ и учениковъ—Universitas magistrorum et scolarum, которая выбивалась изъ рамокъ узко-церковной школы и нуждалась только въ санкціи короля и папы, чтобы выступить въ качествѣ признанной общественной силы въ жизнь. Первые годы XIII в. дали ей эту санкцію, и въ движеніи, направленномъ къ этому пункту, съигралъ свою роль и безпокойный геній Абеляра. Поставленный въ эту цѣпь, онъ представляется фигурой, гораздо болѣе жизненной, чѣмъ если мы будемъ его связывать съ нѣмецкими протестантами болѣе поздняго времени, какъ это не прочь сдѣлать Гаусратъ.

О. Д—шъ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

М. Ковалевскій. «Происхожденіе современной демократіи».

Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Томъ первый. Части III и IV. Изданіе второе К. Т. Солдатенкова. Цѣна 2 р. 50 к. Въ новомъ изданіи первый томъ книги М. М. Ковалевскаго разростается въ цѣлыхъ два. Передъ нами вторая половина, охватывающая анализъ общественныхъ и политическихъ доктринъ XVIII вѣка. Немного измѣненій потерпѣла часть III-я, трактующая о физіократахъ, о крестьянскомъ и рабочемъ вопросѣ въ литературѣ и наказахъ и о податныхъ теоріяхъ; изъ части IV печатается безъ измѣненій глава объ англоманіи и американофильствѣ.

Это несомнѣнно лучшая часть перваго тома. М. М. Ковалевскій съумѣлъ найти плодотворный исходный пунктъ для своего изслѣдованія. «Экономическія и общественныя доктрины Франціи XVIII вѣка,—говоритъ онъ въ самомъ началѣ,—вытекали изъ критики современныхъ имъ хозяйственныхъ порядковъ и существующаго строя соціальныхъ отношеній. Въ такихъ, повидимому, отвлеченныхъ трактатахъ, какъ «Духъ законовъ» или «Разсужденіе объ источникѣ

неравенства», поднимались и такъ или иначе рѣшались не одни только общечеловѣческіе вопросы, но и тѣ, которые составляли злобу дня, предметъ ежечасныхъ заботъ, если не правительства, то общества. Это еще въ большей мѣрѣ можетъ быть сказано о сочиненіяхъ первыхъ экономистовъ»...

Подвергнутыя анализу съ этой точки зрѣнія основныя положенія физіократовъ, теорія о produit net, теорія о предустановленной гармоніи и проч. получаютъ нѣсколько иное, болѣе правдоподобное объясненіе, чѣмъ то, которое давалось имъ раньше. Въ новомъ изданіи этюдъ дополненъ на основаніи матеріаловъ, напечатанныхъ Шелемъ (Schelle) въ его книгѣ «Vincent Gournay», вышедшей послѣ перваго изданія «Происхожденія демократіи» (въ 1897 г.). Мы однако не станемъ останавливаться на отдѣлахъ, оставшихся болѣе или менѣе въ старомъ видѣ, такъ какъ они уже нашли свою оцѣнку раньше (см., напр., статью проф. Виноградова «Франція передъ революціей», «Р. Мысль», 1895, 11), а сосредоточимъ вниманіе на вопросѣ о революціонной теоріи демократической монархіи,—который вновь выдвигается и трактуется при помощи новаго матеріала.

Основная идея М. М. Ковалевскаго, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что между доктринами Руссо и Монтескье нѣтъ того глубокаго принципіальнаго различія, признаніе котораго сдѣлалось обычнымъ явленіемъ у историковъ. М. М. Ковалевскій не стоитъ одиноко въ этомъ отношеніи. Еще до него противъ признанія капитальной разницы въ ученіяхъ двухъ мыслителей возставали Эдмъ Шампіонъ и Эспинасъ, послѣ него, приблизительно, ту же идею высказывалъ Лихтенбергеръ. Но далеко не всѣ эти ученые сходятся въ пониманіи дѣла. Эспинасъ и Лихтенбергеръ имѣютъ въ виду главнымъ образомъ картину государства Троглодитовъ, нарисованную у Монтескье въ «Персидскихъ письмахъ»,—и ее сопоставляютъ со взглядами Руссо. Путь, избранный Шампіономъ и Ковалевскимъ, иной. Вотъ что говоритъ послѣдній: «Я позволю себѣ усомниться въ томъ, чтобы между двумя школами, школою Монтескье и школою Руссо, дѣйствительно существовала та глубокая черта отличія, которая обыкновенно проводится, и чтобы та и другая не послужили къ образованію одной политической доктрины, ученія объ уравновѣшенной демократической монархіи». Остановимся пока на этомъ. Ясно, что вторая половина выписаннаго отрывка не можетъ служить предпосылкой для первой. Если два ученія въ одинаковой степени послужили источниками для одной доктрины, это вовсе не значитъ, чтобы они были совершенно однородны, а значитъ лишь то, что самая доктрина эклектична, не смотря на свое единство. Какъ увидимъ ниже, оно дѣйствительно такъ было.

М. М. Ковалевскій, конечно, не пытается доказать полнаго тожества ученія Монтескье о необходимыхъ условіяхъ политической свободы со взглядами на этотъ вопросъ Руссо и Мабли,—но принципіальное различіе между ними онъ отрицаетъ. Оставимъ пока то, что прибавлено авторомъ для новаго изданія, и остановимся на томъ, что есть въ обоихъ *).

Необходимымъ условіемъ политической свободы Монтескье считаетъ теорію раздѣленія и равновѣсія властей. Какъ относится къ ней Руссо?

М. М. Ковалевскій доказываетъ, что отношеніе Руссо къ теоріи раздѣленія властей—болѣе сочувственное, чѣмъ принято думать. Въ подкрѣпленіе этого взгляда приводится прежде всего Contrat social (III, 1), гдѣ Руссо говоритъ о выдѣленіи правительства, какъ исполнительной власти. М. М. Ковалевскій на-

---

*) Мабли мы при этомъ оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ его связь съ Руссо не кажется намъ столь тѣсной, чтобы можно было безразлично пользоваться идеями того и другого, какъ это дѣлаетъ М. М. Ковалевскій. Ближе къ истинѣ стоитъ въ этомъ отношеніи, какъ намъ кажется, г. Н. Карелинъ (Ж. Ж. Руссо, стр. 40—42), указывающій коренные пункты различія между обоими теоретиками.

ходитъ тутъ всѣ признаки раздѣленія и равновѣсія. Между тѣмъ, въ той же главѣ нѣсколько выше мы читаемъ слѣдующее: «тѣ, кто думаетъ, что актъ, которымъ извѣстный народъ подчиняется своимъ вождямъ, вовсе не есть договоръ, совершенно правы. Это не болѣе, какъ простое порученіе, должность, выполняя которую, они просто пользуются, въ качествѣ простыхъ чиновниковъ суверена, той властью, которою онъ ихъ временно облекъ и которую онъ можетъ ограничить, видоизмѣнить и взять назадъ, когда только захочетъ. Отчужденіе такого права, совершенно несовмѣстимое съ сущностью соціальной организаціи, противорѣчило бы самой цѣли общественнаго союза». Гдѣ же тутъ равновѣсіе? Въ принципѣ Руссо никогда не уступалъ ни принципа недѣлимости, ни принципа неотчуждаемости власти. Только вопросы практическаго удобства заставляютъ его выдѣлять правительство. Это подчиненный агентъ, а не самостоятельная власть. Когда представляютъ власть подѣленной на равныхъ основаніяхъ, Руссо (Con. Soc. II, 2) вышучиваетъ такое предположеніе. Это все равно, говоритъ онъ, если бы вздумали составить человѣка изъ отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ у одной были бы только ноги, у другой только руки, у третьей только глаза.

Значитъ, съ этой стороны довольно трудно свести различіе между доктринами Руссо и Монтескье до минимума. Попробовать же найти у Монтескье что-нибудь, подобное идеѣ Руссо о народномъ суверенитетѣ, М. М. Ковалевскій, конечно, не думаетъ. Онъ ссылается на то, что Мабли отступаетъ отъ этой идеи ровно настолько, насколько она противорѣчитъ теоріи Монтескье. Намъ кажется, что изъ этого слѣдуетъ только одно: Мабли нельзя считать вѣрнымъ сторонникомъ Руссо, больше ничего.

Другой вопросъ — о претвореніи обѣихъ доктринъ въ доктрину революціи. Для того, чтобы придти къ этому, совершенно правильному выводу, вовсе не требуется доказывать гипотезу о минимальномъ противорѣчіи между Руссо и Монтескье. М. М. Ковалевскій прекрасно показываетъ, какъ постепенно сдвигались обѣ доктрины у менѣе крупныхъ публицистовъ (Сіейсъ, Черутти, Рабо-Сентъ-Этьенъ, Кондорсе) и въ cahiers избирателей. Читателю совершенно ясно, что иначе и быть не могло. Идеи Руссо и идеи Монтескье были такимъ же составнымъ элементомъ революціонной доктрины, какимъ были идеи физіократовъ и положительные принципы, заимствованные у англійской и американской практики. Всякому, прочитавшему книгу М. М. Ковалевскаго, ясно, что доктрина революціи — эклектична.

Въ сравнительной оцѣнкѣ Руссо и Монтескье почтенный изслѣдователь отступилъ отъ того взгляда, который высказанъ имъ въ началѣ второй половины его книги и формулировка котораго выписана нами выше. Какъ онъ вѣрно замѣтилъ, идеи Руссо и Монтескье выросли на почвѣ существующаго строя соціальныхъ отношеній, но соціальныя отношенія, которыя нашли свое отраженіе въ «Духѣ законовъ» далеко не тѣ, подъ вліяніемъ которыхъ создался «Общественный договоръ». Мы не можемъ останавливаться на развитіи этой идеи. Укажемъ только, что Монтескье всегда оставался идеологомъ привилегированныхъ классовъ, въ то время какъ Руссо былъ идеологомъ пролетаріата, поскольку онъ тогда существовалъ. Это вырываетъ цѣлую бездну между ихъ доктринами и отыскивать въ нихъ принципіальное сходство въ основахъ, по нашему мнѣнію, задача совершенно безнадежная. Сходство между ними, конечно, есть, но это не больше, какъ результатъ заимствованій Руссо у Монтескье, и нисколько не уничтожаетъ коренного противорѣчія между теорій народнаго суверенитета, неотчуждаемаго и нераздѣльнаго, и теоріей раздѣленія властей.

Во второмъ изданіи Ковалевскій прибавилъ два большихъ этюда о Монтескье и о Руссо, въ которыхъ пытается установить идейный генезисъ обѣихъ доктринъ. Детальное изслѣдованіе, предпринятое отчасти на основаніи новыхъ до-

кументовъ (дневникъ путешествія Монтескье, неизвѣстныя раньше сочиненія Руссо и пр.) и сообщающее много неизвѣстныхъ фактовъ, проливающихъ яркій свѣтъ на процессъ образованія обѣихъ доктринъ *), заставило автора сильно ограничить свое прежнее мнѣніе. Онъ совершенно основательно указываетъ на зависимость нѣкоторыхъ построеній Руссо отъ Монтескье, «но,—прибавляетъ онъ,—если... мы перейдемъ къ основнымъ задачамъ государственнаго устройства, намъ на каждомъ шагу придется отмѣтить *полное несоотвѣтствіе* (курсивъ нашъ) между взглядами двухъ писателей, которые въ равной мѣрѣ доставили оружіе противъ существующаго въ ихъ время порядка и одинаково содѣйствовали выработкѣ революціонной доктрины» (стр. 437). Больше ничего и не требуется. Этими словами авторъ возвращается къ тому совершенно вѣрному положенію, которое онъ высказалъ въ предисловіи къ первому изданію: «Ихъ (экономистовъ и политическихъ мыслителей) дѣйствительныя или мнимыя разнорѣчія были сглажены ближайшими послѣдователями и популяризаторами... Изъ *противорѣчивыхъ частей* (курсивъ нашъ)..., преклоненія передъ народнымъ суверенитетомъ и желанія раздѣлить послѣдній между королемъ, аристократіей и земельными собственниками, сложилась та революціонная доктрина, отраженіе которой можно найти въ наказахъ» (стр. VII — VII). Если все это такъ, то къ чему было тратить столько остроумія, чтобы доказывать почти совершенно противоположное? Вѣроятно въ третьемъ изданіи, котораго книга несомнѣнно скоро дождется, М. М. Ковалевскій сгладитъ эти противорѣчія.

Мы остановились на вопросѣ о революціонной доктринѣ исключительно въ виду его капитальной важности. Новые этюды о Монтескье и Руссо содержатъ и сами по себѣ много интереснаго. Авторъ, разсчитывавшій, вѣроятно, дать анализъ доктринъ обоихъ мыслителей примѣнительно къ революціи, сильно расширилъ первоначальный планъ; получилась работа, имѣющая большой самостоятельный интересъ, хотя, съ другой стороны, въ виду перестановки точки зрѣнія, явилась нѣкоторая разбросанность изложенія.

Въ этюдѣ о Руссо г. Ковалевскій предпринимаетъ длинныя изысканія о корняхъ теоріи народнаго суверенитета и общественнаго договора. Съ одной стороны, ихъ онъ ищетъ въ политическихъ теоріяхъ, у Платона, монархомаховъ, Алтузія, Спинозы, Жюрье, Гоббса, Локка, Сиднея, Монтескье и др., съ другой,—въ политическихъ условіяхъ Женевы, Берна, Венеціи, Генуи, а изъ древнихъ Спарты и Рима. Соціальныхъ условій М. М. Ковалевскій не касается, если не считать того, что говорится въ первой главѣ настоящаго полутома.

Оба этюда объединяетъ одно заключеніе: ни Монтескье, ни Руссо, создавая свои доктрины, не имѣли въ виду никакихъ разрушительныхъ цѣлей; оба автора никогда не проповѣдывали революціи. Ихъ задачи были теоретическія, а не практическія. Революціонными сдѣлались обѣ доктрины лишь тогда, когда несовершенства французскихъ учрежденій настоятельно выдвинули вопросъ объ ихъ реформированіи и когда предреволюціонные публицисты и политики - практики стали искать новыхъ принциповъ въ теоретическихъ трактатахъ.

Такая схема не объясняетъ однако, одного: откуда взялось преобладаніе соціальной точки зрѣнія у Руссо? Намъ кажется, что и эту схему слѣдуетъ дополнить, исходя изъ точки зрѣнія, высказанной въ самомъ началѣ полутома и приведенной выше. Въ исканіи генезиса идей Руссо, при перечисленіи Женевы и Берна, Генуи и Венеціи, не слѣдовало упускать изъ виду соціальнаго строя Франціи. То же, хотя и въ меньшей степени, приходится сказать и о Монтескье. Ковалевскій приводитъ вѣскія доказательства въ подтвержденіе того, что революціонныхъ цѣлей ни у того, ни у другого не было. Но критика французскихъ

---

*) Между прочимъ, изъ дневника Монтескье видно, что онъ былъ знакомъ съ книгой Вико.

учрежденій и французскаго строя въ нихъ всегда была—сознательная или безсознательная, это вопросъ другой. Въ этой критикѣ и слѣдуетъ искать революціонныя зерна.

Таковы главныя построенія М. М. Ковалевскаго .Лишнее говорить, что «Происхожденіе демократіи»—трудъ капитальный, который займетъ мѣсто въ почетномъ сосѣдствѣ съ мастерами исторіи революціонной эпохи. Для этого онъ нуждается лишь въ нѣкоторой обработкѣ. *А. Дживелеговъ.*

СТАТИСТИКА.

Г. Майръ. «Статистика и обществовѣдѣніе».

Г. Майръ. Статистика и обществовѣдѣніе. Т. I. Теоретическая статистика. Перев. съ нѣмецкаго пр.-доц. В. Я. Желѣзнова. Изд. товарищества «Знаніе», ред. Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. № 15. Спб. 1899 г. Профессору мюнхенскаго университета, Г. Майру, у насъ посчастливилось: «Статистика и обществовѣдѣніе»—второй трудъ его, появляющійся на русскомъ языкѣ, первый—«Законосообразности въ общественной жизни» не такъ давно вышелъ вторымъ изданіемъ. Подобный успѣхъ его работъ вполнѣ заслуженъ: онѣ соединяютъ въ себѣ достоинства строгой научности съ ясностью и популярностью изложенія. Впрочемъ, послѣднее относится болѣе къ его сочиненію «Законосообразности въ общественной жизни», чѣмъ къ разсматриваемому, которое представляетъ научный курсъ статистики.

Какъ извѣстно, до сихъ поръ еще существуетъ между учеными разногласіе въ опредѣленіи какъ понятія, такъ и объекта изслѣдованій статистической науки. Одна группа ученыхъ вообще не признаетъ статистику наукою и видитъ въ ней только методъ, какъ-то: Герри, Онкенъ, Гукеръ, Гедссъ и др. Они ограничиваютъ дѣятельность статистика собираніемъ матеріала, всѣ же разсужденія, построенныя на основаніи статистическихъ данныхъ, согласно этому воззрѣнію, высказываются имъ не какъ статистикомъ, но какъ представителемъ другой какой-либо науки, политической экономіи, уголовнаго права и т. п. Не отрицая, что на-ряду съ статистической наукой и независимо отъ ея самостоятельнаго существованія дѣйствительно существуетъ и статистическій методъ въ общемъ смыслѣ этого слова, выходящій за предѣлы изслѣдованія соціальной жизни (напр., въ метеорологіи), Г. Майръ считаетъ статистику единою, замкнутою въ себѣ наукою, полагающей конечную задачу свою въ открытіи законосообразностей въ общественной жизни. Здѣсь онъ примыкаетъ къ такимъ именамъ, какъ Кетлэ, Энгель, Германъ, Эттингенъ, Моро-де-Жоннесъ, Левасcеръ и т. д. Вмѣстѣ съ подавляющимъ числомъ ученыхъ онъ держится взгляда, высказаннаго давно уже Дюфо, именно, что объектомъ статистическаго изслѣдованія должно считать соціальныя явленія, всю разнообразно сложившуюся массу человѣческихъ отношеній, которую для краткости авторъ называетъ просто *соціальной массою.* Подъ этимъ терминомъ слѣдуетъ подразумѣвать не только суммы самихъ человѣческихъ индивидуумовъ, но также суммы дѣйствій этихъ индивидуумовъ и длящіеся результаты такихъ дѣйствій. Научное изученіе подобной соціальной массы всего совершеннѣе выполняется путемъ исчерпывающаго массоваго наблюденія ея элементовъ при помощи числа и мѣры. Подобное изученіе и называется статистикою. Такимъ образомъ, *статистика въ матеріальномъ смыслѣ* (статистическая наука) *есть выясненіе массовыхъ явленій общественной жизни людей, основанное на исчерпывающемъ массовомъ наблюденіи, выраженномъ въ числѣ и мѣрѣ* (§ 13). Въ этомъ смыслѣ статистика занимаетъ самостоятельное мѣсто среди другихъ общественныхъ наукъ.

Существеннымъ признакомъ статистическаго изслѣдованія Г. Майръ считаетъ его *исчерпывающій характеръ*. Тамъ, гдѣ этого признака нѣтъ, хотя бы было въ наличности массовое наблюденіе соціальныхъ явленій при помощи числа и мѣры, онъ видитъ лишь различныя формы внѣ-статистической оріентировки. Сюда онъ относитъ не только такіе случаи, какъ приблизительное вычисленіе или монографическое наблюденіе отдѣльныхъ типическихъ явленій, но и такъ-называемый анкетный способъ изслѣдованія, при которомъ фактически описываются избранные экземпляры соціальныхъ элементовъ и, сверхъ того, собирается достаточное количество личныхъ сужденій относительно извѣстныхъ соціальныхъ условій и явленій. Этимъ изъ области, обычно считаемой статистикою, исключается цѣлый рядъ работъ и изслѣдованій. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько это правильно принципіально, слѣдуетъ замѣтить, что автору самому бываетъ затруднительно въ дальнѣйшемъ изложеніи стоять на почвѣ опредѣленія статистическаго наблюденія, лишь какъ безусловно исчерпывающаго, не говоря уже о томъ, насколько противорѣчитъ это укоренившимся понятіямъ публики.

Общую область статистической науки Г. Майръ дѣлитъ на теоретическую и практическую части. *Теоретическую часть* составляютъ, главнымъ образомъ, тѣ изслѣдованія, которыя опредѣляютъ сферу статистическаго знанія, устанавливаютъ его общія основанія и излагаютъ его методъ и технику, а также касаются исторіи статистики и отношеній ея къ публичному управленію. Именно этому и посвящено содержаніе разсматриваемаго I-го тома соч. «Статистика и обществовѣдѣніе». *Практическая часть* статистической науки обнимаетъ собою совокупность матеріальныхъ научныхъ пріобрѣтеній, выводовъ, въ области массоваго наблюденія общественной жизни. Система практической статистики, изложенію которой посвящена будетъ вторая часть переводимаго сочиненія, обнимаетъ собою слѣдующіе отдѣлы: статистику населенія (демологію), моральную статистику, статистику образованія, хозяйственную статистику и политическую статистику.

Система практической статистики совпадаетъ съ точнымъ ученіемъ объ обществѣ, т.-е. съ научнымъ познаніемъ общественныхъ условій и явленій, основанномъ на исчерпывающемъ массовомъ наблюденіи соціальныхъ элементовъ всякаго рода. Въ этомъ именно смыслѣ вторая часть въ заглавіи предлагаемаго сочиненія и обозначена терминомъ: «обществовѣдѣніе» (Gesellschaftslehre). Это точное ученіе объ обществѣ не тождественно съ ученіемъ объ обществѣ вообще, которому присвоено въ современной наукѣ названіе «соціологіи». Авторъ признаетъ за соціологіей право на существованіе въ видѣ самостоятельной дисциплины (§ 10), понимая подъ нею науку, изслѣдующую соціальные союзы, какъ таковые, въ ихъ строеніи и закономѣрностяхъ, проявляющихся въ ихъ развитіи, а въ особенности со стороны тѣхъ вліяній, какія обнаруживаютъ общественные союзы на ихъ членовъ. Но онъ рѣшительно высказывается противъ методовъ изслѣдованія, употреблявшихся до сихъ поръ въ этой наукѣ. Это—съ одной стороны перенесеніе выводовъ естествознанія въ область соціальныхъ наукъ путемъ аналогій, съ другой—дедуктивная работа мысли, опирающаяся на фактическія данныя, собранныя посредствомъ несистематическихъ наблюденій. При такомъ способѣ изслѣдованіе соціальныхъ союзовъ не можетъ оказаться удовлетворительнымъ въ научномъ смыслѣ. Удовлетворительное познаніе соціальныхъ союзовъ, какъ особенныхъ сочетаній соціальныхъ массъ, возможно только путемъ массоваго наблюденія статистики. Однако, Г. Майръ не утверждаетъ, что одна статистика можетъ разрѣшить всѣ вопросы. «И пользованіе исторически установленными данными,—пишетъ онъ,—и чисто дедуктивная работа мысли съ цѣлями болѣе глубокаго проникновенія въ сущность процессовъ развитія человѣческой жизни—сохраняютъ серьезное значе-

ніе. Мы хотимъ лишь сказать, что такое рѣшительное устраненіе статистики, какое мы замѣчаемъ у главнѣйшихъ основателей соціологіи, можетъ быть только вреднымъ для точности изслѣдованій этой науки. Соціологія въ качествѣ общей дисциплины, вводящей въ изученіе общества—я назвалъ бы ее теоретическимъ ученіемъ объ обществѣ—много выиграла бы, примкнувъ къ статистикѣ, какъ къ практическому ученію объ обществѣ. Понимаемая такимъ образомъ, она составила бы связующее звено между науками о соціальной жизни и всей совокупностью отдѣльныхъ наукъ о природѣ и человѣческомъ духѣ, являясь въ дѣйствительности «наукою второй инстанціи» (стр. 23). Еще Шеффле указалъ на важность статистики для цѣлей соціологическаго изслѣдованія, о значеніи ея въ этомъ отношеніи говоритъ также де-Грефъ (De Greef. «Les lois sociologiques». 1893). *М. П—въ.*

САМООБРАЗОВАНІЕ. НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

«Курсъ систематическаго чтенія. Годъ 4-ый».—Изданія *М. Дорошенко.*

Програмы домашняго чтенія на 4-й годъ систематическаго курса. М. 1900 г. Четвертый и послѣдній выпускъ хорошо извѣстныхъ читающей публикѣ «Программъ» обнимаетъ собой наиболѣе интересные, какъ въ теоретическомъ отношеніи, такъ и по близкой связи съ дѣйствительностью—отдѣлы знаній. Въ виду этого даже та дробность, за которую часто упрекали составителей «Программъ»,—по отношенію къ настоящему выпуску навѣрное явится въ глазахъ читателей не недостаткомъ, а скорѣе достоинствомъ, которое обезпечитъ этой части «Программъ» еще болѣе широкое распространеніе, чѣмъ имѣли предъидущія.

Очередной частью въ отдѣлѣ физико-химическихъ наукъ является здѣсь исторія земли. Для первоначальнаго ознакомленія съ нею московская коммиссія рекомендуетъ книги В. Л. Соколова и В. К. Агафонова, но основнымъ пособіемъ при прохожденіи своей программы ставитъ превосходную книгу Неймайра, по которой и составлены провѣрочные вопросы. По біологіи на очередь поставлено изученіе исторіи органическихъ формъ и ихъ распространенія по земной поверхности (палеонтологія и біогеографія). Въ обоихъ отдѣлахъ—популяризація современныхъ положительныхъ знаній идетъ объ руку съ сообщеніемъ важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи науки: то и другое ставится въ тѣснѣйшую связь съ вопросами общаго міровоззрѣнія. Естественнымъ завершеніемъ поставленной такимъ образомъ программы является ознакомленіе съ «теоріей эволюціи» и «дарвинизмомъ», которое и рекомендуется читателю предпринять: основнымъ пособіемъ избрана здѣсь коммиссіей книга Уоллеса; по ней поставлены провѣрочные вопросы. Насколько обстоятельно разработаны указанія для чтенія по обоимъ программамъ, видно изъ того, что та и другая вмѣстѣ занимаютъ 50 страницъ. Далѣе слѣдуетъ небольшая программа по этикѣ покойнаго пр. Грота (коммиссія не указала, къ сожалѣнію, кто будетъ руководить по этой программѣ) и очень обширная, одна занимающая 55 стр. программа по исторіи новой философіи. Въ основу положено печатающееся сочиненіе Гефдинга, по нему составлены (очень подробно) и провѣрочные вопросы. Параллельно съ чтеніемъ Гефдинга коммиссія предлагаетъ знакомиться съ самыми текстами наиболѣе выдающихся философовъ, хотя бы по сборнику отрывковъ изъ сочиненій ихъ, изданному Фулье. Для желающихъ подробнѣе ознакомиться съ тѣмъ или другимъ философомъ, коммиссія намѣтила 46 отдѣльныхъ темъ, разработка каждой изъ которыхъ можетъ идти такъ далеко, какъ только захочетъ читатель. Различная степень трудности разныхъ темъ даетъ возможность каждому читателю найти себѣ работу по силамъ, а разнообразіе темъ помогаетъ удовлетворить самые

разнообразные философскіе вкусы: правда, что разобраться въ томъ и другомъ можетъ только читатель, уже до извѣстной степени посвященный въ философіи.

Слѣдующій отдѣлъ наукъ общественно-юридическихъ открывается программой чтенія по международному праву, которая едва ли привлечетъ большое количество читателей. Тѣмъ болѣе имѣетъ общаго интереса отдѣлъ «соціальной политики» и особенно первая часть этого отдѣла, посвященная «рабочему вопросу». Но тутъ приходится посѣтовать на составителей за то, что они на такой важный для самообразованія отдѣлъ обратили сравнительно мало вниманія. Въ послѣдующихъ изданіяхъ слѣдовало бы совершенно переработать этотъ отдѣлъ, обновить выборъ книгъ, указанныхъ довольно неразборчиво и неполно, и, сосредоточивъ вниманіе читателя на меньшемъ, можетъ быть, количествѣ, но осторожнѣе подобранныхъ пособій, детальнѣе разработать заключающійся въ нихъ матеріалъ; въ заключеніе, именно по этому поводу слѣдовало бы дать указанія читателямъ, желающимъ перейти къ болѣе самостоятельной работѣ. Конечно, въ данномъ случаѣ, на такія практическія занятія нашлось бы не менѣе охотниковъ, чѣмъ въ отдѣлахъ ботаники или даже философіи,—гдѣ подобныя указанія даны.

Программы чтенія по исторіи занимаютъ 125 страницъ и составляютъ наиболѣе детально обработанный отдѣлъ всего сборника. По всеобщей исторіи (съ французской революціи до нашего времени) коммиссія предлагаетъ двѣ программы,—одну болѣе трудную, другую болѣе легкую. Разница между обѣими, однако, не настолько велика, чтобы оправдать параллельное существованіе двухъ отдѣльныхъ программъ Та же самая цѣль, какъ намъ кажется, могла бы быть достигнута введеніемъ въ первую программу (изъ теперешней второй) нѣкоторыхъ болѣе элементарныхъ вопросовъ и выдѣленіемъ, затѣмъ, *въ ней* самой—элемента *обязательнаго*, болѣе легкаго, отъ элемента, *рекомендуемаго*, болѣе труднаго (относя къ послѣднему нѣкоторую часть отступленій изъ области политической исторіи — въ область соціальныхъ, экономическихъ и умственныхъ явленій и всѣ дополненія по книгѣ проф. Карѣева). Самый выборъ матеріала кажется намъ вполнѣ цѣлесообразнымъ.

По русской исторіи программа распадается на слѣдующіе отдѣлы: внѣшняя политика Россіи въ XIX в.; административныя и судебныя учрежденія; земскія учрежденія, городское управленіе и сословія; государственное хозяйство; общественныя движенія. Послѣдній отдѣлъ ограничивается временемъ Александра I, о чемъ нельзя не пожалѣть. Будемъ надѣяться, что въ послѣдующихъ изданіяхъ коммиссія найдетъ возможнымъ включить также и позднѣйшее время. Желательно бы было, чтобы коммиссія обратила вниманіе на матеріалъ, заключающійся въ русской журналистикѣ: внутреннія обозрѣнія «Вѣстника Европы», систематически подобранныя за цѣлый рядъ годовъ могли бы, напр., дать превосходную и всѣмъ доступную лѣтопись русской общественности за вторую половину столѣтія. Можно было бы также и въ этомъ отдѣлѣ намѣтить рядъ темъ для болѣе или менѣе самостоятельныхъ работъ по первоисточникамъ нашей общественной исторіи.

Программы по всеобщей и русской литературѣ XIX в. занимаютъ по 50 стр. каждая. До послѣдняго времени доведена въ первомъ отдѣлѣ только исторія французской литературы и очень бѣгло-англійской. Нѣмецкая и итальянская останавливаются на первой трети вѣка. Эти пробѣлы тоже предстоитъ пополнить въ слѣдующихъ изданіяхъ. Къ числу достоинствъ даннаго отдѣла программъ слѣдуетъ отнести то, что составители его очень цѣлесообразно использовали журнальныя статьи. Не лишнее было бы—въ число европейскихъ литературъ, включенныхъ программами, ввести и скандинавскія.

Нѣкоторый недостатокъ программы русской литературы заключается въ томъ, что составитель ея слишкомъ близко придерживался программы средне-учебныхъ

заведеній. Такимъ образомъ, для средней школы программа, навѣрное, будетъ очень полезна и поможетъ учителямъ освѣжить учебный матеріалъ, но самообразовывающійся читатель едва ли будетъ имѣть терпѣніе изучить во всѣхъ подробностяхъ Карамзина, Крылова и Жуковскаго. Зато разработка темъ, касающихся новѣйшихъ писателей, можетъ показаться тому же читателю слишкомъ уже короткой и слишкомъ слабо поставленной въ связь съ общественными теченіями времени: онъ найдетъ въ числѣ провѣрочныхъ вопросовъ много такихъ, которые нужны скорѣй для класснаго прохожденія предмета, и не найдетъ цѣлаго «новѣйшаго періода» русской литературы, замѣненнаго простой ссылкой на г. Скабичевскаго, съ прибавленіемъ коротенькаго библіографическаго списка сочиненій главнѣйшихъ авторовъ и статей о нихъ. Такимъ образомъ, ни Салтыковъ, ни Глѣбъ Успенскій, ни беллетристы-народники, ни беллетристы современные, ни Михайловскій, ни представители русской лирики не являются предметомъ изученія въ программахъ. Конечно, было бы трудно разработать весь матеріалъ, заключающійся въ сочиненіяхъ каждаго изъ нихъ,—но если бы коммиссія отказалась отъ группировки матеріала по авторамъ и замѣнила бы ее другой, болѣе систематической группировкой, напр., по направленіямъ,—тогда явилась бы, какъ намъ кажется, полная возможность выкинуть изъ программы весь балластъ и остановить вниманіе читателя только на существенномъ, сдѣлавъ извѣстный выборъ; несомнѣнно, только при такомъ выборѣ программа и можетъ получить значеніе руководства для читателя.

Въ концѣ помѣщена программа по этнографіи славянскихъ народностей, литовцевъ и латышей, семитическихъ народовъ, румынъ, молдаванъ и цыганъ. Къ сожалѣнію, этотъ отдѣлъ приходится признать совершенно неудавшимся. Указанія сводятся здѣсь къ довольно безпорядочному и не особенно разборчиво, а иногда и совершенно случайно составленному списку книгъ, которыя только смутная рубрика «этнографіи» можетъ объединить въ довольно сомнительное цѣлое. Къ «самообразованію» эти списки, во всякомъ случаѣ, имѣютъ очень слабое отношеніе.

Настоящимъ четвертымъ выпускомъ заканчивается капитальный трудъ московской коммиссіи. Успѣшнымъ завершеніемъ его русское общество обязан дружной совмѣстной работѣ нѣсколькихъ десятковъ спеціалистовъ, самоотверо женно жертвовавшихъ для общаго дѣла не только своимъ трудомъ, но и своей привычкой—руководить публикой, гораздо болѣе посвященной въ спеціальность каждаго, чѣмъ предполагаемые читатели Коммиссіи. Слѣды ихъ внутренней борьбы съ самими собой не разъ отражались на страницахъ «Программъ». Теперь, когда главное дѣло сдѣлано, когда солидный результатъ соединенныхъ усилій у всѣхъ на глазахъ, гораздо легче составить понятіе о цѣломъ и отмѣтить тѣ неровности и отклоненія отъ общей основной задачи, которыя мѣшаютъ этому цѣлому быть идеальнымъ цѣлымъ. Ближайшей задачей коммиссіи является, конечно, устраненіе этихъ недостатковъ при послѣдующихъ изданіяхъ программъ. Но есть и другія задачи, которыя могли бы быть поставлены на очередь коммиссіей, освободившейся отъ своего главнаго труда.—Мы говоримъ о возможно большемъ приближеніи къ читателю самыхъ «Программъ» и о возможно болѣе активномъ руководствѣ «домашнимъ ученіемъ» при помощи программъ существующихъ. Выработать болѣе доступныя для средняго (и ниже средняго) читателя программы и создать новыя формы общенія съ читателемъ,—таковы, какъ намъ кажется, могли бы быть очередныя задачи коммиссіи въ области руководства «домашнимъ чтеніемъ». Нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что энергіи руководителей, обогащенныхъ теперь опытомъ нѣсколькихъ лѣтъ, хватитъ на осуществленіе новыхъ задачъ, намѣчаемыхъ самою жизнью.

П. М.

«Новая библіотека». Изданія М. Дорошенко (М. Орѣховъ). Спб. 1899 г. В. Г. Короленко «Лѣсъ шумитъ» (съ 6 рис.). Цѣна 6 к. Его же «Сонъ Макара» (съ 6 рис.). Цѣна 8 к. Маминъ-Сибирякъ «Озорникъ» (съ 4 рис.). Цѣна 8 к. Проспѣръ Мериме «Маттео Фальконе». Переводъ М. Недошивиной (съ 5 рис.). Цѣна 5 к. Ежъ «На разсвѣтѣ». Историческій романъ. Цѣна 60 к. За послѣдніе годы наша «народная» литература растетъ и развивается гигантскими шагами, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и расширяется кругъ читателей подобной литературы. Лучшимъ объективнымъ показателемъ этого роста, этого проникновенія книги во все болѣе глубокіе слои народной массы можетъ служить появленіе новыхъ и новыхъ издательскихъ фирмъ «для народа». Книжный рынокъ, повинующійся тому же закону спроса и предложенія, какъ и всякій другой, даетъ все больше мѣста изданіямъ, носящимъ по преимуществу интеллигентный характеръ, все успѣшнѣе вытѣсняющимъ издѣлія никольскихъ торговцевъ, такъ называемыя «лубочныя» изданія.

Издаваемая г. Дорошенко «Новая библіотека», хотя и не носитъ названія «народной», можетъ быть, однако, причислена къ числу тѣхъ народныхъ изданій интеллигентнаго характера, которымъ суждено привлечь къ себѣ вниманіе и симпатію читающей массы. Съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣчаемъ мы появленіе двухъ разсказовъ В. Короленко въ новомъ отдѣльномъ, доступномъ для читателя изъ народной среды, изданіи. Разсказы г. Короленко «Лѣсъ шумитъ» и «Сонъ Макара» слишкомъ широко извѣстны, чтобы нужно было говорить объ ихъ достоинствахъ. Первый изъ нихъ появлялся уже и раньше въ отдѣльномъ дешевомъ изданіи (Спб. Комитета Грамотности), второй же появился теперь впервые въ «Новой библіотекѣ» г. Дорошенко. Мы не сомнѣваемся, что разсказъ «Сонъ Макара»—это высокохудожественное, проникнутое горячимъ чувствомъ справедливости произведеніе писателя, уже знакомаго и любимаго многими читателями изъ народа, получитъ самое широкое распространеніе среди той трудящейся массы, которой оно по существу посвящено.

Историческій романъ польскаго писателя Ежа «На разсвѣтѣ» принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ историческихъ произведеній, которые возбуждаютъ въ читателѣ такой же непосредственный живой интересъ, какъ если бы дѣйствіе его совершалось въ настоящее время. Какъ героическая борьба всего болгарскаго народа за свое освобожденіе, такъ и мощныя фигуры отдѣльныхъ дѣятелей, жертвующихъ всѣмъ ради спасенія родного края, изображены въ романѣ Ежа настолько увлекательно, притомъ въ такой доступной формѣ, что книгу «На разсвѣтѣ» можно смѣло рекомендовать для всякаго читателя изъ народной среды.

«Озорникъ»—разсказъ г. Мамина Сибиряка, прекрасно рисующій нравы глухой сибирской деревни; образъ озорника, съ его богатымъ запасомъ душевныхъ и физическихъ силъ, растрачиваемыхъ по-пусту, безъ цѣли и смысла, очерченъ очень хорошо, а романъ озорного Спирьки съ Дуней, типичной русской крестьянкой, производитъ трогательное впечатлѣніе, несмотря на всю свою дикость.

«Маттео Фальконе»—разсказъ извѣстнаго французскаго писателя Проспера Мериме, переноситъ насъ въ среду совсѣмъ иную по нравамъ и обычаямъ, хотя и не менѣе дикую,—въ среду корсиканскихъ пастуховъ и бандитовъ. Сынъ одного изъ такихъ корсиканцевъ предалъ въ руки полиціи бѣглеца, искавшаго у него защиты. Отецъ мальчика, ставящій чувство чести выше отцовской любви, убиваетъ его. Въ предисловіи г. Дорошенко разсказываетъ вкратцѣ біографію Мериме, характеризуетъ въ нѣсколькихъ словахъ его произведенія и разъясняетъ читателю смыслъ печатаемаго ниже разсказа. Предисловіе это вполнѣ умѣстно и написано толково и понятно.

Всѣ книги «Новой библіотеки» изданы съ внѣшней стороны хорошо, рисунки не дурны и цѣна книгъ не высока. *М. Б.*

СПРАВОЧНЫЯ ИЗДАНІЯ.

П. Арріанъ. «Первый женскій календарь на 1900 г.».

Первый женскій календарь на 1900 г. (второй годъ). Составила П. Н. Арріанъ. Спб. Складъ въ книжномъ магазинѣ «Издатель». Спб. Невскій, д. 48—60. 1900. Цѣна 75 к. (Стр. 433). Книга составлена добросовѣстно; издана красиво и дешево. Помимо разнообразной массы практическихъ, необходимыхъ въ жизни женщины, свѣдѣній, она интересна вообще, какъ опытъ, такъ сказать, женской энциклопедіи, цѣлаго круга предметовъ, обнимающаго женскую жизнь въ разныхъ фазахъ и моментахъ. Такъ, за общими календарными свѣдѣніями, почтовыми, телеграфными, телефонными и юридическими помѣщены главы: «*права и обязанности женщины и дѣтей по русскому праву, фабричное и заводское законодательство о женщинахъ и дѣтяхъ, и о дѣтяхъ незаконныхъ и усыновленіи ихъ*». За этимъ отдѣломъ слѣдуетъ второй, *женское образованіе*, гдѣ въ опредѣленныхъ очеркахъ даны свѣдѣнія и объ общемъ женскомъ образованіи (высшіе курсы, гимназіи, институты: правила, программы, формы прошеній; даже есть свѣдѣнія о женской адвокатурѣ за границей), о педагогическомъ, медицинскомъ, художественно-музыкальномъ, коммерческомъ, сельскохозяйственномъ и, наконецъ, профессіональномъ. Въ этотъ же, особенно обширный, отдѣлъ внесены свѣдѣнія и о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, открытыхъ доступу женщинъ за границей (Франція, Бельгія, Швейцарія, Германія). Не мало мѣста удѣлено медицинѣ, гигіенѣ, уходу за тѣломъ, одеждѣ, обстановкѣ и особенно гигіеническимъ и физіологическихъ свѣдѣніямъ относительно матери и ребенка, значенія питанія, дѣтской и пр. Весьма полезенъ отдѣлъ *свѣдѣнія и справки*: спросъ и предложеніе женскаго интеллигентнаго труда, бюро для найма прислуги, кормилицы, оспопрививательныя заведенія, родильные пріюты, дезинфекція, пособія для больныхъ, получаемыя изъ склада Общества самаритянъ, убѣжища и дешевыя комнаты для учащихъ и учащихся, музеи. Въ пятомъ отдѣлѣ—*изъ прошлаго и настоящаго*—помѣщены небольшіе, толково и тепло написанные четыре біографическіе очерка (съ портретами) трехъ русскихъ женщинъ: С. В. Ковалевской, Н. В. Стасовой и Е. І. Лихачевой и очеркъ дѣятельности профессора П. Ф. Лесгафта, такъ много сдѣлавшаго для женскаго образованія. Интересны свѣдѣнія о *движеніи женскаго дѣла за границей* (Франція, Англія, Германія и пр.), къ сожалѣнію, слишкомъ краткія и отрывочныя. Очень важны свѣдѣнія *о разныхъ женскихъ обществахъ*, но въ отдѣлѣ этомъ при многихъ обществахъ не помѣчено ни адресовъ, ни условій вступленія въ общество. Есть и оригинальная попытка представить *хронологію нѣкоторыхъ событій*, относящихся къ женскому вопросу въ Россіи и заграницей, расположенную по мѣсяцамъ, числамъ и годамъ, а также и *статистику женскаго труда въ Россіи*. Но послѣдняя, какъ сознаетъ и сама составительница календаря, собиравшая данныя сама, лично, за почти полнымъ отсутствіемъ статистики женскаго труда, конечно, далеко не полна; но и приведенныя данныя, во всякомъ случаѣ, указываютъ на довольно широкія завоеванія, сдѣланныя женщинами на различныхъ поприщахъ труда. Календарь заканчивается *хроникою женскаго и народнаго образованія въ Россіи за 1899 г.*

Какъ первая попытка составить спеціальный календарь для женщинъ, книжка вполнѣ заслуживаетъ вниманія, при всѣхъ своихъ недостаткахъ въ смыслѣ неполноты и, можетъ быть, недостаточной обработки матеріала; но недостатки эти объясняются трудностью и новизною дѣла, почему и въ этомъ видѣ нельзя не пожелать календарю широкаго распространенія между женщинами, особенно въ далекихъ провинціяхъ. *В. О—скій.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го января по 15-е февраля 1900 года).

Ф. фонъ-Бецольдъ. Исторія реформаціи въ Германіи. Перев. съ нѣмецк. Т. I. Спб. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Ц. 3 р.

К. Качоровскій. Русская община. Т. I. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 75 к.

Отчетъ о дѣятельности Об-ва попеченія о народномъ образованіи въ г. Красноуфимскѣ и его уѣздѣ за 1899 г.

Руководство къ составленію различныхъ ученическихъ сочиненій. Хрестоматія. Пособіе для учениковъ средне-учебныхъ заведеній и для готовящихся къ конкурснымъ испытаніямъ въ высшія учебныя заведенія. Ц. 1 р. Тифлисъ. 1899 г.

Миловидовъ. Опытъ объясненій. Пособіе при классныхъ разборахъ и разучиваніи наизусть избр. поэт. образц. Изд. II. Орелъ. 1900 г. Ц. 1 р.

Семеновъ. Полицейскія права и обязанности волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ. Спб. 1900 г.

Семеновъ. Новое положеніе о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ. Спб. 1900 г. Ц. 30 к.

В. Н. Спасскій. Лѣкарственныя растенія однолѣтнія и двухлѣтнія. Составл. по соч. X. Егера. Изд. Тихоміровa. Москва. 1899 г. Ц. 20 к.

Р. Морантъ. Дополнительныя народныя школы во Франціи. Переводъ съ англ. Межуева. Изд. ред. журнала «Техническое Образованіе». Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

А. Л. Волынскій. Борьба за идеализмъ. Критич. статьи. Изд. Н. Г. Молоствова. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

Б. Львовъ. Соціальный законъ. Опытъ введенія въ соціологію. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

А. А. Золотаревъ. Что говоритъ наука о половой потребности. Москва. 1900 г. Ц. 30 коп.

Л. А. Золотаревъ. Личная и общественная борьба съ развратомъ. Москва. 1900 г. Ц. 30 к.

Врача Сперанской - Берлинерблау. Прививайте оспу! Москва. 1899 г. Ц. 2 к.

У. Вѣтринскій. Въ сороковыхъ годахъ. Москва. Складъ изд. въ книжн. магаз. А. Д. Карчагина. 1899 г. Ц. 2 р.

К. Ламперта. Жизнь прѣсныхъ водъ. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1900 г.

Ранке, проф. Человѣкъ. Съ нѣмецк. Изд. д-ра М. Е. Ліона. Перев. подъ ред. Д. А. Коробчевскаго. Вып. 9—10 и 29—30. Спб. 1899 г.

М. М. Марголинъ. Основныя теченія въ исторіи еврейскаго народа. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Десятилѣтіе народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ. Тамбовъ. Губ. зем. тип. 1899 г.

А. А. Сапожниковъ. О преобразованіи календаря. Спб. 1900 г. Ц. 30 к.

А. А. Клоповъ. Къ вопросу о школьной реформѣ. Вып. I. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 г. Вып. IV. Семипалатинскъ. 1900 г. Ц. 1 р.

В. Зомбартъ. Идеалы соціальной политики. Съ нѣмецк. П. Ф. Теплова. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1990 г. Ц. 40 к.

Дж. Гобсонъ. Проблемы бѣдности и безработицы. Перев. съ англ., съ прилож. статьи П. Струве. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900 Ц. 1 р. 50 к.

Докладъ о книжномъ складѣ вятской губ. земской управы. Вятка. 1900 г.

Ѳ. Четыркинъ. Курская святыня. Спб. Изд. Сойкина. 1899 г.

Береженнаго Богъ береже. Тип. «Колодочка». Черкассы. 1899 г. Ц. 3 к.

Ликарь Авраменко. Ризочка або девентерія. Черкассы. 1899 г. Ц. 2 к.

Уставъ товарищества торговли артельными и кустарными товарами. «Союзъ». Москва. 1899 г.

Модеста Боровиковскаго. Въ странѣ тепла и свѣта. 1900 г. Ц. 65 к

М. Петровъ. 1900 г. Почтово-телеграфный календарь. Изд. книжн. магаз. Суховой. Спб. 1899 г. Ц. въ обл. 50 к.

Альфредъ Штернъ. Исторія революціи въ Англіи. Перев. съ нѣм. Г. Ѳ. Львовича. Изд. Пантелѣева. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

Д. Н. Мамина-Сибиряка. По Уралу. Разсказы и очерки. Москва. 1900 г. Ц. 50 к.

Соч. Лависса. Перев. съ франц. Е. П. Кангаловскаго. Всеобщая исторія. Краткія понятія о древней исторіи, среднихъ вѣкахъ и объ исторіи новаго времени. Москва. 1900 г. Ц. 35 к.

Эмиль Фагэ. Перев. съ франц. подъ ред. П. И. Шамонина. Политическіе мыслители и моралисты первой трети XIX вѣка. Москва. Изд. И. А. Баландина. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

В. П. Соколовъ. Морское чудо. Повѣсть. Москва. 1900 г. Ц. 1 р.

Ѳ. Д. Батюшковъ. Критическіе очерки и замѣтки. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Абрикосъ — Борона. Полная энциклопедія русскаго сельск. хозяйства. Т. I. Вып. I. Спб. Изд. Девріена. 1900 г.

Робинзонъ Крузо. Соч. Даніэля де Фо. Пер. съ англ. Петра Кончаловскаго. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 35 к.

Книги взрослыхъ. Состав. учительн. воскресныхъ школъ при ближайш. участіи Х. Д. Алчевской. Москва. 1899 г. 1, 2 и 3 годы обученій. Ц. 30 к., 80 к. и 1 р.

Общее дѣло. Сост. подъ ред. В. С. Костроминой. Собраніе статей по вопросамъ распространенія образованія среди взрослаго населенія. Вып. I. Москва. 1900 г. Ц. 1 р.

Н. М. Письменный. Общепонятныя бесѣды объ устройствѣ и жизни человѣческаго тѣла. Бесѣды 1 и 2-я. Изд. К. Тихомірова. Москва. Ц. 10 к. каждая.

С. Н. Архиповъ. Общедоступныя бесѣды по лѣсоводству. Бесѣда 1-я. Изд. К. Тихомірова. Москва. 1900 г. Ц. 20 к.

Н. Н. Страховскаго. О крови и кровообращеніи. Изд. К. Тихомірова. Москва. 1899 г. Ц. 15 к.

Е. К. Селиванова. Звѣзды. Фантастическая картина для дѣтскаго театра. Москва. 1900 г. Ц 30 к.

Е. К. Селиванова. Гувернантки. Комедія для дѣтей въ 1 дѣйствіи и 2 карт. Москва. 1900 г. Ц 20 к.

П. И. Скворцова, проф. Значеніе для здоровья свободнаго и жилого воздуха. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

А. П. Прохоровъ. Огневая сушка плодовъ и ягодъ. Изд. К. Тихомірова. Москва. 1900 г. Ц. 5 к.

В. В. Шарковъ. Крестьянскія работы и сельская жизнь по мѣсяцамъ года. Изд. Тихомірова. Москва. 1899 г. Ц. 10 к.

Д. А. Горчаковъ. Василій Чабанъ. Изд. К. Тихомірова. Москва. 1900 г. Ц. 5 к.

Екат. Аверкіева. Малоизвѣстные овощи, пригодные для огородной культуры. Изд. Тихомірова. Москва. 1900 г. Ц. 7 к.

В. Я. Лангъ. Одна овца все стадо портитъ. Изд. Тихомірова. Москва. 1900 г. Ц. 8 к.

А. Прохоровъ. Сушка овощей, грибовъ и зелени. Изд. Тихомирова. Москва. 1899 г. Ц. 5 к.

Е. К. Селиванова. Дѣтскія пьесы. Москва. 1900 г. Ц. 60 к.

Уставъ Об-ва для устройства и завѣдыванія убѣжищемъ для престарѣлыхъ и впавшихъ въ неизлѣч. состояніе лицъ женскаго медицинскаго званія Россійской Имперіи. 1899 г.

Сергѣй Касаткинъ. Стихотворенія. Изд. Суворина. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

М. Ватсонъ. Критико-біографич. очеркъ о Джузеппе Джусти. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Отчетъ Русскаго библіографическаго Об-ва за 1899 г. Спб. 1900 г.

В. В. Березовскій. Современныя теченія въ искусствѣ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 10 к.

А. А. Сапожниковъ. Историческое назначеніе Россіи. Спб. 1900 г. Ц. 25 к.

А. Копощенко. Украинскія писни въ нотами. Одесса. 1900 г. Ц. 30 к.

Кенетъ Грээмъ. Дни грезъ. Перев. съ англ. А. Гаулеръ. Спб. Изд. Пантелѣева. 1900 г. Ц. 75 к.

Регестры и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80 г.—1800). Т. I. Спб. 1899 г. Изд. Об-ва для распространенія просвѣщ. между евреями въ Россіи.

Адресъ-календарь и справочная книга гор. Николаева на 1900 г. Изд. П. А. Ковалева и К°. Николаевъ. 1899 г. Ц. 35 к.

В. Лебедевъ. Пѣніе въ начальной народной школѣ. Тамбовъ. 1900 г.

С. П. Писаревъ. Смоленскъ и его исторія. Изд. книжнаго магаз. А. К. Тестова. 1899 г.

Коринфскій. Этюдъ. Поэзія. Случевскаго. Изд. П. Сойкина. Спб. 1900 г.

М. М. Ковалевскій. Экономическій строй Россіи. Съ франц. Изд. П. П. Сойкина. Ц. 75 к.

Вацлавъ Сѣрошевскій. Повѣсти и разсказы. Изд. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Ц. 80 к. Спб. 1900 г.

С. Л. Цинбергъ. Галлерея еврейскихъ дѣятелей. Исаакъ Беeръ, Левинзонъ. Ц. 25 к. Спб. 1900 г.

А. М. Жемчужниковъ. Пѣсни старости. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Л. И. Фаготина. Нужды современной деревни. Очерки и разсказы Стараго Знакомаго. Ц. 35 к. Изд. книжн. магаз. Лапина. Смоленскъ. 1898 г.

М. Доманскій. Памяти А. С. Пушкина. Ц. 5 коп. Изд. книжн. магаз. Лапина. Смоленскъ. 1899 г.

А. М. Алексѣевъ. Россія въ вопросѣ о разоруженіи. Изд. книжн. магаз. Лапина. Смоленскъ. Ц. 25 к.

Врача В. В. Хижнякова. Положеніе рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ санитарномъ отношеніи. Изд. херс. губенск. и земской управы. Херсонъ. 1899 г.

Птицы Европы. Состав. проф. Н. А. Холодковскій. Вып. 5-й. Спб. Изд. Девріена. 1900 г.

Льюисъ Г. Морганъ. Первобытное об-во. Перев. Румянцева, подъ ред. проф. Кудрявскаго и съ предисл. Ковалевскаго. Изд. А. Ф. Пантелѣева. 1900 г. Спб. Ц. 3 р.

Обзоръ Уфимской губ. въ сельско-хозяйств. отношеніи 1897—1898 гг. Вып. II. Изд. уфимской земской управы. Москва. 1899 г.

Крестьянское скотоводство въ Уфимской губерніи въ 1899 г. Сост. М. П. Кра-

сельниковъ. Изд. уфимской губ. зем. управы. Самара. 1899 г.

Обзоръ Уфимской губ. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи въ 1898—1899 гг. Вып. 1-й. Изд. уфимской губ. зем. упр. Уфа. 1899 г. Ц. 1 р.

Обзоръ Календарь-Альманахъ 1900 г. Изд. общее.

Ѳ. В. Благовидовъ. Оберъ-прокуроры святѣйшаго синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. Казань. 1900 г. Ц. 2 р.

Фабіола. Повѣсть изъ жизни первыхъ христіанъ. Съ англ. Сост. А. Матвѣева. Изд. Тихоміpова. Москва. 1900 г. Ц. 75 к.

Сочин. Шелли. Траг. Ченчи. Пер. съ англ. К. Д. Бальмонтъ. Москва. 1899 г. Ц. 75 к.

Статистическій ежегодникъ Тверской губ. за 1899 г. Изд. тверск. губ. земства. Тверь. 1900 г.

С. И. Горбовой. Главнѣйшія событія Новаго Завѣта въ картинахъ. Изд. Тихоміpова. Москва. 1900 г. Ц. 40 к.

И. И. Пантюховъ. Расы Кавказа. Тифлисъ. 1900 г.

И. И. Пантюховъ. Проказы, зобъ, парши на Кавказѣ. Тифлисъ. 1900 г.

И. И. Пантюховъ. Шаорская котловина и ея окрестности. Тифлисъ. 1900 г.

Н. И. Стороженко. О сонетахъ Шекспира въ автобіографическомъ отношеніи. Москва. 1900 г.

Я. Новиковъ. Будущность бѣлой расы. Переводъ съ франц. Изд. Э. Н. Латернера. Спб. 1900 г. Ц. 60 к.

А. Т. Грабина. Юрьевъ день. Комедія-шутка въ 3 д. Кіевъ. 1899 г. Ц. 75 к.

Шарль Секретанъ. Цивилизація и вѣра. Перев. съ франц. подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. Москва. 1900 г. Ц. 75 к.

Э. Бутру. О случайности законовъ природы. Перев. съ франц. подъ ред. П. П. Соколова. Москва. 1900 г. Ц. 75 к.

А. С. Хомякова. Димитрій Самозванецъ. Трагедія въ 5-ти дѣйств. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

И. А. Крыловъ. Избранныя сочиненія. Изд. Тихоміpова. Москва. 1899 г. Ц. 1 р.

Ф. Д. Нефедовъ. Святочные разсказы. Спб. 1900 г. Ц. 60 к.

Проф. У. А. Малиновскій. Ссылка въ Сибирь. Томскъ. 1900 г. Ц. 60 к.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи. Вып. I. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 20 к.

А. А. Навроцкій. Драматическія произведенія. Т. II Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Джероламо Ровetта. Марко-Спадо. Драма въ 4-хъ дѣйств. Перев. съ итал. А. А. Никитина. Москва. 1900 г. Ц. 50 к.

А. Франка, докт. Книжки хозяина. Перев. съ нѣмецк. М. Энгельгардта. Вып. 2-й. Спб. 1899 г.

Робертъ Бракко. Женщина. Ком. въ 4-хъ дѣйств. Перев. съ итальянск. А. А. Никитина. Москва. 1900 г. Ц. 50 к.

Ф. Д. Нефедовъ. Т. III-й сочиненій. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Изд. нижег. губ. земства. Н.-Новгородъ. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шмидтъ-Кичуновъ. Букеты, вѣнки и гирлянды. Ц. 1 р. Спб. Изд. А. Ф. Девріена.

Ю. Кіонъ. Раціональное кормленіе крупн. рогатаго скота. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1900 г. Ц. 3 р.

А. Ф. Кунаховичъ. Пчела и пчеловодство. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1900 г. Ц. 75 к.

Ю. Вейсъ. Косилки, жатки и сноповязалки. Спб. Изд. А. Ф. Девріена. 1900 г. Ц. 75 к.

Опива Шрейнеръ. Рядовой Петръ Холькеттъ. Перев. съ англ. Е. Г. Бекетовой. Москва. 1900 г. Ц. 25 к.

Уставъ саратовскихъ женскихъ коммерческихъ курсовъ при Саратовской женской гимназіи.

Н. П. Кондыревъ. Инстинктъ. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

М. Ротшильдъ. Коммерческая энциклопедія. Изд. В. Э. Форселлеса. Вып. IX и XIX. Спб. 1900 г.

Отчетъ Об-ва Вспом. слушательн. Высш. Женск. Курсовъ за 1899 г.

Отчетъ Об-ва Вспом. оконч. курсъ наукъ на Высш. Женск. Курсахъ за 1899 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Salaires et Misères de Femmes*» *par le comte d' Haussonville*. (*Заработокъ и бѣдствія женщинъ*). Вопросъ о женскомъ трудѣ и положеніи женщины-работницы составляетъ главный предметъ изслѣдованія автора, изучившаго матеріальныя и нравственныя условія жизни рабочихъ классовъ, преимущественно женщинъ и дѣвушекъ, вынужденныхъ ручнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе. Авторъ не ограничился только теоретическими разсужденіями, а практически изслѣдовалъ этотъ вопросъ посредствомъ прямыхъ наблюденій и разспросовъ работницъ. Онъ собралъ такимъ образомъ очень цѣнный матеріалъ, касающійся современнаго положенія женскаго труда и указывающій на необходимость реформы въ этой области.

(Revue de Paris)

«*Innermost Asia: Traveland Sport in the Pamirs*» *by R. P. Cubbold. With maps and illustrations*. (*Heinemann*). (*Внутри Азіи: путешествіе и спортъ въ Памирахъ*). Область, гдѣ встрѣчаются границы индійской, китайской и русской имперіи, заключаетъ въ себѣ восемь Памировъ. Первый фортъ, выстроенный русскими на одномъ изъ Памировъ, находится на высотѣ 12.000 футъ надъ уровнемъ моря. Жизнь въ Памирахъ означаетъ жизнь среди облаковъ. Авторъ, посѣтившій эту область, сообщаетъ любопытныя подробности объ условіяхъ жизни въ этой негостепріимной странѣ, получившей теперь такое важное политическое значеніе. Политическіе взгляды автора проникнуты руссофобіей и увѣренностью, что Россія стремится разрушать британское могущество въ Азіи. Описанія же его превосходны; въ особенности интересенъ его разсказъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя приходится преодолѣвать путешественнику въ горныхъ проходахъ. Очень хороши также описанія суровой горной природы въ Памирахъ. Къ книгѣ приложены иллюстраціи, сдѣланныя съ фотографическихъ снимковъ автора.

(Daily News).

«*The Races of Man*». *An outline of Anthropology and Ethnography. By I. Deniker*. (*Walter Scott*). (*Расы человѣка*). Хорошо и ясно написанная книга, заключающая въ себѣ очерки антропологіи и этнографіи и знакомящая читателя съ современнымъ положеніемъ этихъ обѣихъ наукъ и такими научными фактами, которые необходимо знать каждому образованному человѣку. Очень интересно изложена теорія регрессивной эволюціи, а также главы, посвященныя описанію человѣческихъ расъ и народовъ на всѣхъ континентахъ и Океаніи. Книга эта входитъ въ составъ серіи изданій, извѣстныхъ подъ названіемъ «Contemporary Science Series».

(Daily News).

«*Les Etres vivants, organisation, évolution*» *par Paul Busquet avec nombreuses illustrations*. (*Carri et Naud*). (*Живыя существа, ихъ организація*). Интересная книга, въ которой подробно и популярно излагается ученіе о развитіи живыхъ организмовъ и разсматриваются прежніе взгляды и новѣйшія теоріи клѣточныхъ организмовъ. Въ особенности занимательно написана заключительная глава, посвященная общей эволюціи живыхъ существъ и трансформизму.

(Journal des Débats).

«*L' Anthropologie et la science sociale. Science et Foi*» *par Paul Topinard*. (*Maisson et C°*). (*Антропологія и соціальная наука*). Въ этой книгѣ заключается исторія человѣка, какъ животнаго и какъ соціальнаго существа. Антропологія разсматривается какъ наука, обнимающая очень широкую область. Въ первой части излагается клѣточная теорія и теорія эволюціи. Вторая, самая интересная и самая обширная часть книги, посвящена изученію прогрессивнаго развитія семьи и общества и затѣмъ далѣе разсматривается эволюція государства, происхожденіе избирательнаго начала и т. д.

(Journal des Débats).

«Le Tour du mont—Blanc» par Emile Daulia. (Ch. Mendel). (Вокругъ Монблана). Книга посвящена альпійскому клубу. Авторъ ея въ качествѣ туриста совершилъ восхожденіе на Монбланъ и описываетъ свою горную экскурсію такими заманчивыми красками, что у многихъ читателей это описаніе, вѣроятно, вызоветъ желаніе послѣдовать его примѣру. Во всякомъ случаѣ, книга эта можетъ служить хорошимъ путеводителемъ для всѣхъ желающихъ посѣтить Монбланъ и вмѣстѣ съ этимъ представляетъ занимательное чтеніе.

(Revue internationale).

«Femmes d' Amérique» par Th. Bentzon. (Armand Colin et C°). Prix: 3 fr. 50 c. (Американскія женщины). Очень живо написанные очерки американской жизни, изображающіе женскіе типы и успѣхи женщинъ въ Америкѣ, такъ далеко опередившихъ своихъ европейскихъ сестеръ. Авторъ начинаетъ съ описанія женщинъ колоніальнаго періода и дѣятельности ихъ во время войны за независимость. Затѣмъ отдѣльныя главы посвящены разнымъ дѣятельницамъ въ общественной жизни: Бичеръ Стоу, Лукреціи Крукеръ, Френсисъ Волльяръ и мн. другимъ.

(Revue internationale).

«L'Allemagne nouvelle et ses historiens» par Antoine Guillaud, prof. d'histoire. (Felix Alcan), prix: 5 fr. (Современная Германія и ея историки). Авторъ разсказываетъ исторію великаго національнаго движенія въ Германіи, которое привело къ образованію новой имперіи, и описываетъ дѣятелей и представителей этого движенія.

(Revue internationale).

«The Gods of Old» by the Rev. I. A. Fits Simon. (Fisher Unwin). (Боги древнихъ). Авторъ возвращается къ прежней теоріи, которую, впрочемъ, поддерживали и позднѣйшіе греческіе философы, что греческая миѳологія была замаскированною научною системой, и стремится посредствомъ изслѣдованія легендъ и миѳовъ доказать это и примирить науку съ греческою миѳологіей.

(Daily News).

«Figures du temps passé» par Lucién Percy. (Calman Ledy). Prix: 3 fr. 10 c. (Образы прошлаго). Историческія личности, которыхъ изображаетъ авторъ въ своихъ очеркахъ, болѣе или менѣе хорошо извѣстны, но авторъ, посредствомъ своихъ изслѣдованій, бросаетъ новый свѣтъ на нѣкоторыя черты ихъ характера, и событія, въ которыхъ они играли ту или другую роль. Читатель узнаетъ новые факты изъ жизни императрицы Екатерины, принца Делиня, г-жи де-Собранъ, г-жи Жоффренъ, королевы Гортензіи и др. Самый любопытный очеркъ въ книгѣ озаглавленъ: «Графъ Ѳедоръ Головкинъ и его неизданные мемуары», такъ какъ онъ освѣщаетъ нѣкоторыя сомнительныя и темныя страницы исторіи XVIII в.

(Journal des Débats).

«A Glimpse at Guatemala and Some Notes on the ancient Monoments of Central America» by Anne Cary Maudslay and Alfred Percival Maudsley. With Maps, Plans, Photographs and othes Illustrrations. (Murray). (Гватемала и древніе памятники центральной Америки). Мистеръ Маудслей совершилъ шесть экспедицій въ центральную Америку и результаты произведенныхъ имъ археологическихъ и географическихъ изысканій были опубликованы въ различныхъ научныхъ журналахъ. Въ седьмой разъ его сопровождала жена и они вмѣстѣ издали описаніе своей поѣздки, причемъ мистриссъ Маудслей взяла на себя повѣствовательную и описательную часть книги, а мужъ ея—чисто-научную. Благодаря такой совмѣстной дѣятельности, изданная ими книга не носитъ характера сухаго научнаго изслѣдованія, разсчитаннаго только на спеціалистовъ, но представляетъ интересъ и для обыкновеннаго читателя, такъ какъ заключаетъ въ себѣ очень занимательныя описанія природы и жизни въ центральной Америкѣ въ настоящее время и картины древней цивилизаціи, памятники которой сохранились въ разныхъ мѣстахъ Гватемалы и должны привлекать туда изслѣдователей и путешественниковъ.

(The Athaeneum).

«Progressive Lessons in Science» by A. Abbot and Arthur Key. (Blackie and Son). (Прогрессивныя лекціи по наукамъ). Науки, съ которыми авторъ знакомитъ своихъ читателей, это—домашняя экономія и гигіена, главныя положенія которыхъ авторъ иллюстрируетъ цѣлымъ рядомъ опытовъ.

(Literary World).

«A literary History of Ireland» by Douglas Hyde. (Fisher Unwin). (Литературная исторія Ирландіи). Ирландія сдѣлала вкладъ въ литературу на трехъ языкахъ: ирландскомъ, латинскомъ и англійскомъ. Въ Англіи ирландская литература возбуждаетъ большой интересъ и число авторовъ, занимавшихся этою литературой и писавшихъ на ирландскомъ языкѣ, довольно велико. Но и для всякаго другого читателя, интересующагося Ирландіей, ея литература можетъ послужить богатымъ источникомъ, изъ котораго можно черпать свѣдѣнія о политическихъ и соціальныхъ чувствахъ ирландскаго народа въ такія времена, когда иго давило на него всего сильнѣе.

(Athaeneum).

«Ina State of Nature» by M-r Alfred Clark. (Sampson low and C°). (Въ первобытномъ состояніи). Авторъ описываетъ народъ европейскаго происхожденія, обитающій въ арктической области и спустив-

шійся до степени первобытной дикости. Приключенія, разсказываемыя авторомъ, полны драматическаго интереса, а описанія природы и жизни этихъ дикарей—превосходны.

(Athaeneum).

«*Women and Economies*». *A Study of the Economic Relation between Menand Women as a factor in Social Evolution. By Charlotte Perkins Stetson. Third edition.* (*Женщины и политическая экономія*). Авторъ изучаетъ экономическія отношенія между мужчинами и женщинами, какъ факторъ соціальной эволюціи. Съ другой стороны, книга эта представляетъ также вкладъ въ исторію женскаго вопроса.

(Literary World).

«*A White Woman in Central Africa*» *by Hellen Caddick. With 16 Illustrations.* (*Fisher Unwin*). (*Бѣлая женщина въ центральной Африкѣ*). Описаніе путешествія одной англичанки, отправившейся изъ Чиндэ къ восточному берегу Африки, къ Танганайкѣ и въ центральную Африку. Путешествіе было предпринято не только изъ любознательности и желанія лично познакомиться съ жизнью африканскихъ туземцевъ и изучить африканскую природу, но также изъ любви къ приключеніямъ и сильнымъ ощущеніямъ, которыми это путешествіе изобиловало. Книга написана хорошимъ слогомъ и читается съ большимъ интересомъ.

(Athaeneum).

«*Pages choisies des savants modernes, extraites de leurs oeuvres*» *par A. Rebière.* (*Избранныя страницы изъ произведеній современныхъ ученыхъ*). Въ предшествующемъ томѣ своего труда авторъ знакомитъ читателей съ жизнью и работами современныхъ ученыхъ на основаніи академическихъ документовъ. Въ этой же книгѣ авторъ какъ бы заставляетъ этихъ ученыхъ излагать свои взгляды, теоріи и открытія, выбирая изъ ихъ твореній наиболѣе выдающіяся мѣста и сопровождая ихъ нужными поясненіями.

(Revue de Paris).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Отъ Петропавловскаго санитарнаго попечительства г. Одессы.

Поразившій въ истекшемъ году значительную часть Бессарабской губерніи недородъ хлѣбовъ и травъ поставилъ мѣстное населеніе въ критическое положеніе, подобное тому, какое пришлось переживать раньше того крестьянству восточной полосы Россіи. Болѣе всѣхъ пострадали уѣзды Аккерманскій, Измаильскій и Бендерскій: полный неурожай въ этихъ мѣстностяхъ сразу лишилъ крестьянина и хлѣба для себя, и корма для скотины. Острая продовольственная нужда сразу приняла угрожающіе размѣры, благодаря, съ одной стороны, тому, что мѣстное населеніе лишилось также и всякихъ заработковъ, всегда обусловливаемыхъ, въ данномъ районѣ, результатами урожая, а, съ другой стороны, благодаря отсутствію, особенно на первыхъ порахъ, необходимой и правильно организованной помощи. По настоящее время бѣдственное положеніе населенія Аккерманскаго, Бендерскаго и Измаильскаго уѣздовъ не только не уменьшилось, но съ каждымъ днемъ ухудшается: продолжительное голоданіе, осенняя непогода и наступившая вслѣдъ за тѣмъ суровая для мѣстнаго края зима породили многочисленныя заболѣванія, возрастанія которыхъ слѣдуетъ ожидать въ недалекомъ будущемъ, въ особенности среди дѣтей и учащихся. Каждый день приноситъ все новыя и все болѣе безотрадныя извѣстія, въ особенности печально положеніе населенія Измаильскаго уѣзда, гдѣ, благодаря отсутствію земскаго самоуправленія, борьба съ нуждой и голодомъ предоставлена собственнымъ силамъ пострадавшихъ. Въ то время какъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ кое-какая помощь уже организована земствомъ въ видѣ продовольственныхъ ссудъ, а также мѣстами открыты столовыя, устроенныя петербург-

скимъ частнымъ кружкомъ, московской консультаціей помощн. присяжн. повѣренныхъ, частью земствомъ и городомъ,—въ Измаильскомъ уѣздѣ до сихъ поръ еще не организована помощь даже и въ этой формѣ, не говоря уже о трудовой помощи, начала которой положены лишь въ Аккерманскомъ уѣздѣ по почину г-жъ Куцынской, Шахматовой и Чудновской. Изъ приведеннаго очевидно, что въ значительной части Бессарабіи происходитъ теперь то же самое, что еще не такъ давно имѣло мѣсто въ губерніяхъ восточныхъ и юго-восточныхъ: голодъ со всѣми его ужасами, отчасти уже проявившимися, но еще болѣе угрожающими впереди,—вотъ съ чѣмъ предстоитъ теперь вести упорную борьбу, борьбу тѣмъ болѣе тяжелую и подчасъ непосильную, что вызвать общественное сочувствіе къ горю и несчастью нашихъ сѣрыхъ собратьевъ становится все труднѣе и труднѣе. Между тѣмъ, при нынѣшнихъ условіяхъ, только на это сочувствіе и на частную личную иниціативу приходится всего болѣе разсчитывать въ дѣлѣ организаціи помощи бѣдствующему населенію, пострадавшему отъ неурожая. Остановившись на мысли о привлеченіи къ этому дѣлу всѣхъ тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя выразятъ готовность содѣйствовать ему своими трудами и средствами, Петропавловское санитарное попечительство выдѣлило изъ среды своихъ членовъ особую Коммиссію, посвятившую свои силы исключительно дѣлу организаціи помощи голодающему населенію во всѣхъ видахъ и всѣми возможными способами. Съ этой цѣлью Коммиссіею предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ расширенію дѣятельности по устройству столовыхъ и трудовой помощи для бѣдствующаго населенія: одной изъ главныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи является, прежде всего, широкая организація сбора пожертвованій деньгами и предметами первой необходимости, въ которыхъ здѣсь ощущается настоятельная потребность. Коммиссія позволяетъ себѣ обратиться съ просьбой къ разнымъ лицамъ, учрежденіямъ, редакціямъ газетъ и журналовъ объ оказаніи ей посильнаго содѣйствія всѣми зависящими отъ каждаго изъ нихъ способами и мѣрами. Съ одинаковой признательностью будутъ принимаемы пожертвованія, присылаемыя деньгами, продуктами и вещами, изъ которыхъ наиболѣе желательными являются: мука, крупа, холстъ, вязь, коленкоръ, всякія ткани, медикаменты, перевязочные матеріалы, дѣтское платье и проч. Пожертвованія просятъ направлять въ г. Одессу, на имя Предсѣдателя Петропавловскаго санитарнаго попечительства Михаила Прокофьевича Таранова (Южная улица, собств. домъ) или казначея Попечительства Элеоноры Павловны Цакни (Херсонская улица, д. № 40).

ЭЛЕОНОРА.

РОМАНЪ МИССИСЪ ГÖМФРИ УОРДЪ.

Переводъ съ англійскаго **М. В. Маннъ**.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1900.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

— Итакъ, тетя Пэтти, скажите мнѣ откровенно, когда эта молодая особа пріѣдетъ?

— Приблизительно чрезъ полчаса. Но увѣряю тебя Эдуардъ, ты совершенно напрасно тревожишься. Она пріѣзжаетъ ко мнѣ и я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ,чтобы она тебѣ не мѣшала. Ни тебѣ, ни Элеонорѣ совершенно незачѣмъ волноваться.

При этихъ словахъ миссъ Мэнистей, маленькая, пожилая женщина, въ чепчикѣ, ласково и убѣдительно взглянула на своего племянника, и не смотря на то, что руки ея, лежавшія на колѣняхъ, слегка дрожали отъ испытываемаго ею внутренняго волненія, она говорила совершенно спокойно и, повидимому, вполнѣ хладнокровно обсуждала тотъ семейный вопросъ, о которомъ шла рѣчь.

Мужчина, съ которымъ она разговаривала, сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе головой.

— Вотъ ужъ именно не знаешь, когда и откуда на тебя обрушится несчастье, — пробормоталъ онъ, взявъ въ руки журналъ, лежавшій возлѣ него на столѣ, и небрежно принимаясь перелистывать въ немъ страницы.

— Я говорила тебѣ объ этомъ еще вчера.

— А я обо всемъ забылъ и былъ вполнѣ счастливъ. Элеонора, что намъ дѣлать съ миссъ Фостеръ?

Молодая женщина, сидѣвшая неподалеку отъ него, встала и подошла къ нему.

— Мнѣ кажется, тутъ и думать не о чемъ, — сказала она. — Мы въ пятнадцати миляхъ отъ Рима. Теперь повсюду проведены желѣзныя дороги,—въ какомъ онѣ состояніи, это другой вопросъ,—но во всякомъ случаѣ онѣ проведены. Миссъ Фостеръ никогда не была въ Европѣ: ее все должно интересовать. Тетина прислуга или же моя могутъ ее всюду провожать. Она можетъ осматривать достопримѣчательности Рима. Да, наконецъ, въ Римѣ у насъ есть знакомыя семьи, напримѣръ, семейство Вестертонъ, Борроу и проч. Я увѣрена, что тетѣ Пэтти стоитъ только заикнуться, и всякій изъ нашихъ знакомыхъ съ удовольствіемъ возьметъ миссъ Фостеръ подъ свое покровительство. Я положительно не понимаю, о чемъ тутъ безпокоиться.

Говоря это, миссисъ Бэргойнъ насмѣшливо поглядывала то на тетушку, то на племянника. Но слова ея, какъ видно, не произвели на Эдуарда Мэнистея того впечатлѣнія, которое они должны были произвести. Онъ вскочилъ съ мѣста и принялся быстро, въ сильномъ волненіи шагать по комнатѣ. Казалось страннымъ, что человѣкъ могъ волноваться изъ за такихъ пустяковъ, но между тѣмъ Мэнистей, не довольствуясь однимъ шаганьемъ, принялся еще говорить что-то про себя и въ рѣзкихъ словахъ выражать свое неудовольствіе, такъ что миссъ Мэнистей, желавшая сказать что-нибудь въ свое оправданіе, воскликнула:

— Но въ такомъ случаѣ, почему же, дорогой Эдуардъ, ты заставилъ меня пригласить ее? Вѣдь я пригласила ее только потому, что ты этого желалъ. Не правда ли, Элеонора?

— Да, да. Я свидѣтельница.

— А меня побудила просить тебя моя глупая щепетильность, чортъ бы

ее побралъ,—сказалъ Мэнистей, съ досадой махнувъ рукой. — Если бы она пріѣхала къ намъ, пока мы были въ Римѣ, я бы еще ничего не сказалъ: тамъ бы можно было такъ или иначе занять ее, доставить ей какое-нибудь развлеченіе. Но здѣсь, въ этомъ тихомъ уголкѣ, гдѣ я думалъ было усердно поработать, я положительно не знаю, что намъ дѣлать съ ней. Не могу же я не замѣчать ея, когда она будетъ жить у насъ. Не могу же я надѣть на нее шапку-невидимку.

Онъ стоялъ у окна, заложивъ руки за спину. На лицѣ его ясно выражалось неудовольствіе. Свѣтъ заходившаго солнца падалъ на него. Мэнистей производилъ впечатлѣніе человѣка уже не первой молодости. Черты лица его были замѣчательно правильны, и его можно было бы назвать красавцемъ, если бы онъ былъ выше ростомъ и если бы фигура его была такъ же красива, какъ его лицо. Но, къ сожалѣнію, насколько лицо было красиво, настолько туловище его было неуклюже. Волосы у него были черные и курчавые, глаза—сѣрые и чрезвычайно живые, цвѣтъ лица—смуглый, лобъ, носъ и ротъ были замѣчательно красивы. Стоило взглянуть на этого человѣка, чтобы убѣдиться, что онъ обладалъ огромнымъ запасомъ энергіи и что сила воли у него очень развита. Очертанія губъ ясно указывали на это. Лицо Эдуарда Мэнистея принадлежало къ числу тѣхъ лицъ, которыя, какъ говорится, такъ и просятся на полотно. Очень многіе знаменитые художники писали съ него портреты. Его «олимпійская голова», какъ выражались французскіе и англійскіе художники, пользовалась извѣстностью какъ въ Англіи, такъ и во Франціи и служила украшеніемъ ихъ мастерскихъ. Когда Мэнистей былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, знаменитый Легро писалъ съ него портретъ для выставки въ Оксфордѣ. Одинъ молодой французскій художникъ, желая указать на то, насколько у Мэнистея красиво лицо и не хороша фигура, выразился слѣдующимъ образомъ: «у Мэнистея голова Давида, а туловище Рембранта».

Но несмотря на свое непропорціональное тѣлосложеніе, Эдуардъ Мэнистей производилъ весьма выгодное впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ, это былъ человѣкъ, которымъ нельзя было не заинтересоваться. Друзья Мэнистея, по крайней мѣрѣ, были такого мнѣнія. Враги его, которыхъ у него было не малое количество, держались противоположнаго мнѣнія. Прекрасный полъ, безъ исключенія, соглашался съ мнѣніемъ его друзей.

Миссъ Мэнистей и миссисъ Бергойнъ съ видимымъ интересомъ слѣдили за каждымъ движеніемъ пришедшаго въ ярость—если можно такъ выразиться—Эдуарда Мэнистея. Тетушка такъ и впилась въ него своими маленькими, ясными глазками. Вся эта сцена была ей крайне непріятна, хотя она и сознавала, что не сдѣлала ровно ничего такого, изъ-за чего благоразумный мужчина могъ бы выйти изъ себя. Миссисъ Бергойнъ, молодая вдова и кузина Эдуарда, смотрѣла на него не то снисходительно, не то равнодушно и, высказавъ мнѣніе по поводу пріѣзда ожидаемой гостьи, уже не открывала губъ. Ее также крайне удивляло безсмысленное раздраженіе Эдуарда.

— Разскажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, что представляетъ изъ себя эта дѣвушка,—обратился Мэнистей къ своей тетушкѣ.—По правдѣ сказать, я ничего о ней не знаю, а между тѣмъ она чрезъ полчаса уже будетъ здѣсь. Охъ, Богъ мой! Скажите, что она молода, глупа, хороша собой? Развита ли она? Умѣетъ ли она разговаривать и проч...

— Вѣдь я прочла тебѣ письмо, которое получила отъ Адели, въ понедѣльникъ, — отвѣтила миссъ Мэнистей спокойнымъ тономъ,—но ты не слушалъ, что я читала, а между тѣмъ въ письмѣ все время говорилось о ней. Я лично видѣла ее только одинъ разъ, въ Бостонѣ и то въ продолженіи весьма короткаго времени. Насколько мнѣ помнится, она скорѣе хороша, чѣмъ дурна собой, но чрезвычайно застѣнчива и совсѣмъ не похожа на остальныхъ дѣвушекъ, которыхъ мнѣ приходилось видѣть въ Америкѣ. Одѣта она была не по возрасту и крайне безвкусно. Это

меня очень поразило, такъ какъ я знаю, что американки, живущія не только въ городѣ, но даже и въ деревнѣ, одѣваются обыкновенно съ большимъ вкусомъ. Ея родственникамъ не нравилось, какъ она одѣвалась, и они покупали ей хорошенькіе туалеты, но она ихъ не надѣвала и никто изъ родныхъ не могъ заставить ее одѣться иначе, чѣмъ она хотѣла. Въ концѣ концовъ они убѣдились, что слова ихъ на нее не дѣйствуютъ, и оставили ее въ покоѣ. Но несмотря на это, сколько я помню, они ее очень любили. Она относилась къ нимъ гораздо холоднѣе, чѣмъ они къ ней. Родственники ея не обижались на нее за это: они приписывали ея холодность тому, что она выросла въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ, воспитывалась у стараго дядюшки и почти нигдѣ не бывала, и что вслѣдствіе этого она и дичилась людей.

— А что, Эдуардъ ни разу ее не видѣлъ?—спросила миссисъ Бергойнъ, сдѣлавъ знакъ головой по направленію къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Мэнистей.

— Нѣтъ, какъ разъ въ это время онъ былъ въ Чикаго. Но если бы вы только знали, до какой степени родственники этой дикарки были со мной любезны!—При этихъ словахъ миссисъ Мэнистей подняла свои маленькія, распухшія отъ подагры руки. — Они угощали меня и завтракомъ, и обѣдомъ. Когда я уѣхала отъ нихъ, мнѣ казалось, будто я никогда уже не буду въ силахъ съѣсть что-нибудь. Я нахожу, что съ нашей стороны было бы прямо невѣжество, если бы мы не позаботились объ ихъ родственницѣ. Въ сравненіи съ американцами, мы, англичане, очень нелюбезны. Меня бросаетъ и въ жаръ, и въ холодъ, когда я начинаю сравнивать, какъ они обращаются съ иностранцами и какъ мы обращаемся съ ними.

Маленькое, блѣдное, морщинистое лицо миссъ Мэнистей покрылось легкимъ румянцемъ. Румянецъ этотъ очень шелъ къ ней. Мэнистей былъ такъ серьезно занятъ своими собственными мрачными мыслями, что даже и не слышалъ того, что говорила ему тетка.

— Но почему же она путешествуетъ одна? — спросила миссисъ Бергойнъ. — Развѣ ея родственники не могли найти кого-нибудь, кто согласился бы ее проводить? Неужели у нихъ нѣтъ ни одного знакомаго семейства, съ которымъ они бы могли ее отправить въ путь?

— Люси Фостеръ отправилась въ путь не одна, а съ знакомымъ ей семействомъ. Фамилія этого семейства Портеръ; мы также знакомы съ этой семьей. Но представь себѣ, какъ только они пріѣхали въ Лондонъ, у одной изъ дочерей Портера дѣлается воспаленіе мозга и Портеры, разумѣется, остаются въ Лондонѣ. Не могутъ же они путешествовать съ больной. Люси, не рѣшаясь путешествовать дальше одна, сговаривается съ какимъ-то семействомъ, имѣющимъ намѣреніе путешествовать по Италіи, ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, но семейство это, какъ оказывается, оставляетъ намѣреніе ѣхать путешествовать, и миссъ Фостеръ снова лишается провожатыхъ. Тогда миссисъ Портеръ пишетъ мнѣ отчаянное письмо, въ которомъ проситъ узнать, нѣтъ ли въ Римѣ какого-нибудь семейства, которое согласилось бы взять подъ свое покровительство молодую дѣвушку. Ну, а все остальное тебѣ извѣстно.

Послѣ этихъ словъ разсказчица многозначительно указала головой въ ту сторону, гдѣ находился ея племянникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ вовсе не все извѣстно, — сказала миссисъ Бергойнъ, смѣясь.—Я слышала, напримѣръ, про какую то телеграмму, которую «онъ» поторопился послать.

— Да, да. Онъ даже не имѣлъ терпѣнья ждать, пока я напишу письмо. «Разумѣется, мы должны предложить молодой дѣвушки пріѣхать къ намъ,— сказалъ онъ мнѣ.—Она можетъ жить у насъ и, по моему мнѣнію, медлить нечего, а надо дать отвѣтъ скорѣе». Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, а мнѣ велѣно было въ тотъ же вечеръ написать миссъ Фостеръ письмо, пригласить ее пріѣхать къ намъ и предложить ей пробыть у насъ, сколько ей угодно. Вотъ и все.

— Да, да, я понимаю. Онъ желалъ утѣшить малютку,—сказала миссисъ Бергойнъ.—Но я рѣшительно не могу себѣ

представить, что принудило его поступить такимъ образомъ.

— Мнѣ кажется, просто деликатность заставила его пригласить ее,— сказала маленькая, пожилая дѣвица, нѣсколько оживившись.—Я его вполнѣ понимаю. Съ нимъ, равно какъ и со мной, американцы были крайне любезны и онъ желаетъ отплатить имъ тѣмъ же. Я не могу забыть того ласковаго пріема, который намъ сдѣлало одно американское семейство. Какъ всѣ были любезны и внимательны къ намъ! О, я увѣрена, Эдуардъ также не забылъ этого пріема. Онъ желаетъ оказать услугу ихъ соотечественницѣ, да, да, я въ этомъ увѣрена.

Мэнистей, расхаживавшій взадъ и впередъ, на минуту остановился. Въ первый разъ, на его строгомъ, мрачномъ лицѣ появилась невольная улыбка. Улыбка эта, хотя и чуть замѣтная, была необыкновенно пріятная.

— Старая исторія,—сказалъ онъ,— чтобы жизнь казалась намъ сноснѣе, мы выкапываемъ какую-нибудь добродѣтель. Разскажите мнѣ лучше что-нибудь про миссъ Фостеръ, тетя Пэтти. Я вѣдь просилъ васъ объ этомъ, а между тѣмъ, кромѣ разсужденій относительно ея туалета, я ничего не слышалъ. По моему мнѣнію, вопросъ о томъ, какія она носитъ платья, не имѣетъ ровно никакого значенія.

Миссисъ Бергойнъ сдѣлала удивленный жестъ, ясно показывавшій, какъ она относилась къ вопросу о туалетахъ. Лицо миссъ Мэнистей выражало смущеніе.

— Да что ты? Кажется, я разсказала тебѣ про нее ужъ очень много. Левинсоны, напримѣръ, находятъ, что она очень странная. Адель говоритъ, что она просто не знаетъ, какъ съ ней поступать: отъ нея никогда нельзя добиться, что ей нравится, что не нравится. Томъ Левинсонъ лучшаго мнѣнія о ней. Онъ говоритъ, что она отнюдь не глупа, но что, не смотря на это, она навѣрно никого не обманула. Адель находитъ, кромѣ того, что научныя познанія ея весьма посредственны, хотя, съ другой стороны, она знаетъ то, чего другіе не знаютъ. Она предлагаетъ порою самые глупые, самые элементарные вопросы, а чрезъ нѣкоторое время послѣ этого ее застаютъ за чтеніемъ латинскихъ и греческихъ авторовъ. Томъ Левинсонъ утверждаетъ, что она отлично читаетъ Горація и Вергилія.

— Боже милостивый!—воскликнулъ Мэнистей со вздохомъ и снова принялся ходить по комнатѣ.

— А когда ее попросятъ поиграть на фортепіано, она играетъ, и играетъ она весьма удовлетворительно.

— Ага, стало быть она будетъ барабанить по два часа подрядъ, я такъ и зналъ, я такъ и зналъ,—сказалъ Мэнистей, внезапно остановившись.— Элеонора, не правда ли, мы походимъ на дѣтей: мы какъ будто не сознаемъ опасности, мы шутимъ и забавляемся, въ то время какъ она къ намъ приближается.

Миссисъ Бергойнъ встала и засмѣялась звонкимъ, чарующимъ смѣхомъ. Смѣхъ этотъ принадлежалъ къ числу многихъ богатыхъ даровъ, которыми одарила ее природа.

— О, мы люди образованные! Я и тетя Пэтти сумѣемъ оградить васъ отъ всякихъ непріятностей,—сказала она.— А теперь довольно намъ говорить объ одномъ и томъ же. У насъ въ распоряженіи еще четверть часа времени. Полюбуемся закатомъ солнца. Заплатимъ ему должную дань.

Она подошла къ двери, которая была отворена и вышла на балконъ. Затѣмъ, повернувшись къ Мэнистею лицомъ, на которомъ выражался восторгъ, она сдѣлала ему знакъ рукой. Мэнистей немедленно подошелъ къ ней.

— Одинъ вечеръ очаровательнѣе другого,—сказала она, облокотившись на перила балкона.—Мы стоимъ здѣсь словно въ ложѣ театра, и наслаждаемся представленіемъ, которое солнце устраиваетъ какъ бы спеціально для нашего удовольствія.

Предъ ихъ глазами растилалась въ дѣйствительности чудная картина. Зрѣлище было грандіозное. Вилла, въ которой они жили, находилась на самой вершинѣ Албанскихъ холмовъ. Внизу, у-

подножья росли роскошныя маслины, были разбиты богатые виноградники и тянулся полосой темный сосновый лѣсъ, а вдали, въ той сторонѣ, гдѣ была Кампанья, виднѣлось море, въ которое заходившее солнце какъ бы старалось окунуться. На сѣверѣ отъ виллы, также въ большомъ отдаленіи отъ нея, выдѣлялось большое, бѣлое пятно—это былъ Римъ.

Въ этотъ вечеръ солнце садилось съ особеннымъ великолѣпіемъ. Окунаясь въ море, оно бросало вокругъ блестящіе лучи. Надъ самымъ моремъ съ сѣверо-запада надвигались темныя, свинцовыя тучи, а надъ вершиной холмовъ, гдѣ стояла вилла, небо было ясно и чисто. Наверху было совершенно тихо, но тишинѣ этой нельзя было довѣрять,—свинцовыя тучи, висѣвшія надъ моремъ, имѣли грозный видъ и словно предвѣстники войны, тихо, но рѣшительно подвигались впередъ. Море однако не обращало никакого вниманія на надвигавшіяся съ сѣверо-запада тучи: вода въ немъ искрилась и блестѣла, и отражавшееся въ немъ небо казалось чистымъ и совершенно прозрачнымъ и принимало то зеленоватый, то желтоватый оттѣнокъ. Тучи остановились надъ самымъ Римомъ, расположились надъ нимъ дугой и окутали его мракомъ. Старая часть города совершенно исчезла и посреди этого мрака, словно привидѣніе, виднѣлось лишь единственное высокое, бѣлое зданіе. Вся Кампанья была какъ въ огнѣ, пылала словно въ аду, и изъ мрака выдѣлялся лишь одинъ соборъ св. Петра; всѣ остальныя зданія какъ будто потеряли форму и казались неосязаемыми предметами. И вотъ, словно волны, по холмамъ начали растилаться голубыя и красныя полосы, солнце заходило и посылало свои лучи предвѣстниками засвидѣтельствовать, что въ самомъ скоромъ времени день смѣнится ночью. Холмы, маслины, богатыя пашни у подножія, все было залито розовымъ свѣтомъ, за исключеніемъ одной полосы холмовъ—куда солнечные лучи не попадали. Холмы эти еще не перемѣнили цвѣта, и оставались совершенно зелеными. Казалось, будто художникъ, изъ каприза, провелъ своею кистью по всей Кампаньи, желая видѣть, какой получится эффектъ изъ сочетанія блѣдно-розоваго цвѣта съ ярко-зеленымъ.

Насладившись прекраснымъ зрѣлищемъ, миссисъ Бергойнъ повернулась къ Мэнистею и сказала:

— Увѣряю васъ, я не нахожу словъ, какъ опредѣлить красоту этого чуднаго зрѣлища. Я любуюсь этой панорамой въ теченіе цѣлой недѣли и чувствую, что источникъ словъ, которыми я выражала мой восторгъ, изсякъ.

— Развѣ это зрѣлище доставляетъ вамъ такое великое удовольствіе?—спросилъ Мэнистей, искоса поглядывая на нее.

По ея лицу промелькнула тѣнь.

— А развѣ вамъ оно уже успѣло надоѣсть?—спросила она.

— Я сегодня не въ духѣ,—сказалъ онъ, — но это ничего; я надѣюсь,—завтра все пройдетъ.

Они оба нѣсколько минутъ молчали, затѣмъ онъ продолжалъ:

— Я встрѣтился вчера, въ залахъ Борджія, съ генераломъ Фентономъ. Я не видѣлся съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ мы провели нѣсколько дней въ Египтѣ. «Боже! кого я вижу»! воскликнулъ онъ. «Да по какому случаю вы здѣсь, милѣйшій? Развѣ ваше мѣсто здѣсь? Вы имѣли возможность занять прекрасную должность. Вѣроятно, она вамъ показалась слишкомъ ничтожной? А»? «Да, отвѣтилъ я, я отказался отъ нея и избралъ себѣ другое поприще». Онъ страшно разозлился, принялся браниться и въ самыхъ безцеремонныхъ выраженіяхъ излилъ на меня всю свою ярость. Онъ зналъ моего отца, знаетъ меня съ дѣтства и поэтому я никогда не обижаюсь на него. Выслушавъ его спокойно, я спросилъ: «Стало быть, по вашему мнѣнію, я оселъ»? «Во всякомъ случаѣ вы сдѣлали величайшую глупость», отвѣтилъ онъ. «Впрочемъ не вы первый, не вы послѣдній. Однако, чѣмъ же вы въ настоящее время занимаетесь? Что вы намѣрены дѣлать»? Я сказалъ ему, что кое-что пишу... имѣю намѣреніе кое-что издать... и проч. и проч. «И вы, вы оставили государственную службу и занимаетесь сочиненіемъ какихъ-то книжекъ»! воскликнулъ онъ такъ громко и съ такой злостью, что я боялся, какъ бы къ намъ не подошла

полиція. «Да поймите, вѣдь вы могли быть первымъ министромъ». И глупый старикъ бранился и приставалъ ко мнѣ, по крайней мѣрѣ, еще добрыхъ двадцать минутъ. Я, впрочемъ, увѣренъ, что такъ, какъ онъ, думаетъ весь свѣтъ и что всѣ вліятельные люди въ Англіи соглашаются съ его мнѣніемъ.

— Ну, и что же изъ этого? — спросила миссисъ Бергойнъ совершенно спокойно.

Онъ не тотчасъ отвѣтилъ, затѣмъ засмѣялся и сказалъ:

— Ровно ничего, пока меня не станетъ мучить сомнѣніе, поступилъ ли я благоразумно и не правъ ли генералъ Фентонъ.

— А вы бросьте думать объ этомъ и вѣрьте только себѣ.

— Дорогая моя, ну а представьте себѣ, что онъ правъ?

Она нѣсколько смутилась, но затѣмъ быстро оправилась.

— Что можетъ понять такой человѣкъ, какъ генералъ Фентонъ? — сказала она. — Вы пишете не для него и служили также не ради того, чтобы доставить ему удовольствіе.

Онъ повелъ плечами.

— Нѣтъ. Но недавно я невольно самъ, мысленно, спросилъ себя: для кого, собственно, я работаю? Какой-то французъ охарактеризовалъ однажды свою жизнь слѣдующимъ образомъ: «Я переносилъ одно кораблекрушеніе за другимъ». А что если моя жизнь сложится такимъ же образомъ, и мнѣ придется повторить то же самое? Перспектива не очень привлекательная!

Онъ горько усмѣхнулся и повернулся къ ней лицомъ.

— Что-жъ, быть можетъ, вамъ и придется переживать горькія минуты, — сказала она съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосѣ. — Это неизбѣжно. Если человѣкъ, занимающій извѣстное положеніе въ обществѣ, выдающійся государственный дѣятель, которому впереди улыбается блестящая карьера, рѣшается пожертвовать ею ради того, чтобы заняться литературнымъ трудомъ, у него, безъ сомнѣнія, на это есть важная причина. Вполнѣ понятно, ему придется терпѣть изъ-за этого массу непріятностей. Вы такой человѣкъ. Вы бросили службу и отдались литературѣ. Я еще понимаю, что вы могли бы отчаяваться, если бы вы ради ордена или ленты измѣнили той или другой партіи, отнеслись къ дѣлу, которое вамъ поручено, не такъ какъ слѣдуетъ, но вамъ, вамъ отчаяваться нечего. Вы пріобрѣтете еще большую извѣстность, въ вашихъ рукахъ...

Она не окончила фразы и махнула рукой.

Когда Элеонора Бергойнъ говорила, на нее пріятно было смотрѣть. Она стояла рядомъ съ Мэнистеемъ, лучи заходившаго солнца освѣщали ея лицо и всю фигуру и придавали живость ея блѣднымъ щекамъ. Она казалась въ эту минуту чрезвычайно красивой. Эдуардъ, очень строгій судья по части женской красоты, невольно любовался ею, когда она, гордо откинувъ назадъ голову, стояла предъ нимъ и съ увлеченіемъ излагала ему свои мысли. Красавицей ее назвать нельзя было, хотя нѣкоторые и считали ее красивой, быть можетъ, по той причинѣ, что въ ея наружности было что-то оригинальное и что она была чрезвычайно граціозна. У нея были, кромѣ того, чудные глаза, красивый лобъ и густые пепельнаго цвѣта волосы, которые съ большимъ вкусомъ и крайне изящно были собраны кверху; но сильная блѣдность ея лица, худоба ея щекъ, какъ бы провалившіеся виски, большіе, темные круги подъ глазами и черезчуръ тонкій станъ портили общее впечатлѣніе. По лицу этой женщины видно было, что она много испытала, что она видѣла много горя въ жизни; выраженіе ея лица было скорѣе печальное, хотя въ тѣ минуты, когда въ ней просыпалось чувство гнѣва или гордости, оно сразу мѣнялось и дѣлалось холоднымъ и надменнымъ. Миссисъ Бергойнъ было лѣтъ около тридцати и если она казалась старше своихъ лѣтъ, то причину этого ранняго увяданія слѣдовало, повидимому, искать не въ слабости здоровья, а въ нравственныхъ страданіяхъ, перенесенныхъ ею. Хотя миссисъ Бергойнъ и не была красавицей, но она обладала нѣкоторыми дарами, которыми не обладали многія женщины,

считавшіяся красивѣе ея, и, несмотря на свою красоту, не мало ей завидовавшія. У нея былъ чудный голосъ и замѣчательно красивыя руки, а главное—она всѣхъ и каждаго очаровывала своимъ любезнымъ обращеніемъ, своимъ удивительнымъ тактомъ и умѣніемъ обращаться съ людьми она завоевывала себѣ общую симпатію и пользовалась большимъ вліяніемъ въ обществѣ, чѣмъ и нажила себѣ не мало враговъ среди прекраснаго пола.

Вполнѣ сознавая, что ей дано искусство очаровывать людей, миссисъ Бергойнъ старалась всѣми силами развѣять мрачныя мечты своего кузена. Она наговорила ему массу любезностей. Изучивъ его характеръ и зная, что онъ крайне самолюбивъ и тщеславенъ, она принялась льстить его самолюбію. Хотя Мэнистей отчасти и догадывался, что Элеонора льститъ ему, чтобы его успокоить, онъ тѣмъ не менѣе поддавался ея чарамъ.

— Перестаньте хвалить самое себя,—сказалъ онъ наконецъ.—Вы отлично знаете, что это—ваша книга и дѣло вашихъ рукъ.

Она мгновенно замолчала и густая краска покрыла все ея лицо. Затѣмъ она перемѣнила разговоръ и сказала:

— Намъ пора одѣваться. Довольно болтать о пустякахъ.—Она отошла отъ перилъ балкона и прибавила:—Боже мой! Да взгляните на часы, миссъ Фостеръ будетъ сію минуту здѣсь.

Мэнистей указалъ рукой въ ту сторону, откуда она должна была пріѣхать, и сказалъ:

— Я положительно не знаю, какъ мнѣ заставить себя относиться вѣжливо къ этой непріятной гостьѣ. Она не могла пріѣхать къ намъ въ болѣе неудобное время! Теперь, въ эту критическую пору! Мнѣ кажется, я никогда въ жизни не прощу себѣ, что мнѣ пришло въ голову ее пригласить!

— Бѣдная миссъ Фостеръ!—воскликнула Элеонора, поднявъ брови.—Но не тревожьтесь, я могу дать вамъ совѣтъ: не старайтесь быть особенно любезнымъ. Я и тетя Пэтти, мы сумѣемъ васъ выручить изъ бѣды. Я уже много думала объ этомъ.

— Элеонора!

— Да, да, вы, кажется, единственный человѣкъ, который съумѣетъ молчать впродолженіи цѣлаго обѣда. Молчите, вотъ и все. Миссъ Фостеръ покажется это страннымъ, тѣмъ лучше. Если она спроситъ меня, почему вы все молчите, я ужъ знаю, что ей сказать. Но вотъ смотрите, карета уже подъѣзжаетъ. Бѣжимъ.

Они черезъ боковую дверь успѣли выбѣжать изъ гостиной раньше, чѣмъ ожидаемая гостья вошла.

— Скажите пожалуйста, мнѣ слѣдуетъ переодѣться?

Голосъ дѣвушки, предложившей этотъ вопросъ, дрожалъ отъ волненія и усталости, но сама она стояла предъ миссъ Мэнистей словно статуя и сердитыми глазами смотрѣла на старушку.

— Да, дорогая моя,—сказала миссъ Мэнистей нерѣшительнымъ голосомъ,—мнѣ кажется, это было бы лучше. Ваше платье навѣрно запылилось. Мы можемъ подождать четверть часа, пока вы переодѣнетесь къ обѣду.

Она съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣла на сѣрое, шерстяное платье дѣвушки.

— О, великолѣпно! — быстро отвѣтила миссъ Фостеръ.—Въ такомъ случаѣ, я тотчасъ переодѣнусь. Но только у меня въ настоящее время нѣтъ ни одного красиваго платья. — Голосъ ея снова задрожалъ, хотя, повидимому, противъ ея воли.—Мнѣ надо будетъ купить себѣ платье въ Римѣ. Миссисъ Левинсонъ посовѣтовала мнѣ купить всѣ туалетныя принадлежности въ Римѣ. Это мой вечерній туалетъ. Я купила его во Флоренціи. Но я тотчасъ сниму это платье и надѣну другое. Пожалуйста, не присылайте только ко мнѣ служанки. Мнѣ хочется самой распаковать всѣ свои вещи, непремѣнно самой.

Въ это время въ комнату вошла горничная, которую миссъ Мэнистей уже раньше позвала. Увидѣвъ служанку, миссъ Фостеръ покраснѣла, какъ вареный ракъ; она подбѣжала къ своему чемодану и

положила на него руки, какъ бы желая защитить его отъ нападенія разбойника.

Горничная вопросительно взглянула на свою хозяйку.

— Миссъ Фостеръ позвонитъ, когда вы будете ей нужны, Бенсонъ,—сказала миссъ Мэнистей.

Пожилая горничная въ черномъ платьѣ бросила быстрый взглядъ на миссъ Фостеръ и, пробормотавъ что-то въ родѣ: «всѣ приличныя дамы одѣваются съ помощью горничной», вышла изъ комнаты.

— Увѣрены ли вы, что вы обойдетесь безъ нея?—спросила миссъ Мэнистей.—Напрасно вы отказались принять ея помощь. Она ловкая и умѣетъ хорошо причесывать.

— О, нѣтъ, нѣтъ. Благодарю васъ,—отвѣтила молодая дѣвушка съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ.—Она мнѣ не нужна. Вы можете быть вполнѣ спокойны—въ нѣсколько минутъ я буду готова.

Какъ только миссъ Мэнистей вышла изъ комнаты, Люси бросилась къ чемодану и принялась вынимать изъ него всѣ свои вещи. Пересмотрѣвъ платья, она съ недовольнымъ видомъ усѣлась возлѣ чемодана и задумалась.

— Пожалуй, лучше было бы, если бы я согласилась принять то платье, которое хотѣла мнѣ подарить, въ Бостонѣ, моя кузина,—подумала она.—Быть можетъ, съ моей стороны было излишней гордостью, что я отказалась отъ этого подарка. Умнѣе было бы также взять деньги, которыя давалъ мнѣ дядя Бенъ. Вѣдь, онъ дарилъ мнѣ деньги именно съ тою цѣлью, чтобы я купила себѣ хорошенькій туалетъ. Онъ желалъ, чтобы я была какъ можно интереснѣе, чтобы я нравилась.

Теперь она раскаивалась, что не послушалась его совѣта. Она снова принялась перебирать всѣ свои платья и невольно улыбнулась, вспомнивъ, что она сама, съ помощью самой простой портнихи, сшила ихъ въ то время, какъ жила еще въ маленькомъ провинціальномъ городѣ Новой Англіи. Она вспомнила, какъ однажды дядя привелъ ее въ мастерскую дамскихъ нарядовъ и предложилъ ей выбрать платье. Платье висѣло на манэкенѣ и маленькій, бѣлокурый, пожилой портной, въ очкахъ, восхвалялъ свое произведеніе, подходя къ нему то съ одной, то съ другой стороны.

— Берите платье, миссъ,—убѣждалъ онъ ее.—Вашъ дядюшка добрый, онъ не поскупится заплатить лишній пенни, лишь бы вы были нарядны.

Увы! дѣлать было нечего. Надо же было надѣть какое-нибудь платье. Она взяла въ руки одно, затѣмъ другое и, разглядывая ихъ, мысленно представляла себѣ презрительную улыбку миссисъ Левинсонъ, которую она замѣтила однажды, когда стояла предъ ней въ одномъ изъ этихъ туалетовъ, хотя миссисъ Левинсонъ и старалась скрыть улыбку, Люси все-таки ее замѣтила.

Подумавъ нѣсколько минутъ, миссъ Фостеръ остановилась на голубомъ платьѣ съ бѣлыми клѣтками. Ей казалось, что это платье перенесло долгое путешествіе лучше, чѣмъ другія. Она вспомнила, какъ оно ей нравилось, когда она увидѣла его въ витринѣ магазина, и какъ на вопросъ ея, не слишкомъ ли велики на немъ клѣтки, маленькій портной, у котораго она купила его, сказалъ:

— Вы высокаго роста, миссъ Люси, вы можете носить платье съ какими угодно клѣтками.

Миссъ Люси никогда не обращала особеннаго вниманія на свои туалеты. Она росла въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ остальныя дѣвушки, съ которыми была знакома: она ихъ не понимала, не умѣла войти въ ихъ интересы такъ же точно, какъ и онѣ ее не понимали и мало ею интересовались. Когда она встрѣчала умныхъ дѣвушекъ, она восторгалась ихъ умомъ, прислушивалась къ ихъ разговору, но къ ихъ туалетамъ она относилась совершенно равнодушно и одѣвалась гораздо скромнѣе и проще ихъ.

Она встала и взяла въ руки платье, чтобы надѣть его, но въ эту минуту чрезъ отворенное окно увидѣла заходившее солнце.

Высунувшись изъ окна, она залюбовалась дивнымъ зрѣлищемъ, которое сразу заставило ее забыть все, что вокругъ

нея происходило. Вдругъ она услышала точно надъ самымъ ухомъ чей-то мужской голосъ. Она посмотрѣла налѣво и увидѣла балконъ, на которомъ, облокотившись на перила, стояла темная, мужская фигура.

«По всей вѣроятности это мистеръ Мэнистей», подумала Люси и поспѣшно затворила окно. Затѣмъ она принялась одѣваться, стараясь припомнить все, что ей было извѣстно относительно людей, къ которымъ она пріѣхала гостить.

Но ни болтовня ея родственниковъ, говорившихъ очень часто и очень много о семействѣ Мэнистей, ни сплетни ея знакомыхъ, въ особенности Левинсоновъ, не остались у нея ясно въ памяти. Она хорошо помнила только миссъ Мэнистей, которую она видѣла въ Бостонѣ и которая своимъ любезнымъ обращеніемъ и кроткимъ, мягкимъ нравомъ произвела очень пріятное впечатлѣніе на всѣхъ, кто ее видѣлъ въ Америкѣ. Мистера Мэнистея также всѣ отлично помнили: о немъ также очень много толковали.

Но насколько ей помнилось, всѣ относились къ нему крайне враждебно. Одна знатная лэди, не долюбливавшая его, сказала какъ-то въ ея присутствіи:

— Я увѣрена, что Мэнистей насъ терпѣть не можетъ, что онъ насъ презираетъ. Вы увидите, онъ непремѣнно напишетъ про насъ статью, въ которой всѣхъ насъ выругаетъ.

Маіоръ Левинсонъ, мужъ двоюродной сестры Менистея, также очень много говорилъ про него. Но его сужденіямъ Люси совсѣмъ не довѣряла. Это былъ маленькій, живой, горячій человѣкъ, настоящій солдатъ, для котораго ничто, за исключеніемъ слова «дисциплина», не существовало. Едва ли онъ могъ отнестись вполнѣ безпристрастно къ простому гражданину.

Во всякомъ случаѣ она, Люси, составила себѣ свое собственное мнѣніе относительно Мэнистея. Она знала, что раньше чѣмъ поступить на службу, онъ много путешествовалъ и много писалъ. Когда она жила еще въ маленькомъ, провинціальномъ городѣ Новой Англіи, она брала книги изъ библіотеки, находившейся неподалеку отъ ихъ дома. Ей случайно въ руки попалось сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Письма изъ Палестины», написанное Мэнистеемъ. Она отлично помнила, да она увѣрена была, что никогда не забудетъ сильнаго впечатлѣнія, какое произвела на нее эта книга. Обыкновенно она не особенно увлекалась тѣмъ, что читала, но эту книгу она читала съ такимъ увлеченіемъ, съ какимъ никогда еще и ничего не читала. Ночью она прятала книжку подъ подушку, днемъ не переставала думать о томъ, что говорилось въ ней. Ей казалось, она видитъ чудныя мѣстности, описываемыя въ книгѣ, слышитъ благоуханіе цвѣтовъ и дышитъ теплымъ, палестинскимъ воздухомъ. Авторъ описывалъ день, проведенный имъ въ Виѳлеемѣ, ночь, которую онъ провелъ, путешествуя по Іерусалиму, и наконецъ впечатлѣнія, которыя испытывалъ въ то время, какъ отдыхалъ на берегу Галилейскаго моря. Описаніе этихъ впечатлѣній нравилось молодой дѣвушкѣ больше всего остального. Ея пылкое воображеніе рисовало ей все, что она читала, въ живѣйшихъ краскахъ. Она до такой степени увлеклась этимъ описаніемъ, что перечитывала его по нѣскольку разъ, причемъ каждый разъ отъ испытываемаго ею сильнаго волненія по всему тѣлу ея пробѣгала дрожь.

Затѣмъ Люси вспомнила, какъ часто Мэнистея бранили за то, что онъ бросилъ государственную службу. Иные называли его глупцомъ, другіе считали его надменнымъ. Она не бралась судить объ этомъ, но была увѣрена, что если онъ оставилъ службу, то къ этому его побудила важная причина. Какъ бы то ни было, но она была на его сторонѣ.

Она продолжала одѣваться и при этомъ старалась вспомнить, что ей говорили относительно его наружности. Его называли красивымъ, но какого рода была эта красота, она не могла вспомнить. Этимъ вопросомъ она впрочемъ, очень мало интересовалась, считая его второстепеннымъ.

Мысли ея были до такой степени заняты предстоящей встрѣчей съ незнакомыми ей людьми и она такъ сильно волновалась, что, наскоро переодѣвшись,

даже забыла думать о томъ, какое она надѣла платье и достаточно ли оно хорошо.

На свою прическу она не сочла нужнымъ обратить вниманіе. Она провела только рукой по чернымъ, какъ смоль, волосамъ, чтобы убѣдиться, довольно ли они приглажены, и даже не взглянула при этомъ въ зеркало. Затѣмъ, она пришпилила къ вороту маленькую золотую брошку съ бирюзой, которую получила по наслѣдству отъ матери, надѣла на руки два золотыхъ браслета въ видѣ цѣпочекъ—единственныя золотыя вещи, которыя у нея были—и, даже и теперь не взглянувъ на себя въ зеркало, быстро, въ волненіи и съ сильнымъ біеніемъ сердца вышла изъ комнаты.

«О, бѣдное дитя! бѣдное дитя! что за юбка!» подумала миссисъ Бергойнъ, когда итальянецъ-дворецкій отворилъ дверь и въ гостиную быстро вошла очень высокаго роста дѣвушка. Она, бокомъ, промчалась мимо дворецкаго, какъ будто боялась задѣть его плечомъ, и затѣмъ съ испуганнымъ видомъ остановилась въ гостиной и осмотрѣлась кругомъ.

Когда дверь отворилась, Мэнистей повернулся, чтобы взглянуть, кто вошелъ. Миссъ Мэнистей, идя на встрѣчу гостьѣ, посмотрѣла на своего племянника и успѣла уловить его удивленный, вопросительный взглядъ.

— Вы очень скоро переодѣлись, моя дорогая,—сказала миссъ Мэнистей.—Я думаю, вы проголодались? Это наша хорошая знакомая, миссисъ Бергойнъ, а это мой племянникъ, Эдуардъ Мэнистей. Онъ знакомъ со всѣми вашими американскими родственниками, но, къ сожалѣнію, ни разу не имѣлъ удовольствія видѣть васъ. Эдуардъ, предложи миссъ Фостеръ руку: она гостья.

Миссисъ Бергойнъ дружески пожала руку молодой дѣвушкѣ. Рядомъ съ ней стоялъ черноволосый мужчина. Онъ молча поклонился, предложилъ миссъ Фостеръ руку и, проведя ее чрезъ большую, смежную съ гостиной, комнату, въ которой стояло нѣсколько столовъ и лежала масса книгъ, привелъ ее въ столовую.

Пока они шли, онъ предложилъ ей нѣсколько незначительныхъ вопросовъ, пробормоталъ что-то насчетъ погоды и насчетъ того, какъ поздно подали обѣдъ, и при этомъ бѣжалъ такъ быстро, что она едва успѣвала слѣдовать за нимъ.

«Боже мой! да это какая-то шахматная доска,—думалъ онъ, искоса и съ видимымъ неудовольствіемъ поглядывая на ея клѣтчатое платье.—На ней отлично можно играть въ шашки. О чемъ только моя тетушка думала, позволитъ ей надѣть такое платье?»

Сѣлъ за столъ, молодая дѣвушка она съ удивленіемъ осмотрѣлась. Въ сравненіи съ гостиной, которая поразила ее своей роскошной обстановкой, комната эта казалась ей чрезвычайно странной. Хотя она пробыла въ гостиной не долго, она успѣла замѣтить, что на стѣнахъ висятъ великолѣпныя картины, на окнахъ—красивыя занавѣси, а на полу—разостланъ чудный коверъ. Тутъ же, въ столовой, не было ни роскошныхъ картинъ, ни ковровъ. На стѣнахъ, по всей вѣроятности на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то висѣли фамильные портреты бывшихъ владѣтелей виллы, нѣкихъ Маластрини, теперь висѣли жалкія олеографіи. Въ этой комнатѣ было множество дверей изъ самаго простого дерева. Онѣ были отворены, въ столовой была страшная тяга и комната имѣла скорѣе видъ широкаго корридора, чѣмъ столовой. Неровный, кирпичный полъ, мѣстами былъ покрытъ тонкими, разорванными циновками; большинство стульевъ, стоявшихъ возлѣ стѣны, было сломано, а лампа, висѣвшая надъ столомъ, горѣла до такой степени тускло, что едва освѣщала комнату.

Миссъ Мэнистей, замѣтившая удивленный взглядъ молодой дѣвушки, сказала веселымъ голосомъ:

— Ну, какъ вамъ нравится наша столовая, моя дорогая? Я хотѣла было убрать ее по своему вкусу, но племянникъ не позволилъ мнѣ тронуть ни одной вещи.

Она взглянула на своего племянника такимъ умоляющимъ взоромъ, какъ будто желала упросить его сдѣлать надъ собой усиліе и сказать хотя бы одно слово.

Мистеръ Мэнистей приподнялъ слегка голову, но взглянулъ не на миссъ Фостеръ, а на миссисъ Бергойнъ и сказалъ:

— Эта комната нравится мнѣ больше, чѣмъ всѣ остальныя комнаты этого дома.

Миссисъ Бергойнъ засмѣялась.

— Потому что она хуже всѣхъ,—сказала она.

— Думайте, что вамъ угодно. Мнѣ она нравится своей естественностью.

Миссъ Мэнистей и миссисъ Бергойнъ принялись трунить надъ нимъ, но онъ упорно молчалъ и дѣлалъ видъ, будто ничего не слышитъ. Онъ занимался тѣмъ, что своими огромными руками каталъ изъ хлѣба шарики. Люси Фостеръ украдкой взглянула на него; ее заинтересовало это мрачное лицо съ падающими на лобъ черными, вьющимися волосами, сердитыми глазами и энергичнымъ ртомъ и подбородкомъ.

Затѣмъ она посмотрѣла на другихъ лицъ, сидѣвшихъ вмѣстѣ съ нею за столомъ. Она взглянуля на миссисъ Бергойнъ, но тотчасъ опустила глаза, при чемъ яркая краска стыда покрыла все ея нѣжное лицо.

На миссисъ Бергойнъ было чудное платье изъ прозрачной матеріи, отдѣланное стеклярусомъ. Сквозь тонкую матерію видны были ея бѣлыя руки. Чудная шея и плечи ея были открыты, но, о ужасъ! открыты до неприличія. Вотъ этотъ глубокій вырѣзъ и вызвалъ краску стыда на щекахъ молодой пуританки.

Видя, что племянникъ не желаетъ ей помочь занять молодую гостью, миссъ Мэнистей удвоила свою любезность и старалась быть съ ней еще ласковѣе. Она разспрашивала ее о томъ, какъ ей понравилось путешествіе, какъ поживаютъ ея родные, получила ли она отъ нихъ извѣстіе и проч., и проч. Миссъ Фостеръ отвѣчала ясно и кратко, словно по приказанію. Во время своего разговора съ старой дѣвицей, Люси снова, раза два, посмотрѣла на миссисъ Бергойнъ, но теперь уже болѣе продолжительнымъ взглядомъ. «Какія у нея красивыя руки и какъ ловко она ихъ показываетъ», подумала молодая дѣвушка. «Какая красивая шея! Какой пріятный голосъ! Голосъ этотъ напоминаетъ мнѣ журчанье ручейка въ Вермонтской долинѣ. Какъ быстро и внезапно мѣняется выраженіе ея лица! Глаза ея, попемѣнно, то сверкаютъ и блестятъ отъ радости, то выражаютъ глубокую печаль и сердечную тоску». Взглядъ молодой дѣвушки все чаще и чаще останавливался на миссисъ Бергойнъ. Она имѣла такой аристократическій видъ, держала себя съ такимъ тактомъ, у нея были такія изящныя движенія. Она казалась Люси какой-то богиней, предъ которой она хотя и не желала преклоняться, но которую все-таки готова была признать богиней.

Во время обѣда миссисъ Бергойнъ нѣсколько разъ обращалась къ Люси съ различными вопросами. Послѣдняя отвѣчала ей совершенно спокойно. Не смотря на свою робость, она обладала присущимъ всѣмъ американкамъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Она рѣзко отличалась отъ своихъ соотечественницъ лишь въ томъ отношеніи, что никогда не старалась производить эффектъ, а предпочитала быть никѣмъ не замѣченной.

Раньше, чѣмъ обѣдъ кончился, миссисъ Бергойнъ уже составила себѣ довольно вѣрное мнѣніе отнотельно Люси Фостеръ. Она также очень хорошо замѣтила, какое непріятное впечатлѣніе произвелъ на молодую дѣвушку ея глубокій вырѣзъ.

— Интересно было бы знать,—подумала миссисъ Бергойнъ,—понимаетъ ли она, что она красавица? Но что это за ужасное платье. Гдѣ она отыскала такую некрасивую матерію? Какъ она ее портитъ. А волосы! Кто научилъ ее зачесывать ихъ назадъ? Если бы она распустила эти косы, она навѣрно произвела бы эффектъ. Быть можетъ, она причесывается такъ безобразно изъ скромности. Не имѣетъ ли она намѣреніе участвовать въ митингахъ? Кто были ея предки? Интересно бы знать, какіе это были люди. Зачѣмъ судьба забросила ее сюда? Воображаю, что думаетъ о ней Эдуардъ. Не знаю ужъ, какъ мнѣ его успокоить.

Она взглянула на Мэнистея, сидѣв-

шаго рядомъ съ ней и незамѣтнымъ образомъ, легкимъ движеніемъ бровей указала ему на миссъ Фостеръ. Мэнистей, не обращавшій вниманія на то, что говорили вокругъ него, и по прежнему занимаясь катаніемъ шариковъ изъ хлѣба, которыхъ онъ накаталъ цѣлую груду, сдѣлалъ надъ собой усиліе и, какъ бы нехотя, почти не давая ей времени отвѣчать на его вопросы, принялся разговаривать съ молодой гостьей.

— Вы были проѣздомъ въ Пизѣ?

— Да, миссисъ Левинсонъ просила своихъ знакомыхъ, чтобы они довезли меня до Пизы, а оттуда указали мнѣ дорогу въ Римъ.

— Вы совершенно напрасно ѣхали чрезъ Пизу. Вамъ слѣдовало ѣхать совсѣмъ иначе, чрезъ Перуджіо и Сполето,—сказалъ онъ тономъ школьника, отвѣчающаго урокъ.—Вы видѣли Спелло?

Миссъ Фостеръ въ изумленіи взглянула на него.

— Эдуардъ!—воскликнула миссъ Мэнистей.—Да что ты! Развѣ миссъ Фостеръ могла видѣть Спелло? Вѣдь она въ первый разъ въ жизни въ Италіи!

— Ну такъ что же!—сказалъ мистеръ Мэнистей, и при этомъ угрюмость съ его лица исчезла.—Отчего же миссъ Фостеръ не могла видѣть Спелло? Неужели я первый, кто совѣтуетъ ей видѣть Спелло? Неужели никто не говорилъ ей раньше, что непремѣнно надо тамъ побывать?

— Да что съ тобой на самомъ дѣлѣ, Эдуардъ?—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ воскликнула миссъ Мэнистей.

— Мнѣ кажется, побывать во Флоренціи гораздо интереснѣе,—сказала Люси удивленнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, извините, Флоренція куда менѣе интересна. Тамъ рѣшительно нечего смотрѣть съ тѣхъ поръ, какъ городъ этотъ былъ разграбленъ и грабители повѣшены на главной площади.

— Да, городъ отъ этого, разумѣется, много потерялъ,—отвѣтила молодая дѣвушка,—хотя флорентинцы, кажется, каждое зданіе считаютъ чуть ли не произведеніемъ искусства. Мы, конечно, не можемъ съ этимъ согласиться.

— Дѣло въ томъ, что имъ хвастаться нечѣмъ. Зданія, которыми они гордятся, выстроены вовсе не ими,—сказалъ Мэнистей, взглянувъ на Люси сверкающими отъ гнѣва глазами.

Миссъ Фостеръ съ удивленіемъ взглянула на миссисъ Бергойнъ. Послѣдняя засмѣялась и, облокотившись на столъ, сказала:

— Я должна васъ предупредить, миссъ Фостеръ, что мистеръ Мэнистей не можетъ говорить безъ злобы, когда дѣло касается бѣдной Италіи и итальянцевъ.

— Но я думала...—сказала Люси, взглянувъ на хозяина дома.

— Вы думали, что онъ любитъ Италію, потому что пишетъ о ней. Это ничего не значитъ. Онъ ненавидитъ новую Италію, ея короля и королеву, правительство и всѣхъ должностныхъ лицъ.

— Стало быть, мистеръ Мэнистей желалъ бы, чтобы настали прежнія времена,—сказала молодая дѣвушка,—когда вся власть находилась въ рукахъ духовенства и когда Италія была не цѣльнымъ государствомъ, а состояла изъ отдѣльныхъ провинцій.

Она говорила совершенно спокойно и такъ же спокойно смотрѣла на Мэнистея. Ея робость совершенно исчезла.

Мэнистей засмѣялся.

— Pio Nono, насколько мнѣ извѣстно, не злоупотреблялъ своею властью. А если вы думаете, что всѣ духовныя лица тираны, ну что же? Пусть будетъ по вашему. Я нахожу, что тотъ, кто позволяетъ себя тиранить, этого заслуживалъ.

Онъ смотрѣлъ на нее своими большими, блестящими глазами. Онъ, казалось, хотѣлъ пронзить ее взглядомъ; при этомъ онъ говорилъ рѣзко и отрывисто.

— Я съ этимъ не согласна,—отвѣтила молодая дѣвушка и замолчала, не рѣшаясь спорить съ нимъ; щеки ея покрылись нѣжнымъ румянцемъ.

— О, повѣрьте, если вы поживете здѣсь, вы будете думать такъ же, какъ и я,—сказалъ Мэнистей.—Да смѣютъ ли они жаловаться на тиранію, господствовавшую въ прежніе вѣка, когда они теперь, не разбирая дѣла, готовы и праваго и виноватаго запрятать въ тюрьму, когда они даже не позволяютъ народу читать тѣ книги, которыя онъ желаетъ.

А между тѣмъ, пусть кто-нибудь рѣшитъ, что имъ слѣдуетъ читать!

— Однако, посудите сами, сколько имъ пришлось бороться съ врагами, отстаивать свои права, чтобы стать націей...

Она запнулась и еще больше покраснѣла. Этотъ сильный румянецъ очень шелъ къ ней.

— О! мы постараемся ее нарядить и тогда увидимъ, какая она будетъ хорошенькая!—подумала миссъ Мэнистей, глядя на свою гостью.

— Нельзя стать націей въ короткій срокъ, они слишкомъ поторопились,— сказалъ Мэнистей, вставая вслѣдъ за тетушкой, которая уже поднялась, показывая этимъ, что обѣдъ кончился.

— Всякій торопится освободиться отъ ига! Всякій желаетъ свободы!—возразила молодая дѣвушка. Она стояла возлѣ него и, держась за спинку стула, сама того не сознавая, вызывающимъ взглядомъ смотрѣла на него.

— А! какая тамъ свобода! Что за свобода!—сказалъ Мэнистей и презрительно пожалъ плечами.

Затѣмъ онъ посторонился, чтобы дать ей пройти. Молодая дѣвушка бросилась бѣжать такъ быстро, какъ будто кто-нибудь ее подгонялъ, и стремительно кинулась къ миссъ Мэнистей. Послѣдняя взяла ее подъ руку и вышла вмѣстѣ съ нею изъ комнаты.

— Не бойтесь моего племянника, дорогая моя,—сказала маленькая, пожилая дѣвица,—у него совершенно особенные взгляды.

— Я такъ много читала во время своего путешествія и во время своего пребыванія во Флоренціи,—сказала Люси, между тѣмъ, какъ рука ея, лежавшая на рукѣ миссъ Мэнистей, дрожала;—я читала о Мадзини и вообще объ итальянскомъ народѣ и о томъ, какъ много они страдали...

Но вдругъ она замолчала: она была по природѣ не разговорчива, и не любила много говорить.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Чтобы возвратиться въ залу, миссъ Мэнистей и миссъ Фостеръ пришлось снова пройти чрезъ ту же большую комнату, заваленную книгами, которая находилась между гостиной и столовой. Люси остановилась и осмотрѣлась кругомъ. Казалось, она искала предметъ, на которомъ желала сосредоточиться, чтобы изгладить непріятное впечатлѣніе, оставшееся у нея отъ разговора во время обѣда.

— О, дорогая моя, вы не можете себѣ представить, въ какомъ видѣ была эта комната, когда мы пріѣхали сюда въ мартѣ,—сказала миссъ Мэнистей.— Это была билліардная. Посрединѣ комнаты стоялъ уродливый столъ, а на немъ лежали какіе-то странные шары. На кирпичномъ полу не было и тѣни ковра. А какой тутъ былъ холодъ! Во всемъ домѣ было всего двѣ спальни и два очага. Я заняла одну спальню, а Элеонора—другую. Ни ковровъ, ни печей, ни чистыхъ постелей—ничего не было. Не смотря на это, Эдуардъ утверждалъ, что все великолѣпно и что воздухъ тутъ замѣчательно чистый. О, теперь всѣ комнаты имѣютъ совершенно иной видъ, за исключеніемъ столовой, въ которой Эдуардъ ничего не позволяетъ измѣнить. Онъ увѣряетъ, что она ему нравится такой, какъ она есть.

Миссъ Мэнистей съ видимымъ удовольствіемъ озиралась въ комнатѣ. Уродливаго стола, дѣйствительно, въ ней уже не было. На полу былъ разостланъ мягкій коверъ. Высокіе, широкіе шкафы, сверху до низу переполненные книгами, закрывали шероховатыя, неровныя стѣны. На столахъ лежало множество книгъ; большинство изъ нихъ были сочиненія новѣйшихъ французскихъ и итальянскихъ авторовъ. На доскѣ, надъ каминомъ стоялъ фотографическій снимокъ работы одного изъ лучшихъ фотографовъ, изображавшій солдата въ воинственной позѣ, а какъ разъ напротивъ этой фотографіи стояла какая-то

головка, сдѣланная изъ мрамора. Заинтересовавшись снимкомъ и головкой, Люси остановилась у камина.

— Вы знаете, кого изображаетъ эта фотографія?—спросила миссисъ Бергойнъ, ласковымъ тономъ.—Одного изъ сторожей, охраняющихъ Ватиканъ. Фотографія эта снята съ картины Микель Анджело. Вы, вѣроятно, слышали объ этой картинѣ?

— Нѣтъ, я о ней ничего не слышала,—отвѣтила Люси, покраснѣвъ.— Ну, а эта головка?

— О, головка эта—рѣдкость. Мистеръ Мэнистей купилъ ее, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, у одного разорившагося римскаго дворянина. Желая поправить свои дѣла, римлянинъ началъ съ того, что продалъ эту головку и часть своей мебели. Затѣмъ онъ принялся продавать картины. Но правительство узнало объ этомъ и запретило ему ихъ продавать. Вы должны знать, что ни одинъ итальянецъ не имѣетъ права продавать картинъ безъ разрѣшенія правительства. Итакъ, бѣдный римлянинъ, не имѣя возможности выпутаться изъ долговъ, окончательно обанкрутился. Не правда ли, какъ хороша эта головка? Она лучше всѣхъ мраморныхъ головокъ, которыя находятся въ Ватиканѣ. А главное—вѣдь это не копія, а оригиналъ. Головка эта вылѣплена однимъ греческимъ художникомъ. А знаете что,—сказала миссисъ Бергойнъ, взглянувъ сначала на мраморный бюстъ, а затѣмъ на молодую дѣвушку.—Я нахожу, что вы замѣчательно похожи на эту головку, увѣряю васъ, какъ двѣ капли воды.

— О, что вы! — воскликнула миссъ Фостеръ въ смущеніи.—Да можетъ ли это быть?

— Нѣтъ, нѣтъ, увѣряю васъ. Вы только причесаны иначе. Да вотъ, позвольте... я вамъ тотчасъ докажу, что я права... Вы на меня не разсердитесь? Я хочу растрепать ваши волосы.

И прежде чѣмъ Люси успѣла протестовать, миссисъ Бергойнъ своими красивыми руками распустила ея чудные шелковистые волосы и, закрывъ ей густыми прядями уши, сдѣлала ей такую же прическу, какая была у головки, стоявшей на каминѣ.

— Я въ минуту могу васъ снова перечесать, — сказала она, — но дайте только взглянуть на васъ хорошенько. Тетя Петти, да посмотрите же, не правда ли, она прелестна?

Миссъ Мэнистей, читавшая газету, которую она только что получила, подняла голову и сказала:

— Дорогая моя! однако это съ вашей стороны довольно смѣло! Впрочемъ, миссъ Фостеръ прическа эта такъ идетъ, что будь я на ея мѣстѣ, я бы также на васъ не разсердилась.

Не отвѣчая ни слова, миссисъ Бергойнъ взяла Люси за плечи и повернула ее лицомъ къ зеркалу, висѣвшему надъ каминомъ. Когда молодая дѣвушка увидѣла себя въ зеркалѣ, она сильно покраснѣла и подняла руки, чтобы пригладить волосы.

— Вамъ не нравится, что я васъ такъ растрепала? — спросила миссисъ Бергойнъ.—Вы хотите причесаться по старому. Если вы желаете, я васъ тотчасъ перечешу. Но только жаль, эта прическа къ вамъ такъ идетъ, такъ идетъ.

Она говорила такъ убѣдительно, что Люси невольно поддалась ея вліянію и въ нерѣшительности спросила:

— Если вы дѣйствительно находите, что прическа эта хороша, то, пожалуй, можно такъ остаться, но только я боюсь, шпильки выпадутъ и волосы распустятся.

— Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь, я пришпилила ихъ достаточно крѣпко. Оставайтесь такъ: я вамъ совѣтую остаться такъ сегодня. А теперь пойдемте, я покажу вамъ всѣ вещи, которыя мистеръ Мэнистей купилъ въ послѣднеее время.

И взявъ молодую дѣвушку подъ руку, она быстро повернулась и подвела ее къ большому столу, стоявшему посреди комнаты, на которомъ между книгами стоялъ мольбертъ, а на немъ начерченный углемъ эскизъ.

Эскизъ этотъ представлялъ какую-то процессію: очень стараго человѣка торжественно несли на креслахъ, по обѣимъ сторонамъ его шла стража, а вслѣдъ за

нимъ солдаты въ высокихъ шлемахъ. Придворные, въ короткихъ, бархатныхъ плащахъ и брыжахъ и патеры, въ своихъ крылатыхъ ризахъ, также участвовали въ процессіи, а въ отдаленіи цѣлая толпа народа слѣдовала за ней. На головѣ старика была тіара *), на плечахъ роскошная, блестящая мантія. Онъ былъ уже очень, очень старъ: худая фигура его сгорбилась, черты лица обострились, ротъ провалился. Единственно, что придавало ему жизнь, это его ясные глаза и улыбка на его плоскихъ, тонкихъ губахъ. Онъ съ замѣтнымъ трудомъ поднималъ руку и благословлялъ народъ. Къ обѣимъ сторонамъ креселъ были прикрѣплены большіе вѣера изъ бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ. Блѣдный старикъ, сидѣвшій между этими вѣерами, казался отъ этого еще блѣднѣе. Его можно было бы принять за привидѣніе, если бы на немъ не было папской короны и яркой мантіи. Художникъ, чертившій этотъ эскизъ, съ удивительной ясностью изобразилъ дряхлость и слабость этой старческой фигуры. Реальное изображеніе старика положительно поражало всякаго, кто видѣлъ этотъ эскизъ. Маленькій, сгорбленный человѣкъ, казалось, не обращалъ никакого вниманія на окружавшую его толпу и мысли его витали далеко, среди высокихъ арокъ пустого собора, изъ котораго его недавно торжественно вынесли.

— Знаете, кто изображенъ на этомъ эскизѣ? — спросила миссисъ Бергойнъ улыбаясь.

— Это... это папа,—сказала миссъ Фостеръ нерѣшительнымъ голосомъ.

— Неправда ли, какъ этотъ рисунокъ удачно сдѣланъ? Его дѣлалъ одинъ изъ вашихъ соотечественниковъ, какой-то американскій художникъ. Я нахожу, что главнѣйшая заслуга этого художника заключается въ томъ, что онъ характерно изобразилъ не только папу, но тутъ же и папское достоинство, изобразилъ не только человѣка, но ясно показалъ, что человѣкъ этотъ—духовное лицо.

Миссъ Фостеръ ничего не отвѣтила. Она смотрѣла удивленными глазами то на рисунокъ, то на миссисъ Бергойнъ. Затѣмъ она увидѣла на столѣ какой-то портретъ и, заинтересовавшись имъ, спросила:

— А это тоже онъ?

Она указала на снимокъ, на которомъ изображено было женственное, но вмѣстѣ съ тѣмъ упрямое лицо папы Льва XIII, которое смотрѣло на нее изъ за груды книгъ.

— О, дорогая моя, довольно вамъ любоваться портретами этого злого старика,—сказала миссъ Мэнистей нетерпѣливымъ тономъ.—По моему мнѣнію, было бы совершенно довольно и одного снимка.

Когда онѣ вошли въ красиво убранную гостиную, миссисъ Бергойнъ поспѣшила отворить большую, стеклянную дверь, ведущую на балконъ. Вся Кампанья, какъ по мановенію волшебнаго жезла, очутилась предъ глазами Люси и ея собесѣдницъ. Полная луна освѣщала долину, тянувшуюся у подножія холмовъ, вблизи виднѣлось море, а вверху блестѣли и сверкали звѣзды, покрывавшія чистое, безоблачное небо. Казалось, стоило только выйти на балконъ, чтобы очутиться на Оріонѣ. Чудный ароматъ цвѣтущихъ турецкихъ бобовъ наполнялъ воздухъ; царила полная тишина, только по временамъ гдѣ-то вдали раздавалось пѣніе соловья.

Миссисъ Бергойнъ вышла на балконъ. Люси тотчасъ послѣдовала ея примѣру и также вышла. Миссъ Фостеръ перегнулась чрезъ перила балкона и смотрѣла вдаль, а миссисъ Бергойнъ стала разсказывать ей, гдѣ, въ какой сторонѣ находится старая частьРима, гдѣ новая, куда ведетъ дорога, которую онѣ видятъ предъ собой, въ какомъ направленіи отъ нихъ находятся Этрусскія горы и проч.

Но вдругъ миссъ Фостеръ выпрямилась и миссисъ Бергойнъ показалось, что она дрожитъ.

— Да, тутъ по вечерамъ бываетъ свѣжо,—сказала она и, снявъ съ руки свѣтлую, легкую мантилью, накинула ее на плечи Люси.

— О, мнѣ не холодно. Я дрожу вовсе не отъ холода.

*) Папская корона.

— Въ такомъ случаѣ отчего-же?— спросила миссисъ Бергойнъ шутливымъ тономъ. — А! вѣроятно, васъ поразила красота этой дивной страны. Вы еще не привыкли къ красотамъ итальянской природы.

Люси Фостеръ глубоко вздохнула, въ этомъ глубокомъ вздохѣ, выразилось то сладкое чувство, которое она испытывала. Она была довольна, что миссисъ Бергойнъ поняла ее безъ словъ,—говорить въ ту минуту она не могла.

Миссисъ Бергойнъ съ удивленіемъ посмотрѣла на нее, затѣмъ спросила:

— Читали вы когда - нибудь объ Италіи?

— Да, читала, но очень мало. Въ томъ городѣ, гдѣ я воспитывалась, была плохая библіотека, гораздо хуже, чѣмъ въ Бостонѣ. Вѣдь это очень маленькій городокъ. Дядя Бэнъ давалъ мнѣ иногда книги, но рѣдко.

— А вы желали ѣхать сюда?

Молодая дѣвушка не сразу отвѣтила, затѣмъ сказала совершенно просто:

— Да. Ѣхать мнѣ хотѣлось, хотя мнѣ жалко было покинуть дядю. Онъ ужъ очень пожилой человѣкъ.

— И вы долго жили у него?

— Да, я была еще совсѣмъ маленькая, когда послѣ смерти отца пріѣхала къ нему съ матерью. А пять лѣтъ тому назадъ умерла и моя мать и я осталась съ нимъ одна.

— Ну и что же? Вы жили вдвоемъ дружно, не ссорились?

Миссисъ Бергойнъ ласково улыбалась. Она разспрашивала молодую дѣвушку тихо и спокойно. Она старалась быть съ ней какъ можно любезнѣе, и хотя Люси вполнѣ цѣнила это любезное вниманіе къ ней, она все-таки затруднилась отвѣтить на ея послѣдній вопросъ.

— У меня кромѣ дяди никого нѣтъ...— сказала она отрывисто и замолчала.

«Она страдаетъ по родинѣ,—внутренно сказала себѣ мисссисъ Бергойнъ.— Удивляюсь, почему Левинсоны не уговорили ее ѣхать изъ Флоренціи обратно въ Америку?»

Дѣйствительно, стоя на балконѣ и смотря па маслины и на виноградники, Люси мысленно представляла себѣ покрытыя снѣгомъ поля и крыши домовъ той мѣстности, въ которой она выросла; виноградники исчезли и она увидѣла длинную, засыпанную снѣгомъ аллею, по обѣимъ сторонамъ которой росли высокіе вязы, маленькій деревянный домъ, очень скромную, но уютную гостиную, пылающій въ каминѣ огонь и сидящаго возлѣ камина старика.

— Однако холодно,—сказала миссисъ Бергойнъ.—Пора намъ войти. Не затворяйте дверь, мы оставляемъ ее на ночь отворенною.

Она положила руку на плечо молодой дѣвушки и вмѣстѣ съ ней вошла въ гостиную. Люси усѣлась недалеко отъ окна такимъ образомъ, что лунный свѣтъ и свѣтъ отъ лампы освѣщалъ ея лицо. Выраженіе его было серьезное, даже нѣсколько суровое, но, несмотря на это, въ глазахъ ея было что-то такое, что указывало на искренность и сердечность. Черные волосы ея, благодаря стараніямъ миссисъ Бергойнъ, обрамляли ея лобъ и щеки, почти совершенно закрывая ея маленькія уши. Бѣлая нарядная накидка, отдѣланная соболями, прикрывала ея некрасивое платье, широкія складки ея скрывали тонкій станъ молодой дѣвушки и придавали ея фигурѣ полноту. Въ ея позѣ было много граціи. Въ этомъ костюмѣ и въ этой позѣ она совершенно походила на греческую музу.

Миссисъ Бергойнъ и миссъ Мэнистей взглянули сначала на Люси, а затѣмъ другъ на друга. Обѣимъ пришла одна и та же мысль: онѣ обѣ убѣдились, что не ошиблись, что сидѣвшая предъ ними дѣвушка—красавица.

— Вы вѣроятно очень устали, дорогая моя?—сказала миссъ Мэнистей, переставъ болтать съ миссисъ Бергойнъ,—что, между прочимъ, продолжалось довольно долго,—и замѣтивъ, что молодая дѣвушка сидитъ молча, не двигаясь съ мѣста.— Мнѣ было бы очень интересно знать, о чемъ вы такъ серьезно думаете.

Миссъ Фостеръ вздрогнула.

— Я не устала, увѣряю васъ, я вовсе не устала,—сказала она.—Я думала только о фотографическомъ снимкѣ, ко-

торый я видѣла и о нѣсколькихъ строфахъ одного стихотворенія.

Она съ наивной поспѣшностью отвѣтила, какъ бы боясь, чтобы кто-нибудь не заподозрилъ ее въ томъ, что она желаетъ скрыть свои мысли.

— О какихъ строфахъ это вы мечтали?—спросила миссисъ Бергойнъ.

— О стихотвореніи Мильтона, которое я учила въ школѣ. Вы вѣроятно также его учили. Это стихотвореніе, къ которомъ говорится объ «ужасномъ тиранѣ» и о страданіяхъ вавилонскаго народа».

Миссисъ Бергойнъ засмѣялась.

— О, я знаю, эти стихи:

Ихъ мученическая кровь полилась
По чуднымъ нивамъ Италіи
Въ то время, какъ ужасный тиранъ...

и проч. и проч. Вы, разумѣется, думали объ этомъ?

Миссъ Фостеръ сильно покраснѣла.

— Когда я увидѣла на рисункѣ папу въ коронѣ, мнѣ на умъ пришли эти слова,— сказала она тихо и замолчала. Она быстро повернулась къ окну и начала смотрѣть куда-то вдаль, повидимому, не желая продолжать начатаго разговора.

«По всей вѣроятности, она удивляется, что я католичка»,—подумала миссисъ Бергойнъ,—«и не желаетъ больше говорить, боясь оскорбить мое религіозное чувство». Громко она спросила:

— Скажите пожалуйста, а что у васъ въ Америкѣ много пуританъ? Извините меня, но я должна вамъ признаться откровенно,— мнѣ мало извѣстно, что происходитъ въ вашей странѣ. Я о ней ничего почти не знаю.

— Въ томъ городкѣ, гдѣ я воспитывалась, большинство американцевъ— методисты,—отвѣтила миссъ Фостеръ.— У насъ есть также и пресвитеріанская церковь, къ которой принадлежитъ большая часть аристократіи, но отецъ мой и всѣ его родственники были методисты, а мать моя—универсалистка.

Миссисъ Бергойнъ въ крайнемъ удивленіи взглянула на Люси.

— Я положительно не знаю, что это за люди,—сказала она.

— Универсалисты придерживаются того мнѣнія, что всѣ люди будутъ спасены,—отвѣтила миссъ Фостеръ своимъ робкимъ, низкимъ голосомъ.—Они никогда не отчаяваются.

Когда молодая дѣвушка произносила эти слова, строгое выраженіе съ ея лица исчезло. Все существо ея, казалось, было проникнуто какимъ-то нѣжнымъ и восторженнымъ чувствомъ.

«Ага, эта красавица — мистикъ», — подумала миссисъ Бергойнъ. Она съ неудовольствіемъ посмотрѣла на нее. Все время она старалась отыскать въ ея характерѣ какія-нибудь пріятныя черты, но ни одной не находила. Ей надо было быть любезной съ ней, этого требовала вѣжливость, а между тѣмъ ей теперь это казалось не такъ легко.

Въ это время дверь, ведшая въ библіотеку, отворилась и въ гостиную, держа сигару въ рукѣ, вошелъ Мэнистей.

— Тетя Пэтти, Элеонора, сколько вамъ надо билетовъ на торжественную церемонію въ церкви св. Петра?

— Четыре билета разумѣется,—отвѣтила миссъ Мэнистей,—два билета для этихъ молодыхъ особъ,—она указала на Люси и на Элеонору,—одинъ для тебя и одинъ для меня. Въ случаѣ, если бы тебѣ не дали четвертаго билета, пожалуйста не безпокойся, я могу остаться дома.

— Это совершенно лишнее. Мнѣ дадутъ столько билетовъ, сколько я спрошу,— сказалъ онъ съ раздраженіемъ въ голосѣ.—Вы разсказали миссъ Фостеръ, — въ чемъ тутъ дѣло?

— Нѣтъ еще, я ей сейчасъ разскажу. Черезъ двѣ недѣли, въ воскресенье, исполнится восемнадцать лѣтъ, какъ римскій папа коронованъ. День этотъ будетъ отпразднованъ съ большой торжественностью. На этомъ торжествѣ будетъ присутствовать около пятидесяти тысячъ зрителей. Желаете вы присутствовать при этомъ?

Миссъ Фостеръ въ нерѣшительности посмотрѣла на мистера Мэнистея, который подошелъ уже было къ двери, чтобы выйти изъ комнаты, но остановился, чтобы выслушать отвѣтъ молодой дѣвушки.

— А мнѣ не придется принимать какое-либо участіе въ этомъ торже-

*

ствѣ?—спросила она медленно.—Я могу быть просто зрительницей?

Миссъ Мэнистей удивленно посмотрѣла на нее, а затѣмъ засмѣялась.

— Вы можете быть вполнѣ спокойны: въ такой огромной толпѣ никто не увидитъ, что вы будете дѣлать. Но знаете, нельзя быть невѣжливой съ такимъ старикомъ, какъ папа. Если другіе станутъ на колѣни, придется стать и намъ. Мнѣ кажется, — получить благословеніе отъ такого стараго, почтеннаго человѣка очень пріятно. Въ этомъ нѣтъ ничего дурного.

— О, нѣтъ, нѣтъ, разумѣется, нѣтъ,—воскликнула молодая дѣвушка и, помолчавъ секунду, сказала твердымъ голосомъ:

— Пожалуйста возьмите и меня съ собой, я буду очень рада.

Мэнистей незамѣтно усмѣхнулся и вышелъ изъ комнаты.

Вскорѣ послѣ этого миссъ Фостеръ подошла поближе къ миссъ Мэнистей и сказала:

— Меня безпокоитъ, что быть можетъ, вы думаете, я злая или невѣжливая. Напротивъ. Я вамъ очень благодарна за вашу заботу обо мнѣ, но знаете ли, мнѣ кажется какъ-то страннымъ и неловкимъ ходить по церквамъ, къ которымъ не принадлежишь, и не для того чтобы молиться, а въ качествѣ любопытной зрительницы. Я чувствую себя какъ-то неловко. Когда я была во Флоренціи и мнѣ приходилось бывать въ католическихъ церквахъ, я испытывала именно это чувство неловкости. Вы меня понимаете? Да, понимаете?—спросила она, убѣдительно глядя на миссъ Мэнистей.

Миссъ Мэнистей съ безпокойствомъ посмотрѣла на нее своими маленькими, живыми глазками.

«Какая странная дѣвушка, подумала она. Интересно знать, какая ей предстоитъ будущность»!

Въ это время Люси устремила на нее свои чудные глаза, въ которыхъ выражалось столько ласки, нѣжности и скромности, что добродушная, старая дѣвица была окончательно побѣждена. Она пожала плечами, улыбнулась и сказала:

— Не знаю, дорогая моя, что вамъ отвѣтить. Мы, католики, совсѣмъ противоположнаго мнѣнія. Мы часто ходимъ въ церковь смотрѣть на различныя торжественныя церемоніи. Мы нисколько не смущаемся тѣмъ, что толпа насъ окружаетъ, что мимо насъ взадъ и впередъ бѣгаютъ дѣти и что, порою, церковный сторожъ или причетникъ проситъ насъ посторониться и дать ему дорогу, когда мы ему мѣшаемъ пройти, куда ему нужно. Несмотря на это, мы остаемся все такими же религіозными.

— Но мнѣ кажется, что такъ какъ я не католичка, я не имѣю права принимать участіе въ церковныхъ торжествахъ.... той церкви.... къ которой.... къ которой....

— Къ обрядностямъ которой вы вы относитесь такъ строго и съ такой нетерпимостью,—сказала миссисъ Бергойнъ, улыбаясь.—Хорошо, что вы не правитель государства и не какое-нибудь вліятельное лицо, иначе при вашей нетерпимости и строгости вы могли бы причинить массу непріятностей тѣмъ, которые бы отъ васъ зависѣли.

Она говорила недовольнымъ рѣзкимъ тономъ, совсѣмъ инымъ, чѣмъ говорила съ Люси до тѣхъ поръ. Молодая дѣвушка сильно смутилась и съ удивленіемъ взглянула на нее.

— Я нахожу, что мы должны идти съ вѣкомъ впередъ,—сказала она тихимъ голосомъ и затѣмъ, взявъ лежавшій на столѣ журналъ, поспѣшно принялась его перелистывать.

Въ комнатѣ воцарилась мертвая тишина. Всѣ три женщины, находившіяся въ ней, молчали. Прислонивъ бѣлокурую головку къ спинкѣ низкаго кресла, на которомъ она сидѣла, Элеонора Бергойнъ предалась своимъ мечтамъ.

Она припомнила разговоръ, который она вела въ этотъ день на балконѣ съ мистеромъ Мэнистеемъ. Затѣмъ она принялась думать о книгѣ, которую онъ писалъ.

Книга эта, въ дѣйствительности, играла въ ея жизни большую роль. Благодаря ей, она забыла печальное прошлое и провела много, много счастливыхъ минутъ; благодаря ей, она поняла, что

значитъ жить и не страдать. Когда она думала о тѣхъ счастливыхъ минутахъ, которыя она съ «нимъ» провела, когда она вспоминала, какъ сидя рядомъ съ «нимъ», наклонивъ свою голову къ «его» головѣ, держа «его» руку въ своей, она слушала, какъ «онъ» читалъ, или помогала «ему» работать, она чувствовала, какъ вся она холодѣла и какъ дрожь пробѣгала по всему ея тѣлу.

Когда она, въ половинѣ зимы, пріѣхала въ Римъ, у Мэнистея въ головѣ только что зародился планъ его литературнаго сочиненія. Онъ не зналъ начать ли ему писать книгу, стоитъ ли приниматься за нее и будетъ ли она имѣть успѣхъ. Онъ былъ крайне недоволенъ появленіемъ своей кузины, о существованіи которой почти совсѣмъ забылъ. Онъ принялъ ее такъ же нелюбезно, какъ въ этотъ день принялъ миссъ Фостеръ. Ей было смѣшно, когда она вспоминала о томъ, какъ сначала, въ ея присутствіи, онъ упорно молчалъ, какъ брови его сдвигались при ея появленіи, какъ затѣмъ онъ постепенно становился сначала вѣжливѣе, затѣмъ—любезнѣе; какъ между ними начали завязываться весьма остроумные споры, какъ во время этихъ споровъ онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее, когда она очень мѣтко парировала его удары; какъ затѣмъ эта ожесточенная борьба прекратилась и разговоры ихъ начали принимать характеръ дружеской бесѣды, дававшей обильную пищу уму и сердцу, и этотъ гордый, молчаливый человѣкъ, забывъ свою сдержанность, открылъ ей всю свою душу, посвятилъ ее во всѣ свои планы; какъ онъ жаловался ей на свои неудачи, спрашивалъ ее, удастся ли ему когда-либо достигнуть цѣли, къ которой стремилось его честолюбіе; какъ онъ разсказывалъ ей, чѣмъ пожертвовалъ ради нея и на что онъ надѣется.

Элеонора Бергойнъ тихо, безъ движенія, все въ той же самой позѣ сидѣла въ креслѣ. Теперь нѣжныя вѣки ея закрылись и миссъ Фостеръ, смотрѣвшая на нее, думала, что она заснула.

Но Элеонора не спала, она все еще мечтала.

«Онъ» однажды сказалъ ей словами какого-то французскаго писателя, что она «обладаетъ удивительной способностью вдохновлять». О! Какого труда ей стоило достигнуть этой похвалы! И невольно сжимая своими красивыми пальцами ручки кресла, на которомъ лежали ея руки, она думала: сколько разъ, сколько разъ она спрашивала себя, что ей оставалось въ жизни? Къ чему ей жить, что дѣлать? Вѣровать въ Бога? Но какъ же милосердый Богъ, правящій вселенной, могъ допустить, чтобы она такъ много страдала? Всѣ эти вопросы день и ночь вертѣлись въ ея умѣ. Заняться чтеніемъ книгъ, изложеніемъ статей и проч.? Къ чему все это? Все равно, рано или поздно, она должна будетъ послѣдовать за тѣми, кого похитила у нея смерть: за матерью, мужемъ и ребенкомъ.

Но когда она провела нѣкоторое время съ Мэнистеемъ, всѣ эти грустныя мысли исчезли. Ея умъ и ея «умѣніе» обращаться съ людьми, которому мужъ и отецъ ея придавали слишкомъ мало цѣны, помогли ей побѣдить Мэнистея и завоевать его расположеніе.

Послѣ того какъ она овдовѣла, она переѣхала жить къ отцу. Съ строгимъ старикомъ ей было очень трудно: она скучала и отъ скуки принялась читать все, что ей попадало въ руки. Чтеніе это принесло ей большую пользу, когда она поселилась у миссъ Мэнистей. Ея племянникъ былъ положительно пораженъ ея начитанностью и ея выдающимися научными познаніями. Отъ отца она тщательно скрывала, что она читала серьезныя, ученыя книги, такъ какъ знала его взглядъ на «ученыхъ» женщинъ и знала, какъ онъ ихъ презиралъ. Она не желала слышать колкихъ замѣчаній, а такъ какъ ей было извѣстно, что отецъ ея находилъ, что женщина создана лишь для того, чтобы быть женою и матерью, то при немъ она молчала.

Такимъ образомъ, одинъ день за другимъ проходилъ, пока миссъ Мэнистей не обратила вниманія ея отца на жалкій, измученный видъ его дочери и не уговорила его отпустить ее къ ней

на зиму въ Римъ. Элеонора пріѣхала въ Италію и сразу нашла себѣ обширное поле для дѣятельности. Она явилась туда какъ разъ въ то время, когда Эдуардъ оставилъ службу и, желая заняться литературнымъ трудомъ и мучимый сомнѣніемъ, проводилъ цѣлые дни въ волненіи и тревогѣ. Вотъ тутъ-то Элеонора своимъ тактомъ и умомъ пріобрѣла надъ нимъ вліяніе: она помогала ему работать, она вдохновляла его, она же и успокаивала его. Она ясно поняла характеръ этого строптиваго человѣка и умѣла на него дѣйствовать.

Ахъ! Съ какимъ наслажденіемъ она вспоминала о прошедшей зимѣ. Она въ эту зиму ожила и душой, и тѣломъ. Годъ тому назадъ она еще не знала, что значитъ быть счастливой, она желала умереть, жизнь казалось ей тяжелымъ бременемъ, тогда какъ теперь, теперь она была счастлива, вполнѣ счастлива, она желала жить, какъ можно дольше жить! И всѣмъ этимъ счастьемъ она обязана дорогой тетѣ Пэтти, пригласившей ее пріѣхать къ ней.

Она мысленно занялась разборомъ книги, которую писалъ Мэнистей. Въ ней говорилось о путешествіи одного англичанина по Италіи. Эту книгу Мэнистей написалъ съ цѣлью оправдать себя въ глазахъ людей, не знавшихъ причины, вслѣдствіе которой онъ вышелъ изъ парламента, и обвинявшихъ его за то, что онъ пересталъ быть членомъ той партіи, къ которой долго принадлежалъ и ради которой онъ и сдѣлался членомъ парламента. Онъ пересталъ быть членомъ этой партіи, вслѣдствіе того, что не могъ согласиться съ тѣми революціонными теоріями, которыя она проповѣдывала. Теоріи эти касались измѣненія католическихъ догматовъ и цѣль, которую онѣ преслѣдовали, было полное низверженіе папской власти.

Чтобы избѣгнуть лишнихъ толковъ и не слышать рѣзкихъ и колкихъ замѣчаній и безсмысленныхъ пересудовъ своихъ бывшихъ сочленовъ, Мэнистей покинулъ Англію и предпринялъ путешествіе по Италіи. Онъ объѣздилъ эту страну, въ точности изучилъ нравы и обычаи итальянцевъ, этихъ пылкихъ, горячихъ людей, нѣкогда такъ много бунтовавшихъ, и принялся писать книгу, въ которой описывалъ жизнь, воззрѣнія и обычаи этого народа, вполнѣ проникнутаго современнымъ духомъ времени и, несмотря на это, твердо придерживающагося всѣхъ католическихъ догматовъ. Книга эта была своего рода обвинительнымъ актомъ противъ членовъ той партіи, къ которой Мэнистей принадлежалъ, и оправдательнымъ документомъ для него. Она была написана чуднымъ слогомъ и крайне интересно и, по мнѣнію Элеоноры, должна была надѣлать много шуму въ Англіи.

Въ томъ, что это сочиненіе произведетъ эффектъ, она ни минуты не сомнѣвалась, ее интересовалъ только вопросъ, не слѣдовало ли Мэнистею писать болѣе кратко, въ болѣе строгой формѣ, а не въ той поэтической формѣ, которую онъ избралъ.

Въ этомъ сочиненіи, главнымъ образомъ, обсуждались политическіе и религіозные вопросы, а между тѣмъ это была скорѣе пѣснь въ прозѣ, полная поэзіи. Поэтическая форма, въ которой сочиненіе было написано, безъ сомнѣнія придавало ему много прелести, но соотвѣтствовала ли она той серьезной цѣли, которую задалъ себѣ авторъ. Чудный слогъ, которымъ владѣлъ Мэнистей, его стремленіе поэтизировать, пылкость и живость его фантазіи очень нравились публикѣ. Его сочиненіе «Письма изъ Палестины» имѣло огромный успѣхъ, и благодаря этимъ письмамъ, онъ пріобрѣлъ имя выдающагося писателя.

Но здѣсь, гдѣ авторъ развиваетъ политическія и религіозныя идеи, гдѣ требуется строгое изложеніе фактовъ, — умѣстна ли здѣсь игра фантазіи, имѣетъ ли авторъ право поэтизировать?

Въ началѣ одной главы, напримѣръ, въ которой описывается древняя Италія и переходъ римлянъ изъ язычества въ христіанство, Мэнистей, какъ ей кажется, позволяетъ себѣ кое-какія отступленія отъ истины. Въ смыслѣ поэтическаго изложенія и красоты стиля, характеризовавшаго всѣ его сочиненія, нельзя было желать лучшаго, но что касалось

Такимъ образомъ, важнѣе, чѣмъ развитіе природы въ механическихъ, физическихъ и органическихъ явленіяхъ и въ психологіи субъективнаго духа, казалось Гегелю развитіе исторіи; важнѣе личности было для него государство и выше индивидуальной совѣсти стояла общая нравственность, въ которой одной онъ видѣлъ осуществленіе разумности.

При всемъ томъ Гегель сохранилъ одну черту романтизма: его историческую точку зрѣнія. Онъ даже усилилъ и впервые придалъ значительность этой чертѣ, отыскавши разумъ и духъ въ исторіи и этимъ сдѣлавши ее интересной. Въ этомъ отношеніи и самая форма «Феноменологіи» остается романтической. Рѣчь идетъ здѣсь о возникновеніи науки и знанія, о постепенномъ возвышеніи сознанія отъ низшихъ ступеней и формъ до той точки, на которой становится возможнымъ познаніе абсолютнаго. «Феноменологія» духа есть тоже развитіе отдѣльнаго сознанія. Но съ этой исторіей индивидуальнаго развитія Гегель соединяетъ исторію развитія человѣчества: психологическое развитіе сознанія въ основныхъ чертахъ тожественно съ исторіей культуры и образованія всего человѣчества. Такимъ образомъ передъ нашими глазами развертывается богатая жизнь духа — въ двухъ направленіяхъ: въ направленіи личности это будетъ исторія ея сознанія съ низшихъ ступеней до высшей ступени абсолютнаго духа; въ направленіи цѣлаго— исторія ступеней культуры всего человѣчества. Но обѣ эти стороны не выдѣляются и не различаются одна отъ другой, а развиваются въ связи и переходятъ другъ въ друга. Даже въ исторіи культуры Гегель поступаетъ не строго исторически, но довольно произвольно выдвигаетъ впередъ тѣ эпохи, которыя могутъ служить параллелью къ соотвѣтственнымъ ступенямъ развитія личности и представляютъ болѣе или менѣе яркую иллюстрацію послѣднихъ. Чтобы сохранить за собой это право, онъ не называетъ никакихъ именъ, — ни народовъ, ни философовъ, ни направленій; онъ выбираетъ такія явленія, которыя лучше для него подходятъ, хотя бы для насъ они давно потеряли всякое значеніе и были совершенно забыты. При такомъ обращеніи съ фактами, его произведеніе становится туманнымъ и непонятнымъ, не лучше «Divina Commedia» Данте.

Но еще больше—«Феноменологія» напоминаетъ вторую часть гётевскаго Фауста. Гаймъ совершенно правъ, говоря о ней: «здѣсь справляется торжество абсолютнаго знанія; чтобы достойнымъ образомъ его отпраздновать, выводится на сцену романтическая маскарадная процессія. Передъ трономъ абсолютнаго дефилируетъ длинный рядъ историческихъ фигуръ, переряженныхъ психологическими духами, или психологическихъ силъ, прикрытыхъ маскою историческихъ фигуръ». Отсюда Гаймъ дѣлаетъ выводъ, что «Феноменологія» есть произведеніе «непростительнаго путаника», «психологія, перепутанная исторіей, и исторія, перепутанная психологіей». Правѣе, однако, Эдуардъ Целлеръ, считающій «Феноменологію» «самымъ геніальнымъ», что Гегель когда-либо написалъ. Это дѣйствительно геніальность—только романтическая.

Несмотря, однако, на эту дань, отданную Гегелемъ романтизму, его философія есть борьба противъ романтизма и побѣда надъ нимъ. Духъ становится въ ней господиномъ надъ природой, и исторія пріобрѣтаетъ власть надъ личностью и надъ ея произволомъ. Въ противоположность романтической натурфилософіи, это по самому существу своему—философія духа. Объективность великихъ силъ культуры и исторіи побѣждаетъ въ ней субъективный произволъ отдѣльнаго лица и сама ста-

новится предметомъ этой философіи во всемъ своемъ богатствѣ и пестротѣ. Эта черта сближаетъ Гегеля съ греческимъ духомъ, съ которымъ онъ уже раньше познакомился,—одновременно съ Гёльдерлиномъ. По той же причинѣ онъ гораздо ближе къ Гёте, чѣмъ къ романтическимъ друзьямъ эпохи своего доцентства въ Іенѣ; и Гёте, съ своей стороны, умѣлъ оцѣнить Гегеля. Для обоихъ дѣйствительность есть сила, передъ которой они почтительно преклоняются.

При такой противоположности съ романтизмомъ, справлявшимъ настоящія оргіи личности, съ ея претензіями на свободу чувства и геніальный произволъ мысли,—гегелевская философія пріобрѣтаетъ характеръ борьбы противъ личности. Вотъ почему «воспитатель Нитцше», Шопенгауэръ, такъ ненавидитъ этого философа объективности, какъ бы предвидя въ немъ великаго антипода своего индивидуалистическаго воспитанника. Впрочемъ, самъ Нитцше съ теченіемъ времени сталъ справедливѣе судить о Гегелѣ, чѣмъ судилъ его романтическій учитель: онъ стоялъ отъ него дальше и обладалъ чутьемъ ко всему, отмѣченному печатью духа. А духъ былъ стихіей гегелевской философіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Побѣда гегелевской философіи права.

Индивидуалистическое воззрѣніе на сущность государства.

Послѣ освободительныхъ войнъ 1813—1815 гг. въ отношеніяхъ народовъ и отдѣльныхъ лицъ къ государственной власти наступила значительная перемѣна. Съ этой фактической перемѣной тѣсно связанъ и переворотъ во взглядахъ на задачи и сущность государства, совершившійся въ сознаніи людей того времени, Въ 1792 году Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ въ своемъ сочиненіи «Опытъ опредѣленія границъ государственной дѣятельности» отвелъ государству самые узкіе предѣлы, отрицалъ его право—преслѣдовать какія бы то ни было культурныя задачи и оставилъ на его обязанности одну только внѣшнюю и внутреннюю охрану. Положительная сторона его требованій сводилась къ тому, чтобы «поддержаніе безопасности противъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ раздоровъ составляло цѣль государства и служило предметомъ его дѣятельности». Отрицательно Гумбольдтъ устанавливалъ тотъ принципъ, что «государство должно безусловно воздерживаться отъ стремленія прямо или косвенно вліять на нравы и характеръ народа въ бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ это само собой неизбѣжно вытекаетъ изъ его остальныхъ, безусловно необходимыхъ мѣропріятій. Все, что̀ можетъ способствовать этой цѣли, а именно особый надзоръ за воспитаніемъ, религіозныя учрежденія, законы противъ роскоши и т. д.,—все это безусловно выходитъ за предѣлы его дѣятельности». Лично у Гумбольдта это узкое толкованіе задачъ государства вытекало изъ тѣхъ впечатлѣній о государствѣ и правительствѣ, которыя онъ вынесъ изъ своей служебной дѣятельности въ качествѣ докладчика верховнаго суда въ Берлинѣ, непосредственно послѣ изданія Вёльнеровскаго религіознаго эдикта *). Но есть и болѣе глубокая причина такого отно-

---

*) Religionsedikt Wöllner'a, министра прусскаго короля Фридриха Вильгельма, изданный въ 1788 г., регламентировалъ отношенія церкви къ государству.
Ред.

шенія къ государству. Она заключается въ томъ общемъ нерасположеніи людей этой эпохи къ государственности, источникомъ котораго было исторически сложившееся отвращеніе къ полицейскому государству просвѣщеннаго деспотизма, съ его привычкой во все соваться и все опекать. А съ другое стороны, то же нерасположеніе вытекало и изъ индивидуалистическаго настроенія неогуманистовъ, изъ того углубленія въ самого себя, которое дѣлало тогдашнихъ образованныхъ людей равнодушными къ отечеству и государству, У нихъ было слишкомъ много хлопотъ съ самими собой; поэтому они, подобно Діогену въ бочкѣ, обращались къ государству спиной. Гердерово представленіе о гуманности тоже могло принять подобный же оборотъ. Не совсѣмъ неправы даже и тѣ, кто, благодаря этому сочиненію и обнаруживающемуся въ немъ настроенію, называли молодого Гумбольдта—но, разумѣется, только молодого—однимъ изъ предвѣстниковъ теоретическаго анархизма.

Въ теоріи и самъ Шиллеръ едва ли думалъ иначе; между тѣмъ, въ качествѣ творца историческихъ драмъ, онъ, начиная съ Фіеско и кончая Теллемъ, съумѣлъ иначе отнестись къ государству и отечеству. Для автора «Писемъ объ эстетическомъ воспитаніи человѣка» наше реальное государство представлялось лишь неизбѣжнымъ зломъ, терпимымъ только по необходимости. Его идеалъ—эстетическое государство красоты и свободныхъ гражданъ—«живетъ въ видѣ потребности въ каждой чуткой душѣ; на дѣлѣ же его можно найти, такъ же какъ чистую церковь, или чистую республику, только въ немногихъ избранныхъ кружкахъ, въ которыхъ поведеніе человѣка опредѣляется не бездушнымъ подражаніемъ чужимъ нравамъ, а его собственной прекрасной природой, гдѣ человѣкъ проходитъ черезъ самыя запутанныя обстоятельства со смѣлымъ простосердечіемъ и спокойною совѣстью и гдѣ онъ не нуждается ни въ насиліи надъ чужой свободой для сохраненія своей собственной, ни въ униженіи своего достоинства для того, чтобы сдѣлаться пріятнымъ другимъ».

Такое государство не порождаетъ «лучшаго человѣчества»; оно само основывается на немъ, ибо воля цѣлаго создается въ немъ только благодаря свойствамъ эстетически воспитанныхъ и развитыхъ личностей, «Гармонія индивидуума» есть необходимое условіе для гармоніи общества. Такимъ образомъ, и Шиллеръ главное значеніе придаетъ эстетическому развитію индивидуума, а не чувству общественности въ немъ. Такое пониманіе государства, а также и такая низкая оцѣнка всего, что носило печать государственности, безъ сомнѣнія, создались на почвѣ старой германской имперіи, которая, дѣйствительно, давно уже перестала быть государствомъ, и ничего не дѣлала ни для культуры, ни даже для охраны своихъ гражданъ. Еще болѣе окрѣпло это пониманіе въ эпоху, слѣдовавшую за царствованіемъ Фридриха II, когда изъ прусской государственной машины былъ вынутъ одушевлявшій ее живой духъ, и остался одинъ только мертвый механизмъ. Тутъ какъ разъ разразилась буря французской революціи и на первыхъ порахъ только разрушила то, что оставалось, ничего не создавъ взамѣнъ, На нѣкоторое время наступила настоящая анархія. Но затѣмъ,—въ самое то время, какъ во Франціи Наполеонъ возводилъ свое новое государственное зданіе, огромное и величественное снаружи и абсолютистское внутри, со старымъ девизомъ «l'état c'est moi»—въ Пруссіи возникало новое государство, опиравшееся, въ противоположность Франціи, на силы и на содѣйствіе народа.

*

Войдетъ ли теперь это новое въ сознаніе людей и будетъ ли ими понято? Къ несчастью, политически-парламентская жизнь сосредоточилась послѣ 1815 года въ однихъ только мелкихъ германскихъ государствахъ; новое прусское государство было лишено этого воспитательнаго элемента. Такимъ образомъ, Пруссія была государствомъ, но у нея не было общественнаго мнѣнія, и государственное сознаніе въ народѣ могло развиваться лишь чрезвычайно медленно. Наоборотъ, въ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ существовало общественное мнѣніе, но они не были настоящими государствами. Необходимо сдѣлать еще одно замѣчаніе. Революція и наполеоновская диктатура отняли у привилегированныхъ сословій Германіи если не всѣ ихъ привилегіи, то ихъ прежнее общественное значеніе. Главнымъ дѣйствующимъ элементомъ въ новыхъ нѣмецкихъ государствахъ была, или все болѣе и болѣе дѣлалась,—буржуазія. Но, какъ мы уже видѣли, эта нѣмецкая буржуазія погрязла въ узкой обстановкѣ и мелочности провинціальнаго существованія и не вышла еще изъ подъ вліянія «просвѣтительнаго» образованія предшествующаго столѣтія. То были филистеры, все еще питавшіеся затрепанными и старомодными идеями раціонализма. Эта черта должна была сказаться и на ихъ отношеніи къ государству.

Ученіе о договорѣ.

И дѣйствительно, отсталому міросозерцанію нѣмецкой буржуазіи соотвѣтствовала, по скольку эта буржуазія интересовалась государствомъ, и особая государственная теорія, коренившаяся въ раціонализмѣ, слѣдовательно, такая же отсталая и антиисторическая. Однако, эта теорія годилась для того, чтобы оправдать господствующее положеніе, только-что завоеванное буржуазіей, и подкрѣпить ея требованія; слѣдовательно, она была либеральна. Ея ближайшимъ источникомъ были идеи французской революціи, а болѣе отдаленнымъ contrat social,—наименѣе глубокое, но наиболѣе могущественное по своему вліянію сочиненіе Руссо. Изъ двухъ идей, на которыхъ была построена эта теорія, одна создана была раціоналистическимъ и конструктивнымъ складомъ мысли новѣйшей философіи, міровоззрѣніемъ, получившимъ свое начало въ эпоху Возрожденія. Это, именно, ученіе о естественномъ правѣ, какъ о проявленіи разумной человѣческой природы. Естественное право господствуетъ съ безусловною силою и одинаковою для всѣхъ людей обязательностью надъ положительнымъ правомъ. Оно составляетъ мѣрило послѣдняго и должно быть проводимо въ жизнь безъ колебаній, какъ единственно истинное и справедливое. Какъ таковое, оно имѣетъ международный характеръ, не зависитъ отъ исторіи, и относится критически, и даже революціонно, ко всему существующему. Другимъ основнымъ элементомъ разбираемой государственной теоріи, ведущимъ свое начало отъ конца среднихъ вѣковъ, было ученіе о договорѣ, о томъ, что государство или исторически основано на договорѣ, или теоретически должно считаться таковымъ, и что, слѣдовательно, существованіе государства зависитъ отъ согласія всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, большинства составляющихъ его индивидуумовъ. Насколько тѣсно связанъ съ этимъ ученіемъ принципъ народнаго верховенства,—ясно само собой. Этотъ принципъ, дѣйствительно, является необходимой составной частью теоріи: онъ именно и даетъ теоріи особенную привлекательность въ глазахъ либерализма.

Несмотря на то, что теорія договора прямо отказывалась понимать

общественный договоръ, какъ историческій фактъ, а готова была видѣть въ немъ только «идею» или руководящій принципъ для опредѣленія общественнаго права,—несмотря на эту оговорку или даже именно въ ней самой—теорія, несомнѣнно, обнаруживала свойственное раціонализму антиисторическое пониманіе. Кромѣ того, эта теорія была атомистична и индивидуалистична, она отдавала государство на произволъ отдѣльныхъ личностей, смѣшивая «volonté générale» съ «volonté de tous», отрицая, такимъ образомъ, необходимость государства и принимая его за нѣчто совершенно случайное, могущее снова распасться на свои атомы такъ же произвольно, какъ оно изъ нихъ и составилось.

Послѣдняя черта именно и придавала этому понятію о договорѣ что-то обаятельное для всѣхъ людей эпохи «просвѣщенія». Даже Кантъ въ своемъ сочиненіи «Метафизическія начала ученія о правѣ»,—старческомъ сочиненіи, не свободномъ отъ противорѣчій и сбивчивости, не возвысился надъ этою теоріей и своимъ авторитетомъ еще разъ и надолго оказалъ ей сильную поддержку. Равнымъ образомъ и Фихте въ своихъ «Основахъ естественнаго права» сталъ на почву той же теоріи и собралъ настоящій «embarras de richesse» договоровъ; въ одномъ изъ своихъ первыхъ сочиненій онъ установилъ даже право родителей на дѣтей путемъ договора съ акушеркою. «Если бы она, въ силу договора съ моими родителями, не обѣщала передать имъ обратно ея права на меня, если бы, въ силу этого договора она не дѣйствовала именемъ моихъ родителей, то мои права были бы ея правами; теперь же они принадлежатъ моимъ родителямъ». Важное практическое значеніе придавалось этому ученію вслѣдствіе того, что съ государственнымъ договоромъ связывалась возможность перемѣны въ государственномъ строѣ съ помощью народа,—путемъ ли реформъ или же путемъ революціи.

Существенно отличался отъ старой теоріи договора Кантъ, а за нимъ и Фихте, только въ одномъ пунктѣ, а именно въ вопросѣ о цѣли государства. «Просвѣщеніе» и этотъ вопросъ разрѣшало эвдомонистически, и въ качествѣ цѣли указывало государству достиженіе всеобщаго блага и счастья каждаго отдѣльнаго индивидуума. Кантъ здѣсь, какъ и въ морали, былъ ригористомъ, а не эвдемонистомъ; поэтому счастье было исключено имъ изъ цѣлей государства, и онъ понималъ эту цѣль, какъ осуществленіе справедливости; его государство было правовымъ государствомъ. Но если мы спросимъ себя, какимъ образомъ съ помощью государства безправное естественное состояніе можетъ превратиться въ правовое, то поневолѣ вернемся для отвѣта къ устраненной было задачѣ государства,—къ охранѣ жизни и собственности, т. е. опять-таки къ частнымъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ. И даже въ своей формулѣ правоваго закона: «поступай такъ, чтобы проявленіе твоей свободной воли не было въ ущербъ проявленію свободной воли другихъ людей», Кантъ нисколько не выходитъ за предѣлы субъективизма и индивидуализма. Конечно, смыслъ тутъ былъ тотъ, что государство должно осуществить въ правѣ законъ разума, volonté générale; но фактически и у Канта рѣчь шла о согласованіи дѣянія съ эмпирическимъ цѣлымъ, volonté de tous, т. е. съ суммой частныхъ воль, слѣдовательно съ волею каждаго индивида.

Однако, уже Фихте, въ началѣ вполнѣ сходившійся съ Кантомъ, скоро опередилъ его и поставилъ своему замкнутому торговому государству цѣлый рядъ важнѣйшихъ соціальныхъ задачъ. Позднѣе, среди бѣдствій наполеоновской эпохи, онъ понялъ значеніе національной

основы для государства и, требуя національнаго воспитанія, этимъ самымъ призналъ государство носителемъ и насадителемъ культуры. А между тѣмъ, въ это же самое время теорія договора вошла въ сознаніе буржуазіи и либерализма въ своей старой формѣ. Философское обоснованіе этой теоріи и разныя теоретическія тонкости, вродѣ различенія основы и цѣли государства, были оставлены при этомъ въ сторонѣ; въ оборотъ пущены только отдѣльныя мысли, пригодныя для партійной борьбы. Естественное право служило опорою и мѣриломъ либерализму для критики существующаго и для оцѣнки мѣропріятій правительства. «Договоръ» давалъ почву для вѣры въ верховенство народа и оправдывалъ его стремленія къ участію въ законодательствѣ; правовое государство должно было прежде всего охранять права народа и проводить въ жизнь идею равенства всѣхъ передъ закономъ.

Теперь, послѣ освободительныхъ войнъ, это воззрѣніе, которое могло ссылаться на самого Канта, хотя и не усвоило себѣ всей глубины его взглядовъ, вновь получило права гражданства у либерализма. Баденецъ Роттекъ доставилъ этому взгляду самое широкое распространеніе: въ своей «Всеобщей исторіи», начатой имъ въ 1813 году, онъ доказывалъ понятнымъ для всякаго образомъ, какъ либерализмъ торжествовалъ на протяженіи всей всемірной исторіи. Его «Государственный лексиконъ», составленный имъ совмѣстно съ Велькеромъ, на новые лады варіировалъ ту же мысль, что государство основано на договорѣ и что только воля большинства можетъ имѣть рѣшающее значеніе. Вскорѣ въ лицѣ Уланда эта теорія получила и поэтическое освященіе:

Отъ договора все исходитъ:
Онъ далъ родной странѣ права;
Себя лишь договоромъ вводитъ
Съ народомъ въ связь—его глава.

* * *

Пусть онъ рожденъ въ княжихъ чертогахъ,
— Вождемъ онъ станетъ лишь съ тѣхъ поръ,
И лишь тогда его признаютъ,
Когда подписанъ договоръ.

Всѣ названные писатели помогли либерализму формулировать его общедоступные, хотя не новые и не глубокіе взгляды на государство. Произведенное ими впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе, что они сами мужественно выступили на защиту требованій либерализма и, особенно, на защиту свободы печати, и пострадали за это. Въ настоящее время эта теорія оставлена: историзмъ нашихъ дней не могъ примириться съ ея антиисторическимъ характеромъ, а современное пристрастіе ко всему «органическому»—съ ея стремленіемъ мѣрить все числомъ и разлагать на атомы. Но намъ приходится пожалѣть о томъ, что вмѣстѣ съ теоріей договора былъ нанесенъ ударъ и идеѣ естественнаго права, конечно, невѣрно формулированной въ этой теоріи. Жаль было также и той критической жилки, которая въ ней билась и которую такъ рѣшительно закупорили. Только въ самое послѣднее время мы, наконецъ, принимаемся исправлять тотъ серьезный вредъ и наверстывать тѣ потери, которыя вызваны были черезчуръ полнымъ торжествомъ исторической точки зрѣнія. Разумѣется, естественное право не неподвижно и не можетъ имѣть одинаковаго значенія для всякой эпохи; это даже не «право» въ собственномъ смыслѣ слова. Но, несомнѣнно, въ основѣ понятія «естественнаго права» лежитъ постоянно растущая и мѣняющаяся идея о «болѣе совершенномъ» правѣ,—идея, овладѣвающая

умами, какъ стремленіе къ прогрессу, и требующая осуществленія этого прогресса. Безъ такой идеи положительное право окаменѣло бы, а человѣчество было бы приговорено къ вѣчному застою въ своихъ правовыхъ и государственныхъ формахъ.

Романтическое ученіе о государствѣ.

Просвѣтительное воззрѣніе на государство, въ томъ видѣ, какъ оно было формулировано въ то время, въ самомъ дѣлѣ устарѣло, не отличалось глубиною и, кромѣ того, въ качествѣ теоріи французской революціи, было отмѣчено печатью политической неблагонадежности. Тѣмъ легче было романтизму противопоставить антиисторическому взгляду на государство—историческій, механическому—органическій. Побѣду новаго взгляда надъ старымъ, постепенное вытѣсненіе одного другимъ они могли предоставить исторіи.

Раньше другихъ мы встрѣчаемся съ романтической теоріей государства у Новалиса. Его экзальтированное прославленіе молодой прусской королевской четы вытекало у него изъ его пристрастія къ монархіи вообще. Равнымъ образомъ и на государство, какъ таковое, онъ смотрѣлъ совсѣмъ иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Государство представлялись ему, какъ «Макроантропосъ», какъ человѣкъ въ крупныхъ размѣрахъ, и какъ насущнѣйшая потребность для человѣка. «Чтобы сдѣлаться человѣкомъ и остаться таковымъ, человѣкъ нуждается въ государствѣ»; «настоящій гражданинъ живетъ всецѣло въ государствѣ». Государство же состоитъ не изъ отдѣльныхъ лицъ, а является «мистическимъ индивидомъ». «Народъ есть идея; мы *должны* сдѣлаться народомъ». Но «государство у насъ слишкомъ мало проповѣдуется. Должны были бы существовать особые проповѣдники государства, проповѣдники патріотизма. Въ настоящее время существуетъ много гражданъ, которые находятся въ почти враждебныхъ отношеніяхъ къ государству».

Подобнымъ же романтическимъ мистицизмомъ была отмѣчена по временамъ и публицистическая дѣятельность Фридриха фонъ-Генца. Опираясь на точку зрѣнія Канта, онъ восторженно привѣтствовалъ французскую революцію въ своемъ сочиненіи «О происхожденіи верховныхъ принциповъ права», а подъ вліяніемъ Борка, сочиненіе котораго «Мысли о французской революціи» онъ переводилъ на нѣмецкій языкъ, Генцъ разбавилъ вино водою и сталъ превозносить англійскую конституцію. При восшествіи на престолъ Фридриха-Вильгельма III-го, онъ, точно второй маркизъ Поза, въ особомъ посланіи къ нему приглашалъ его даровать свободу печати. Но миновалъ и этотъ либеральный англоманскій періодъ, втеченіе котораго Генцъ особенно отличился борьбой противъ Наполеона. Его «Отрывки изъ новѣйшей исторіи политическаго равновѣсія Европы» составляли кульминаціонный пунктъ этого періода и были могучимъ манифестомъ, въ которомъ Генцъ призывалъ къ возстанію всѣхъ «сильныхъ, чистыхъ и честныхъ». По краснорѣчію, онъ не уступалъ здѣсь рѣчамъ Фихте и предвосхитилъ многія мысли послѣдняго. Но онъ обращался не ко всему народу, а лишь къ избранному меньшинству, и въ этомъ,—какъ разъ въ противоположность Фихте и Штейну,—обнаружилось его недовѣріе къ народу и его романтическій аристократизмъ. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что вскорѣ мы видимъ его на службѣ у Меттерниха въ роли противника либерализма и защитника принциповъ легитимизма и тенденцій реставраціи. Въ травлѣ демаго-

говъ послѣ убійства Коцебу онъ принималъ живѣйшее участіе. Теперь онъ заявилъ, что въ 1813 и 1814 гг. самое важное совершено было «государями вмѣстѣ съ ихъ военачальниками, принимавшими участіе въ ихъ совѣтахъ». Въ отвѣтъ на требованіе представительства со стороны народа, Генцъ указываетъ на старую земскую организацію, «вытекавшую изъ самобытныхъ, не созданныхъ человѣческими руками, коренныхъ основъ государства»; въ государствѣ онъ видитъ единственную защиту противъ революціоннаго разума отдѣльной личности, въ католической церкви—оплотъ противъ субъективизма протестантовъ; ибо ему, протестанту, реформація представлялась теперь источникомъ всѣхъ золъ, началомъ всякой революціи. «Немного средневѣковья, немного милости Божіей и какъ можно больше полицейской мудрости»—такъ опредѣляетъ Р. Гаймъ эту смѣсь въ своей превосходной монографіи о Генцѣ. Трудно сомнѣваться, что вообще для этого разсудочнаго и трезваго человѣка романтизмъ былъ лишь средствомъ и предлогомъ. Это особенно ясно становится въ послѣднемъ періодѣ его жизни, когда онъ переходитъ отъ романтика Адама Мюллера обратно къ раціоналисту и матеріалисту Гоббсу, и съ насмѣшкой и скептицизмомъ начинаетъ относиться къ своимъ собственнымъ идеямъ и къ возможности ихъ осуществленія. Большой талантъ, но совершенно безхарактерный сластолюбецъ и негодяй,—таково наше мнѣніе объ этомъ первомъ крупномъ политическомъ журналистѣ Германіи. Подобно ему, и Фридрихъ Шлегель, вначалѣ такъ революціонно настроенный, предоставилъ свое перо въ распоряженіе меттерниховой политики, и въ своей «Конкордіи» выступилъ на ревностную защиту христіанскаго государства противъ «одичалаго до фанатизма духа времени».

Въ лицѣ этихъ журналистовъ, политическій романтизмъ сдѣлался реакціоннымъ въ худшемъ смыслѣ этого слова; въ то же самое время и историческая школа права съиграла въ руку реакціоннымъ тенденціямъ, только болѣе тонко и остроумно. Противъ либеральной теоріи естественнаго права она выставила теорію историческаго и національнаго происхожденія права, стараясь вывести его, какъ тогдашніе германисты выводили происхожденіе языка, изъ народнаго духа и національнаго характера. Когда Савиньи, основатель, вмѣстѣ съ Эйхгорномъ, исторической школы и величайшій юристъ среди романтиковъ, исходя изъ такихъ представленій, отрицалъ у современниковъ право издавать законы, когда онъ рѣзко и часто совершенно несправедливо критиковалъ «Кодексъ Наполеона» и «Прусское земское право», считая ихъ искусственными, произвольно созданными произведеніями, то практическое значеніе этихъ сужденій было ясно: государство и народъ приговаривались этимъ къ квіетистскому выжиданію, къ консервативному топтанью на одномъ мѣстѣ, что какъ нельзя лучше подходило къ меттерниховой политикѣ—гробовой тишины и застоя. Конечно, эта же самая школа, и особенно Эйхгорнъ, указали научной юриспруденціи новую и важную задачу—изученіе исторіи германскаго права; но при самомъ возникновеніи школы обнаружилась уже та опасность, которою грозилъ нашему вѣку историзмъ, и открылись нанесенныя имъ раны.

Романтическая теорія государственнаго права въ болѣе узкомъ смыслѣ слова нашла себѣ главнаго представителя въ лицѣ Адама Мюллера, полемизировавшаго въ своихъ сочиненіяхъ съ Адамомъ Смитомъ и расчищавшаго этимъ путь для послѣдующихъ политико-экономовъ. Прямо противоположно Вильгельму Гумбольдту, Мюллеръ въ своихъ «Основахъ государственнаго искусства» провозглашаетъ государство «совокупностью че-

ловѣческихъ дѣяній, соединеніемъ ихъ въ одно живое цѣлое». Государство для него есть «вѣчно подвижное царство идей; стремясь познать сущность государства, мы не можемъ ограничиться матеріальной физической, осязаемой стороной жизни, но должно обратиться къ тому, что невидимо, къ уму, нравственности, сердцу, словомъ, ко всей области идеальныхъ стремленій человѣка; государству принадлежатъ всѣ помыслы гражданъ, какъ бы они ни были чужды ему по внѣшности». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «государство не есть простая мануфактура, не есть ферма, страховое бюро или торговая компанія; оно есть тѣсное соединеніе всего физическаго и духовнаго богатства, всей внутренней и внѣшней жизни народа въ одно великое, могучее, безконечно подвижное и живое цѣлое». Въ этомъ смыслѣ онъ возстаетъ какъ противъ ученія эвдемонистовъ, такъ и противъ взглядовъ Канта на цѣль государства; и тотъ, и другіе, по его мнѣнію, понимаютъ эту цѣль слишкомъ узко. «Если кто-нибудь спроситъ: какая же собственно цѣль государства? то я ему отвѣчу вопросомъ: ты, стало быть, смотришь на государство, какъ на *средство?* какъ на простое средство, искусственно созданное для достиженія цѣли? Конечно, порядокъ, свобода, безопасность, законность, всеобщее благо—все это великія идеи; какъ ни велико, ни обширно, ни всеобъемлюще и ни самобытно государство, оно не препятствуетъ, чтобы его считали созданнымъ для какой-нибудь изъ этихъ цѣлей, но оно все-таки, слишкомъ велико, слишкомъ живой организмъ для того чтобы подчиняться желаніямъ теоретиковъ и отдать себя на служеніе одной какой-нибудь цѣли. Оно служитъ имъ всѣмъ, и не только имъ, а и всѣмъ цѣлямъ, какія только можно себѣ представить, потому что служитъ самому себѣ». «Химерѣ естественнаго права» Мюллеръ противополагаетъ другое право, «жизненное, само себя охраняющее, которому не нужно обращаться за помощью къ внѣшней, ничѣмъ не связанной съ нимъ власти или принудительной силѣ, не нужно подчиняться ей; словомъ, такое право, которое составляетъ одно цѣлое съ государствомъ, съ національностью, или съ той правовой идеей, которая объединяетъ все человѣчество,—съ религіей». Такое пониманіе государства есть продуктъ эпохи (книга появилась въ 1809 году), какъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ: «наши предки считали государство какимъ-то смирительнымъ домомъ; теперь настали другія времена, и сдѣлалось ясно, что силой нельзя добиться какъ разъ того, что всего важнѣе и лучше».

Преимущество Мюллера заключается именно въ томъ, что онъ разрушилъ какъ мертвую и черезчуръ внѣшнюю теорію естественнаго права съ ея «безжизненными понятіями», такъ и анархическое ученіе неогуманистовъ о государствѣ, какъ необходимомъ злѣ. Другу Клейста *) казалось всего важнѣе вдохнуть въ государство жизнь и мысль, «ибо повсюду, въ нашемъ законодательствѣ и въ нашихъ понятіяхъ о государствѣ, лежитъ печать мертвенности,—точно мы потеряли мужество и способность оживить ихъ и двинуть впередъ, точно въ насъ самихъ мало жизни, мало индивидуальности». Но дальше этихъ общихъ мѣстъ Мюллеръ не пошелъ; его манера остроумно болтать помѣшала ему дойти до точныхъ опредѣленій. Такимъ образомъ, онъ, правда, будилъ

---

*) Генрихъ Клейстъ, выдающійся поэтъ и романистъ, былъ однимъ изъ немногихъ искреннихъ патріотовъ среди романтиковъ. Съ Ад. Мюллеромъ онъ издавалъ въ 1808 г. ежемѣсячный журналъ, «Phöbus». *Ред.*

мысль, но создать-сколько-нибудь связную теорію онъ не могъ. А тѣ правительства, и прежде всего, его вѣнскіе друзья—къ которымъ онъ обращался и которые въ общемъ не прочь были принять его теоріи—насчетъ «мысли» и «жизни« не особенно любили вспоминать.

Такимъ образомъ, теоретикомъ par excellence романтическаго государственнаго права, съумѣвшимъ снискать въ то же время и одобреніе реакціонныхъ властей, сдѣлался не онъ, а Карлъ-Людвигъ фонъ-Галлеръ. Самое заглавіе сочиненія послѣдняго «Реставрація государственной науки или теорія натурально-общественнаго состоянія, въ противоположность химерѣ искусственно-гражданскаго», показываетъ уже, что ученіе Галлера о государствѣ прямо противоположно теоріи либерализма. Галлеръ былъ тогда еще швейцарскимъ подданнымъ и протестантомъ; позже онъ поступилъ въ Парижѣ на службу къ Карлу X-му и перешелъ въ католичество, какъ и Адамъ Мюллеръ. Уже одно предисловіе къ его сочиненію обличаетъ въ авторѣ романтика; но оно нисколько не дѣлаетъ понятнымъ того факта, какимъ образомъ подобный писатель могъ имѣть какое-либо вліяніе. Галлеръ ораторствуетъ о государствѣ и объ исторіи то съ паѳосомъ, тономъ пророка, то плаксиво-сантиментально, но всегда елейно, точно это—воскресный проповѣдникъ хочетъ увлечь въ свою вѣру старыхъ дѣвъ политики. Въ противоположность порядку, устанавливаемому искусственно договоромъ, онъ выдвигаетъ принципъ естественнаго происхожденія общества; а этотъ «естественный» порядокъ самъ собою совпадаетъ, въ его употребленіи, съ «божественнымъ». Естественный законъ, который при этомъ дѣйствуетъ, оказывается очень несложнымъ: онъ состоитъ въ томъ, что и фактически, и по праву господствуетъ тотъ, кто сильнѣе и могущественнѣе. Такимъ образомъ государство и право Галлеръ основываетъ на силѣ и власти. Но властителями являются короли и князья: слѣдовательно, такъ угодно Богу, чтобы они правили, а другіе имъ повиновались: въ этомъ и состоитъ установленный Богомъ естественный порядокъ. Никоимъ образомъ государи не суть слуги государства (это выраженіе Фридриха II-го ненавистно для Галлера); напротивъ, они независимые господа послѣдняго; государство—ихъ собственность, подобно тому, какъ домъ принадлежитъ отцу семейства: государственное право не отличается по существу отъ частнаго, патріархальный порядокъ есть установленіе Божіе. Но какъ быть, если господа вздумаютъ злоупотребить своею властью? Конституціи и писаные законы, выставляемые противъ этой опасности либерализмомъ, и вообще человѣческія учрежденія здѣсь не помогутъ; удержать отъ такого злоупотребленія властью могутъ въ сущности только религія и мораль. Однако же и нашъ проповѣдникъ естественнаго порядка и права сильнаго не можетъ совершенно исключить мысли о самопомощи гражданъ, въ случаѣ нужды, путемъ революціи. «Но возстанія (такъ полагаетъ онъ и думаетъ этимъ выйти изъ затрудненія) на дѣлѣ весьма рѣдки, выполненіе ихъ въ большинствѣ случаевъ весьма затруднительно, часто даже невозможно, а еще чаще неблагоразумно; такимъ образомъ, для подданныхъ остается въ подобныхъ случаяхъ одна надежда—на Бога».

Проповѣдь Галлера произвела впечатлѣніе и нашла послѣдователей: въ кружкѣ прусскаго кронпринца (впослѣдствіи короля Фридриха Вильгельма IV-го), ею восхищались и раздѣляли ее вполнѣ. Правда, Гегель утверждалъ, что книга Галлера въ значительной степени была обязана своимъ огромнымъ вліяніемъ и широкимъ успѣхомъ тому обстоятельству, что «она съумѣла отдѣлаться отъ всякихъ разсужденій и, такимъ

образомъ, сохранила цѣльность взгляда цѣной отреченія отъ всякой мысли». Онъ доказывалъ также, что ея кажущаяся послѣдовательность въ сущности была «результатомъ полнѣйшей непродуманности, при которой мысль движется впередъ безъ оглядки и безъ труда примиряется съ полной противоположностью тому, что она только что утверждала». Въ самомъ дѣлѣ, книга была бездарна, непродумана и непослѣдовательна до наглости; но такая книга была нужна для реакціи и служила лучшимъ оправданіемъ для всякаго рода насильственныхъ мѣропріятій, противъ которыхъ она съ такимъ истинно-христіанскимъ смиреніемъ указывала народу единственную защиту... у Бога.

Гегелевская философія права.

Въ этотъ моментъ явилась на свѣтъ, на этотъ разъ, какъ нарочно по трехъактной командѣ діалектическаго метода, изъ тезиса и антитезиса новая и высшая ступень, а именно, гегелевская философія права. Въ философіи Руссо и либерализма, съ одной стороны, въ теоріи Галлера—съ другой, Гегелю одинаково противна была одна черта: низведеніе государства на степень чего-то произвольно-искусственнаго или произвольно-насильственнаго, его приниженіе до простого средства. Онъ хорошо знакомъ, конечно, съ прежней теоріей государства, какъ необходимаго зла,—государства, созданнаго разсудкомъ; при этой теоріи государство, дѣйствительно, было только средствомъ, каждый отдѣльный индивидъ былъ цѣлью, и государство распадалось на массу человѣческихъ атомовъ. Таково и есть «гражданское общество», въ которомъ существованіе и благо личности, такъ же какъ и ея правовое положеніе, тѣсно связывается съ существованіемъ, благомъ и правомъ всѣхъ остальныхъ и только благодаря этой связи является дѣйствительнымъ и обезпеченнымъ; такимъ образомъ, государство сводится къ системѣ взаимной зависимости. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гегель принималъ и кантовскую идею, по которой государство является правовымъ лишь постольку, поскольку въ правѣ осуществляется свободная воля. Но онъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ Кантъ, отнесся къ идеѣ разумности воли, къ понятію «всеобщей воли» (volonté générale). Эта воля существуетъ не только субъективно—въ сферѣ отвлеченнаго или формальнаго права, въ нравственномъ сознаніи отдѣльнаго человѣка и въ его индивидуальной совѣсти, но также и объективно—во всемъ мірѣ нравственныхъ явленій, низшею ступенью котораго является семья, а высшею—государство.

Поэтому для Гегеля государство есть нѣчто необходимое, а не случайное, нѣчто по самому своему существу разумное и долженствующее существовать, а не что-либо, возникшее по произволу; это—«осуществленіе нравственной идеи», «нравственное цѣлое», и въ этомъ смыслѣ,—«Богъ на землѣ». Вмѣстѣ съ Адамомъ Мюллеромъ онъ объявляетъ государство за неподвижную, безусловную цѣль саму для себя. У Руссо онъ порицаетъ его признаніе суммы отдѣльныхъ воль за общую волю, обоснованіе общественнаго договора на произволѣ, и вслѣдствіе этого уничтоженіе всякаго авторитета. Въ противоположность Галлеру, онъ какъ разъ подчеркиваетъ тотъ разумный элементъ въ государствѣ, сила котораго не въ произволѣ, а во внутренней разумности. Государство — это пришествіе Бога въ міръ. Оно непосредственно обнаруживается въ нравахъ и косвенно въ сознаніи отдѣльнаго лица: въ немъ свобода достигаетъ высшаго проявленія своего права. Но, при

всемъ томъ, государство сохраняетъ власть надъ личностью, а для послѣдней высшій долгъ—быть членомъ государства и всецѣло отдавать себя въ его распоряженіе.

Этотъ взглядъ, что государство представляетъ собою нѣчто большее, чѣмъ отдѣльный индивидъ, что оно стоитъ выше и существуетъ прежде личности, Гегель заимствовалъ не у романтизма, не у какого-нибудь Адама Мюллера. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ сознательно возвращается къ античнымъ взглядамъ и идеямъ...» Къ идеѣ всемогущества государства онъ приходитъ не въ качествѣ романтика, а въ качествѣ неогуманиста, заимствуя ее изъ теоріи и фактовъ классической древности.

Этимъ самымъ Гегель вступилъ въ рѣзкое противорѣчіе какъ съ сохранявшими еще вліяніе общими мѣстами раціонализма, такъ и съ субъективнымъ произволомъ романтизма. Онъ требовалъ такихъ симпатій къ государственности, какія, быть можетъ, могли бы образоваться подъ вліяніемъ войнъ за освобожденіе, если бы государство въ то время исполнило свою обязанность и дѣйствовало бы «разумно». Но, и такъ, какъ было дѣло, гегелевская философія права и государства находилась въ несомнѣнной и очень тѣсной связи съ прусскимъ государствомъ. Каждому государству должна была придтись по вкусу такая высокая оцѣнка его, какая выпадала ему на долю у Гегеля, считавшаго государство воплощеніемъ нравственности. Такое ученіе подкрѣпляло государство въ его задачахъ и въ его стремленіи распространить государственный образъ мыслей, чтобы имѣть возможность на него опираться. Но прусское государство должно было испытывать еще особое удовольствіе отъ книги Гегеля, и не только потому, что эта книга была написана въ Берлинѣ, профессоромъ перваго прусскаго университета, а также—и прежде всего—потому, что то государство, которое имѣлъ въ виду Гегель, было, дѣйствительно, прусскимъ государствомъ. Гаймъ сказалъ въ шутку, что въ гегелевской философіи права «прекрасная статуя античнаго государства была выкрашена въ черно-бѣлую краску». Если откинемъ тотъ ядъ, который, по справедливости, заключается въ этихъ словахъ, и если для полноты картины прибавимъ еще, что на раскрашенную такимъ образомъ статую Гегель надѣлъ еще красный якобинскій колпакъ, то этимъ мы дадимъ самое серьезное признаніе политическаго ума Гегеля. Когда Пруссія была безславно сокрушена при Іенѣ, этотъ человѣкъ дѣйствительности отвернулся съ презрѣніемъ отъ нея и восторгался Наполеономъ—«этой міровой душой». Въ этомъ смыслѣ онъ пишетъ, напр., въ январѣ 1807 года: «Наука одна только можетъ дать намъ теодицею *); она охраняетъ какъ отъ неразумнаго преклоненія передъ событіями, такъ и отъ приписыванія ихъ случайностямъ момента или таланту отдѣльнаго лица,—отъ того, напр., чтобы ставить судьбу государства въ зависимость отъ занятой или незанятой во-время позиціи, а также отъ того, чтобы сѣтовать на побѣду несправедливости и на пораженіе правды... Французскій народъ въ горнилѣ революціи освободился отъ многихъ учрежденій, изъ которыхъ человѣческій духъ выросъ, какъ изъ дѣтскихъ пеленокъ, и которыя вслѣдствіе этого тяготѣли надъ нимъ, какъ бездушныя оковы. Но, кромѣ того, и отдѣльный индивидуумъ освободился отъ страха передъ смертью и отъ жизни по шаблону, потерявшей всякій смыслъ при перемѣнѣ де-

---

*) Слово, введенное въ употребленіе Лейбницемъ и означающее «оправданіе божества» во злѣ, существующемъ въ мірѣ. *Ред.*

корацій. Это придаетъ французскому народу ту огромную силу, которую онъ и проявляетъ въ борьбѣ съ другими народами». И вслѣдъ затѣмъ Гегель оптимистически прибавляетъ: «Этотъ народъ обращаетъ въ свою пользу замкнутость и глупость другихъ, которые, наконецъ, будутъ принуждены отказаться отъ своего безразличнаго отношенія къ дѣйствительности, выступятъ на жизненную арену и, быть можетъ, сохранивъ при этомъ внѣшнемъ проявленіи самихъ себя, свои внутреннія качества, превзойдутъ своихъ учителей».

И вотъ, надежда Гегеля въ самомъ дѣлѣ осуществилась. Возникло новое прусское государство, вызывавшее уже не презрѣніе къ себѣ, а уваженіе и удивленіе. И здѣсь Гегель обнаружилъ рѣдкій политическій инстинктъ и тактъ. Въ 1820 году прусское государство шло на буксирѣ за Меттернихомъ по пути реакціи; его неопредѣленное отношеніе къ конституціонному вопросу производило впечатлѣніе слабости и неустойчивости. Поверхностный наблюдатель легко могъ бы при такихъ условіяхъ, какъ и было со многими, не замѣтить внутренней силы, внутренней правды этого государственнаго организма, лишь недавно сложившагося изъ самыхъ разнородныхъ частей. Напротивъ, Гегель даже подъ этой реакціонной внѣшностью разобралъ внутреннее, здоровое, жизнеспособное, полное силъ зерно, медленно, но вѣрно развивавшееся. И онъ не побоялся указать на это внутреннее зерно, какъ на истинную сущность прусскаго государства, не взирая на всю непривлекательность его оболочки.

Но тутъ была, конечно, и своего рода опасность. Въ предисловіи къ «Философіи права» Гегеля стоитъ его пресловутая фраза: «что разумно, то дѣйствительно, а что дѣйствительно, то разумно». То, что тогда было «дѣйствительностью» въ Пруссіи, было по большей части преходяще и неразумно. Такимъ образомъ, и Гегель, въ качествѣ панегириста «дѣйствительности», рисковалъ самъ превратиться въ реакціонера. И надо признать, что онъ не вполнѣ избѣжалъ этой опасности. Какъ въ его морали индивидуальность, совѣсть отодвигается на задній планъ передъ общественной нравственностью, такъ и это всемогущество государства сильно вредитъ свободѣ отдѣльной личности. «Субстанція» грозила поглотить индивидуумъ. Къ этому присоединился историзмъ Гегеля, превращавшій отдѣльное лицо въ безправнаго и безвольнаго члена общей исторической цѣпи и лишавшій его, такимъ образомъ, всякой самостоятельности. Не забудемъ, наконецъ, что Гегель, въ противность духу своей системы, ставитъ въ своемъ государственномъ правѣ княжескую власть выше правительственной и законодательной, и что это легко могло быть понято и истолковано въ смыслѣ Галлера, т. е. въ византійскомъ смыслѣ. Еще тогда, когда Р. Гаймъ, въ пятидесятыхъ годахъ, обвинялъ Гегеля въ консерватизмѣ и квіэтизмѣ *), это имѣло смыслъ и было своего рода гражданскимъ подвигомъ. Но тотъ, кто станетъ обвинять его въ этомъ теперь, кто будетъ доказывать, что Гегель безъ дальнихъ справокъ смотрѣлъ на все дѣйствительное, какъ на разумное и достойное поддержки,—просто потому, что оно существуетъ,—тотъ совершенно упуститъ изъ виду, что эти слова Гегеля являются палкой о двухъ концахъ. Для Гегеля *только* разумное было дѣйствительнымъ; на разумности основано право всего существующаго на существованіе; разумъ поэтому можетъ критиковать и указывать на недѣйствительность, нич-

*) Въ своей книгѣ «Гегель и его время». Есть русскій переводъ, СПБ. 1861. *Ред.*

тожество, негодность всего неразумнаго въ государствѣ и въ исторіи. Въ этомъ заключается прогрессивная,—чтобы не сказать революціонная—сторона гегелевской философіи. Въ этой связи даже ученіе о естественномъ правѣ можетъ получить надлежащій смыслъ—если, именно, представлять себѣ это право чѣмъ-то внѣвременнымъ, и неизмѣннымъ, и понимать его, какъ нѣчто высшее, какъ нѣкоторый синтезъ, о которомъ разумъ постоянно напоминаетъ, какъ о будущемъ необходимомъ исходѣ изъ противорѣчія тезиса и антитезиса.

Защитить Гегеля отъ подобныхъ упрековъ могла бы, прежде всего, его собственная философія исторіи, которая примыкаетъ къ философіи права. Эта величественная теодицея какъ разъ и основана на той мысли, что все, что совершилось и ежедневно совершается, не только исходитъ отъ Бога, но прямо есть дѣло рукъ Божіихъ и, слѣдовательно, разумно. Такъ какъ сущность духа—свобода, то и всемірная исторія есть не что иное, какъ прогрессъ въ сознаніи свободы и развитіе идеи свободы. Гегель прослѣдилъ это поступательное движеніе исторіи къ свободѣ, съ Востока и на Западъ, насколько позволяло состояніе тогдашней исторической науки. На Востокѣ—дѣтство исторіи; отдѣльныя лица несвободны и только правитель одинъ свободенъ. Юношескій возрастъ, представленный греческимъ міромъ, есть царство идеальной свободы; личность естественно сливается здѣсь съ «субстанціей». Римское государство есть эпоха тяжелой борьбы для человѣка,—съ одной стороны отвлеченная универсальность имперіи, подчиняющая себѣ народы и отдѣльныхъ лицъ, а на-ряду съ этимъ, съ другой стороны—отвлеченная же личная свобода индивида. Но постепенно въ деспотизмѣ одерживаетъ верхъ личное начало, и такимъ образомъ внутренній разладъ подготовляетъ почву для появленія высшаго духовнаго міра и духовнаго умиротворенія черезъ посредство христіанства. Примиреніе и тѣмъ самымъ осуществленіе истиннаго понятія свободы приходитъ черезъ посредство германскаго міра. Начинается и здѣсь съ противоположности между духовнымъ принципомъ и грубымъ дикимъ мірскимъ началомъ; германцы преодолѣваютъ сначала мірское начало. При этомъ церковное средневѣковье Гегель (какъ, впрочемъ, уже и въ своей феноменологіи) рисуетъ весьма мрачными красками. Принципъ абсолютной несвободы вносится здѣсь въ самую область свободы; получается полная перестановка понятій. Только съ эпохою Возрожденія встаетъ «заря универсальности, наступающая, наконецъ, послѣ долгой, чреватой результатами и страшной ночи средневѣковья»; реформація же, это—солнце, озаряющее все своимъ свѣтомъ и смѣняющее собою утреннюю зарю конца среднихъ вѣковъ. Содержаніе ея состоитъ въ томъ, что человѣкъ самъ опредѣляетъ себя къ свободѣ; примиреніе религіи съ свѣтскимъ правомъ государства, установленіе принципа свободнаго духа въ качествѣ мірового лозунга,—вотъ ея результаты. Въ противоположность ей, «католическій міръ отстаетъ въ образованіи и погружается въ полную тьму».

Какъ видимъ, это совсѣмъ не языкъ реакціонера и эти понятія—не философія застоя; благодаря своему отношенію къ среднимъ вѣкамъ и католицизму, равно какъ и тому значенію, которое Гегель придаетъ здѣсь содержанію реформаціи, онъ намѣренно и сознательно отдѣляетъ свое ученіе отъ всякаго романтическаго перетолкованія исторіи.

Столь же мало права даютъ намъ отнести Гегеля въ ряды реакціонеровъ и отдѣльные пункты его философіи права. Вспомнимъ о

требованіи имъ суда присяжныхъ, свободы и гласности преній въ провинціальныхъ собраніяхъ сословій, о томъ значеніи, которое онъ придавалъ общественному мнѣнію, или о томъ, наконецъ, какъ онъ опредѣляетъ задачу правителя, состоящую, по его мнѣнію, въ томъ, что послѣдній долженъ только «подписывать свое имя, говорить «да» и ставить точку надъ «і». Для 1820 года эти требованія были очень широки и либеральны. Происхожденія ихъ надо искать отчасти въ англійскомъ государственномъ строѣ, которому Гегель ясно выражаетъ свое предпочтеніе. Когда впослѣдствіе онъ критиковалъ англійскій билль о реформѣ 1831 года, это, конечно, объяснялось раздраженіемъ старѣющаго философа, испуганнаго іюльской революціей. Высказанное здѣсь Гегелемъ предпочтеніе къ «тихой работѣ научнаго образованія, къ мудрости и справедливости князей» конечно, вовсе не пахнетъ свободолюбіемъ.

Идя, такимъ образомъ, во многихъ случаяхъ, гораздо дальше прусской «дѣйствительности», гегелевская философія права въ одномъ пунктѣ, однако же, сильно отстала отъ нея. Я говорю о томъ «храбромъ сословіи», «необходимость» котораго Гегель старается оправдать. Между тѣмъ, въ то время Гегель имѣлъ уже возможность видѣть въ прусскомъ войскѣ «вооруженный народъ» и дожилъ до того времени, когда, по его же собственнымъ словамъ, «долгъ призывалъ всѣхъ гражданъ государства къ его защитѣ».

Теорія Гегеля, какъ и всякое реалистическое воззрѣніе на государство, должна была считаться съ двоякаго рода элементами: авторитетомъ и свободой, общимъ и частнымъ. Соединеніе ихъ было его задачею и его цѣлью, и весь вопросъ заключается въ томъ, насколько ему удалось согласовать и объединить то и другое. Что соединеніе этихъ противоположныхъ элементовъ не вполнѣ удалось Гегелю (да и кому оно, впрочемъ, удавалось въ теоріи или на практикѣ?)—это видно уже изъ распаденія его школы на два направленія, на консервативно-реакціонное и радикально-революціонное. (о нихъ мы поговоримъ подробнѣе и съ иной точки зрѣнія при изложеніи слѣдующаго періода). Эти два направленія можно бы было назвать партіей дѣйствительнаго и историческаго съ одной стороны и партіей разумнаго и философскаго—съ другой. Въ ожиданіи будущихъ разногласій, однако же, философія права доставила въ 20-хъ годахъ своему творцу честь считаться прусскимъ (его противники прибавляли въ насмѣшку: королевско-прусскимъ) государственнымъ философомъ. У ногъ его въ Берлинѣ рядомъ со студентами сидѣли и высшіе государственные сановники и офицеры. Чтобы получить какую-либо должность, особенно въ университетахъ, при министрѣ Альтенштейнѣ и его докладчикѣ Шульце, другѣ Гегеля, было недурной рекомендаціей сдѣлаться приверженцемъ гегелевской философіи. Это, въ свою очередь, увеличивало могущество Гегеля и его «школы» въ узкомъ смыслѣ этого слова. Это былъ первый крупный примѣръ того кумовства, которое съ той поры постоянно все болѣе и болѣе развивалось въ ученыхъ кругахъ XIX-го столѣтія. Эта роль «школы» лучше всего доказывается дисциплинарнымъ наказаніемъ философа Бенеке. Здѣсь источникъ и того отвращенія, которое Шопенгауеръ питалъ къ «профессорамъ философіи». Своего рода местью за это были его безчисленныя инвективы по адресу «шарлатана» Гегеля и его «философскаго издѣвательства».

Не можемъ и мы отрицать того, что въ гегелевской философіи, съ трехтактнымъ ритмомъ ея метода, очень много схоластики и форма-

лизма. Благодаря легкости примѣненія гегелевскаго метода, онъ охотно усвоивался нефилософскими и лишенными творчества умами; у нихъ онъ терялъ содержаніе и переставалъ подталкивать мысль, превращаясь въ пустую фразу, въ трескучій жаргонъ. Но надо, съ другой стороны, признать и то, что изъ за этой внѣшности, которою удовлетворялись профаны, слишкомъ часто забывались самыя идеи и духъ гегелевской философіи и поэтому черезчуръ поспѣшно ее объявляли отжившей. Нѣчто живое и жизненное заключалось уже въ самомъ этомъ методѣ, съ его тремя моментами, отвлеченнымъ, діалектическимъ и спекулятивнымъ. Въ качествѣ отвлеченнаго, мышленіе исходитъ, по Гегелю, изъ закона тожества; оно твердо придерживается разъ опредѣленнаго даннаго содержанія и думаетъ, что можетъ навсегда имъ ограничиться. Однако такой окончательной остановки на чемъ-нибудь не бываетъ; то, что считалось твердо опредѣленнымъ, превращается въ неопредѣленное, и такимъ образомъ тожество превращается въ противорѣчіе, болѣе глубокое и близкое къ истинѣ, чѣмъ первоначальное тожество. Такое противорѣчіе не только отрицательно, оно не только есть нѣчто, чего не должно быть. Оно также есть и начало всякаго движенія; движеніе и есть, въ сущности, продуктъ неразрѣшеннаго противорѣчія. Жало отрицанія становится, такимъ образомъ, пружиной всякаго прогресса и всякаго движенія. И итогъ отрицанія—не отрицательный; изъ положенія и противоположенія вытекаетъ третій «спекулятивный» моментъ, представляющій собою нѣчто высшее, чѣмъ первичное положеніе. Отрицаніе во второмъ моментѣ было *опредѣленнымъ* отрицаніемъ; это опредѣленное содержаніе его и становится теперь новымъ понятіемъ, которое богаче предъидущаго. Въ самомъ дѣлѣ, новое понятіе заключаетъ въ себѣ и это первоначальное понятіе, которое отрицалось, и содержаніе самаго отрицанія. Такимъ образомъ, оно является высшимъ единствомъ обоихъ. Такъ, «существованіе» и «несуществованіе» сливаются въ болѣе богатомъ по содержанію понятіи «возникновенія», «развитія». Что въ этомъ процессѣ самое главное—отрицаніе, противорѣчіе,—это Гегель подчеркиваетъ, называя этимъ именемъ весь процессъ: это—«діалектическій» методъ. Но для Гегеля мысль и міръ совпадаютъ: такимъ образомъ, этотъ методъ мышленія и логики соотвѣтствуетъ въ то же время и ходу самыхъ вещей; онъ тожественъ съ реальнымъ процессомъ. Мыслящій субъектъ есть не болѣе, какъ зритель, который своею мыслью идетъ рука объ руку съ этимъ объективнымъ процессомъ, съ этимъ реальнымъ развитіемъ. Но это возможно только при томъ условіи, если и самъ объективный міръ разуменъ, если онъ самъ есть разумъ. Въ этой идеѣ и заключается объективный идеализмъ и панлогизмъ гегелевской философіи; логика для нея есть ученіе о міротворящемъ Словѣ, о Богѣ, прежде чѣмъ Онъ становится природою. Такимъ образомъ, Гегель пришелъ къ идеѣ *развитія*, которая должна быть затѣмъ проведена по всѣмъ областямъ природы и духа. Но къ природѣ у него было мало интереса; поэтому онъ отказывается отъ мысли понять и объяснить все богатство ея разнообразныхъ формъ. Онъ не видитъ въ нихъ никакой внутренней необходимости и считаетъ случайными.

Въ этомъ случайномъ характерѣ продуктовъ природы онъ видитъ, далѣе, признакъ безсилія духа на этой ступени его развитія. Но тѣмъ плодотворнѣе примѣняетъ Гегель свой методъ въ той области, гдѣ духъ становится самъ собою и начинаетъ создавать свои собственные продукты. Признавъ и научивъ понимать огромное значеніе духовныхъ

силъ государства и права, науки и искусства, нравственности и религіи, прослѣдивъ ихъ развитіе, и указавъ ихъ историческое значеніе для жизни всего человѣчества и каждой отдѣльной личности, Гегель обогатилъ нашъ вѣкъ такою массой идей, какъ ни одинъ философъ ни до, ни послѣ него; въ этомъ отношеніи онъ стоитъ даже выше Канта. Намъ это незамѣтно потому, что система Гегеля, какъ «система»—болѣе всѣхъ другихъ системъ устарѣла и распалась. Но, какъ извѣстно, «все, что хочетъ воскреснуть въ жизни, должно погибнуть, какъ школа». Когда система была разбита въ куски, то гигантскій духъ, въ ней жившій, освободился и перешелъ въ общее сознаніе эпохи.

Итакъ, мы познакомились съ тѣмъ, что было сдѣлано Гегелемъ для философіи права, благодаря его геніальному пониманію сущности государства. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы увидимъ, какое значеніе имѣетъ его философія для богословія и науки о религіяхъ, и какъ Гегель господствуетъ надъ всею литературною производительностью слѣдующаго десятилѣтія; въ эстетикѣ достаточно вспомнить хотя бы Фр. Т. Фишера. Но только тогда мы сможемъ понять, какую услугу Гегель оказалъ исторической наукѣ своей философіей исторіи, когда схлынетъ волна всевозможныхъ «историческихъ коммиссій» и мѣстныхъ историческихъ ферейновъ. Тогда станетъ ясно всѣмъ, насколько важнѣе всѣхъ этихъ мелкихъ кротовыхъ кучекъ, наваленныхъ усердіемъ ученыхъ ремесленниковъ, изученіе той могучей горной цѣпи, которая собственно и называется исторіей. И если мы, наконецъ, вспомнимъ, что научный соціализмъ нашихъ дней борется оружіемъ, выкованнымъ ему гегелевской діалектикой и гегелевскимъ пониманіемъ исторіи, то намъ придется окончательно отказаться отъ басни о реакціонерствѣ Гегеля. Мы можемъ только изумляться разносторонности и широтѣ его вліянія.

Наука о языкѣ.

Дальнѣйшія судьбы гегелевской философіи, а именно расколъ внутри школы, благодаря которому ея духъ, связанный школьнымъ формализмомъ, получилъ свободу, а также распаденіе школы и гибель системы—все это относится уже къ слѣдующему періоду. Но уже теперь мы обязаны упомянуть о томъ, что ученіе Гегеля и для своего времени не было единственнымъ ученіемъ о духѣ и о его объективныхъ проявленіяхъ, и что не одно оно дало толчокъ наукѣ о духѣ. Неогуманизмъ и романтизмъ были корнями его остроумной системы, и оба они, независимо отъ Гегеля и задолго до эпохи его наибольшаго вліянія, стремились научнымъ образомъ понять и исторически изслѣдовать какъ право, такъ и еще одну изъ формъ и созданій человѣческаго духа,—*языкъ*. Именно въ рукахъ неогуманистовъ классическая филологія достигла новаго расцвѣта, а романтизмъ далъ начало новой отрасли языковѣдѣнія—германистикѣ. Классическую филологію понимаютъ, при этомъ, какъ часть археологіи, а германистика опирается на исторію нѣмецкой литературы, включая, впрочемъ, въ себя, по идеѣ Якова Гримма, и работу историка, и задачи юриста.

Шире и глубже всѣхъ подходитъ къ дѣлу Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ. Онъ всегда и вездѣ стремился къ цѣлому, хотѣлъ быть причастнымъ ко всему, что составляетъ достояніе всего человѣчества. Вотъ почему и въ мужчинѣ, и въ женщинѣ, и въ грекахъ, и въ нѣмцахъ онъ искалъ человѣка. Въ началѣ столѣтія его лингвистическій интересъ былъ возбужденъ особымъ складомъ языка басковъ, обита-

телей Пиринеевъ; это и опредѣлило направленіе его научныхъ занятій. Но это не значило, чтобы онъ отказался отъ своего плана изученія человѣка вообще, или хотя бы съузилъ этотъ планъ. При помощи языка проникнуть въ пониманіе народности—это и былъ для него настоящій путь, который долженъ былъ привести его къ пониманію цѣлаго. Становясь изслѣдователемъ языка, онъ именно и дѣлался изслѣдователемъ человѣка. Благодаря своему брату, онъ познакомился съ американскими нарѣчіями; санскритъ и въ его жизни составилъ эпоху; такимъ образомъ онъ сдѣлался знатокомъ языковѣдѣнія. Правда, его ученые труды—я не говорю его знанія—носятъ всегда отпечатокъ дилеттантизма: онъ пишетъ, какъ грансеньеръ (этимъ онъ напоминаетъ Бэкона и его, конечно, своеобразную, grandeur), точно бесѣдуя съ собой самимъ, не заботясь о томъ, чтобы пригнать свои мысли къ общему зданію своей науки. Но, какъ изслѣдователя, лингвисты ставятъ Гумбольдта весьма высоко. При этомъ въ немъ всегда виденъ былъ философъ; и дѣйствительно, вопросы языка приходится трактовать философски. Не даромъ языкъ стоитъ на рубежѣ двухъ міровъ, внутренняго—психологическаго и внѣшняго—физіологическаго, совмѣщая въ себѣ одновременно явленія какъ природы, такъ и духа. Именно, удачнымъ совмѣщеніемъ строго-эмпирической обработки съ философской отличается лучшій изъ многочисленныхъ лингвистическихъ трудовъ, Гумбольдта, и съ внѣшней стороны наиболѣе законченный: его изслѣдованіе о «различіи въ строеніи человѣческаго языка и о вліяніи этого различія на духовное развитіе человѣчества». Все, что говорится здѣсь Гумбольдтомъ о началѣ, заложенномъ въ духовную природу человѣка, о роли языка, какъ посредника между двумя сторонами человѣческой природы, о звуковой системѣ, о внутреннемъ строеніи языка и о классификаціи языковъ—почти все это и до сихъ поръ сохраняетъ еще значеніе. Гумбольдтъ повсюду является здѣсь счастливымъ преемникомъ Гердера: богатый мыслями, чуткій, свободно проникающій и въ ширь, и въ глубь, подобно Гердеру,—онъ превосходитъ его ясностью своихъ мыслей, и особенно—удивительною глубиною положительныхъ знаній. И его мысли о языкѣ,—который онъ нѣкогда назвалъ дыханіемъ и душою народа,—являются у него тоже своего рода «идеями, могущими служить для философіи исторіи человѣчества» *).

Для Гумбольдта, какъ и для многихъ другихъ, Августъ-Фридрихъ Вольфъ послужилъ руководителемъ, введшимъ ихъ въ умственное движеніе неогуманизма. Но разъ введенный, Гумбольдтъ въ свою очередь далъ движенію много тонкихъ и глубокихъ импульсовъ; ему обязанъ неогуманизмъ своей философской и эстетической подкладкой. Въ своемъ сочиненіи «Опредѣленіе понятія, объема, цѣли и значенія археологіи», вышедшемъ въ 1807 году, Вольфъ помѣстилъ нѣкоторые отрывки изъ очерка Гумбольдта о грекахъ. Это сочиненіе послужило поводомъ къ появленію «Музея археологіи»,—изданія, предпринятаго имъ вмѣстѣ съ Бутманномъ и посвященнаго «знатоку и изобразителю греческаго духа»—Гете. Новѣйшая археологія доказывала свои права на существованіе самобытностью и своеобразіемъ грековъ и римлянъ, духовное творчество которыхъ должно было служить ей предметомъ. Въ ея программѣ значилась, такимъ образомъ, вся совокупность знаній и свѣдѣній, знакомящихъ насъ съ событіями, состояніями и судьбами,

*) Такъ называлось философско-историческое сочиненіе Гердера, упоминавшееся выше, см. стр. .

съ культурой, языкомъ, нравственностью, религіей, искусствами и науками, съ національнымъ характеромъ и образомъ мыслей грековъ и римлянъ. Всѣ эти знанія мы получаемъ прежде всего черезъ посредство уцѣлѣвшихъ остатковъ ихъ языка, а также и изъ другихъ памятниковъ, на камнѣ или на мѣди. Итакъ, цѣлью новой науки было «знакомство съ древнѣйшимъ человѣчествомъ, поскольку оно получается изъ наблюденій надъ его органически развившимся національнымъ складомъ, на основаніи сохранившихся древнихъ памятниковъ». Значеніе же этой науки должно было заключаться въ содѣйствіи истинно-человѣческому образованію и приведенію всѣхъ душевныхъ и умственныхъ силъ въ одну прекрасную гармонію духовнаго и тѣлеснаго человѣка». Почти то же было уже раньше высказано Гердеромъ, къ которому Вольфъ такъ презрительно отнесся. Но на этотъ разъ, въ устахъ корифея науки, такъ много сдѣлавшаго для этой науки о «древнемъ человѣчествѣ»,—тѣ же слова звучали несравненно яснѣе и авторитетнѣе.

При основаніи берлинскаго университета Вольфъ былъ приглашенъ въ качествѣ одного изъ главныхъ украшеній новой высшей школы. Но его лучшія времена уже миновали. «Сильно облѣнившійся», онъ держался въ сторонѣ и болѣе брюзжалъ, чѣмъ дѣлалъ дѣло. Но то, что было имъ начато въ Галле, продолжалось въ его духѣ учениками его: Гейндорфомъ, Беккеромъ и Бёкомъ въ Берлинѣ. Послѣдній особенно вѣрно понялъ историческую задачу филологіи и энергично проводилъ это пониманіе въ своемъ большомъ сочиненіи «О государственномъ хозяйствѣ аѳинянъ», въ которомъ онъ набрасываетъ широкую и наглядную картину экономической жизни «величайшаго и благороднѣйшаго изо всѣхъ эллинскихъ государствъ». Ставъ, благодаря этому сочиненію, во главѣ спеціалистовъ-филологовъ, онъ столкнулся съ Готфридомъ Германномъ. Послѣдній былъ тоже филологомъ-неогуманистомъ; но у него на первомъ планѣ при изученіи «древностей» стоялъ языкъ, такъ что противники его имѣли основаніе упрекать его въ пренебреженіи реальной стороной археологіи и въ книжной «учености»: грамматика и метрика сдѣлались его излюбленной спеціальностью. Но при этомъ, однако, у него не было недостатка въ тепломъ чувствѣ восторга передъ древними, и учрежденное имъ въ Лейпцигѣ «греческое общество» характеризуетъ его, какъ одного изъ передовыхъ бойцовъ и горячихъ поклонниковъ греческой древности. Онъ только умѣлъ сохранить при этомъ методологическій критицизмъ, воспитанный на Кантѣ и на толкованіи древнихъ писателей, и, въ противоположность всѣмъ увлеченіямъ неогуманизма, всегда отличался холодной разсудочностью.

Бёкъ посвятилъ свое сочиненіе о государственномъ хозяйствѣ аѳинянъ Нибуру, «остроумному и горячему знатоку древности». Дѣйствительно, ученая работа Нибура тоже была посвящена изслѣдованію «древняго человѣчества». Но Нибуръ, кромѣ этого, былъ еще политикомъ и прусскимъ патріотомъ, крупной личностью и человѣкомъ съ извѣстнымъ нравственнымъ закаломъ. Ненависть къ Наполеону дала ему поводъ перевести первую филиппику Демосѳена, съ цѣлью предостеречь современниковъ противъ этого второго Филиппа, болѣе грознаго, чѣмъ первый. Такъ какъ государственныя и политическія идеи не оставляли его и среди научной работы, то по необходимости онъ сдѣлался изъ филолога историкомъ. И выборъ римлянъ для спеціальнаго изслѣдованія тоже подсказывался интересами его времени: ни одинъ народъ не могъ дать нѣмцамъ болѣе нагляднаго урока госу-

*

дарственности, чѣмъ римляне, величайшія заслуги которыхъ относятся, въ противоположность грекамъ, къ области политики и государственнаго быта. Такъ произошла «Римская исторія» Нибура, первый томъ которой появился въ 1811 году. Вольфъ смотрѣлъ на исторію, «какъ на вспомогательную науку для толкованія писателей»; у Нибура это отношеніе перевернулось. Выше всего онъ ставитъ не источники, а ту картину дѣйствительности, которая получается изъ нихъ, благодаря его вѣрному историческому взгляду, его мѣткому сужденію, изощренному политической дѣятельностью,—благодаря, наконецъ, его воображенію, сдерживаемому и направляемому разумомъ. Такъ онъ и опредѣляетъ свою задачу въ предисловіи къ первому тому своей римской исторіи. «Римская исторія первыхъ четырехъ столѣтій признана сомнительною и поддѣланной. Но было бы глупо по этой причинѣ упрекать Ливія въ томъ, что онъ, несмотря это, изобразилъ ее, за нѣкоторыми исключеніями, какъ истинную исторію. Высокое достоинство его разсказа служитъ ему оправданіемъ; въ этомъ отношеніи было совершенно правильно сравнить его съ Геродотомъ. Но мы другого мнѣнія объ исторіи, у насъ другія требованія; и мы или не должны вовсе браться за древнѣйшую исторію Рима, или же должны предпринять совершенно иную работу, а не простой, заранѣе обреченный на неудачу пересказъ того, что римскій историкъ возвелъ въ историческую догму. Мы должны стараться различать, по возможности, вымыселъ и поддѣлку и напрягать наше зрѣніе, чтобы распознавать правдивыя черты подъ всѣми слоями искаженій. Такое устраненіе вымысла и разрушеніе обмана можетъ удовлетворить критика; онъ хочетъ только разоблачить мнимую исторію и довольствуется тѣмъ, что высказываетъ отдѣльныя догадки, оставляя большую часть цѣлаго лежать въ развалинахъ. Но историку нужно нѣчто положительное; онъ долженъ отыскать, по крайней мѣрѣ, вѣроятную связь событій и дать болѣе правдоподобный разсказъ въ замѣну того, что принесено имъ въ жертву своему убѣжденію». Едва ли могъ кто-либо лучше оцѣнить все значеніе Нибура для исторіи, чѣмъ это сдѣлалъ его преемникъ по обработкѣ древней римской исторіи—Швеглеръ. Безъ малѣйшей зависти онъ признаетъ, что «произведеніе Нибура сообщило совершенно новый характеръ изложенію древней исторіи, дало болѣе высокій идеалъ того, какъ должно писать исторію, и осуществило этотъ идеалъ на собственномъ примѣрѣ, произведя тѣмъ самымъ огромный переворотъ во всѣхъ изслѣдованіяхъ римской древности». О томъ, насколько велико было вліяніе Нибура за предѣлами «науки о древности», свидѣтельствуютъ слова Гете, сказанныя имъ по смерти Нибура: «глубокій умъ и трудолюбіе—вотъ что особенно назидательно для насъ въ этомъ человѣкѣ. Всѣ аграрные законы вмѣстѣ нисколько меня не интересуютъ, но то, какъ онъ ихъ толкуетъ, какъ онъ уясняетъ мнѣ самыя запутанныя обстоятельства,—вотъ что поощряетъ меня, что возлагаетъ на меня обязанность во всѣхъ моихъ собственныхъ предпріятіяхъ дѣйствовать съ такою же добросовѣстностью».

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще и о томъ, что романтизмъ тоже имѣлъ вліяніе на классическую филологію—въ Гейдельбергѣ, гдѣ Георгъ-Фридрихъ Крейцеръ искалъ въ немъ ключа къ своимъ многочисленнымъ изслѣдованіямъ. Его «Символика и миѳологія древнихъ и преимущественно грековъ» показала, правда, что это путь ложный. По мѣткому выраженію Роде, Крейцеръ «принималъ за настоящее жизненное начало древнѣйшей религіи какъ разъ то самое (именно фантастиче-

скую, полуфилософскую игру понятіями, полусознательно обнаруживавшуюся въ туманныхъ символахъ), что на самомъ дѣлѣ лишь позднѣе вошло въ древнюю религію, особенно въ греческую, и послужило въ ней зародышемъ смерти. Подобная ошибка была возможна лишь благодаря тому, что складъ его образованія и его направленіе сильно мѣшали широкому пониманію историческаго развитія, дѣлая невозможнымъ для него правильное и безпристрастное сужденіе о фактахъ дѣйствительности», другими словами, потому, что онъ былъ черезчуръ романтикъ.

Если въ этомъ случаѣ романтизмъ помѣшалъ работѣ ученаго, то, наоборотъ, область германской филологіи была не только обогащена, но и прямо основана и создана романтизмомъ, какъ наука. Преклоненіе передъ средними вѣками, стремленіе «защитить» ихъ и прославить внушили изслѣдователямъ германской старины интересъ къ старой германской художественной школѣ, къ развитію германскаго права и къ изученію средневѣковой поэзіи. Предшественникомъ и въ этомъ отношеніи былъ Гердеръ, а на пѣснь о Нибелунгахъ указывалъ уже историкъ Іоганнъ фонъ-Мюллеръ. Теперь первый принялся за народную поэзію Тикъ и началъ подновлять пѣсни миннезенгеровъ швабскаго періода. Но главное дѣло сдѣлалъ Августъ-Вильгельмъ Шлегель, который въ своихъ берлинскихъ лекціяхъ указалъ средневѣковой поэзіи ея мѣсто въ исторіи всемірной литературы и провелъ параллель между пѣснью о Нибелунгахъ, какъ чудомъ естественности и вмѣстѣ съ тѣмъ величайшимъ произведеніемъ искусства, и поэмами Гомера. По истинѣ пророческій характеръ носятъ слѣдующія его слова: «если вообще можно ожидать еще обновленія нашей народной миѳологіи, то изъ одной этой эпической трагедіи можно создать множество драмъ меньшаго размѣра; проблуждавъ столько времени по всѣмъ частямъ свѣта, мы должны попытаться, наконецъ, извлечь пользу изъ нашей родной поэзіи». Подъ вліяніемъ этихъ лекцій Гагенъ рѣшился на изданіе пѣсни о Нибелунгахъ.

Еще дальше пошли въ томъ же направленіи гейдельбергскіе романтики, среди которыхъ Арнимъ и Брентано издавали «Чудесный рогъ мальчика», а Іосифъ Гёрресъ—«Нѣмецкія народныя книги». За ними послѣдовали братья Гриммъ съ своимъ собраніемъ дѣтскихъ и народныхъ сказокъ и нѣмецкихъ легендъ. Но взглядъ и методъ этихъ писателей уже сильно измѣнились и далеко оставили за собою дилеттантизмъ первыхъ изданій и сборниковъ. Это отличіе отъ своихъ друзей-романтиковъ особенно ясно сознаетъ Яковъ Гриммъ въ слѣдующихъ словахъ, высказываемыхъ имъ по поводу «Чудеснаго рога мальчика»: «Выборъ, разумѣется, превосходенъ; связующая идея остроумна, появленіе этой книги въ публикѣ пріятно и желательно, но почему они не могутъ сдѣлать ничего иного, какъ компилировать и исправлять старыя вещи? Они не признаютъ точнаго историческаго изслѣдованія, не хотятъ оставить старое въ старомъ видѣ, а непремѣнно хотятъ пересадить его въ современность, къ которой оно уже болѣе не подходитъ и въ которой оно найдетъ сочувственный пріемъ лишь у небольшого круга любителей, тоже не особенно терпѣливыхъ. Подобно тому, какъ благородныя животныя чужихъ странъ не выносятъ безъ страданій перемѣны родной почвы на чужую и гибнутъ, такъ же трудно ожить и красотѣ древней поэзіи; ею можно наслаждаться во всей ея неприкосновенности только въ ея собственной исторической обстановкѣ. И братья Гриммъ, правда, тоже воскресили старыя сказки и

подарили своему народу книгу, которая сдѣлалась настоящей народной книгой и заслужила любовь старыхъ и малыхъ. Но братья Гриммъ, главнымъ образомъ, имѣли въ виду научную историческую цѣль; въ этомъ заключается и оправданіе ихъ «благоговѣнія передъ незначительными подробностями», въ которомъ, помимо ихъ вражды ко всему бьющему на эффектъ, сказывается добросовѣстность изслѣдователя, точность въ мелочахъ и вниманіе ко всему, хотя бы, повидимому, самому маловажному. Конечно, и они тоже отдали дань романтической доктринѣ, преувеличивъ значеніе слова «*народная* поэзія» и утверждая, что народная пѣсня складывается, такъ сказать, сама собою Но въ основѣ этого преувеличенія лежало, опять-таки, ихъ тонкое пониманіе народной души и ея безсознательной жизни и дѣятельности, чуткость къ содержанію сагъ и миѳовъ и къ поэзіи даже въ правѣ.

Но строгой научности достигла ихъ работа, а вмѣстѣ съ нею и германистика, только тогда, когда Яковъ Гриммъ своею нѣмецкою грамматикой положилъ прочную основу, на которой можно было строить дальше въ томъ же научномъ духѣ. Его книга посвящена Савиньи. Ту роль, которую Савиньи съигралъ въ изученіи права, Гриммъ хотѣлъ съиграть въ изслѣдованіи языка. Въ совершенно романтическомъ духѣ Гриммъ говоритъ въ предисловіи, что языкъ, «подобно всему, что естественно и нравственно, есть никому невѣдомая тайна, которая, вселяясь въ человѣка въ дѣтствѣ, настраиваетъ его органы рѣчи на родные тоны, даетъ мягкость или жесткость произношенію, пріучаетъ къ извѣстнымъ оборотамъ и переходамъ звуковъ. На этихъ безсознательныхъ привычкахъ основывается то непобѣдимое чувство тоски по родинѣ, которое охватываетъ человѣка, когда ему случается услыхать на чужой сторонѣ родной языкъ или родное нарѣчіе». Онъ возстаетъ въ этой книгѣ противъ нелѣпаго педантизма, настаивающаго на подробномъ изученіи въ нѣмецкихъ школахъ нѣмецкой грамматики, а также и противъ насильственнаго очищенія языка пуристами, которые хотятъ до послѣдней крупинки изгнать изъ нѣмецкаго языка все мало-мальски ему чужое и искусственно увеличить его лексическое богатство и благозвучіе. Равнымъ образомъ онъ возстаетъ какъ противъ философскаго, такъ и противъ критическаго направленія въ изученіи языка. Этимъ направленіямъ онъ противополагаетъ свой собственный планъ—составить историческую грамматику нѣмецкаго языка: «Слѣды старины, которые до сихъ поръ сохраняются въ нашемъ языкѣ, какъ какіе-то обломки и окаменѣлости, становились мнѣ понятными, и переходъ отъ стараго къ новому уяснялся мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ мнѣ удавалось новое связать съ средневѣковымъ, а средневѣковое съ древнѣйшимъ. Но вмѣстѣ съ этимъ обнаруживались поразительныя сходства между родственными нарѣчіями и обнаруживались совершенно незамѣченныя никѣмъ отношенія ихъ другъ къ другу—во взаимныхъ отклоненіяхъ и несходствахъ. Итакъ, задача заключалась въ томъ, чтобы тщательно изслѣдовать и изобразить во всѣхъ подробностяхъ эту непрерывную связь явленій въ исторіи языка; ибо развитіе языка медленно, но непрерывно, какъ развитіе природы; остановиться оно никогда не можетъ, а тѣмъ менѣе можетъ пойти назадъ». Въ такомъ духѣ выдержано все сочиненіе Гримма, проводящее ту мысль, что и въ грамматикѣ также «должна быть признана цѣльность и необходимость историческаго процесса». Этимъ онъ дѣйствительно проложилъ путь къ изученію нашей германской древности и положилъ основаніе науки о ней.

И вотъ, дружно началась огромная и плодотворная работа герма-

нистовъ, которою наполнено все наше столѣтіе. Въ самомъ началѣ къ ней подоспѣла на помощь классическая филологія, изъ которой Лахманнъ заимствовалъ ея выучку и методъ—для критики и толкованія германскихъ текстовъ. Все, чему училъ Вольфъ о греческомъ эпосѣ въ своихъ «Пролегоменахъ къ Гомеру», было перенесено Лахманномъ на пѣснь о Нибелунгахъ. Уже А. В. Шлегель, ссылаясь на Вольфа, утверждалъ, что это произведеніе не по силамъ одному человѣку и признавалъ его продуктомъ совмѣстныхъ усилій цѣлаго поколѣнія. Лахманнъ постарался теперь доказать, что пѣснь о Нибелунгахъ произошла изъ соединенія въ одно цѣлое отдѣльныхъ пѣсенъ и что слѣды этого соединенія сохранились въ памятникѣ; онъ считалъ даже возможнымъ высвободить эти пѣсни изъ общей связи и возстановить ихъ въ ихъ первоначальномъ видѣ. Въ послѣднемъ онъ безусловно ошибался, въ первомъ предположеніи тоже едва ли былъ правъ; но это нисколько не уменьшаетъ его заслуги въ установленіи текста и въ критикѣ пѣсни о Нибелунгахъ, а также и другихъ выдающихся произведеній средневѣковой литературы; прочнымъ пріобрѣтеніемъ науки остался также и строго научный филологическій методъ, которымъ Лахманнъ пользовался въ своихъ работахъ. Надо прибавить, что среди германистовъ никогда не было недостатка и въ поэтахъ, которые со строгимъ методомъ соединяли врожденное пониманіе творческаго духа своего народа; стоитъ только назвать хотя бы имена Уланда и Гофманна-фонъ-Фаллерслебена. Но это лишь сохранило германистикѣ ея свѣжесть и тѣсную связь съ народомъ и образованной публикой. Заслуга германистовъ заключается въ крупномъ вкладѣ въ народное сознаніе, которое они развили въ своихъ ученикахъ, а черезъ нихъ и въ образованномъ юношествѣ, сдѣлавъ предметомъ своего изученія все выдающееся и прекрасное, что только можно было найти съ нѣмецкомъ языкѣ и поэзіи.

Пригодился языковѣдѣнію и тотъ космополитическій духъ романтизма, который вложенъ былъ въ него Гердеромъ. Фридрихъ Шлегель обратилъ въ Парижѣ вниманіе на индійскій языкъ и своимъ небольшимъ сочиненіемъ «о языкѣ и мудрости индусовъ» далъ толчекъ къ изученію въ Германіи санскрита, родство котораго съ другими индогерманскими языками онъ очень вѣрно угадалъ, хотя и очень дилеттантски доказывалъ. Братъ его Августъ-Вильгельмъ Шлегель послѣдовалъ за нимъ по этому новому пути. Францъ Боппъ еще раньше приложилъ свой строгій методъ изученія къ санскритской грамматикѣ и сдѣлался такимъ образомъ основателемъ новой отрасли науки,—общаго сравнительнаго языковѣдѣнія. На связь между всѣми этими изслѣдованіями и германистикой указалъ уже Яковъ Гриммъ.

Тотъ же универсализмъ романтическаго движенія получилъ свое поэтическое освященіе въ гётевскомъ westöstlicher Divan, а свое теоретическое обоснованіе—во всеобъемлющей системѣ Гегеля и въ его философіи исторіи.

На этомъ мы разстанемся съ первымъ періодомъ нѣмецкой духовной жизни. Многое изъ того, о чемъ здѣсь говорилось, выполняется и заканчивается только въ позднѣйшее время, и, наоборотъ, начало другихъ явленій относится къ 20-мъ годамъ или къ еще болѣе раннему времени. Но такъ какъ направленіе и ихъ характеръ яснѣе обнаруживаются только въ дальнѣйшемъ развитіи, то мы отнесемъ ихъ къ позднѣйшему времени и обратимся теперь къ слѣдующему періоду, хотя и не можемъ считать окончательно исчерпаннымъ содержаніе этого перваго.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Молодая Германія.

Іюльская революція.

Предо мною лежитъ фотографія съ портрета Карла Бегаса изъ временъ, непосредственно слѣдующихъ за освободительными войнами. Я обязанъ имъ любезности директора Валльрафскаго музея въ Кёльнѣ. Это фамильный портретъ. Отецъ и мать родились еще въ XVIII столѣтіи; это люди съ трезвой головой и дѣльные въ практическомъ отношеніи. Я не рѣшаюсь утверждать, скрывается ли въ этой энергичной, строгой мужской фигурѣ просвѣщенный семейный деспотизмъ, или отчасти категорическій императивъ Канта. Двѣ старшія дочери читали Шиллера и Гёте, надо думать—больше Шиллера; во всякомъ случаѣ одна изъ нихъ бредитъ Теклой и поетъ подъ аккомпаниментъ лютни «жалобу дѣвушки», не проникаясь, однако, слишкомъ сантиментальною скорбью этой дѣвицы. Болѣе современна—третья дочь, она набожна и серьезна,—таково было то время, когда впервые пробудилосьея сознаніе. Зато оба юноши со своими свѣжими лицами и открытыми шеями вполнѣ сроднились съ новой эпохой «тевтонскаго» юношества, съ его воодушевленіемъ идеями отечества и свободы. Они обѣщаютъ сдѣлаться бравыми членами студенческаго союза, (Bursch enschaft), если онъ до тѣхъ поръ не погибнетъ. Надо всѣмъ паритъ духъ спокойнаго довольства, дѣятельнаго труда, честной жизни. Эти люди такъ же просты, какъ ихъ одежда; по духу, эта семья такъ же непритязательна и гармонична, какъ убранство ихъ комнатъ.

Такова была вообще Германія послѣ освободительныхъ войнъ,—полная внутренней дѣятельности и силы, исполненная довольства тѣмъ хорошимъ и прекраснымъ, что уже создалъ нѣмецкій духъ, и тѣмъ, чего онъ ожидалъ и добивался въ будущемъ. Но нѣмецкія правительства не умѣли справиться съ этимъ народомъ, привели его къ оппозиціи и, наконецъ, революціи. Этотъ переворотъ намъ предстоитъ изобразить. Давно подготовлявшееся къ нему общественное настроеніе, тѣмъ не менѣе, и какъ бы разомъ: суетливость и безпокойствіе, броженіе и критика, смѣлая острота и ядовитая сатира проявляются всюду и во всѣхъ формахъ.

Сигналомъ къ этому является іюльская революція во Франціи, пламя которой уже теперь угрожаетъ вторгнуться въ Германію, подобно тому, какъ это, дѣйствительно, случилось 18 лѣтъ спустя, во время февральской революціи. Но для этого почва еще не была подготовлена.

Извѣстно, какъ равнодушенъ оставался къ революціи 81-лѣтній Гёте, никогда, правда, не интересовавшійся политикой. Когда Экерманъ пришелъ къ нему 2-го августа, онъ воскликнулъ:—«ну что вы думаете объ этомъ событіи? Изверженіе Вулкана началось; все въ пламени». Но подъ этимъ онъ понималъ не революцію и не изверженіе Бурбоновъ, а «совсѣмъ другія вещи.—Я говорю о возникшемъ въ академіи спорѣ, столь важномъ для науки, между Кювье и Сентъ-Илеромъ». Въ немъ онъ видѣлъ побѣду синтетическаго способа изслѣдованія природы надъ аналитическимъ, побѣду духа надъ матеріей, и это ему представлялось болѣе важнымъ, чѣмъ вся политика. У другихъ болѣе политическихъ натуръ, какъ Гегель и Нибуръ, напротивъ, впечатлѣніе было велико, но несомнѣнно ужасно. Первый пишетъ въ декабрѣ

ЭРНСТЪ ГЕККЕЛЬ.
ПРОФЕССОРЪ УНИВЕРСИТЕТА ВЪ IЕНѢ.

ТРАНСФОРМИЗМЪ И ДАРВИНИЗМЪ.

ПОПУЛЯРНОЕ ИЗЛОЖЕНIЕ

ОБЩАГО УЧЕНIЯ О РАЗВИТIИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ДЕВЯТАГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНIЯ

В. ВИХЕРСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1900.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предисловіе къ русскому изданію.

Въ числѣ послѣдователей Дарвина знаменитый іенскій профессоръ, Эрнстъ Геккель безспорно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Будучи его современникомъ, онъ участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ разработкѣ ученія о развитіи, и поэтому является не только послѣдователемъ Дарвина, но отчасти и самостоятельнымъ творцомъ тѣхъ идей, которыя въ совокупности составляютъ «дарвинизмъ». Теорія развитія послужила въ его рукахъ средствомъ для выясненія родственныхъ отношеній различныхъ группъ міра животныхъ и растеній. Еще за пять лѣтъ до опубликованія Дарвиномъ его сочиненія «О происхожденіи человѣка» Геккель въ своей «Общей морфологіи» распространилъ идеи Дарвина на развитіе человѣка. Въ то же время онъ впервые точно опредѣлилъ близкую связь между развитіемъ видовъ въ ряду поколѣній и развитіемъ зародыша, доказавъ при этомъ, что развивающійся зародышъ повторяетъ исторію развитія всѣхъ его предковъ. Эта глубокая мысль сдѣлалась предметомъ горячихъ споровъ и открыла новое обширное поле для изслѣдованій индивидуальнаго развитія.

Пользуясь столь громкимъ именемъ въ наукѣ, онъ пріобрѣлъ не меньшую славу въ качествѣ первоклассного популяризатора. Ясность изложенія, широта научнаго взгляда въ связи съ философскимъ направленіемъ его мысли помогали ему проводить въ обширный кругъ общества то цѣльное реальное и научное міровоззрѣніе, которое онъ справедливо считаетъ величайшимъ умственнымъ завоеваніемъ настоящаго вѣка.

Предлагаемый читателю русскій переводъ его лекцій, читанныхъ имъ въ 1867—1868 г., сдѣланъ съ девятаго, значительно измѣненнаго имъ нѣмецкаго изданія, вышедшаго въ 1898 году, и содержитъ общую часть его «Естественной исторіи созданія», которая принадлежитъ къ числу классическихъ произведеній научно-популярной литературы.

ПРИРОДА.

«По вѣчнымъ, великимъ,
Могучимъ законамъ
Всѣ мы проходимъ
Нашъ жизненный путь».

Гёте.

Природа! Мы окружены и объяты ею—мы не въ силахъ ни уйти отъ нея, ни глубже проникнуть въ нее. Безъ просьбъ и предупрежденій она увлекаетъ насъ въ вихрь своей пляски и несется съ нами въ даль до тѣхъ поръ, пока въ изнеможеніи мы не ускользнемъ изъ ея рукъ.

Вѣчно созидаетъ она новые образы; что есть теперь, того еще никогда не было прежде; что было, того никогда вновь не будетъ: все ново и всегда старо.

Ея вниманіе устремлено, повидимому, на индивидуальность, и все-таки индивидъ для нея—ничто. Вѣчно она строитъ, вѣчно разрушаетъ, и ея мастерская остается недоступной для насъ.

Она живетъ только въ своихъ дѣтяхъ; но сама мать, гдѣ она? Она—несравненная художница: исходя изъ простѣйшаго матеріала, она создаетъ величайшіе контрасты; безъ малѣйшаго утомленія она достигаетъ высочайшаго совершенства и строгой опредѣленности, всегда чѣмъ-нибудь смягченной. Всякое ея произведеніе имѣетъ свою собственную сущность, всякое ея явленіе свое собственное содержаніе, и однако все вмѣстѣ составляетъ единое цѣлое.

Въ ней вѣчная жизнь, возникновеніе и движеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ она остается все той же. Въ ней вѣчно происходитъ превращеніе, и ни на одинъ мигъ не наступаетъ покой. Она не знаетъ остановки, а покой заклеймила проклятіемъ. Она непоколебима: ея шаги размѣрены, исключенія рѣдки, законы неизмѣнны.

Она позволяетъ всякому ребенку представлять ее въ игрушкахъ, всякому глупцу судить о ней, тысячамъ проходить мимо и ничего не замѣчать, всѣмъ имъ она радуется, всѣ они чѣмъ-нибудь служатъ ей.

Ея законамъ повинуются даже тогда, когда имъ сопротивляются; за-одно съ ней идутъ даже при желаніи противодѣйствовать ей. Все, что она даетъ, обращаетъ въ благодѣяніе, такъ какъ все это дѣлается

сперва необходимымъ. Она такъ медлитъ, что ее страстно призываютъ; такъ спѣшитъ, что нельзя до пресыщенія насладиться ею.

Она не владѣетъ рѣчью, но творитъ сердца и языки, черезъ посредство которыхъ чувствуетъ и говоритъ. Ея вѣнецъ—любовь, только благодаря послѣдней можно стать къ ней ближе. Она кладетъ пропасть между всѣми существами и все желаетъ поглотить. Все она разъединяетъ, чтобы все вновь соединить. Два-три глотка изъ кубка любви она считаетъ достаточной наградой за трудъ цѣлой жизни.

Она все. Она сама себя награждаетъ и караетъ, радуетъ и терзаетъ. Она сурова и нѣжна, обаятельна и ужасна, безсильна и всемогуща. Въ ней все и всегда находится. Она не знаетъ ни прошедшаго, ни будущаго. Ея вѣчность—настоящее. Она добра. Я восхваляю ее со всѣми ея твореніями. У нея не исторгнутъ объясненій жизни, не вырвутъ никакого дара, если она не дастъ его добровольно. Она хитра но только ради блага, и лучше всего—не замѣчать ея хитрости.

Она совершенна, и тѣмъ не менѣе незакончена. Какъ она идетъ теперь, можетъ идти такъ вѣчно. Всякому она представляется въ новомъ видѣ. Она скрывается въ тысячахъ именъ и опредѣленій и всегда одна и та же. Она меня привела, она меня также и уведетъ. Я полагаюсь на нее. Пусть она дѣлаетъ со мной, что хочетъ; свое твореніе она вѣдь не станетъ ненавидѣть. Не я говорилъ о ней; нѣтъ, что вѣрно, что невѣрно, сказала она сама. Во всемъ ея вина, во всемъ ея заслуга.

Гёте (1780).

ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ.

Содержаніе и значеніе ученія о происхожденіи видовъ или теоріи измѣняемости.

Общее значеніе и главнѣйшее содержаніе преобразованнаго Дарвиномъ ученія о происхожденіи или теоріи измѣняемости видовъ. — Особенное значеніе ея для біологіи (зоологіи и ботаники).—Особенное значеніе ея для естественной исторіи развитія человѣческаго рода.— Ученіе о происхожденіи, какъ естественная исторія созданія.—Понятіе созданія.—Наука и мистицизмъ.—Исторія созданія и исторія развитія.—Связь между индивидуальной и палеонтологической исторіей развитія.— Ученіе о нецѣлесообразности или наука о рудиментарныхъ органахъ.—Безполезныя и лишнія сооруженія въ организмѣ.—Противопоставленіе двухъ глубоко различныхъ міровоззрѣній, монистическаго (механическаго, причиннаго) и дуалистическаго (телеологическаго, виталистическаго).—Обоснованіе перваго ученіемъ о происхожденіи.—Единство органической и неорганической природы и сходство дѣйствующихъ причинъ въ обѣихъ.—Рѣшающее значеніе ученія о происхожденіи для единаго (монистическаго) пониманія всей природы. — Монистическая философія.

Умственное движеніе, которому сорокъ лѣтъ тому назадъ далъ толчекъ англійскій естествоиспытатель Чарльзъ Дарвинъ своимъ знаменитымъ произведеніемъ «О происхожденіи видовъ», достигло въ этотъ короткій промежутокъ времени безпримѣрной глубины и развитія. Изложенная въ этомъ произведеніи естественно-научная теорія (короче, *дарвиновская теорія* или *дарвинизмъ*) составляетъ, однако, только часть гораздо болѣе обширной науки, именно, универсальнаго *ученія о развитіи*, неизмѣримое значеніе котораго простирается на всю область человѣческаго знанія. Однако, Дарвинъ столь убѣдительно обосновалъ ученіе о развитіи при помощи своей теоріи и необходимыми выводами послѣдней вызвалъ столь рѣшительный поворотъ во всемъ міровоззрѣніи человѣчества, что общее значеніе ея не можетъ быть оцѣнено въ глазахъ всякаго, глубже мыслящаго человѣка. Это огромное расширеніе нашего кругозора, безъ сомнѣнія, является наиболѣе глубокимъ и важнымъ завоеваніемъ въ ряду величайшихъ научныхъ успѣховъ нашего времени.

Называя съ полнымъ правомъ нашъ вѣкъ эпохой естественныхъ наукъ, бросая гордый взглядъ на неизмѣримые успѣхи во всѣхъ отрасляхъ, обыкновенно при этомъ гораздо болѣе разумѣютъ непосредственные практическіе результаты этихъ успѣховъ, чѣмъ расширеніе нашего общаго познанія. При этомъ принимаютъ въ соображеніе полное и безконечно важное усовершенствованіе способовъ нашего сообщенія, благодаря развитію машинъ, желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, телеграфовъ, телефоновъ и другихъ физическихъ изобрѣтеній. Или при этомъ принимаютъ во вниманіе могучее вліяніе химіи на врачебное искусство, сельское хозяйство и разныя производства. Но какъ бы высоко мы ни ставили это вліяніе новѣйшаго естествознанія на практиче-

скую жизнь, однако, съ болѣе высокой и общей точки зрѣнія, мы должны поставить его значительно ниже того огромнаго вліянія, которое оказали позднѣйшіе успѣхи естествознанія на всю область человѣческаго познанія, на все его міросозерцаніе и умственное образованіе. Подумайте только о колоссальномъ переворотѣ всѣхъ нашихъ теоретическихъ воззрѣній, благодаря примѣненію вообще микроскопа. Вспомните одну только клѣточную теорію, доказавшую, что видимое единство человѣческаго организма является результатомъ соединенія милліардовъ элементарныхъ жизненныхъ единицъ, клѣтокъ. Или взвѣсьте то необозримое расширеніе нашего кругозора, которымъ мы обязаны спектральному анализу, механическому ученію о теплотѣ и закону сохраненія энергіи. При всемъ этомъ, однако, настоящее наше ученіе о развитіи занимаетъ наивысшее мѣсто въ ряду всѣхъ этихъ замѣчательныхъ научныхъ успѣховъ.

Всякій слышитъ имя Дарвина. Но большинство, вѣроятно, имѣетъ несовершенное представленіе объ истинномъ значеніи его ученія. Въ самомъ дѣлѣ, если сравнить все, что написано о его главномъ, сдѣлавшемъ эпоху въ наукѣ, сочиненіи со времени выхода послѣдняго въ свѣтъ, то для того, кто не обладаетъ болѣе близкимъ знакомствомъ съ наукой объ органическомъ мірѣ, кто не проникъ во внутренніе тайники зоологіи и ботаники, значеніе этой теоріи должно казаться сомнительнымъ. Сужденія о ней полны ошибокъ и противорѣчій. Поэтому, нисколько не должно казаться страннымъ, что даже теперь, сорокъ лѣтъ спустя послѣ появленія произведенія Дарвина, послѣднее не пріобрѣло еще того истиннаго значенія, которое ему по праву принадлежитъ и которое оно рано или поздно получитъ. Большинство безчисленныхъ сочиненій за и противъ Дарвина, опубликованныхъ въ теченіе этого промежутка времени, лишены необходимой степени научности по отношенію къ біологіи и особенно зоологіи. Хотя теперь всѣ выдающіеся естествоиспытатели настоящаго времени принадлежатъ къ приверженцамъ этой теоріи, однако только немногіе изъ нихъ сдѣлали попытку провести въ широкій кругъ общества смыслъ и значеніе ея. Отсюда вытекаютъ тѣ поразительныя противорѣчія, тѣ странныя разсужденія, которыя еще и теперь весьма часто можно слышать. Это обстоятельство было главной причиной, почему я избралъ дарвиновскую теорію и связанныя съ ней болѣе обширное ученіе предметомъ настоящихъ общедоступныхъ лекцій. Я считаю, что естествоиспытатель обязанъ открыть доступъ въ замкнутую область своей спеціальности, въ кругъ своихъ научныхъ интересовъ и стремленій къ улучшеніямъ и открытіямъ; онъ не долженъ удерживать за собой исключительное право съ любовью и стараніемъ углубляться въ изученіе подробностей своей спеціальности; важные общіе выводы свои онъ обязанъ связать съ цѣлымъ и помочь распространенію естественно-научнаго образованія въ широкихъ слояхъ общества. Величайшій тріумфъ человѣческаго ума, истинное познаніе наиболѣе общихъ законовъ природы не должно оставаться частной собственностью привилегированной касты ученыхъ, оно должно стать общимъ достояніемъ всего образованнаго человѣчества.

Обыкновенно называютъ теорію, поставленную Дарвиномъ на вершинѣ нашего естественнаго познанія, *ученіемъ о происхожденіи* или *теоріей измѣняемости видовъ*. Другіе называютъ ее также ученіемъ о преобразованіяхъ, теоріей трансмутацій или короче—трансформизмомъ. Оба эти названія правильны. Дѣйствительно, это ученіе утверждаетъ, что *всѣ различные организмы* (т. е. животные и растительные

виды, когда-либо жившіе или еще теперь живущіе на землѣ) происходятъ *отъ одной только или, по крайней мѣрѣ, отъ очень немногихъ чрезвычайно простыхъ первоначальныхъ формъ* и *что они естественно развились изъ послѣднихъ путемъ медленнаго постепеннаго преобразованія.* Хотя уже въ началѣ настоящаго столѣтія различные великіе естествоиспытатели, особенно Ламаркъ и Гёте, провозгласили и защищали эту теорію развитія, однако только въ 1859 г., благодаря Дарвину, она получила полную разработку и причинное обоснованіе. Вотъ почему часто называютъ ее исключительно (хотя и не вполнѣ вѣрно) *теоріей Дарвина.*

Неоцѣнимое значеніе ученія о происхожденіи представится намъ въ различномъ свѣтѣ, смотря по тому, станемъ ли мы разсматривать только ближайшее отношеніе его къ наукѣ объ органической природѣ или болѣе обширное вліяніе его на все наше познаніе міра. Наука объ ограническої природѣ или біологія, которая въ качествѣ зоологіи имѣетъ предметомъ своего познанія животныхъ, въ качествѣ ботаники—растеній, цѣликомъ преобразована, благодаря ученію о происхожденіи. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря ему, мы познаемъ истинныя *дѣйствующія причины* органическихъ явленій и формъ, между тѣмъ какъ прежде наука о растеніяхъ и животныхъ преимущественно занималась изученіемъ *фактовъ* органической природы. Въ виду этого ученіе о происхожденіи можно разсматривать также, какъ *механическое объясненіе органическихъ формъ и явленій*, или какъ «ученіе объ истинныхъ причинахъ въ органической природѣ».

Такъ какъ я не могу предположить, что выраженія «*органическая и неорганическая природа*» всѣмъ одинаково понятны, и такъ какъ противопоставленіе этихъ двоякаго рода тѣлъ природы многократно будетъ встрѣчаться впослѣдствіи, то я долженъ для уясненія этого предпослать нѣсколько словъ. *Организмами* или *органическими* тѣлами мы называемъ всѣ *живыя существа* или живыя тѣла, поэтому, всѣ растенія и животныя, включая сюда и человѣка, такъ какъ почти всѣ они состоятъ изъ разнородныхъ частей (орудій или «органовъ»); соединенная дѣятельность этихъ органовъ обусловливаетъ всѣ жизненныя явленія. Такого состава мы не наблюдаемъ у *анорганов* или *неорганическихъ тѣлъ*, такъ называемыхъ мертвыхъ тѣлъ, минераловъ, горныхъ породъ, воды, атмосфернаго воздуха и т. д. Организмы постоянно содержатъ углеродныя бѣлковыя соединенія въ мягкомъ или полужидкомъ состояніи, между тѣмъ какъ у неорганическихъ тѣлъ никогда ихъ не бываетъ. На этомъ важномъ различіи покоится раздѣленіе всего естествознанія на двѣ обширныя отрасли: *біологію*, или науку объ организмахъ (антропологію, зоологію и ботанику) и *анорголоігю*, или абіологію, науку о неорганическихъ тѣлахъ (минералогію, геологію, метеорологію и т. д.).

Важное значеніе для біологіи ученія о происхожденіи заключается преимущественно въ томъ, что послѣднее объясняетъ механическимъ путемъ происхожденіе органическихъ формъ и указываетъ въ немъ дѣйствующія причины. Однако, какъ бы высоко мы ни ставили это достоинство ученія о происхожденіи, мы должны признать несравненно большую важность одного единственнаго вывода его. Этотъ необходимый выводъ—*ученіе о животномъ происхожденіи человѣческаго рода.*

Опредѣленіе мѣста человѣка въ природѣ и его отношенія къ окружающему міру, — этотъ вопросъ изъ вопросовъ, какъ справедливо называетъ его Гексли,—получаетъ конечное рѣшеніе только благодаря

нашимъ знаніямъ о животномъ происхожденіи человѣческаго рода. Такимъ образомъ, переходя черезъ трансформизъ или теорію потомственнаго развитія, мы впервые достигаемъ возможности научно обосновать *естественную исторію развитія человѣческаго рода.* Какъ защитники, такъ и всѣ мыслящіе противники Дарвина признали, что происхожденіе человѣческаго рода отъ обезьянообразныхъ млекопитающихъ, а еще раньше отъ низшихъ позвоночныхъ представляетъ необходимый выводъ его теоріи.

Однако, самъ Дарвинъ не тотчасъ сдѣлалъ этотъ важнѣйшій выводъ изъ своего ученія. Въ своемъ произведеніи «О происхожденіи видовъ» онъ не разсматриваетъ животнаго происхожденія человѣка. Осторожный и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлый естествоиспытатель намѣренно прошелъ молчаніемъ этотъ вопросъ, ясно предвидя, что важнѣйшее изъ всѣхъ слѣдствій его ученія о происхожденіи послужитъ въ то же время наибольшимъ препятствіемъ къ распространенію и признанію послѣдняго. Разумѣется, его ученіе возбудило бы еще больше упорства и ожесточенія, если бы онъ съ полной ясностью сдѣлалъ этотъ важнѣйшій выводъ изъ него. Только двѣнадцать лѣтъ спустя въ опубликованномъ въ 1871 году сочиненіи «О происхожденіи человѣка и половомъ подборѣ», Дарвинъ открыто призналъ этотъ глубочайшій выводъ и выразилъ полное согласіе съ тѣми естествоиспытателями, которые передъ этимъ самостоятельно сдѣлали его. Значеніе этого вывода, поистинѣ, неизмѣримо, и никогда наука не избѣжитъ соприкосновенія съ нимъ. *Антропологія* или наука о человѣкѣ, а поэтому и вся философія, благодаря ему, преобразовалась съ основанія во всѣхъ своихъ отдѣльныхъ отрасляхъ.

Выясненіе этого особеннаго пункта составитъ предметъ позднѣйшихъ моихъ лекцій. Ученіе о животномъ происхожденіи человѣка я разсмотрю только послѣ того, какъ изложу вамъ теорію Дарвина въ ея общемъ значеніи и обоснованіи. Однимъ словомъ, этотъ выводъ, полный глубокаго значенія, но, конечно, оттолкнувшій отъ себя весьма многихъ, представляетъ ничто иное, какъ отдѣльное дедуктивное заключеніе, которое, согласно съ строгими законами непоколебимой логики, мы неизбѣжно должны вывести изъ твердо обоснованныхъ общихъ индуктивныхъ законовъ теоріи потомственнаго развитія.

Быть можетъ, будетъ наиболѣе удобно полное значеніе ученія о происхожденіи опредѣлить двумя словами, называя его «*естественной исторіей созданія*». Въ виду этого, я избралъ названіе это и для слѣдующихъ лекцій. Тѣмъ не менѣе, оно вѣрно только въ извѣстномъ смыслѣ, такъ какъ, строго говоря, выраженіе «естественная исторія созданія» заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, contradictio in adjecto.

Поэтому, позвольте мнѣ теперь разсмотрѣть двусмысленное значеніе понятія *созданія* для лучшаго выясненія его. Если подъ созданіемъ понимать *происхожденіе тѣла* вслѣдствіе какой-либо дѣйствующей причины или силы, то при этомъ можно разумѣть или *происхожденіе его вещества*, или *происхожденіе его формы* (его внѣшняго вида).

Созданіе въ первомъ смыслѣ, происхожденіе матеріи, нисколько не касается насъ. Этотъ процессъ, если онъ вообще когда-либо имѣлъ мѣсто, совершенно выходитъ изъ предѣловъ человѣческаго познанія; онъ, поэтому, не можетъ служить предметомъ естественно-научнаго изслѣдованія. Естествознаніе считаетъ матерію вѣчной и постоянной, такъ какъ путемъ опыта еще никогда не приходилось обнаружить

происхожденіе или исчезновеніе хотя бы малѣйшей частицы матеріи. Тамъ, гдѣ тѣла природы, повидимому, исчезаютъ, напр., при горѣніи, при гніеніи, при испареніи и т. д., тамъ мѣняется только ихъ форма, физическое и аггрегатное состояніе или способъ химическаго соединенія. Точно также происхожденіе новыхъ тѣлъ природы, напр., кристалла, гриба, инфузоріи обусловливается только тѣмъ, что различныя матеріальныя частицы, до этого находившіяся въ извѣстной формѣ или способѣ соединенія, вслѣдствіе измѣнившихся условій существованія принимаютъ новую форму или новый способъ соединенія. Однако, никогда еще не наблюдался случай, чтобы хотя малѣйшая частица матеріи исчезла изъ міра, чтобы хотя одинъ атомъ прибавился къ опредѣленной массѣ. Поэтому, естествоиспытатель такъ же мало можетъ представить себѣ возникновеніе матеріи, какъ и ея исчезновеніе; онъ разсматриваетъ существующее въ природѣ опредѣленное количество матеріи, какъ твердо установленный фактъ. Если кто-либо чувствуетъ потребность представить себѣ происхожденіе этой матеріи, какъ результатъ сверхъестественной созидающей дѣятельности, творческой силы, стоящей внѣ матеріи, то мы ничего противъ этого не имѣемъ. Но мы должны замѣтить, что при этомъ абсолютно ничего не пріобрѣтается для научнаго естественнаго познанія. Представленіе о нематеріальной силѣ, создающей матерію, есть одно изъ тѣхъ допущеній, которыя не имѣютъ ничего общаго съ наукой. *Гдѣ начинаются мистическія гаданія, тамъ кончается истинная наука.* Обѣ дѣятельности человѣческаго духа должны быть рѣзко отдѣлены другъ отъ друга. Допущеніе сверхъестественныхъ процессовъ создается силой поэтическаго воображенія, ясное знаніе, напротивъ, зарождается въ познающемъ умѣ человѣка. Наука имѣетъ цѣлью сорвать благословенные плоды древа познанія, нисколько не заботясь при этомъ, обуздываетъ-ли она этимъ поэтическое воображеніе, или нѣтъ.

Если такимъ образомъ естествознаніе наиболѣе высокой, трудной и благодарной своей задачей считаетъ «естественную исторію созданія», то понятіе созданія она принимаетъ только во второмъ выше указанномъ значеніи, въ смыслѣ *происхожденія формы*. Въ этомъ смыслѣ геологію можно назвать исторіей созданія земли; ибо она изслѣдуетъ образованіе земной поверхности и разнообразныя измѣненія рельефа земной коры въ историческомъ прошломъ ея. Точно также исторію развитія животныхъ и растеній, которая изслѣдуетъ происхожденіе живыхъ формъ и многообразныя историческія измѣненія внѣшняго вида ихъ, можно назвать исторіей созданія организмовъ. Но такъ какъ въ понятіе *созданія* легко можетъ проникнуть ненаучное представленіе о существующей внѣ матеріи и созидающей ее творческой силѣ, то впослѣдствіи лучше будемъ замѣнять его болѣе строгимъ названіемъ *развитія*.

Высокое значеніе *исторіи развитія* для научнаго пониманія животныхъ и растительныхъ формъ столь общепризнано уже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, что безъ нея уже нельзя сдѣлать ни одного твердаго шага въ органической морфологіи или ученіи о формахъ. Однако почти всегда разумѣютъ подъ исторіей развитія только часть этой науки, именно науку объ органическихъ индивидахъ или особяхъ, такъ называемую эмбріологію, правильнѣе и полнѣе — онтогенію. Но кромѣ послѣдней, существуетъ еще исторія развитія органическихъ видовъ, классовъ и типовъ, и она находится въ чрезвычайно важномъ отношеніи къ первой. Матеріалъ для нея доставляетъ наука объ ока-

менѣлостяхъ или палеонтологія. Послѣдняя учитъ насъ, что всякій органическій типъ животнаго и растительнаго царства въ теченіе различныхъ періодовъ исторіи земли замѣщался рядомъ совершенно различныхъ классовъ и видовъ. Такъ, напр., типъ позвоночныхъ животныхъ замѣщался классами рыбъ, амфибій, рептилій, птицъ и млекопитающихъ, и каждый изъ этихъ классовъ проходилъ черезъ совершенно различные виды. Эта палеонтологическая исторія развитія организмовъ можетъ быть названа родословной исторіей или *филогеніей;* она стоитъ въ важнѣйшемъ и замѣчательномъ отношеніи къ другой вѣтви органической исторіи развитія, къ исторіи зародыша или *онтогеніи.* Послѣдняя идетъ совершенно параллельно первой. Короче говоря, индивидуальная исторія развитія представляетъ обусловливаемое законами наслѣдственности и приспособленія быстрое повтореніе медленной палеонтологической исторіи развитія; онтогенія представляетъ краткое *извлеченіе* или перечень филогеніи. Таковъ нашъ *основной біогенетическій законъ.*

Такъ какъ я намѣренъ впослѣдствіи подробнѣе разсмотрѣть этотъ чрезвычайно интересный и важный законъ, то здѣсь мы на этомъ остановимся. Замѣтимъ лишь, что единственно только ученіе о происхожденіи даетъ намъ причинное объясненіе его; безъ него онъ остается непонятнымъ и необъяснимымъ. Теорія потомственнаго развитія объясняетъ намъ въ то же время, почему вообще отдѣльныя животныя и растенія должны развиваться, почему они не вступаютъ въ жизнь въ готовой и развитой формѣ. Никакая сверхъестественная исторія развитія не въ силахъ рѣшить намъ эту великую загадку органическаго развитія. Равнымъ образомъ, и на всѣ другіе общіе біологическіе вопросы трансформизмъ даетъ удовлетворительные отвѣты, и эти отвѣты исключительно механическо-причиннаго свойства; они указываютъ единственно естественныя физико-химическія силы, какъ причины явленій, которыя прежде приписывали непосредственному дѣйствію сверхъестественныхъ творческихъ силъ. Поэтому, трансформизмъ удаляетъ изъ всѣхъ областей ботаники и зоологіи и изъ важнѣйшей части послѣдней, изъ антропологіи, *суевѣріе*; онъ срываетъ мистическую завѣсу сверхъестественности, которой до того времени любили прикрывать сложныя естественныя явленія. Безпросвѣтный туманъ поэтической миѳологіи не могъ устоять противъ яркихъ лучей естественно научнаго познанія.

Въ числѣ біологическихъ явленій особенный интересъ представляютъ тѣ, которыя опровергаютъ обычное предположеніе о происхожденіи всякаго организма, благодаря цѣлесообразно строющей творческой силѣ. Ничто не причиняло столь великихъ трудностей въ прежнемъ естестественно-научномъ изслѣдованіи, какъ истолкованіе такъ называемыхъ *рудиментарныхъ органовъ*, тѣхъ частей животнаго и растительнаго тѣла, которыя не исполняютъ никакой функціи, не имѣютъ никакого физіологическаго значенія, однако обладаютъ внѣшнимъ видомъ органа. Эти части заслуживаютъ чрезвычайно серьезнаго вниманія, хотя большинство людей очень мало или даже ничего не знаетъ о нихъ.

Почти каждый выше развитой организмъ, почти каждое животное и растеніе, вмѣстѣ съ очевидно цѣлесообразными сооруженіями въ своей организаціи, обладаетъ и другими постройками, которыя въ жизни ихъ не могутъ имѣть никакой функціи.

Примѣры этого мы находимъ повсюду. У эмбріоновъ нѣкоторыхъ

жвачныхъ, среди обыкновеннаго нашего рогатаго скота, въ побочныхъ луночкахъ верхней челюсти имѣются рѣзцы, которые никогда не прорѣзываются и не имѣютъ, поэтому, никакой цѣли. У эмбріоновъ нѣкоторыхъ китовъ, которые тоже вмѣсто зубовъ обладаютъ такъ называемыми китовыми усами, до рожденія и принятія пищи существуютъ, однако, многочисленные зубы въ ихъ челюстяхъ; и этотъ аппаратъ также никогда не приходитъ въ дѣятельное состояніе. Далѣе, многія высшія животныя обладаютъ мышцами, которыми они никогда не пользуются; даже человѣкъ имѣетъ такія рудиментарныя мышцы. Большинство изъ насъ не можетъ произвольно двигать ушами, хотя для этого движенія имѣются мышцы. Но нѣкоторымъ лицамъ послѣ долгихъ упражненій этихъ мышцъ удается приводить въ движеніе свои уши. Въ этихъ еще и теперь существующихъ, но, такъ сказать, запущенныхъ органахъ, при помощи особеннаго упражненія, путемъ продолжительнаго вліянія произвольной дѣятельности нервной системы возможно снова оживить почти угасшую ихъ дѣятельность. Напротивъ, мы не въ силахъ сдѣлать этого съ маленькими рудиментарными ушными мышцами, лежащами въ хрящѣ нашей ушной раковины; онѣ всегда остаются совершенно безъ дѣйствія. У нашихъ длинноухихъ предковъ третичной эпохи, обезьянъ, полуобезьянъ и сумчатыхъ, которыя, подобно большинству другихъ млекопитающихъ легко и свободно двигали своими ушными раковинами, эти мышцы были гораздо сильнѣе развиты и имѣли важное значеніе. Подобнымъ образомъ, многіе виды собакъ и кроликовъ, дикіе предки которыхъ во всѣ стороны двигали своими неповоротливыми ушами, подъ вліяніемъ культурной жизни потеряли эту привычку и теперь уже не умѣютъ, какъ говорится, «навострить уши»; благодаря этому они привели въ запущенное состояніе свои ушныя мышцы и пріобрѣли лѣниво-повисшія уши.

Человѣкъ и въ другихъ мѣстахъ своего тѣла обладаетъ такими рудиментарными органами, которые не имѣютъ въ жизни его ровно никакого значенія и никогда не функціонируютъ. Одинъ изъ такихъ замѣчательныхъ, хотя и незамѣтныхъ органовъ, представляетъ маленькая полулунная складка, лежащая во внутреннемъ углѣ нашего глаза, близъ корня носа, такъ называемая plica semilunaris. Эта незначительная кожная складка не приноситъ намъ никакой пользы; она представляетъ только заброшенный остатокъ третьяго внутренняго глазного вѣка, хорошо развитого у другихъ млекопитающихъ вмѣстѣ съ верхнимъ и нижнимъ глазнымъ вѣкомъ, а также у птицъ и пресмыкающихся (рептилій). Это третье глазное вѣко, такъ называемую мигательную перепонку, повидимому, имѣли уже наши древніе предки силурійской эпохи, первобытныя рыбы. Дѣйствительно, многіе ближайшіе родичи ихъ, которые въ мало измѣненной формѣ продолжаютъ существовать и до настоящаго времени, именно многія акулы, обладаютъ сильно развитой мигательной перепонкой, способной переходить изъ внутренняго глазного угла на весь глазъ.

Къ числу наиболѣе убѣдительныхъ примѣровъ рудиментарныхъ органовъ принадлежатъ глаза, которыя не видятъ. Они встрѣчаются у весьма многихъ животныхъ, обитающихъ въ темнотѣ, напр., въ подземныхъ пещерахъ. Въ этомъ случаѣ глаза нерѣдко вполнѣ развиты, но, будучи покрыты толстой непроницаемой кожицею, они не доступны свѣтовымъ лучамъ и поэтому никогда не видятъ. Такими глазами безъ функціональнаго значенія обладаютъ многіе виды подземно-живущихъ

кротовъ и слѣпышей, змѣй и ящерицъ, амфибій и рыбъ; далѣе многочисленныя безпозвоночныя животныя, которыя проводятъ свою жизнь въ темнотѣ: многіе жуки, ракообразныя, улитки, черви и т. д.

Чрезвычайно интересные примѣры рудиментарныхъ органовъ въ изобиліи доставляетъ намъ сравнительная остеологія, или ученіе о скелетѣ позвоночныхъ животныхъ, одна изъ наиболѣе увлекательныхъ отраслей сравнительной анатоміи. У большинства позвоночныхъ мы находимъ на туловищѣ двѣ пары членовъ: одну пару переднихъ ногъ и одну пару заднихъ ногъ. Однако, весьма часто исчезаетъ та или другая пара ихъ, рѣже обѣ, какъ у змѣй и у нѣкоторыхъ угревыхъ рыбъ. Но нѣкоторыя змѣи, напр., исполинскія змѣи (Boa, Python), имѣютъ еще въ задней части своего тѣла нѣсколько безполезныхъ костныхъ образованій, которыя являются остатками пропавшихъ заднихъ ногъ. Точно также китообразныя млекопитающія (Cetacea), у которыхъ развивается только передняя пара ногъ (грудные плавники), имѣютъ въ хвостѣ еще пару совершенно лишнихъ костей, остатокъ исчезнувшихъ заднихъ ногъ. То же самое относится ко многимъ настоящимъ рыбамъ, у которыхъ также пропадаетъ задняя пара ногъ (брюшные плавники). Наоборотъ, наши мѣдяницы (Anguis) и нѣкоторыя другія ящерицы имѣютъ внутри полный плечевой поясъ, хотя переднія ноги, для укрѣпленія которыхъ онъ служитъ, не развиваются болѣе. Затѣмъ у различныхъ позвоночныхъ встрѣчаются отдѣльныя кости отъ обѣихъ паръ ногъ на различныхъ ступеняхъ исчезновенія ихъ, и нерѣдко исчезающія кости и принадлежащія имъ мышцы порознь сохраняются безъ малѣйшей возможности какого-либо отправленія. Инструментъ еще хорошъ, но уже болѣе не играетъ.

Рудиментарные органы мы находимъ далѣе почти въ каждомъ растительномъ цвѣткѣ, въ которомъ та или другая часть мужскихъ органовъ размноженія (тычиночныхъ нитей и пыльниковъ) или женскихъ органовъ размноженія (пестика, завязи и т. д.) болѣе или менѣе атрофируется или «недоразвивается». И здѣсь у близко-родственныхъ растительныхъ видовъ вы можете прослѣдить извѣстный органъ на всѣхъ ступеняхъ его исчезновенія. Такъ, напр., существуетъ обширное естественное семейство губоцвѣтныхъ растеній (Labiatae), къ которымъ принадлежатъ медунка, перечная мята, майоранъ, котовникъ, тиміанъ и др., отличающіеся тѣмъ общимъ признакомъ, что зѣвообразный, двугубый околоцвѣтникъ ихъ содержитъ двѣ длинныхъ и двѣ короткихъ тычинки. Однако, у многихъ отдѣльныхъ растеній этого семейства, у различныхъ видовъ шалфея и у розмарина развивается только одна пара тычинокъ, другая же пара отчасти или нерѣдко вполнѣ исчезаетъ Иногда развиваются тычинки, но безъ пыльниковъ, такъ что онѣ не могутъ приносить никакой пользы. Рѣже встрѣчается еще рудиментъ или исчезающій остатокъ пятой тычинки, органъ, совершенно безполезный въ физіологическомъ отношеніи (въ смыслѣ жизненнаго отправленія), но чрезвычайно цѣнный въ морфологическомъ отношеніи (для позванія формы и естественнаго родства). Въ своей общей морфологіи организмовъ, въ главѣ «ученіе о нецѣлесообразностяхъ или дистелеологіи» я привелъ обширный рядъ многихъ другихъ примѣровъ.

Ни одно біологическое явленіе никогда не приводило зоологовъ и ботаниковъ въ столь затруднительное положеніе, какъ эти рудиментарные или недоразвитые органы. Послѣдніе суть орудія безъ дѣйствія, части тѣла безъ малѣйшаго значенія; они цѣлесообразо устроены, хотя никогда не достигаютъ своей цѣли. Разсматривая попытки преж-

нихъ естествоиспытателей объяснить эту загадку, нельзя удержаться отъ улыбки передъ ихъ странными представленіями. Не будучи въ состояніи найти дѣйствительное объясненіе, нѣкоторые изъ нихъ приходили, напр., къ тому конечному заключенію, что создатель «ради симметріи» приставилъ эти органы. По мнѣнію другихъ, создателю казалось неудобнымъ или неприличнымъ, надѣливъ этими органами одни организмы, отнять ихъ у тѣхъ ближайшихъ родичей ихъ, у которыхъ они не способны къ отправленію и не могутъ быть полезны по всему образу жизни ихъ; и взамѣнъ недостающей функціи онъ надѣлилъ ихъ одной лишь внѣшней формой. Вѣдь гражданскіе чиновники въ мундирной формѣ также носятъ ту безвредную шпагу, которую они никогда не вынимаютъ изъ ноженъ. Однако, я думаю, врядъ ли вы будете удовлетворены такимъ декоративнымъ объясненіемъ.

Въ настоящее время это столь распространенное и загадочное явленіе рудиментарныхъ органовъ, при объясненіи котораго всѣ прочія гипотезы терпятъ крушеніе, вполнѣ объясняется и притомъ необычайно просто и ясно дарвиновской теоріей *наслѣдственности* и *приспособленія*. Важные законы наслѣдственности и приспособленія мы можемъ эмпирически прослѣдить на домашнихъ животныхъ и культурныхъ растеніяхъ, которыхъ мы искусственно воспитываемъ, и уже твердо установленъ рядъ такихъ законовъ. Не входя въ разсмотрѣніе ихъ, я замѣчу только, что нѣкоторые изъ нихъ прекрасно объясняютъ механическимъ путемъ происхожденіе рудиментарныхъ органовъ, такъ что появленіе ихъ мы должны разсматривать, какъ естественный процессъ, обусловливамый неупотребленіемъ органовъ. Благодаря приспособленію къ особеннымъ жизненнымъ условіямъ прежде дѣятельные и на самомъ дѣлѣ работающіе органы мало-по-малу выходятъ изъ употребленія и оказываются внѣ отправленія. Вслѣдствіе недостатка упражненія, они все болѣе и болѣе атрофируются, однако, не смотря на это они все еще передаются *по наслѣдству* отъ одного поколѣнія къ другому, пока наконецъ по большей части совершенно не исчезнутъ. Если теперь принять, что всѣ вышеприведенныя позвоночныя животныя происходятъ отъ одного общаго родоначальника, имѣющаго два глаза и двѣ пары хорошо развитыхъ ногъ, то вполнѣ просто объясняется различная степень атрофіи и регрессивнаго развитія ихъ у тѣхъ потомковъ его, которые не могли болѣе употреблять эти части. Точно также вполнѣ объясняется различная степень образованія у губоцвѣтныхъ пяти первоначально заложенныхъ (въ почкахъ цвѣтовъ) тычинокъ, если принять, что всѣ растенія этого семейства происходятъ отъ одного общаго родоначальника, снабженнаго пятью тычинками.

Я нѣсколько подробнѣе разсмотрѣлъ явленіе рудиментарныхъ органовъ, такъ какъ оно представляетъ величайшее общее значеніе; въ самомъ дѣлѣ, оно приводитъ насъ къ тѣмъ великимъ общимъ, глубоко лежащимъ основамъ философіи и естествознанія, для пониманія которыхъ теорія потомственнаго развитія служитъ теперь необходимой путеводной звѣздой. Пока мы, согласно съ этой теоріей, исключительно признаемъ дѣйствіе физико-химическихъ причинъ какъ въ живой (органической) природѣ, такъ и въ мертвой (неорганической), мы вмѣстѣ съ тѣмъ признаемъ и исключительное господство того міросозерцанія, которое можно назвать *механическимъ* въ противоположность обычному телеологическому воззрѣнію. Если сопоставить міровоззрѣніе различныхъ народовъ и временъ для сравненія ихъ другъ съ другомъ, то можно раздѣлить ихъ на двѣ противоположныя группы: *причинное*, или *ме-*

ханическое, и *телеологическое*, или *виталистическое*. Послѣднее прежде въ біологіи почти всюду преобладало. Сообразно съ этимъ, растительное и животное царство разсматривали тогда, какъ продукты цѣлесообразно дѣйствующей, созидающей силы. При взглядѣ на всякій организмъ прежде всего напрашивается, повидимому, неопровержимое убѣжденіе, что такая искусная машина, столь сложно движущійся аппаратъ, какъ организмъ, можетъ быть созданъ только цѣлесообразно дѣйствующей силой, той дѣятельностью, которая аналогична, хотя безконечно болѣе совершенна, чѣмъ дѣятельность человѣка, строющаго свои машины. Какъ бы ни старались возвысить прежнія представленія о создателѣ и его созидающей дѣятельности и устранить всякую человѣческую аналогію, однако въ послѣднемъ счетѣ при телеологическомъ міропониманіи это сравненіе является неотразимымъ и необходимымъ. Въ сущности необходимо представить его себѣ, какъ особый организмъ или существо, которое подобно человѣку, хотя бы и въ безконечно болѣе совершенной формѣ, размышляетъ о своей созидающей дѣятельности, составляетъ планъ машинъ и, затѣмъ, примѣняя соотвѣтствующіе матеріалы, строитъ эти машины сообразно съ поставленною цѣлью. Всѣ эти представленія необходимо страдаютъ основной слабостью *антропоморфизма* или очеловѣченія. При этомъ постоянно приписываютъ создателю, какъ бы высоко его ни представляли, совойственное человѣку обыкновеніе сперва набросать планъ и затѣмъ цѣлесообразно строить организмъ. Это вполнѣ ясно выразилось также со стороны той школы, противъ которой рѣзко выступило ученіе Дарвина, и которая среди естествоиспытателей нашла себѣ сильнаго защитника въ лицѣ Луи Агассиза. Въ знаменитомъ своемъ произведеніи «Essay of classification», которое совершенно противоположно произведенію Дарвина и появилось почти одновременно съ нимъ, Агассизъ вполнѣ послѣдовательно развилъ до наивысшей степени эти абсурдныя антропоморфическія представленія о создателѣ.

Что касается вообще этой знаменитой *цѣлесообразности въ природѣ*, то она существуетъ только въ глазахъ поверхностнаго наблюдателя явленій въ жизни животныхъ и растеній. Уже рудементарные органы должны были нанести жестокій ударъ этому излюбленному ученію. Однако всякій, кто глубже понимаетъ организацію и образъ жизни различныхъ животныхъ и растеній, кто коротко познакомился съ взаимодѣйствіемъ жизненныхъ явленій и такъ называемой «экономіей природы», необходимо долженъ оставить его.

Оптимистическія воззрѣнія, къ сожалѣнію, такъ же мало обоснованы, какъ и любимая фраза о «нравственномъ міроустройствѣ», которая ироническимъ образомъ иллюстрируется всей исторіей человѣчества. Для среднихъ вѣковъ такъ же характерно «нравственное» господство христіанскихъ папъ и ихъ благочестивыхъ инквизицій, обагренныхъ кровью безчисленныхъ человѣческихъ жертвъ, какъ для настоящаго времени господство милитаризма съ его «нравственными» воспламеняющими аппаратами и другими хитро придуманными оружіями для убійствъ, или пауперизмъ, какъ нераздѣльное дополненіе нашей утонченной культуры.

Если вы ближе разсмотрите совокупную жизнь и взаимныя отношенія растеній и животныхъ (включая сюда и человѣка), то вы повсюду встрѣтите противоположность тому кроткому и мирному благоденствію, которое доброта созидающей силы должна была сообщить своимъ твореніямъ; болѣе того: вы повсюду увидите безпощадную,

крайне ожесточенную *борьбу всѣхъ противъ всѣхъ*. Нигдѣ въ природѣ, куда бы вы ни бросили свой взоръ, нѣтъ того воспѣтаго поэтами идиллическаго мира; напротивъ, вездѣ борьба, стремленіе къ самосохраненію, къ уничтоженію ближайшихъ противниковъ и къ уничтоженію слѣдующихъ. Страсть и эгоизмъ всюду остаются могучей пружиной жизни. Извѣстныя слова поэта:

«Природа всюду совершенна,
Гдѣ человѣка нѣтъ съ его страданіемъ!»

прекрасны, но, къ сожалѣнію, невѣрны. Человѣкъ и въ этомъ отношеніи не составляетъ никакого исключенія въ остальномъ животномъ мірѣ. Разсужденія, которыя мы изложимъ въ ученіи о «борьбѣ за существованіе», достаточно оправдаютъ это утвержденіе. Дарвинъ вполнѣ ясно представилъ это важное отношеніе въ его высокомъ и общемъ значеніи, и эта глава его ученія, которую онъ самъ назвалъ «борьбой за существованіе», является важнѣйшей частью его.

Мы должны такимъ образомъ рѣшительно возстать противъ того виталистическаго или телеологическаго воззрѣнія на природу, по которому животныя и растительныя формы являются продуктомъ особаго начала или цѣлесообразно дѣйствующей творческой естественной силы; напротивъ, мы должны освоиться съ міровоззрѣніемъ, называемымъ *механическимъ* или *причиннымъ*. Его можно назвать также *монистическимъ* или *единымъ* въ противоположность *двойственному* или *дуалистическому* воззрѣнію, которое необходимо содержится въ телеологическомъ міропониманіи. Механическое созерцаніе природы уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ столь сильно укоренилось въ извѣстныхъ областяхъ естествознанія, что можно пройти молчаніемъ противоположное воззрѣніе. Никому изъ физиковъ или химиковъ, минералоговъ или астрономовъ не придетъ въ голову искать и изслѣдовать въ явленіяхъ, подлежащихъ ихъ научному изученію, цѣлесообразное дѣйствіе особой силы. Напротивъ, они разсматриваютъ эти явленія исключительно, какъ необходимое и неизмѣнное дѣйствіе физическихъ и химическихъ силъ, свойственныхъ веществу или матеріи; въ этомъ отношеніи наше міровоззрѣніе чисто «матеріалистическое», въ опредѣленномъ смыслѣ этого многозначительнаго слова. Если физикъ пытается понять электрическія или магнитныя явленія движенія, паденіе тѣла или колебаніе свѣтовыхъ волнъ, то при такой работѣ онъ весьма далекъ отъ попытки узнать сверхъестественную созидающую силу. Въ этомъ отношеніи біологія, какъ наука о такъ называемыхъ «живыхъ» естественныхъ тѣлахъ, до сихъ поръ еще составляетъ полную противоположность названнымъ выше неорганическимъ естественнымъ наукамъ (аноргологіи). Правда, новѣйшая физіологія, ученіе о явленіяхъ движенія въ тѣлѣ животныхъ и растеній, вполнѣ усвоила эту механическую точку зрѣнія; одна только морфологія, наука о развитіи формы животныхъ и растеній, повидимому, совсѣмъ не намѣрена проникнуться ею. Морфологи въ противоположность механическому пониманію функцій, по прежнему разсматриваютъ формы животныхъ и растеній, какъ явленія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть объяснены механическимъ путемъ, но которыя, наоборотъ, необходимо обязаны своимъ происхожденіемъ высшей, сверхъестественной, цѣлесообразно дѣйствующей силѣ. При этомъ, конечно, совершенно безразлично, называется ли эта творческая сила жизненной силой (vis vitalis), или конечной причиной (causa finalis). Однимъ словомъ, во всѣхъ этихъ слу-

чаяхъ прибѣгаютъ къ чудесному, какъ средству объясненія. Бросаются въ объятія поэтическаго мистицизма, оставляя такимъ образомъ твердую почву естественно-научнаго познанія.

Все, что было сдѣлано до Дарвина, для обоснованія естественнаго механическаго пониманія происхожденія животныхъ и растительныхъ формъ, не было доведено до конца и не достигло общаго признанія. Это только удалось Дарвину, и въ этомъ его неизмѣримая заслуга. Благодаря ему, мы пришли къ убѣжденію *о единствѣ органической и неорганической природы.* Также та часть естествознанія, которая до сихъ поръ наиболѣе упорно и долго противилась механическому пониманію и объясненію, ученіе о цѣлесообразномъ устройствѣ живыхъ формъ, о ихъ значеніи и происхожденіи, благодаря ему, выступили вмѣстѣ со всѣми остальными естественно-научными ученіями на одинъ и тотъ же конечный путь. Единство всѣхъ естественныхъ явленій, такимъ образомъ, окончательно установлено.

Это единство всей природы, эту одухотворенность всякой матеріи, нераздѣльность духовной силы и тѣлесной матеріи Гете опредѣлилъ слѣдующими словами: «матерія никогда не можетъ существовать и быть дѣйствительной безъ духа, духъ безъ матеріи». Эти высочайшія основныя положенія механическаго міросозерцанія защищались великими монистическими философами всѣхъ временъ. Уже Демокритъ изъ Абдеры, безсмертный основатель ученія объ атомахъ, ясно высказалъ ихъ почти за половину тысячелѣтія до Рождества Христова, вполнѣ же безукоризненно ихъ изложили глубокій философъ Спиноза и великій доминиканскій монахъ Джіордано Бруно. Послѣдній былъ въ Римѣ сожженъ на кострѣ, благодаря инквизиціи, 17-го февраля 1600 года, въ тотъ самый день, въ который 36 лѣтъ передъ этимъ родился его великій соотечественникъ и товарищъ въ борьбѣ Галилей. Въ Римѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ—Campo di Fiori,—гдѣ стоялъ костеръ, нынѣ свободно возрожденная Италія воздвигла памятникъ великому монистическому мученику (9 іюня 1889),—краснорѣчивый знакъ могучаго поворота настоящаго вѣка.

Теорія потомственнаго развитія впервые открываетъ намъ возможность твердо обосновать монистическое ученіе о единствѣ природы; затѣмъ, механическо-причинное объясненіе такихъ сложныхъ органическихъ явленій, напр., происхожденія и устройства органовъ чувствъ въ дѣйствительности представляетъ не болѣе принципіальныхъ трудностей для пониманія, чѣмъ механическое объясненіе какого-либо физическаго процесса, напр. землетрясенія, земного магнетизма, морскихъ теченій и т. д. Мы приходимъ, благодаря этому, къ крайне важному убѣжденію, что *всѣ естественныя тѣла*, какія намъ извѣстны, *однообразно одухотворены*, что противопоставленіе живыхъ и мертвыхъ тѣлъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Если камень, свободно брошенный въ воздухъ, падаетъ на землю по опредѣленныхъ законамъ, или если образуется въ соляномъ растворѣ кристаллъ, или если соединяются сѣра и ртуть въ киноварь, то эти явленія не болѣе и не менѣе механическія жизненныя явленія, чѣмъ ростъ и цвѣтеніе растеній, чѣмъ размноженіе и духовная дѣятельность животныхъ, чѣмъ ощущенія и образованіе мысли у человѣка. Также *сознаніе* человѣка и высшихъ животныхъ никоимъ образомъ не представляетъ особенной, сверхъестественной «міровой загадки», какъ это ошибочно утверждалъ (1872) Дю Буа-Реймонъ въ своей рѣчи Ignorabimus. Напротивъ, оно также покоится на механической работѣ гангліозныхъ клѣтокъ мозга, какъ

и прочія душевныя дѣятельности. Силы природы вступаютъ при этомъ въ разнообразныя соединенія и формы, то проще, то сложнѣе. Въ этомъ *провозглашеніи единаго* или *монистическаго пониманія природы* лежитъ высочайшая и наиболѣе общая заслуга нашего новаго ученія о развитіи, ученія, составляющаго вѣнецъ современнаго естествознанія.

ВТОРАЯ ЛЕКЦІЯ.

Научное значеніе теоріи измѣняемости видовъ. Исторія созданія по Линнею.

Ученіе о происхожденіи или теорія измѣняемости органическихъ формъ, какъ единое объясненіе явленій органической природы дѣйствіемъ естественныхъ причинъ.—Сравненіе ея съ теоріей тяготѣнія Ньютона.—Границы научнаго объясненія и человѣческаго познанія вообще.—Всякое познаніе обусловлено чувственнымъ воспріятіемъ.—Переходъ апостеріорныхъ познаній путемъ наслѣдственности въ апріорныя познанія.—Противопоставленіе сверхъестественныхъ исторій созданія Линнея, Кювье, Агассиса естественнымъ теоріямъ развитія Ламарка, Гете, Дарвина.—Монизмъ и матеріализмъ.—Научный и нравственный матеріализмъ.—Линней, какъ основатель систематическаго описанія природы и раздѣленія на виды.—Классификація Линнея и бинарная номенклатура.—Значеніе понятія вида по Линнею.—Его исторія созданія.—Взглядъ Линнея на происхожденіе видовъ.

Значеніе всякой естественно-научной теоріи измѣряется какъ числомъ и важностью подлежащихъ объясненію предметовъ, такъ и простотой и общностью дѣйствующихъ причинъ или истинныхъ доводовъ. Съ одной стороны, чѣмъ больше число, чѣмъ важнѣе значеніе объясняемыхъ теоріей явленій, и съ другой стороны, чѣмъ проще, чѣмъ общѣе причины, принятыя теоріей для объясненія, тѣмъ выше ея научная стоимость, тѣмъ надежнѣе она служитъ намъ проводникомъ, тѣмъ болѣе мы обязаны признать ее.

Подумайте, напр., о той теоріи, которая до сихъ поръ является величайшимъ пріобрѣтеніемъ человѣческаго ума, о теоріи тяготѣнія, которую двѣсти лѣтъ тому назадъ основалъ англичанинъ Ньютонъ въ своихъ математическихъ принципахъ натурфилософіи. Здѣсь объектъ, подлежащій объясненію, столь великъ, что ничего большего нельзя представить себѣ. Онъ предпринялъ подведеніе подъ математическіе законы явленія движенія планетъ и строеніе вселенной. Въ качествѣ чрезвычайно простой причины этихъ сложныхъ явленій движенія, Ньютонъ выставилъ законъ тяготѣнія или притяженіе массъ, тотъ самый, который является причиной паденія тѣлъ, прилипанія, сцѣпленія и многихъ другихъ явленій.

Прилагая такую же мѣрку къ теоріи Дарвина, мы должны придти къ заключенію, что она также принадлежитъ къ числу величайшихъ завоеваній человѣческаго ума, и что она можетъ быть поставлена непосредственно подлѣ теоріи тяготѣнія Ньютона. Быть можетъ, это заявленіе покажется вамъ чрезвычайнымъ или, по крайней мѣрѣ, весьма смѣлымъ; я надѣюсь убѣдить васъ въ теченіе этихъ лекцій въ томъ, что эта оцѣнка сдѣлана не слишкомъ высоко. Въ первой лекціи уже названы нѣкоторыя изъ наиболѣе важныхъ и общихъ явленій органической природы, которыя объясняются теоріей Дарвина. Сюда относятся прежде всего тѣ измѣненія формъ въ индивидуальномъ *развитіи организмовъ*, крайне разнообразныя и сложныя явленія, которыя до сихъ поръ представляли величайшія трудности механическому объ

ясненію, т. е. сведенію на дѣйствующія причины. Мы упомянули о *рудиментарныхъ органахъ*, о тѣхъ крайне замѣчательныхъ сооруженіяхъ въ тѣлѣ животныхъ и растеній, которыя не имѣютъ никакой цѣли, которыя вполнѣ опровергаютъ всякое телеологическое объясненіе, пытающееся отыскать конечную цѣль организма. Не будемъ приводить обширнаго ряда другихъ, не менѣе важныхъ явленій, которыя до сихъ поръ представлялись не менѣе загадочными и которыя наипростѣйшимъ образомъ были объяснены при помощи преобразованнаго Дарвиномъ ученія о происхожденіи. Прежде всего еще я упомяну о тѣхъ явленіяхъ, которыя даетъ намъ *географическое распространеніе* животныхъ и растительныхъ видовъ на поверхности нашей планеты, равно какъ *геологическое распредѣленіе вымершихъ* и *окаменѣлыхъ организмовъ* въ различныхъ слояхъ земной коры. Также тѣ важные палеонтологическіе и географическіе законы, которые до послѣдняго времени мы разсматривали, какъ *факты*, благодаря ученію о происхожденіи, мы познали теперь въ ихъ дѣйствующихъ *причинахъ*. То же самое относится ко всѣмъ общимъ законамъ *сравнительной анатоміи* и въ особенности къ великимъ законамъ *раздѣленія труда* или *разобщенія функцій* (полиморфизма или дифференцировки); этотъ законъ является важнѣйшей причиной какъ во всемъ человѣческомъ обществѣ, такъ и въ организаціи отдѣльныхъ животныхъ и растительныхъ формъ, той причиной, которая обусловливаетъ постоянно громадное разнообразіе и безпрерывное развитіе органическихъ формъ. Какъ этотъ законъ раздѣленія труда, извѣстный до сего времени не болѣе, какъ фактъ, такъ и законъ безостановочнаго развитія или законъ прогресса, всюду одинаково наблюдаемый, и въ исторіи народовъ, и въ исторіи животныхъ и растеній, въ своемъ основаніи объясняется ученіемъ о происхожденіи. И если вы наконецъ бросите свой взоръ на все великое цѣлое органической природы, если вы путемъ сравненія охватите всѣ великія группы явленій этой огромной области жизни, то этотъ міръ предстанетъ передъ вами въ свѣтѣ ученія о происхожденіи, совсѣмъ не какъ искусно придуманное произведеніе планомѣрно строющей силы, а какъ необходимое слѣдствіе дѣйствующихъ причинъ, которыя лежатъ въ химическомъ составѣ матеріи и въ физическихъ свойствахъ ея. Такимъ образомъ, можно утверждать въ самомъ широкомъ смыслѣ (и это утвержденіе я надѣюсь подтвердить въ теченіе моихъ лекцій), что ученіе о происхожденіи впервые поставило насъ въ возможность свести всю совокупность явленій органической природы къ одному единственному закону, отыскать одну единственную дѣйствующую причину для безконечно сложнаго хода этого обширнаго міра явленій. Въ этомъ отношеніи оно становится рядомъ съ равноцѣнной по значенію теоріей тяготѣнія Ньютона, быть можетъ, оно стоитъ даже еще выше послѣдней.

Вмѣстѣ съ тѣмъ доводы здѣсь не менѣе простые, чѣмъ тамъ. Нѣтъ ни одного, до сихъ поръ неизвѣстнаго намъ свойства матеріи среди всѣхъ тѣхъ, которыми Дарвинъ объяснилъ эту крайне сложную область явленій; нѣтъ ни одного новаго отношенія какихъ-либо соединеній матеріи или новыхъ силъ организма: единственно только путемъ геніальнаго соединенія, синтетическаго объединенія и глубоко продуманнаго сравненія ряда давно извѣстныхъ фактовъ онъ разрѣшилъ «священную загадку» живого царства формъ. При этомъ первую роль играетъ разсмотрѣніе взаимныхъ отношеній двухъ общихъ жизнедѣятельностей, функцій наслѣдственности и приспособленія. Единственно

лишь путемъ анализа внутреннихъ соотношеній этихъ двухъ жизнедѣятельностей или физіологическихъ функцій организмовъ, а также путемъ разсмотрѣнія взаимныхъ отношеній, въ которыя неизбѣжно вступаютъ растенія и животныя, обитающія въ одномъ и томъ же мѣстѣ, единственно путемъ правильной оцѣнки этихъ простыхъ фактовъ и искуснаго объединенія ихъ Дарвинъ получилъ возможность найти въ нихъ истинныя дѣйствующія причины (causae efficientes) для безконечно сложныхъ формъ органической природы.

Во всякомъ случаѣ, мы обязаны принять эту теорію и придерживаться ея до тѣхъ поръ, пока не будетъ найдена лучшая, способная такъ же просто объяснить эту обширную область фактовъ. До сихъ поръ у насъ нѣтъ такой теоріи. Правда, совсѣмъ не нова та основная мысль, что всѣ различныя животныя и растительныя формы происходятъ отъ нѣсколькихъ немногихъ или даже отъ одной весьма простой первоначальной формы. Эта мысль уже давно была высказана и въ началѣ настоящаго столѣтія опредѣленно формулирована великимъ Ламаркомъ. Но Ламаркъ высказалъ гипотезу общаго происхожденія, не обосновавъ ея достаточно полно выясненіемъ дѣйствующихъ причинъ. Чрезвычайная заслуга, которую Дарвинъ оказалъ теоріи Ламарка, и заключается въ выясненіи этихъ причинъ. Онъ нашелъ въ физіологической способности органической матеріи къ наслѣдственности и приспособленію истинныя причины извѣстныхъ генеалогическихъ отношеній. Геніальный Ламаркъ не могъ еще овладѣть тѣмъ огромнымъ матеріаломъ біологическихъ фактовъ, который только въ теченіе послѣдныхъ восьмидесяти лѣтъ былъ собранъ, благодаря тщательнымъ зоологическимъ и ботаническимъ изслѣдованіямъ и возведенъ Дарвиномъ на степень несокрушимаго аппарата доказательствъ.

Такимъ образомъ, теорія Дарвина — не случайная, взятая съ вѣтру, безпочвенная гипотеза, какъ это нерѣдко утверждаютъ его противники. Принять эту объясняющую теорію или отвергнуть ее — дѣло не вкуса и благоусмотрѣнія отдѣльныхъ ботаниковъ и зоологовъ. Напротивъ, мы принуждены и обязаны принять ее по тѣмъ общимъ господствующимъ въ естествознаніи основнымъ положеніямъ, что всякая согласуемая съ дѣйствительными фактами теорія, хотя бы даже и слабо обоснованная, до тѣхъ поръ принимается и служитъ для объясненія явленій, пока она не замѣнена лучшей. Отказываясь сдѣлать это, мы вмѣстѣ съ тѣмъ отказываемся отъ научнаго *объясненія явленій* и это, дѣйствительно, та точка зрѣнія, которую многіе принимаютъ въ настоящее время. Они разсматриваютъ всю область живой природы, какъ полную загадку, и явленія развитія и родства считаютъ необъяснимымъ *чудомъ;* они ничего не хотятъ знать объ истинномъ пониманіи его.

Тѣ противники Дарвина, которые не желаютъ подобнымъ образомъ напрямикъ отказаться отъ біологическаго объясненія, обыкновенно при этомъ говорятъ: «ученіе Дарвина объ общемъ происхожденіи различныхъ видовъ—одна только гипотеза; мы противопоставляемъ ей другую гипотезу, что отдѣльные животные и растительные виды развились не путемъ потомственнаго происхожденія другъ отъ друга, но возникли независимо другъ отъ друга, согласно съ неоткрытымъ еще естественнымъ закономъ». Однако, до тѣхъ поръ пока намъ не показали, какъ можно представить себѣ это происхожденіе, и что это за «естественный законъ», до тѣхъ поръ, пока намъ ни разу не объяснили, о какомъ это ни говорятъ независимомъ происхожденіи животныхъ и растительныхъ

видовъ, до тѣхъ поръ эта противоположная гипотеза совсѣмъ не гипотеза, а пустая ничего не говорящая фраза. Дарвиновская теорія стоитъ выше имени гипотезы; научная гипотеза есть допущеніе, которое распространяется на неизвѣстныя до того времени, помощью чувствъ не опредѣлимыя свойства или явленія естественныхъ тѣлъ. Ученіе же Дарвина совсѣмъ не касается подобныхъ неизвѣстныхъ отношеній; оно опирается, на давно уже извѣстныя общія свойства организмовъ. Чрезвычайно же глубокое объединеніе множества до того времени разрозненныхъ явленій придаетъ этой теоріи высокую внутренюю цѣну. Съ ея помощью мы можемъ обнаружить одну дѣйствующую причину для всей совокупности извѣстныхъ намъ морфологическихъ явленій въ мірѣ животныхъ и растеній; и эта истинная причина всюду одна и таже, именно взаимодѣйствіе приспособленія и наслѣдственности. Но послѣднее — физіологическое отношеніе, и какъ таковое, обусловлено физико-химическими и механическими причинами. На этомъ основаніи, признаніе механически обоснованнаго Дарвиномъ ученія о происхожденіи безспорно вызывается неотразимой *необходимостью*. Такъ какъ, на мой взглядъ, неизмѣримое значеніе нашего новаго ученія о развитіи заключается въ томъ, что оно *механически объясняетъ* до сихъ поръ необъяснимыя явленія органическихъ формъ, то необходимо прибавить еще нѣсколько словъ о многозначущемъ понятіи *объясненія*. Часто возражаютъ, что трансформизмъ, вполнѣ объясняя извѣстныя явленія наслѣдственностью и приспособленіемъ, нисколько этимъ не объясняетъ этихъ свойствъ органической матеріи и, такимъ образомъ, не приводитъ насъ къ послѣднимъ причинамъ. Это возраженіе вполнѣ справедливо, но оно въ одинаковой мѣрѣ примѣнимо къ объясненію всякаго явленія. *Нигдѣ* мы не достигаемъ познанія *послѣднихъ* причинъ. Происхожденіе простого соляного кристалла, который мы получаемъ, выпаривая маточный разсолъ, въ послѣднихъ причинахъ не менѣе загадочно для насъ и такъ же непонятно, какъ и происхожденіе животнаго изъ простой яйцевой клѣтки. При объясненіи простѣйшихъ физическихъ или химическихъ явленій, напримѣръ паденія камня или образованія химическаго соединенія, мы, найдя дѣйствующія причины, напр., силу тяжести, химическое сродство, приходимъ далѣе къ слѣдующимъ явленіямъ, которыя остаются для насъ полной загадкой. Это лежитъ въ ограниченности или относительности средствъ нашего познанія. Мы никогда не должны забывать, что человѣческая способность познанія безусловно ограничена и обладаетъ только относительной широтой. Она, прежде всего, ограничена свойствами нашего ума и нашего мозга.

Первоначально всякое познаніе исходитъ изъ чувственнаго воспріятія. Ему противопоставляютъ прирожденное, a priori данное человѣческое познаніе; между тѣмъ съ помощью теоріи потомственнаго развитія мы можемъ доказать, что такъ называемыя апріорныя познанія вначалѣ пріобрѣтены a posteriori и въ своемъ происхожденіи обусловлены опытомъ. Познанія, которыя первоначально покоятся на чисто чувственныхъ воспріятіяхъ, затѣмъ, удерживаются въ ряду поколѣній и передаются по наслѣдству, являясь въ послѣдующихъ генераціяхъ врожденными, точно такъ же, какъ такъ называемые инстинкты животныхъ. Всѣ такъ называемыя «познанія a priori», первоначально a posteriori пріобрѣтенныя нашими древними животными прародителями, благодаря лишь наслѣдственности, сдѣлались апріорными; въ послѣдней инстанціи они покоятся на опытахъ. Законы наслѣдственности и приспособленія уясняютъ намъ, какъ развились познанія a

priori изъ познаній a posteriori. Чувственный опытъ представляетъ первоначальный источникъ *всѣхъ* познаній. Уже по одному этому, всякая наша наука ограничена, и никогда мы не будемъ въ состояніи понять послѣднія причины какого-либо явленія. Сила кристаллизаціи, сила тяжести и химическое сродство, сами по себѣ, остаются для насъ такъ же непонятными, какъ приспособленіе и наслѣдственность, какъ воля и сознаніе.

Если теперь настоящая теорія потомственнаго развитія объясняетъ изъ одного лишь исходнаго пункта всю область объединенныхъ явленій, если она одно и то же свойство организма разсматриваетъ, какъ дѣйствующую причину, то она даетъ намъ покуда все, что мы могли бы отъ нея требовать. Но кромѣ того, она даетъ намъ такъ же твердую надежду глубже выяснить послѣднія открытыя Дарвиномъ причины, именно свойство наслѣдственности и способность къ приспособленію; мы достигаемъ, напримѣръ, возможности открыть глубже лежащія простыя причины этихъ явленій въ молекулярныхъ отношеніяхъ химическаго состава бѣлковыхъ веществъ. Конечно, въ ближайшемъ будущемъ еще нѣтъ никакой надежды на это и покамѣстъ такъ же будемъ довольствоваться этимъ подведеніемъ подъ одну причину, какъ мы удовлетворяемся Ньютоновской теоріей, приведшей планетныя движенія къ силѣ тяжести. Сама же сила тяжести такъ же загадочна, такъ же непостижима.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ нашей главной задачѣ, подробному изложенію ученія о происхожденіи и вытекающихъ изъ него слѣдствій, позвольте мнѣ бросить историческій взглядъ на тѣ изъ наиболѣе важныхъ и распространенныхъ воззрѣній, которыя еще до Дарвина служили для уясненія созданія органическаго міра, происхожденія разнообразныхъ растительныхъ и животныхъ видовъ. Въ мою задачу не входитъ сравнительный обзоръ всѣхъ многочисленныхъ поэтическихъ представленій о созданіи у различныхъ народовъ. Эта благодарная и интересная тема какъ въ этнографическомъ, такъ и въ культурно-историческомъ отношеніи завела бы насъ слишкомъ далеко. Притомъ, чрезвычайное множество всѣхъ этихъ сказаній носятъ столь ясные слѣды свободной поэтической фантазіи и недостатка тщательнаго наблюденія природы, что для естественнонаучнаго изученія исторіи созданія они лишены интереса. Въ виду этого, я изложу только научно-формулированныя гипотезы созданія, которыя ведутъ свое начало съ первыхъ десятилѣтій истекшаго столѣтія, съ Линнея.

Различныя представленія, которыя когда-либо слагались въ умѣ человѣка о происхожденіи животныхъ и растительныхъ видовъ, съ удобствомъ могутъ быть раздѣлены на двѣ противоположныхъ группы, естественную и сверхъестественную исторію созданія.

Обѣ эти группы вполнѣ соотвѣтствуютъ двумъ различнымъ главнымъ формамъ человѣческаго міровоззрѣнія, которыя мы передъ этимъ противопоставили, какъ монистическое (единое) и дуалистическое (двойственное) пониманіе природы. Обычное *дуалистическое* или *телеологическое* (виталистическое) міросозерцаніе разсматриваетъ органическую природу, какъ цѣлесообразно исполненный продуктъ планомѣрно созидающей силы. Въ отдѣльныхъ животныхъ и растительныхъ видахъ оно усматриваетъ «воплощенную творческую мысль», матеріальное выраженіе цѣлесообразно дѣйствующей конечной причины (causa finalis). Оно необходимо должно признавать сверхъестественные (не механическіе) процессы въ происхожденіи организмовъ. Поэтому, мы можемъ

съ полнымъ правомъ опредѣлить его, какъ *сверхъестественную исторію созданія.* Воззрѣніе Линнея, Кювье и Агассиза и большинства прежнихъ естествоиспытателей принадлежатъ къ этой дуалистической группѣ.

Напротивъ, теорія развитія Дарвина, основаніе которой положили Гёте и Ламаркъ и которую мы разсматриваемъ, какъ *естественную исторію созданія*, при послѣдовательной разработкѣ необходимо должна привести къ *монистическому* или *механическому* (причинному) міровоззрѣнію. Послѣднее, въ противоположность дуалистическому пониманію природы, разсматриваетъ формы какъ органическихъ естественныхъ тѣлъ, такъ и неорганическихъ, какъ необходимые продукты естественныхъ силъ. Въ отдѣльныхъ животныхъ и растительныхъ видахъ оно видитъ не воплощеніе творческой идеи, но временное выраженіе механическаго хода развитія матеріи, выраженіе необходимо дѣйствующей причины или *механической причины* (causa efficiens). Гдѣ телеологическій дуализмъ находитъ въ чудесахъ созданія творческій произволъ, тамъ причинный монизмъ открываетъ въ процессахъ развитія необходимое дѣйствіе вѣчныхъ и неизмѣнныхъ законовъ природы.

Весьма нерѣдко защищаемый нами монизмъ считаютъ идентичнымъ съ *матеріализмомъ.* Такъ какъ соотвѣтственно этому, также *дарвинизмъ* и вообще всю *теорію развитія* называютъ «матеріалистическими», то я вынужденъ здѣсь протестовать противъ двусмысленности этого опредѣленія и коварства, съ которымъ прибѣгаютъ къ ней для искаженія нашего ученія.

Подъ ѣдкимъ словомъ «матеріализмъ» обыкновенно разумѣютъ и смѣшиваютъ двѣ совершенно различныя вещи, которыя, въ сущности, ничего общаго не имѣютъ, именно естественно-научный и нравственный матеріализмъ. Такъ *называемый естественно-научный матеріализмъ* въ извѣстномъ смыслѣ идентиченъ съ нашимъ монизмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ только утверждаетъ, что все въ мірѣ связано съ естественными вещами, что всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину, всякая причина производитъ свое дѣйствіе. Онъ, такимъ образомъ, устанавливаетъ во всей совокупности извѣстныхъ намъ явленій механическій законъ причинности или законъ необходимой связи причины съ дѣйствіемъ. Наоборотъ, онъ рѣшительно отвергаетъ суевѣріе и подобныя имъ представленія о сверхъестественныхъ процессахъ. Для него во всей области человѣческаго познанія нѣтъ истинной метафизики, но вездѣ только физика. Для него нераздѣльная связь матеріи, формы и силы сама собой понятна. Этотъ естественно-научный матеріализмъ столь давно общепризнанъ во всей великой области неорганическаго естествознанія, въ физикѣ и химіи, въ минералогіи и геологіи, что никто уже не сомнѣвается въ его полноправности.

Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ въ біологіи, въ органическомъ естествознаніи, гдѣ значеніе его еще многіе оспариваютъ, ничего, однако, не противополагая ему, кромѣ метафизическаго призрака жизненной силы или телеологическихъ догмъ. Но если мы можемъ привести доказательства, что вся видимая природа едина, что тѣ же самые «вѣчные, постоянные, великіе законы» господствуютъ какъ въ жизни животныхъ и растеній, такъ и въ ростѣ кристалловъ и въ давящей силѣ водяного пара, то мы съ тѣмъ же правомъ можемъ установить вездѣ въ зоологіи и ботаникѣ монистическую или механическую точку зрѣнія, все равно усматриваютъ или нѣтъ въ ней «матеріализмъ». Въ этомъ смыслѣ все точное естествознаніе съ закономъ причинности во главѣ—чисто «матеріалистическое». Однако, съ такимъ же правомъ его

можно было бы назвать также чисто «спиритуалистическимъ», если только послѣдовательно провести одно и тоже воззрѣніе на всѣ явленія безъ исключенія. Только при посредствѣ *послѣдовательнаго единства* настоящій нашъ монизмъ можетъ примирить идеализмъ и реализмъ, сблизить односторонній спиритуализмъ съ матеріализмомъ.

Совсѣмъ другое представляетъ *нравственный* или *этическій матеріализмъ*, который ничего не имѣетъ общаго съ естественно-научнымъ матеріализмомъ. Этотъ «въ собственномъ смыслѣ» матеріализмъ въ его практическомъ осуществленіи не преслѣдуетъ никакой другой цѣли, кромѣ наивозможно болѣе утонченнаго чувственнаго наслажденія. Онъ утопаетъ въ наслажденіяхъ съ печальной мечтой, что исключительно чувственное наслажденіе можетъ дать человѣку истинное удовлетвореніе, и, не находя его ни въ какой формѣ чувственныхъ удовольствій, онъ томительно бросается отъ одного наслажденія къ другому. Глубокая истина, что настоящая прелесть жизни заключается не въ матеріальномъ наслажденіи, но въ нравственномъ дѣлѣ, и что истинное счастіе содержится не въ наружныхъ благахъ, но въ доблестной жизни, остается неизвѣстнымъ этическому матеріализму. Поэтому напрасно ищутъ его у тѣхъ естествоиспытателей и философовъ, для которыхъ высшее наслажденіе—духовное наслажденіе природой и у которыхъ высшая цѣль — познаніе законовъ природы. Этотъ матеріализмъ надо искать въ чертогахъ всѣхъ тѣхъ ханжей, которые, прикрываясь наружной маской благочестія, стремятся лишь къ матеріальнымъ благамъ. Лишенные способности понимать безконечное благородство такъ называемой «грубой матеріи» и возникающаго изъ него чуднаго міра явленій, не чувствительные къ безграничнымъ прелестямъ природы, не знакомые съ ея законами, они осуждаютъ все естествознаніе и его образовательное вліяніе, какъ грѣховный матеріализмъ, въ то время какъ сами отдаются послѣднему въ наихудшей его формѣ. Не только вся исторія «непогрѣшимыхъ» папъ съ безконечной цѣпью ихъ ужасныхъ преступленій, но и вообще вся правовѣрная исторія нравовъ доставляетъ для этого достаточно доказательствъ.

Чтобы избѣжать въ будущемъ обычнаго смѣшенія этого негоднаго нравственнаго матеріализма съ нашимъ натурфилософскимъ матеріализмомъ и, вообще, чтобы исключить возможность односторонняго пониманія послѣдняго, мы считаемъ необходимымъ называть его монизмомъ или каузализмомъ. Принципъ этого *монизма* тотъ самый, который былъ названъ Кантомъ «принципомъ *механизма*»; и Кантъ выразительно заявляетъ, что *безъ него вообще не можетъ быть никакого естествознанія.* Этотъ принципъ неразрывенъ съ нашей «естественной исторіей созданія», отличая, такимъ образомъ, ее отъ телеологическихъ суевѣрій сверхъестественной исторіи созданія.

Чрезвычайный успѣхъ сдѣланный въ такъ называемыхъ описательныхъ естественныхъ наукахъ великимъ шведскимъ изслѣдователемъ Карломъ Линнеемъ (род. 1707 г.), состоитъ, какъ извѣстно, въ установленіи *системы* животныхъ и растительныхъ видовъ; онъ провелъ ее столь послѣдовательно и въ такой логически законченной формѣ, что во многихъ отношеніяхъ и до настоящаго дня она осталась руководящей нитью для послѣдующихъ естествоиспытателей, занимающихся формами животныхъ и растеній. Хотя «Systema naturae» Линнея (появилась въ 1735 г.) искусственна, хотя онъ примѣнилъ для классификаціи животныхъ и растительныхъ видовъ только отдѣльные признаки, какъ основу раздѣленія, однако, эта система имѣла величайшія послѣд-

---

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

При этомъ № иногороднимъ подписчикамъ разсылается каталогъ книжнаго магазина А. Земскаго.

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. **Въ Москвѣ:** въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны,* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ, редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ,* отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

U of Chicago
54634250